

**Управление культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Пятой Международной
научно-практической конференции**

14–16 мая 2014 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2014**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

ПУТЬ В АРКТИКУ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ (О СТРОИТЕЛЬСТВЕ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1914–1917 ГОДАХ)

МАССИВ опубликованных источников по истории I мировой войны и напрямую связанного с ней проекта царского правительства по возведению Мурманской железной дороги настолько значителен, что порой способен опрокинуть взгляды современных исследователей. Речь идет о малоизвестных широкому кругу специалистов материалах. Данная работа о строительстве австро-германскими военнопленными «Великого Мурманского пути» базируется на уникальных документах Национального архива Республики Карелия (НАРК)¹ и коллекции раритетных негативов 1915–1917 гг. генерал-майора инженерных войск А.М. Азанчеева из фондов Национального музея Республики Карелия (НМРК)².

Между тем, все по порядку. Идея соединить железнодорожной магистралью через Петрозаводск имперский Санкт-Петербург на Балтике и Романов-на-Мурмане на Баренцевом море обрела реальный формат лишь в 1910-х гг. Правда, ранее А.П. Энгельгардт и Н.В. Протасьев – архангельский и олонецкий губернаторы – активно пропагандировали идею связать арктическую Екатерининскую гавань с внутриконтинентальными районами страны³. Энгельгардт оправданно считал, что благодаря будущей трассе Российская империя рано или поздно станет «фактической обладательницей Северного океана»⁴.

В то же время предлагались иные, даже экзотические варианты маршрута на Кольский полуостров, например от финских городков Рованиеми и Нурмес⁵. Согласимся, в этом случае территория Олонецкой губернии на десятилетия оказалась бы в депрессивной зоне. Ведь населенные пункты Карелии, отрезанные от центра, искони связывались лишь пешеходными тропами или зимниками.

С лета 1914 г. талантливые инженеры В. Скрыбин, В. Нагроцкий и Г. Гониг приступили к расчету трассы к Белому морю, а отряды изыскателей – к геодезическим работам. Тогда же, по инициативе инженера путей сообщения В. Горячковского, за месяц до начала боевых действий в Европе, создается управление по строительству Мурманской железной дороги. Первая мировая война значительно форсировала раскрутку бюрократического маховика и наложила отпечаток на всю отечественную экономику. К стройке в Карелии правительство приступило на пределе финансовых возможностей, но с осознанием необходимости возведения трассы.

Стремительно разгорающийся пожар войны, лишивший империю выхода из Балтийского и Черного морей, заставил кабинет министров уже 5 декабря 1914 г. принять решение о сооружении «Великого Мурманского пути».

Сначала, «согласно расценочным ведомостям», была утверждена «строительная ведомость», по которой ассигнования на «линию Петрозаводск – Сороцкая бухта» составили 17 042 381 р. Затем, в первый день января 1915 г. Николай II в особом журнале Совета министров отметил: «Согласен. Но считаю безусловно необходимым в будущем продолжение этой линии на север – до одной из лучших бухт Мурманского побережья»⁶. Решение государя объяснялось стремлением наладить прямой стратегический контакт с союзниками для успешных совместных действий с противостоящей Германией.

Как бы там ни было, но первая группа военнопленных из западносибирских концентрационных лагерей весной 1915 г. приступила к возведению рельсового пути к Сороцкой бухте. Ниже пойдет речь о пленных из Австро-Венгрии и Германии, превратившихся в основную рабочую силу грандиозного проекта.

Строительство пути до Белого моря, протяженностью 356 верст, началось под руководством инженера В.Н. Дмитриева в марте 1915 г., а завершились 17 декабря 1915 г.⁷ Следующий участок трассы, равный 371 версте, от Сороки до Кандалакши, возводился инженерами Е.А. Захаровым и П.Е. Соловьевым. Укладка рельсов началась в сентябре 1915 г., а завершилась 3 ноября 1916 г. И, наконец, фрагмент дороги до мурманского берега составил 360 верст, а работы, начатые в июне 1915 г., были окончены уже 23 апреля 1916 г. Требовалось построить 987 км за 20 месяцев.

Учитывая, что трасса пересекала непроходимую тайгу, высокие кряжи с мореными грядями, многочисленные северные сплавные

реки, обильные низинные болота, а от Петрозаводска до берега Белого моря такие массивы занимали более 250 верст – задача представлялась невыполнимой. Приходилось строить мосты, взрывать гранитные монолиты, пробивать многометровые проходы в породе⁸.

И все-таки 3 ноября 1916 г., после смычки северного и южного участков, на перегоне ст. Амбарная – ст. Боярская началось пробное движение. В торжествах принял участие генерал-майор Свиты Его Величества князь А.И. Багратион-Мухранский⁹. Движимый чувствами патриотизма, он в докладе государю сообщал лишь о «русских людях» и «русских инженерах и рабочих». Мол, только они, воодушевленные «горячей любовью ... к Родине» и «своему царю», работали на мурманской трассе, желая помочь «нашей доблестной армии»¹⁰. Однако в действительности далеко не все оказалось так просто.

Сегодня, к сожалению, не существует единых представлений о статистике работающих на строительстве. Считается, что на трассе трудилось около 110 000 чел. Помимо 30 тыс.¹¹ вольнонаемных местных крестьян и отходников из центральных губерний России¹², использовался труд 10 тыс. китайцев-землекопов из Маньчжурии. Кроме того, здесь работало около 5,5 тыс. финнов, 2000 казахов и киргизов из Семипалатинска, 2 тыс. солдат железнодорожных батальонов и даже 2000 наемных рабочих из Канады¹³.

Однако, исходя из исследований последнего времени, получается, что основная нагрузка возведения пути в Арктику выпала, как ни парадоксально, на долю интернированных австро-венгерской и германской армий. В фондах НАРКа сохранился удивительный и до последнего времени неизвестный документ «Справка о количестве военнопленных, работающих на постройке Мурманской ж.д. и о заболеваемости и смертности среди них, за период с 11-го июня 1915 г. по 1-е ноября 1916 года»¹⁴, который определяет статистику по немцам и австрийцам за указанный период. Источник отмечает наличие 50 775 «военнопленных ... побывавших на линии», из которых австрийских славян, мадьяр и румын оказалось 44 898 чел., немцев – 2085, а германских подданных – 3792 чел.

В то же время анализ новых источников существенно коррелирует эту цифру. Учитывая данные К.М. Агамирзоева, общее количество военнопленных австро-венгерской и германской армий, находящихся на стройке в Олонецкой губернии, составило 57 518 чел.¹⁵ Однако, очевидно, что и эту цифру преждевременно считать окончательной.

Между тем, парадокс заключается в том, что военнопленные, обустроивая путь, соединяющий страны Антанты, собственными руками, в разгар боевых действий в Европе, на «северном трудовом фронте» готовили поражение Германии в мировом конфликте.

Как же попадали иностранцы в район строительства? Это еще одна особенность «мурманского феномена». Большинство военнопленных прибывало в Олонецкую губернию не с фронта, а из концентрационных лагерей Омского и Иркутского военных округов. Первый этап пленных, 8100 чел., практически весь славянского происхождения, весной 1915 г. эшелонами был доставлен на линию Петрозаводск – Сороцкая бухта. В конце лета до места строительства добрался еще один этап пленных, более 4600 чел. А с середины 1916 г. многотысячные партии военнопленных стали регулярно прибывать с Дарницкого изоляционно-пропускного пункта и из Новониколаевска, расположенного в Омском военном округе.

Исходя из сводок Петроградского жандармского полицейского управления, в округе Петрозаводска в 1915 г. трудилось 4287 военнопленных, а через полгода – 8196 чел.¹⁶

Отметим, что доклады о количестве военнопленных готовились к 15-му числу каждого месяца и регулярно отправлялись в канцелярию олонецкого губернатора и в штаб Петроградского военного округа. Авторы рапортов вычленили сведения об интернированных немцах и австро-венграх, особо выделяя пленных славян. В то же время мусульмане в документах вообще не упоминались¹⁷.

Любопытно, что 15 и 21 августа в 1916 г., после успешного наступления русской армии, в Карелию, минуя фильтрационные лагеря, прямо с Восточного фронта, прибыли первые эшелоны с 2501 австро-венгерским военнопленным, в составе которых большинство оказались мадьярами, немцами, румынами и поляками¹⁸.

Ранее, 18 и 22 июня, с Украины добрались этапы с 4008 военнопленными, а 23 июня – эшелон из Пензы с 1174 военнопленными. Вновь прибывшие офицеры и солдаты определялись под начало инженера Розенберга¹⁹. Всего с 15 февраля по 16 сентября 1916 г. в Петрозаводск поступило 33 эшелона из Новониколаевска, Омска, Тобольска, Читы, Пензы, Киева, Казани. По завершении строительства морских пристаней в Сороке, Кеми, Кандалакше и на Мурмане начинается история транспортных конвоев с военнопленными от Соломбалы с Северной Двины. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы фотоколлекции инженера А.М. Азанчеева²⁰ (рис. 1).

Рис. 1. Конвой военнопленных отправляется на пароходе в Кандалакшу. 1916 г. Автор А.М. Азанчеев

«Морской ход» оказался популярным и при транспортировке западного технологического оборудования. В акватории Белого моря курсировало около 20 зафрахтованных судов. Среди них 9 из них принадлежали Онежскому пароходному обществу, несколько буксиров и барж были арендованы в Финляндии. Для доставки «крупноформатных» грузов, грейдеров, экскаваторов и паровозов годился лишь корабль «Чародейка», бывший броненосец береговой охраны в Финском заливе²¹.

Десятки тысяч оборванных и утомленных военнопленных почти без передышки направлялись в тайгу, в зону строительства мурманской трассы. Чем же занимались пленные Первой мировой войны в карельской глухомани? Какие тяготы выпали на их долю, какова оказалась истинная цена, заплаченная «подневольными страдальцами» на «мурманке»? Ответы на эти вопросы весомы, потому как долгие годы феномен строительства изучался лишь с классовых позиций, труд военнопленных игнорировался, в расчет принимался лишь опыт русских контрактных рабочих.

В настоящем исследовании предлагается новый взгляд на возведение трассы, с анализом «полускрытых» от специалистов архивных

материалов НАРКА²². К тому же, в статье мы касаемся малоизвестной коллекции негативов личного архива инженера А.М. Азанчеева, находящихся в музейном собрании НМРК.

Так, рассматриваемые свидетельства убедительно рисуют бесчеловечные картины существования десятков тысяч австрийских и германских военнопленных, которые, не имея статуса заключенных, являлись подконвойными и были абсолютно лишены гражданских прав²³. Дешевый, по существу бесплатный труд на северной стройке России иностранных военнопленных оправдал себя мгновенно.

Однако их унижительное положение действительно было ужасным. Интернированные работали «артелями», получая на день производственные задания – так называемые уроки, составленные на базе «Урочного положения», изданного еще в 1843 г., во времена крепостного права²⁴. Производственный план, напоминающий ГУЛАГовские нормы XX столетия, считался безоговорочным. Режим работы не учитывал и закон 1897 г. Российской империи о 11,5-часовом рабочем дне. Пленные трудились до изнеможения, по 12–14 часов в сутки, почти всегда в аварийных условиях, с мизерными перерывами на 30-минутный завтрак и полуторачасовой обед. Одна из фотографий музейного собрания НМРК зафиксировала момент краткосрочного отдыха пленных на строительстве²⁵ (рис. 2).

Рис. 2. Военнопленные строители на отдыхе. 1916 г.

Подконвойные военнослужащие занимались исключительно физическим и малоквалифицированным трудом с использованием лопат, кайла и тачек²⁶.

Голодные и бесправные люди в несколько смен, в условиях полярной ночи, освещая строительные площадки факелами и кострами, засыпали болота, расчищали земляное полотно от валунов, укладывали рельсы, пробивали и выжигали створы просек. Обычно строительные материалы, рельсы и шпалы, песок подвозились на подводах, позже по готовым участкам на специальных вагонетках²⁷.

Между тем, на стройке использовалась и техника государств Антанты. Это были американские экскаваторы на железнодорожном ходу фирмы «Marion Shovel» (рис. 3), специальные платформы, 5-ос-

Рис. 3. Экскаватор американской фирмы «Marion». 1916 г.

ные паровозы системы «Compound» с пароперегревателем системы Шмидта²⁸. С зимы 1915 г. Россия стала получать укладочный материал. Участок пути Кандалакша – Мурман строители почти полностью уложили заграничными шпалами и тяжелыми рельсами из Чикаго. В фондах карельского Национального музея сохранился колоритный фрагмент рельсового полотна из высокоуглеродистой стали английской фирмы «Lac Kavana 6502 1916»²⁹. Однако, дефицитная техника никак не могла заменить тягостный труд военнопленных, которых к ней не подпускали (рис. 4).

Рис. 4. Использование вагонеток строителями на дороге. 1915 г.

Отдельная и еще более печальная тема – быт иностранных офицеров и солдат. Как правило, австрийцы и германцы жили в летних палатках или бараках без окон, с земляным полом, непригодных для более или менее сносного жилья и отдыха. Печки-буржуйки не могли протопить подобные жилые помещения. Свет в полужемлянках практически отсутствовал, невозможно было даже читать. «Окуривание» и дезинфекция во времянке проводилась в исключительных случаях. Выгребные ямы часто оказывались переполненными, а новые строились крайне редко. Лесные кухни были настолько хлипкими, что пользоваться ими в зимние месяцы не представлялось возможным. Например, на ст. Масельская кухонного блока вообще не было, питание здесь готовили под легкими навесами или даже в очагах. Вода для питья цвела, и это приводило к вспышкам инфекций и к массовым кишечным заболеваниям³⁰. Фотографии А.М. Азанчеева убедительно свидетельствуют о тяжести положения военнопленных, в частности отвратительном и ограниченном питании. Героем раритетного кадра 1916 г. оказался неизвестный австрийский военнопленный с караваем хлеба³¹ (рис. 5). Другая фотография со сценой полуголодного обеда прямо под открытым небом не менее любопытна³² (рис. 6). Людям не хватало мяса, жиров, овощей, сахара, а иногда соли. Это при том, что 10 марта 1916 г. госу-

дарь утвердил постоянную норму питания военнопленных. На каждого едока приходилось хлеба белого и черного – 2 ½ фунта, крупы – 24 золотника, мяса – 1 ¼ фунта, 11 золотников соли, свежих овощей – 60 золотников, масла или сала – 5 золотников, подболточной муки – 4 золотника, ½ золотника чаю и 6 золотников сахара³³.

Попытку разрешить продовольственную проблему, хотя и не очень успешно, предпринимали западные союзники, поставляя в олонецкий край диковинные мясные и рыбные консервы. В фондах Национального музея сохранилась, например, американская консервная банка

Рис. 5. Военнопленный с хлебом. 1916 г. Автор А.М. Азанчев

Рис. 6. Обед австрийских военнопленных. 1916 г. Автор А.М. Азанчев

1917 г., «SPAM», в которой когда-то находился паштет из гусиной печени³⁴.

А вот питание военнопленных генералов, адмиралов, штаб- и обер-офицеров, которые, без кормовых денег и вещевого довольствия, приравнивались к высокопоставленным чинам, было более сносным. Исходя из Высочайше утвержденного приказа № 144 от 1 мая 1899 г., эти офицеры получали от 600 до 1500 р. в год, а в пути имели довольствие от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. Более того, армейская элита не ограничивалась «в исполнении обрядов вероисповедания», такие офицеры не лишались «своего личного имущества», которое могло «быть вывезенным при возвращении в отечество»³⁵. Однако подавляющее большинство военнопленных на строительстве Мурманской дороги ничего этого не видели.

Обессиленные и больные люди, измученные работой, валившиеся с ног, лишь в крайних случаях получали медицинскую помощь. Принудительный труд военнопленных неславянских национальностей, заболевших цингой, сыпным тифом или туберкулезом, не оплачивался совсем, но использовался в личных целях нечистыми на руку подрядчиками, контрагентами, инженерами, стражниками, жандармскими и полицейскими чинами. Порочная практика процветала, несмотря на российский закон, запрещавший использовать труд военнопленных для личных нужд. Некоторых иностранцев продолжали держать конторщиками, кучерами, дворниками, шоферами и даже матросами личных кораблей³⁶.

Например, некий подрядчик Нехорошев, владелец яхты «Светлана», без письменного запроса, выписал несколько военнопленных служить матросами на своем корабле в Сороцкой бухте Белого моря³⁷.

Интернированные военнослужащие прибывали к месту работ в негодных шинелях, френчах и разбитой обуви³⁸. Не имея теплой «климатической» одежды, пленные особо мучились в зимние месяцы. Рабочего обмундирования и снаряжения, поставляемого союзниками по межправительственным договорам, явно не хватало. А.В. Романова, сестра милосердия общины Св. Георгия, в своем докладе трогательно сообщала, «почти все работающие» военнопленные неизменно страдали на морозе без теплых вещей, а в «негигиенических» бараках даже не имели «возможности высушить одежду и сменить белье»³⁹. Когда же у несчастных появлялась возможность выкупить ватные тулупы и валенки, администрация

выставляла неперемное условие – дополнительные внеурочные работы.

Нечего говорить, что бесправное положение пленных до крайности усугублялось при попытках совершить одиночный или групповой побег⁴⁰. Незамедлительно следовало суровое наказание, арест от 8 суток до 3 месяцев, с выдачей в лучшем случае «хлеба, воды, и соли ежедневно, а горячей пищи – через два дня на третий»⁴¹. И все же военнопленные, на свой страх и риск, совершали побег с каторжных работ.

Один из авантюрных путей пролегал через Петроград, где «выбравшие свободу» солдаты и офицеры приобретали фальшивые паспорта, переходили номинальную границу в Белоострове и через Гельсингфорс легко попадали в Стокгольм. Был популярен и другой путь, через Сердоболь – Нейшлот – Улеаборг – Торнео, и, наконец, третий маршрут в Европу начинался из района Кандалакша – Кола, откуда через г. Киркенес беглые пленные добирались до Норвегии⁴². Нередко рискованные и немыслимо трудные «экспедиции» из русского плена на волю завершались успехом. Например, осенью 1915 г. одна из шведских газет сообщила о побеге с Мурманской трассы шести германских военнопленных. Беглецы тайно пробрались по территории Олонецкой губернии и Финляндии, а затем перешли недалеко от Торнео государственную границу со Шведским королевством⁴³.

В этом контексте уместно рассказать об одном фантастическом проекте тех лет. Речь идет о провалившемся «секретном» диверсионном плане, который предлагал «спасательную операцию» по освобождению из «карельской западни» нескольких тысяч военнопленных⁴⁴.

Начиная с лета 1916 г. идею побега на запад стал разрабатывать в немецком дипломатическом представительстве в Умео консульский агент С. Унандер. Его группа имела прямой контакт со шведским Красным Крестом и, между прочим, содействовала возврату из германского плена многих русских военнопленных инвалидов⁴⁵. Позже, в сентябре 1917 г., под началом капитана фон Бёнинга, в Стокгольме при немецком посольстве было создано специальное бюро по организации побегов на запад и сформирован германо-австрийский «Фонд содействия военнопленным». Интересно, что, учитывая массовый характер самовольных уходов, управление строительства Мурманской дороги в 1916 г. разумно сократило срок пребывания пленных на трассе до нескольких месяцев. Тогда же усилили государственную

российскую границу на финско-шведском и финско-норвежском участках, а местному населению гарантировалось вознаграждение до 100 марок за содействие в поимке каждого беглеца⁴⁶.

Между тем, среди военнопленных, доставляемых из армейских накопителей и концлагерей, оказались представители, пожалуй, всех ведущих европейских этносов. Прежде всего, германские подданные, к которым относились немцы, саксонцы, баварцы и поляки. В число военнослужащих из Австро-Венгрии входили австрийцы, венгры (мадьяры), чехи, сербы, хорваты, босняки и словаки⁴⁷. Дорогу

к океану возводили также итальянцы, румыны, греки, моравы, евреи, русины, армяне и турки (рис. 7).

И все же у специалистов до сих пор нет полной ясности о статистике национальных групп, работавших в Олонецкой губернии. Попробуем на примере одного эшелона № 3, прибывшего 20 марта 1916 г. из Новониколаевска, разобраться в этом вопросе. Этап состоял из 991 военнопленного, из них немцев оказалось 332 чел., а австрийских подданных – в два раза больше – 669, включая 232 венгров. Возраст пленных в этой партии колебался от 19 до

№ по порядку	Имя и фамилия		
746	Сомовь Франц	✓	
747	Синдья Дунда	✓	
748	Росль Михаил	✓	
749	Касоме Антон	✓	
750	Опа Антон	✓	
751	Котомаск Шапорь	✓	
752	Гиро Рудя	✓	
753	Балига Йозеф	✓	
754	Гондья Йозеф	✓	
755	Салот Михаил	✓	
756	Гайда	✓	
757	Бердагь Йозеф	✓	
758	Бучко Антон	✓	
759	Косма Ласло	✓	
760	Тренерь Язон	✓	
761	Дунабезикс Иштван	✓	
762	Маршакс Антон	✓	
763	Иванко Антон	✓	
764	Кордальев Язон	✓	
765	Рос Михаил	✓	
766	Ирлуоз Ештася	✓	
767	Саломонь Андрей	✓	
768	Франц Дорншкюр	✓	
769	Бруно Бикеншус	✓	
760	Кордас Теодор	✓	
761	Лангьер Вилл	✓	
762	Гонбаль Горь	✓	
763	Инейерь Шлуос	✓	
764	Вендакь Юань	✓	
765	Чеберь Горь	✓	
766	Паливода Янаос	✓	
767	Фрейерь Югань	✓	
768	Палак Михаил	✓	
769	Байерь Юрман	✓	
770	Швейцель Язон	✓	
771	Силь Язон	✓	
772	Саломонь Язон	✓	

Handwritten notes in the right margin:
 Mr. King 25 ✓
 - Mr. King 30
 Mr. King 33
 " " 35
 " " 38
 " " 28

Рис. 7. Списки военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги. Не ранее 1915 г. НАРК. Ф. 27. Оп. №. Д. 63/564

42 лет⁴⁸. Более других, в отличие от «облегченного» режима православных, свое трагическое положение осознавали военнослужащие неславянских национальностей, кто исповедовал католичество, протестантизм, иудаизм и мусульманство.

До последнего времени исследователи мало интересовались скорбными сюжетами, связанными с врачебным контролем и смертностью пленных. Сегодня поражает минимализм медицинской помощи. На пути от губернского Петрозаводска до побережья Баренцева моря администрация организовала 14 врачебных пунктов, на каждом из которых трудилось по одному врачу, 5 фельдшеров и одна фельдшерица. Кроме того, в лазаретах работало лишь четыре зубных врача, а при петрозаводской больнице еще хирург и психиатр. При поварных заболеваниях медицинский персонал усиливался временными группами эпидемиологов⁴⁹. Несмотря на первичный медицинский осмотр в Петрозаводске, военнопленные, добравшись до места работ, почти поголовно заболевали цингой, оспой, брюшным тифом, дизентерией⁵⁰.

А теперь еще раз о парадоксах. Традиционно считается, что на строительстве, расположившемся на землях Карелии и Кольского полуострова, существовала беспрецедентно высокая смертность военнопленных. Однако обширные материалы Национального архива Республики Карелия в действительности опровергают досужее мнение о запредельной смертности военнопленных⁵¹.

По новейшим сведениям исследователя К.М. Агамирзоева, который внимательно изучал метрические книги Олонецкой и Архангельской духовных консисторий, находящиеся в НАРКе, выявлено лишь 375 умерших военнопленных. К этой цифре, исходя из данных скорбных списков и сведений Петроградского жандармского полицейского управления Центрального справочного бюро, попробуем приплюсовать еще около 100 погибших⁵². Количество жертв незначительно возрастает с учетом сведений алфавитных книг, справки ст. врача Серебрякова, донесений начальников участков и списка умерших на строительстве Онежского завода азотной кислоты в Кондопоге австрийцев⁵³.

Таким образом, если суммировать известные источники, можно предварительно сделать вывод, общий список умерших военнопленных австро-венгерской и германской армий за все годы строительства «Великого Мурманского пути» составил от 485 до 500 чел.⁵⁴

Это значит, что уровень потерь, несмотря на масштаб работ и условия труда, все-таки имеет ничтожно малые показатели, около 0,84 % от общего контингента военнопленных. В то же время не стоит забывать, что отчетность ограничивается погибшими в лазаретах и непосредственно на строительных участках. Не принимаются во внимание тяжелобольные пленные, которые скончались в пути во время эвакуации в континентальную Россию. Укажем январский эпизод 1917 г., связанный с отправкой из Петрозаводска в г. Скобелев эшелона с 387 австрийскими военнопленными. Как выяснилось, в дороге сняли 20 трупов и 140 критически больных цингой и тифом, еще один несчастный умер в Сызрани, другой от помутнения рассудка просился под поезд⁵⁵. А сколько подобных случаев еще могло быть?

К тому же, существуют свидетельства о скорых погребениях в земляных насыпях и карьерах, на деревенских погостах и у железнодорожных станций⁵⁶. Среди тех, кто навсегда остался лежать в карельской земле, 38 % оказались подданными Австро-Венгрии, точнее венграми по национальности⁵⁷.

На основе метрических книг сегодня составлен «Географический указатель кладбищ военнопленных», который включает 16 реальных точек на территории Петрозаводского, Повенецкого и Кемского уездов Олонецкой и Архангельской губерний. Большинство захоронений – 128 – выявлено в Сороцком приходе и на приходском Таржепольском кладбище. Укажем безымянное кладбище близ карьера на 50-й версте трассы Петрозаводск – Сороцкая бухта и особый участок, смежный с православным кладбищем при д. Линдозеро Койкинского прихода, где были погребены 102 чел.⁵⁸

Сотни жертв среди австро-венгров и германских подданных стали возможны, несмотря на «Положение о военнопленных», которое 7 октября 1914 г. Николай II подписал под давлением европейского Красного Креста⁵⁹. Государь утверждал, что к пленным следует относиться как к законным защитникам своего отечества, с ними «надлежит обращаться человеколюбиво», однако принципы сострадания и гуманного обращения так не превратились в реальность.

И наконец, в Российской империи не существовало законодательства об уголовной ответственности за смерть военнопленного в тылу. Это значит, выплата субсидий семьям погибших иностранцев, в отличие от русских, погибших в плену, родственники которых получали 3000 р., была просто не реальна⁶⁰.

И все-таки поразительная Мурманская дорога, конечно, возводилась не только силами военнопленных. Среди русских инженеров на строительстве трассы в Арктику блистательно себя зарекомендовал малоизвестный геодезист А.М. Азанчеев⁶¹ (рис. 8). В 1915 г. изыска-

Рис. 8. Дюкен, Азанчеев, Панов и Ремович в р-не ст. Княжья губа. 1916 г. Автор А.М. Азанчеев

тель выдвинул идею укладывать под шпалы «ростверки», своеобразный вариант бревенчатых опор с рельсами, которые опускали в болото, чтобы на конструкцию закатить железнодорожную платформу. Вскоре сооружение разбиралось, «ростверк» наращивался, а рельсы закреплялись вновь. Технологическая операция повторялась до тех пор, пока шпалы не упирались в материк.

Но для нас инженер А.М. Азанчеев интересен и как талантливый фотомастер, ставший уникальным документалистом мурманского строительства. В начале XX столетия А. Азанчеев окончил московский Кадетский корпус, затем учился в Бельгии. Вернувшись в Россию, строил железную дорогу в Закавказье. В 1914 г. перебрался в Петрозаводск, где жили родственники. В годы I мировой войны инженер оказался на строительстве важнейшей для экономики России мурманской магистрали, где ухитрился запечатлеть основные, во многом уникальные, сюжеты имперского «прорыва

на север». В марте 1917 г., уже генерал-майор, распоряжением Временного правительства назначается главным комиссаром Северных железных дорог. Однако в начале 20-х гг. А. Азанчеев вынужденно эмигрирует и после скитаний по Европе оседает в Испании. Покидая большевистскую страну, инженер и фотограф вывез из России удивительный альбом негативов № 7 «Петроград – Мурманск», сделанных в 1915 г.⁶² К сожалению, в 1939 г. очевидец строительства скончался и был похоронен в Барселоне.

В собрании Национального музея Республики Карелия находится еще три альбома негативов А.М. Азанчеева, сделанных в 1917 г. на Северной железной дороге⁶³. Коллекция чудом добралась в 1960-х гг. из Франции до СССР. Фотоматериалы были переданы родными брата Б.М. Азанчеева своим родственникам в Петрозаводск⁶⁴. Вне всякого сомнения, собрание достойно глубокого осмысления и современной аннотированной публикации. Минул век, и нам представляется, что время для этого действительно настало.

Завершая повествование о драматическом возведении пути к Баренцеву морю, признаемся, Россия, в том числе благодаря военнопленным I мировой войны, помимо прямого выхода в Арктику получила трансконтинентальный маршрут от западных границ до берегов Тихого океана. Так воздадим славу изыскателям, инженерам и безымянным строителям интернациональной стройки за их подвиг, совершенный в начале XX столетия.

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 1, 20, 24, 25, 320, 797, 1178, 1576.

² Карельский государственный музей / Национальный музей Республики Карелия (далее – КГМ) 9577. Альбом негативов № 7 «Петроград – Мурманск» (97 ед.хр.). 1915 г. Автор А.М. Азанчеев.

³ Энгельгардт А.П. Русский Север: Путевые записки архангельского губернатора. СПб., 1896;

Протасьев Н.В. Проект соединения Екатерининской гавани на Мурмане с сетью русских железных дорог (комбинация водных, шоссированных и железных путей). Петрозаводск, 1910.

⁴ Государственный архив Архангельской области. (Далее – ГАО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 587. Л. 62.

⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 64, 65 об., 66. Копия.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 7/43. Л. 252. Телеграфный бланк.

⁸ Подвязкин К.А. К пятидесятилетию Мурманской железной дороги // Проектирование и строительство железных дорог. Л., 1966. С. 83.

⁹ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 71/573. Л. 245–246 об.

¹⁰ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н.А. Кораблев,

В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев, М.И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 318.

¹¹ Организованный вольнонаемных проводился в Нижегородской, Казанской, Симбирской, Смоленской, Калужской и Пензенской губерниях.

¹² Белявский Ф. Краткий путеводитель по Мурманской железной дороге. Пг., 1923. С. 71.

¹³ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг., 1916. С. 71.

¹⁴ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 119/926. Л. 13–13 об. Документ опубликован: Агамирзоев К.М. Путь на Север. Исторический очерк. Петрозаводск, 2008. С. 18–19.

¹⁵ Агамирзоев К.М. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ НАРК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7/41. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 320. Оп. 3. Д. 72/577. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 53–54.

¹⁹ Там же. Л. 54–93; 213.

²⁰ КГМ 71016. Фото. Конвой военнопленных отправляется на пароходе в Кандалакшу. 1916 г. Автор А.М. Азанчеев.

²¹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк... С. 53.

²² Материалы НАРКа, связанные с военнопленными, частично опубликованы в 2008 г. См.: Агамирзоев К.М. Указ. соч. Прил. 1. Хроника строительства Мурманской железной дороги иностранными военнопленными С. 49–69; Прил. 2. Списки иностранных военнопленных, умерших на строительстве Мурманской железной дороги; Прил. 2.1. Список умерших военнопленных германской и австро-венгерской армий на строительстве Мурманской железной дороги в 1915–1918 годы в Петрозаводском уезде. С. 70–96; Прил. 2.2. Список умерших военнопленных германской и австро-венгерской армий на строительстве Мурманской железной дороги в 1915–1917 годы в Повенецком уезде. С. 97–110; Прил. 2.3. Список умерших военнопленных германской и австро-венгерской армий на строительстве Мурманской железной дороги в 1915–1920 годы в Кемском уезде. С. 111–126; Прил. 2.4. Дополнительный список умерших военнопленных германской и австро-венгерской армий на строительстве Мурманской железной дороги в 1915–1920 годы. С. 127–147.

²³ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 63/564.

²⁴ Там же. Ф.1178. Оп. 14. Д. 7/37. Л. 158.

²⁵ КГМ 43062/12. Фото. Строители на отдыхе. 1916 г.

²⁶ Там же. 43062/13. Фото. Корчевание пней на участке Мурманской ж.д. 1915 г.

²⁷ Там же. 2107. Фото. Использование вагонеток строителями на дороге. 1915 г.

²⁸ Там же. 43062/38. Фото. Экскаватор на железнодорожном ходу американской фирмы «Marion Shoyel».

²⁹ Там же. 902/1. Фрагмент рельса «Lac Kavana 6502 1916» (Великобритания).

³⁰ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/916. Л. 52.

³¹ КГМ 71015. Фото. Военнопленный с хлебом. 1916 г. Автор А.М. Азанчеев.

³² Там же. 71014. Фото. Обед австрийских военнопленных. 1916 г. Автор А.М. Азанчеев.

³³ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 71/570. Л. 6–6об.

³⁴ КГМ 15456. Банка консервная «SPAM». США. 1917.

³⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 107.

³⁷ Там же. Д. 71/570. Л. 13.

³⁸ Там же. Д. 72/577. Л. 32.

³⁹ Там же. Д.117/916. Л. 104–107.

- ⁴⁰ Агамирзоев К.М. Указ. соч. С. 12–13.
- ⁴¹ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 8/56. Л. 270.
- ⁴² Новикова И.Н. Первая мировая война: трагедия плена // Военно-исторический журнал. № 2. 2006. С. 56.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 55.
- ⁴⁶ Российский государственный военно-исторический архив. (Далее – РГВИА). Ф. 2262. Оп. 1. Д. 177. Л. 62–62 об.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 63/564. Лист «Список военнопленных, работающих на строительстве Мурманской железной дороги». Не ранее 1915 г.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 320. Оп. 3. Д. 72/577. Л. 17.
- ⁴⁹ Там же. Д. 119/926. Л. 17.
- ⁵⁰ Там же. Л. 21.
- ⁵¹ Там же. Д. 7/43, 71/570, 117/916, 119/926, 122/951 и др.
- ⁵² Агамирзоев К.М. Указ. соч. С. 36–37.
- ⁵³ НАРК. Ф. 797. Оп. 4. Д. 119/926. Л. 13, 13 об.
- ⁵⁴ Агамирзоев К.М. Указ. соч. С. 36–37.
- ⁵⁵ НАРК. Ф. 737. Оп. 4. Д. 122/951. Л. 49.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 22. Д. 626, 627, 631, 640, 641, 644, 649, 650, 654; Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43, 14/17 (все лл.); Ф. 797. Оп. 1. Д. 2/19; Оп. 4. Д. 2/9; Ф. 1576. Оп. 1. Д. 36/248.
- ⁵⁷ Агамирзоев К.М. Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁸ Там же. С. 38–39.
- ⁵⁹ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28. Л. 2.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 797. Оп. 4. Д. 6/38. Л. 6–12.
- ⁶¹ КГМ 70978. Фото. Дюкен, Азанчеев, Панов и Ремович в р-не ст. Княжья губа. 1916 г.
- ⁶² Там же. 9577. Альбом негативов № 7 «Петроград – Мурманск». 1915 г. Автор А.М. Азанчеев.
- ⁶³ Там же. 9578 № 8; 9579 № 9; 9580 № 13. Альбомы негативов «Северная железная дорога». 1917 г. Автор А.М. Азанчеев.
- ⁶⁴ Исходя из легенды, четыре альбома негативов КГМ 9577-9580 поступили в музей от Натальи Борисовны Сунькиной, племянницы брата А.М. Азанчеева, в 1975 г., через Рылееву А.Д. и Скворцова В.А. (Акт № 41/2169 от 16 июля 1975 г.).

А.Р. Джиева (Санкт-Петербург)

**МУЗЫКАНТЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
НАЧАЛА XVIII ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВИМАИВ_иВС 1704–1712 ГОДОВ)**

ДАННАЯ публикация посвящена вопросам комплектации оркестра Артиллерийского полка в короткий период от первых лет формирования до утверждения штатов артиллерии в феврале 1712 г. Источниковая база исследования – документы архива ВИМАИВ_иВС, фонд Приказа артиллерии за соответствующие годы. Об отечественной историографии по этой, достаточно узкой, теме говорить не приходится. Среди трудов, на которые можно опираться, следует назвать монографию В.А. Матвеева, посвященную истории военной музыки России с древнейших времен до современной автору действительности. Одна из глав указанного сочинения, написанная на основе материалов РГАВМФ, емко и коротко характеризует развитие военной музыки России в XVIII в.¹ В 2004 г. была опубликована работа В.И. Тугунова в составе общего труда, также охватывающего огромные временные рамки и постсоветское время до 2003 г.² Глава, написанная указанным автором, посвящена военной музыке XVIII в.³, и в ней подробно освещена материально-техническая сторона истории оркестровой музыки и, собственно, музыковедческие аспекты: штат, устав, инструментарий, музыкальные жанры, репертуар. Кроме того, приведен богатый иллюстративный материал.

Основные задачи настоящего небольшого исследования сводятся к тому, чтобы выявить документы, касающиеся музыкантов Артиллерийского полка, и выяснить количество и специализацию музыкантов, размер их жалованья и распределение в полку в годы, предшествовавшие утверждению по тем же параметрам штатов артиллерии в 1712 г. Разумеется, автор не мог устоять перед соблазном передать атмосферу эпохи, обильно цитируя документы и называя конкретные

имена. Предполагается дальнейшее поэтапное исследование темы в рамках XVIII в.

С модернизацией военных сил России в начале XVIII в. в армии учреждались оркестры, подобные европейским. С их появлением культура и повседневный быт европеизируемой страны (начиная, разумеется, с Санкт-Петербурга) получили, в довершение других перемен, специфический колорит, особенно ярко проявлявшийся в праздники, светские и церковные, когда оркестры гремели, сопровождая исполнением маршей, виватов и кантов торжественные процессии и фейерверки. Во многом благодаря энтузиазму Петра I, который придавал военной музыке должное значение, очень ее любил и сам был умелым барабанщиком, в Россию в большом количестве приглашались (или даже иногда выкупались) иноземцы, владеющие музыкальными инструментами. Они получали неплохое жалование и должны были обучать русских учеников. Лучшие оркестры, зачастую целиком вывозившиеся из-за границы, были при царском дворе и при дворах знатных особ. В армии же довольно искусными были музыканты гвардейских полков. Но профессионалов на всю армию не хватало, и, судя по тому, что даже в начале XX в. многие военные оркестры производили ужасающее впечатление на развитый слух современников⁴, главной их задачей была не музыкальная артистичность, а мощь и ритм шумовых эффектов в дополнение к личной отваге безоружных барабанщиков и трубачей, идущих на поле боя.

Как известно, военные оркестры пехотных подразделений регулярной армии Петра формировались по немецкому образцу, и руководили ими иноземцы в чине унтер-офицеров⁵. При этом наибольшее внимание уделялось организации «военной музыки» во флоте⁶ и, естественно, в гвардейских полках⁷.

В формируемой Петром регулярной армии артиллерия состояла поначалу из бомбардирской роты Преображенского полка, обслуживавшей полевую и осадную артиллерию до организации особого артиллерийского полка. Полк был окончательно сформирован в 1701 г. и имел в своем составе 4 пушкарские роты и 4 бомбардирские команды, понтонную и инженерную роты и полковые чины⁸. Твердый штат полк получил в 1712 г.⁹ Таким образом, сведения о самом начальном этапе существования военных музыкантов следует искать в документах, отложившихся в делопроизводстве Приказа артиллерии. Так, в ведомости 1704 г. о выдаче жалования встречаем имена восьми барабанщиков: «Того ж числа по указу Великого Государя...

и по помете на письме к росходу... жалованье старым барабанщикам на нынешней 704 год генваря с 1-го июня по 1 число по окладом их и с прибавочным Афонасью Курицыну, Никифору Григорьеву по пяти рублей человеку, всего 20 рублей»¹⁰; «Того ж числа... на нынешней 704 год генваря с 1-го июля по 1 число на полгода по пяти рублей барабанщиком, которые написаны из пушкарей 703 году: 1 роты Григорью Ефтифееву Грибку, Андрею Карпову, Ивану Степанову Месниченку; 2 роты Елисею Ильину сыну Григорьеву; 4 роты Сергею Долине. Итого 25 рублей. Да второй же роты... Андрею Данилову к прежней февральской даче к двадцати к девяти алтынем 3 рубли 9 алтын. Всего им барабанщикам шести человекам 28 рублей 9 алтын»¹¹.

Надо заметить, барабанщиков в армии было гораздо больше других музыкантов. К примеру, по штату 1711 г. кавалерийских и пехотных полков в 33 полках кавалерии численностью 43 824 чел., включая полковников и рядовых, полагалось иметь 60 трубачей, 33 литаврщика, гобоистов – 33 иноземца и 330 русских – и барабанщиков – 660 чел., а в 42 полевых полках инфантерии – всего 62 164 чел. – должно было быть «неслужащих» гобоистов – 42 иноземца и 336 русских, барабанщиков же – 672 чел.¹² В артиллерии по штату 1712 г. указаны следующие цифры: всего в полку, включая генерал-фельдцейхмейстера – 4526 чел.; при полковом штабе 1 литаврщик, 1 барабанщик и 6 гобоистов; в бомбардирской и 6 канонирских ротах – по 2 барабанщика; всего 24 музыканта, из них 15 – барабанщики¹³.

В другом списке артиллерийских служителей 1704 г. из музыкантов указаны опять только барабанщики, их десять: Григорий Евтифеев, Андрей Карпов, Иван Мясниченко, Леонтий Борисов, Никифор (Микифор) Иванов, Андрей Данилов, Афонасий Яковлев, Елисей Ильин, Иван Григорьев, Сергей Долина¹⁴. В этом списке уже нет «старых барабанщиков», но нам знакомы имена шести других барабанщиков «из пушкарей». Возможно, остальные четверо были взяты в Артиллерийский полк в том же 1704 г. В «Росписи Артиллерии наемным людям в городе Нарве и Иване» от 16 ноября 1704 г. есть еще запись о трех барабанщиках без указания имен, вероятно из тех, что были перечислены выше¹⁵. Этот документ дает основание считать, что, по крайней мере, часть барабанщиков полка была из «неслужащих».

Список барабанщиков артиллерии собирались дополнить по собственному желанию еще двое. Сохранилась челобитная служителей

пехотного полка с просьбой о переводе их в артиллерию: «Державнейший Царь, Государь Милостивейший, служим мы тебе, великому государю, в Михайловом полку Протопопова. Я, Алексей, в рядовых стрельцах, а я, Иван, в барабанщиках, а родственники, Государь, наши служат тебе, Великому государю, в артиллерии в пушкарях. Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества, повели, Державство Ваше, служить нам свою государеву службу в артиллерии в барабанщиках с родственники своими. Вашего величества нижайшие рабы Михайлова полку Протопопова стрелец Алексей Федоров сын Камаров, барабанщик Иван Иванов сын Пинаманя (так! – А. Д.) в ... (число в документе не указано. – А. Д.) день 1707 года»¹⁶. По всей видимости, воссоединения челобитчиков с родственниками не произошло, так как имена их в ведомостях полка в ближайшие последующие годы не встречаются.

В ведомости наличия служителей бригады «господина бригадира» барона фон Путрера от 2 октября 1707 г. учтены больные и занятые на караулах, и в числе последних из музыкантов встречаем упоминание, опять же, только о четырех барабанщиках¹⁷. Так, видим, что почти половина полковых барабанщиков была занята в караулах.

В ведомостях 1707 г. появляются, кроме литаврщика и барабанщиков, списки гобоистов, из которых двое – опытные музыканты иноземцы, а остальные – пока еще ученики. Итак, их имена: «гобоисты мастера Яган Кандратьев сын Ленес, Яган Матис Крачевский¹⁸ и ученики Антип Тимофеев сын, Михайла Федоров сын Учюзной, Иван Леонтьев сын, Петр Семенов сын Свешников и Василей Лукин сын Щербаков»¹⁹.

Появлению этих учеников в полку предшествовала переписка Брюса с одним из своих корреспондентов. В июле 1706 г. Я.В. Брюс в письме, адресованном в Москву дьяку Никите Павлову, отдает распоряжение выбрать школьников для обучения нотному пению и игре на гобоях²⁰, а в ноябре уже требует выслать в поход гобоистов из числа тех школьных учеников, что были отобраны для музыкального обучения: «И те ученики изучены ль, о том я не известен...», и «...хотя они и не совершенно изучились, зделав им платье против пушкарей, вышли тот час с нарочным»²¹.

В 1706 г., как узнаем из донесения дьяка Никиты Павлова Я.В. Брюсу, в походную артиллерию были отправлены 6 гобоистов, которые были выбраны из школьных учеников и которым перед отправлением были сделаны платья, как у пушкарей²².

В одном из своих донесений Брюсу дьяк Никита Павлов сообщает о любопытных обстоятельствах получения музыкального образования в артиллерийской школе того времени: «Из школьных учеников 6 человек, которым быть в гобаистах, выбраны и для учения нотному отданы тому ж мастеру, которой учит словесному. И тех учеников велено ему изучить немедленно. Только, государь, тот мастер сказывает, что он нотного знает петь только русское да киевское, а партесного пения он не знает. А которые де в гобаистах бывают, и те изучены партесного пения»²³. То есть понятно, что учителями этих шести школьников должны были стать, на самом деле, мастера Ленес и Крачевский.

Однако трудности в обеспечении Артиллерийского полка оркестром были не только из-за нехватки музыкантов, но и по причине дефицита музыкальных инструментов, о чем свидетельствует переписка Брюса и Никиты Павлова по данному вопросу:

«Гобоев прислать тебе ко мне не довелось, понеже за них деньги отданы и назад возвращать онаго невозможно. Ныне оные посланы к тебе по-прежнему, для чего прикажи, как возможно исправить или продать. Плотники, которые похвалялись на жидов, отчего будто дворы их погорели, розыскать подлинно, и буде на них подлинное свидетельство явитца, что они оное учинили, то вели их в том по обыкновению пытать в застенке»²⁴ (Жолква, 9 апреля 1707 г.). Приведенная здесь часть письма предваряется недописанными и зачеркнутыми словами: «Присланные от тебя гобо...» Таким образом, можно догадаться, что, вследствие какого-то пожара, купленные гобои были повреждены и в таком состоянии отправлены Брюсу. Он же отослал их обратно с новым распоряжением. В итоге новые гобои были посланы Брюсу полгода спустя: «Иноземцов, торговых людей, которые б у города Архангельского купили готовых гобоев целой кор или выписали б из-за моря, на Москве никого не сыскали, для того, Государь, что многие торговые иноземцы уехали к городу. Так же и капитан Шпарретер на письме подал, что де на Москве таких гобоев продажных нет. Только де есть такой мастер иноземец, и он де ему приказал те гобои делать, и тот де мастер, приискав лесу, те гобои зделает, и о том буди тебе, Государь, известно. А зделает в 2 м[есяца]»²⁵ (Москва, 20 июня 1707 г.); «Которые, Государь, гобои в поход до милости Вашей посланы, и оные гобои делал иноземец по приказу и по договору господина маеора Шпарретера и деньги за них по договору и по приказу же ево, маеора, 34 рублей 16 алтын 4 деньги выданы сполна»²⁶ (Москва, 31 октября 1707 г.).

Как видим, проблемы с инструментами были, но так или иначе они решались. Возможно, хуже было то обстоятельство, что, как пишет Никита Павлов Брюсу в ноябре 1707 г., «из школьных учеников в гобаисты охотников нет»²⁷.

Не исключено, что среди вероятных причин такой неохоты были задержки в выплате жалованья. Об этом свидетельствует, например, грамота полковника Гинтера Льву Прохорову: «Присланы с Москвы в артиллерию гобоистов шесть человек, а государева жалованья тем гобоистом на Москве и у нас ничего не дано, и о том я к господину генералу Якову Вилимовичу наперед сего писал, и челобитная их послана ж, и о том ко мне указу от генерала никакова нет...»²⁸ (23 марта 1707 г.). Из другой, более поздней челобитной этих учеников, которая будет приведена несколько дальше, узнаем, что на момент написания грамоты Гинтером ученики не получали жалованья не менее 3-х месяцев.

В переписке того же времени Я.В. Брюса и комиссара Зыбина говорится об изготовлении литавренной коляски – «особой тележки с резьбой»²⁹ и позолотой³⁰, в которой должен был находиться литаврщик, по-видимому пока еще один, так как в переписке Брюса и дьяка Никиты Павлова говорится о присылке галуна на один кафтан литаврщика: «На строевой, государь, кафтан литаврщику 62 аршина галунов серебряных немецких, шириною по присланному от милости твоей образцу... послано до милости твоей с нарочным посыльщиком...»³¹ Тот факт, что литаврщик в Артиллерийском полку в то время был один, подтверждается списком «наличной артиллерии» 1707 г. в местечке Борисове³² и в списке артиллерии с указанием жалованья служителям на май 1708 г.³³ Его имя Андрей Данилов.

Правда, Брюс обращался к князю Репнину в мае 1707 г. с просьбой прислать некоего подпрапорщика Ступкина, «понеже оной искусен по литаврам бить»³⁴, но в ведомостях артиллерии тех лет литаврщик с такой фамилией пока нам не встречался.

Глава артиллерии очень беспокоился об изготовлении и присылке литавренной коляски. Очевидно, что она предназначалась не только для перевозки литаврщика, но также нового полкового знамени, которое «строилось» одновременно с коляской. Очень вероятно, что до появления литавренной коляски в 1706 г. знамя носил хорошо знавший свое дело и, наверное, одаренный выдающейся физической силой унтер-офицер из иноземцев. Скромные сведения о нем были опубликованы автором прежде³⁵. Напомним, что Яган Готлоб

Кнобель был взят «знаменщиком» в полевую артиллерию в 1704 г. (эта должность так и указана в табели сразу за списком прапорщиков, причем с таким же, как у прапорщиков, окладом жалованья). Теперь мы можем добавить к его истории, что в том же 1704 г. Кнобель был под Нарвой и участвовал в штурме города³⁶.

Я.В. Брюс неустанно заботился о повышении боеспособности своего полка, тратя много сил на обеспечение материальной частью, продовольствием, обмундированием и на организацию обучения служителей. Наряду с этим он также большое внимание уделял внешнему оформлению полка. В 1706 г. полк имел эффектные атрибуты – резную позолоченную литавренную коляску с нарядным литаврщиком, шитыми золотом литавренными завесами на литаврах³⁷ и с закрепленным в коляске великолепным огромным знаменем, с новой, в духе времени, яркой и лаконичной эмблемой – пушкой и двуглавым орлом³⁸.

К этому же времени установилась и комплектация полка музыкантами. Литаврщик и гобоисты входят в штат служащих при штабе полковой артиллерии, а барабанщики, судя по документам 1706 г. – например, февральской «росписи редовым, которые в Гродне налицо и по городам»³⁹ и мартовской росписи «начальным людям и редовым, что пошли с Москвы в поход»⁴⁰ – были распределены по ротам по одному или по двое или больше. Роты могли быть распределены по весям. Так, например, в указанной последней росписи барабанщики Никифор Иванов и Давыд Мартынов значатся во второй роте, а той же роты барабанщики Петр Борисов и Андрей Данилов (и «кафтан строевой с ним»⁴¹) поставлены в д. Заколтки. Упомянутый Андрей Данилов вообще-то был литаврщиком, но, как видим, иногда мог замещать барабанщика, не забывая об ответственности за дорогой свой строевой кафтан с немецким серебряным галуном.

Всего артиллерийских рот, включая бомбардирскую, по-прежнему было 5. Позднее, к 1712 г., их количество возросло до 7-ми, прибавилось и барабанщиков.

Из расходных ведомостей узнаем о жалованьи музыкантам. По одной из них в 1708 г. музыканты при штабе и ротные барабанщики получали на месяц:

- литаврщик Андрей Данилов – по рублю;
- гобоисты иноземцы Яган Ленес и Матис Крачевский – по 6 р.;
- русские гобоисты Антип Тимофеев, Михаил Учюзной, Иван Леонтьев, Василий Щербатов, Петр Свешников – по 27 алтын 4 деньги;

барабанщик «Андрей Марков» (ясно написано, но это, конечно же, Карпов. – *А. Д.*) – по 19 алтын 2 деньги;

барабанщик 1-й роты Михаил Мурашкин – по 19 алтын 2 деньги;

барабанщик 2-й роты Назар Иванов – по 17 алтын 4 деньги;

барабанщики 3-й роты Илья Семенов, Елисей Ильин – по 19 алтын 2 деньги;

барабанщики 4-й роты Степан «Щепетильников» (так! – *А. Д.*), Давыд Шальной – по 19 алтын 2 деньги⁴².

Жалованье гобоистов-иноземцев, самых высокооплачиваемых из полковых музыкантов, сравнимо с окладом некоторых сержантов, получавших также по 6 рублей (другие получали по три). Около рубля на месяц получали капралы, и в этой ведомости с ними сравнился литавщик. Оклады барабанщиков примерно равны были окладам рядовых. Справедливо это или нет, судить трудно, но точно, что много хуже было музыкантам, когда они не получали ничего.

Выше мы приводили цитату из письма Гинтера о том, что присланные в полк школьники-гобоисты не получали жалованье, хотя и писали челобитную Государю. В 1708 г. они же написали новую челобитную все о том же: «Державнейший Царь, Государь милостивейший, в прошлом 1706 году декабря в... (число в документе не указано. – *А. Д.*) день по твоему Великому Государю указу учинены нам твоего государева жалованья оклады в год по десяти рублей. А о даче того жалованья артиллерии к полковнику Гинтеру твоего государева указу не прислано. Всемилостивейший Государь, просим Вашего Величества, повели, Державство Ваше, о даче нам своего государева жалованья артиллерии к полковнику Гинтеру артиллерийския походныя концелярии послать свой государев указ. Вашего Величества нижайшие рабы, артиллерии гобаисты, ученики Антип Тимофеев с товарищи, 5 человек. 1708 году генваря в... (число в документе не указано. – *А. Д.*) день»⁴³.

Один гобоист, похоже, не выдержал и убыл. В списках артиллерийских служителей с 1709 г. в графе «бежавшие», действительно, значится один гобоист. Можно проверить, не один ли это из бывших шести учеников артиллерийской школы. Сохранилась подробная роспись ученикам школы, где есть список шести учеников, отданных на обучение «нотному пению»: «Да в нынешнем 1706 году по почтовому письму из военного похода за рукою генерала-порутчика Якова Вилимовича Брюса, отдано для наук нотному пению, которым быть в габоистах: из цифирной школы

Иван Леонтьев, 14 (лет. – *А. Д.*)⁴⁴, Михайло Учюзной, 15, Антип Тимофеев, 17, Василей Лукин, 16; ис писцов Петр Семенов, 14, Борис Петров, 15; Итого 6 человек»⁴⁵. В ведомостях полковой артиллерии не хватает шестого ученика – Бориса Петрова. Однако сохранившаяся так называемая сказка беглого артиллерийского служителя гобоиста Иванова не позволяет прояснить вопрос о судьбе неизвестно куда пропавшего ученика: «В приказе артиллерии явились из бегов артиллерийские служители, в роспросех сказали: Гобоист Матвей Иванов, в 1707 году бежал он из армей в осень и жил в Могилеве в Семеновского полку у поручика Якова Филиппова недель з 20. И из Могилева тот человек привез ево к Москве с собою декабря в 1-м числе 1708-го году, и пришел он в Приказ собою»⁴⁶. Едва ли гобоист Иванов мог развлекать поручика Филиппова своими музыкальными талантами «недель з 20» – беглеца бы тут же нашли. Скорее всего, поручик получил в услужение благодарного за хлеб, измученного походными условиями раба Божия Матвея, который в итоге от безысходности вернулся в армию с повинной.

Как исследователю мне приятно было найти все в том же списке учеников школы знакомые уже имена барабанщиков: «По письмам полковника Ягана Гошки взяты в артиллерию... в барабанщики: Григорей Ефтифеев, Елисей Ильин, Андрей Карпов, Иван Иванов, Феклист Карпов»⁴⁷. Предпоследний – Иван Иванов – не тот ли, что был в 1707 г. в Михайловском полку Протопопова? Последний, Феклист, тоже в ведомостях полка не встречался.

В апреле 1708-го «дача Государева жалованья» некоторым чинам стала выше, а музыкантам скромнее:

- литаврщику Андрею Данилову – 25 алтын,
- гобоистам мастерам Ленесу и Крачевскому по-прежнему – по 6 р.,
- пяти гобоистам-ученикам Антипу Тимофееву, Ивану Леонтьеву, Петру Свешникову, Михаилу Учюзному и Василию Щербакову – по 16 алтын,
- барабанщику бомбардирской роты Андрею Карпову – по 19 алтын 2 деньги,
- барабанщику 1-й роты Захару Чюлошникову – по 24 алтына,
- другому барабанщику 1-й роты Михаилу Мурашкину – по 19 алтын по 2 деньги,
- барабанщику 2-й роты Назару Иванову – по 17 алтын по 4 деньги,
- барабанщику 3-й роты Илье Семенову – по 19 алтын 2 деньги,

барабанщикам 4-й роты Степану Щепетильникову и Давыду Шальному – по 19 алтын 2 деньги⁴⁸.

Встречаются и другие ведомости, с несколько отличными денежными выплатами, т. е. твердого жалованья в Артиллерийском полку многие не получали. В этом числе и музыканты.

В 1709 г. Брюс выслал 30 сентября предписание комиссару Зыбину о выдаче жалованья литаврщику Андрею Данилову с октября по 40 алтын на месяц. Правда, перед тем Данилов сам о себе напомнил челобитной: «Державнейший Царь, Государь... Служу я тебе, великому, в литаврщиках с прошлого 1707 году, а твоего государева денежного жалованья идет мне кананирское: на год по двенатцати рублей. Всемилостивейший... прошу... повели... жалованья мне учинить прибавку. Вашего Величества низжайший раб, артиллерии литаврщик Андрей Данилов. 1709 году сентября в... (число в документе не указано. – А. Д.) день»⁴⁹.

В том же 1709 г. появился один барабанщик при полевом штабе генерал-фельдцейхмейстера с жалованьем 2 р. в месяц⁵⁰.

В том же году по распоряжению Брюса были куплены у «торгово-иноземца» Ивана Вернезбрэя за 30 р. «4 гобой и один басон»⁵¹.

И в том же году были израсходованы деньги на обмундирование гобоистам: «Гобоистом, которые посланы в военной поход 2-м человеком за 2 шапки по 6 алтын по 4 деньги, за 2 шубы овчинные по 30 алтын, за башмаки по 8 алтын по 2 деньги, за чулки по 5 алтын, за 2 черыки (чарыки, мягкие сапожки. – А. Д.) по 2 алтына, за 2 голздука по 2 алтына по 4 деньги, за 2 голицы с вариги (кожаные рукавицы с внутренними вязаными. – А. Д.) по 5 алтын, да на корм по 1 рублю. Итого 5 рублей 25 алтын 2 деньги»⁵².

Расходы такого рода продолжались и в 1711 г.: шьется новый кафтан с позументом литаврщику⁵³; выдается солидное денежное вознаграждение (16 р.) гобоисту Ягану Ленесу «за учение на гобоях шести человек ребят, которые были присланы с Москвы ис Приказу Артиллерии, и ныне обретаются в службе его царского величества при артиллерии в гобоистах»⁵⁴. Указание на шестерых ребят, которые «и ныне обретаются» в службе, дает основание надеяться, что шестой ученик никуда не пропал, но, возможно, был на особом положении, отчего и не писал челобитных, и не был в числе штабных музыкантов Артиллерийского полка.

Интересно было бы узнать, как появился в Артиллерийском полку мастер Яган Ленес. Известно, что многие пленные шведы во время

Северной войны получали возможность перейти на службу к русскому царю. Охотно брали разных специалистов, в том числе музыкантов. Видно по документам, что пленным вели строгий учет, отмечая чины, звания или род ремесленной профессии. Вот, например, по реестру пленных шведов, взятых в плен в Лифляндии в 1708 г., видно, что среди 492 чел. были 5 гобоистов и 12 барабанщиков⁵⁵. Вероятно, они были обучены если не партесному пению, то нотам уж точно, однако пленников-музыкантов тех лет в Артиллерийском полку по документам не встречается. Не можем ничего пока сказать и о прошлом Ягана Ленеса.

У нас также нет пока данных о попавших в шведский плен русских оркестрантах – Антип Тимофеев с товарищами не покидали строя в исследуемый период. А вот о том, что музыканты, бывало, гибли, мы знаем. Не будем забегать вперед и приводить пример знаменитой гибели русского барабанщика в начале Русско-шведской войны 1741–1743 гг. Ограничивая рамки данного исследования утверждением штатов в артиллерии в 1712 г., укажем только на списки умерших артиллерийских чинов, где значатся в числе разных чинов барабанщики: это списки, составленные или переписанные в 1709 г., с перечнем служителей, которые были при взятии Нарвы в 1704 г.⁵⁶, и «Ведение, колико артиллерийских служителей на квартирах и под Ригою померло» 1710 г.⁵⁷

Однако к 1710 г., несмотря на тяжелые испытания, в разгар войны, армейская жизнь стала обретать стабильность, а с нею и уверенность в себе наших челобитчиков-музыкантов: «Державнейший царь, Государь... служим мы тебе, великому государю в артиллерии в гобоистах с прошлого 1707 году. И взяты мы в ту службу из науки школьной, а твоего государева денежного жалованья оклад нам учинен в год по десяти рублей. Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества повели... денежного жалованья учинить нам прибавку по своему мудрому государьскому розсмотрению. Вашего Величества нижайшии рабы, артиллерии гобоист Антип Тимофеев с таварищи, пять человек. 1710 июля в... (число в документе не указано. – А. Д.) день»⁵⁸. В результате гобоистам прибавили до 40 алтын в месяц на человека⁵⁹.

В 1710 г. повысилось жалование у всех чинов Артиллерийского полка. Кроме того, увеличилось число служителей⁶⁰, так что к 1712 г. были сформированы еще 5-я и 6-я роты, в которых, разумеется, были свои барабанщики⁶¹. Как видим, штаты артиллерии 1712 г. утвердили

сложившуюся в процессе почти десятилетнего развития комплектацию полка и определили жалованье, которого за эти годы некоторые служащие добились писанием челобитных. По утвержденному штату при полковом штабе находились:

- 1 литавщик с жалованьем 1,5 р. на месяц,
- 1 барабанщик с жалованьем 1 р. 3 алтына 2 деньги,
- 6 гобоистов с жалованьем 40 алтын.

В ротах – одной бомбардирской и 6-ти канонирских – было по 2 барабанщика с жалованьем 1 р. 26 алтын 4 деньги каждому⁶².

Об улучшении условий службы в Артиллерийском полку лаконично свидетельствует и утверждение «суточных порций чинам»:

- «Хлеба – 2 фунта
- Мяса – 2 фунта
- Круп – 1 кварта
- Гарелки – 1 кварта
- Пива – 1 гарнец
- Соли на месяц – 1 гарнец»⁶³.

Подводя итог сведениям, почерпнутым из делопроизводства Приказа артиллерии 1704–1712 гг., отметим коротко основные моменты, характеризующие развитие военного оркестра и положение музыкантов Артиллерийского полка.

Первые годы в артиллерии были только барабанщики, среди которых были «неслужащие», т. е. наемные. Барабанщики были распределены по ротам полка (одной бомбардирской и 4-м пушкарским), как правило, по одному или по 2 чел.

В 1706–1707 гг. при штабе полка появился литавщик.

Гобоисты в оркестре при штабе стали служить в 1706 г.: это 2 мастера-иноземца и 5 или 6 учеников из артиллерийской школы в Москве. Таким образом, с 1706–1707 гг. при штабе артиллерийского полка существовал военный оркестр, состоявший из литавщика и семи гобоистов. В 1709 г. к оркестру был добавлен барабанщик.

Музыкантам жалованье до 1709 г. выплачивали в разные месяцы и годы не одинаковое, некоторым задерживали (как в случае с гобоистами-учениками). Самыми высокооплачиваемыми были гобоисты-иноземцы. К 1712 г. их в артиллерийском оркестре заменили русские, о чем можно судить по одинаковому жалованью всех шестерых – больше, чем прежде у учеников, и гораздо меньше того, что получали «мастеры». Жалованье барабанщикам выплачивали, как рядовым. Всем остальным музыкантам – чуть выше.

Учитывая эти данные, можно с уверенностью считать, что оркестр Артиллерийского полка действительно развивался, положение музыкантов улучшалось (увеличивалось жалование), повышалась их квалификация (русские ученики-гобоисты смогли заменить своих учителей-иностранцев), усложнялся состав оркестра (к 1709 г. – литаврщик, гобоисты и барабанщик), налаживалось обеспечение музыкальными инструментами, обмундированием и питанием. Такое положение, конечно, создавалось в унисон с подъемом военных сил России в целом в указанный период.

О дальнейшем развитии «военной музыки» в артиллерии, как можно надеяться, расскажут еще не изученные архивные материалы.

¹ Матвеев В.А. Русский военный оркестр. М.; Л., 1965. С. 16–24.

² Вилинбахов Г.В., Тутунов В.И., Казанская Л.В., Лаптев Р.Г., Лабутин П.А. Военная музыка в Санкт-Петербурге. 1703–2003 г. СПб., 2004.

³ Там же. С. 12–45.

⁴ См.: Зубов Г.Н. О положении военной музыки в России. СПб., 1903.

⁵ Военная музыка России. М., 2007. С. 23.

⁶ В 1703 г. Петр указал ввести обучение на гобоях при Адмиралтейском приказе, а в 1711 г. утвердил штаты военных оркестров морского флота (См.: Матвеев В.А. Указ. соч. С. 18).

⁷ См.: Матвеев В.А. Указ. соч. С. 16–24.

⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 42–43.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. 4. № 2480. С. 762–801.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

¹¹ Там же. Л. 57 об.

¹² ПСЗ. Т. 4. № 2319. С. 590–595.

¹³ Там же. № 2480. С. 792–801.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 30 об.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 256.

¹⁶ Там же. Д. 32. Л. 53.

¹⁷ Там же. Л. 67.

¹⁸ В более поздних документах его первое имя – Ян, что, конечно, лучше сочетается с польской фамилией.

¹⁹ Там же. Д. 32. Л. 123 об.

²⁰ Там же. Д. 9. Л. 437.

²¹ Там же. Л. 458.

²² Там же. Л. 407.

²³ Там же. Д. 9. Л. 358–358 об.

²⁴ Там же. Д. 33. Л. 276.

²⁵ Там же. Л. 653.

²⁶ Там же. Л. 709.

²⁷ Там же. Л. 712.

²⁸ Там же. Л. 588.

- ²⁹ Там же. Л. 193–193 об., 223–223 об., 240–240 об.
- ³⁰ Там же. Л. 708–708 об.
- ³¹ Там же. Д. 9. Л. 358, 437.
- ³² Там же. Д. 32. Л. 123 об.
- ³³ Там же. Д. 37. Л. 566 об.
- ³⁴ Там же. Д. 33. Л. 191.
- ³⁵ Джиоева А.Р. Артиллерийское полковое знамя: Материалы к истории бытования // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. СПб., 2013. Ч. 2. С. 25–34.
- ³⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 77–77 об.
- ³⁷ Там же. Д. 33. Л. 240–240 об.
- ³⁸ См. Круглова А.Р. Формирование эмблематики артиллерийского знамени в начале XVIII века // Консервация, реставрация и реконструкция памятников военной истории. Сохранность культурного наследия: Наука и практика. СПб., 2011. Вып. 7. С. 190–199.
- ³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Д. 10. Л. 14–16 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 43–54.
- ⁴¹ Там же. Л. 46 об.–47.
- ⁴² Там же. Д. 37. Л. 395, 395 об., 403, 417, 443 об., 444, 455 об.
- ⁴³ Там же. Л. 792.
- ⁴⁴ В списке рядом с именем отмечен возраст.
- ⁴⁵ Там же. Д. 10. Л. 149–149 об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 46. Л. 348.
- ⁴⁷ Там же. Д. 10. Л. 150 об.–151 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 37. Л. 567, 568, 570, 571 об., 573 об., 575.
- ⁴⁹ Там же. Д. 40. Л. 929.
- ⁵⁰ Там же. Л. 32–33.
- ⁵¹ Там же. Д. 39. Л. 739.
- ⁵² Там же. Д. 40. Л. 568.
- ⁵³ Там же. Д. 131. Л. 342.
- ⁵⁴ Там же. Л. 313.
- ⁵⁵ Там же. Д. 38. Л. 30.
- ⁵⁶ Там же. Д. 40. Л. 3 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 45. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Д. 46. Л. 106.
- ⁵⁹ Там же. Л. 106 об.
- ⁶⁰ См.: Там же. Д. 48. Л. 3–17;
- ⁶¹ См.: Там же. Д. 148. Л. 3–8, 10–16, 30–38.
- ⁶² ПСЗ. Т. 4. № 2480. С. 792–801.
- ⁶³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 24.

Е.Е. Дроздова (Тула)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ПРОЕКТИРОВАНИЕ стрелкового оружия в России в начале XX в. относится к числу достаточно глубоко изученных проблем. Однако совершенствование оружия исследовалось преимущественно с точки зрения его конструктивных изменений. При этом социально-психологические механизмы данного процесса остались за рамками исследовательских интересов.

В начале XX в. в России разработка стрелкового оружия как система организационных мероприятий находилась в стадии зарождения. Изобретателей оружия здесь было значительно меньше, чем за границей. Разработкой вооружения занимались главным образом офицеры технических артиллерийских заведений¹.

Руководство проектированием оружия осуществляло Главное артиллерийское управление (далее – ГАУ). Согласно положению об этом учреждении, в его функции было включено проведение испытаний всех усовершенствований в области артиллерии. В структуре ГАУ научно-техническую стратегию вооружения русской армии определял Артиллерийский комитет (далее – Артком), который принимал решение о целесообразности продолжения работ по тому или иному опытному образцу².

Организация разработки систем оружия заключалась, главным образом, в прикомандировании изобретателей к оружейным заводам. Этим предприятиям поручалась не только реализация проекта, но и оказание всесторонней помощи изобретателю по усовершенствованию его образца.

Значительная часть офицеров, служивших на этих заводах, являлась выпускниками Михайловской артиллерийской академии.

Так, в предвоенные годы техническая администрация Тульского оружейного завода была представлена 15 офицерами, 10 из которых окончили это военно-учебное заведение³. Следовательно, заводские офицеры располагали необходимыми знаниями как в области конструирования оружия, так и его производства, т. е. были более компетентны по сравнению с большинством изобретателей, прикомандированных к их предприятиям.

Как правило, заводские технические специалисты были критически настроены в отношении проектов сторонних изобретателей⁴. В отличие от изобретателя они оценивали опытный образец не только с точки зрения безотказности его работы, но и технологии изготовления, простота которой обуславливала быстроту и дешевизну перевооружения армии в случае принятия этого образца на вооружение. Поэтому в большинстве случаев их оценка являлась достаточно обоснованной.

Конструктор В.Г. Федоров был одним из немногих, кто находил претензии изобретателей к заводам безосновательными. «Хотя я слышал много нареканий на завод и постоянные жалобы, что завод не дает надлежащих рабочих и задерживает работу и т. д., – вспоминал он позднее, – но на основании своего опыта считаю эти жалобы обыкновенным желанием изобретателей приписать медленность работ по проектированию своих винтовок объективным причинам, зависящим от действия других лиц, а не от самих изобретателей»⁵.

Мнение В.Г. Федорова можно считать достаточно обоснованным, поскольку он столкнулся с аналогичными проблемами при изготовлении винтовок своей конструкции. Производство заказанных Сестрорецкому оружейному заводу десяти винтовок его системы заняло почти год⁶.

Подчеркнуто критическое отношение офицеров завода к сотрудничеству с прикомандированными изобретателями не могло не провоцировать конфликтных ситуаций. Конструкторы неизменно обращались с претензиями в ГАУ, обвиняя завод в нежелании способствовать изготовлению их образцов. При этом чем выше оказывался должностной статус изобретателя, тем с большей остротой развивался такой конфликт. Наиболее ярким примером может служить ситуация, сложившаяся в ходе работ по реализации на Тульском оружейном заводе проекта, предложенного начальником артиллерии Одесского военного округа генерал-лейтенантом Н.И. Холодовским. Проект был направлен на усовершенствование стоявшей на вооружении 3-лин.

винтовки образца 1891 г., а именно, на уменьшение ее веса, улучшение прикладистости, устранение конструктивных недостатков.

В конце марта 1912 г. Тульский оружейный завод получил указание ГАУ переделать по способу Холодовского 150 винтовок, бывших в продолжительном употреблении, и 50 карабинов. Основанием для такого распоряжения явился приказ военного министра, которого Н.И. Холодовский ранее ознакомил с выработанными им изменениями, «значительно повышающими боевые качества этого оружия».

На изготовление опытных образцов предприятию выделялось 2000 р. Для руководства работами в начале апреля должен был прибыть сам изобретатель, которому завод должен был оказывать полное содействие.

Вопрос о предлагаемой Н.И. Холодовским переделке 3-лин. винтовки обсуждался на заседаниях оружейного отдела Арткома ГАУ 6, 13 и 15 марта, 3 и 10 апреля. Результаты обсуждений нашли отражение в журнале отдела от 17 апреля 1912 г., копия которого была переслана на завод⁷. В архивном деле этот документ расположен после других документов, направленных заводом в ГАУ, датированных более поздним периодом и содержащих объяснения о невозможности приступить к работам по изготовлению опытных образцов Холодовского ввиду незавершенности проекта. Допустимо предположить, что начальник завода генерал-лейтенант А.В. Кун использовал личные связи в ГАУ для выражения недовольства полученным заказом, следствием чего явилась пересылка ему копии данного журнала.

О личных контактах начальника Тульского оружейного завода в ГАУ будет сказано ниже. Что же касается цели предоставления А.В. Куну упомянутого выше документа, она становится ясна при рассмотрении его содержания.

Образец Холодовского был признан незавершенным и требующим доработки. Многие недостатки винтовки образца 1891 г., которые были отмечены в войсках, остались без внимания. Так, одними из главных недостатков считались неудобство постановки на предохранительный взвод и непрочность штыка. Однако Холодовский не изменил курок. Его предложения по усовершенствованию штыка еще более ослабляли его. Члены Арткома указывали на то, что 3-лин. винтовка выдержала две войны, в ходе которых существенных недостатков, требовавших немедленного внесения изменений в этот образец, выявлено не было.

Аргументируя невозможность выполнения оружейными заводами заказа на изготовление винтовок с изменениями Н.И. Холодовского, участники заседания ссылались на занятость этих предприятий выполнением крупных нарядов по переделке прицельных рамок для стрельбы остроконечными патронами и на близость войны.

Артиллерийский комитет признал переделку всех стоявших на вооружении винтовок, которых насчитывалось 4 млн., «нецелесообразной». Тем не менее, было предложено использовать некоторые предложения Холодовского как для вновь разрабатываемой винтовки, так и для существующей при условии, что изменения можно произвести в войсках без участия заводов, а дальнейшие испытания на малом количестве – поручить Ружейному полигону. Однако решение относительно применения рассмотренных изменений следовало принять после сравнительных испытаний винтовок с изменениями всех изобретателей, работавших в этом направлении и уже имевших положительные результаты.

Для настоящего исследования имеют существенное значение инициация обсуждения предложений Холодовского начальником ГАУ, а также однозначно негативное отношение членов Арткома к предлагаемым изменениям винтовки. На фоне возможного проведения сравнительных испытаний обсуждение перспективы вероятного использования рассматриваемых модернизационных решений выступает как попытка сгладить конфликтную ситуацию.

Смысловым акцентом приведенного выше документа в контексте рассматриваемой проблемы является резолюция, наложенная начальником ГАУ генерал-лейтенантом Д.Д. Кузьминым-Караваевым. Согласно этой резолюции 150 винтовок следовало переделать в соответствии с предложениями Холодовского на Тульском оружейном заводе и испытать в одном из стрелковых полков и в Офицерской стрелковой школе, после чего оружейному отделу Артиллерийского комитета дать свое заключение⁸.

Из резолюции следует, что продолжительные обсуждения предложений Холодовского и вынесенное в связи с этим заключение были проигнорированы. В связи с этим возникает вопрос, каков источник мощной поддержки проекта Холодовского?

В мае 1912 г. Тульский оружейный завод получил задание подготовить для проведения войсковых испытаний 228 винтовок с изменениями Холодовского. На переделку оружия было выделено 3 тыс. р. Однако приступить к выполнению задания заводу не удалось.

Н.И. Холодовский работы по усовершенствованию винтовки не завершил, не были выработаны чертежи, не доставлен дюралюминий, необходимый для изготовления образцов.

В июне начальник завода генерал-лейтенант А.В. Кун докладывал в ГАУ, что выполнение заказа задерживается исключительно по вине изобретателя. В его письме был представлен перечень нововведений Холодовского для винтовки образца 1891 г., который свидетельствовал, что изменениям подвергнуты практически все детали, а многие из них – либо совершенно новые, либо изменялись их размеры, как в случае с мушкой, ствольной накладкой, ударником, выбрасывателем и др. От штатной винтовки использовались без переделки только мелкие части – винты и шпильки, с незначительными изменениями – ствольная и магазинная коробки.

В марте 1913 г. вопрос об изготовлении в Туле винтовок с изменениями Холодовского обсуждался на докладе у помощника военного министра при участии самого изобретателя. Холодовский высказал пожелание, чтобы заводу был дан наряд на большую партию винтовок, так как только в этом случае будут изготовлены необходимые лекала. Ему было отказано ввиду уже полученного заводом наряда на 288 таких винтовок⁹.

Сообщение об этом, направленное А.В. Куну заведующим техническими артиллерийскими заведениями генерал-лейтенантом А.А. Якимовичем, носит личный характер. Об этом свидетельствует обращение «Милостивый государь Александр Владимирович», не типичное для переписки завода с ГАУ, а также обозначение собственной позиции, что нашло выражение в изложении некоторых подробностей происходившего обсуждения, например, фразе «на это я возразил». Содержание данного письма дает основание ввести начальника технических артиллерийских заведений в число персонажей исследуемых событий и отнести его к сторонникам позиции завода.

Давление, оказываемое на начальника завода с целью форсировать работы по изготовлению винтовок с изменениями Холодовского, явно угадывается в ответе А.В. Куна на рапорт помощника начальника завода по технической части генерал-майора Н.Н. Федорова. В рапорте сообщалось, что Н.И. Холодовский потребовал все стволы, предназначенные для его винтовок, испытать в лаборатории на предел упругости у дула. При этом изобретатель не определил минимальный предел. Поскольку Холодовский потребовал

«концентричности желобов от канала ствола», их глубина не будет одинаковой, что не учтено в чертежах. На это Кун ответил: «Допуски будут даны мной»¹⁰. За лаконичностью ответа читается раздражение. Ни при каких обстоятельствах начальник завода не мог заниматься лично определением допусков.

Желание Холодовского подвергнуть стволы испытанию явилось следствием их разрыва при застревании пули. В направленном в ГАУ рапорте по этому поводу Кун сообщал, что опыты показали вред желобков на стволах, и именно они являются причиной разрывов, поскольку ослабляют стволы¹¹.

Обострение ситуации с изготовлением винтовок Холодовского произошло в связи с его заявлением в апреле 1913 г. о намерении испытать несколько винтовок в Царском Селе в присутствии императора.

Наличие у Холодовского возможности организовать подобные испытания позволяет расширить круг участников событий включением в него одного из членов царской семьи. Наиболее вероятной кандидатурой является генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергей Михайлович. Его должность предполагала тесное взаимодействие с армией, представителем которой являлся генерал-лейтенант Холодовский. Эта версия наилучшим образом объясняет выявленные факты. Однако не исключены и другие варианты.

Опасность испытания винтовок в присутствии императора ввиду возможного разрыва стволов позволила начальнику Тульского оружейного завода выступить открыто против образца Холодовского, а предъявленное ему изобретателем обвинение по ст. 170 воинского устава о наказании¹² – обратить против него самого. Кун заявил, что считает обвинение голословным и необоснованным, а изменения Холодовского в принятом образце винтовки не заслуживающими внимания, так как они значительно усложняют винтовку и не улучшают, а ухудшают ее. Свое заявление Кун подкрепил подробным обоснованием¹³.

Н.И. Холодовский продолжал совершенствовать свой проект, попутно высказывая претензии в адрес завода. Так, на рапорт А.В. Куна о разрыве стволов с желобками он предоставил протоколы испытаний 17–18 марта, из которых следовало, что стволы без желобков давали такие же разрывы при забивании пули, и написал жалобу по этому поводу¹⁴. Однако опыты, проведенные на заводе, подтвердили мнение Куна.

Наконец, 3 апреля 1913 г. Холодовский телеграфировал помощнику военного министра о том, что в этот день он передал начальнику завода все окончательные чертежи и никаких изменений конструкции до завершения изготовления партии в 288 винтовок вносить не будет.

Завод приступил к выполнению данного заказа, хотя Холодовский не гарантировал точности чертежей и того, что винтовки будут собираться без отладки. Срок в 4 месяца, отведенный на эти работы, мог быть не выдержан¹⁵.

Для настоящего исследования важно отметить, что реализация проекта Холодовского не встречала затруднений в финансировании. В марте 1913 г. завод получил на эти расходы 5000 р. Первоначальное число бывших в употреблении винтовок, предназначенных для переделки, увеличилось на 100 шт., затем еще на 260, поскольку некоторые Холодовским были забракованы. В мае приступили к изготовлению новых стволов для этих винтовок, так как старые были признаны Холодовским негодными из-за малого предела упругости¹⁶.

В июне 1913 г. заводу было выделено на переделку винтовок «по способу» Холодовского 4 тыс. р. Остальную испрашиваемую сумму в 6 тыс. р. обещали передать в конце текущего года после изыскания источника¹⁷.

Несмотря на то, что работы по изготовлению винтовок начались, Холодовский продолжал вносить изменения. Предоставленные им чертежи оказались неверными, обещанная изобретателем инструкция по сборке не предоставлена. Тем не менее, к 31 июля 1913 г. 288 винтовок были собраны¹⁸.

Испытания, проведенные на заводе на десяти винтовках, не показали улучшения боя по сравнению со штатной винтовкой. Кроме того, были выявлены такие недостатки, как неподача патрона при медленном взведении затвора, утыкание затвора при зарядании, срывы затвора и т. д.

Согласно акту об испытании, проведенном в 1-м стрелковом его величества полку, из 120 винтовок в 43 не был выдержан калибр через весь канал ствола, вследствие чего стрельбу из них было вести невозможно, а в пяти винтовках боевая личинка не соответствовала размерам. Завод претензии не принял, объяснив указанные недостатки использованием для переделки разношенных винтовок разных заводов.

В конце ноября 1913 г. завод получил устное указание представить предложения о сроке и стоимости изготовления 5000 винтовок Холодовского с налаживанием массового производства и изготовлением всех лекал¹⁹.

В контексте исследуемой проблемы важно отметить, что в конце 1913 г. военная промышленность России находилась в состоянии подготовки к войне. Еще в ноябре 1912 г. Военным министерством был разработан план реализации мер по усилению боевой готовности армии. Техническим артиллерийским заведениям, к числу которых принадлежал и Тульский оружейный завод, было приказано безотлагательно развить полную производительность²⁰.

Следовательно, это предприятие не имело свободных ресурсов для выполнения наряда по изготовлению винтовок с изменениями Холодовского. Однако в мае 1914 г. завод получил указание изготовить уже не 5 тыс., а 32 тыс. винтовок²¹.

Очередное совещание по вопросу переделки винтовок по способу Холодовского констатировало, что войсковые испытания не дали «блестящих результатов». Ложа Холодовского была единогласно забракована представителями войск. Ввиду необходимости ее доработки, заказ Тульскому оружейному заводу составит не 32 тыс., а только 4 тыс. шт.

Завод на этом совещании представлял помощник начальника завода по технической части полковник П.П. Третьяков. Холодовский отсутствовал по болезни и просил привезти ему журнал совещания. По словам капитана Хатунцева, доставившего журнал, с Холодовским «чуть не приключился удар», когда он узнал о сокращении заказа. «Он говорил, что это пощечина ему, и он ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего, будет докладывать Государю, подаст в отставку и т. д. Сильно ругал меня (Третьякова. – *Е. Д.*) и особенно генерала Залюбовского (начальник Сестрорецкого оружейного завода. – *Е. Д.*), так как почти только мы и делали замечания, занесенные в протокол»²².

При докладе 17 июня 1914 г. генерал-инспектору артиллерии великий князь Сергею Михайловичу о результатах совещания по поводу заказа для войсковых испытаний винтовок, переделанных «по системе» Холодовского, великий князь признал необходимым обсудить в оружейном отделе Арткома, какие из усовершенствований, предложенных Холодовским и признанных большинством пехотных частей, испытывавших их, «бесспорно хорошими», могли бы быть

применены заводом в рамках финансирования большой военной программы²³.

В данном документе впервые упоминается великий князь как непосредственный участник событий, что косвенно подтверждает высказанное ранее предположение о высокопоставленном покровителе Холодовского. Генерал-инспектор однозначно оказывает поддержку его изобретению. Более того, ввиду сложности переделки штатных винтовок и отсутствия свободных финансовых средств у Военного министерства великий князь предлагает иной путь практического применения предложений Холодовского, а именно, внедрение его изменений во вновь производимые винтовки, наряд на которые уже профинансирован.

Об особом отношении генерал-инспектора свидетельствует также то, что только в этом документе предложения Холодовского по усовершенствованию винтовки названы системой.

Тем временем завод получил заказ Главного артиллерийского управления на переделку 4 тыс. винтовок за полтора года, считая со дня получения чертежей, доработанных по результатам испытаний. На доработку Холодовский брал 2 месяца²⁴.

В связи с получением данного заказа А.В. Кун обратился к заведующему техническими артиллерийскими заведениями, который, как указывалось выше, разделял его позицию в отношении изобретательства Холодовского. Мотивируя свое обращение поиском путей быстрого наращивания выпуска винтовок в случае войны, он указывал на то, что выход винтовок можно увеличить, только уменьшив выход револьверов и, главное, приостановив установку легкого пулемета и винтовок Холодовского.

18 июля 1914 г. в ответ на обращение Куна был получен ответ: «Для увеличения выпуска винтовок остановить установку ружей Холодовского и легких пулеметов. Производство револьверов продолжить по возможности, не понижая значительно установившегося выпуска»²⁵.

Однако история модернизации Холодовским винтовки образца 1891 г. не пришла к своему завершению. В ноябре 1914 г. на завод была переслана для ознакомления копия журнала оружейного отдела Арткома от 28 октября, из которого следовало, что вопрос о винтовке Холодовского по-прежнему находится под пристальным вниманием ГАУ.

Содержание журнала свидетельствовало, что предложения Холодовского стали рассматривать не изолированно, как это

осуществлялось ранее, а в сравнении с предложениями других изобретателей. Следовательно, по прошествии двух с половиной лет был реализован подход, предложенный Артиллерийским комитетом на раннем этапе изучения данного вопроса.

Арткому было предписано в кратчайшие сроки дать заключение о тех изменениях, которые могут быть приняты к вновь изготавливаемым винтовкам, что соответствовало упомянутому выше указанию генерал-инспектора артиллерии.

Всего Арткомом было рассмотрено 13 изменений. Все они подверглись критике. Предложения Холодовского обсудили отдельно, высказались крайне деликатно. Мнение о каждом из них было вынесено положительное, но при этом отмечалось либо наличие незначительных недостатков, либо сложность изготовления, либо незавершенность работ изобретателя. Из всех предложений Холодовского были оставлены следующие:

1. Курок для более удобной постановки на предохранительный взвод,
2. Пружинный шомпольный упор,
3. Длинная рукоятка к стеблю затвора,
4. Подающий механизм с указателем для израсходования патронов,
5. Коробка с выемом для пальца в левой стенке и с измененным наклоном пазов для обоймы.

Участники совещания пришли к мнению, что для осуществления этих изменений во вновь изготавливаемых винтовках потребуется разработка особых приспособлений для станков и, как следствие, замедлится выпуск винтовок. Поэтому реализацию предложений Холодовского необходимо отложить «до более благоприятного времени, тем более что эти усовершенствования не имеют особо большого значения»²⁶.

Следующий документ, выявленный в ходе проведенного исследования, относится к концу ноября 1915 г. Это сообщение начальника Тульского оружейного завода в ГАУ о том, что чертежи от Холодовского все еще не получены²⁷.

Следовательно, несмотря на констатацию в журнале оружейного отдела Арткома незначительности изменений, предложенных Холодовским, задание на изготовление 4000 винтовок не было отменено. И это невзирая на кризисную ситуацию в деле снабжения армии винтовками.

Наконец, 13 августа 1916 г. завод получил предписание забракованные винтовки Холодовского, оставшиеся детали и дюралюминий отправить в Одесское окружное управление, где Холодовский соберет несколько винтовок из имеющихся частей, а дюралюминий использует для изготовления дальномеров собственной системы²⁸. Из этого следует, что Холодовский не только не прекратил опытов с винтовкой образца 1891 г., но напротив, расширил границы своих изобретательских устремлений.

Настоящее исследование не преследует цель дать оценку винтовке, модернизированной Холодовским. Однако преобладание в изложенном материале негативного отношения к данному изобретателю требует приведения фактов, которые могут быть использованы в качестве обоснования противоположного мнения. Как следует из приведенной ниже таблицы, войсковые испытания выявили некоторые преимущества винтовки Холодовского по сравнению со штатным образцом. Однако в целом войсковые испытания дали неудовлетворительные результаты.

Таблица 1

Результаты испытаний винтовки Н.И. Холодовского²⁹

Мишени	Расстояние, м	Попало пуль	
		Винтовка Холодовского	Винтовка образца 1891 г.
Рост	800	142	87
Грудные	600	53	28
Рост	400	264	115
Головные	200	235	98

Исследование социально-психологического аспекта проектирования оружия предполагает выявление участников рассматриваемого процесса и алгоритма их взаимодействия. Как правило, проектирование оружия осуществлялось во взаимодействии изобретателя, оружейного отдела Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления, завода-изготовителя и войсковых частей, проводивших испытание образца. Однако при реализации проекта Холодовского ситуация была осложнена давлением, оказываемым высокопоставленным лицом. В результате круг участников рассматриваемых событий оказался существенно расширен, причем для

дифференциации позиции каждого из них имеется достаточное основание.

Приведенные документы позволяют расширить состав традиционных участников проектирования стрелкового оружия следующими лицами. Это прежде всего высокопоставленный персонаж, оказывавший поддержку проекту Холодовского, предположительно, вел. кн. Сергей Михайлович. Далее следуют принявшие в той или иной мере участие в рассматриваемых событиях:

- начальник ГАУ генерал-лейтенант Д.Д. Кузьмин-Караваев, лично поддерживавший начинания Холодовского,
- заведующий техническими артиллерийскими заведениями ГАУ генерал-лейтенант А.А. Якимович, разделявший позицию Тульского оружейного завода,
- начальник завода генерал-лейтенант А.В. Кун, которого не представляется возможным рассматривать как органичную составляющую группы заводских технических специалистов, поскольку на раннем этапе реализации предложений Холодовского он сохранял нейтралитет в отношении изобретателя.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что успех продвижения того или иного изобретения в России в начале XX в. в значительной мере зависел от личности изобретателя, а точнее, наличия у него протекции. Однако ошибочно было бы утверждать, что существенную роль в этом играл чин изобретателя. Так, начальник Тульского оружейного завода генерал-лейтенант А.В. Кун представлял на рассмотрение ГАУ предложения по усовершенствованию рамки прицела стоявшей на вооружении винтовки, которые были отклонены³⁰. С таким же результатом начальник Ижевского оружейного завода генерал-майор Д.С. Фролов предложил боковой прицел для стрельбы на дальние дистанции³¹.

Следовательно, исторический процесс проектирования оружия в России в начале XX в. обнаруживает мощный субъективный фактор, который, как это следует из примера попытки внедрения предложений Холодовского, приобретал решающее значение в продвижении изобретения в случае вовлечения в ход событий представителей царствующей династии.

¹ Фадеев Р. Вооруженные силы России. М., 1868. С. 2.

² Баранов Н.А. Артиллерийский комитет ГАУ. 1804–1917 гг. // Повелители огня: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 69.

³ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 187. Оп. 2. Д. 321. Л. 33.

- ⁴ Там же. Оп. 1. Д. 10116. Л. 1, 12, 13 об.; Оп. 2. Д. 152. Л. 426–428.
- ⁵ Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Л., 1938. Ч. 1. С. 130.
- ⁶ Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР, 1939. Ч. 2. С. 125.
- ⁷ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10141. Л. 1–2, 32–45.
- ⁸ Там же. Л. 32–45.
- ⁹ Там же. Л. 12, 14, 16–19, 53, 60, 61.
- ¹⁰ Там же. Л. 56–57.
- ¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 263.
- ¹² Неверные донесения из корыстных или иных личных целей, расцениваемые как подлог.
- ¹³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10141. Л. 87, 90–91.
- ¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 275.
- ¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 10141. Л. 71, 77, 106, 109.
- ¹⁶ Там же. Л. 63, 70, 74, 103, 118.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 10171. Л. 948.
- ¹⁸ Там же. Д. 10141. Л. 95, 116, 124, 136, 146–147.
- ¹⁹ Там же. Л. 146–147, 156–157, 160, 178–179.
- ²⁰ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 249, 252.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 10141. Л. 238.
- ²² Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 273.
- ²³ Там же. Оп. 1. Д. 10171. Л. 589.
- ²⁴ Там же. Д. 10141. Л. 243.
- ²⁵ Там же. Д. 10171. Л. 141, 193, 200.
- ²⁶ Там же. Л. 588–592.
- ²⁷ Там же. Д. 10141. Л. 254.
- ²⁸ Там же. Л. 263.
- ²⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1166. Л. 47.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 310. Л. 175–177.
- ³¹ О боковом прицеле для стрельбы на дальние дистанции из 4,2-лин. пехотных винтовок, предлагаемом генерал-майором Фроловым // Оружейный сборник. 1880. № 1. Перечень занятий оружейного отдела Артиллерийского комитета. С. 46–47.

И.Г. Дуров (с. Репенка, Белгородская обл.)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ВРАЧЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

АНАЛИЗ опубликованных архивных источников и нормативно-законодательных актов свидетельствует, что здравоохранение в Московском государстве в конце XVII в. находилось в зачаточном состоянии. Немногочисленные медики-иностранцы, нанятые в странах Западной Европы и подчиненные Аптекарскому приказу, в основном, находились при царском дворе для лечения монарха и членов его семьи, а также служили лекарями в полках русской армии.

Весь медицинский персонал разделялся на четыре категории: подлекари¹, лекари, штаб-лекари и доктора. Подлекарь, прослужив в должности не менее шести лет, мог сдать экзамены на лекаря. Лекарь в данный период времени – это хирург, владевший оперативными и консервативными методами лечения различных травм и ранений, а также наружных заболеваний. Тогдашние хирурги, собственно, не признавались врачами, так как хирургией занимались цирюльники, костоправы, странствующие монахи. Штаб-лекарь – это звание присваивалась без сдачи каких-либо экзаменов, за определенные услуги, оказанные по медицинской службе. Ученую высшую степень составляла степень доктора медицины².

Доктор из природных россиян должен был представить в Аптекарский приказ (Медицинскую канцелярию, коллегию) диплом, защищенный в заграничном университете, и также сдать особый проверочный экзамен. Если оказывалось, что знания, показанные на экзамене, по мнению комиссии во главе архиятером, недостаточные, тогда испытуемый зачислялся на медицинскую службу подлекарем. Через год он мог повторно попытаться сдать комиссии, проверочный экзамен. Экзаменам перед занятием должности также подвергались

все прибывающие в Московское государство иностранные врачи и аптекари, независимо от представленных ими рекомендаций и наличия аттестатов (дипломов)³.

В Московском государстве доктор – это дипломированный специалист, лечивший внутренние болезни, то есть врач-терапевт. В штатные расписания войсковых частей русской армии должности полковых лекарей всегда заносились ниже должностей докторов, а их денежные оклады заметно уступали высокому докторскому содержанию⁴.

Иноземным врачам и лекарям в России традиционно жилось очень хорошо⁵, тогда как полковые лекари, русские по национальности, в 1662 г. направили коллективную челобитную царю Алексею Михайловичу, где униженно писали, что в походе на русско-польскую войну постоянно, «всякую нуж[д]у и бедность терпели» и просили увеличить им размеры окладного должностного денежного жалования и повысить норму хлебной дачи⁶.

Годом раньше восемь учеников лекарского и костоправного дела из природных россиян также били челом русскому самодержцу: «Людишки мы, холопи твои бедные и скудные, есть и пить нечево, помираем голодною смертию». С 1656 по 1663 гг. окладное должностное жалование в армии выплачивалось медными деньгами, но наравне с серебром. И хотя введенные в оборот медные деньги ходили по стране всего два года, но уже в 1658 г. медный рубль так резко обесценился, что стал в 10–12 раз меньше серебряного по номиналу.

В результате русские лекари и лекарские ученики задолжали всем кредиторам, приставы их постоянно ставили на правез, подьячие описывали в счет долга скудное имущество. И хотя труд русских врачей был глубоко профессиональным и не менее производительным, чем у их коллег-иноземцев, однако в Аптекарском приказе они традиционно занимали только низшие иерархические ступени.

В многочисленных челобитных, поданных в Аптекарский приказ и непосредственно монарху, русские лекари жаловались на то, что «оскорблены они перед своею братиею иноземными врачами», неверием в их профессиональные качества и незначительной по размерам оплатой их службы. Должностные оклады русских лекарей были в 2–4 раза меньше, чем жалование лекарей-иноземцев⁷. Однако «правительство ... милости свои оно [только] изливало на излюбленных представителей русской медицины, иноземных докторов»⁸.

Особенно катастрофически ухудшалось материальное положение русских лекарей в случае собственной болезни, так как выплата им денежного жалования полностью прекращалась. Не полагалась им и пенсия по болезни или по старости, при выходе в отставку. Исключение делалось только для лиц с безупречной репутацией, за которыми числились большие заслуги в лечении больных и раненых ратных людей.

Так, полковой лекарь Федот Яковлев, когда он после 35-ти лет службы «устарел и заскорбел» и «служить ему стало [больше] не в мочь», было велено «за его службишку и для его старости» постричь в иноки Даниловского мужского православного монастыря «безвкладно» и «государева денежного жалования указано было давать ему на год по пяти рублей, да месячного корму по два рубля на месяц». По образному выражению историка медицины М.Ю. Лахтина, «в этом безвкладовом пострижении отставного полкового врача надо видеть первый намек на пенсию»⁹. По нашим подсчетам, суммарный размер годовой пенсии составил около 60 % от высшего должностного оклада полкового лекаря¹⁰.

Многодетной вдове лекаря С. Ларионова Екатерине в 1681 г. из сумм Аптекарского приказа выплачивалась пенсия 6 р. 40 к. в год. Минимальный оклад русского лекаря с учетом кормовых денег составлял 25 р. 90 к., максимальный – 50 р. в год¹¹.

При Петре I основными направлениями в формировании и развитии медицинской службы являлись: организация управления; наймы врачей за границей; налаживание медицинского образования; создание материально-технической базы лечебных учреждений, прежде всего для медицинского обеспечения личного состава армии и учреждаемого флота; становление и развитие аптекарской сети; проведение лечебно-профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий по предупреждению эпидемий и эпизоотий¹².

Много сил и средств монарху пришлось затратить на создание военно-медицинских учреждений, предназначенных для лечения больных и раненых военных и морских чинов. К концу царствования императора Петра I госпитали «для лечения болящих людей», кроме Москвы и Санкт-Петербурга, были возведены в Кроншлоте¹³ на о. Котлин (1720), в Ревеле (1716¹⁴), Астрахани (1724¹⁵), Казани (1722), Таврове (1724¹⁶). Глухое упоминание о существующем госпитале («ошпиталь»¹⁷) в Азове в 1709 г. содержится в делопроизводственных материалах фонда «Адмиралтейская канцелярия при

Адмиралтейств-коллегии» РГА ВМФ¹⁸. По данным историка Азовского флота С.И. Елагина, по состоянию на 3–28 сентября 1710 г. в морской крепости Азов находилось четыре флотских лекаря¹⁹.

Учрежденные Петром I госпитали, как правило, были дислоцированы в городах, имевших речные и морские военные (торговые) порты. Они были расположены на важнейших воднотранспортных и сухопутных магистралях страны, что позволяло властям удобно эвакуировать раненых и больных в военно-лечебные учреждения армии и флота.

В начале XVIII столетия первоначальная медицинская помощь больным и раненым унтер-офицерам и солдатам (матросам) и, вероятно, ветеранам, уволенным по состоянию здоровья, полученным увечьям и дряхлости в отставку, оказывалась лекарями «в лечебных избах» в пунктах расположения полков и флотских команд. В последние годы, когда для стационарного размещения личного состава пехотных (гарнизонных) и кавалерийских полков в городах возвели слободы с полковыми дворами, складами, избами для солдат, в них построили и медицинские лазареты.

Всего, в основном, в европейской части страны было основано 500 лазаретов и создана аптечная сеть. Наряду с полевыми аптеками, открылись новые стационарные аптеки: в Москве – 8; в Санкт-Петербурге – 3, в десятке других российских городов по одной²⁰.

Одной из главных проблем для Московского государства в конце XVII в. было не только создание инфраструктуры медицинской службы, а отсутствие в данный период времени отечественного корпуса медиков, необходимость в которых резко возростала в условиях будущего военного противоборства россиян со шведами на суше и море.

Поэтому первоначально медицинский персонал был, по установившейся традиции, полностью нанят за границей. Только в 1698 г. в Амстердаме были приняты на русскую службу 52 лекаря²¹, сроком на 4 года. Все они ранее служили в голландском, английском, датском, испанском, португальском, венецианском флотах²². Каждому лекарю назначили годовой должностной оклад в 150 ефимков (75 р.) и суточные кормовые деньги²³.

Первое крупнейшее учение Азовского флота в 1699 г. выявило профессиональную непригодность небольшой части лекарей-иноземцев. Некоторые из них оказались не востребованы для дальнейшего прохождения медицинской службы по моральным и этическим

качествам. Другие лекари так и не смогли жить и работать в тяжелых материально-бытовых условиях в Азове и на воронежских верфях и хотели уехать из России.

Поэтому после завершения кампании Азовского флота, в 1699 г. «по разбору» указом Петра I «с Москвы до рубежа», наряду с не востребовавшими офицерами-иноземцами и другими морскими специалистами, был отправлен 31 лекарь. К началу 1702 г. в Азовском флоте осталось всего 12 лекарей-иноземцев²⁴. В связи с этим было принято решение для укомплектования экипажей военных судов нанять медиков за границей. В 1703 г. вице-адмирал К.И. Крюйс, находившийся в служебной командировке в Амстердаме, нанял и направил на торговом судне в Архангельск доктора и 12 лекарей²⁵.

Потребность во врачах-иноземцах была велика из-за практического отсутствия собственных подготовленных национальных медицинских кадров. По штатному расписанию флота и военных портов лекарь полагался на большую морскую галеру²⁶, линейный и бомбардирский корабль, фрегат и шняву, в отдельный галерный батальон²⁷. Поэтому после завершения деятельности Азовского флота в 1712 г. из Воронежа, Азова и Таганрога (морской крепости Троицкой) были отправлены в Санкт-Петербург в распоряжение Адмиралтейской канцелярии 6 лекарей и лекарский ученик²⁸.

19 августа 1713 г. Петр I предписал российскому послу во Франции и Голландии князю Б.И. Куракину нанять в западноевропейских странах 17 лекарей на Балтийский флот, установив им должностные оклады из расчета по 10 и 12 р. в месяц²⁹. В 1714 г. в Россию прибыли нанятые Б.И. Куракиным 16 лекарей, подписавших контракты с агентом русского правительства Я. Фанденбургом (ван дер Бургом)³⁰. Однако острый недостаток в корабельных врачах ощущался постоянно³¹. Даже после этого большого найма на Балтийском флоте не хватало 30 лекарей и 20 лекарьских учеников³². Всего по состоянию на 11 февраля 1715 г. на флоте при Котлине и Санкт-Петербурге находились доктор, штаб-лекарь, аптекарь, 26 лекарей, все они были иноземцы.

Также на военных судах и в госпиталях имелось 23 подлекаря, из них 18 – природные россияне. Обучались при госпитале 19 русских подлекарьских учеников. В Ревельской эскадре проходили службу 10 лекарей, а в Архангельске – 2, которых наняли за границей³³.

Архивная «Табель морского флота служителей при Ревеле и на Котлине острове при [Балтийском] флоте находящихся», датированная

12 марта 1717 г., показывает, что на восемнадцати линейных кораблях и фрегатах Котлинской корабельной эскадры содержалось 23 лекаря, а на девяти военных судах Ревельской корабельной эскадры – 12³⁴. Общая потребность в медицинских чинах в Балтийском флоте, по данным обер-штер-кригс-комиссара Адмиралтейства генерал-майора Г.П. Чернышева, в 1717 г. составляла 42 лекаря, некомплект – 10; подлекарей – 27, некомплект – 12 чел.³⁵

Последующие наймы военных и военно-морских врачей на русскую службу осуществлялись преимущественно в Голландии, Англии, Франции, Дании, немецких государств, и они продолжались вплоть до окончания Северной войны³⁶. Как результат, по состоянию на 14 августа 1720 г. по штатному расписанию на линейные корабли и военные суда Балтийского флота требовалось 39 лекарей, в наличии имелось 38; подлекарей – 29, сверх комплекта было 6 чел. Некомплект состоял только из 37 лекарских учеников: требовалось 66, в наличии находилось 29 из природных россиян³⁷.

Наряду с массовыми приглашениями врачей на русскую службу также осуществлялись индивидуальные наймы медицинских чинов за границей на вакантную должность для конкретного лечебного учреждения. Так, Адмиралтейств-коллегия 13 сентября 1723 г. постановила: «Прусской нации лекаря Михеля Михельсона принять в службу Е.В. и определить в с. петербургскую госпиталь на место лекаря Ягана Эхлера»³⁸.

Периодические наймы медицинского персонала в странах Западной Европы позволяли увеличить численность медиков не только на учреждаемом флоте, но и в войсках. Так, для оказания медицинской помощи в каждом пехотном (драгунском) полку русской регулярной армии содержался штатный лекарь, с 24 января 1713 г. к нему указом монарха был добавлен еще один врач³⁹, а в лейб-гвардии Преображенском и Семеновском полку имелось по четыре лекаря⁴⁰, в Ингерманландском пехотном полку их было три⁴¹.

Однако не всегда, в частности, в лейб-гвардии Преображенском полку имелось вышеуказанное количество лекарей. Так, в 1702 г. при штурме Нотебурга в полку находилось 2 лекаря. 19 сентября 1706 г. в поход из Киева до Могилева в составе полка (3182 чел.) вышли 2 лекаря и 23 лекарских ученика. В том же году в Гродно, где временно дислоцировался полк (3025 чел.), находилось 3 лекаря и 6 лекарских учеников⁴².

В каждом гарнизонном полку по штатному расписанию также имелся лекарь. Кроме лекарей, командованием определялась необходимая численность фельдшеров (цирюльников) в воинских частях, и прежде всего в ротах, тоже относившихся к разряду медицинских чинов. Общая численность военных врачей в полках русской полевой (действующей) армии при Петре I, по подсчетам современных историков военной медицины А.А. Будко и А.В. Шабунина, составляла примерно 90 лекарей⁴³.

Всего же, по данным известного дореволюционного историка медицины В.М. Рихтера, более 40 докторов и 106 лекарей приехали при правлении Петра Великого в армию и флот из-за границы⁴⁴.

Количество медицинского персонала на линейных кораблях, фрегатах и прочих военных судах было установлено Уставом морским 1720 г., Адмиралтейским регламентом 1722 г.⁴⁵ На линейный корабль (90-, 80-, 76-, 66-, 50-пушечный), 32-пушечный фрегат и 16-, 14-пушечную шняву полагался штатный лекарь. По два подлекаря имелось только на 90-, 80 пушечных линейных кораблях, по одному – на 76- и 66-пушечных. На всех линейных кораблях содержалось по два лекарьских ученика, а на фрегатах и шнявах – по одному⁴⁶.

До принятия Устава Морского 1720 г. количество лекарей и лекарьских учеников даже на однотипных линейных кораблях и военных судах могло быть различным⁴⁷.

Кроме найма медицинского персонала в странах Западной Европы, на русскую службу в добровольно-принудительном порядке зачислялись лекари из пленных шведов⁴⁸. К примеру, только за период боевых действий с 18 июля 1701 г. по 12 сентября 1705 г. в Лифляндии русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева взяли в плен, наряду с другими военными, четырех шведских лекарей⁴⁹. После сокрушительного поражения шведов в Полтавской баталии 27 и 28 июня 1709 г. в русский плен из конницы, пехоты и артиллерии были взяты 40 полковых фельдшеров, а также 48 их помощников, придворный аптекарь. Всем фельдшерам решением генерал-фельдмаршала А.Д. Меншикова были оставлены багаж и прислуга⁵⁰.

Известный историк петровского флота П.А. Кротов по архивным спискам морских и военных чинов по состоянию на 1708, 1715 и 1723 гг.⁵¹ рассчитал динамику численности русских и иностранцев в медицинском составе за 15 лет (таблица 1).

Таблица 1

Численность медицинского персонала Балтийского флота в 1708–1723 гг.⁵²

Должности медицинского персонала	1708 г., 1 января		1715 г., 31 декабря		1723 г., 20 мая	
	Русские	Иноземцы	Русские	Иноземцы	Русские	Иноземцы
Доктора	–	–	–	1	–	–
Лекари	–	8	–	45	–	38
Подлекари, лекарские подмастерья	–	–	17	8	15	14
Лекарские ученики	1	–	21	–	45	–
Всего	1	8	38	54	60	52
Всего (%)	11,1	88,9	41,3	58,7	53,6	46,4

В соответствии с Адмиралтейским регламентом 1722 г. в каждом адмиралтейском госпитале следовало содержать доктора, старшего (главного) лекаря, лекарей из расчета один на 200 больных. В помощь лекарю назначались два подлекаря и 4 лекарских ученика⁵³. К примеру, лечение больных в Санкт-Петербургском адмиралтейском генеральном госпитале в 1720 г. осуществляли: доктор, главный лекарь, 5 лекарей, 10 подлекарей, 20 лекарских учеников⁵⁴.

Медицинский состав Балтийского флота в 1723 г. почти наполовину был укомплектован иноземцами из них наиболее высокие квалификации докторов и лекарей тогда имели иностранные специалисты из западноевропейских стран.

И в 1727 г. доктора и большинство лекарей на Балтийском флоте были иноземцы (таблица 2).

Таблица 2

Численность медицинского персонала Балтийского корабельного и галерного флота, морских военных госпиталей в соответствии с определением Адмиралтейств-коллегии от 19 февраля 1727 г.⁵⁵

Должности медицинского персонала	Наименование морских военных госпиталей и штатное количество больных в них			Наименование флота		Размер оклада (р. в год)
	Петербургский (300 чел.)	Кронштадтский (500 чел.)	Ревельский (200 чел.)	Корабельный / Галерный		
Доктор	1	1 ⁵⁶	1 ⁵⁷	–	–	612
Главный лекарь	1	1	1 ⁵⁸	1 ⁵⁹	–	300/200
Старший лекарь	1	2	1	–	–	186
Лекарь	–	–	–	39 ⁶⁰	3	186/156
Подлекарь ⁶¹	3	5	2	28	3	84
Лекарский ученик	6	10	4	66 ⁶²	3 ⁶³	24/18

Следует отметить, что хронический некомплект медицинских кадров в пехотных и кавалерийских полках русской регулярной армии, на кораблях флота и в системе гражданского здравоохранения, и прежде всего врачей высшей квалификации, в Российской империи в XVIII столетии существовал постоянно⁶⁴.

Правительство принимало меры по ликвидации некомплекта, но явно недостаточные. Так, 30 июня 1728 г. указ императора Петра II приравнивал медицинские чины, в зависимости от занимаемой ими должности, к обер-офицерским рангам: чин штаб-лекаря отныне соответствовал воинскому чину капитан-поручика, а лекаря – подпоручика. Присвоение обер-офицерских чинов медицинскому персоналу русской армии в какой-то мере помогло уменьшить предвзятость строевых офицеров по отношению к служебной деятельности врачей⁶⁵. Но основной причиной некомплекта медицинских чинов в войсках и во флоте было их низкое денежное содержание.

30 марта 1732 г. императрица Анна Иоанновна утвердила доклад Сената о назначении лекарям ландмилиционных полков окладного денежного жалованья по 120 р. в год, по примеру окладов лекарей остзейских (прибалтийских) гарнизонных полков⁶⁶. 3 января 1733 г. монархиня наложила высочайшую резолюцию «Учинить прибавку к жалованью» на докладе Военной коллегии, которая просила увеличить должностной оклад лекарям гарнизонных полков, составлявший в Москве и других городах 80 р. в год, так как «на оной оклад из чужих краев не хотят (иноземные врачи поступать на русскую службу. – *И. Д.*)». В результате оклады лекарей гарнизонных полков, дислоцированных в Астраханской губернии, Сибири и на китайской границе, были увеличены на 12–15 р., в Казани, Киеве, Архангельске и прочих городах – на 10 р.⁶⁷ Однако повышение окладов было небольшое. Поэтому и некомплект врачей уменьшился незначительно. 15 сентября 1736 г. был издан именной указ «О наблюдении, чтобы в докторях, лекарях и аптеках и лекарствах никакого недостатка не было»⁶⁸.

Некомплект медицинского персонала наблюдался и при правлении императрицы Елизаветы Петровны. Численность русской армии во время Семилетней войны 1756–1763 гг. существенно увеличилась⁶⁹, поэтому возникла острая необходимость в дальнейшем усилении полков медицинскими чинами. Кроме того, медицинский персонал требовался в учреждаемые в европейской части Российской империи новые госпитали и гарнизонные лазареты. Новое штатное

расписание, утвержденное самодержицей 26 ноября 1756 г., безусловно, увеличивало возможности по оказанию медицинской помощи в полку перед началом боевых действий с Пруссией. Предполагалось обеспечение полка лекарем, двумя подлекарями и двумя лекарскими учениками. В сформированном в 1756 г. Обсервационном корпусе в составе одного гренадерского и пяти мушкетерских полков, где численность личного состава была удвоена, по штату полагалось и двойное количество медицинских чинов⁷⁰.

Для лечения раненых и больных в Риге и Митаве, «...где тогда было великое число больных и раненых солдат...»⁷¹, были учреждены два генеральных сухопутных госпиталя.

Медицинская канцелярия была вынуждена изыскивать резервы как по доукомплектованию полков медицинскими чинами, так и укомплектованию открывшихся по новым штатам вакантных мест⁷². Для этого в действующую армию и на корабли Балтийского флота были направлены лекари и лекарские ученики из всех сухопутных и морских госпиталей Российской империи. Также были откомандированы выпускники госпитальных школ, перемещены врачи из гарнизонных полков и лазаретов из внутренних районов страны.

Одновременно проводились мероприятия по подготовке новых кадров медицинских работников. На место выпускников госпитальных школ и лекарских учеников, убывших в действующую армию, был набран новый контингент учащихся.

Указ от 25 августа 1758 г. предписывал президентам Военной и Адмиралтейской коллегий, губернским властям направлять детей умерших медицинских чинов в госпитальные школы на казенный кошт для обучения медико-хирургическим наукам и после завершения курса обучения направлять их лекарями в войска и на корабли.

В Восточной Пруссии, которая была занята русской армией и превращена в очередную русскую провинцию, по предложению начальника Медицинской канцелярии доктора П.З. Кондоиди вводилась практика усиленной вербовки немецких докторов и лекарей. Немцам выплачивали такие размеры жалованья, как и русским врачам, и денежное награждение за каждого вылеченного ими раненого (больного) военного чина.

Медицинская коллегия как орган центрального управления медицинской службой страны и вооруженных сил была образована указом Екатерины II от 12 ноября 1763 г. Она состояла из двух департаментов: Коллегии Докторского и Лекарского искусства и созданной

для обеспечения хозяйственной деятельности Медицинской канцелярии.

К указу прилагалась подробная инструкция, в которой Екатерина II отмечала неудовлетворительное состояние медицины в стране, и ею же одновременно были намечены конкретные мероприятия по исправлению данного положения. Императрица была явно обеспокоена прежде всего малочисленностью докторов и лекарей из природных россиян, засильем иноземных специалистов и острой нехваткой медицинских чинов в провинциях и, особенно, отдаленных местностях.

Поэтому Медицинской коллегии ставились две основные задачи: проведение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, имевших целью «сохранение врачеванием народа в Империи»; организационная, учебная и научная – это «заведение российских Докторов, Лекарей, Операторов и Аптекарей»⁷³.

Однако на подготовку лекарей из природных россиян требовались грамотные абитуриенты, чтобы затем их отобрать на конкурсной основе, далее следовало не менее 5–7 лет на их обучение, а для подготовки докторов эти сроки увеличивались вдвое. И хотя положение с врачами в стране несколько улучшилось, но их было еще недостаточно для полного удовлетворения потребностей армии, флота и гражданского здравоохранения.

К примеру, 15 января 1773 г. Адмиралтейств-коллегия определила послать в Медицинскую коллегию промеморию, в которой предписывалось «требовать, дабы она благоволила в положенное во флотах по штатам число медицинских служителей к наличным в добавок откуда надлежит определить ныне заблаговременно, [к началу кампании,] а именно лекарей 28, подлекарей 29, да лекарских учеников 75 человек»⁷⁴. Для комплектования прибегли как к найму за границей, так и использовали внутренние резервы, нанимая на службу штатских медиков. Так, в этом же году был нанят лекарем на Балтийский флот в морские солдатские батальоны К.И. Линдорв, вероятно происходивший из прибалтийских немцев, имевший 13 лет медицинского стажа. В его представлении на должность подчеркивалось, что он немецкой и русской грамоте «читать и писать обучен, арифметику и рисовальную часть (анатомию. – И. Д.) знает»⁷⁵.

Или 8 декабря 1786 г. в Адмиралтейств-коллегии «имели разсуждения о лекарях корабельного флота, которых хотя по штату и положено в оном флоте содержать по числу 40 кораблей и прочих судов,

положенных по мирному комплекту 68, да штаб-лекарей 2-х, итого 70, но из них лекарей никогда всего штатного числа не наполняется, так как и ныне налицо их состоит токмо 44, да и тех при столь не полном числе почти беспрестанно медицинская коллегия, выключая из флота, определяет в другие команды, не наполняя иногда вместо их другими. . .»⁷⁶ Кроме лекарей, острый некомплект на флоте наблюдался и в средних и младших медицинских специалистах, подлекарях и лекарских учениках. К примеру, по состоянию на январь 1787 г. только в Балтийском корабельном флоте вакантными были должности 27 лекарей, 70 подлекарей и 68 лекарских учеников⁷⁷.

В течение Русско-турецкой (1787–1791) и Русско-шведской войн (1788–1790) потребность в медицинском персонале для армии и флота еще более увеличилась. Так, 20 июня 1788 г. в Адмиралтейств-коллегии «читаны две промемории, из коих первую на требование адмиралтейской коллегии о присылке для укомплектования флота и эскадр не достающих в штатное число подлекарей 43-х и лекарских учеников 113, дает знать, что в число медицинских чинов определено ею для флота лекарей 14, подлекарей 79 и лекарских учеников 25 человек, более ж сего числа, та медицинская коллегия, подлекарями и учениками, за неимением оных флот снабдить не может, поелику и при госпиталях осталось весьма малое количество, да и к пользованию больных предвидится крайний недостаток. . .»

Во второй промемории сообщалось, что Медицинская коллегия произвела восемь лекарских учеников в подлекари и направила их в Кронштадтский адмиралтейский генеральный госпиталь. Кроме того, она просит Адмиралтейств-коллегию увеличить при всех морских госпиталях количество «для обучения для фельдшерской науки школьников»⁷⁸.

В промемории Адмиралтейств-коллегии по приготовлению галерного флота к кампании 1790 г. предписывалось, заблаговременно принять меры по комплектованию гребно-парусных судов лекарями, накоплению лекарств, как в госпиталях, так и в командах и в войсках, предназначенных для морского похода⁷⁹.

Острый некомплект медицинских чинов в армии и во флоте приводил к тому, что странах Западной Европы нанимались практически любые медики, пожелавшие отправиться в Российскую империю, независимо от их стажа и образования.

Так, доктор М.А. Вейкарт, бывший лейб-медик императрицы Екатерины II, особо отметил в своих воспоминаниях, «что большая

часть врачей, до сих пор приезжавших в Россию, были просто студенты или бедняки, не имевшие практики, или профессора, которые отправлялись в Россию в надежде составить карьеру. Некоторые из них, действительно, достигали известности и [получали за свою лечебную деятельность много] денег, и приобретали почет, хотя дома были [только] простыми цирюльниками»⁸⁰.

Острый недостаток во врачах, особенно квалифицированных, приводил к самым печальным последствиям. К примеру, в русских войсках, под командованием фельдмаршала графа А.В. Суворова, в 1794 г. силой оружия приводивших мятежных поляков в покорность русской короне, отмечалось увеличение летальных исходов как среди раненых россиян, так и взятых в плен польских военнослужащих, из-за невозможности после сражения в кратчайшие сроки оказать им медицинскую помощь⁸¹.

Недаром император Павел I ввел в Устав о полевой пехотной службе 1796 г. главу XVI «О принятии в службу Лекарей, о присмотре за больными и о сбережении солдат»⁸².

Потребность в медицинских чинах и требования к их квалификации увеличивались, однако их жалованье было небольшим по сравнению с окладами строевых офицеров, и не всегда они, после выхода в отставку, получали пенсию.

Начиная с правления императора Петра Великого отставным врачам, вдовам и сиротам медиков, чьи мужья (отцы) погибли в сражении или умерли, находясь на военной службе, предписывалось назначать пенсии на основании положений Адмиралтейского регламента 1722 г. (глава I, артикул 44) и Устава морского 1720 г. (книга 4, глава 4, артикул 7).

Вместе с тем, эти положения общих нормативно-правовых пенсионных актов на практике редко применялись к медицинским чинам. Как уже отмечалось, большая часть докторов и лекарей являлись иностранцами, которые служили в русской регулярной армии и флоте в соответствии с капитуляциями (контрактами, обычно заключаемыми сроком на 3–5 лет, с указанием окладного жалованья, которое могло быть разным, причем для одинаковых званий и должностей⁸³). В большинстве контрактов не всегда оговаривались пенсионные права врачей и также из каких сумм и в каких государственных учреждений должны были выплачиваться им пенсии после увольнения в отставку.

Только в капитуляциях известных врачей содержался обязательный пункт о выплате пенсии. К примеру, 16 марта 1702 г. голландец

доктор Н.Л. Бидлоу заключил с русским правительством капитуляцию на занятие должности царского лейб-медика сроком на шесть лет с годовым окладным жалованьем 2500 голландских гульденов (500 русских рублей серебром), которые должны были выплачиваться ему каждую треть года. Кроме того, ему были назначены квартирные деньги в размере 60 р. для оплаты наемной квартиры в Москве. В случае смерти Н.Л. Бидлоу на русской службе до истечения шести лет, правительство обязывалось выплачивать жене или его прямым наследникам пенсию в размере половины годового окладного жалованья⁸⁴.

Исследования Г.В. Калашникова подтверждают высказывания видного дореволюционного историка медицины Я.А. Чистовича. Лекари, подписавшие контракты с русским правительством, не имели служебной перспективы. Доктора, лекари, аптекари-иностранцы нанимались на 3–5 лет в вооруженные силы и затем покидали Российскую империю из-за тяжелых материальных, бытовых условий и прочих причин⁸⁵.

Вместе с тем, вышеперечисленные законодательные акты назначали пенсию исключительно по усмотрению самодержца, так как по многолетней русской традиции «увольнение с пенсионом [в отставку] неоспоримо принадлежит к монаршей милости»⁸⁶. По этому поводу немецкий юрист Л. Штейн пришел к принципиальному выводу, что только когда пенсионное содержание отставных военных и морских чинов, гражданских лиц утрачивает свой избранный характер «всемиловейшего пожалования» за службу в армии и флоте, в учреждениях, тогда оно становится всеобщим правом⁸⁷. Дореволюционный русский юрист В.А. Лебедев, специализировавшийся в финансовом праве, обосновал, что «общего [пенсионного] закона [в Российской империи] не было, все зависело от царского усмотрения. Впрочем принимались в соображение заслуги [уволненного в отставку или умершего на службе] лица, также и недостаточность [денежных] средств к [достойному] существованию оставшегося после него семейства»⁸⁸.

Так, в 1730 г. императрица Анна Иоанновна уволила в отставку архиятера доктора Л. Блюментроста с пенсией в размере окладного должностного жалованья и чином действительного статского советника. Также с пенсией в размере окладного жалованья был уволен в отставку доктор Ян Гови, бывший ранее несколько лет придворным лекарем, а после смерти Петра Великого главным хирургом Адмиралтейств-коллегии⁸⁹.

Анализ показал, как правило, пожалованные монархами размеры государственных пенсий отставных медицинских чинов колебались от 100 до 300 р. в год. По штатному расписанию Медицинской канцелярии от 9 февраля 1733 г. на выдачу пенсий ассигновалось 2 тыс. р. в год. Отставным врачам, вдовам и сиротам пенсия назначалась из сумм Медицинской канцелярии в размерах по усмотрению ее начальника.

К примеру, в 1736 г. пенсия отставному доктору Николаю Гримбергу была назначена 100 р. в год, тогда как вдове лекаря Пагенкамппфа – 200. Уволенному в мае 1740 г. от службы в отставку аптекарю А. Детейльсу была установлена пенсия в размере одной трети от окладного годового жалованья в 800 р. (266 $\frac{2}{3}$ к.)⁹⁰.

Некоторым заслуженным врачам, кроме пенсии, жаловались также и имения. К примеру, пенсия в размере одной трети окладного годового жалованья была назначена доктору Санкт-Петербургского сухопутного генерального госпиталя А.Ф. Севасто. А в июле 1729 г. ему были пожалованы императором Петром II в Московской губернии в Дмитровском уезде в Зарадомском стане сельцо Овсянниково, деревня Терехово с пустошами, всего 31 крестьянский двор, пашни 489 четвертей, которые ранее были в собственности за генерал-майором А.И. Ушаковым. Таким образом были отмечены большие заслуги А.Ф. Севасто в организации медицинского обеспечения в русской регулярной армии и его высочайший профессионализм при лечении раненых и больных военных чинов.

Из текста его челобитной мы узнаем, что ему указом Петра I были подчинены все полевые госпитали, развернутые перед началом Полтавской битвы. После славной русской виктории доктору было «приказано ведать всех раненых и больных, и с ними отправлен в Курск для их лечения, а когда те больные и раненые от ран и болезней освободились, тогда [он] позван под Ригу для лечения тамо (в войсках генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, появившейся. – *И. Д.*) моровой язвы и при такой злой прилипчивой болезни не токмо в госпиталях повседневно и мертвых для лучшей безопасности осматривал и ни единого [умершего] без моего свидетельства не погребали».

Далее он участвовал в Русско-турецкой войне в 1711 г. начальником медицинской службы в дивизии генерала А.А. Вейде, организовал передвижные полевые госпитали. В 1714 г. А.Ф. Севасто был откомандирован в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь на должность доктора. В период 1714–1721 гг. в госпитале ежегодно,

«пока в Финляндии война продолжалась, по тысячи и по две больных обреталось»⁹¹. Кроме того, им оказывалась квалифицированная медицинская помощь личному составу четырех гарнизонных полков, на постоянной основе дислоцированных в северной столице. Также «надзирание имел в лечении всех арестантов, которые в С.-Петербургской крепости от тайнаго и высшаго суда канцелярий держат». Кроме того, на него было возложено медицинское освидетельствование «солдат, штаб и обер-офицеров многим числом», которые направлялись для проверки пригодности для дальнейшего несения военной службы в полевых условиях или рекомендовались командованию для назначения на штатские должности или увольнения в полную отставку от всех дел.

По предписаниям Медицинской канцелярии А.Ф. Севасто направлялся в различные командировки в местности, зараженные эпидемиями «для осмотра больных и мертвых тел». В 1725 г. организовывал лечение нижних чинов полков, строивших Ладожский канал. После возвращения был назначен штатт-физикусом в Санкт-Петербурге. За время нахождения в северной столице А.Ф. Севасто неоднократно вызывался к царскому двору, где «непрестанно» лечил монархов и членов «Фамилии Вашего Императорского Величества». В 1727 г. доктора перевели в Московскую главную аптеку, «где и поныне со всяким тщанием должность мою отправляю»⁹².

11 февраля 1737 г. положения Устава морского 1720 г. в области пенсионного обеспечения, с учетом возрастных ограничений, были распространены на вдов и сирот штаб-лекарей из иностранцев, убитых в сражении или умерших на военной службе⁹³.

Однако большинство лекарей, отслужив в русской армии и флоте, увольнялись без пенсии. Так, в 1742 г. доктор Н. Энгелерт был уволен от медицинской службы «за старостью», однако без выплаты пенсии⁹⁴. Поэтому старых лекарей после увольнения в отставку, вместо выплаты пенсии, власти рассылали по губерниям (уездам) и определяли полностью на городское содержание. Они продолжали практически пожизненно вести частную медицинскую практику и этим кормились сами и содержали свои семьи⁹⁵.

2 марта 1752 г. состоялся приговор Сената о производстве жалованья вдовам и детям убитых и умерших на военной службе докторов и лекарей. Пенсии им назначались на основании положений Устава морского 1720 г. и указа императора Петра II от 9 июня 1728 г.⁹⁶

Положение с пенсиями для медицинских чинов существенно изменилось после утверждения императором Петром III 28 февраля 1762 г. предложений, представленных в обширном докладе начальника Медицинской канцелярии архиятера Я. Монсея (Монзея). Он писал, что пенсии необходимы тем врачам, кто «за старостию и дряхлостию к продолжению службы неспособны будут и по оной неспособности содержать себя не могут». С 28 марта 1762 г. указом монарха все медицинские чины армии и флота (313 чел.) были утверждены в своих рангах. В соответствии с установленными медицинскими чинами им назначили окладное жалованье. Затем весь медицинский персонал был приведен к присяге, и с них Цалмейстерская контора сделала установленный законодательством вычет из месячного окладного жалованья за повышение чина.

3 июня 1762 г. начальник Медицинской канцелярии подал еще один подробный доклад, где были уточнены и добавлены должности медицинских чинов, которые ранее не вошли в его предложенный «План о рангах...» «Прибавления...» архиятера Я. Монсея были утверждены в тот же день императором Петром III и вступили в законную силу.

Немаловажным в «Прибавлении...» было принятие следующего положения: «Понеже медико-хирургическая наука как при армии, так и во флоте и адмиралтействе одним порядком производится и по часту случается, что медицинского чина служители от сухопутства во флот, а от флота к сухопутным командам распределены быть имеют, того ради надлежит служащим при флотских и адмиралтейских командах получать те же производства и довольствия, какия служащим по сухопутному штату назначены»⁹⁷.

Размеры государственных пенсий для медицинских чинов были установлены трех классов: полное окладное жалованье, две трети и половина от жалованья (таблица 3).

Пенсия в размере полного окладного жалованья полагалась только после 40 лет действительной медицинской службы в армии или во флоте и выплачивалась со дня увольнения в отставку и включительно по день смерти военного пенсионера.

После 30 лет службы, в зависимости от обстоятельства прохождения военной службы и других объективных причин, пенсия врачу могла быть пожалована монархом в размере двух третей от окладного жалованья или половины⁹⁸. Одновременно были учреждены пенсии и для аптекарей, они устанавливались, как и для военных чинов⁹⁹.

План о рангах Его Императорского Величества к медицинскому факультету чинов и окладах их, по которым от всех команд, у коих в отправлении должности их состоять будут, денежное жалованье по распределениям Медицинской канцелярии, смотря по искусству, заслугам и старшинству каждого, и по учиненным от оной канцелярии в те команды письменным сообщениям производить надлежит¹⁰⁰

Против воинских чинов	Против гражданских чинов	Признавать медицинские, аптекарские и лекарские чины	Содержание, назначенные льготы
		Лейб-медикусы	Годовые оклады по именным Его И.В. указам ¹⁰¹
Полковника	Коллежского советника	Гоф-медики	По 1500 р., квартира, экипаж
Подполковника	Надворного советника	Штадт-физики при Медицинской канцелярии в Санкт-Петербурге, Медицинской конторе в Москве, старший доктор при флоте, доктор лейб-гвардии полка	До 1000 р.
		Доктора и профессора при генеральных госпиталях в Санкт-Петербурге и Москве	От 600 до 1000 р.
Премьер-майора	Коллежского асессора	Доктора и дивизионные медики при армии, артиллерии, шляхетских кадетских корпусах	От 600 до 800 р.
Секунд-майора		Доктора ландмилиционных полков и прочие доктора, состоящие в службе	От 600 до 800 р.
		Аптекари двух главных аптек в Санкт-Петербурге, одной в Москве и Придворной аптеки в Санкт-Петербурге	От 600 до 1000 р.
		Гоф-хирурги	От 400 до 800 р., по 600 р., квартира, экипаж
Капитана		Штаб-лекари при армии, флоте, полках лейб-гвардии, артиллерии, инженерном корпусе, Медицинской канцелярии и конторе, генеральных госпиталях в Санкт-Петербурге и Москве	От 400 до 600 р.
		Операторы в штаб-лекарском ранге	От 300 до 600 р.
Капитан-поручика		Штаб-лекари ландмилиционных и лейб-гвардии полков	От 250 до 300 р.
		Главные лекари при всех прочих госпиталях и командах	От 300 до 400 р.
Поручика		Лекари при армии, флоте и разных воинских и штатных командах, также при госпиталях ¹⁰²	От 180 до 300 р.
		Аптекари полевых, адмиралтейских и прочих казенных аптек	От 300 до 500 р.
Подпоручика		Лекари губернские, городовые, провинциальные, гарнизонные, ландмилиции	От 150 до 250 р.

В последующие годы XVIII в. и после 20 лет службы в русской армии (флоте) медику могла быть пожалована государственная пенсия в размере половинного оклада.

Так, доктор Д.М. Миллер, немец по национальности, родом из Гамбурга, был полковым лекарем в прусской армии. 17 июля 1786 г. он заключил контракт в Военной коллегии на поступление в русскую армию штаб-лекарем. В контракте имелся пункт, что Д.М. Миллеру после 20 лет беспорочной военной службы будет назначена пенсия в размере половинного должностного оклада в 600 р., т. е. 300 р. в год. В случае смерти доктора право на получение его пенсии получала жена. По смерти обоих супругов это право на пенсию переходило к двум его детям, пенсия выплачивалась им в виде единовременного денежного вознаграждения по 300 р. каждому. Кроме того, дети Д.М. Миллера должны были быть приняты в русскую военную службу. В контракте было записано, что пенсию Миллер имел право получать либо в России, или в другой стране, которую он изберет себе для места своего постоянного жительства, после увольнения в отставку от медицинской службы в русской армии¹⁰³.

Главным условием назначения пенсий была поставлена полная неспособность из-за дряхлости и бессилия или малая способность врача снискивать себе пропитание какою-либо службою. В указах особо подчеркивалось, что пенсии медицинским чинам жаловались только за долговременную, беспорочную и верную службу в русской армии и во флоте, исключительно по Высочайшей Ея (Его) Императорского Величества милости.

Медицинский чин, получивший в сражении раны и увечья, по представлению от начальника дивизии (командующего армии и флота), при которых он находился, и по освидетельствовании действительной его неспособности в Медицинской канцелярии (госпитале), отставлялся от военной службы. И независимо от времени прохождения службы ему назначалась пенсия в размере от половины до полного окладного жалованья.

Все вопросы, связанные с представлением докторов и лекарей к пожалованию пенсией, находились в полном ведении начальника Медицинской канцелярии (коллегии). Вдова врача и аптекаря получала пенсию после его смерти, только если брак был заключен во время действительной службы мужа. Если женщина вышла замуж после его увольнения в отставку, то на «вдовьи деньги» она не имела права.

Пенсии медицинским чинам выплачивались при правлении Екатерины II и Павла I из доходов Штатс-канцелярии в одинаковых размерах. Причем как для врачей-иностранцев, подписавших контракты на определенное время службы в русской регулярной армии (флоте), так и для врачей из природных россиян, так как они выполняли одинаковые служебные функции¹⁰⁴.

Вместе с тем, значительно, в разы отличались пенсии, назначаемые начальникам Медицинской коллегии и придворным лейб-медикам. Так, 31 июля 1762 г. Екатерина II назначила вместо пенсии бывшему главному директору Медицинской канцелярии графу Г. Лестоку прежнее жалованье в размере 7 тыс. р. в год и пожаловала ему совместно с женой 30 гаков земли в Ливонии в аренду¹⁰⁵.

За прививку оспы себе и наследнику русского престола великому князю Павлу Петровичу в октябре 1768 г., а затем придворным и другим должностным лицам, а также обучения русских лекарей методике прививки оспы, императрица Екатерина II назначила английского врача Ф. Димсдаля своим лейб-медиком. Она также пожаловала ему чин действительного статского советника, возвела в баронское достоинство Российской империи с пожизненной пенсией по 500 фунтов стерлингов в год¹⁰⁶.

Штаб-лекарь М.М. Робеку за участие в географически-астрономической морской секретной экспедиции в период с 1785 по 1794 гг. под командованием капитана 1 ранга Биллинга¹⁰⁷ высочайшим указом было пожаловано в награду: единовременная выплата двойного годового окладного жалованья, пожизненная пенсия в размере, получавшегося им годового жалованья и присвоен статский чин коллежского асессора¹⁰⁸.

15 июля 1786 г. указом императрицы Екатерины II был введен в действие «Штат Медицинской коллегии с ея канцелярией и прочими принадлежностями», где каждому медицинскому чину были определены размеры должностного окладного жалованья, от которого, в зависимости от продолжительности службы и ряда других факторов, установленных законодательством Российской империи, начислялись пенсии¹⁰⁹.

Врачам, уволенным в отставку, предписывалось пенсии выплачивать «по закону изданному о состоящих в службе Гражданской [чиновниках]; но нынешним ея пенсионерам выдавать определенные оклады по смерти их из Статных Казначейств, или из Палат Казенных в местах их [постоянного] пребывания»¹¹⁰.

В 1799 г. император Павел I утвердил новые штаты, по которым

численность полковых врачей и им равных по должности достигла 468 из 804 штатных медицинских работников армии и флота. С этого времени право лечения больных и раненых в военных (морских) госпиталях и войсковых лазаретах армии и флота предоставлялось только тем лекарям, которые не менее пяти лет обучались лечебному делу в медицинских учебных заведениях Российской империи или за границей, и успешно их окончили¹¹¹.

По подсчетам современного историка медицины В.В. Сосина, в 1803 г. в морском ведомстве проходил военную службу 221 врач, что составляло 13,5 % от общей численности врачей Российской империи¹¹². Всего на флоте содержалось 826 медицинских чинов, с учетом провизоров морских аптек и аптек госпиталей¹¹³.

С 4 марта 1805 г. разительно изменились размеры пенсий медицинских чинов и существенно сократились сроки службы для ее получения, после введения в действие «Положения для медицинского управления по армии и флоту» (таблица 4).

Таблица 4

Размеры пенсии медицинским чинам, согласно «Положению для медицинского управления по армии и флоту» от 4 марта 1805 г.¹¹⁴

Наименование медицинского чина	Размеры годового должностного окладного жалования (р.)	Размеры пенсии медицинского чина после нахождения его на военной службе в течение			
		15 лет	20 лет	25 лет	30 лет
Генерал-штаб-доктор	3000	Одна четверть годового должностного окладного жалования	Половина годового должностного окладного жалования	Половина годового должностного окладного жалования и одновременно годовой оклад с последнего места службы	Пенсия, равная годовому должностному окладному жалованию
Генерал-штаб-лекарь	1500				
Главный лекарь	1000				
Оператор	800				
Лекарь	400–750				
Фельдшер	360–450				

При этом медицинские чины, продолжившие службу в вооруженных силах Российской империи или вновь поступившие на нее после увольнения, сохраняли сверх получаемого окладного должностного жалования назначенную им при отставке пенсию. Подобное положение объясняется традиционным хроническим некомплексом медицинского персонала в армии и на флоте, плавно перешедшим из XVIII в. в первую четверть XIX столетия, а также стремлением военно-политического руководства страны полностью использовать для лечения имеющихся всех в наличии врачей¹¹⁵.

Выводы: Петр Великий издал первое пенсионное законодательство в России для морских чинов, утративших здоровье на службе. Положения Устава морского 1720 г. были непосредственно определены для морских и адмиралтейских чинов. Однако главные их черты оказались приемлемы и для военнотружущих прочих видов и родов вооруженных сил Российской империи, в том числе и врачей. Эти правила действовали с незначительными изменениями и дополнениями до издания Устава о пенсиях 1827 г.

Прошедший лично практически все ступени военной и морской службы начиная с первичных должностей Петр I хорошо понимал, что никакой вид государственной службы не связан со столькими опасностями для жизни человека, как военная служба.

Пенсионное обеспечение, назначаемое исключительно для военных и морских чинов, пострадавших в сражениях или получивших увечья (тяжелые болезни) при исполнении функциональных обязанностей на военной службе, представлялось русским самодержцам из Дома Романовых делом справедливым и весьма благородным.

Элементарная справедливость требовала, чтобы размеры назначенной пенсии компенсировали пострадавшему в сражениях или при исполнении служебных обязанностей то, чего он лишился вследствие раны или увечья (болезни).

Поэтому система пенсионного обеспечения военных и морских врачей была выстроена с учетом вида и характера медицинской службы, ее продолжительности и интенсивности, должностного положения и реальных заслуг перед престолом и государством лица, увольняемого в отставку, фактического состояния его здоровья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические

Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института российской истории РАН

ВИЖ – Военно-исторический журнал

ВМЖ – Военно-медицинский журнал

ВМОИДР – Временник императорского Московского общества истории и древностей российских

ДАИ – Дополнения к «Актам историческим»

Д и П – Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого

МИРФ – Материалы для истории русского флота

ПЖ – Походный журнал

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.

РА – Русский архив

РБС – Русский биографический словарь

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РС – Русская старина

Сб. РИО – Сборник императорского Русского исторического общества

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

¹ ПСЗ. 1-е Собрание. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17891. С. 516.

Звание подлекарь в русской армии и флоте было отменено указом императора Павла I от 16 июля 1799 г. – См.: ПСЗ. Т. XXV. № 19036. С. 724–725.

² Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2003. С. 17–19, 26–29; Перфильев М.О. Медицинское дело в России в первую половину XVII столетия (Историко-библиографический этюд) // ИВ. 1883. № 8. С. 372; Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное к письме к другу, живущему в Лондоне/ Пер. с англ. Петр Киреевский // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. Отд. III. Предисловие. С. III; Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году/ Пер. с лат. А.Н. Шемякина с предисл. О.М. Бодянского // ЧОИДР. 1873. Июль-сентябрь. Кн. 3. Отд. IV. С. 86–88.

³ АИ. СПб., 1841. Т. III. № 233. С. 393; ДАИ. СПб., 1853. Т. V. № 78. С. 401–402; Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментар. СПб., 1997. С. 137; Хавен П. фон. Путешествие в Россию // Там же. С. 348–349; Змеев Л. Первый врачебный диплом, выданный в России // РА. 1887. Кн. 2. Вып. 6. С. 254–255.

⁴ Лахтин М.Ю.: 1. Военно-медицинская организация в XVII веке // Медицинская беседа. 1900. Апрель. № 7. С. 195–196; 2. Вознаграждения врачам в Московской России // РА. 1904. Кн. 3. Вып. 12. С. 609–614; Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 17–19, 26–29; Леонтьев Д.А. Краткий исторический очерк аптечного дела в России. СПб., 1910. С. 12; Перфильев М.О. Указ. соч. С. 379; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. I. С. 335.

⁵ АИ. Т. III. № 169. С. 312; № 235. С. 395; № 242. С. 399–400; ДАИ. Т. V. № 86. С. 411–412; СПб., 1869. Т. XI. № 90. С. 243, 245; Герман Ф.Л. Врачебный быт допетровской Руси. (Материалы по истории медицины в России). Харьков, 1891. Вып. I. С. 58, 108–109; Ханьков Я.В. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб., 1851. Ч. I. С. 351, 357; Материалы для истории медицины в России. СПб., 1883. Вып. II. С. 180–202; СПб., 1884. Вып. III. С. 865–888; Письма русских государей и других особ царского семейства. 1526–1658. М., 1848. Т. I. С. 35; Путешествие в Московию барона Августина Майерберга... // ЧОИДР. 1874. Январь-март. Кн. 1. Отд. IV. С. 175; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. Перевел с лат. А.И. Станкевич. Падуя, 1680 // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. Двести четырнадцатая. Отд. II. С. 98–99; Барсов Е.В. К истории медицины в России. По поводу сочинения «История медицинских школ в России» Я.А. Чистовича // ЧОИДР. 1883. Июль-сентябрь. Кн. 3. Отд. V. Смесь. № 2. С. 103–104; Кульбин Н. Полиданус, Иов (Hüb Polidanus) // РБС. СПб., 1905. Плавильщиков – Примо. С. 344–345.

⁶ Материалы для истории медицины в России. С. 217–218.

⁷ Цветаев Д.В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896. С. 19. Подсчеты наши.

⁸ Лахтин М.Ю. Указ. соч. С. 609, 612, 613; Хилков Г.Д. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 72. С. 200–201.

⁹ Лахтин М.Ю. Указ. соч. С. 614.

¹⁰ Должностные оклады русских лекарей колебались от 25 до 50 р. в год. – См.: Цветаев Д.В. Указ. соч. С. 19.

¹¹ Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. I. Приложения. С. XV, XVII.

¹² Ханьков Я.В. Указ. соч. Ч. I. С. 367.

¹³ Кронштадт с 1723 г.

¹⁴ Бывший русский город Колывань, затем Ревель, ныне Таллин (Эстония).

¹⁵ МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1724 год. С. 660, 661; ПСЗ. Т. VII. № 4728. С. 500.

¹⁶ МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1724 год. С. 680. (Тавров располагался в 7 верстах от Воронежа).

¹⁷ Слово «госпиталь» («гошпиталь», «гофшпиталь») в петровское время могло означать не только военное лечебное заведение, но и гражданский лазарет, больницу, богадельню и даже приют для подкидышей, вероятно рожденных от «засорных девок» и одиноких женщин, вне законного церковного брака. – См.: Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 33.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 371 об.

¹⁹ Елагин С.И. История русского флота: Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. II. С. 309.

²⁰ Самойлов В.О. История российской медицины. М., 1997. С. 35; Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 36; Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 258; История флотского духовенства: Сб. / Сост. А.Б. Григорьев. М., 1993. С. 14; Сочинение шведа Ларса Юхана Эренмальма «Состояние России при Петре I» // Беспятых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворг, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 316; Берк К.Р. Указ. соч. С. 136; Сб. РИО. Юрьев, 1907. Т. 126. № 59. С. 409.

²¹ Планировалось нанять 60 лекарей. – См.: РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 173. Л. 3–3 об. Однако фактически наняли только 52 лекаря и одного аптекаря. – См.: Там же. Д. 174. Л. 1–1 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 341.

²² Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 40.

В продолжение темы корабельных врачей см.: О флоте в России морском // ВМОИДР. 1854. Кн. 19. Отд. III. Смесь. С. 11–12; Б.М. Рожерс, Иван Христофорович (John Rogers), флота генерал-штаб-доктор // РБС. СПб., 1913. Рейтерн – Рольцберг. С. 334.

²³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1698 г. Д. 54. Л. 31; Ф. 329. Оп. 1. Д. 171. Л. 1; Д. 175. Л. 2; Рихтер В.М. История медицины в России. М., 1820. Ч. II. С. 340–357.

По данным Н.Я. Новомбергского был нанят 51 лекарь. – См.: Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. II. С. 104–107.

Действительно, 23 мая 1698 г. из Амстердама в Архангельск прибыл 51 лекарь «Крейсова приему» и аптекарь. 29 октября 1697 г. был нанят на русскую службу аптекарь саксонец А. Сарториус с месячным должностным окладом в 26 гульденов. Ему на путь следования в Московское государство было выдано жалованье из расчета на четыре месяца, начиная с 20 октября, «по договору сполна». – См.: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1698 г. Д. 54. Л. 69; Д. 53. Л. 7, 7 об., 8 об.; ДАИ. СПб., 1872. Т. XI. № 5. С. 55–56.

²⁴ Елагин С.И. Указ. соч. С. 199; Приложения. Ч. II. С. 212–214.

²⁵ РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 69. Л. 161 об.

Шведский военно-морской историк Мюнте признал, что проведенная К.И. Крюйсом в Амстердаме начиная с 1702 г. кампания по найму удалась лучше, вероятно, чем у других офицеров, агентов и дипломатов, занимавшихся вербовкой иноземцев в странах Западной Европы в русский военно-морской флот. – См.: Титлестад Т. Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого / Пер. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2003. С. 26, 98, 139.

Лекарь-иноземец первоначально входил в состав экипажмейстерской команды Санкт-Петербургского адмиралтейства, созданной в 1705 г. – См.: Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I. С. 441; Санкт-Петербургскому порту 275 лет. Исторический очерк / Под ред. С.Г. Тверьяновича. СПб., 1996. С. 6.

²⁶ РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 69. Л. 59, 81; Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 416, 417.

²⁷ Письма и указы его императорского величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину, продолжавшему службу в российском корабельном флоте с начала онгого от звания матрозскаго до виц-адмиральскаго чина, хранящиеся у сына его флота адмирала и ковалера Алексея Наумовича Синявина, коего желанием по высочайшему ея императорского величества всемилоостивейшему благоволению издаются с кратким описанием службы покойного родителя его. СПб., 1786. С. 8; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 14. Л. 461; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1721 г. Д. 24. Л. 134 об.; Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 87 об., 88; Архив СПб ИИ РАН. Колл. 95. Оп. 2. Д. 19–21. Л. 10, 13, 21, 25, 31–31 об.; МИРФ. СПб., 1865. Ч. II. Отд. I. № 2565. С. 692; ПСЗ. Т. XIII. № 9771. С. 317–319.

²⁸ МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отд. I. № 69. С. 46.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 38. Л. 129–129 об.

³⁰ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 412, 413; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 92. Л. 51–51 об.; МИРФ. Ч. III. Отд. I. № 108. С. 67.

³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 40. Л. 30.

³² Ден Д. Указ. соч. С. 80; Михайлов С.С. Медицинская служба русского флота в XVIII веке: Материалы к истории отечественной медицины. Л., 1957. С. 21.

Вместе с тем, до прибытия нанятых военно-морских врачей на Балтийский флот в 1714 г., их комплект в корабельной эскадре составлял 33 чел. от 56, положенных по штату (60%), а лекарических учеников – также 60% (30 от 50 чел.). – См.: МИРФ. Ч. III. Отд. II. № 123. С. 78. Подсчеты наши.

³³ Там же. № 132. С. 98–99, 100.

³⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

³⁵ МИРФ. Ч. III. Отд. II. № 221. С. 162.

В продолжение темы см.: Там же. Отд. II. № 226. С. 165; № 236. С. 170; № 247. С. 176; № 250. С. 177–178; № 252. С. 179; № 265. С. 184; № 285. С. 194.

³⁶ Ден Д. Указ. соч. С. 40; Плацкиус, Естафий, врач; Кульбин Н. Поликала, Георгий, лейб-медик императрицы Екатерины I // РБС. СПб., 1905. Плавельщиков – Примо. С. 66, 345.

³⁷ МИРФ. Ч. III. Отд. II. № 288. С. 199; № 305. С. 208.

³⁸ Там же. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1723 год. С. 586.

В продолжение темы см.: Там же. С. 595; Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. № 69. С. 154–155.

³⁹ ПСЗ. Т. V. № 2671. С. 25.

⁴⁰ Смирнов Ю.Н. Социальное происхождение чинов русской гвардии и ее комплектования в годы Северной войны // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 2009. С. 238.

- ⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 669. Л. 1–1 об.
- ⁴² Азанчевский-1 М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 41, 54, 61.
- ⁴³ Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 68–69, 72–73.
- ⁴⁴ Рихтер В.М. История медицины в России. М., 1820. Ч. III. С. 95–180. Подсчеты наши.
- ⁴⁵ Ханьков Я.В. Указ. соч. Ч. I. С. 370.
- ⁴⁶ Книга Устав морской. СПб., 1763. Ч. I. С. 15.
- ⁴⁷ МИРФ. Ч. IV. Отд. VIII. № 162. С. 156; Отд. IX. № 5. С. 236, 238; Отд. X. Определения коллегии. 1719 год. С. 385–386.
- По Регламенту от 1 мая 1718 г., утвержденного Петром I, в русском военно-морском флоте следовало содержать: три 90-пушечных линейных корабля; четыре 80-пушечных; два 76-пушечных; двенадцать 66-пушечных, шесть 50-пушечных; шесть 32-пушечных фрегатов; по три 16-пушечных и 14-пушечных шняв. – См.: РГАВМФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.
- ⁴⁸ ПЖ 1704 года. СПб., 1854. С. 23; Д. и П. СПб., 1888. Т. IV. Кн. I. № 177. С. 138; Сб. РИО. СПб., 1873. Т. XI. Отд. XIII. № XLIII. С. 148.
- ⁴⁹ Бычков А.Ф. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. Стб. 112, 114, 149, 170, 191; [Желябужский И.А.]. Записки Желябужского с 1689 по 2 июля 1709 года. СПб., 1840. С. 205.
- В продолжение темы, см.: МИРФ. Ч. II. Отд. I. № 1667. С. 241; № 2203. С. 508, 509, 510; Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 годах. Сообщил Н.А. Попов // ЧОИДР. 1859. Октябрь–декабрь. Кн. 4. Отд. II. С. 16.
- ⁵⁰ О шведах под Полтавой и Переволочной. Перевод с рукописи, писанной шведским прапорщиком Карлом Фрисом 1714 г. Сообщил А.А. Чумиков // ЧОИДР. 1869. Апрель–июнь. Кн. 2. Отд. V. Смесь. С. 65–70. Подсчеты наши.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 14–14 об., 19; Ф. 212. Оп. 1. Д. 1. Л. 38 об.–45; Д. 13. Л. 26 об.–34.
- ⁵² Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 593, 660–661.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 43. Л. 444 об.
- ⁵⁴ Кроме того, после завершения кампании флота и разоружения кораблей их лекари «к переменею» дежурили в госпиталях. – См.: МИРФ. Ч. IV. Отд. X. Определения коллегии. 1723 год. С. 599.
- ⁵⁵ Таблица составлена нами по данным: МИРФ. СПб., 1875. Ч. V. № 257. С. 452–454; Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 639.
- В продолжение темы назначения окладного должностного жалования докторам и лекарям см.: Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. № 341. С. 544–545; СПб., 1898. Т. 101. № 131. С. 410–414.
- ⁵⁶ При Кронштадтском госпитале «еже будет [доктор] Миниат, то за многие его труды и службу [выплачивать] по 712 руб., а ежели кто по нем будет другой по 612 руб.» Размеры оклада с учетом годового жалования двух денщиков.
- В продолжение темы назначения окладного жалования медицинским чинам см.: МИРФ. СПб., 1879. Ч. VII. № 62. С. 137–139; № 237. С. 687.
- ⁵⁷ По Ревельскому госпиталю «пока будет Бургарт по 412 руб., а ежели будет особенный доктор, то по 612 руб.». Размеры оклада с учетом годового жалования двух денщиков.
- ⁵⁸ Оклад главного лекаря Ревельского морского госпиталя составлял 200 р. в год.
- ⁵⁹ «В том числе ныне производить штаб-лекарю Говию прежний его оклад по 518 руб. в год».

⁶⁰ В госпиталях также еще и «пища по регламенту».

20 корабельным лекарям выплачивать по 186, а 19 – по 156 р. в год.

⁶¹ В госпиталях также еще и «пища по регламенту».

При Санкт-Петербургской верфи содержать подлекаря и подлекарского ученика с жалованием 84 и 18 р. в год «да провиант против матроса». На Кронштадтскую и Ревельскую верфи выделять подлекаря и лекарского ученика из корабельного флота, переменяясь pogodно.

⁶² В госпиталях также еще и «пища по регламенту».

20 лекарским ученикам, «тем кои уметь по латыни и по немецки», выплачивать по 24, а не умеющим 46-ти ученикам – 18 р. в год «да провиант против матроса».

⁶³ 26 октября 1727 г. Адмиралтейств-коллегия определила содержать в галерном флоте шесть лекарских учеников. – См.: МИРФ. СПб., 1875. Ч. V. № 292. С. 672.

⁶⁴ Сумароков П. Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия. СПб., 1852. Ч. II. С. 191–192; Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи... // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 385–454; МИРФ. СПб., 1875. Ч. V. № 193. С. 304; СПб., 1879. Ч. VII. № 22. С. 31; СПб., 1880. Ч. VIII. № [91]. С. 233, 234, 248; № 121. С. 346; СПб., 1881. Ч. IX. № 182. С. 368; СПб., 1890. Ч. XIII. № 143. С. 181–183; Протоколы Верховного Тайного Совета 1726–1730 годов // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Июль–Сентябрь. Отд. II. С. 105; ПСЗ. Т. XIV. № 10611. С. 626–627; Крузе, Карл Фридрих (Карл Федорович) // РБС. СПб., 1903. Кнаппе – Кюхельбекер. С. 454; Кульбин Н. Поассонье, Петр (Poissonier), лейб-медик // РБС. СПб., 1905. Плавильщиков – Примо. С. 139–140; Ястребцев Е.: 1. Риндер, Андрей Андреевич, доктор медицины; 2. Риндер, Яков Андреевич, доктор медицины; Ельницкий А. Роджерсон (Рожерсон), Иван Самойлович (Иоганн-Джон-Самуил), лейб-медик Екатерины II // РБС. СПб., 1913. Рейтерн – Рольцберг. С. 227, 290–295; Anton H. Englische Russlandreisende im 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1936. Jahrg. I. N. 2. S. 172–176.

Княгиня Е.Р. Дашкова сообщает о лекаре, приехавшем в Гродно из Бельгии и служившем в местном кадетском корпусе, который фактически спас жизнь ее сыну Павлу, тяжело заболевшему корью. – См.: Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой/Пер. с англ. Лондон, 1859. С. 133–134.

Ганноверский доктор Циммерман с одобрения императрицы Екатерины II присылал в Россию докторов и хирургов. Екатерина II оказывала особое покровительство тем врачам, которые по его рекомендации были приняты на русскую службу. – См.: Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. Предисловие. С. XXI.

⁶⁵ Хмыров М.Д. Русская военно-медицинская старина // ВМЖ. 1869. № 2. С. 71, 86; Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. II. С. 149.

В продолжение темы предызятого отношения корабельных офицеров к медицинским чином на флоте, см.: МИРФ. СПб., 1881. Ч. IX. № [230]. С. 547–548.

⁶⁶ Баранов П.И. Указ. соч. Т. II. С. 270.

⁶⁷ ПСЗ. Т. IX. № 6296. С. 4; Сб. РИО. Юрьев, 1899. Т. 106. № 1. С. 2.

В продолжение темы см.: Там же. № 120. С. 426–427; № 170. С. 613; Юрьев, 1900. Т. 108. № 43. С. 79–80.

⁶⁸ Там же. Юрьев, 1901. Т. 111. № 135. С. 327; Юрьев, 1902. Т. 114. № 146. С. 453; ПСЗ. Т. IX. № 7056. С. 929.

⁶⁹ Россия выступила против Пруссии, выставив полевую армию во главе с генерал-фельдмаршалом С.Ф. Апраксиным. В ней насчитывалось 65 187 здоровых, 12 796 больных и 15 726 находившихся в командировках, а всего 93 709 военных чинов. – См.: Коробков Н.М. Семилетняя война. (Материалы о действиях русской армии и флота в

1756–1762 гг.). М., 1948. С. 157–159.

⁷⁰ ПСЗ. Т. XIV. № 10658. С. 682; Баранов П.И. Указ. соч. Т. III. С. 334.

⁷¹ [Шаховской Я.П.]. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Изд. второе. СПб., 1821. Ч. II. С. 4, 5, 9.

⁷² ПСЗ. Т. XIV. № 10675. С. 703; Т. XV. № 10890. С. 272.

⁷³ Там же. Т. XVI. № 11964. С. 413; № 11965. С. 413–419; ПСЗ. Т. XXIV. № 17763. С. 303; № 18101. С. 686–688; Чистович Я.А. Указ. соч. Прил. VII. С. XLVII–LV; Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 90–122; Статистика в разсуждении России. Сочинение князя М.М. Щербатова / Подготовил к изданию М. Заблоцкий // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Июль–сентябрь. Отд. II. С. 87–88; Арндт, Федор Иванович, врач; Базилевич, Григорий Иванович, врач; Бек, Иван Филиппович, лейб-медик // РБС. СПб., 1900. Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 279, 413–414 676–677; Борнеманн, Иван (Johann Nikolaus Christian Bornemann), врач // РБС. СПб., 1908. Бетанкур – Бякстер. С. 251–252; Гнедич, Петр Петрович, доктор медицины // РБС. М., 1916. Герберский – Гогенлоэ. С. 427; Иванов, Дмитрий Иванович, врач // РБС. СПб., 1897. Ибак – Ключарев. С. 20; Кульбин Н. I. Погорецкий, Петр Иванович, врач, профессор Московского Медико-хирургического училища; 2. Полетика, Иван Андреевич, врач // РБС. СПб., 1905. Плавильщиков – Примо. С. 174–176, 324–326; Листовский И.С. Граф Петр Васильевич Завадовский // РА. 1883. Кн. 2. Вып. 3. С. 105.

⁷⁴ МИРФ. СПб., 1888. Ч. XII. № 77. С. 183–184.

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 251–251 об.

⁷⁶ МИРФ. СПб., 1890. Ч. XIII. № 143. С. 181.

⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 349. Л. 2–3. См.: Там же. Л. 3 об.–4.

Поэтому не исключено, что захваченные в плен в русско-шведской войне в апреле 1789 г. два флотских штаб-лекаря и лекарь, возможно, были использованы как для лечения раненых и больных военных и морских чинов русского флота и армии, так и пленных своих соотечественников. – См.: Сумароков П. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великия. СПб., 1852. Ч. III. С. 25.

⁷⁸ МИРФ. Ч. XIII. № 429. С. 452.

⁷⁹ Там же. СПб., 1893. Ч. XIV. № 1. С. 3.

⁸⁰ Из записок доктора Вейкарта. 1784–1789 // РА. 1886. Кн. 1. Вып. 3. С. 232.

⁸¹ Костомаров Н.И. Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. Смоленск, 1994. С. 719.

⁸² ПСЗ. Т. XXIV. № 17588. С. 87–88.

⁸³ Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. II. С. 102–103, 105; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 14–14 об., 68; Н. Ч. Лерхе, Иван Яковлевич (Jacob-Johann Lerche), штадт-физик // РБС. СПб., 1914. Лабзина – Лященко. С. 316–317.

В продолжение темы, см.: Сб. РИО. Юрьев, 1906. Т. 124. № 2. С. 14.

⁸⁴ Амелеков А.И. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 69, 71.

В 1721 г. после 20 лет службы уехал из Российской империи в Париж грек по национальности доктор Димаки, лечащий врач президента Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина. – См.: Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. № 84. С. 268.

⁸⁵ Калашников Г.В. Офицерский корпус русской армии в 1725–45 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 15; Сб. РИО. Юрьев, 1899. Т. 106. № 144. С. 536; Юрьев, 1900. Т. 108. № 172. С. 485–486; Юрьев, 1901. Т. 111. № 109. С. 261; Юрьев, 1907. Т. 126. № 3. С. 21; № 9. С. 38–39; Бытовые черты начала XVIII века. № XVII. Челобитная до-

ктора – немца об отпуске из Сибири. Сообщил Н.Н. Оглоблин // ЧОИДР. 1904. Кн. 1. Двести восьмая. Отд. III. Смесь. С. 16; Барсов Е.В. Указ. соч. С. 95; Anton H. Englische Russlandreisende im 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1936. Jahrg. I. H. 2. S. 172–176.

⁸⁶ Адмирал Павел Васильевич Чичагов. Сообщил Л.М. Чичагов // РС. 1883. Т. XXVIII. Июнь. С. 496; Семенов П.Н. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // ЧОИДР. 1886. Апрель-июнь. Кн. 2. Отд. I. Чичагов Павел Васильевич. С. 96; Рассказы генерала Кутлубицкого о временах императора Павла I // РА. 1866. Вып. 8–9. Стб. 1321; Архив графа Игельстрома. II. Указы императора Павла Петровича. Сообщено графом Д.А. Толстым // РА. 1886. Кн. 3. Вып. 12. № 33. С. 490–491; Из бумаг графа Николая Петровича Шереметева. Подносимые доклады. Доставлено графом С.Д. Шереметевым // РА. 1897. Кн. 2. Вып. 8. С. 514 (Цитата), 518; Письма Павла Петровича к графу И.П. Салтыкову. 1781–1801 // РА. 1899. Кн. 3. Вып. 9. Письмо 13. С. 9; Император Павел и Лафатер. Письмо, подписанное императором Павлом генерал-лейтенанту Римскому-Корсакову. 22 сентября 1799 года // РА. 1900. Кн. 1. Вып. 4. С. 491–492; Письмо Суворова в Военную коллегию // Кн. 2. Вып. 7. С. 404; Голомбиевский А.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735–1807) // РА. 1904. Кн. 2. Вып. 8. С. 525; Письма к В.С. Шереметеву (1794–1796). С предисловием А.А. Титова // РА. 1909. Кн. 2. Вып. 6. Письмо I. С. 184; Записка Лагарпа о перчатках Павла Петровича. Из бумаг Н.К. Шильдера // РА. 1911. Кн. 2. Вып. 7. С. 395–396; Письма княгини Е.Р. Дашковой. I. Князю А.Б. Куракину // РА. 1912. Кн. 2. Вып. 7. Письмо 3. С. 463–464.

⁸⁷ Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве. СПб., 1875. С. 384.

⁸⁸ Лебедев В.А. Финансовое право. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1889. Т. I. С. 279.

⁸⁹ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Т. I. С. 190; Из рассказов о Петре Великом, записанных Я. Штелиным // РА. 1912. Кн. 1. Вып. 1. С. 137.

⁹⁰ Чистович Я.А. Указ. соч. С. 656, 657.

⁹¹ Сведения А.Ф. Севасто достоверны. Так, по состоянию на 28 мая 1714 г. в столичном сухопутном госпитале находились 1383 больных и раненых нижних чина из семи полевых пехотных полков русской армии (Лефортовского – 57 чел., Рязанского – 215 чел., Гренадерского – 230 чел., Воронежского – 318 чел., Копорского – 92 чел., Шлиссельбургского – 233 чел., Тобольского – 248 чел.).

В течение лета их численность еще больше возросла, и на 2 сентября 1714 г. на стационарном лечении находились раненые и больные солдаты и унтер-офицеры из дивизий генералов: В.В. Долгорукова – 337 чел., А.А. Вейде – 1122, М.М. Голицына – 849, а всего 2308 чел. – См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 37. Л. 139, 161–162.

⁹² Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 101. № 1. С. 4–5, 11; Кульбин Н. Севасто, Антон Филиппович (Antoniys Sevasto), первый старший доктор петербургского сухопутного госпиталя // РБС. СПб., 1904. Сабанеев – Смыслов. С. 266.

⁹³ Сб. РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. № 196. С. 646.

Пенсия вдовам старше 40 лет или моложе, но больным, до нового замужества или пожизненно выдавалась в размере $\frac{1}{4}$ доли годового денежного жалования мужа. Вдовам моложе 40 лет одновременно выплачивался годовой оклад денежного жалования мужа. Сыновьям до 10-летнего, а дочерям до 15-летнего возраста выдавалась каждому $\frac{1}{12}$ доля годового денежного жалования отца. – См.: Устав морской. СПб., 1763. С. 109–110.

⁹⁴ Чистович Я.А. Указ. соч. С. 656, 657.

Однако в другом своем труде Я.А. Чистович показал, что доктору Николаю Энгеллерту (Энгеллерту) была пожалована пенсия в размере одной трети окладного годового жалования. – См.: Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 230, 231.

⁹⁵ Лахтин М.Ю. Военно-медицинская организация в XVII веке. С. 196.

В продолжение темы см.: Сб. РИО. Юрьев, 1907. Т. 126. № 35. С. 238.

⁹⁶ ПСЗ. Т. XIII. № 9950. С. 611.

⁹⁷ Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 95.

⁹⁸ Чистович Я.А. Указ. соч. С. 322, 656, 657.

⁹⁹ Ларин И.А. Первая русская военная аптека. Исторический очерк. СПб., 1911. С. 39–40.

¹⁰⁰ В таблице сохранена орфография источника. Таблица составлена нами по данным: ПСЗ. Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. IV. С. 57–59. Примечание. При армейских полках предписывалось содержать при двухбатальонных и двух эскадронных по одному, а при трехбатальонных по два лекаря. Флотским лекарям и состоящим при прочих командах годовой оклад был определен от 84 до 120 р.

¹⁰¹ 14 июня 1761 г. коллежский советник доктор Краузе был пожалован чином действительного статского советника и назначен лейб-медиком императорского двора с окладом 4 тыс. р. в год.

9 февраля 1762 г. доктор Гион стал придворным лейб-медиком с окладом 4 тыс. р. в год. – См.: Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т. III. С. 463, 482.

2 ноября 1762 г. Екатерина II пожаловала доктору Санше, проживавшему в Париже, пенсию в размере 1000 р. в год, выплачиваемую из комнатной суммы, вплоть до его кончины, «для того что он меня, за помощью Божию, от смерти спас». – См.: Сб. РИО. СПб., 1871. Т. VII. С. 175.

¹⁰² С 10 августа 1744 г. все флотские лекари имели ранг, «против полевых подпоручиков», а подлекари находились на службе без рангов. – См.: МИРФ. СПб., 1881. Ч. IX. № 203. С. 458.

¹⁰³ Тарандин И.П. Материалы по истории медицины в Воронежском крае XVII, XVIII и начала XIX столетия // Труды Воронеж. гос. ун-та / Под общей ред. В.В. Карелина. Воронеж, 1927. Т. IV. С. С. 528–529.

¹⁰⁴ Чистович Я.А. Указ. соч. С. 658–659.

¹⁰⁵ Вейдемейер А.И. Царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1834. Ч. I. С. 131; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. VII. С. 129–130.

¹⁰⁶ Записка барона Димсделя о пребывании его в России / Пер. с фр. К.К. Злобина // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 314; СПб., 1873. Т. 12. № 196 (№ 11). С. 362–363; № 202 (№ 19). С. 384–387; № 203. С. 387; № 205 (№ 23). С. 390; № 206 (№ 25). С. 390–391; № 208 (№ 28). С. 395; № 213 (№ 35). С. 405–407; Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. I. С. 74; Т-р-нь Н. Димсдаль (Dimsdale), Томас барон, лейб-медик императрицы Екатерины II // РБС. СПб., 1905. Дабелов – Дядьковский. С. 411–412.

¹⁰⁷ Основной целью экспедиции являлось описание чукотского берега от Колымы до Берингова пролива, изучение Охотского, Берингова морей и Тихого океана. – См.: Морской атлас. Т. 3: Военно-исторический. Ч. 1: Описания к картам. М., 1959. С. 347.

¹⁰⁸ Мурзанов Н.А. Робек, Михаил Михайлович, штаб-лекарь // РБС. СПб., 1913. Рейтерн – Рольцберг. С. 269–270.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. К № 16412 от 15 июля 1786 г. С. 197–199.

¹¹⁰ Там же. Т. XXII. № 16412, п. 10. С. 633.

¹¹¹ Ханьков Я.В. Указ. соч. Ч. II. С. 14–15.

В продолжение темы см.: Письма к В.С. Шереметеву. Вып. 6. Письмо VII. С. 187–188.

¹¹² Сосин В.В. История отечественной военно-морской медицины в датах и фактах. СПб., 1996. С. 75.

¹¹³ ПСЗ. Т. XXVIII. № 21866. С. 1159–1161. Подсчеты наши.

¹¹⁴ Таблица составлена нами по данным: ПСЗ. Т. XXVIII. № 21866. С. 1162.

¹¹⁵ Афанасьева К.В. Состояние военно-морской медицины в царствование Александра I // Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования. СПб., 2011. С. 226–251.

А.М. Егоров (Псков)

ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА С КОНТРАБАНДИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО КРАЯ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

ПЕРВАЯ мировая война и вызванные ею тяжелые социальные потрясения, революция, распад Российской империи и разрушительные последствия жестокой гражданской войны негативно отразились на переговорах о территориальном размежевании между Советской Россией и новыми прибалтийскими республиками. Перемещение государственного рубежа на территорию Псковщины неизбежно сопровождалось возникновением традиционных для пограничного региона проблем, одной из которых является контрабандизм. Однако его масштабы на Северо-Западе в начале 1920-х гг. придали этому явлению небывало острый характер и чрезвычайный политический резонанс.

Указанный период характеризовался тяжелым социально-экономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж государственной власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок отечественной промышленности и сельского хозяйства в результате Первой мировой (1914–1918) и Гражданской (1918–1920) войн, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порождали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и контрабандной торговли, которая в пограничных районах превращалась в устойчивый криминальный бизнес¹.

Обычным явлением для России начала 20-х гг. XX в. являлось так называемое мешочничество. Ежегодно массы горожан устремлялись в деревню. Первоначально большинство из них гнал в дорогу голод и желание выменять на личные вещи продукты питания.

Это явление было хорошо известно и в Псковской губернии. Однако здесь оно не всегда сопровождалось натуральным обменом. Многих приезжих из Петрограда и Москвы привлекала возможность заполучить импортные товары. Их притягивала граница, и местные жители довольно быстро осознали выгодность своего положения. Следует особо учесть, что приграничное население довольно сильно пострадало в результате боевых действий 1918–1920 гг. На Изборском направлении по Рижскому шоссе, в частности, была выжжена значительная часть населенных пунктов. Но уже к 1923 г. здесь выросли фактически новые поселки с домами на каменных фундаментах и хозяйственными постройками из плитняка². Их хозяева не скрывали, что средства на строительство зачастую добывались ими благодаря занятию контрабандой.

Подавлению контрабандистского промысла в среде местного населения препятствовали жестокий товарный дефицит, а также отсутствие постоянных источников дохода у крестьян и безработица горожан. Люди, пытавшиеся выехать в поисках работы в крупные города России, часто возвращались назад ни с чем. Не легче оказалось вести и натуральное хозяйство. Сами пограничники отмечали в своих письмах: «Мужика обчистили как липку... Рыбаки отказываются ехать ловить... Нет ни одежды, ни обуви, а на озере плохо без этого работать». Переписка, изымавшаяся Особым отделом, содержала характерные замечания: «От Советов житья хорошего нет, что есть, все дерут... Только дали на два года по фунту соли, да по шесть фунтов керосина. А ситца не дают и давать не думают... У нас в России очень худо от своих товарищей. Если можно, то поживи, Вася, в Германии»³.

Попытки советских властей создать административные преграды и запретить свободный доступ к пограничному рубежу вызывали порой резкое неприятие у местного населения. Установленная в 1920 г. граница нарушила привычный уклад псковской деревни. Вчерашние соседи, родственники неожиданно для себя оказались гражданами разных государств. Естественно, людям трудно было привыкнуть к своему новому статусу, а тем более разорвать устоявшиеся традиционные связи. Официальные увещевания оказывались малодейственными. В письмах красноармейцев тех лет можно встретить характерные свидетельства по данному поводу: «Настроение крестьян очень плохое, если что скажешь им, то чуть в глаза не плюют, так что, когда и политруки приходят, то нисколько не слушают, так что и жизнь плохая»⁴.

Жесткие административные методы воздействия, вроде круговой поруки или отселения наиболее злостных нарушителей режима из пограничной полосы, давали порой нежелательный для властей побочный эффект. «В деревне крестьяне очень скверные, красноармейцев ненавидят... По деревне идешь – закрывают двери», – такими и подобными им выражениями пестрели письма красноармейцев, дислоцировавшихся в пограничных районах⁵. Массовый контрабандизм являлся своеобразным барометром, который чутко реагировал на экономическое положение населения. В связи с этим начальник Псковского ОГПУ Невернов еще в середине 1920-х гг. отмечал, что окончательно закрыть границу на замок и ликвидировать промысловый контрабандизм можно лишь при условии развития производства и снижения цен на товары внутри страны⁶.

Справедливости ради следует отметить, что контрабандные операции осуществлялись с широким размахом на всем протяжении северо-западной границы страны, начиная от Мурманского края и заканчивая прибалтийским участком. На Севере контрабанда перемещалась командами и владельцами русских парусных судов, иностранными моряками, кочующими племенами самоедов и лопарей⁷. Но ее ассортимент здесь был достаточно ограничен, а объем относительно невелик. Зато южнее, на Северо-Западе контрабандизм приобретал все более организованные формы и значительные масштабы. Порой в него вовлекались ответственные должностные лица. В качестве канала нелегального товарообмена последними активно использовался железнодорожный транспорт. Себежская администрация, например, намеренно отправляла в Латвию с территории Псковской губернии бракованный подвижной состав. За границей такие вагоны не принимались, опечатавались и перегонялись обратно. По существовавшим правилам отбракованный состав не проходил специального таможенного досмотра. Поэтому перед отправкой назад в него закладывался контрабандный груз⁸. Разумеется, совершать подобные манипуляции можно было только по предварительному сговору с зарубежными коллегами.

Однако контрабандизм первой половины 1920-х гг. представлял собой угрозу не только экономическим интересам страны. Зачастую он был тесно связан с преступлениями против порядка государственного управления и прямо нарушал основы пограничного режима на Северо-Западе.

Достаточно опасные группировки контрабандистов, занимавшихся переправкой в Россию нелегального спирта, базировались на южном побережье Финского залива. Особенно дерзко они действовали в Сойкинской, Кирновской и других волостях Кингисеппского уезда. По свидетельствам очевидцев, с деревьев на берегу залива местные контрабандисты подавали условные сигналы в направлении Финляндии или Эстонии, после чего в советские территориальные воды входили быстроходные иностранные катера. Приближаясь к берегу, они обстреливали пограничные посты и выбрасывали в воду порой сотни бидонов со спиртом⁹. Окрестные жители вылавливали их, прятали в лесах, а затем составляли целые караваны и под усиленной охраной отправляли в тыл. При этом задержанные контрабандисты были так уверены в силе своих организаций, что очень редко соглашались выдавать сообщников.

Наиболее привлекательными для контрабандистов были пограничные районы, приближенные к крупным потребительским центрам – прежде всего к Петрограду и Москве. Поэтому идеальным коридором для транзита контрабанды на северо-западе страны оказалась почти равноудаленная от обеих столиц Псковская губерния. По сведениям ОГПУ, в данный промысел была вовлечена значительная часть населения Псковского, Островского, Опочецкого и Себежского уездов¹⁰.

В этот период отчетливо проявилась тенденция к профессионализации псковских контрабандистов. Контрабандисты-одиночки, пытавшиеся таким образом удовлетворить свои личные потребительские запросы, довольно быстро трансформировались в «промысловиков», зачастую объединяясь в устойчивые преступные группы. Они работали по найму, получая за доставку контрабандного товара от 10 до 25 % его стоимости – в зависимости от объема партии, расстояния ее доставки и степени участия отдельных сообщников¹¹. Существовали и сплоченные команды, которые не только ходили за границу, но и доставляли товар к месту сбыта в крупные города России, где самостоятельно его реализовывали.

Первоначально эффективной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали их вооруженность и хорошая организованность. Для нейтрализации действий пограничной охраны контрабандисты устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные пункты и даже засады¹². Малочисленные дозоры красноармейцев не всегда могли совладать с такими сообществами.

Порой контрабандисты курсировали в районе псковского рубежа совершенно открыто. Начальник таможенного поста № 27 на острове Талабск (Залита) в Псковском озере, например, отмечал зимой движение по льду на участке его ответственности целых обозов в несколько саней, сопровождаемых вооруженными людьми¹³.

Контрабандный промысел на Псковщине оказался очень рентабельным. Поэтому переход государственной границы носил массовый характер. Особенно заметно это было на псковско-эстонском отрезке государственной границы, обозначенном проволочными заграждениями (шириною в три кола). Вся колючая проволока здесь начиная от стыка с латвийской границей и вплоть до Псковского озера была увешана ключьями льна, оставшимися при протаскивании его местными жителями через заграждения¹⁴. Проведенная Псковским губернским отделом ГПУ весной 1923 г. проверка констатировала, что граница фактически открыта как для контрабандизма, так и для шпионажа¹⁵.

Аналогичная ситуация в данный период сложилась и в районе Псковско-Чудского водоема (третьего по площади в Европе). В период навигации контрабандистские рейсы здесь осуществлялись в основном силами местных рыбаков, которые прятали товар в прибрежных камышах. Зимой на лед выходили жители более удаленных от границы волостей и уездов. Иногда появлялись «представители» соседних губерний. Наиболее частыми гостями такого рода являлись выходцы из Лужского уезда Петроградской губернии.

Чаще всего маршрут контрабандистов лежал между устьем реки Великой и Талабскими островами. Сборными пунктами для них на восточном берегу Псковского озера служили деревни Абижа, Жидилов Бор, Черново, Ершово¹⁶. На побережье Псковско-Чудского озера в пределах Гдовского таможенного участка контрабандисты двигались, как правило, через деревни Рудница, Самолва, Мтешь, Теребище, Балсово и Немолва, а затем переправлялись на эстонский берег через узкий пролив, именуемый Теплым озером. Севернее Гдова они концентрировались в районе деревень Писковицы, Локоть, Орел¹⁷.

От побережья Псковского озера контрабанду доставляли к железнодорожным станциям или шоссе́йным дорогам на линии Псков – Петроград или Псков – Бологое. От Чудского озера она шла в направлении Кингисеппа (бывшего Ямбурга)¹⁸.

Активность российских контрабандистов и своеобразный «космополитизм» местного населения поощрялись прибалтийскими

правительствами, за которыми стояли влиятельные деловые и политические круги западных стран, прежде всего Великобритании. В январе 1920 г. на Верховном Совете союзников английский премьер-министр Ллойд Джордж заявил, что страны Антанты готовы торговать с русским народом, но не с советским государством¹⁹. То же самое он повторил в феврале на заседании парламента, предлагая спасти Россию с помощью торговли – раз не удалось «восстановить» ее силой. Предлагаемая торговля должна была способствовать стихийному установлению рыночных отношений и стимулировать вовлеченных в них социальных групп советской власти. Объясняя эту идею, заведующий Североевропейским отделом МИД Великобритании Д. Грегори высказывал надежду, что таким образом удастся подорвать «экстремистские формы» большевизма изнутри²⁰. Данная миссия возлагалась на филиалы западных фирм в Прибалтике.

В начале 1920-х гг. контрабандная торговля на время была легализована Эстонией и Латвией посредством учреждения так называемых «транзитных лавок», которые располагались буквально в нескольких шагах от пограничного рубежа и функционировали по колониальному принципу: т. е. промышленные товары менялись в них на сырье по весу. Будучи лично заинтересованными в прозрачности границы, лавочники часто организовывали провокации и являлись подстрекателями неоднократных обстрелов войсковых нарядов местными контрабандистами.

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка на северо-западной границе, особенно на ее псковском участке, создавала благоприятные условия для активной деятельности различных подрывных элементов. Сказывалась и близость Прибалтики, являвшейся частью так называемого «санитарного кордона». Политиками Запада она мыслилась в качестве барьера, препятствующего распространению большевистских идей. Но особенно беспокоило Москву то обстоятельство, что на территории Эстонии и Латвии образовались русские контрреволюционные и оппозиционные центры, обладавшие связью с населением по другую сторону северо-западной границы. В их составе было достаточно много выходцев из Псковской губернии. Люди, ушедшие оттуда в Прибалтику с белыми и оставшиеся после гражданской войны на Псковщине, иногда были связаны родственными узами, являлись хорошими знакомыми, соседями, подчас с детства знавшими друг друга. Время от времени они обменивались информацией посредством писем, а иногда и личных

встреч – легче всего это удавалось делать рыбакам на Псковско-Чудском озере²¹.

Подобные контакты не могли не оказывать определенного влияния на политические умонастроения Псковского края. В пограничных уездах циркулировали слухи о непрочности советской власти, о близкой войне, о походе английской эскадры на Кронштадт, об отделении Украины и т. п. Сводки ОГПУ с тревогой отмечали упорно повторяемый слух о том, что скорая война свергнет советскую власть. Нехватка хлеба объяснялась его отправкой за рубеж для подкупа соседних государств с целью предотвратить вооруженное свержение ими большевистского правительства. В ряде мест слышалось восхваление порядков соседних буржуазных стран. Особый упор при этом делался на дешевизну товаров²².

Одним из источников антисоветских слухов являлись лица из числа ушедших в Прибалтику, которые иногда тайно наведывались в родные края. Ночные гости из-за кордона не всегда ограничивались только устной агитацией, но и она воспринималась советскими властями чрезвычайно болезненно.

Особую опасность представляли диверсионные группы, действовавшие по заданию так называемого «Союза защиты родины и свободы», во главе которых стоял эсер Савинков. В период с 1921 по 1924 гг. в одной Псковской губернии они осуществили целую череду актов саботажа, которые сковывали работу советских и партийных ячеек. Ставка на привлечение для борьбы с нарушителями демобилизованных красноармейцев иногда не срабатывала. Позволим себе всего одну цитату из письма демобилизующегося пограничника: «Ты пишешь, чтобы я привез наган, нам ведь не так просто взять. Надо тогда записаться в партию – тогда и дадут, а в партию записываться страшно...»²³ В Великолукском, Холмском, Псковском и Порховском уездах савинковцы пользовались поддержкой некоторой части местных крестьян. Периодически они появлялись в районе Новоржева, Опочки и других тыловых уездах губернии.

Борьбу с различного рода нарушителями границы серьезно затрудняло отсутствие развитой пограничной инфраструктуры. Пограничные кордоны располагались далеко друг от друга. Связь часто нарушалась или вовсе отсутствовала. Государственный рубеж был слабо обозначен на местности. Планомерная расчистка пограничной полосы шириной в 150 сажень началась проводиться лишь с 1925 г. Военнослужащие были расквартированы по крестьянским избам и в

силу материальной необеспеченности иногда попадали под влияние хозяев.

Сводки Особого отдела, изучавшего настроения пограничников, пестрели выдержками из их писем типа: «У нас солдаты ходят и просят милостыню...»; «десятый день живем подаванием от хозяина, а своего нет»; «видно, что забыли наши товарищи, что мы защитники пролетариата»; «...голодно. Надоела эта проклятая служба»; «...пришлите мне чего-нибудь съестного, а то погибель своей жизни. Если это продолжится долго, то я убегу дезертиром в Москву работать, как работал раньше»²⁴.

Впрочем, встречались и другие письма: «Жить весело. Если пропустишь спекулянта, он тебе даст и соли, и свинины, и мяса...» Некоторые военнослужащие открыто признавались в том, что разжились на границе продуктами, одеждой, сапогами и т. п. Но уже в пяти верстах от нее витали совершенно иные настроения: «На позиции можно хоть пограбить, а в тылу плохо. Наверное, пропадем как мухи от голода и холода»²⁵. Как следствие – страдала дисциплина пограничников. Передки были случаи дезертирства или самовольного ухода дозорных с постов. Пользуясь редкой цепью погранохраны или попустительством с ее стороны, нарушители почти открыто пересекали границу даже в дневное время.

Тем не менее, система пограничного контроля постепенно совершенствовалась. Некоторое время охрана государственной границы осуществлялась строевыми частями Красной армии. Но уже в середине 1923 г. формируются подразделения пограничной охраны губернских представителей ГПУ. А в 1924 г. эти органы и войска объединяются в единый аппарат погранохраны ОГПУ.

Данная реорганизация положительно сказалась на укреплении пограничного режима. В Псковской губернии первые пограничные городки начали закладываться в 1923 г. Однако еще в 1926 г. на 37 застав и 8 комендатур Себежского, Островского и Псковского погранотрядов приходилось всего 17 готовых к эксплуатации зданий²⁶. В условиях подобной неустроенности закрыть границу без содействия со стороны гражданского населения было довольно сложно.

К середине 1920-х гг. по инициативе государства все настойчивее начали предприниматься шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и пограничными властями. В июле 1925 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина прошло заседание специальной комиссии, на

котором было принято принципиальное решение о необходимости интенсивного социально-экономического развития приграничных районов страны. Контролировать выполнение поставленной задачи на Северо-Западе России, Украине и в Белоруссии было поручено Я.В. Полуянову. В интересующем нас регионе соответствующую работу координировало Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б).

Для детального обследования пограничных районов при нем была создана специальная комиссия в составе: Русанова, Москвина, Мессинга, Струппе (секретарь Псковского губкома), Ярвисало, Саакова и Кондратьева²⁷. Вопросы борьбы с контрабандой и бандитизмом в этой комиссии курировал начальник полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе С.А. Мессинг.

К началу августа 1925 г. губернские комитеты партии, в том числе и псковский, обязаны были передать туда перечень неотложных мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного состояния пограничных уездов. Среди указанных мер особое внимание первоначально отводилось оказанию семенной и продовольственной помощи гражданскому населению, снижению его налогообложения, увеличению средств райсоюзов всех видов кооперации, стимулированию мелкой торговли, интенсивному казарменному и дорожному строительству в приграничной полосе, а также развертыванию там сети просветительских учреждений.

Согласно ПП ОГПУ в ЛВО № 173 и последовавшему за ним распоряжению Псковского губернского отдела ОГПУ № 261 начальники погранотрядов были обязаны не только вести разъяснительную работу среди местных крестьян, но и оказывать им посильную материальную помощь. С этой целью осенью 1925 г. в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом: «Погранохрана лицом к деревне»²⁸.

В целом социальная поддержка гражданского населения положительно сказывалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 г. Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20–25 % задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных должно было давать негласное сотрудничество.

Однако подобные доверительные отношения складывались далеко не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой приграничной полосой продолжали

процветать, выражаясь языком сводок, «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента». Не изменилось и отношение многих крестьян к контрабандизму. Человек, отозвавшийся отрицательно о контрабандистах, терял в их среде всякое доверие. Его автоматически причисляли к «агентам», «сыщикам», «тайникам» и «вредили при всяком удобном случае»²⁹. Такое различие в настроениях населения официальные лица объясняли нехваткой ресурсов для устройства «полной советской общественности» за пределами пограничной полосы³⁰.

Однако в тактическом отношении описанная выше политика имела определенный эффект. Прежде всего, она позволила изжить промысловый контрабандизм как массовое явление. Заручившись поддержкой местного населения, компетентным органам удалось в короткие сроки свести этот незаконный промысел на Северо-Западе России к минимуму.

Однако несмотря на усиление пограничного режима, контрабандизм традиционно оставался важным нелегальным промыслом для некоторых приграничных жителей и в 1930-е гг. Только в 1937–1938 гг. сотрудниками местного отдела НКВД было выявлено 348 псковских контрабандистов, причем на 80 из них имелся проверенный компрометирующий материал.

Отдельной проблемой для органов внутренних дел являлись так называемые перебежчики из стран Прибалтики. Если в 1920-е гг. переход псковского участка государственной границы в направлении СССР зачастую приветствовался и даже поощрялся как живое доказательство преимуществ советского строя, то во второй половине 1930-х гг. он стал вызывать все возрастающее недоверие со стороны компетентных органов власти.

В силу ограниченности средств на местах, усиленное снабжение пограничных районов хлебом, промышленными товарами, строительным лесом и многими другими материалами шло за счет урезания запросов внутренних районов Псковского края. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов и других финансовых льгот. Административно-хозяйственная поддержка такого рода, конечно, не была рассчитана на быструю социальную регенерацию приграничных уездов в целом. Не случайно после переноса государственной границы далеко на запад и перехода Псковского края в разряд «тылового», они сами надолго превратились в так называемую неперспективную глубинку.

Вместе с тем, исторический опыт подсказывает, что взвешенная политика в отношении развития пограничных районов, основанная на сбалансировании общегосударственных и местных интересов и потребностей, является одной из гарантий стабильного регионального и национального развития. Об этом же следует помнить и при определении форм и методов трансграничного сотрудничества, в том числе в контексте обеспечения международной стабильности и безопасности.

¹ Иванов В.А. Хозяйственно-экономическая ситуация на Северо-Западе России во второй половине 20-х годов: проблемы борьбы с контрабандой // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1996. № 1 (1). С. 62.

² Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 66.

³ Там же. Д. 213. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 304. Л. 9–22.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Л. 57.

⁷ Там же. Д. 38. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Д. 101. Л. 34.

¹¹ Там же. Л. 35.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁷ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р1125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 33.

¹⁹ Почс К.Я. «Санитарный кордон»: прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига, 1985. С. 34.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ ГАПО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 228. Л. 11.

²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 322.

²³ Там же. Л. 21.

²⁴ Там же. Л. 22.

²⁵ Там же. Д. 304. Л. 45.

²⁶ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 213. Л. 88.

²⁷ См. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 43.

²⁸ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 394. Л. 470.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

³⁰ Там же.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН
И МАЗЕПИНСКАЯ ИЗМЕНА.
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700–1721)**

В О ВРЕМЯ РАБОТЫ с архивом генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, среди документов военно-походной канцелярии начальника русской артиллерии за 1708 год был обнаружен необычный документ. Он резко контрастировал с многочисленной корреспонденцией, связанной, прежде всего с повседневной, подчас весьма рутинной, деятельностью артиллерийского ведомства в сложных условиях Северной войны.

Это черновик перевода на русский язык письма некоего англичанина, находившегося в составе шведской армии на Украине¹. Документ озаглавлен «Из аглинского языка переводное письмо, писаное от аглинского посланника обретающегося при войске шведцком к аглинскому секретарию господину Бойлу».

В письме содержатся интереснейшие подробности, характеризующие военную и политическую обстановку на Украине после вторжения туда армии шведского короля Карла XII.

Каким образом этот документ оказался среди бумаг артиллерийской канцелярии, кто его автор, кому и зачем он адресован? Кто мог быть автором перевода? Достоверная ли информация содержится в этом письме? Попробуем ответить на эти вопросы, но первоначально приведем текст перевода целиком (сохраняя орфографию начала XVIII в.):

«Прямопочтеннейший господине. В последнем своем [письме] я объявлял милости вашей о бое, случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом² и москвичами, а после того времени не слышал я, чтобы когда почта отпущена была из шведской армии,

в д. Глинного языки / Введенное им же /
 по приказу о д. Глинного / По какому софе
 наведено са при дой / и в обиде / Къ /
 помянутому / Сиренарив / В том болю. / 380
 313
 прямо по селенкешии /
 вполемъ / обрав я баян / вашии / Мит бир
 не обод / (логиче) / мои урби / (или) / М. Б. /
 Генерал / Леве / в / т / / и / мо / л / о / х / а / м / и / з / а / п / о / л / т /
 того времени / К. С. / я. / то / в / О / л / з /
 по / та / от / м / е / н / о / в / л / а / д / и / о / т / м / и /
 под все / про / ход / з / з / т / а / д / е / н / е / к / р / о / з / о / м / у / ч / и /
 на / о / л / д / а / К / у / р / а / ш / и / н / а / о / н / д / а / р / и / т / в / и / с / и /
 и / д. / П / я / т / о / г / о / с / е / г / о / М / и / с / Е / г / о /
 в: / П / е / р / е / ш / е / л / р / е / к / у / Д / е / с / н / у / к / р / о / з / о / е / о / з /
 з / д / о / М / н / о / з /е / В / е / л / и / к / и /е / П / р / о / т / и / в / о / с /т / о /
 з / и / л /и / А / ш / е / з / М / о / с /к /в /и /ч /и / П / о / б /и / т / а / м /
 д / а / в / и / з / и / л / ^{С / т / р / а / н / и / 3 / 1 / 3} /

Первая страница перевода письма Джеймса Джеффриса
(Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 313)

понеже все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков. Пятого числа сего месяца Его Величество³ перешел реку Десну⁴. И де же бы с шведом многие великие противности случились, аще бы москвичи имели тамо довольноую силу к супротивлению оным. И оная река была широка и имела береги крутые и к выходу на берег показалось бы невозможно иным,

кроме короля шведского. Токмо вящую пользу в сем переходе Его Величество получил, что москвичи под командою генерала Шереметева⁵ у дела при добывании города Батурина, иже резиденция есть генерала Мазепы⁶, к которому делу так устремилися, что растеряли другие авантажи. Однако ж они взяли тот город прежде нежели Его Величество оный мог выручить, и пререзали всех жителей мечом, и сожегши оной, отошли. Також де учинили оне нам некоторую противность у преждереченной реки с 4000 пехоты. Ныне отогнаны от 800 шведов, которых число от оных токмо сперва перешло, а армия после перешла без сопротивления, отколе мы маршировали к Коровову и Новому Млыну, иде же мы перешли Сейм реку и вступили в такую землю, которой лучше я не видывал, идучи чрез разные городки. Напоследки пришли к тому месту, идее же Его Величество назначил армии зимнии квартиры, которые я по лутчему моему известно, иже мог получить, расположены сим обычаем: кавалерия – в Вороне, в Серебряном, в Прилуках, в Ёсне, в Лохвидах, в Монастыре и в Конатопе, инфантерия – в местечках ближайших к неприятелю, а королевская гаупт-квартира в Ромне. Тако ж, что шведская армия ныне покрывает большую часть Украины, тою часть земли, по которой генерал Мазепа титулует себя князем. Москвичи, за небольшой частью, расположили себя на другой стороне реки Десны и Сейма в наследных московских городках, а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рьльске, в Городище, в Нежине, в Киеве, и около тех мест, а сам царь – в Глухове. От ближнего соседства с москвичами чинятся нам некоторые безупокойства и частые реконтры между их и нашими партиями, в которых наш генерал Мейерфелт⁷ и полковники Дюкер⁸ и Тауб⁹ в недавних числах означили себя.

Не могу видеть, чтоб с нашей алияциею с генералом Мазепою по нашему чаянию что делалось. Також не обретаю я, чтоб сии люди так в готовности были с нами соединиться, како мы преж сего верили, но противно оному многие, которые в начале наши партии были, ныне перешли к неприятелю. Простой народ начинает ворчать против своего генерала, понеже привел иностранныя войска в их землю. И сказывают, искать интерес панов хочет, токмо все бремя будет лежать на нас, и что нам промышлять тот провиант на армию самим надобно к разорению нашему и фамилии нашей, когда другие в такой печали. Вкратце сказать, я обретаюсь в обществе людей больше склонных к москвичам, нежели к шведам. И так то велико, что может часто збираться купами и вред нам чинить. Какое щастие,

недавно посланный от генерала Мазепы в Царьград, чтоб наговорить оному двору, дабы крымские татары к нам в помощь прислали, получил еще не явлено ведомость, только опасаемся, чтоб уже москвичи не помешали, и оный великим числом денег мир купили. Прошлые ночи поехал сквозь сие место от короля шведского нарочной куриер, и я не мог подлинной никакой ведомости получить зачем оной послан, токмо мнят, что к королю Станиславу¹⁰ призывать оного с своею армиюю к служению с королем шведским всей земле.

С две недели взят в полон партиейю генерал-адъютант московский, которой послан был к королю Августу¹¹ с грамотками, в которых объявляет о нападении в Польшу. И сие письма для того писаны, чтоб нас поудержать, или для того, ежели правда в том есть, что, сказывают, что вышеписанный король уже в Польшу вошел с несколькими тысячами человек. И том подлинно никто рассудить не может, понеже с два месяца почты в армии [нет]».

Начнем с адресата, тем более, что его имя указано в заглавии перевода. Генрих Бойль (Henry Boyle), 1-й барон Карлетон (Carleton) (1669–1725) был известным политическим и государственным деятелем в Англии и Ирландии. Его отец Чарльз Бойль был 3-м виконтом Дунгарваном. Генрих Бойль получил образование в Вестминстерской школе и Колледже Святой Троицы в Кембридже, по окончании которого поступил в армию по рекомендации своего дяди, сторонника партии тори, лорда Рочестера. Однако сам Бойль был приверженцем партии вигов. В 1688 г. он оставил военную службу у короля Якова II Стюарта, переметнувшись на сторону Вильгельма III Оранского, вступившего на английский престол после «Славной революции».

В 1689 г. Бойль был избран членом парламента от Тамворта, но на следующий год проиграл выборы и уехал в Ирландию заниматься делами семейных владений.

В 1692 г. он представлял графство Корк в ирландской палате общин. В том же году Бойль вернулся в английский парламент в качестве депутата от Кембриджа. Он стал известным политиком от так называемой «деревенской» оппозиции. Однако для того, чтобы сделать карьеру, молодой политик в 1697 г. перешел на сторону «придворной» партии, благодаря чему быстро пошел вверх, став лордом Сокровищницы (с 1699 г.) и канцлером Казначейства (с 1701 г.)

Он исполнял и другие обязанности: лорда-лейтенанта графства Ист-Райдинг-оф-Йоркшир, лорда-казначей Ирландии (1704 г.), был избран членом парламента от Вестминстера (1705 г.). После ухода

в отставку правительства во главе с лордом Робертом Харлеем стал государственным секретарем Северного департамента и лордом-казначеем. На этом поприще он курировал внешнюю политику Англии, преимущественно в Германии, Скандинавии и Восточной Европе. В 1710 г. он оставил свой пост и политику в связи с приходом к власти нового кабинета министров от партии тори.

С воцарением Ганноверской династии в 1714 г. Бойль вновь оказался у дел. Он получил титул барона Карлетона и благодаря этому стал пэром Англии, затем занял пост лорда-президента (с 1721 г.) и оставался на этом посту до своей смерти в 1725 г.¹²

Письмо отправлено, как явствует из заголовка, английским посланником, который «обретается» при войске шведского короля Карла XII. Удалось установить имя этого человека. Им является английский офицер Джеймс Джеффрис (James Jefferyes), о личности которого известно благодаря обстоятельному исследованию историка Р. Хаттона, опубликовавшего и прокомментировавшего в 1953 г. его письма¹³.

Он родился в Швеции в 1679 или 1680 г. и был сыном ирландского офицера Джеймса Джеффриса (в честь которого и был назван), который состоял на службе шведского короля Карла XI (1660–1697). Отец Джеффриса был дворянином и владельцем замка Бларни (Blarney) в графстве Корк (Cork), в Ирландии. Точных сведений о матери Джеффриса не сохранилось, однако существует предположение, что она была родом из Швеции. Благодаря тому, что юный Джеймс родился и провел детство в Швеции, он в совершенстве овладел шведским языком. От родителей ему достались хорошие физические данные и крепкое здоровье. В 1690 г. его отец оставил службу у шведского короля Карла XI и перешел на службу к английскому королю Вильгельму III Оранскому (1689–1702). В английской армии он довольно быстро сделал карьеру и в 1709 г. стал генерал-бригадиром. При этом связи семьи со Швецией не оборвались, вероятно, благодаря дружеским и деловым связям отца и родственным – матери. Старший сын – Густав (отметим нетипичное для англичанина имя), принял участие в военной компании Швеции против Дании летом 1700 г. в качестве добровольца. Во время похода в Россию он погиб в сражении под Нарвой осенью того же года.

Джеймс Джеффрис (старший) вел постоянную переписку с Джоном Робинсоном (John Robinson), английским дипломатом, находившимся в Швеции, и неоднократно бывал в Стокгольме. Осенью 1701 г. он

попытался устроить своего сына Джеймса, который к тому времени окончил обучение в Дублинском университете и получил степень бакалавра, на службу к Робинсону в качестве секретаря. Это ему удалось не сразу, но все же Робинсон пригласил 21-летнего Джеймса Джеффриса в Стокгольм, чтобы определить его дальнейшую карьеру. Молодой англичанин состоял на службе у Робинсона с 1702 по 1707 г. За эти годы Джеффрис получил огромный опыт работы с корреспонденцией, которая велась между английскими дипломатами во всех уголках Европы, познакомился с тонкостями британской внешней политики. Поскольку любой дипломат того времени «по совместительству» являлся еще и шпионом, следует полагать, что Джеймс Джеффрис получил возможность попрактиковаться и на разведывательном поприще.

С началом Северной войны английское правительство было заинтересовано в получении информации о кампании шведского короля Карла XII против «московитского» царя Петра I и событиях на востоке Европы. Необходимо было подобрать кандидата на роль добровольца, который сопровождал бы шведскую армию во всех ее передвижениях. Во время визита герцога Мальборо¹⁴ к Карлу XII весной 1706 г. вопрос о направлении английского представителя в шведскую армию был решен положительно. Оставалось только найти подходящую кандидатуру. В качестве варианта рассматривался Джон Робинсон. Однако он был слишком известен в европейских дипломатических кругах. Возникла опасность, что другие станы тоже попытаются направить своих представителей в шведскую армию. Робинсон предложил герцогу кандидатуру своего помощника – Джеймса Джеффриса, получившего к тому времени уже звание капитана.

Тайная миссия Джеффриса в армии Карла XII продлилась два года. После разгрома шведов под Полтавой Джеффрис оказался в русском плену, но очень быстро был освобожден стараниями британского внешнеполитического ведомства.

О своем плене Джеффрис написал английскому посланнику в Москве Чарльзу Уитворту (Whitworth). Выдержка из этого письма содержалась в письме, отправленном Уитвортом государственному секретарю Г. Бойлю из Москвы 7 августа 1709 г. Уитворт, вероятно, ничего не знавший о тайной миссии Джеффриса, в частности пишет: «В числе остальных трофеев – Секретарь Ее Величества (т. е. королевы Анны. – С. Е.) мистер Джеффрис, который попал в руки царя, как он сообщил мне во вложенном письме. Там же вы найдете краткий

**Шведский король Карл XII.
Гравюра начала XVIII в.**

отчет о сражении... Я уже написал графу Головкину в его интересах, и прусский посол возьмется проследить, чтобы между ним и их резидентом все было улажено, когда он достигнет армии, куда он отправился 23-го числа»¹⁵.

Это «вложенное» письмо приводится Хаттоном в своей публикации целиком. Оно было написано в плену в русском лагере под Полтавой 9 июля 1709 г.: «С того момента, как я имел честь быть назначенным на службу к Ее Величеству в качестве секретаря при короле Швеции, у меня не было возможности услужить вам вплоть до настоящего времени. То, что я имею сообщить вам в настоящее время, будет, без сомнения, так же удивительно для вас, как знаменательно для Монарха, к которому вы посланы. Вкратце, Его Царское Величество одержал

полную победу над шведами и вся шведская армия, состоящая из 21–22 тысяч человек, либо погибла, либо взята в плен, вся походная канцелярия, генералы и другие нижестоящие офицеры, не исключая графа Пипера (Piper) и фельдмаршала Реншильда (Rhinschild) находятся в руках московитов. Я до сих пор не уверен, какая судьба меня ждет. Принц пообещал освободить меня, чтобы я мог вернуться в Англию, канцлер Шафиров (Scharfiroff) является моим покровителем, однако мистер Зильтман (Silkman), который находился у шведов в качестве посла от короля Пруссии, мой самый страшный враг, он старается убедить этих министров, что я нахожусь на службе у шведского короля.

Трагедия, о которой я говорил, началась 28-го числа прошлого месяца под Полтавой, когда шведы атаковали московитов в удобных для них позициях и окопах, а все закончилось 1-го числа сего месяца: когда шведы отступили от Полтавы с остатками своей армии к Днепру (Nіерер), дабы потом перебраться через эту реку, что в итоге оказалось для них неосуществимым, и были вынуждены сдаться в плен. Таким образом, Сэр, вы можете видеть уничтожение победоносной и многочисленной армии меньше, чем за 2 года, по причине в большей степени крайне невнимательного отношения к своему врагу; но главным образом из-за того, что король не внял никакому совету своих советников, ратовавших, как я могу уверить вас, за ведение этой войны другим путем.

Король Швеции, с 2–3 тысячами всадников перебрался через Днепр (Nіерер); думается, к этому времени он благополучно достиг Польши»¹⁶.

Вскоре этот специалист по «восточному вопросу» был назначен на пост советника посольства королевы Анны при Карле XII в Бендерах, где шведский король отсиживался после полтавского разгрома. На этом поприще Джеффрис пробыл с 1711 по 1715 гг.¹⁷

Джеффрис, находясь в ставке Карла XII, располагал большими суммами денег. Об этом свидетельствует сообщение участника Прусского похода 1711 г. француза Обри де ла Мотрэ (1674–1743). По его словам, англичанин одолжил графу Яну Сапеге в 1713 г. тысячу червонцев, которые так и не были возвращены¹⁸.

Из немногочисленных личных фактов биографии капитана известно, что в 1717 г., находясь в отпуске, он женился на Елизавете Херберт, вдове Эдуарда Херберта и старшей дочери полковника Филиппа Херберта. Однако, прожили они вместе недолго, через год с небольшим после свадьбы его жена скончалась, оставив Джеффрису на попечение дочерей-двойняшек. Елизавета умерла в ноябре 1718 г. и была похоронена в Вестминстерском аббатстве. В момент ее смерти Джеффрис находился на пути в Санкт-Петербург, куда в 1718 г. его назначили в качестве дипломатического представителя при русском дворе.

Англичанин прибыл в Россию в январе 1719 г. Его донесения из Петербурга были опубликованы Русским Императорским историческим обществом¹⁹. Отправляясь в Россию, Джеффрис не скрывал, что на него возложены функции профессионального разведчика, невзирая на невысокий дипломатический ранг²⁰. В инструкции, данной

дипломату королем Георгом I, в частности, говорилось: «Во время пребывания своего при царском дворе вы имеете осведомляться о его замыслах, о договорах, заключенных царем с другими монархами и государствами, о положении финансов и военных сил России, а равно обо всем, что в данную минуту может касаться наших интересов и как-нибудь влиять на ход наших дел или вообще имеет международное значение при настоящих обстоятельствах. Обо всем, что узнаете по этим или иным предметам – вы имеете возможно полно и точно уведомлять нас от времени до времени через одного из статс-секретарей наших»²¹.

Письма Джеффриса из Санкт-Петербурга достойны, несомненно, подробного изучения, что невозможно сделать в краткой статье. Отметим, что за время непродолжительного пребывания при русском дворе британец оставил подробнейшие донесения, полные ценной разведывательной информации.

Находясь в России, Джеффрис все еще выказывал интерес и симпатию к Швеции, в частности он был неравнодушен к судьбе шведских военнопленных в России.

После блистательных побед русского оружия в Северной войне, полного разгрома шведской армии под Полтавой и частичного завоевания Прибалтики, антирусские настроения в Англии значительно усилились. «Петр I стал нашим соперником, и для нас опасно не замечать этого»²², – писал автор памфлета «Северный кризис» в 1714 г. Британский посланник лорд Страффорд в беседе с русским послом в Гааге князем Б.И. Куракиным заявил, что Англия желала бы видеть «все державы на Севере в прежнем состоянии». Командующий английской эскадрой на Балтийском море адмирал Норрис получил приказ овладевать русскими кораблями, самим русским царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока его армия не покинет Данию и Германию²³.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1717–1718 гг., еще более усилились в последующие годы и были связаны с победами русского флота, который создавался во многом благодаря участию английских мастеров²⁴. В послании государственному секретарю лорду Стенхоупу от 15 мая 1719 г. Джеффрис высказывал опасения по поводу тех соотечественников, которые помогали русским строить флот. «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена. Если же не принять этой или

другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаться, хотя, быть может, уже и поздно»²⁵, – писал дипломат. В другом своем послании Джеффрис настойчиво рекомендовал английскому правительству отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь (в России. – С. Е.), они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»²⁶.

Напряжение отношений между Петром I и Георгом I в конце концов вынудило Джеффриса покинуть в октябре 1719 г. Санкт-Петербург вместе с ганноверским резидентом Ф.Х. Вебером²⁷ и затем осесть в Данциге (современном Гданьске)²⁸.

Джеффрис поддерживал отношения с русским двором до декабря 1721 г., пока ему не сообщили о прекращении этой его миссии. С этого времени и до 1725 г. он оставался в Данциге в качестве английского представителя. После смерти отца в 1719 г. Джеффрис (все еще капитан в возрасте 40 лет) был назначен Георгом I «губернатором города Корка и прилежащих к нему крепостей вместо скончавшегося сэра Джеймса Джеффриса». От своего отца он также наследовал земельное владение замка Бларни. Умер Джеффрис своей смертью летом 1739 г., хотя много раз мог погибнуть во время военных походов²⁹.

Во время пребывания волонтером в шведской армии Джеймс Джеффрис отправил в Лондон несколько десятков писем. По мнению публикатора «Мемуаров» герцога Мальборо, «разрешение сопровождать армию в качестве добровольца позволило Джеффрису обеспечить постоянную передачу информации»³⁰. Сохранилось 30 писем за 1707–1709 гг., отправленных волонтером-шпионом государственному секретарю Северного департамента в Уайтхолл. Этот пост в годы Северной войны занимал Роберт Харли, а затем Генрих Бойль (с 1707–1708 гг.). Большая часть писем Джеффриса была утрачена. Причиной тому была плохая работа шведских почтовых служб, а также перехват корреспонденции русскими разъездами и специальными агентами³¹. В некоторые периоды Джеффрис просто-напросто не мог писать из-за болезней и истощения, вызванного трудностями «московского похода» Карла XII. «Четырехдневная малярия» или «непрекращающаяся усталость» лишали даже такого выносливого человека, которым, по-видимому, был Джеймс Джеффрис, последних сил. В одном из своих донесений агент, жалуясь

на трудности похода, писал: «Прибавьте к этому постоянную усталость ежедневного марша, бдительность наших противников, которые денно и нощно держат нас настороже, и болезни, которые за это время истощили нас, и получится, что, пожалуй, мы потеряли в этом походе более, чем если бы дали противнику бой»³². Эти донесения до последнего времени не были доступны отечественным исследователям (удивительно, но в российских библиотеках даже не было их издания!). Благодаря помощи шведских коллег несколько лет назад появилась возможность получить публикацию, сделанную Хаттоном, и сделать перевод части корреспонденции Джеффриса, относящейся к Полтавскому сражению³³. Донесения английского офицера, выполнявшего отчасти дипломатическую, отчасти шпионскую миссию, являются, несомненно, ценным историческим источником по истории Северной войны. Отдельные неточности, ошибки в деталях, а также пересказ непроверенной информации (попросту говоря слухов) в целом не умаляют достоверности содержащейся в письмах информации. По мнению современного исследователя, «дипломаты не должны были поддаваться субъективным воззрениям уже в силу поставленных перед ними задач: правительствам требовалась надежная адекватная информация»³⁴.

Вернемся к событиям, описанным в письме Джеймса Джеффриса. В первых строках упоминается о бое, «случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом и москвичами».

После поражения при Лесной генерал Левенгаупт пытался спасти остатки разгромленного корпуса от полного истребления и вновь пошел на хитрость: ночью он велел жечь телеги, создавая видимость, что солдаты греются у костров, а сам под покровом темноты бежал в сторону Пропойска. Это было не отступление, а именно бегство. По свидетельству барона Г. фон Гюйсена, «остатки шведского войска под защитой темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была (Сож), в совершенном смущении спастися трудились, и ни генералов, ни офицеров уже не слушались, и как кавалерия, так инфантерия, смешався, бежали». Шведский лейтенант Ф.К. Вейе тоже отмечал неорганизованность отступления: «Та ночь была настолько темной, что нельзя было разглядеть даже протянутой руки. Кроме того, никто из нас не знал местности, и мы должны были блуждать по этим страшным и непролазным лесам по грязи, при этом или вязли в болотах, или натыкались лбами на деревья и падали на землю». Левенгаупт пытался захватить с собой остатки обоза и артиллерии,

но из этого ничего не вышло. «В пути наши пушки,— свидетельствовал Вейе, — завязли в болоте, и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег дорогу настолько разбили, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом»³⁵. Впрочем, и то, что было довезено до Пропойска, пришлось предать огню.

Утром 29 сентября 1708 г. русские, всю ночь находившиеся в боевой готовности, не обнаружили шведов. Их взору предстало поле, усеянное трупами. Победа была полной. В течение дня царь одно за другим отправляет письма друзьям, в каждом из которых можно обнаружить любопытные детали. То он извещал корреспондента, что «сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца»; то несколько часов спустя уведомлял, что «сия виктория еще час от часу множится и непрестанно разбитых неприятелей наши стали в обоз приводят, между которыми есть довольное число и офицеров». Итоги битвы при Лесной царь подвел в письме своему любимцу Александру Васильевичу Кикину: «Только сие истинно, что Левенгаупт со всем корпусом пропал»³⁶.

Очевидец сражения с русской стороны писал: «Редко где упорнее и зазорнее сражение бывало. Никогда до того времени Русские так себя знать не дали, и свою храбрость лучше не оказали, как при оном случае, что и сам Левенгопт засвидетельствовал (когда Король Шведский Русских уничтоживая, а его укоряя, в робкость ему приписал, что дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетями смирить было можно) не обинуясь сказал, что и Русские солдаты (которым, так плохо ставит) люди и скоро-де Ваше Величество с своим накладом их мужество узнает»³⁷.

По случаю победы была составлена реляция. В ней нет даже намека на роль царя в блистательном успехе русского оружия. Между тем это было первое сражение, которым руководил лично Петр и в котором он находился на поле боя. Именно у Лесной раскрылись полководческие дарования Петра и его личная отвага.

В бумагах Я.В. Брюса сохранилась копия с текста этой реляции, отправленной смоленскому губернатору. В ней в частности говорится: «Мы вчерашнего дня неприятеля дошли стоячего зело в крепких местах, числом 16 тысяч, которой тотчас нас из лесу отаковал всюю пехотою во фланк. Но мы тотчас три свои регимента против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к ых коннице. И потом неприятель паки в бой вступил и,

начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным zelo жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть куда будет. Но после ди милостию победы давшего Бога, оногo неприятеля, сломив, побили на голову. Так, что трупов с 800 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили). Обоз весь з две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок знамен и поле совсем осталось нам. А неприятели достальные по лесам разбежались, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том выправясь, ведомость прислана будет к вам впредь. А с неприятельской стороны в полон взяты один полковник, да генерала Левенгопта, генерал отъютант и несколько офицеров, а протчим наши солдаты пардону не дали. У подлинного письма припись государевой руки “Петер”. От Леснова места в 29 дня сентября 1708 году»³⁸.

Далее англичанин сообщает о переходе шведской армии через Десну и вступлении на украинские земли.

О намерении шведского войска идти на Украину Джеймс Джеффрис сообщает и ранее, в другом письме, дошедшем до адресата в Лондон: «Теперь мы питаем себя надеждами на приход в страну, изобилующую молоком и медом и еще тем, что граф Левенгаупт скоро усилит нашу армию, добавив к ней 11 или 12 тысяч человек, а генерал Мазепа объявит о переходе на нашу сторону.

Гетман Иван Мазепа.
Гравюра И. Бернигерота. 1715 г.

Точно известно, что Его Величество послал скорых курьеров с письмами в Батурин (Battarun), в резиденцию этого генерала, с приглашением присоединиться к нам и желанием стать на зимних квартирах на Украине, но мне еще не известно, согласился ли он. Хотя, по моему скромному мнению, если бы у короля Швеции не было определенных оснований для уверенности в успехе, он бы не стал изнушать свою армию столь долгим походом в то время, когда у него была возможность повернуть к реке Двине (Duna), туда, где он смог бы найти достаточно продовольствия и рекрутов для армии, хорошую возможность присоединиться к графу Левенгаупту и гораздо более короткий путь для вторжения в Россию»³⁹.

Еще в одном письме, датированном 28 октября 1708 г. и отправленного из с. Шепетовка под Новгород-Северским, Джеффрис сообщает о том, что Мазепа приехал в ставку Карла XII: «Теперь определенно известно, что генерал Мазепа заявил о присоединении к шведам. Вчера он нанес свой первый визит Его Величеству, который оказал ему великодушный прием. Некоторые здесь считают, что мы будем оставаться в этих краях до тех пор, пока несколько тысяч его казаков не присоединятся к нам, и что затем мы перейдем реку Десну»⁴⁰.

В перехваченном русскими письме Джеффрис сообщает о взятии Батурина русскими войсками и учиненной там резне.

Как отмечалось выше, Мазепа обещал Карлу зимовку в Батурине – небольшом городке, служившем резиденцией гетмана. Документальных свидетельств о деталях предварительных предложений Мазепы Карлу не сохранилось. Однако известно, что переговоры велись, и довольно долго. Как сообщает в новейшей биографии Мазепы петербургская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева, он открылся своим приближенным 17 сентября 1707 г. В своей книге Таирова-Яковлева приводит высказывание Мазепы, записанное его верным последователем писарем Орликом: «Я не желал и не хотел христианского кровопролития, но намеревался, придя в Батурин с шведским королем, писать к царскому величеству благодарственное за протекцию письмо, в нем описав все наши обиды...» Тем самым, планы привести Карла в Батурин существовали. Кроме того, в подписанном позднее договоре с Карлом Мазепа обязуется отдать ему как базу на время войны, помимо прочих городов, Батурин (который уже полностью сожжен и не подходит для этих целей). По всей видимости, само соглашение готовилось до сожжения Батурина⁴¹.

В гетманской столице было в достатке припасов, артиллерии, имелся хорошо подготовленный и преданный Мазепе гарнизон, которым руководил полковник Дмитрий Чечель. Комендантом города был «арматный» есаул (командир казацкой артиллерии) Фридрих Кенигсек (типичная украинская фамилия!). Однако шведским планам обосноваться на удобных зимних квартирах помешали войска под предводительством князя А.Д. Меншикова.

Крепостной гарнизон состоял в основном из сердюков, которые не были казаками – ни запорожскими, ни реестровыми. Они вообще не были малороссиянами, или, как сказали бы сейчас, украинцами. Это были поляки, волохи, немцы-наемники, а также телохранители Мазепы, преданные лично ему. Сердюки были пешим войском. Конные сердюки назывались «компанейцами». Местных селян и казаков принимать в сердюцкие полки было запрещено. Таким образом, город обороняли наемники гетмана, а не украинское население города. Мазепа рассчитывал, что Батурин продержится до подхода шведской армии, и случившееся стало для него и для его шведских хозяев полной неожиданностью.

Примерно с неделю Меншиков вел переговоры с изменниками. Получив от Петра I известие о приближении к городу шведских войск, 2 ноября 1708 г. он решил штурмовать Батурин. Город удалось взять без большого боя, всего за два часа. В тот же день русские войска в спешном порядке ушли, взяв с собой пушки. Чтобы не досталось врагу, были подожжены деревянные стены крепости и продовольственные склады. Сердюки, защищавшие крепость, в большинстве своем были убиты или казнены. Мирное население частично погибло, частично бежало либо было уведено русскими.

Московский служилый дворянин и дипломат И.А. Желябужский в своих записках сообщает: «Ноября в 11 день черкасский гетман Иван Степанов сын Мазепа изменил государю нашему, уехал к шведу с небольшим войском из Батурина, а в городе и в замке оставил сердюков. Они по злему его умыслу заперлись и князь Александра Даниловича (Меншикова. – С. Е.) в город не пустили, и он посылал к ним многожды, чтоб город отперли, и они не послушали, и стали палить из пушек, и тот город взяли приступом, и вырубали, и выггли»⁴².

В поденной записке Петра I отмечалось: «Город Батурин (где Мазепа-изменник имел свою резиденцию) достали не многим уроном людей, и первых воров, полковника Чечеля и генерального есаула Кениксека с некоторыми их единомышленниками взяли, а протчих

всех побили. И тот город совсем сожгли и разорили до основания, где зело много изменника Мазепы богатства взяли. Тут же был заготовлен им, Мазепою, для войск шведских великий магазейн, который також созжен»⁴³.

Датский дипломат, проезжая через украинские земли уже после Полтавской победы, видел в Глухове головы полковника Чечеля и батуринаского коменданта есаула Кенигсека, воткнутые на шесты, и их колесованные тела, положенные на колеса⁴⁴.

В современной историографии обсуждение разорения Батурина чрезвычайно политизировано. Взятие Батурина трактуется украинскими историками и на государственном уровне как невиданная трагедия и ставится на одну полку с пресловутым Голодомором 1930-х гг. Официальное название событий в Батурине согласно постановлению кабинета министров Украины от 2 апреля 2008 г. получило название «Батурина трагедия» («Батуринська трагедія»).

С 1995 г. украинскими исследователями ведутся археологические раскопки в Батурине (Чернигово-Северская экспедиция Института археологии Национальной академии наук Украины и Черниговского педагогического университета имени Т.Г. Шевченко). В 2001 г. к ним подключились канадские ученые. Спонсорами канадско-украинских исследований выступили Канадский институт украинских исследований и другие иностранные организации. Однако выполнить основную политическую задачу – найти массовые захоронения жертв резни, учиненной русскими войсками, не удалось даже на западные деньги.

В 1996–2006 гг. археологи обнаружили в Батурине 138 захоронений периода правления Ивана Мазепы, но лишь 65 из них принадлежали убитым во время взятия Батурина (преимущественно женщинам, детям и старикам)⁴⁵. Эта цифра называется в официальном пресс-релизе, подготовленном Канадским институтом украинских исследований. Хотя в преамбуле этого документа указывается, что русские уничтожили в гетманской столице 6–7 тысяч защитников-казаков и простых жителей! Об этом псевдоисторическом абсурде можно рассуждать достаточно долго, однако это не является предметом настоящего исследования.

Во всяком случае, можно констатировать, что отправитель письма знал о случившемся с гетманской столицей, но знал, скорее всего, по слухам, носившимся в шведской армии. Сведения же эти, даже среди шведов, были самые противоречивые⁴⁶.

В письме Джеффриса содержится информация, позволяющая определиться с его датировкой. Англичанин сообщает о размещении шведской армии на зимние квартиры в украинских городах и местечках. Сообщается, что сам король Карл XII остановился в Ромнах. Известно, что шведский король находился в этом городе ровно месяц – с 18 ноября по 18 декабря 1708 г.⁴⁷ Вместе с ним в городе располагался Мазепа со своими казаками. Для того чтобы очистить от неприятеля Ромны, Петром I была предпринята обманная операция. Русские войска начали демонстративно сосредотачиваться у Гадяча (в 34 верстах от Ромны) – будто бы с целью захватить его. Карл XII клюнул на эту уловку и 16 декабря, в лютейшую стужу, бросился на выручку этой потенциально ценной базы, основательно поморозив при этом свою армию⁴⁸.

Участник похода словацкий дипломат Даниель Крман писал: «Мы надеялись получить здесь (в Ромнах. – С. Е.) надолго зимние квартиры, так как москвиты действительно захватили зимние квартиры наших. Король Карл двинулся отсюда в город Гадяч, намереваясь оказать там помощь своим... 2 января 1709 г. мы неожиданно должны были выступить в город Гадяч, ненавистный нам уже по самому имени своему, ибо мы думали, что это название дано ему от гадюк. Мы уже слышали, что его пригороды были преданы огню москвитами и что они страдали там от недостатка хлеба и других жизненных припасов. Нашим счастьем было, что один друг королевского начальника почт, прибывший в Гадяч из расположения этого достохвального начальника, находившегося уже тогда в Гадяче, вознаградил наш завтрак доброй горилкой. Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогревания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути. При этом надо было преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки...

При таком неистовстве стужи добрались мы после полудня до Гадяча, и хотя огромное пространство перед воротами было заполнено телегами и санями, мы проникли в город и, проведя напрасно два часа в поисках распорядителя квартирами, вошли в какой-то пустой от солдат дом и восстановили свои силы скромной едой и теплом...

На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами замороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторых солдат и приходящих для этого в нашу квартиру людей, а также по очереди препираться о квартире... Топлива не было совсем, если не считать того, что мы притащили с крыши дома. По этой причине окошки дома с обеих сторон были обложены льдом и снегом, а вода, сколько бы ее ни было в помещении, превращалась в лед. Очаг в течение некоторого времени удерживал тепло и, тлея все более скудно, не мог предоставить возможности покоя домашним и пришедшим. Изгнанные оттуда хозяева вынуждены были улечься частью под соседними нарами у этого очага, а частью вне дома в каморке, предназначенной для овощей и других продуктов и съестных припасов, приготовленных и высушенных по обыкновению жителей Козацкой земли. Остальная часть этого помещения пошла пришедшим солдатам. Редко мы могли приобретать пиво, чаще — вино с медом, и это за большую цену, однако горилки нам хватало, и она была для нас универсальным лекарством...

В недавнем пути и в этой квартире мы испытали холод, который запомним на всю жизнь. Слюна, вылетающая изо рта, прежде, чем упасть на землю, превращалась в лед, замерзшие воробьи падали с крыш на землю. Здесь можно увидеть одних без рук, других — лишенных рук и ног, третьих — лишенных пальцев, лица, ушей, носов, некоторых — ползающих, подобно четвероногим, других — тяжело удрученных из-за поврежденного морозом имущества. Все дома были заражены. Более 300 местных жителей умерли, пораженные разными болезнями. Но и король Карл не был застрахован от опасности холода. Однако он был приучен к перенесению всяких трудностей. Его лицо побелело от мороза, но, растертое господином графом Рейншильдом (речь идет о фельдмаршале К.Г. Реншильде. — С. Е.) с помощью снега, восстановило прежнюю живость...»⁴⁹

Таким образом, письмо, перехваченное русскими, было написано Джеймсом Джеффрисом в период между 18 ноября и 18 декабря 1708 г.

Не менее важной представляется поднятая в письме Джеффриса проблема поддержки местным населением гетмана Мазепы⁵⁰. Из донесения в очередной раз следует, что шведский король отнюдь не был освободителем украинского народа от притеснений «москвичей», а гетман-изменник пользовался поддержкой лишь малого числа своих земляков.

Еще в октябре 1708 г. Я.В. Брюс был послан по распоряжению Петра I в Глухов⁵¹, откуда отправил царю донесение о состоянии дел в городе: «Доношу Вашему Величеству всеунижено, что прибрел я вчерашняго числа по полудни в Глухов и не обрел я при оном такова места, где б армия прибыточно могла боронится, для того, что около онаго великие и равные поля, також безлесное место, отчего великое оскудение здесь в городе дровами. И мню я, что из тех лесков, которые тут да инде около города, нашему войску дров тех на двое сутки не будет. Вся наша пехота в сдешном посаде и городе уберется квартерами. Крепость здешная вся из земли зделана не по правилу фортификации, и та везде обвалилась, однакож во иных местах с очищением и возможно во оной пяти полкам свободно боронится.

Пушек в оной железных и медных 21, которые еще всех не видел, понеже всего оных 5 на городе стоит. Сего числа осмотрю достальные пушки, також и инья припасы артилериские и возвращюся паки к армии.

Как гварнизон наш сюды вступил, то вся чернь зело обрадовалась. Токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешной, а наипаче всех сдешному сотнику, которой поехал к господину фелт маршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем⁵². И сказывают многие сдешныя жители, что он везьма мазепиной партии, которой у него всегда детей крещевал, и про Четвертинскаго сказывают, что тех же людей»⁵³.

Уже упоминавшийся Даниель Крман сообщал о мужественном сопротивлении жителей и гарнизона маленького городка Веприка. Они отбили первую атаку шведов. «При вторичной атаке, – писал современник, – король также поднялся на лестницы и взял город, в котором было 2000 московитских солдат и столько же жителей – казаков. Король оказал всем милость. Гетман же Мазепа вверх одних своих подданных в ямы, других же уморил голодом. Некоторые победители в бешенстве рубили мечами женщин, которые поливали атакующих шведов кипятком и поражали камнями»⁵⁴.

Для усмирения казаков, нападавших на шведов, был послан карательный отряд под командованием полковника Функа, который перебил больше тысячи человек в городке Терее (Терейской слободе) и сжег его. Тех, кто не хотел сдаваться и заперлись в церкви, шведы спалили живьем. Такая же судьба ждала Дрыгалов (Надрыгайлово). Шведы испепелили также несколько враждебных казачьих деревень и перебили всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим⁵⁵. И

таких фактов можно привести достаточно много.

Еще один интересный вопрос, поднятый в письме Джеффриса – это тайные переговоры изменника Мазепы с турецким султаном и попытку вовлечь в войну с Россией Крымское ханство.

Для освещения связей Мазепы с татарами и Османской Портой большой интерес представляет доклад австрийского посланника в Османской империи М. Тальмана от 18 июля 1709 г., в котором говорится об обращении Карла XII, Лещинского и Мазепы за помощью к Турции и Крыму. Ради своих политических амбиций гетман-предатель готов был привести на украинские земли орду крымского хана. Его мало заботило то, что именно крымские татары испокон веку совершали набеги на Украину, грабили и разоряли украинские города и села, практически ежегодно уводили многотысячный полон, продаваемый затем на невольничьих рынках Османской империи, Ближнего Востока и Северной Африки. Осведомленный австрийский посланник писал: «Тем временем прибыли к татарскому хану в Крым с письмами шведский посланник и посланник короля Станислава, каковые посланники и сегодня еще находятся там. Чтобы поддержать их просьбы к Турции, татарский хан послал эти письма с гонцом сюда. Мазепа, перешедший со стороны Москвы на сторону шведов, прислал через казака подробное письмо на восьми страницах Юсуф-паше в Бендеры, а последний переслал это письмо через янычара сюда, в Турцию. В письмах, как это поведал мне их переводчик, оба названных короля убедительно просят татарского хана при благоприятной возможности удалить московитов от границ Крыма и не только выставить против московитов подчиненных ему татар, но и повлиять на Турцию, чтобы она со стороны турецких провинций с достаточным количеством войск нанесла бы этим своим врагам возможно больший ущерб.

Мазепа же в своем обширном послании изложил в виде подробной аполгии причины, принудившие его оставить московскую сторону, а именно что московский царь многократно нарушал привилегии и вольности казаков и он, Мазепа, со своими подчиненными не в состоянии был больше нести московское иго; что все казаки решились перейти на сторону его, Мазепы, и только ждут первой возможности, чтобы признать его официально; что все стоящие под московской властью бояре уверяют его в том, что для Турции нет ничего лучшего, как если бы они, казаки, были снова укреплены в своих старых правах и тем самым, как свободный народ

между Москвой и Турцией, представляли собой прочный барьер. Шведский король имеет также намерение вернуть казакам их старые вольности, каковое намерение особенно явно могло бы быть приведено в исполнение, если бы и Турция приложила к этому свою руку помощи. Он, Мазепа, лучше кого бы то ни было другого знает о честолюбивых планах царя, который после подавления казаков и при помощи своих больших, недалеко от Крыма, в районе Азовского моря, вновь выстроенных крепостей и вооруженного корабельного флота в Азове считает себя в состоянии при первой возможности напасть на Крым и без большого сопротивления проникнуть по морю и по суше в Молдавию и Валахию, а также и в Турцию с помощью исповедующего греческую религию населения, которое ожидает от него, царя, избавления. Он, Мазепа, просит поэтому Юсуф-пашу все это принять во внимание, настойчиво представить это Турции и убедить последнюю оказать значительную помощь»⁵⁶.

Шведская дипломатия приложила немало усилий к осуществлению своей давнишней мечты — созданию антирусского шведско-турецкого союза. Все средства были пущены в ход. Вот как объяснял причины осады шведской армией Полтавы австрийский посол при главной шведской штаб-квартире граф Франц Людвиг Цинцендорф: «Король предпринял осаду Полтавы, чтобы оттуда получить возможность утверждать свое положение на Черном море, причем считают, что шведы, обеспечившие себя в этой войне симпатией Турции, имеют намерение получать из Турции все необходимые для армии товары, в том числе сукно для обмундирования»⁵⁷.

Шведы не теряли также надежды на помощь крымских татар. Даже накануне Полтавской битвы Мазепа, успокаивая Карла XII, обещал скорое прибытие к Полтаве крымцев⁵⁸.

Такие выводы не были случайными. После того как в 1707 г. возведенный на польский трон шведами король Станислав Лещинский послал своих людей в Порту, она ответила дружественными грамотами на имя Карла XII и самого Лещинского. Султан Ахмед III предложил шведскому королю свою дружбу. В благодарность за то, что Карл XII освободил в 1704 г. находившихся во Львове турок, бывших в польском плену, султан приказал выкупить у русских сто шведских пленников. Знатный турецкий ага посетил главную квартиру шведского короля, когда тот находился в Польше. В то же время туда прибыл посланец Мазепы по имени Згура. Он передал Лещинскому письмо Мазепы, которое было зачитано при «бусурманском посланце».

В марте 1708 г. тайный секретарь Цедергильм писал из Радошковичей: «От нашего человека, который находится у татар, имеем хорошие известия. Турецкий двор находится на верном пути и в добром настроении: соглашается на предложения, сделанные аге, который находился у нас... Татары готовы отомстить за ущерб, причиненный им в свое время с русской стороны, и то с согласия турецкого султана, хотя он сам, кажется, не желает порвать отношения»⁵⁹.

Однако Турция продолжала выжидать. Она, как и западные страны, ждала решительных шведских побед. Неоднократные поражения, понесенные шведами на русской границе с конца августа до конца сентября 1708 г., в особенности разгром корпуса генерала Левенгаупта в сражении при Лесной, значительно повысили международный престиж России. Турция, собиравшаяся выступить против России на стороне шведов, узнав об этой русской победе, стала заверять русское правительство в своей готовности соблюдать мир⁶⁰.

Измена Мазепы и части украинской старшины была неожиданностью для Петра I и могла осложнить и без того непростые отношения с Османской империей.

Находившийся в Москве датский посланник при московском дворе так объяснял причины измены малороссийского гетмана:

Мазепа и Карл XII на берегу Днепра после Полтавской битвы.
Художник Г. Седерстрём. 1880 г.

«Мазепа воспользовался следующим случаем. Когда царю представили, что вполне можно сделать так, чтобы он на Украине, как и в России, имел в качестве регалии все пивные и винные трактиры, продажу табака и т. п., а казаки не смогли пожаловаться на это как на уменьшение их привилегий, Мазепа подтвердил это царю и, применяя силу, исполнил посланные ему приказы. Сам же тайком внушал людям своей страны, что скоро придет время освободиться от такого насилия, и у народа будет собственный король»⁶¹.

Вслед за Мазепой, изменила и верхушка Запорожской Сечи во главе с активным врагом России запорожским кошевым К. Гордиенко. Предатели поспешно бежали в Крым и султанские владения. Турки приветствовали беглецов, которые совсем недавно с большим удовольствием грабили и разоряли турецкое побережье. Везир пригласил к себе резидента молдавского господаря и во время беседы спрашивал его «о измене мазепиной и казаки все ли пристали к нему или служат государю». Молдавский господарь, сообщая об этом киевскому обер-коменданту Д.М. Голицыну, высказал опасение: «Есть ли нынешнею зимой (1709 г. – С. Е..) над шведскими войска какого урону не учинитца... чтоб турки об войне не стали б думать против государя»⁶². В Стамбуле сразу же вспомнили о бывшем крымском хане Девлет-Гирее II, большом ненавистнике России. С острова Родос, из ссылки, он срочно и с большими почестями был привезен в турецкую столицу. После повторного назначения Девлет-Гирей ханом (1708–1713) «везирь с ним, ханом, имел три дня разговор». Министры совещались с ним о мерах по охране границ. 24 декабря 1708 г. новый хан был отправлен в Крым.

Еще не достигнув своей резиденции, Девлет-Гирей начал плести интриги против России. Доехав в январе до Перекопа, он попытался наладить связи с запорожцами. Русскому правительству стало известно о контактах между крымцами и сечевиками. Татары заверили последних в том, что на шведа они не пойдут, но готовы начать войну с Россией.

Девлет-Гирей не остановился даже перед вмешательством во внутреннюю борьбу, происходившую тогда в Сечи между изменниками-гордиенковцами и массой запорожцев, не желавших стать на путь предательства Родины. Установив связь с запорожцами, собрав нужную информацию о положении дел на Украине и о ходе боевых действий, новый хан стал провоцировать Порту на открытое выступление против России.

Турецкие министры, относясь с большим сочувствием к требованиям хана, решили все же выждать более обстоятельной информации. Главной причиной осторожности Порты были известия о больших затруднениях и неудачах шведской армии на Украине, о том, что против нее воюет не только русская армия, но и украинский народ, который не пошел за своим предателем-гетманом. Не торопясь с открытием военных действий против России, Оттоманская Порта все же всячески помогала ее врагам, в частности королю Станиславу Лещинскому⁶³.

Девлет-Гирей получил тайный приказ великого визиря Али-паши оказать шведскому королю помощь в предстоящем генеральном сражении с русской армией под Полтавой. Хан был рад выполнить этот приказ. Затея Карла XII была ему по душе. Но это стало известно султану, и тот решительно запретил хану нарушать мирные отношения с Россией⁶⁴.

Таким образом, надежды гетмана Мазепы и его шведского хозяина на помощь татар оказались тщетными. Однако гетман уверял своего нового покровителя в обратном. В одном из своих писем (отправленных 14 июня 1709 г., незадолго до Полтавского сражения) Джеффрис сообщает, что «от Мазепы вернулись два казака, которые были посланы в Татарию, их переговоры побудили татар присоединиться к нам».

И, наконец, попытаемся ответить на вопрос, кто является автором перевода донесения. Известно, что русское командование внимательно следило за передвижением армии Карла XII. Я.В. Брюс по распоряжению Петра I писал генералу Р.Х. Боуру: «Приказал Его Царское Величество к вам отписать, дабы вы приказали кого надежного человека приискать и послать его для проведования шведов»⁶⁵. Разъезды регулярной армии и казаков перехватывали шведских гонцов (напомним, что на отсутствие почты на протяжении двух месяцев сетует Джеффрис). Захваченную корреспонденцию необходимо было переводить. Вероятно, письмо Джеффриса было отослано к Я.В. Брюсу, в совершенстве владевшему английским языком. Черновик перевода письма остался в Походной артиллерийской канцелярии.

Таким образом, в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится ценный исторический источник, дополняющий уже известные и опубликованные письма английского капитана на шведской службе Джеймса Джеффриса. Перевод письма с английского на русский язык осуществлен начальником

артиллерийского ведомства Я.В. Брюсом. Ценность этого документа несомненна. Он позволяет дополнить уже имеющиеся сведения о событиях на Украине осенью – в начале зимы 1708 г. (сражение на реке Соже, вступление шведов на Украину, взятие Батурина, размещение армий Карла XII и Петра I на зимние квартиры, измену и сношения Мазепы с крымскими татарами и т. п.). Донесение агента в очередной раз свидетельствует в пользу того, что предательство гетмана Мазепы не нашло поддержки в широких слоях украинского населения, которое в своем большинстве было на стороне России и мужественно сопротивлялось иноземному нашествию.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 313–316.

² Левенгаупт Адам Людвиг (1659–1719), граф, генерал-майор от инфантерии и губернатор Курляндии, Пильтена и Земгалии (1703), генерал-лейтенант (1705). Губернатор Риги (1706). После поражения под Полтавой с остатками шведской армии капитулировал у Переволочны. Находился в русском плену, написал подробные мемуары. Умер в Москве в 1719 г. Его тело было доставлено на родину.

28 сентября 1708 г. русский корволант (отряд пехотинцев, посаженных на коней) у деревни Лесное (Лесная) неподалеку от Могилева наголову разбил 16-тысячный корпус шведского генерала А.Л. Левенгаупта, с огромным обозом (по разным оценкам, от 8 до 12 тыс. подвод), шедший на помощь главной армии Карла XII. Петр I назвал эту победу «матерью Полтавской виктории» (Тельпуховский Б.Б. Северная война: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 71–78; Артамонов В.А. Мать Полтавской баталии. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008).

³ Карл XII (1682–1718), шведский король (с 1697).

⁴ О переправе шведской армии через Десну под Мезовым и Псаревкой сообщил Петру I генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев (Документы Северной войны. Полтавский период (Ноябрь 1708 г. – июль 1708 г.) // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. III. С. 6. № 6).

⁵ Шереметев Борис Петрович (1652–1719), русский государственный и военный деятель, дипломат, граф (с 1706). Начал службу при дворе с 1665 г. В 1679 и 1681 гг. участвовал в походах против татар. Воевода и тамбовский наместник (с 1681), боярин (с 1682). Участвовал в переговорах по заключению «Вечного мира» с Польшей (1686). В качестве великого и полномочного посла отвозил ратификационные грамоты польскому королю Яну III Собесскому. Во время Крымского похода 1689 г. командовал Белгородским полком. В 1695 г. совместно с гетманом И.С. Мазепой командовал войсками, захватившими турецкие крепости в низовьях Днепра. В 1697–1698 гг. с дипломатической миссией посетил союзные России государства, входившие в «Священную Лигу» (Польшу, Австрию, Венецию), Рим и о. Мальту. Участник Северной войны, генерал-фельдмаршал с 1701 г. В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. командовал русской пехотой. Руководил боевыми действиями российских войск в Прибалтике, Померании, Мекленбурге, участвовал в Прутском походе 1711 г. В 1705–1706 гг. подавил Астраханское восстание. Участвовал в 1718 г. в заседаниях «консилие министров» во время следствия по делу царевича Алексея в Москве. Будучи тяжело больным, не смог приехать в Санкт-Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем и был заподозрен царем в симпатиях к бывшему наследнику престола. Скончался в

феврале 1719 г. в Москве, его тело было перевезено в Санкт-Петербург и похоронено в Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры. Отличался личной храбростью и был любим солдатами.

⁶ Мазепа Иван Степанович (1639–1709), князь Священной Римской империи (1707). На русской службе с 1674 г. Генеральный есаул (с 1681). Гетман Украины (с 1687). Участник Крымских (1687 и 1689) и Азовских походов, а также первых кампаний Северной войны. В октябре 1708 г. перешел на сторону шведов. После Полтавской битвы бежал вместе с Карлом XII в Бендеры, где и умер.

⁷ Мейерфельд Юхан Август (1666–1749), барон (1705), граф (1714). На военной службе с 1683 г. Лейтенант Лифляндского рейтарского полка (1689). Капитан шведского пехотного полка в Голландии (1693). Майор (1698), подполковник эскадрона вербованных драгун (1700), полковник Абоско-Бьернеборгского рейтарского полка (1702), полковник вербованного им драгунского полка (1703), генерал от кавалерии (1704). Во время отступления шведской армии к Переволочне был послан королем к русским для ведения переговоров, был задержан, затем отпущен под подписку в обмен на генерал-майора И.И. Бутурлина (захваченного в плен под Нарвой в 1700). В 1710 г. генерал-лейтенант от инфантерии и комендант Штеттина, а также полковник Штеттинского полка ландмилиции. Вице-губернатор Померании (1713), временный глава Адмиралтейства (1714). В 1719–1720 гг. советник государственной канцелярии.

⁸ Карл Густав Дюкер (Дикор) (1663–1732), барон (1711), граф (1719). С 1688 г. кадет, с 1689 г. фенрик полка Фюрстенберга на французской службе, затем лейтенант, капитан и майор. Генерал-адъютант на шведской службе (1700), драгунский полковник (1703). Был пленен под Переволочной, освобожден в 1710 г. Генерал от кавалерии и полковник Вестеръ етландского рейтарского полка. Генерал-лейтенант (1711), генерал от кавалерии (1713). С 1718 г. государственный советник (риксрат), генерал-губернатор Финляндии (1719). Президент Кригс-коллегии (1720).

⁹ Тоб (Тауб, Тоуб) Густав Адам (1673–1732), граф (1719). Начал службу корнетом Конногвардейского полка вдовствующей королевы. Лейтенант гарнизонного полка в г. Штаде (1689), вышел в отставку в 1695 г. Генерал-адъютант от кавалерии при лифляндской армии (1700). Полковник и шеф полка вербованных драгун, так называемых «драгун Тоба» (1703). Участвовал в сражениях при Клишове, Познани и Опошне. Взят в плен под Полтавой, отпущен «на пароль». Генерал-майор и полковник Эстеръ етландского рейтарского полка (1710), затем полка Сконских сословных гусар. Генерал-лейтенант (1712). Губернатор Висмара и шеф губернаторского полка (1713). Генерал и губернатор Стокгольма (1716). Государственный советник (1718). Фельдмаршал и генерал-губернатор Эстляндии (1719).

¹⁰ Станислав I Лещинский (1677–1766), польский король в 1704–1711 гг. и 1733–1734 гг. Впервые был возведен на польский престол при поддержке шведского короля Карла XII, а второй раз – при поддержке Франции. Противник польского короля Августа II Сильного, а также его сына и преемника Августа III. В обоих случаях изгнан из Польши силой русского оружия. В 1736 г. отрекся от польского престола, формально сохранив королевский титул и получив в пожизненное владение Лотарингское герцогство. Тесть французского короля Людовика XV.

¹¹ Август II Сильный (1670–1733), курфюрст саксонский (1694–1733), король польский с 1697 по 1706 гг. и с 1709 по 1733 гг. В кампанию 1706 г. войска Августа были разбиты шведами, он был принужден заключить с ними Альбранштетдтский мир, по которому он отрекся от польского престола в пользу Станислава Лещинского и распорядился союз с Россией. Позднее, когда разгром русскими войсками шведов под Полтавой привел к резкому повороту в ходе всей войны, Август возобновил союз с Петром I

и при его содействии возвратился на польский престол.

¹² Boyle Hon. Henry (1669–1725) // *The History of Parliament: the House of Commons 1690–1715*, ed. D. Hayton, E. Cruickshanks, S. Handley, 2002; Подробную биографию Генриха Бойла см.: URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1690-1715/member/boyle-hon-henry-1669-1725>

¹³ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709 / Ed. by R. Hatton // *Historiskt Magasin*. V. 1. Historiska Handlingar, 35/1. Stockholm, 1953. P. 1–93.

¹⁴ Мальборо Джон Черчилл (1650–1722), 1-й герцог Мальборо (1702), английский полководец и государственный деятель, генерал-фельдцейхмейстер (1702). Принадлежал к партии вигов. Во время войны за Испанское наследство до 1711 г. был главнокомандующим английской армии на континенте.

¹⁵ Отрывок из этого письма был опубликован: Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 по 1711 г. // *Сборник Императорского Русского исторического общества*. СПб., 1886. Т. 50. С. 216.

¹⁶ Цит. по: Captain James Jefferyes's Letters... P. 78.

¹⁷ Шведский историк Эрнст Карлсон издал фрагменты писем Джеффриса из Бендера и Стралсунда за 1711–1715 гг. – См. в: *Historiska Handlingar*. Stockholm, 1897. Vol. XIV. № 2.

¹⁸ Мотрз О. де ла. Из «Путешествия...» // *Бесмятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии*. Л., 1991. С. 237–238.

¹⁹ См. донесения Джеффриса из России: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. Ч. Витворта, А. Вейсброда, Дж. Мэкензи, Дж. Норриса и Дж. Джеффриса // *Сборник Императорского Русского исторического общества*. СПб., 1888. Т. 61. С. 456—590.

²⁰ Там же. С. 457.

²¹ Там же. С. 453.

²² Anderson M.S. *Britain's Discovery of Russia. 1553–1815*. London, 1958. P. 70.

²³ Бильбасов В.А. *Россия и Англия в XVIII веке* // *Русская старина*. СПб., 1893. Т. 80. С. 8.

²⁴ Лабутина Т.Л. «Свои» и «чужие» в имэджинологии: ксенофобия в англо-русских отношениях в XVI–XVIII веках // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2011. № 31. С. 14.

²⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. С. 536.

²⁶ Там же. С. 564–565.

²⁷ Фридрих Христиан Вебер (ум. 1739) — ганноверский (брауншвейг-люнебургский) резидент при русском дворе в царствование Петра I. После того как ганноверский курфюрст Георг Людвиг стал английским королем, представлял в Петербурге интересы английского двора. Вебер прибыл в Петербург в 1714 г. и пробыл там до 1717 г., когда отправился в Ганновер для получения инструкций. Вернувшись в Петербург в том же году, он пробыл в России еще два года и выехал окончательно за границу в октябре 1719 г. Сведения о том, что Вебер после кончины Петра провёл ещё несколько лет в России, не подтверждаются никакими данными. Значение посольства Вебера в дипломатическом отношении весьма невелико, но мы обязаны ему одним из замечательнейших источников для характеристики петровских реформ; записки его о России, вышедшие под заглавием «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия») 3-х томах, в 1721, 1739 и 1740 гг., обратили на себя уже внимание современников. ([Weber F. Ch.]

Das veranderte Russland, in welchem die izeztige Verfassung des Geistung, Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser... Franckfurt: Verl. N. Forsters, 1721; [Weber F. Ch.] Des veranderte Russlandes Zweyter Theil... Hannover: verl. von N. Forsters u. Sohns Erben, 1739). О деятельности ганноверского резидента в России см.: Брикнер А.Г. Хр.-Фр. Вебер: (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Январь. С. 66–68.

²⁸ Ганноверский резидент находился под пристальным и постоянным наблюдением русских. «Нельзя ожидать ничего хорошего от этого двора, — писал он 15 сентября 1718 г. королю Георгу I, — все клятвы здешних министров оказываются ложью, ненависть против вашего королевского величества не может быть сильнее, и недостатка силы вредить нам» (Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei: Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr.-Christian Webers. Leipzig, 1880. № 149. S. 156). Поспешный отъезд Ф.Х. Вебера из России скорее напоминал бегство, а ускоренный сбор информации о русской армии и флоте, экономическом состоянии государства, отраженный в последних депешах, говорил о прогрессирующем англо-русском конфликте.

²⁹ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 26–27.

³⁰ Coxe W. Memoirs of the Duke of Marlborough. London, 1818–1819. V. II. P. 52.

³¹ Herlitz N. Svenska Papper på Villospår // Karolinska Förbundents Årsbok. Stockholm, 1914. P. 125–137.

³² Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 63.

³³ Игина Ю.Ф. Полтавская баталия в донесениях английского капитана Джеймса Джеффриса // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 64–79.

³⁴ Беспятовых Ю.Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 383.

³⁵ Корд В.И. Бої під Лісним і під Полтаваю защеденником шведського лейтенанта Ф. Вейе // Записки історічно-філологічного відділу Української А.Н. Київ, 1931. С. 218–219.

³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. С. 168–175.

³⁷ Записка о войне шведской, в царствование Петра Великого веденной, и о сражении с Левенгауптом, найденная в делах того времени // Военный журнал. 1833. № 3. С. 53.

³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 344–345.

³⁹ Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709. P. 63.

⁴⁰ Ibid. P. 66.

⁴¹ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007. С. 196–197.

⁴² Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 1997. С. 355.

⁴³ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 294.

⁴⁴ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Лавры Полтавы. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М., 2001. С. 378.

⁴⁵ См, напр.: Kovalenko V. The Rape of Baturyn: The Archaeological Evidence / Poltava 1709: The Battle and the Myth // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. № 1/4. P. 37–78.

- ⁴⁶ Подробный обзор этих сведений см.: Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. М., 2008. С. 87–93.
- ⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 1. М., 1951. С. 230; Там же. Вып. 2. С. 963–964; Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. / Пер. со швед. А. Полторацкого. СПб., 1912. С. 51–54; Бужевич В.Е. Пребывание Карла XII в Ромнах // Киевская старина. 1904. № 3. С. 111–113.
- ⁴⁸ Погода Ю.В., Иванюк Я.Г. Полтавская баталия: Крепости и герои. М., 2009. С. 223.
- ⁴⁹ Шутой В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны: (Путевой дневник словацкого посла Д. Крмана, относящийся к периоду 1708–1710 гг.) / Пер. А.Б. Поповой; М.Н. Цетлина // Вопр. истории. 1976. № 12. С. 97–98.
- ⁵⁰ История сопротивления шведам и изменникам-мазепинцам со стороны украинского населения широко освещена в научной литературе. См., напр.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 283–294.
- ⁵¹ Ничем особенным не отличавшийся от десятков других маленьких городков Левобережной Украины, Глухов с начала XVIII в. столетия неожиданно оказался в центре важнейших исторических и политических событий, связанных с Северной войной (1700–1721). Узнав об измене гетмана Мазепы, царь Петр I, который находился тогда на Сумшине, приказал немедленно разрушить гетманскую столицу город Батурин. Резиденция гетманов была перенесена в Глухов, находившийся поблизости от русской границы. Там было велено собрать украинскую казачью старшину для избрания нового гетмана. Под давлением Петра I 6 ноября 1708 г. новым гетманом был избран И.И. Скоропадский. 12 ноября того же года в Глухове состоялась заочная казнь Мазепы, после которой в Троицком соборе, в присутствии царя, митрополит Киевский, Галицкий и Малья России Иоасаф (Кроковский) предал Мазепу анафеме (церковному проклятию). С 1708 по 1764 гг. город Глухов был столицей Гетманщины и резиденцией украинских гетманов.
- ⁵² Четвертинский (Святополк-Четвертинский) Юрий, князь, племянник бывшего киевского митрополита Гедеона (Четвертинского), женатый на дочери предшественника Мазепы – гетмана Ивана Самойловича.
- ⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–6.
- ⁵⁴ Шутой В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 97.
- ⁵⁵ Мазепа. Збірник. Варшава, 1938. Т. 2. С. 20; Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Мюнхен, 1988. С. 66.
- ⁵⁶ Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата) / Пер., введ. и прим. В.Е. Шутого. М., 1977. № 5. С. 41–42.
- ⁵⁷ Там же. С. 9.
- ⁵⁸ Томашевський С. Из записок каролинців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 92. Кн. VI, 1909, С. 61. Заметим, что в это же время изменник пытался вступить в переговоры с русскими и выдать им шведского короля, дабы спасти свою собственную шкуру. Для этого человека не было пределов в подлости и измене (Павленко Н.И. Петр Великий. С. 289).
- ⁵⁹ Цит. по: Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата). С. 9–10.
- ⁶⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1951. Т. IX. Вып. 1. С. 90.
- ⁶¹ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1992. С. 115–116.
- ⁶² Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 689.
- ⁶³ Там же. С. 580.
- ⁶⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. СПб., 1887. С. 15.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 415.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**КОРОЛИ И СВЯТЫЕ.
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕЧИ XV–XVII ВЕКОВ
В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ**

НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ меч в Западной Европе был основным оружием и показателем личной свободы человека. Меч был священным предметом, ему зачастую приписывались магические свойства, его воспевали в балладах и сказаниях, он был обязательным атрибутом ритуала посвящения в рыцари. Меч стал символом заступника христианской веры, благородства и рыцарской чести свободного человека. Этот символ и сейчас понимается нами, как обозначение силы, выступающей за правое дело.

Мечи XI–XIII вв. были массивны, преимущественно рассчитаны на рубящий удар и не приспособлены для укола. Острие, как правило, тупое, а сталь превосходно закалена. Крестовина изогнута вниз под углом к клинку. Меч в таком виде мало изменяется вплоть до эпохи Возрождения. Во времена правления Карла Великого весьма ценились мечи, изготовленные в Кельне, они отличались богатой отделкой и пользовались большим спросом как на территории Священной Римской империи, так и за ее пределами. Судя по украшениям можно сделать вывод о восточном влиянии на этот центр производства оружия. Работы арабских ремесленников, и не только оружейников, через Византию попадали в Германию, где их стилю и технике подражали местные мастера.

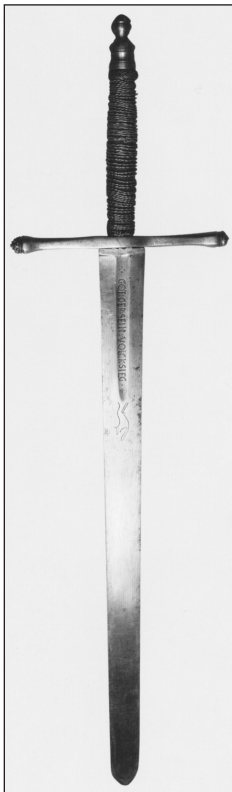
От качества клинка зависела жизнь его владельца. Поэтому меч из хорошей стали стоил дорого, а мастера, делавшие первоклассного качества клинки, приобретали всемирную известность. Так, например, особенно ценились клинки мастеров из Пассау (города в Нижней, или

Восточной, Баварии, известного как город на трех больших реках: Дунай, Инн и Ильц), а их фирменный знак – «пассаусский волк» – являлся своеобразным знаком качества. Зачастую покупатели отказывались приобретать меч без так называемого «волчка», и оружейники других стран вынуждены были подделывать этот знак или ставить его рядом со своим клеймом, указывая таким образом на высокое качество. Пассау стал центром производства оружия в VIII в., когда сюда переселились мастера-оружейники с территории современной Австрии и Штирии. Знаменитое клеймо «волк» являлось епископским гербом и появилось на оружии из Пассау в XIII в. Мастерские могли как-то зависеть от епископа, и оружейники ставили на своих изделиях его герб или клеймо в виде епископского посоха. Известности оружейников из Пассау способствовали и легенды об использовании особых таинственных средств, придающих оружию сверхъестественные свойства. В свою очередь легенды поддерживались действительно высочайшим качеством клинков со знаком волка.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится меч с характерным «пассауским волком» на клинке (Инв. № 0108/142). Меч поступил в музей до 1880-х гг.¹ Общая длина меча – 116,3 см, длина клинка – 90,4 см, ширина клинка – 5,5 см. Клинок прямой, дулезвийный, с коротким долом по средней линии в верхней части. На клинке надпись на немецком языке: «GOT GEB SEIM VOLCK SIEG» – на одной стороне и «TEGEN SEIM FIEG IM KRIG» – на другой («Дай бог твоему народу победу, мечу твоему ловкости в бою»). Меч имеет более позднюю рукоятку, крестовину и навершие. Особый интерес вызывает одна любопытная деталь. Она была обнаружена в процессе реставрации меча. После снятия навершия, латунной проволоки обмотки и пластин рукоятки, на хвостовике меча обнаружили клеймо – три головы короля. Это клеймо принадлежит известному мастеру клинков из Золингена Иоганну Вундесу (Wundes) Младшему, работавшему между 1578 и 1658 гг.² К этому времени оружейники зачастую не делали меч целиком. Они занимались исключительно производством клинков, не отвлекаясь на изготовление рукоятки и навершия, оставляя окончательную отделку и оформление другим специалистам. К тому же клинки без крестовин проще экспортировать, а рукоятку лучше и дешевле сделать, руководствуясь своим вкусом или вкусом заказчика, непосредственно на месте реализации. Предполагая, что клинок будет покрываться гравировкой или золочением и доводиться другим мастером,

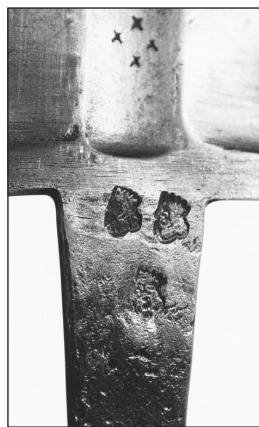
изготовитель ставил клеймо не на лезвии, а на хвостовике.

Подобным примером является еще один меч из собрания музея (Инв. № 0108/140)³. Это меч в полторы руки с прямым дуэлезвийным клинком, с характерным клеймом Иоганна Вундеса (Младшего), выбитым трижды на середине лезвия с двух сторон и имеющим явно декоративный характер. Рядом выбито имя «CLEMENS KINT». Мастер Клеменс Кинт (существовали разные написания фамилии: Kindt, Kinndt, Kind) был представителем известной фамилии оружейников из Золингена и работал около 1615 г.⁴ Это клеймо позволяет датировать меч концом 1610-х гг.

Меч. Инв. № 0108/142

**Клейма мастера
Иоганна Вундеса
на хвостовике меча.
Инв. № 0108/142**

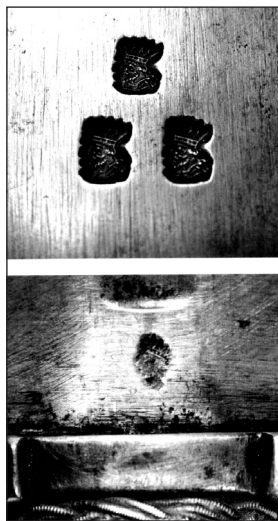
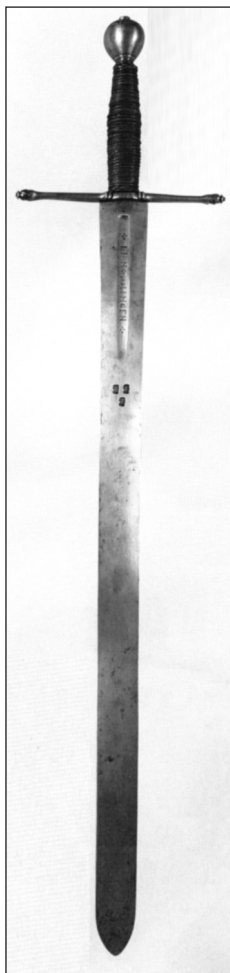
Кроме этого в верхней части клинка стоит еще одно клеймо Иоганна Вундеса – «голова короля», только другого вида и меньшего размера. «Голова короля – мой герб, в котором мне столь много завидовали» – эта надпись была помещена в 1607 г. на притолоке дома Вундесов в Золингене и была сопровождена инициалами I. W., а также и изображением головы короля. Рядом был написан латинский девиз: «Fide sed cui vide» («Доверяй, но смотри кому (доверяешь)»)⁵.

Следует отметить, что клеймом Вундесов – «голова короля» – часто злоупотребляли другие оружейники. Они ставили клеймо известной мастерской, чье оружие пользовалось большим спросом в Европе, на своих изделиях. Эта контрафактная продукция за счет клейма

значительно повышалась в цене. Поэтому существует достаточно большое количество вариантов клейма «голова короля», что часто приводит к путанице. Золингенские мастера, основавшие собственные производства в других странах (в Англии, Швеции и др.), также использовали марку Вундесов.

Со временем мастерская Вундесов не выдержала конкуренции. Возможно, этому способствовало большое количество подделок. В 1774 г. Петер Вундес III продал право на использование клейма за смешную сумму в четыре талера Петеру Вейерсбергу⁶.

Начало оружейной промышленности Золингена восходит к XII в. Быстрому развитию производства в этом городе способствовали крестовые походы и то, что ремесленники из Штирии основывали здесь свои мастерские. В XVI в. данные мастерские сосредоточились в основном на изготовлении клинков, первоклассная сталь которых и сегодня славится на весь мир. Мастеров из Золингена приглашали работать в другие страны, в частности в Испанию⁷. О высокой репутации немецких оружейников свидетельствует и тот факт, что английский король Генрих VIII пригласил

Клейма мастера Иоганна Вундеса на клинке меча. Инв. № 0108/140

Меч. Золинген (?). 1610-е гг. Инв. № 0108/140

двадцать одного мастера из Германии для налаживания оружейного производства в Англии. В то время практически все доспехи в Англии были импортного производства, а немецкими клинками англичане сражались и спустя сто лет на полях гражданской войны.

Оба описанных выше меча принадлежат к поздним образцам. Они изготовлены в начале XVII в., когда широко распространяются новые виды клинкового оружия – шпага и рапира. На боевых мечах того времени появляется сложная гарда, позволяющая не только рубить и колоть, но и осуществлять несложные фехтовальные приемы.

В Германии рыцарство долгое время отдавало предпочтение формам старого кавалерийского меча с рукоятью в полторы руки, с длинным и в меру широким клинком в стиле поздней готики. Такие мечи использовались до начала XVII в. Возможно, что это еще один довод в пользу того, что немецкие рыцари были достаточно консервативны

в вопросах применения новых типов клинкового оружия, предпочитая устоявшуюся форму классического меча, рассчитанного на мощный рубящий удар.

В эпоху Возрождения появляется настолько много типов мечей и переходных форм от меча к шпаге, что причислить их к какому-либо определенному классу достаточно сложно. Практически каждый западноевропейский оружейный мастер вкладывал в производимое им оружие нечто свое, новое и оригинальное. Современные экспери-

Всадники Апокалипсиса. Гравюра Альбрехта Дюрера. 1498 г.

Ландскнехт.
Рисунок
неизвестного
швейцарского мастера.
1520–1530 гг.

Поединок на мечах. Гравюра начала
XVI в.

менты, связанные с исследованием убойной силы меча, показали, что меч, предназначенный только для удара, начиная с XIII в. перестал быть эффективным против появившихся пластинчатых элементов защиты. Кольчуга была в состоянии противостоять большинству режущих ударов, но сильный удар меча наносил тяжелые травмы – дробил и ломал кости, вызывал внутренние кровоизлияния. Клинок, сталкиваясь с пластинчатой броней, не мог ее прорубить и тем более нанести подобные повреждения. Сила рубящего удара меча была недостаточной, для того чтобы нанести серьезные травмы воину в пластинчатых доспехах. Клинки с заостренным концом также были не в состоянии пробить доспехи. Эта ситуация привела к появлению в конце XIV в. «меча-протыкателя» (нем. *Bohrschwert*, *Porschwert*, старонем. *perswerte*, *pratspiesse*). Своим внешним видом он напоминал длинное, трех- или четырехгранное шило с тупыми гранями. Этот меч был предназначен исключительно для колющего удара. Клинок обладал высокой твердостью и способностью пробивать металлические пластины доспеха. Форма «протыкателя» видоизменилась в XVI в. в облегченный колющий меч-кончар – «протыкатель доспехов» (нем. *Panzerstecher*).

В эпоху позднего Средневековья и Возрождения искусство владения мечом постоянно совершенствовалось и усложнялось, в соответствии с этим менялся внешний облик и рукоять мечей. Рукоять меча удлиненили, поскольку трудно было действовать клинком длиной 80–90 см, удерживая меч только одной рукой. Поэтому уже в середине XIII в. появились «мечи в полторы руки». Их рукоять была приспособлена для удержания ее как одной, так и двумя руками. Первоначально полторные мечи не были широко распространены, но уже в первой половине XIV в. они становятся характерным оружием рыцарей. Общая длина таких мечей в среднем равнялась 125 см, из которых около 30 приходилось на рукоять. Полторные мечи отождествляют с так называемыми мечами – «бастардами» («незаконно-рожденными»). Но некоторые исследователи считают их отдельным видом, ссылаясь на некоторую разницу в размерах, и предполагают, что они занимают как бы промежуточное положение между мечами «в полторы руки» и двуручными. Здесь стоит отметить, что трудно найти абсолютно идентичные экземпляры даже однотипных образцов. Каждый меч изготавливали вручную, и некоторая разница в размерах вполне естественна, принимая во внимание индивидуальный характер этого оружия.

Наглядным примером «бастарда» может послужить меч, изображенный на известной картине Павла Корина «Александр Невский». Моделью для него послужил подлинный западноевропейский меч XV в., который приписывается почему-то псковскому князю Всеволоду Мстиславовичу, хотя тот умер еще в 1137 г.⁸ Правда, художник несколько переиначил форму навершия и слегка «укоротил» меч (или «растянул» Александра). Длина меча составляет 140 см, из них 30 см – длина рукояти.

Одним из распространенных мифов является утверждение дилетантов, что бастард считался «подлым» мечом, недостойным дворянина, потому и получил такое название. Это, безусловно, не так. Бастард использовался как раз в основном рыцарями, а название означает всего-навсего гибрид – между обычным рыцарским мечом и двуручником.

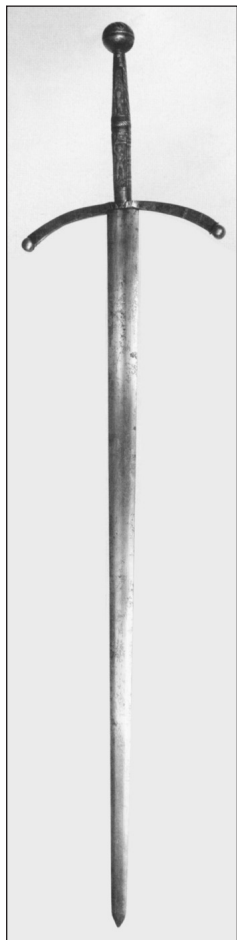
Рукояти мечей часто украшали эмалью, финифтью и гравировкой, а также вставками из резной кости, полудрагоценными и даже драгоценными камнями. Клинки мечей украшали надписями, монограммами, гравировкой и позолотой. В отделке мечей все чаще принимали участие золотых и серебряных дел мастера, резчики по слоновой кости и т. п.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится уникальный полутораручный меч (Инв. № 0108/200). Клинок меча обоюдоострый, с расширением к основанию, имеет один слабо намеченный дол. Длина клинка – 94,4 см, длина рукояти 25,5 см, ширина клинка – 4,46 см. Меч поступил в музей по акту № 2 от 2 ноября 1945 г. Указан старый инвентарный номер – РС 8129.

К сожалению, этот инвентарный номер пока не позволяет установить происхождение меча. Известно, что в результате работы специальной трофейной команды Артиллерийского исторического музея, направленной в 1945 г. в Германию (прежде всего в Саксонию и Берлин) на основании постановления Государственного комитета обороны, в Ленинград было вывезено огромное количество культурных ценностей. Они собирались не только по государственным музеям фашистской Германии, но и по частным коллекциям, в замках и дворцах правящей верхушки Третьего Рейха. Эти ценности были вывезены в СССР несколькими эшелонами летом-осенью 1945 г. В музей предметы поступали в ящиках с «глухой» описью, из которой невозможно было определить ни происхождение предмета, ни его настоящее наименование, размеры, вес и т. п. Например: «Ящик № 261 (239) – Даги немецкие XVI–XVII вв. без ножен – 60 штук; Ящик № 266 (244) – боевые перчатки немецкие от рыцарских доспехов XVI в. парные – 44 штуки; Ящик № 294 (270) – Мечи двуручные швейцарские XVI–XVII вв. без ножен – 13 штук; Ящик 336 (310) – Мушкеты колесцовые немецкие XVII в. – 11 штук, мушкеты фитильно-кремневые немецкие XVII в. – 8 штук, ружье фитильное немецкое XVII в. – 1 штука; Ящик № 270 (338) – пистолеты колесцовые немецкие XVI в. – 33 штуки»⁹.

Типологическая классификация длинноклинкового оружия известного английского оружейоведа Эварта Оукшота позволяет отнести этот меч к типу XVII или XVIIIa (различаются варианты XVIIIb и XVIIIc), которые были распространены со второй половины XIV-го и до конца XV в. Это мечи, предназначенные для рубяще-колющего удара. Длина их клинков составляет от 80 до 95 см, но встречаются экземпляры длиной более 1 метра. Некоторые крупные экземпляры весят до 2,5 кг. Вес меча при негнувшемся и массивном клинке эффективен против тяжелого пластинчатого доспеха. Меч был задуман для нанесения мощного колющего удара в латы противника. Большинство мечей таких типов являются оружием специально для войны,

т. е. «боевыми мечами». Мечи XVIII-го типа отличаются большей элегантностью, изящными украшениями в виде владельческих гербов, девизов, монограмм, клейм мастеров и пр. Кроме того, мечи типа XVIIIb имеют длинную рукоять от 25 до 28 см при длине клинка от 90 до 105 см. Характерным признаком боевого меча с длинной рукоятью является усиливающее кольцо на рукояти (такое кольцо в виде витого жгута присутствует на описываемом мече, разделяя рукоять на две равные части). Клинок более узкий и обычно не имеет долы. Мечи этого типа относятся к рубежу XV–XVI вв. Таким образом меч из собрания ВИМАИВиВС

Меч с костяными вставками на рукояти. Западная Европа. Конец XV в. Инв. № 0108/200

Костяные вставки на рукояти меча с изображениями Младенца Христа, Святого Георгия, Святой Варвары и Святого Себастьяна

можно отнести именно к этому типу и датировать концом XV в.¹⁰

Рукоять меча украшена четырьмя костяными вставками с изображениями человеческих фигур, тщательная проработка деталей которых и реалистичность указывают на высокий профессионализм мастера.

На одной стороне рукояти находятся две вставки. На нижней изображен привязанный за руку к стволу дерева с обрубленными сучьями обнаженный Святой Себастьян.

Согласно жизнеописанию святого, Себастьян родился в г. Нарбоне в Галлии, получил образование и жил в Медиолане (Милане). Он был начальником преторианской гвардии при императорах Диоклетиане

и Максимиане (285–305). Он тайно исповедовал христианство, что обнаружилось в 288 г., когда двое его друзей – братья Марк и Маркеллин – были осуждены на смерть за свою веру. Родители, друзья и жены осужденных умоляли их отречься от веры и спасти свои жизни, но, когда Марк и Маркеллин стали колебаться и готовы были уступить близким, Себастьян пришел поддержать осужденных. Его речь вдохновила братьев и убедила их сохранить верность христианству. Слышавшие Себастьяна увидели семь ангелов и Юношу, который благословил Себастьяна и сказал: «Ты всегда будешь со Мною».

Зоя, немая жена императорского казнохранителя Никострата пала к ногам святого и просила исцелить ее. Себастьян осенил ее крестным знаменем, она тотчас заговорила и сказала, что видела Ангела с книгой, по которой Себастьян читал проповедь. Все присутствовавшие уверовали и крестились.

Себастьян был арестован и допрошен, после чего император Диоклетиан приказал отвести его за город, привязать и пронзить стрелами. Думая, что он мертв, палачи оставили его лежать одного, однако ни один из его жизненно важных органов, по-видимому, не был поврежден стрелами (деталь, не всегда точно учитываемая художниками), и его раны, хоть и глубокие, не были смертельными. Вдова по имени Ирина пришла ночью, чтобы похоронить его, но обнаружила, что он жив, и выходила его. Многие христиане уговаривали Себастьяна бежать из Рима, но он отказался и предстал перед императором с новым доказательством своей веры. На сей раз по приказу Диоклетиана он был забит камнями до смерти, а тело его было сброшено в Большую Клоаку (систему канализации Древнего Рима). Святой явился во сне христианке Лукине и велел ей забрать его тело и похоронить в катакомбах, и женщина выполнила это повеление. Мощи святого находятся в одноименной базилике, стоящей на катакомбах Св. Себастьяна в Риме. Святой был покровителем воинов, его атрибутом были стрелы¹¹.

На верхней вставке изображена женская фигура в длинных одеждах с закрытой имперской короной на голове, держащая в левой руке чашу (потир) с гостией – символом Веры. Это изображение вызывало больше всего вопросов. Почему на мече – оружии рыцарей – появляется изображение некой святой? Иконографическое исследование изображений женщин-святых в эпоху Высокого Средневековья и Возрождения позволяет с уверенностью идентифицировать этот образ как святую Варвару.

**Святой Себастьян. Гравюра неизвестного мастера.
Германия. 1435–1455 гг.**

Святая великомученица Варвара родилась в г. Илиополе (нынешней Сирии) при императоре Максимиане в знатной языческой семье. Отец Варвары Диоскор, рано лишившись своей супруги, был страстно привязан к своей единственной дочери. Чтобы уберечь красивую девушку от посторонних взоров и вместе с тем лишить ее общения с христианами, он построил для дочери специальный замок, откуда она выходила только с разрешения отца. Созерцая с высоты башни красоту Божьего мира, Варвара часто испытывала желание узнать его истинного Творца. Когда приставленные к ней воспитательницы говорили, что мир создан богами, которых почитает ее отец, то она мысленно говорила: «Боги, которых почитает мой отец, сделаны руками человеческими. Как эти боги могли создать такое пресветлое небо и такую красоту земную? Един должен быть такой Бог, Которого создала не рука человеческая, но Сам Он, имеющий собственное бытие». Так святая Варвара училась от творений видимого мира познавать Творца.

Со временем к Диоскору все чаще стали приходиться богатые и знатные женихи, прося руки его дочери. Отец, давно мечтавший о замужестве Варвары, решил завести с ней разговор о браке, но, к

своему огорчению, услышал от нее решительный отказ исполнить его волю. Диоскор решил, что со временем настроение дочери изменится и у нее появится склонность к замужеству. Для этого он разрешил ей выходить из башни, надеясь, что в общении с подругами она увидит другое отношение к замужеству.

Однажды, когда Диоскор находился в длительном путешествии, Варвара познакомилась с местными христианками, которые рассказали ей об Иисусе Христе. Случилось так, что в то время в Илиополе проездом из Александрии находился священник, скрывавшийся под видом купца. Варвара пригласила священника к себе и просила совершить над ней Таинство Крещения, что и было исполнено. Варвара еще с большей любовью обратилась к Богу, обещая посвятить ему всю свою жизнь.

За время отсутствия Диоскора при его доме велось строительство каменной башни, где рабочие по приказанию хозяина намеревались соорудить два окна с южной стороны. Но Варвара, зайдя однажды посмотреть строительство, упросила их сделать третье окно – во имя Святой Троицы. Когда же вернулся отец, то он потребовал у дочери отчета о сделанном. «Три лучше, чем два, – говорила Варвара, – ибо у неприступного, неизреченного Света, Троичного, Три Окна (Ипостаси или Лица)». Услышав от Варвары христианские вероучительные наставления, Диоскор пришел в ярость. Он бросился на нее с обнаженным мечом, но Варвара успела выбежать из дома. Она укрылась в горной расселине, которая чудным образом расступилась перед ней.

К вечеру Диоскор по указанию одного пастуха все же нашел Варвару и с побоями притащил мученицу в дом. Наутро он отвел Варвару к городскому правителю и сказал: «Я отрекаюсь от нее, потому что она отвергает богов моих, и если не обратится к ним снова, то не будет мне дочерью. Мучай ее, державный правитель, как будет угодно твоей воле». Долго уговаривал градоначальник Варвару не отступать от древних отеческих законов и не противиться воле отца. Но святая мудрою речью обличала заблуждения идолопоклонников и исповедала Иисуса Христа Богом. Тогда ее начали сильно бить воловьими жилами и после этого растирать глубокие раны жесткой власницей.

В конце дня Варвару отвели в темницу. Ночью, когда ее ум был занят молитвой, ей явился Господь и сказал: «Дерзай, невеста Моя, и не бойся, ибо Я с тобою. Я взираю на подвиг твой и облегчаю твои

болезни. Претерпи до конца, чтобы вскоре насладиться вечными благами в Царстве Моем». На следующий день все были удивлены, увидев Варвару, – на ее теле не осталось никаких следов недавних истязаний. Видя такое чудо, одна христианка, по имени Иулиания, открыто исповедала свою веру и объявила желание пострадать за Христа. Обеих мучениц начали водить обнаженными по городу, а затем повесили на дереве и долго пытали. Их тела терзали крючьями, жгли свечами, били по голове молотком. От таких пыток невозможно было остаться человеку живым, если бы мучениц не укрепляла сила Божия. Оставаясь верными Христу, по приказанию правителя, мученицы были обезглавлены. Святую Варвару казнил сам Диоскор. Но безжалостного отца вскоре поразила молния, превратив его тело в пепел.

Потир – чаша для причастия – важнейший атрибут святой. К XV в. благодаря огромной популярности «Золотой легенды» (*Legenda Aurea*, около 1260) Иакова Ворагинского¹² в западном христианстве сформировалось четкое убеждение, что Св. Варвара может дать причастие умирающему от «нечаянной смерти» и разрешить его грехи¹³. Поэтому на фресках, иконах, в том числе и народных, ее изображали с чашей для причастия. Основания для этого представления обнаруживаются в житии святой. Согласно преданию перед смертью она молилась Господу: «О, Царь, услышь меня, рабу твою, и подай благодать твою, всякому человеку, который будет

**Святая Варвара. Художник
Лукас Кранах Старший.
Начало XVI в.**

вспоминать меня и мои страдания, да не приблизится к нему болезнь внезапная и смерть нечаянная да не похитит его». И молитва ее была услышана, раздался глас Божий, обещавший исполнить просьбу¹⁴.

Этим объясняется распространенность образков с изображением Св. Варвары, которые носили, прежде всего, те, кто боялся внезапно умереть без причастия (воины) и напрямую отправиться в ад за неисповеданные грехи. Поэтому ее изображение на мече – атрибуте воина – вполне закономерно.

В западнохристианском искусстве Св. великомученица Варвара изображалась с длинными распущенными волосами, в короне или без нее. Основными символами святой являлись: башня, факел, потир (особенно с XV), страусиное перо, книга, фигура Диоскура, иногда пушка (например: «Мадонна с Варварой и Лаврентием», художник Дж. Морини. Музей г. Брера). Последняя сделала Святую Варвару еще и покровительницей артиллеристов.

На другой стороне рукояти также находятся еще две костяные вставки. Внизу воин в рыцарских доспехах в правой руке держит занесенный меч, в левой – копье, на вымпеле которого монограмма «S I» («S (alvator) I (esus)», т. е. Спаситель Иисус). Ногами воин топчет поверженного дракона. Подобным образом мог быть изображен лишь Святой Георгий¹⁵.

Латинские тексты его жития, являясь изначально переводами греческих, со временем стали сильно отличаться от них. Они гласят, что по наущению дьявола персидский император Дациан, повелитель семидесяти двух царей, подверг жестоким гонениям христиан. В это время жил некий Георгий из Каппадокии, уроженец Мелитены, он жил там у некоей благочестивой вдовы. Его подвергли многочисленным пыткам (дыба, железные клещи, огонь, колесо с железными острями, сапоги, прибитые к ногам, железный сундук, изнутри утыканный гвоздями, который сбрасывали с обрыва, били кувалдами, клали столб на грудь, швыряли на голову тяжелый камень, клали на раскаленное железное ложе, лили расплавленный свинец, бросали в колодец, забивали 40 длинных гвоздей, сжигали в медном быке). После каждой пытки Георгий снова исцелялся. Мучения продолжались семь дней. Его стойкость и чудеса обратили в христианство 40 900 человек, в том числе и царицу Александру. Когда по приказу Дациана казнили Георгия и Александру, с неба сошел огненный вихрь и испепелил самого императора.

**Святой Георгий. Художник Лукас
Кранах Старший.
Начало XVI в.**

**Святой Георгий и Святая Варвара.
Мастерская Лукаса Кранаха Старшего.
Середина XVI в.**

Якоб Ворагинский пишет, что сначала его привязали к кресту и драли железными крючьями, пока наружу не вылезли кишки, а потом окатили соленой водой. На следующий день заставили выпить яд. Затем привязали к колесу, но оно сломалось; затем бросили в котел с расплавленным свинцом. Потом по его молитве с небес сошла молния и испепелила всех идолов, а земля разверзлась и поглотила жрецов. Жена Дациана (проконсула при Диоклетиане) обратилась, увидев это, в христианство; ее и Георгия обезглавили, а Дациана после этого тоже испепелило¹⁶.

Одним из самых известных посмертных чудес Святого Георгия является убийство копьём змея (дракона), опустошавшего землю одного языческого царя в Бейруте. Как гласит предание, когда выпал жребий отдать на растерзание чудовищу царскую дочь, явился

Георгий на коне и пронзил змея копьем, избавив царевну от смерти. Явление святого способствовало обращению местных жителей в христианство.

Это сказание часто толковалось иносказательно: царевна – церковь, змей – язычество. Также это рассматривается как победа над дьяволом – «древним змием» (Откр. 12:3; 20:2).

Существует вариант описания этого чуда, относящегося к жизни Георгия. В нем святой покоряет змея молитвой, и предназначенная в жертву девушка ведет его в город, где жители, видя это чудо, принимают христианство, а Георгий убивает змея мечом.

На костяной пластине на мече Георгий изображен поражающим дракона именно мечом. Сюжет этой легенды восходит к византийскому жизнеописанию святого. В нем, в частности, говорится: «Святой осенил себя крестным знамением и бросился навстречу чудовищу, сказав: “Господь Бог мой, погуби лютого змия, чтобы уверовали эти неверные”. Лишь только он сказал это, с Божией помощью и по молитве мученика змий упал к ногам святого Георгия. Святой говорит девушке: “Сними с себя пояс, а с коня моего поводи и дай сюда”. Девушка сняла и подала их святому. И по устройению Божию он связал змия и передал его девушке, говоря: “Поведем его в город”. Она взяла змия, и они пошли в город. Люди, увидев дивное чудо, испугались и в страхе перед змием хотели бежать, но святой Георгий крикнул: “Не бойтесь, стойте и зрите славу всевышнего и уверуйте в истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, и я убью змия”. Царь и весь город закричали: “Веруем в Отца, Сына и Святого Духа, в единосущную и нераздельную Троицу”. Услышав эти слова, святой обнажил меч свой и убил змия, и вернул девушку царю. Тогда собралось множество народа, и все стали лобзать стопы святого и славить Бога. Святой Георгий позвал александрийского архиепископа и за пятнадцать дней окрестил царя, его вельмож и весь народ, примерно двести сорок тысяч человек»¹⁷.

Интересна конфигурация меча, изображенного в руке святого. Согласно типологии Эварта Оукшота, этот меч характерен для типа XXI или XXII. Подобные мечи относятся к XIV–XV вв. Они были распространены в Италии. Для них характерен очень широкий клинок, который сильно сужается к острию¹⁸. В качестве примера можно привести рубяще-колющий меч, опубликованный Виктором Хариссом¹⁹.

На верхней костяной пластине изображен ребенок в короткой тунике. Он держит в руках скипетр. Над головой ребенка – нимб и

звезда. Сопровождающие фигуру символы соответствуют символике Младенца Христа. Средневековые рыцари видели в звезде символ пяти рыцарских добродетелей: великодушия, смелости, поклонения даме сердца, мужества и благочестия.

Традиция украшать оружие изображениями святых-покровителей была распространена в эпоху Средневековья. Причем, помещали их не только на мечах, но и на защитном вооружении и т. п. В собрании Уоллеса (англ. Wallace Collection) в Лондоне, среди богатейшей коллекции оружия представлен арбалет 1450–1470-х гг., украшенный костяной резьбой, на которой Святой Георгий представлен дважды. Сидя на коне, одетый в готический доспех и шлем типа «салат», он замахивается мечом на поверженного дракона. На другой пластине святой уже стоит над поверженным чудовищем, меч вложен в ножны, забрало шлема открыто²⁰.

На клинке сохранилась полустертая монограмма «IRI» (лат. Иисуса Царя Нашего) или «INRI» (лат. Иисус Назаретянин Царь Иудейский).

Монограмма «IRI» (лат. Иисуса Царя Нашего) или «INRI» (лат. Иисус Назаретянин Царь Иудейский) на клинке меча

Богато украшенный меч наводит на мысль о его принадлежности отнюдь не рядовому воину. Скорее всего, мечом мог владеть знатный рыцарь, возможно военачальник. Не исключено, что меч сочетал в себе не только боевые, но и церемониальные функции.

На клинке меча XVI в. (Инв. № 0108/38) из собрания ВИМАИВиВС сохранились надписи. На одной стороне – «AMICI ET HONORE» (лат. «Друзья и честь»), а на другой – «PRO FIDE PATRIA» (лат. «За веру отечества»). Общая длина меча составляет 91 см, длина рукояти – 16 см, ширина клинка – 5 см. Фигурные концы крестовины сильно загнуты вниз.

Надписи на мече соответствуют распространенным в это время девизам морально-этического, патриотического и религиозного характера²¹.

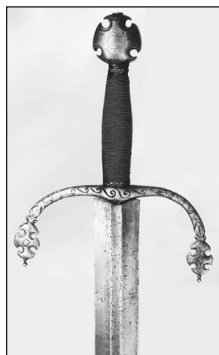
На головке рукояти выгравирован герб рода Гогенцоллернов, окруженный цепью ордена Золотого Руна и литерами R и G по бокам (возможно: R[ex] G[ermanorum], т. е. – король германцев). Гравировка сделана достаточно грубо поверх прежней, плохо сохранившейся, что, скорее всего, говорит о позднейшем обновлении стершихся изображений. На поверхности меча, дужках эфеса имеются следы позолоты. Богатая отделка меча, ныне практически утраченная, свидетельствует о высоком статусе его владельца. Вполне вероятно, что им был один из представителей рода Гогенцоллернов.

Еще один уникальный боевой меч (Инв. № 0108/185), рассчитанный на колюще-рубящий удар, был передан в Артиллерийский исторический музей из Государственного исторического музея в 1937 г. Общая длина меча составляет 91 см, длина рукояти – 16 см, ширина клинка – 5 см. Перекрестье гарды украшено глубокими насечками.

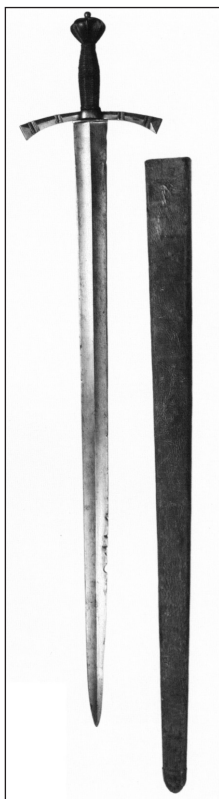
Тип меча характерен для Западной Европы XV в. и соответствует (по классификации Эварта Оукшота) типу XVIII или XIX. Похожий меч, принадлежавший императору Священной Римской империи Фридриху III (1452–1493), хранится в Государственном музее Средневековья (Музее Клуни, Франция). Он был представлен на выставке «L'Épée. Usages, mythes et symboles» («Дуэль. Правила, мифы, символы». 28 апреля – 26 сентября 2011 г.).

Один из хранящихся в музее мечей имеет сложную гарду (Инв. № 0108/239). Меч поступил в числе других, вывезенных из Германии, музейных предметов в 1945 г. Был поставлен на музейный учет со списочного учета в 1969 г. Длина клинка – 89,3 см, длина рукояти – 21 см. Ширина клинка – 5,1 см.

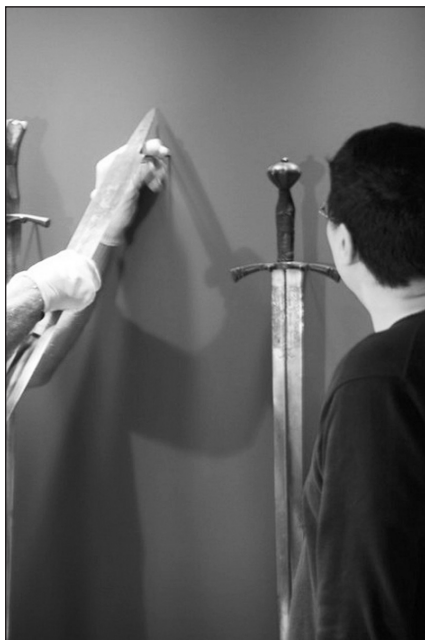
Меч. Западная Европа. XV в. Инв. № 0108/38

**Меч. Германия.
XVI в.
Инв. № 0108/38**

Этот меч связан с важным событием европейской истории середины XVI в. – отречением от престола императора Карла V Габсбурга (1519–1556). Стальное, с одним широким долом лезвие меча украшено королевским гербом Испании и изображением двух бородатых мужчин в коронах, смотрящих друг на друга. Портреты обрамляет круговая надпись «IMPERATORIS / ROMANOR / GROSSUSUS / NOVUS» («Император Римский, Величайший, Новый»). Лица монархов весьма условны и не несут портретного сходства. Тем не менее не вызывает сомнения, что это изображения двух братьев – императоров Карла и Фердинанда (1503–1556) Габсбургов.

**Меч императора Фридриха III
во время монтажа выставки
в Музее Кюлини**

В 1555 г. в Аугсбурге император Карл V отрекся от испанского престола в пользу своего сына Филиппа II (1556–1598) и принял решение передать титул императора Священной Римской империи своему младшему брату Фердинанду I, который к тому времени являлся правителем наследственных габсбургских владений в Германии и Римским королем²². Однако процесс смены императоров (так называемый «Administratio imperii») затянулся на год²³. Еще больших усилий потребовал созыв съезда курфюрстов, чтобы получить их согласие на передачу императорской власти, поскольку подобный прецедент передачи титула при живом монархе отсутствовал. Кроме того, трое из курфюрстов были протестантами. Консенсуса удалось добиться только на съезде во Франкфурте (февраль – март 1558), который принял отречение Карла и единогласно избрал императором Фердинанда²⁴.

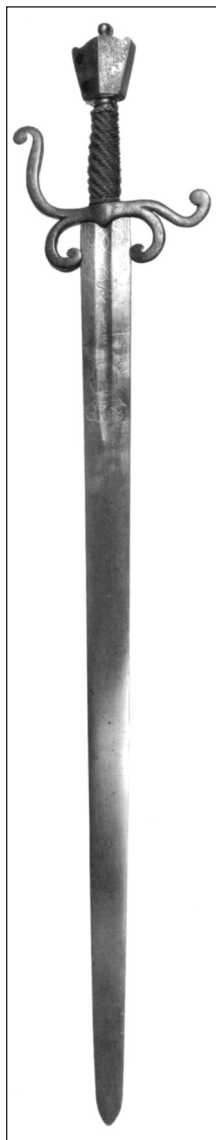
Вероятно, что меч был своеобразным памятным оружием, изготовленным по случаю этого события. Возможно, что он был вручен

одному из курфюрстов-электоров, присутствовавшему на франкфуртском съезде. Такое памятное оружие было распространено в европейских государствах XVI–XVIII вв. Например, на многих корзинчатых гардах английских шпаг середины XVII в., времен Английской революции, нанесены украшения, напоминающие об обезглавливании короля Карла I (1625–1649)²⁵. Гарды оформлены чеканными изображениями мужских голов с длинными волосами и заостренной «ван-дейковской» бородой. По этой причине позднее среди коллекционеров за этим оружием укоренилось название «траурный меч» (*mortuary sword*), которое и сейчас используется в международной терминологии²⁶.

В эпоху Возрождения искусство владения мечом постоянно усложнялось и совершенствовалось, и благодаря постепенным добавлениям приспособлений для защиты руки менялся облик всего эфеса. В старейших мечах клинок отделялся от руки короткой перекладной, потом она выросла в крестовину. Наконец, появилось боковое защитное кольцо, загнутая от центра крестовина вниз, сначала на одной внешней стороне, а впоследствии – с обеих сторон.

Чтобы рукоять кавалерийского меча не выскальзывала из железной латной перчатки, ее сделали более узкой и ребристой. В Италии впервые появилась защитная рукоятная дуга, выросшая из крестовины к навершию и первоначально не соединявшаяся с ним. В середине XVI в. благодаря итальянскому влиянию появились мечи с двойными боковыми кольцами под крестовиной. Они предназначались для задержки клинка неприятеля при выпаде. С появлением двойных боковых защитных колец происходит некоторое изменение в конструкции клинка. От крестовины до нижней дуги он оказывается закрытым и, следовательно, не нуждался в заточке. В этом месте клинок был сужен и получил название рикассо (итал. *ricasso*), или пятка. Там мастера чаще всего выбивали свои клейма. Первые клинки такого типа распространялись в конце XVI в. из Испании по всей Западной Европе, а потом их стали изготавливать повсеместно. Крупными центрами производства таких клинков были итальянские города Милан и Брешия.

Мечи, которыми пользовались рыцари, конструктивно не отличались от своих солдатских прототипов, они выделялись только качеством работы и отделкой. В XV и XVI вв. пехотинцы использовали клинковое оружие в тесной схватке, когда древковое оказывалось бесполезным. Итальянцы и французы предпочитали короткие мечи,

Меч с надписью на клинке «IMPERATORIS
ROMANOR GRASSUSUS NOVUS»
(«Император Римский, Величайший, Новый»)
Инв. № 0108/239

Герб Испании и стилизованные портреты
императоров Карла V и Фердинанда I Габсбургов
на клинке меча

Изображение Карла V и Фердинанда I Габсбургов
на памятной медали. 1532 г.

иногда с клинками сабельной формы. Швейцарская пехота была вооружена тяжелыми ножами, или «швейцарскими шпагами». Как отдельная разновидность длинноклинкового оружия в конце XV – начале XVI вв. появился меч ландскнехта. Он имел короткую рукоять, расширяющуюся кверху в виде уплощенного конуса. Концы его длинной крестовины загибались таким образом, что она походила на горизонтально расположенную восьмерку или латинскую букву «S». Иногда такой меч снабжался и защитной дугой, отходившей от перекрестия к навершию. Его клинок был широким, несколько более полуметра в длину, и, как правило, имел закругленный конец, т. е. был приспособлен для рубящих ударов. Из-за того, что солдаты первое время обтягивали его ножны кошачьими шкурками, этот меч нарекли «катцбальгером» – «кошкодером». Кожаные ножны нередко имели отделения для ножей и принадлежностей. Ландскнехт носил свой меч на поясе слева, а с правой стороны сзади – кинжал.

Крестообразные рукояти мечей дольше всего сохранялись в странах, лежавших к северу от Альп. Эти рукояти были достаточно простыми, навершия эфесов часто имели коническую форму, а крестовины обычно слегка загибались в сторону клинка. К центру крестовины присоединялось боковое кольцо, но в Германии ему предпочитали скобу.

Одной из переходных форм от рыцарского меча к тяжелой боевой шпаге был так называемый *reitschwert* (нем. буквально «меч всадника», или «меч рейтара»). Это оружие было популярно в кавалерии XVI–XVII вв., а позднее было вытеснено шпагами, саблями и палашами.

Можно сказать, что с появлением рейтарского меча завершилась эволюция традиционной крестообразной рукояти. В принципе этот меч, особенно распространенный в германских землях, ничем не отличался от мечей других типов, но концы крестовины рукояти часто делались расплюснутыми, в виде лопаточек. К рукояти прикрепляли второе боковое кольцо, а также идущую под наклоном внутреннюю гарду, защищавшую большой палец руки. В большом количестве рейтарские мечи производили в Саксонии. В те времена это курфюршество занимало одно из ведущих мест в Европе по добыче серебра. Неудивительно, что при отделке оружия на дорогой металл не скупилась, и многие рейтарские мечи украшены серебряными пластинами с гравировкой.

Существовали мечи, не имевшие боевого назначения. Это было церемониальное оружие, бывшее атрибутом коронаций, бракосочетаний, пышных процессий и т. п. Восторженный трепет толпы вызывали церемониальные мечи, которые несли перед монархами и другими августейшими особами. В собрании лондонского Тауэра хранится меч начала XV в., внушительных размеров – его общая длина 228 см. Полагают, что он был изготовлен для торжественной процессии короля Генриха IV или его сына Генриха V. Клинок этого меча сделан в Германии.

В XIV в. право иметь муниципальные церемониальные мечи получили некоторые английские города. Градоначальники получали их непосредственно из рук короля. Эта традиция сохранялась до XVII в. Самый ранний из сохранившихся мечей – Бристольский – сделан, как предполагают, в 1373 г. Сохранились мечи городов Линкольна, Йорка и Ковентри.

Римские папы ежегодно вручали наградные мечи самым ревностным поборникам католической веры. Эти огромные двуручные мечи XVI в. вручались каждое Рождество вместе с богато вышитым поясом и шапкой. Обладателями такого подарка могли стать только представители европейской католической знати²⁷.

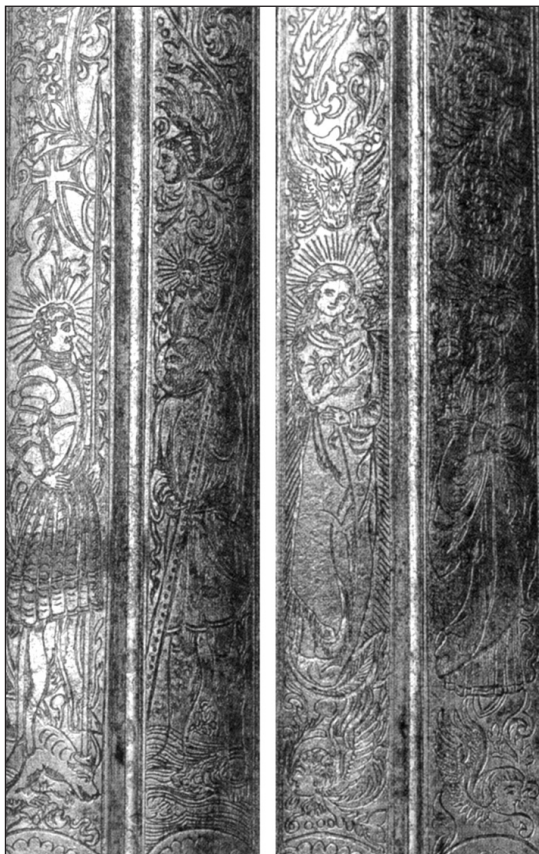
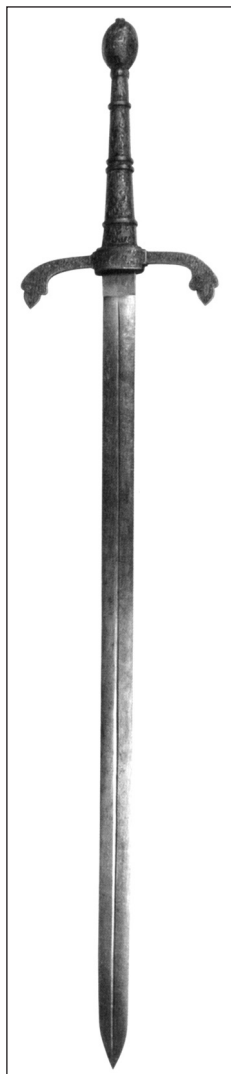
Многие из этих двуручных мечей – уникальные образцы искусства итальянских оружейников и ювелиров. Рукояти и ножны можно сравнить с произведениями выдающихся скульпторов эпохи Ренессанса. Эфесы преимущественно отливались из серебра и отделялись золотом. К сожалению, из-за того что папские мечи украшались драгоценными материалами, лишь редкие из них дошли до нашего времени.

В Музее армии в Париже находится меч, который короли Франции вручали своим коннетаблям (так называли французских главнокомандующих с XII по XVII), наделяя их властью и полномочиями²⁸. Расположение рисунков на его клинке указывает на то, что меч следовало нести или хранить в вертикальном положении.

В собрании ВИМАИВиВС сохранился меч, который также можно отнести к церемониальным (Инв. № 0108/205). Общая длина меча – 128 см, длина клинка – 97 см, ширина клинка – 4 см. Меч поступил в музей в 1936 г. из воинской части. Эфес меча железный, состоит из рукояти и крестовины. Головка полой рукояти яйцевидная, слегка сплюснутая, с пуговкой наверху. Фигурные концы крестовины загнуты вниз. Рукоять меча богато декорирована изображениями растительного

орнамента и батальных рыцарских сцен, но, возможно, она более позднего происхождения.

Клинок меча богато украшен гравировкой с двух сторон, выполненной в стиле немецкого Возрождения. На одной стороне среди растительного орнамента изображен Святой Георгий, попирающий

Меч церемониальный. Инв. № 0108/205

Изображения Святого Георгия, Святого Христофора, Девы Марии с младенцем Иисусом и Святой Варвары на клинке меча

поверженного дракона, и Святой Христофор, идущий по водам с мальчиком на голове. Одна из легенд гласит, что Христофор был римлянином огромного роста, изначально носившим имя Репрев. Он принял христианство и начал служить Иисусу. В основном католическая традиция основывается на уже упоминавшейся «Золотой легенде» Иакова Ворагинского.

Простодушный великан Репрев искал самого могучего владыку, чтобы поступить к нему на службу. Он согласился служить царю, но когда понял, что тот боится дьявола, то предложил свои услуги нечистому. Увидев, что Сатана трепещет при виде креста, гигант отыскал святого отшельника и спросил его, каким образом он может служить Христу. Отшельник отвел Репрева к опасному броду через реку и сказал, что большой его рост и сила делают его отличным кандидатом, чтобы помогать людям пересекать опасное место. Так великан сделался переносчиком через реку.

Однажды его попросил перенести на другой берег маленький мальчик. Посреди реки он стал настолько тяжел, что Репрев испугался, как бы они оба не утонули. Мальчик сказал ему, что он – Христос и несет с собой все тяготы мира. Затем Иисус крестил Репрева в реке, и тот получил свое новое имя – Христофор, т. е. «несущий Христа»²⁹.

Затем Младенец сказал Христофору, чтобы тот воткнул в землю свой посох, который чудесным образом превратился в цветущее дерево. Это чудо обратило в веру многих. Разгневанный этим, местный правитель (или даже римский император Деций) заточил Христофора в тюрьму, где после долгих мучений тот обрел мученическую кончину³⁰. Легенда

Святой Христофор с Младенцем Иисусом Христом. Художник Лукас Кранах Старший. Начало XVI в.

о Святом Христофоре была чрезвычайно популярна в Средневековье и в эпоху Возрождения. К этому сюжету обращались многие художники (Иероним Босх, Дирк Боутс, Ганс Мемлинг, Конрад Виц, Гирландайо, Альбрехт Дюрер, Лукас Кранах и др.). Святой Христофор считался защитником от эпидемий и несчастных случаев³¹.

На другой стороне клинка выгравированы Дева Мария с Младенцем Иисусом на руках и Святая Варвара с чашей. Над Богородицей изображен Святой Дух.

Фигуры Девы Марии, Христа и святых на клинке расположены головами к острию. Вероятно, это также указывает на церемониальные функции оружия, которое выносили острием вверх.

Описанные выше мечи – лишь часть богатейшей коллекции клинкового оружия Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, равной которой нет в России.

¹ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 172–173. № 315.

² Династия мастеров Вундесов работала в Золингене с второй половины XV в. Основатель династии – Иоханнес Вундес упоминается в документах 1479 г. (Berzdek R. German Swords and Sword Makers. Edged Weapon Makers from the 14th to the 20th Centuries. Colorado, 2000. P. 95).

³ Меч поступил в собрание музея до 1880-х гг. – См.: Бранденбург Н.Е. Указ. соч. С. 173. № 316.

⁴ Berzdek R. Op. cit. P. 58. Мастера этой фамилии работали в Золингене с 1610-х по 1770-е гг. Основателем династии был именно Клеменс Киндт.

⁵ Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. I (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 252–253. Это был один из самых популярных латинских девизов, писавшихся на клинковом оружии XVI–XVII вв. (Новоселов В.Р. Надписи на западноевропейском клинковом оружии XI–XVIII веков из собрания Музеев Московского Кремля // Декоративно-прикладное искусство Западной Европы. Материалы и исследования Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. XVIII. М., 2006. С. 317).

⁶ Berzdek R. Op. cit. P. 95; Ленц Э. Указ. соч. С. 253.

⁷ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 456; Кулинский А.Н. Немецкое холодное оружие. Т. 1. СПб., 2007. С. 201–203; Berzdek R. Op. cit. P. 16.

⁸ См. подробнее: Артемьев А.Р. О мечях-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // Российская археология. 1992. № 2. С. 66–74.

⁹ См. подробнее: Ефимов С.В. Трофейная команда Артиллерийского исторического музея в Германии (1945–1946 гг.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. Ч. 1. С. 249–276.

¹⁰ Oakeshot R.E. Records of the Medieval Sword. Boydell Press, 2004. P. 185–196; Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2008. С. 103–106.

- ¹¹ Kuhoff W. Sebastianus // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. В. 9. Bautz, Herzberg, 1995. S. 1268–1271.
- ¹² Иаков Ворагинский (Яков Ворагинский, Якопо да Варацце, де Ворагине, Иаков из Ворагина, Иаков Генуэзец, ок. 1228–1230–1298), монах-доминиканец, духовный писатель, автор знаменитого сборника житий святых «Золотая легенда» («*Legenda aurea sive historia Lombardica*»). Этот сборник, составленный в 1250-е гг., без всякой критики, частью по письменным источникам, частью на основании устных народных преданий, был широко распространен в Средние века и переведен почти на все европейские языки. «Золотая легенда» была одной из самых любимых книг Средневековья, в XIV–XVI вв. стоявшей на втором месте по популярности после Библии (История литературы Италии. Т. I. Средние века. М., 2000. С. 303–305).
- ¹³ Voragine J. de. The Golden Legend or lives of the saints / Ed. by F.S. Ellis. First issue of this Edition, 1900. Vol. VI. P. 93.
- ¹⁴ Варвара // Православная энциклопедия. Т. VI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 558–563; Signs and Symbols in Christian Art. Oxford University Press, G. Ferguson, 1959. P. 107; Williams H.F. Old French Lives of Saint Barbara // Proceedings of the American Philosophical Society 119.2 (16 April 1975:156–185).
- ¹⁵ Георгий, великомученик // Православная энциклопедия. Т. X. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 665–692; Voragine J. de. The Golden Legend. Princeton University Press, 1995. P. 238.
- ¹⁶ Voragine J. de. The Golden Legend or lives of the saints Vol. III. P. 58; Баринг-Гоулд С. Мифы и легенды Средневековья / Пер. с англ. И.Б. Куликовой. М., 2009. С. 152–157.
- ¹⁷ Чудо святого великомученика Георгия о змие // Жития византийских святых / Пер. С. Поляковой. СПб., 1995. С. 417–418.
- ¹⁸ Oakeshot R.E. Op. cit. P. 216–218. См. также: Лайбле Т. Указ. соч. С. 88–89.
- ¹⁹ Харрис В. и др. Холодное клинковое оружие. М., 2006. С. 46.
- ²⁰ Celebration of Arms and Armour at Hertford House (The Wallace Collection). Milan, Hans Prunner Editore, 2008. P. 82–83, 298. № 82.
- ²¹ Новоселов В.Р. Указ. соч. С. 317–318.
- ²² Прескотт В. История царствования Филиппа Второго, короля Испанского. СПб., 1858. С. 1–18.
- ²³ Колер А. Карл V (1519–1556) // Кайзеры / Пер. Е.С. Самойлович. Ростов-на-Дону, 1997. С. 59.
- ²⁴ Зике Б. Фердинанд I (1556–1564) // Там же. С. 83.
- ²⁵ Сокровища Тауэра в Кремле. Каталог выставки М., 1997. С. 72–73.
- ²⁶ Лайбле Т. Указ. соч. С. 128. В настоящее время известно, что подобные украшения использовались еще как минимум с 1635 г., т. е. за 14 лет до казни короля (Уизерс Х.Дж. С. Мечи и сабли. Большая энциклопедия. М., 2012. С. 47).
- ²⁷ Уизерс Х.Дж.С. Указ. соч. С. 40.
- ²⁸ Laking G.F. Record of European armour and arms through seven centuries. A.G. Bell and Sons, 1920. Vol. II. P. 267.
- ²⁹ Нестерова О.Е. Христофор // Мифы народов мира. М., 1988. Т. II. С. 604.
- ³⁰ Voragine J. de. The Golden Legend or lives of the saints. Vol. IV. P. 53.
- ³¹ Farmer D.H. The Oxford Dictionary of Saints. 3rd ed.: Oxford, 1992. P. 97–98.

Д.С. Ефремов (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКИХ ТЯЖЕЛЫХ РОМБОВИДНЫХ ТАНКОВ СЕРИИ MARK, ИХ ОСОБЕННОСТИ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Война – двигатель прогресса, это само собой разумеющийся факт. Так уж случилось, что Первая мировая война произошла на изломе двух больших эпох: хоть и в двадцатом столетии, но с логикой ведения боя века девятнадцатого, никак не сочетавшейся с применением новейших образцов вооружения.

Пулеметы превратили эту войну в позиционную. Теперь штурм вражеских сооружений представлял собой бег с препятствиями в виде воронок, колючей проволоки, траншей, упавших перед тобой сотен тел других бойцов и тех, кому еще предстоит упасть, не говоря уже о самих пулеметах, без умолку строчащих очередь за очередью над головами. Каждое наступление приносило неисчисляемые и бессмысленные потери; приходилось искать иные, новые тактические решения.

Бронеавтомобили, авиация, химикаты – то, что, безусловно, в первую очередь было по-настоящему, в полной мере, основательно испытано в те годы. Первые две составляющих даже стали развиваться энергичными темпами, и, например, бронеавтомобили сыграли свою роль во Второй мировой войне, а авиация стала чуть ли не ключевым фактором господства в воздухе. Танки своим появлением также обязаны эпохе Первой мировой войны. О машинах квадратной формы, типичных для того времени, и пойдет разговор.

Идея «форга на колесах», или «корабля на сухом ходу», возникла задолго до XX в., реализовать ее брались многие, но стандартный колесный принцип вызывал проблемы с проходимостью, особенно по бездорожной местности, и тут изобретение гусеничной тяги пришлось весьма к месту.

Британский танк MARK как раз-таки и является реализацией того самого «корабля» – по отделке, внешнему виду, планировке и внутреннему расположению деталей механизма. Перископы как приборы наблюдения, шестифунтовые пушки в качестве орудий моделей «самцов», даже внутренняя отделка напоминали корабль, с мощными досками в полах, а низкий, покачивающийся, плавный и медленный ход машины усугублял впечатление.

Еще в конце девятнадцатого века появились первые машины на гусеничном ходу. Перспективы были очевидны: перераспределение массы и равномерное давление на грунт позволяли перевозить и вытягивать внушительные по весу грузы, а сама по себе система движения позднее вызвала большой интерес у военных и постепенно начала осваиваться, а первым, кто применил эту идею на практике, был английский подполковник Данлоп Свинтон. За прообраз он взял гусеничный трактор Хольта: одним из его очевидных достоинств было практически беспрепятственное преодоление любых наземных преград. Идею Свинтона поддержал и Уинстон Черчилль, по приказу которого начались разработки проекта комитетом по сухопутным кораблям в Адмиралтействе Великобритании.

Первым из себя что-то по-настоящему представляющим стал танк-тягач, окрещенный «Маленьким Вилли», построенный в

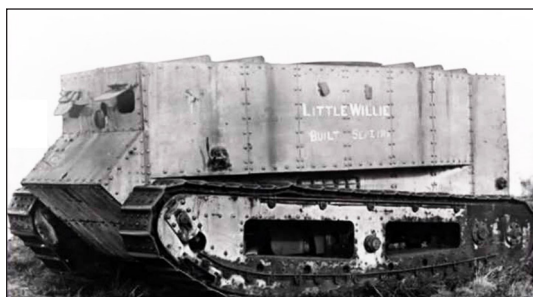

Рис. 1

1915 г. (рис. 1). В целом, машина получилась неудачной: во время преодоления преград у «Маленького Вилли» просто-напросто слетели гусеницы, однако после изменения конструкции подвески провисание гусениц, выз-

вавшее данную проблему, было ликвидировано. Теперь они были жестко прикреплены к раме. Впоследствии конструкторы еще не раз брались к данной модели, что можно заметить в более поздних танках Whippet и MARK V.

В дальнейшем лейтенант военно-морской авиации Уилсон предложил конструкцию в форме приплюснутого ромба. Идея была одобрена.

Из недостатков «Большого Вилли» сразу же была отмечена его неуклюжесть и то, что он был очень легкой добычей для артиллерии, ввиду малоподвижности и низкой маневренности. Габариты машины позволяли вместить целых два шестифунтовых (57-мм) орудия, а благодаря своей высокой проходимости она преодолевала все возможные на тот момент препятствия. С согласия короля Георга V данная машина была пущена в производство. Она получила название «танк», которое вскоре и стало использоваться повсеместно для обозначения машин на гусеницах.

Big Willie «Mk. I-IV» (рис. 2)

Одной из идей, воплощенных в данном танке, было разделение на «самок» и «самцов». Принцип прост: вся тяжелая работа по прорыву, штурму и продвижению возлагалась на танк, вооруженный сорокакалиберными шестифунтовыми пушками, в то время как по соседству его прикрывала «самка» – большей ширины модель с установленными вместо орудий двумя пулеметами «гочкиса». Их выпуск планировался одновременно – так, чтобы они дополняли друг друга. Что примечательно, Свинтон был настолько вдохновлен этой идеей, что считал, будто впоследствии эти машины могут воевать даже без поддержки пехоты, что позднее было, конечно, опровергнуто.

Впервые танки применены в бою на Сомме 14 сентября 1916 г.

Рис. 2

Нападение для противника оказалось чересчур неожиданным: огромные машины, постепенно надвигающиеся на него, внушали бойцам ужас. Даже среди офицерского состава проявлялась «танкобоязнь», ведь достойного ответа, по сути, не было. Как ни странно, основными боевыми потерями стали машины, увязшие в грязи или застрявшие по ходу движения. По некоторым данным, из 49 машин чуть больше тридцати в дальнейшем были исправны.

Модели под номерами II и III не несли существенных отличий: смысл изменений заключался в том, чтобы обеспечить комфорт экипажа во время работы, ведь в машине было очень жарко и она была заполнена пороховыми газами. Также проводились попытки заменить перископ: во время тряски очень часто разбивались стекла, что приводило, как правило, к ранениям. Вдобавок были убраны некоторые опорные катки, изменены положение и размеры люков, а также заднее колесо, предназначенное для преодоления траншей и окопов. На третьей модификации, с целью улучшения проходимости и грунтозацепности, заменили каждый шестой трак на более широкий.

Самой продуктивной модификацией, пожалуй, являлась четвертая – Mk. IV (рис. 3): толщина брони местами была увеличена в два раза, часть пулеметов «виккерс» заменялась новыми «льюисами», изменялись размеры

Рис. 3

спонсонов, и они были сделаны таким образом, что специальные механизмы были способны вдавливаться внутрь для осуществления транспортировки. Теперь танки отправлялись и дальнему союзнику – Российской империи, их применение можно заметить даже в годы Гражданской войны. Сорокакалиберные стволы были укорочены до двадцати трех калибров, чтобы они не цеплялись за преграды при передвижении, на выхлопных трубах устанавливали глушители, а топливные баки помещали в заднюю часть корпуса, снаружи танка.

Машины удалось опробовать в апреле 1917 г. Из недостатков новой модели стоит отметить ненадежность механизма регуляции

спонсонов: во время боя он нередко ломался, калеча при этом бойцов внутри, а «лююисы» перегревались, и дым от пороховых газов мешал дальнейшей работе.

Мк. V и «звездочки» (рис. 4)

Пятая модификация оказалась самой жизнеспособной, стойкой, надежной и, в конце концов, последней, выпускаемой массово в серии. Одним из главных «косметических» новшеств являлось изменение корпуса на более скошенный: если раньше танк был строго прямым, то теперь в нем стали

Рис. 4

преобладать овальные формы и очертания. На командирской башенке были установлены откидные пластины, с помощью которых можно было передавать условные сигналы. Также «самки» и «самцы» получили свои собственные спонсоны разных размеров. Из внутренних изменений самым важным стала установка новой коробки передач, благодаря которой с управлением танка мог справиться теперь уже один человек. Был установлен и новый движок повышенной мощности. В вооружении изменений не было, кроме как возвращения от «лююиса» к «виккерсу». Стоит отметить то, что это был первый танк на вооружении сил Соединенных Штатов Америки – несмотря на то что в Штатах были и свои прогрессивные танкостроители (например, Уолтер Кристи) со своими разработками, которые, впрочем, армию не заинтересовали. В связи с окончанием войны дальнейшие работы над танком были свернуты, хотя они предполагали введение новых типов машин, например инженерных танков.

Интересно появление звездочек на чертежах и схемах разных машин серии V и последующих. Эти пометки были не от проектантов, а от заводов-изготовителей, т. е. они рассматривались лишь как какой-то вариант выпускаемой машины. Здесь и наследство от «Головас-

тика» – четвертой модели, и артиллерийские установки для орудий, и различного рода «косметические изменения». Все последующие модели представляли собою попытки видоизменить машину в плане длины, ширины, дополнений башен, люков, средств обзора, установкой гидравлической трансмиссии, систем охлаждения. Пожалуй, чтобы описать весь прогресс от пятой до восьмой модификации, стоит просто сказать, что проектировщики искали способ надежной защиты, но варианты были дороже и менее надежны. Были даже попытки установки парового двигателя на борт, установки мостоукладчиков, различных отсеков для пехоты, но, к сожалению, ромбовидный танк не выдержал конкурентной борьбы. Малые аналоги, вроде немецких LK, могли не только «догнать и перегнать», но и пробить броню танка. К тому же в определенных случаях требовался поворот танка для выстрела, например, если танк противника оказался сзади. Да и противотанковые ружья наряду с новыми пушками не оставляли танку шансов выжить при его низкой скорости.

Как бы то ни было, этот танк внес свой вклад в историю. Без него трудно представить себе эту войну. Только этот танк характеризуется особым готическим стилем и шармом. Но, как бы ни старались инженеры Туманного Альбиона, развить его во что-то новое, превзойти французский Renault FT-17 они не смогли. Может быть, конечно, из-за того, что у этих танков были разные задачи, но, тем не менее, второй имел превосходство как в количестве машин на поле боя (промышленность Франции ушла далеко вперед в сравнении с английской в этом плане), так и в более низких людских потерях (для сравнения: в первом экипаж составляет от 6 до 10 человек, во втором их всего двое). На работах сказалось, безусловно, и окончание войны: все наработки потеряли всяческий смысл, единственным конфликтом послевоенного времени была Гражданская война в России, где интервенты пытались взять свое. А там неповоротливым машинам не было места. Русские были слишком храбры и просто отбирали танки, выкуривая весь экипаж. К тому же справиться в условиях новой местности было крайне трудно, поэтому использование танков было ограниченным. Красная армия оказалась слишком активной, в связи с чем интервентам пришлось уйти. Продолжаясь Великая война еще один-два года, ромбовидные танки заняли бы свою нишу. Более того, нашлись бы и более мощные и долговечные двигатели для них, да и противник не стоял бы на месте и придумал бы свой достойный ответ, учитывая имевшиеся на тот момент наработки.

Mk. International (рис. 5)

MARK MK VIII International – это прорыв в танкостроении. Впервые за всю историю человечества в создании какого-то оружия – или вообще средства конкуренции – участвовали сразу три ведущих державы мира. Предполагалось, что часть

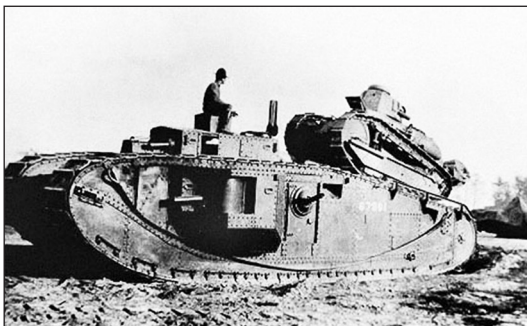

Рис. 5

корпусов, узлов и агрегатов будет производиться в США, часть – в Великобритании, и, после поставок через последнюю, сборка пойдет на французских заводах. Планировалось, что с конвейера сойдет около трех тысяч машин, однако конец войны поставил крест на данном проекте. Несмотря на это, было выпущено несколько образцов танка для испытаний. International стал самым мощным серийным танком конца Первой мировой войны. В его вооружении по-прежнему было две 57-мм пушки, но теперь пулеметов было семь. Данная конструкция являлась воплощением всех успешных идей и задумок предыдущих моделей. В некоторых вариантах предполагалась даже установка вращающейся пулеметной башни. Теперь экипаж не испытывал проблем с комфортом, а маневренность танка поднялась до максимально возможного предела. Проектирование даже дошло до варианта VIII*, доведенного до совершенства технологии конструкции и производства, что, правда, так и осталось на бумаге. Танк простоял на вооружении армии США до тридцатых годов и долго оставался единственным тяжелым танком в стране.

Как бы то ни было, концепция этой машины ушла от ромбовидной формы и стала более вытянутой и приплюснутой. Конечно, танк по-прежнему оставался таковым, но очень далеко ушел от своих предшественников. Все технические достижения данной машины позднее отразятся в американском танкостроении, и это заложило принцип заимствования чужих идей в американской армии.

Скоростные модификации и аналоги

Мк. А Whippet (рис. 6)

На войне помимо громоздкой, неповоротливой машины, требовалось и нечто более маневренное, быстрое, способное резво прорваться за линию обороны противника и уничтожить ее изнутри. Речь идет об альтернативном варианте развития «Маленького Вилли».

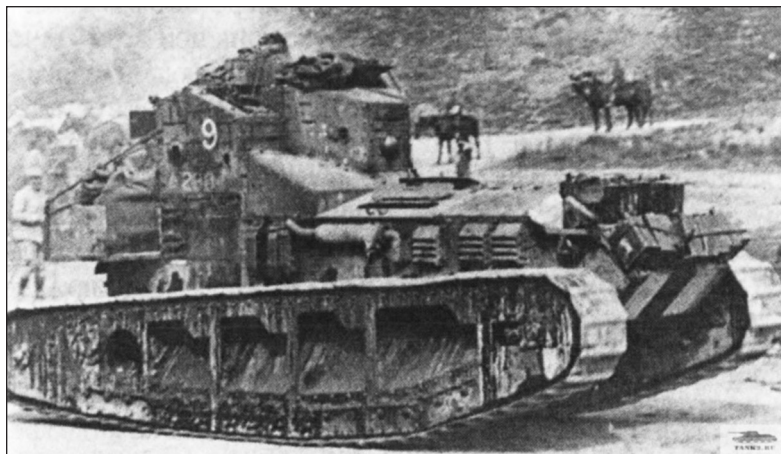

Рис. 6

Первоначально, еще до поступления заказа от министерства, был уже изготовлен необходимый танк. Это была попытка уменьшить габариты «Маленького Вилли» и применить круговое вращение орудия. Несмотря на продуманность данного момента, при производстве его реализовать не удалось (что, однако, не скажешь о танках противника), поэтому все последующие танки были монолитными.

Особенным в конструкции танка было то, что все узлы и агрегаты были перенесены вперед, на каждую гусеницу был установлен собственный двигатель и коробка передач, а ведущие колеса при этом находились сзади. Надо отметить, что конструкция, да и внешний вид ходовой части, в измененном виде сохранились в конструкциях танков Второй мировой войны, а именно в танке Matilda.

Боевое крещение танк проходил под Амьеном, наступая на противника наряду с конными частями. Танк продемонстрировал отличные показатели: 10–13 км/ч, достаточно резвое движение и высокую плавность хода.

Рис. 7

Позднее были сделаны еще две модификации – с литерами В (рис. 7) и С, и возник совершенно новый класс «среднего танка». Это были проекты скрещивания легкого танка с образцами машин тяжелых.

Теоретически это позволяло устанавливать 57-мм орудие, но на деле эта попытка успехом не увенчалась. Хотя этим танкам довелось повоевать в России, они смогли продержаться в обиходе только до 1925 г., после чего стали совершенно неконкурентоспособны в сравнении с новыми Medium MARK I, которые хоть и были чем-то похожи на Whippet, но обладали башнями, что на поле боя более эффективно.

ЛК I (рис. 8)

Успех британцев с их «уиппетами», танками для прорыва в тыл, вызвал у германского руководства жажду превзойти их достижения, чтобы вскоре иметь основания называться первыми. Скорость

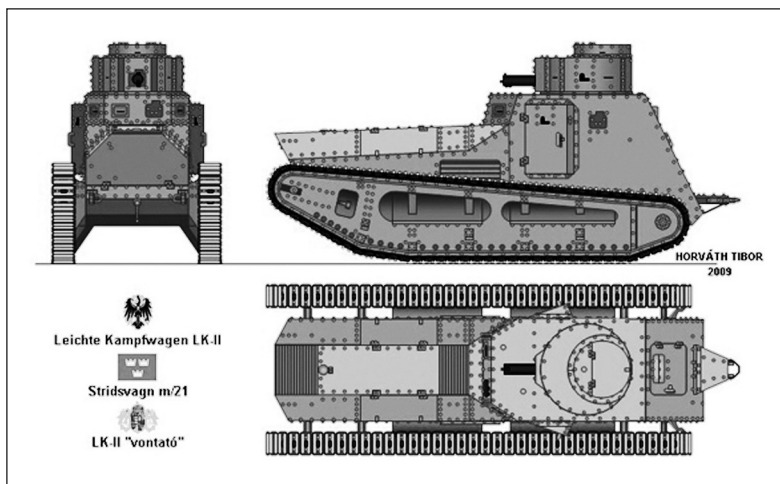

Рис. 8

танка могла достигать 14–16 км/ч, что по тем меркам было весьма перспективно. Несмотря на сходство с британским аналогом, компоновка отличалась: эти танки использовали автомобильные запчасти.

В башню устанавливался пулемет MG.08. Более поздняя модификация LK II (рис. 9) оснащалась 37-мм пушкой, способной пробить броню состоявших на тот момент на вооружении Британии танков. Но, к несчастью для Германии, данный танк был выпущен лишь в 1920 г., что на исход войны уже никак не могло повлиять.

Рис. 9

K-Wagen (рис. 10)

Говоря про ромбовидные танки, стоит упомянуть про мастодонта той эпохи – танк с говорящим названием «Колоссаль».

В середине 1917 г. верховным командованием сил Германии было выдвинуто требование создать огромных размеров танк, способный преодолевать четырехметровые рвы, имеющий четыре пулемета, до четырех крупнокалиберных орудий с броней не тоньше 30 мм и не превышающий

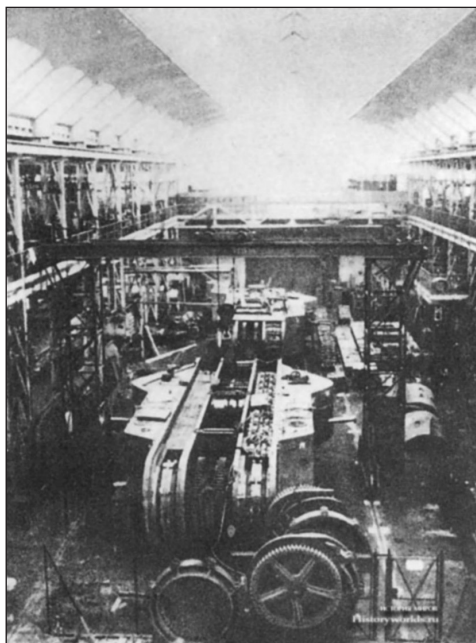

Рис. 10

массу в 150 т. Задание было поручено Й. Фольмеру, который в то время работал над LK I.

Проблема конструкции заключалась в том, что все ее элементы приходилось создать «с нуля» и при требуемых габаритах заставить машину двигаться.

Прообразом «Колосаля» как раз послужил британский «Большой Вилли», формы конструкции которого стали округлыми. Существовавшие тогда наработки A7VU стали основой движущей системы танка, а экипаж в итоге достиг 22 человек. Четыре 77-мм пушки и шесть пулеметов MG.08 были установлены таким образом, чтобы в итоге достигался требуемый круговой обстрел.

Из отличительных особенностей машины, кроме ее габаритов, стоит выделить отдельную смотровую башню наводчика, 3000-литровый бензобак и двигатель мощностью 650 лошадиных сил. Также интересной была и конструкция траков: для того чтобы уменьшить сопротивление, в бортах бронелистов создавались ниши, в которые вставлялись траки, имитируя рельсовое хождение. Предполагалось, что таким образом скорость и подвижность танка увеличатся. Интересно и то, что практически впервые было решено установить и радиостанцию для коммуникации между отделениями, так танк мог заменить целое укрепление или даже форт. Не менее инновационными были и разработки по установке огнеметов в агрегат. Случись это, он бы стал первым в мире огнеметным танком.

По разным данным, один танк удалось собрать до вполне рабочего состояния из нескольких заказанных на тот момент. Но даже это не помогло ему принять участие в войне, да и вряд ли вообще стоило бы пытаться.

-
1. Федосеев С. «Сухопутные корабли». Английские тяжелые танки периода Первой мировой войны. М.: Моделист-конструктор, 2000. 32 с. (Бронекolleкция № 5 (32) / 2000).
 2. Холявский Г.Л. Библиотека военной истории. Энциклопедия танков. СПб.: АТС, 1998.
 3. Коломиец М. Легкий танк Renault FT-17 М.: Фронтальная иллюстрация, 2004. 3000 экз.
 4. Федосеев С.Л. Танки Первой мировой войны. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Изд-во «Астрель», Изд-во «АСТ», 2002. (Военная техника).
 5. Виртуальная энциклопедия бронетехники. [Электронный ресурс]: <http://pro-tank.ru/>

Д.А. Журавлев (Санкт-Петербург)

БРИТАНСКИЕ МОРЯКИ В ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОФИЦИАЛЬНЫХ документах информация об оказании медицинской помощи британским морякам, а также деятельности медицинского персонала из Великобритании на территории СССР практически отсутствует. Важные, пусть и не всегда в значительном объеме, сведения содержатся в историях болезни британских моряков, лечившихся в советских госпиталях. Данный источник представляет особый интерес при исследовании обстоятельств пребывания иностранных граждан на территории Советского Союза в годы Второй мировой войны, их повседневной жизни.

По мере расширения объемов поставок по ленд-лизу, присутствие британских граждан на Севере Советского Союза становилось все более заметным. Представители союзников, находившиеся на советской территории, формировали вокруг себя необходимую инфраструктуру, и медицинская сфера была одним из важных ее элементов. В Архангельске, Мурманске и Полярном работали английские врачи, существовали и иностранные лечебные учреждения, либо специальные лечебные отделения для иностранных раненых и больных в составе советских госпиталей. В ряде документов есть указания на то, что в эвакуационном госпитале № 2524 в Архангельске существовало отделение для союзников. Последнее подтверждается и тем обстоятельством, что в Архангельске действовали английская и американская миссии, призванные обслуживать моряков-союзников¹.

Состав британских граждан, проходивших лечение в советских госпиталях в 1941–1945 гг., был неоднородным. В этом числе были раненые и больные, гражданские лица и моряки военных судов. В ряде случаев британцы проходили лечение в нескольких госпиталях,

что было связано со специализацией последних и тяжестью ранений или заболеваний иностранных граждан.

Как следует из историй болезни, все поступившие в лечебные учреждения британцы проходили санобработку в советских госпиталях – были вымыты, подстрижены, переодеты в чистое белье. Также, по показаниям, им вводилась противостолбнячная сыворотка.

Английские врачи при необходимости обращались к своим советским коллегам с просьбой о размещении в местных госпиталях английских или американских моряков. В ряде историй болезни находятся направления, написанные английским врачом – «Прошу выпустить». Чаще всего это было официальным документом, но были и случаи неформального обращения. В истории болезни Эугена Бэссингера, проходившего лечение в эвакуационном госпитале № 2524, содержится направление капитана медицинской службы Великобритании А. Тэйлора, написанное по-русски: «Начальнику г. 2524. Эуген Бэссингер с п/х “Артигус”. Этот моряк болить с серьезного заражения кости над правым глазе (синус). Пожалуста пропусайте него для лечения. Благодаря вам, остаюсь А.Н. Taylor Капитан Мед. Оф.» (оригинал текста).

В отдельных историях болезни есть отпечатанные на машинке краткие истории болезни, которые содержат личные данные больного, анамнез, состояние больного, результаты обследований и анализов, сделанных в английских медицинских учреждениях. Вероятно, в советские госпитали периодически наведывались английские врачи для того, чтобы проследить, как проходит лечение английских военнослужащих. Как видно из записей в историях болезни, врач из Англии в течение нескольких недель курировал своего земляка, делая записи и назначения.

В составе изученных нами документов найдены отдельные истории болезни, где встречаются записи на английском языке, сделанные британским врачом. Иностранные врачи, курировавшие как своих соотечественников, так и американских граждан, фиксировали состояние больного на родном языке, но врачебные предписания оформляли уже их советские коллеги. Вместе с тем, никаких особых различий или отступлений от порядка заполнения этих документов на иностранных раненых и больных нами не отмечено. Истории болезни английских моряков велись по тем же формам, что и для советских военнослужащих. На отдельных историях болезни над фамилиями больных, записанных рукой советских врачей, есть пометки

на английском, сделанные обыкновенным карандашом, правильное написание фамилий и имен.

Как правило, указание на принадлежность того или иного британского моряка к конкретному судну указывалась в истории болезни в графе «Каким военкоматом призван». На некоторых историях болезни стоит обозначение «Союзник».

Советские медики стремились к максимально полному заполнению историй болезни, однако, в силу объективных причин, это удавалось сделать не всегда. Иногда отчетливо заметно наличие переводчика либо сопровождающего из английского учреждения. В этом случае графа «Жалобы и анамнез» заполнена довольно подробно, с указанием отдельных деталей, цифр, имен. Лишь в одном случае в истории болезни указана исключительно фамилия. Из записи анамнеза становится ясна причина этого. В ней отмечено, что больной поступил без переводчика. При этом с ним было направление от английских военных властей – с просьбой принять матроса с судна «Питер Де Хук», страдавшего желтухой, а также майора с воспалением десен. В другом случае было указано, что «больной доставлен без переводчика, сам объяснить причины заболевания не может».

В истории болезни Джона-Чарльза Вильямса отмечено: «Установить подробности обстоятельств ранения невозможно, вследствие того, что больной не владеет русским». На помощь пришла одна из работниц госпиталя, которая владела английским.

На истории болезни Франка Лоса есть отметки, сделанные не врачом (возможно, переводчиком или представителем политорганов), почерком человека, заполнявшего графы по общим сведениям: «курящий», «виды дома», «без документов».

В комплекс документов, входивших в историю болезни, включались также табеля имущества, личных вещей больных, которые имелись при нем, а точнее, на нем, в момент поступления в лечебное учреждение. Как правило, английские матросы были хорошо одеты – теплые вещи (шерстяной свитер, шерстяные носки, шерстяная рубашка, куртка, шарфы), хорошая обувь и нижнее белье (майка, трусы, кальсоны).

Английские моряки, вынужденные во время войны проводить дни и месяцы на Русском Севере, нередко устраивали футбольные соревнования со своими советскими товарищами, и подчас страсти закипали нешуточные, доходило дело и до госпитализации травмированных. В большинстве своем подобные случаи фиксировались в Архангельске.

Вот как описывается получение травмы кочегаром с судна «Эмпайер Бард»: «Играя в футбол, ударил по мячу, почувствовал острую боль в правом коленном суставе, не мог наступить на ногу после этого. Был унесен на пароход, где под хлороформенным наркозом были попытки выправления, но улучшения не почувствовал. 10 недель тому назад после игры в футбол было подобное явление, лежал 9 дней в госпитале в Ваенге, где под хлороформенным наркозом было произведено вправление».

Наряду с футбольными матчами, отмечен также случай получения травмы британцем во время катания на лыжах.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, питание раненых и больных иностранных граждан было полноценным, и они получали необходимые продукты вне зависимости от обстановки в стране и на фронте. Вот запись из истории болезни британского моряка (1943 г.): «Стол № 4, без хлеба и сухой. Диета: суп картофельный, белые сухари, каша жидкая, кисель, чай. Стол № 1. Белый хлеб, мясо в протертом виде, какао, кофе, кисель, масло». В другой истории болезни британского моряка сделана следующая запись: «Суп, горячее молоко, тертое мясо, фрукты».

В условиях военного времени недостаток необходимых лекарственных средств и препаратов медицинские работники старались компенсировать природными продуктами. Так, в Мурманском военно-морском госпитале силами персонала и выздоравливающих больных был организован сбор ягод черники и голубики, а также грибов, которые поступали в рацион питания раненых и больных².

В качестве укрепляющего средства раненым и больным британцам был назначен прием 50, 100 или 200 г водки или вина, что выполнялось неукоснительно.

Исходы лечения британских граждан были разными, но в целом положительными. Были отмечены единичные случаи летального исхода лечения британских моряков, которые доставлялись в советские лечебные учреждения в крайне тяжелом состоянии. При этом в случае санкционирования английскими властями вскрытия, истории болезни содержат соответствующий документ.

В отличие от своих советских коллег, британцы не проходили военно-врачебной комиссии (ВВК) в медицинском учреждении, а выписывались на судно или в иностранное учреждение, расположенное на территории СССР. Лишь в одном случае в истории болезни стоит отметка о проведении ВВК и выписке по статье 54 гр. 1 приказа НКО № 184-40 г.

Жалоб со стороны раненых и больных, по изученным документам, не поступало, а медицинская помощь оказывалась в объемах и качестве, в которых она предоставлялась и советским военнослужащим. Консультации и хирургические вмешательства проводили лучшие специалисты медицинской службы Военно-морского флота. В частности, в историях болезни встречаются записи, сделанные главным хирургом Северного флота Д.А. Араповым. Иностранцам гражданам предписывались ручные ванны и массажи, компрессы, и все это также выполнялось в полном объеме.

Истории болезни британских граждан содержат немало ярких эпизодов. Так, в апреле 1942 г. в Мурманский Военно-морской госпиталь были доставлены члены команды британского судна, которое было уничтожено противником. Несколько суток моряки провели в шлюпке в открытом море в мокрой обуви и одежде, без пищи. Заболевания британских моряков при этом были тяжелыми, и для спасения их жизни пришлось выполнить ампутацию нижних и верхних конечностей.

Особый интерес представляет история летчика Ли Лесли Хольса, который поступил в госпиталь в Полярном в августе 1942 г. В самой истории болезни по этому поводу отмечено следующее: «30 июля при налете на немецкую базу самолет был сбит, и больной на резиновой лодке плывал до утра 2 августа, пищи и питья почти не было, особенно страдал от жажды, и, когда к утру 2 августа их принесло ветром к советскому берегу, они рвали и ели цветы». Одним из назначений советских военных врачей значится красное вино, по 40 г 3 раза в день.

Советские медики делали многое, чтобы вернуть в строй британских граждан. Их пребывание в лечебных учреждениях Северного флота – свидетельство не только сотрудничества стран антигитлеровской коалиции перед лицом общей опасности, но и образец гуманизма отечественной медицины, пример профессионализма и высоких моральных качеств медицинского персонала. Это был весомый вклад медиков в победу во Второй мировой войне.

¹ Коган Н.Д. В тылу как на войне // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 3 / Сост. М.Н. Супрун. М., 2000. С. 150.

² Центральный военно-морской архив. Ф. 2269. Оп. 8320. Д. 1. Л. 154.

*М.В. Запорина (с. Осташево Волоколамского р-на
Московской обл.)*

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ КОНСТАНТИНОВИЧИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

НАЧАЛО Первой мировой войны застигло Великого князя Константина Константиновича в Германии, там он находился на лечении. Встретившись с женой, гостившей с двумя детьми у матери в Альтенбурге, поспешил вместе с ними поскорее вернуться в Россию. Дорога на родину в эти дни стала тяжелой и унижительной. В одно мгновение все вокруг сделалось чужим, враждебным, озлобленным. О пережитом Великий князь поведал лишь своему дневнику.

До приезда родителей сыновья присутствовали на приеме в Зимнем дворце, где государь благословил гвардию. Затем Константиновичи съездили поклониться петербургским святыням, посетили могилы предков, побывали у некоторых родственников, получив их благословение, в Павловской дворцовой церкви исповедовались и причастились.

Пятеро сыновей – Иоанн, Гавриил, Константин, Олег и Игорь – уходили на фронт. Князь Олег не без гордости писал в своем дневнике: «Мы все пять братьев идем на войну со своими полками. Мне это

страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне»¹.

Именно такими Великий князь хотел видеть сыновей – людьми чести и долга, настоящими патриотами, отважными защитниками Родины. В 1909 г. в сонете «Кадету» поэт К. Р., «отец всех кадет», Великий князь Константин Константинович напутствует воспитанников кадетских корпусов и сыновей:

...Настанет день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!
Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела!
Ей нужны труд и знание, и усилья.
Пушкой твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронеж – Вольск, 11 марта 1909

В день возвращения из Германии проводили старшего – Иоанна. «Дорогой папа! На станции идут военные сборы, с ребятами поспешно загружаемся в вагоны. Ждем приказ убытия. Настроение у всех приподнятое, душа рвется в бой за Родину. Поцелуй всех. Твой Иоанн»².

23 июля Константин Константинович пишет: «Провожали по очереди Гаврилушку, Игоря и Олега. Каждого ставили на колени перед иконами в моем кабинете»³.

Благословляя каждого из них, он напоминал им слова деда, Великого князя Константина Николаевича, сына Императора Николая I, сказанные 37 лет назад ему самому: «Помни, кто ты и какая в тебе течет кровь. Будь всегда примером для остальных».

Из воспоминаний князя Гавриила Константиновича: «Постепенно тяжелое впечатление от разлуки с близкими рассеялось, и мы пришли в обычное наше настроение. Олег в полковом дневнике записывает: “Настроение всех было восторженное: гусары пели песни, на станциях толпы народа встречали нас криками “ура” и горячими пожеланиями успеха”.

Во время дороги мы разбирали данные нам карты района, где нам предстояло действовать»⁴.

Еще одним защитником отечества в семье стал зять – князь Константин Багратион-Мухранский, муж дочери Татианы. Он шел воевать вместе с родным Измайловским полком.

Константин Константинович сам был бы рад служить Отечеству в этот грозный час, но не позволяли ни силы, ни обстоятельства. 1 сентября 1914 года он пишет: «Стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за двадцать четыре года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в действующей армии и что здоровье легко изменяет»⁵.

Каждому встречному не объяснишь, почему он сидит в тылу, не расскажешь, что по мере возможностей они с женой помогают нуждам фронта: организовали за свой счет передвижной лазарет на 50 кроватей. Одной из сестер милосердия стала в нем невестка – принцесса Сербская Елена, жена старшего сына Иоанна. При прощании она еле сдерживала слезы: на попечение бабушки и дедушки оставляла своего крошечного первенца – князя Всеволода.

Константин Константинович каждое утро с тревогой листал газеты. Репортажи о военных действиях внушали оптимизм: в них говорилось об успехах русской армии. Лишь 19 августа впервые появилась информация о наших потерях. В списках убитых Великий князь увидел имена многих знакомых. Были среди них два измайловца – Чигаев и Кучевский. А ведь еще совсем недавно они выступали вместе с ним на сцене, в «Царе Иудейском». Слава богу, хоть с детьми все в порядке. Воюют храбро. Родителей не забывают, пишут. Великий князь перечитывает письма сыновей по несколько раз. Им тяжело... как и всей русской армии! Олег пишет, что на фронте не хватает самого необходимого – теплой одежды, продуктов питания.

«...Очень нужны бурки, которые греют больше, чем пальто... никогда в жизни не было у нас такого желания есть, как теперь. Белого хлеба нет. Сахара очень мало. Иногда чай бывает без сахара... Часто во время похода ложимся на землю засыпаем минут на пять. Вдруг команда: “К коням!” Ничего не понимаешь. Вскарabкиваешься на несчастную лошадь... и катишь дальше...»⁶ Война уравнила всех: и простолюдина, и сына Великого князя.

Князь императорской крови Иоанн Константинович, 28 лет

Вот письмо князя Иоанна: «27 августа 1914 года. Вам везет. Вам письмо. Господь удивительно хранит меня. Я глубоко верую в Него и еще больше. Чем раньше. Бой под Креупишкиным никогда не изгладится из моей памяти. Бедный Дитрих. Все они погибли героями. Чаше телеграфируйте мне о Дуси (жена Иоанна Константиновича. – Т. Г.). Храни Вас Господь. Я здоров и глубоко верю, что Господь благословит нас, братьев... Трудно описать чувство, когда находишься в бою. Страх, который стараешься побороть, и, вместе с тем, хочется маску сделать. Я все время был ординарцем у начальника дивизии. Мог быть

убит как угодно. Шрапнели летели над головой, но Бог меня спасал. Скверное чувство теперь сидеть здесь, когда братишки в опасности. Подчас ужасно бывает тяжело. Я не мог Вам писать всего. Даст Бог, после расскажу... Часто думаю о тебе, дорогая Мама, как тебе, должно быть, тяжело, что мы, дети, идем против твоих же. Часто молюсь о тебе. Если мы все живы, то я считаю, что это благодаря тому, что я завещал, чтобы ежедневно шла в Мраморном (в нашей комнате) Литургия о здравии всех нас, братьев... Вера помогает во всем. Во время войны особенно чувствуешь. Итак, до свиданья, Отец»⁷.

«Братья были молоды, любили жизнь, любили ближних, любили Родину, но любили Бога более, чем все остальное. Поэтому князь Иоанн, в рамках той власти, которая дана была ему от Бога, требовал выполнения воинского долга, послушания, выполнения своих обязательств перед обществом, добиваясь наказания за расхлябанность, дерзость, недисциплинированность своих подчиненных, а особенно – военнообязанных»⁸.

«Во время военных действий князь Иоанн Константинович всегда старался выполнить христианский молитвенный долг и отслужить панихиду или заупокойную литию по погибшим защитникам родины, будь то его приятель или простой солдат. За это он даже заслужил шутовское прозвище “Иоанн Панихидный”. После участия в августовских боях 1914 года князь Иоанн подарил солдатам своего 29 Сибирского Стрелкового полка древнюю икону Спаса Нерукотворного. Заметив нарушения воинской дисциплины, чинопочитания, он строго спрашивал с нарушителей. 13 октября 1914 года он был представлен к награждению Георгиевским оружием за мужество, проявленное при доставлении донесений в августе 1914 года начальнику дивизии»⁹.

На рождение первенца была написана К. Р. «Колыбельная», в которой отец-поэт напутствует сына:

...Быстро крылатое время
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.
Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны!
С верою твердой, святою
Честно живи ты свой век!
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!
Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ.
Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали.
Глазки, малютка, зажмурь!...

Провидя испытания, которые лягут на плечи детей, Константин Константинович хотел верить, что они будут «упованьем», надеждой и опорой «нашей родной стороны». Сыновья были верны заветам отца, достойными защитниками Отечества.

Князь императорской крови Гавриил Константинович, 27 лет

«Милые мои папа и мама!

Вчера ребята были в бою. Пятнадцать человек ранено, семеро убитых. Одного убитого я знал лично. Не сдержал слезы, когда хоронили. Плакал, как младенец. От ужаса кровь вскипает, я задаюсь вопросом: кому эта война нужна?

Сколько молодых и красивых погибают. Как быстро взрослеем мы на войне. Меняется взгляд, пропадает страх, а мысли только об одном – спасти Родину и не уронить честь мундира русского офицера.

Ваш Гавриил»¹⁰.

У каждого из братьев было свое «крещение». Фронтовая судьба то соединяла братьев, то разводила их. Встретился на фронтовых дорогах Гавриил с Иоанном, пересеклись их пути с князем Костей Багратионом, мужем сестры Татьяны, рядом в бою оказались Игорь и Олег.

Воспоминания Гавриила («В Мраморном дворце») сообщают нам о военных дорогах братьев:

«Я раза два в эти дни встретился с Иоанчиком – он был ординарцем при штабе 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Второй раз это случилось, когда мы проходили через Владиславов, и мы успели обменяться с ним несколькими словами»¹¹.

«1 августа генерал Шевич послал брата Олега к начальнику дивизии узнать, что будет приказано делать Гусарскому полку. Начальник нашей дивизии генерал Раух велел полку седлать и оставаться на правом фланге наших войск, ожидать дальнейших приказаний»¹².

«5 августа было солнечное затмение, и как раз в те минуты, когда оно происходило, наша дивизия встретилась с 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией. Я был рад встретить мужа моей сестры Татьяны Костю Багратиона. В колонне обоза я увидел моего камердинера З. – он был призван на военную службу и попал в конную гвардию в денщики к Иоанчику»¹³.

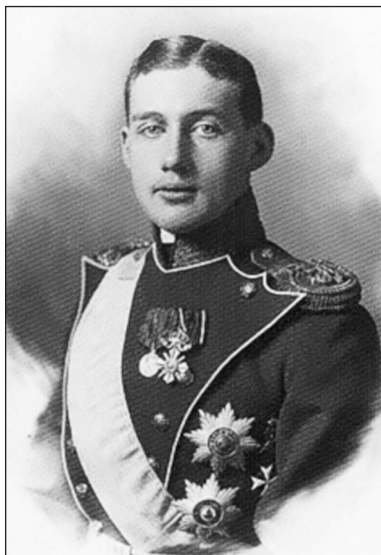
«В Рейшенфельде Олег, Игорь и я поместились в одном доме. Вместе с письмами пришли посылки из дому. Олег был очень энергичен и добросовестно вел полковой дневник, для чего расспрашивал офицеров об их действиях. Я старался использовать это время, отдохнуть и набраться сил»¹⁴.

«Гавриил был приглашен к высочайшему обеду в царском поезде. Николай II принял его в отделении своего вагона, служившего ему кабинетом. Он вручил Гавриилу георгиевский темляк и маленький Георгиевский крестик на эфес шашки, а также орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. “Этот орден, – писал в эмиграции Великий князь Гавриил, – и теперь со мной. Вручая мне орден, Государь сказал, что дает мне ордена, которые я заслужил. Как я был счастлив! И я поцеловал Государя в плечо” (так делали еще во времена Александра II)»¹⁵.

Князь Гавриил вспоминал, что Великому князю Дмитрию Константиновичу, их дяде, братья послали однажды телеграмму, в которой писали, что с благодарностью вспоминают о нем, о его советах и уроках: ведь два года подряд, живя в Павловске, они ежедневно ездили верхом в любую погоду под его надзором, и теперь ему обязаны тем, что еще не ранены и не убиты.

***Князь императорской крови
Константин Константинович,
24 года***

Небесным покровителем третьего сына Великого князя Константина Константиновича был избран святой равноапостольный Константин – имя, традиционное для этой ветви Дома Романовых. «Константин Константинович-младший поступил в Нижегородский кадетский корпус, а затем перешел в Пажеский корпус Его Императорского Величества, после окончания которого поступил штабс-капитаном в лейб-гвардии Измайловский полк, где долгое

время служил его отец. Вскоре, как и Иоанн Константинович, он был назначен флигель-адъютантом, а затем вместе со старшими братьями Иоанном и Гавриилом был назначен в лейб-гвардии 4-й стрелковый императорской Фамилии полк»¹⁶.

Князь Константин простился с родителями 2/15 августа 1914 г., и уже через две недели в газетах сообщили о гибели командующего 2-й армией генерала Самсонова и о пленении князя Константина, сражавшегося в рядах лейб-гвардии Измайловского полка там же, под Варшавой, но в действительности избежавшего плена.

«Дорогой папа!

Я на передовой со своим полком. Писать о войне – это жуткое зрелище. Больше всего я не могу привыкнуть к гибели моих сослуживцев. Все погибшие ребята заслуживают героических почестей, и все они будут покоиться в нашей земле, в нашей памяти. Милый мой папа, ты верь, что твой сын Константин в окопе не прячется и выполняет свой долг на войне достойно Константиновичей»¹⁷.

«О Константине Константиновиче-младшем отзывались как о скромном и очень достойном человеке. Видимо, поэтому о нем сохранилось немного воспоминаний. Так, игумен Серафим (Кузнецов), духовник великой княгини Елизаветы Федоровны, писал о князе-воине Константине: “Он был весьма скромным офицером лейб-гвардии Измайловского полка, любимым офицерами и солдатами, вместе с ним был храбрым воином, отличавшимся в минувшую войну. Мне лично приходилось видеть его в окопах среди солдат во время опасности для жизни”. Младшая сестра, княжна Вера Константиновна, писала о брате Константине – своем крестном: “Он был ... очень заботливым. Отличался большой добротой и шармом, и характером скорее походил на мать”. Будучи флигель-адъютантом Государя, он был в 1916 году в числе самых близких лиц Царской Семьи, которые были допущены не только к делопроизводству, но и в круг семейных забот, радостей.

Во время Первой мировой войны в 1914 году за храбрость в бою и за спасение полкового знамени во время трудных боев на Австрийском фронте, князь Константин был награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени лично Государем. Вера Константиновна вспоминала: “Помню, как он пришел к завтраку, приехав в отпуск, и пошел явиться к больному отцу. Меня от радости и волнения душили слезы: “У Кости Георгий!” В своей воинской доблести он был равен братьям. Солдаты говорили о молодых князьях: “Братья Константиновичи хорошо служат”»¹⁸.

Князь Константин дольше всех братьев оставался в строю действующей армии, проявив себя храбрым солдатом, грамотным и заботливым офицером.

В письмах с фронта (первое написано 23.IX.1914 г., шестое – 11.VII.1916 г.) любимой тетушке – королеве эллинов Ольге Константиновне – князь Константин пишет о фронтовых буднях: «Несчастливые лошади в ужасном виде – овса они давно не видали», «сейчас с правого фланга доносится сильная артиллерийская стрельба, которая быстро смолкает», «вот уже восьмые сутки, что я в окопах. Правда, не все время на передовой линии, так как несколько дней я был в батальонах резерва, но в этом почти нету разницы», «Третьего дня попали в бой. Это было нечто совершенно неопишное. ... Огонь был адский...»; «Так хочется знать про братьев», «...как здоровье Татьяны, она совсем не пишет. Есть ли известия от Багратиона»; «...просил прислать мне французскую грамматику».

«7 июля 1915 г. ... Помолись за нас и за матушку Россию, твои молитвы дойдут до Господа Бога. Нежно обнимаю. Твой Костя».

«11.VII.1916 г. ... Мы остановили наступление немцев. Помнишь ли, милая, как мы с тобою были на закладке церкви в Пскове – ведь сегодня ровно год, сколько с тех пор пережили, даже трудно сообразить – тяжело. Одна надежда на Бога. В последнее время я стал, кажется, еще богомольнее, чем раньше. Как-то мысли сами тянутся к Богу. Однако кончаю, надо посылать письмо. Нежно, нежно обнимаю. Твой Костя»¹⁹.

В архиве князя императорской крови Иоанна Константиновича – «Расписание пребывания в Пскове и Выбутах королевы греческой Ольги Константиновны, великих князей Иоанна и Дмитрия Константиновичей и других членов комитета по сооружению храма св. Ольги в Выбутах, с сопроводительными письмами С. Воейкова. Июнь – июль 1914 года». Для Ольги Константиновны создание Комитета и сама работа в нем в качестве председателя «по сооружению храма св. Ольги на ее родине в селе Выбутах Псковской губернии» имели наиважнейшее значение. Вся семья Константиновичей поддерживала и помогала.

«Чин закладки» должен был пройти в присутствии Великого князя Дмитрия Константиновича, брата Ольги Константиновны и ее племянников князей Иоанна, Константина, Олега, Игоря Константиновичей. Таким образом, сооружение храма стало семейным делом. Подобное уже происходило. Когда в 1910–1911 гг. был

воздвигнут храм Во имя Происхождения Древа Креста Господня и Святителя Чудотворца (Спас-на-Водах), председателем комитета по увековечению памяти жертв Русско-японской войны являлась Ольга Константиновна. Всех ее богоугодных дел и не сочтешь, что-то осталось ведомо одному Отцу Небесному. С молитвой в душе, с молитвой на устах, с молитвой во всех земных делах королева Ольга снискала любовь и глубочайшее уважение у племянников. Это ясно становится из приведенной переписки.

Князь императорской крови Игорь Константинович, 18 лет

«Дорогие мои, любимые!

Господи, как содрогается земля от взрывов и бомб. К вечеру привезли убитых с поля боя. Я впервые увидел этот ужас. Получил письма от Олега и Кости. Как остальные братья, не знаю. Душа болит за

страдающую нашу Россию и горячее мое желание изгнать врага с родной земли. Игорь»²⁰.

«Еще в детстве князь Игорь с братьями любил верховые прогулки с дядей, великим князем Дмитрием Константиновичем, на подаренных им лошадях. Впоследствии эта школа верховой езды, подкрепленная навыками правильного снаряжения, принесла свои плоды. Во время тяжелейшего отступления 1914 года, по болотам, под дождем, без еды и возможности согреться и просушить одежду, все братья спаслись благодаря урокам Дмитрия Константиновича.

Игорь Константинович едва не потонул в Мазурских болотах, когда полк попал в окружение. Князя удалось спасти, однако его конь погиб. «Когда голова его любимой лошади начала окончательно

опускаться в болото, его высочество перекрестил ее»²¹. Княжна Вера Константиновна вспоминала, что Игорь не мог забыть отчаянный взгляд тонувшей лошади.

Из воспоминаний Гавриила Константиновича: «Играя в ставку в лаун-теннис, Игорь вывихнул себе ногу и должен был некоторое время лежать в гостинице, в которой квартировал. В этот день приехала в ставку графиня Е.К. Зарнекау (Тина), дочь покойного принца К.П. Ольденбургского. Она была сестрой милосердия при Уссурийской конной дивизии и по собственной инициативе приехала просить государя, чтобы он приказал выдать дивизии необходимые для нее пулеметы. Начальник дивизии генерал Крымов, несмотря на все хлопоты, никак не мог их получить. Вечером государь зашел к Игорю, у которого сидела Тина, и они втроем поговорили, и благодаря этому разговору Уссурийская конница получила пулеметы. Во время разговора с Тиной государь сидел на кровати Игоря. Как я был счастлив, если бы государь сидел у меня на кровати!»²²

«Знакомый генерал передал Великому князю Константину Константиновичу полученный рапорт, в котором докладывалось о храбрости Игоря и Константина: “Такого самоотвержения, такого мужества, – писал подпоручик 115 Вяземского полка, – я никогда не ожидал у Великих князей! ... Такой героизм, такие подвиги Великих князей прямо следовало объявлять всенародно и прежде всего солдатам. Слова схожи с теми, что звучали когда-то в адрес их родителя, героя Силистрии, получившего в Русско-Турецкую войну Георгиевский крест”»²³.

«Мы с Игорем получили приглашение к высочайшему обеду в царском поезде. В назначенное время мы пришли в салон-вагон, бывший рядом с вагоном-столовой. Я предполагал, что Игорю и мне государь что-нибудь пожалует, и решил, что в таком случае я поцелую в благодарность государя в плечо, как это делали при Александре II. Государь принял меня в отделении своего вагона, служившем ему кабинетом. Он вручил мне Георгиевский темляк и маленький Георгиевский крестик на эфес шашки, а также орден св. Владимира 4-й степени с мечом и бантом. Этот орден и теперь у меня. Вручая мне орден, Государь сказал, что дает мне ордена, которые я заслужил. Как я был счастлив! И я поцеловал государя в плечо.

Когда я вернулся обратно в салон-вагон, Николай Николаевич сам привязал мне Георгиевский темляк к шашке. После меня к государю был вызван Игорь и получил те же награды, что и я»²⁴.

Князь императорской крови Олег Константинович, 21 год

...И вновь зовет к себе
отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная,
святая.
Готов забыть я все:
страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь
и дружбу, грезы,
И самого себя. Себя ли?..
да, себя,
О, Русь, страдальица святая,
для Тебя.
1911
Князь Олег.
«Гроза прошла»

25 июля 1914 г. князь прибыл к месту военных действий в Восточную Пруссию.

Гусарский полк, в котором выступил в поход корнет Олег, входил в состав 1-й армии. Хотя князь служил при штабе и вел полковой дневник, ему нередко приходилось бывать на передовой, под огнем. «Я очень доволен, – писал Олег 15 августа генералу Ермолинскому. – Отношения прекрасные... Я пишу дневник полка и нахожусь в штабе, где приходится много работать и бывать под огнем. Но все же хотелось бы в строй»²⁵.

«...Нельзя описать весь ужас, который происходит на моих глазах. Вот здесь, на войне, и задумываешься о судьбе своего Отечества, о том великом долге, которым должен преисполниться русский солдат. Между боем задумываешься о жизни. Жизнь не удовольствие, не развлечение, а крест. Сейчас готовимся к атаке. Что-то мне говорит, что ни одна пуля меня не тронет... Олег»²⁶.

Эта запись сделана в полевой книжке накануне последнего боя: «26 сентября. Пятница. Выступили в 8 часов утра. Предположено идти на Дайнен затыкать дырку, образовавшуюся между стрелковой бригадой и 56 дивизией с целью зайти немцам, сидящим в Шукле, в тыл. Конечно, мы знали, что это не будет сделано. Мы сейчас сидим на одном фольверке (уже 11 часов), не дойдя еще до Владиславова.

Слышны пулеметы и артиллерийские выстрелы. Отправили письма через вольноопределяющего кирасира, который едет в Питер. Привезли раненого пехотного офицера. Немцы, говорит, выкинули белый флаг, кричали “Не стреляйте!”, а под конец выстрелили. Может быть, это вранье? Стрельба чаще. Пехота отходит. Команда “По коням!”»²⁷.

Во время преследования вражеского разъезда 27 сентября 1914 г. князь Олег был смертельно ранен. «28 сентября 1914 года пришло известие о ранении Олега. Об этом – лаконичная запись в дневнике великого князя: “Сейчас получил телеграмму от Игоря и профессоров, что, к сожалению, рана оказалась серьезной. Сделана операция для избежания заражения раны. Олег находится в Вильно. В Витебском госпитале. При нем Игорь”. А незадолго до этого в часть, где служил Олег, пришла телеграмма от императора: «Радуюсь за лихость моих лейб-гусар. Жалую корнету князю Олегу Константиновичу орден Св. Георгия 4-ой степени. № 3576. Николай”»²⁸.

«В Вильну. Витебская Община. Князю Олегу Константиновичу. 29 сентября 1914 г.

От всей души поздравляю дорогого Георгиевского кавалера. Бесконечно горд за обоих. Зенченко и Обраменко поздравляют. Хранит Тебя Казанская Богоматерь. Иоанн»²⁹.

Только не довелось герою предстать перед родными и сослуживцами с высокой наградой на груди...

«Среди дневниковых записей князя Олега сохранилась одна, которая словно предвещает его раннюю кончину: “Но мне становится совсем приятно, когда я думаю, что в “Новом времени” будет напечатан мой некролог, где будет написано, что я кончил лицей, что я там хорошо учился, получил Пушкинскую медаль и что меня там любили... Сознание подсказывает, что, в сущности говоря, теперь мне было бы очень глупо умереть, так много поработав над собой и в конце концов ничего не сделав. Нет, ни за что, ни за что я не хочу умереть без славы, ничего не сделав в жизни. Не хочу умирать с тем, чтобы меня забыли”»³⁰.

А ведь, подумать только, первоначально по состоянию здоровья князь Олег не был включен в списки полка, врачи категорически возражали, но он сумел добиться отмены запрета. Он должен был остаться при Главной Квартире, но он так хлопотал о возвращении в полк, что начальство не выдержало и уступило. Князь был в полном восторге.

Из воспоминаний князя Гавриила: «...В углу стоял какой-то человек и тихо плакал. Я узнал камердинера князя Олега Макарова.

Светлое, детски чистое лицо князя было отлично освещено верхней лампой. Он лежал спокойный, ясный, просветленный, будто спал. Белая эмаль, к которой он прикоснулся холодеющими губами, ярко выделялась на груди»³¹.

Узнав о полученной награде, Олег сказал: «Я так счастлив, так счастлив. Это нужно было. Это поднимет дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома»³².

По желанию, неоднократно выраженному усопшим, и с Высочайшего соизволения императора Николая II похоронили князя Олега Константиновича в Осташеве, в имении отца. 2 октября 1914 г. состоялось отпевание, которое совершил архиепископ Литовский и Виленский Тихон (Белавин). В тот же день гроб с телом Олега Константиновича перевезли на вокзал, куда проститься с князем пришло огромное количество народа.

Траурный поезд направился в Москву. По мере его продвижения на многих станциях служили панихиды. Из Москвы погребальная процессия отправилась в Волоколамск, куда прибыла 3 октября 1914 г. «...на Волоколамском вокзале собрались: королева эллинов Ольга Константиновна, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Дмитрий Константинович, княгиня Тагиана Константиновна Багратион-Мухранская, княгиня Елена Петровна, князь Георгий Константинович и многочисленные депутации. На перроне был выстроен почетный караул. Вокруг вокзала – тысячная толпа окрестных крестьян и прибывшие для отдания воинских почестей части пехоты и артиллерии»³³.

Гроб поставили на орудийный лафет и доставили в Осташево, как и желал князь Олег. Кортеж сопровождали духовенство и хор певчих. Более ста венков везли на колесницах. За гробом следовали родители и родственники покойного, а также должностные лица. Впереди несли пожалованный Олегу Константиновичу орден Святого Георгия 4-й степени.

В своих дневниках Великий князь Константин Константинович пронзительно описал траурную церемонию похорон:

«Осташево. Пятница, 3. Октябрь.

Приехали в Осташево часа за полтора до прибытия гроба. Вышли ему навстречу на село. На площади, между часовенкой и памятником Александру Освободителю, служили литию. Гроб отвязали от

лафета, осташевские крестьяне подняли его на руки и понесли по липовой аллее, направо на птичий двор, мимо окон Олега в сад и направо вдоль реки. Путь в начале парка, где ведет налево дорожка на холмик, возвышающийся над заливным берегом Рузы, под деревьями расположено “Натусино место”. Так мы назвали этот холмик, где есть скамейка: 9 лет назад, когда заболела наша Натуся, мы ждали тут телеграммы с известиями. Вместо крытого берестой круглого стола со скамейкой вырыли глубокую могилу, обделав ее деревянными досками. Здесь Осташевский батюшка Малинин с нарочно прибывшими духовником Олега иеромонахом Сергием и Павловским диаконом Александром отслужили последнюю литию. Георгиевский крест на подушке из материи георгиевских цветов держал Георгий. Осташевский батюшка перед опусканием гроба в могилу прочел по бумажке слово; оно было не мудрое, но чтение прерывалось такими искренними рыданиями батюшки, что нельзя было слушать без слез. Мы отцепили от крышки гроба защитную фуражку и шашку; кто-то из крестьян попросил поцеловать ее. Опустили гроб в могилу. Все по очереди стали сыпать горсть земли, и все было кончено...»³⁴

Великого князя не отпускала тревога за других сыновей. 4 октября 1914 г. он писал в дневнике: «Временами нападает на меня тоска, и я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: “Да будет воля Твоя”»³⁵.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь. ...

К. Р. «Когда креста нести нет мочи»

13 октября 1914 г. императрица Мария Федоровна писала Великому князю Николаю Михайловичу:

«Вчера обедали у меня Ольга с Митей, которые только что вернулись из Осташева, где присутствовали на погребении бедняжки Олега К. Слава Богу, несчастные родители немного утешились тем, что застали его в живых, и он был рад их видеть. Костя ему дал крест Св. Георгия, который он поцеловал и вскоре потерял сознание и покойно уснул.

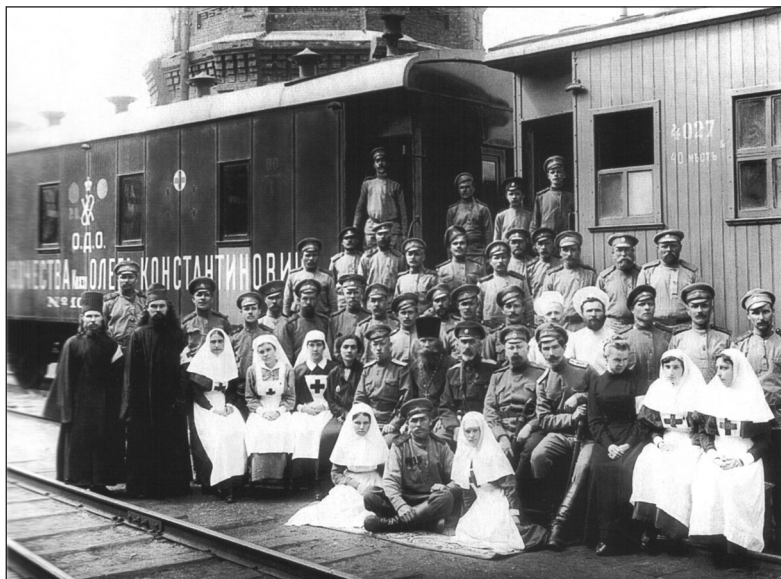
Конечно, для него была прекрасная смерть, но для несчастных родителей горе остается горем. Особенно бедный Костя глубоко опечален. Ольга говорит, что Олег был его любимый сын, самый близкий его сердцу, самый даровитый и такой добрый и прекрасный мальчик»³⁶. Князь был единственным представителем Дома Романовых, погибшим в годы Первой мировой войны. После его гибели Николай II присвоил первой роте Полоцкого кадетского корпуса наименование «Рота его Высочества Князя Олега Константиновича».

В память о сыне Константин Константинович учредил в Полоцком корпусе стипендию.

5 июля 1915 г. в Осташеве рядом с могилой Его Высочества князя Олега Константиновича заложен храм-усыпальница во имя святых благоверных князя Олега Брянского, великого князя Игоря Черниговского и преподобного Серафима Саровского – Чудотворца.

В 2013 г., в связи празднованием в России 400-летия Дома Романовых, в храме-усыпальнице дважды шла торжественная поминальная служба: 5 июля, в день закладки храма, и 3 октября, в день погребения князя императорской крови Олега Константиновича.

30 октября 2013 г. на Константиновских чтениях в Стрельне в докладе Лидии Шинкаревой появилось сообщение о военно-санитарном поезде РОКК Его Высочества князя Олега Константиновича и фотография (1916) этого поезда. (Сестры милосердия России. СПб.: Изд-во «Лики России», 2005. С. 247) (см. фото на с. 178). «В его память в Стрельне учредили Лазарет для выздоравливающих воинов. Общество

отозвалось на смерть молодого Романова учреждением ряда лазаретов и лечебниц. ... Были открыты на частные средства лазареты в память князя Олега по адресам: Б. Пушкарская ул., д. 50, Лиговский пр., д. 87, 2-ая Рождественская ул., д. 4 (последний содержало Второе общество взаимного кредита)». ³⁷ Таким образом, князь Олег «продолжал воевать» на фронтах Первой мировой войны.

Зять Великого князя Константина Константиновича Константин Александрович Багратион-Мухранский (фото на с. 178, внизу), поручик-кавалергард (гвардейская тяжелая кавалерия), флигель-адъютант, воевал на Юго-Западном фронте. Из-за нехватки офицеров в пехоте с мая 1915 г. служил в 13-м Эриванском лейб-гренадерском полку. Награжден за храбрость Георгиевским оружием. 19 мая 1915 г.

семью Константиновичей постиг новый удар – подо Львовом погиб муж Татьяны Константиновны князь К.А. Багратион-Мухранский. Известие о смерти супруга застало княгиню в Павловске. Она приняла удар с христианским смирением. Вместо траурных черных одежд надела белые. В сопровождении брата Игоря Константиновича Татьяна отправилась в Грузию. Ее муж был похоронен в храме Светицховели в Мцхете.

Князя императорской крови Иоанн Константинович, Константин Константинович и Игорь Константинович вместе с другими алапаевскими узниками приняли мученическую кончину 18 июля 1918 г. Они были оглушены ударом обуха по голове и еще живыми сброшены в старую шахту, где умирали в страшных мучениях.

«Отвечая на письмо игумена Серафима, сопровождавшего тела Алапаевских мучеников, мать страстотерпцев-князей так вспоминала своих детей: “Многоуважаемый отец Игумен. Получила я Ваше письмо и книги. Сердечно благодарю Вас. Я удивляюсь, что Вы не получили мое письмо, отправленное в прошлом году через С.Н. Смирнова. Трудно мне ответить на Ваш вопрос о душевных качествах моих детей. Все же постараюсь исполнить Ваше желание.

Сын мой Иоанн с малых лет отличался любвеобильным сердцем и самопожертвованием. Посещать храм Божий – Высшая его радость. Он сохранил душевую чистоту до конца. Часто утешал в горе людей, для него чужих. Был хорошим сыном, мужем, отцом и сослуживцем.

Константин был натура откровенная, нежный сын и брат, трогательно заботлив к своей младшей сестре, которую крестил. Во время

войны находился в строю своего полка, где и получил из рук Государя Георгиевский крест.

Игорь – более других одаренная натура. Веселый, жизнерадостный и очень религиозный, как все наши дети.

29 декабря / 11 января 1923 года. Альтенбург, Тюринген. С пожеланием всего доброго. Елизавета”»³⁸.

Братья канонизированы Русской православной церковью за границей в сонме Новомучеников Российских.

Княгиня Елена Петровна, сербская принцесса, жена князя императорской крови Иоанна Константиновича

В первые дни Первой мировой войны Елена Петровна предложила Константиновичам вкладчину снарядить госпиталь в 1-ю армию, куда были назначены князья императорской крови Иоанн Константинович, Гавриил Константинович, Олег Константинович, Игорь Константинович, муж княгини Татьяны Константиновны князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, князь императорской крови Дмитрий Павлович, внук сестры Великого князя Константина Константиновича – королевы эллинов Ольги Константиновны. Княгиня Елена Петровна организовала санитарный поезд и по примеру многих других женщин из царской семьи отправилась на фронт сестрой милосердия. К ней присоединилась дочь Великого князя Павла Александровича Мария Павловна-младшая (внучка королевы эллинов Ольги Константиновны).

«Приобретение оборудования и медикаментов для лазарета обошлось в 18 000 рублей, а его содержание в течение полугода – 28 000 рублей. В Мраморном дворце вновь открылся Комитет по сбору пожертвований. Великий князь Константин Константинович пожелал передать весь доход от продажи книг “Царя Иудейского” на этот лазарет и нужды семей павших воинов. Торжественные проводы в Кауфманской общине и выезд отряда из Петрограда состоялись 16 августа 1914 года.

По воспоминаниям великой княгини Марии Павловны их поезд «вез не только необходимые материалы для госпиталя, но и множество оборудования для работы в походных условиях – вагон-лазарет, полевые кухни, котлы, лошадей, палатки. Елена взяла также свой автомобиль”.

...Для лазарета Мраморного дворца было выделено довольно просторное трехэтажное здание мужской гимназии, где без труда могло

уместиться до 300 кроватей. Здание было довольно грязным. Уборку производили штатные сестры милосердия. Благодаря необычной энергии сестер, воодушевляемых личным примером великой княгини Марии Павловны и княгини Елены Петровны, лазарет был развернут через 10 часов после соответствующего приказа и был готов к приему 200 раненых. Первым делом были подготовлены 2 перевязочные и 2 операционные.

Оборудование лазарета было самым современным. В первую очередь, заботились об удобстве раненых. Им были отведены лучшие комнаты. Что касается размещения персонала, то оно было более чем скромным.

...Лазарет Мраморного дворца работал как эвакуационный пункт: легкораненые перевязывались, кормились и отправлялись на санитарные поезда. Тяжелораненые задерживались в лазарете для проведения необходимых операций и перевязок.

Первые партии раненых, поступавшие с фронта, были голодными и полуодетыми. Красным Крестом были организованы питательные пункты по пути следования больных и раненых воинов. Не осталась в стороне и княгиня Елена Петровна, запросив в комитете Мраморного дворца помощи в скорейшей доставке одежды и белья для пациентов. При лазарете был устроен питательный пункт.

...23 августа 1914 г. по распоряжению командующего армией началась немедленная эвакуация тех раненых, кто по состоянию здоровья мог перенести транспортировку. Тут же усилился поток больных и раненых воинов из Гумбиннена, Истербурга и других населенных пунктов этого участка фронта в Вержбалово. День и ночь шла разгрузка и перегрузка раненых. Тем из них, кому была нужна срочная перевязка, ее делали на месте.

С 23 по 25 августа персоналу лазарета Мраморного дворца пришлось работать и днем и ночью. Это были самые тяжелые дни.

...Вернувшись в Петербург 2 (15) сентября 1914 г., Елена Петрова не оставила дела милосердия. Княгиня организовала в Мраморном дворце склад для подготовки перевязочных материалов для госпиталей, продолжала патронировать приют великой княгини Александры Николаевны. Участие княгини Елены Петровны в деле помощи сербским беженцам и военнопленным еще ждет детального изучения.

В сентябре имущество лазарета было вновь восстановлено, и в начале октября отряд отбыл вторично из Петрограда в Ивангород для следования за 1-й гвардейской дивизией. О его дальнейшей де-

тельности мы почти ничего не знаем. Известно, что в начале 1915 г. передвижной лазарет Мраморного дворца был объединен с эвакуационным транспортом королевы Ольги Константиновны.

Командование 1-й армии высоко оценило труды Марии Павловны и Елены Петровны, представив их к награде. 20 мая (2 июня) 1915 г. последовало его императорского величества соизволение на пожалование ее императорскому величеству великой княгине Марии Павловне-младшей и ее королевскому высочеству княгине Елене Петровне Георгиевских медалей 4-й степени “за самоотверженную деятельность в качестве сестер милосердия при лазарете Мраморного дворца в Истербурге в августе 1914 г.”³⁹.

Русские люди должны знать имена своих истинных героев, Георгиевских кавалеров князей императорской крови Константиновичей, чьи деяния и подвиги были совершены во славу Государства Российского. Представляется важным для нас, для осташевцев, продолжать изучение архивных документов о доблестном служении Отечеству представителей семьи Великого князя Константина Константиновича, владельца усадьбы Осташево.

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года с добавлением вводных и сопроводительных материалов. Казань: «Стар», 1995. С. 169.

² Авторский документально-художественный фильм Вячеслава Моцардо. Посвящается светлой памяти Великого князя Константина Константиновича Романова. МКЦ «СЛАВА». 2006.

³ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. ст., коммент. Э. Матониной. М.: Искусство, 1998. С. 344.

⁴ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2005. С. 221–222.

⁵ Романов К.К. Указ. соч. С. 348.

⁶ Князь Олег. С. 172.

⁷ Ганф Т.И. Новомученик алапаевский Иоанн Константинович: материалы к составлению жития // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: сборник статей. СПб.: Государственный комплекс «Дворец конгрессов», 2009. С. 340.

⁸ Там же. С. 342.

⁹ Алексеева Т.А. Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна, Константина и Игоря // Константиновские чтения – 2008. Великий князь Константин Константинович. К 150-летию со дня рождения: Сборник материалов научной конференции. 15–16 октября 2008 г. СПб., 2008. С. 72.

¹⁰ Авторский документально-художественный фильм Вячеслава Моцардо.

¹¹ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 226.

¹² Там же. С. 227.

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ Там же. С. 232.

- ¹⁵ Матонина Э.Е., Говорушко Э.Л. К. Р. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 616.
- ¹⁶ Алексеева Т.А. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁷ Авторский документально-художественный фильм Вячеслава Моцардо.
- ¹⁸ Алексеева Т.А. Указ. соч. С. 74–75.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 76.
- ²⁰ Авторский документально-художественный фильм Вячеслава Моцардо.
- ²¹ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 238.
- ²² Алексеева Т.А. Указ. соч. С. 77.
- ²³ Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М.: Вече, 2008. С. 441.
- ²⁴ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 262.
- ²⁵ Там же. С. 231.
- ²⁶ Авторский документально-художественный фильм Вячеслава Моцардо.
- ²⁷ Там же. С. 246.
- ²⁸ Чернышова-Мельник Н.Д. Баловень судьбы. Истории жизни Константина Романова. М.: ЭНАС, 2008. С. 306.
- ²⁹ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.) Вып. XV. М.: «Рос. Фонд Культуры», Студия ТРИТЭ Никиты Михалкова, «Российский Архив», 2007. С. 455.
- ³⁰ Чернышова-Мельник Н.Д. Указ. соч. С. 309–310.
- ³¹ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 257.
- ³² Князь Олег. С. 180.
- ³³ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 258.
- ³⁴ Романов К.К. Указ. соч. С. 351.
- ³⁵ Там же. С. 352.
- ³⁶ Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. С. 481.
- ³⁷ Шинкарева Л.П. Константиновичи и Красный Крест // Константиновские чтения – 2013. Сборник материалов научной конференции. 30 октября 2013 г. СПб., 2013. С. 168.
- ³⁸ Ганф Т.И. Новомученик алапаевский князь императорской крови Константин Константинович: материалы к составлению жития // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: хроника, материалы, исследования. СПб.: Государственный комплекс «Дворец конгрессов», Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2010. С. 333–334.
- ³⁹ Шевцова Г.И. Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914) // Константиновские чтения – 2013. Сборник материалов научной конференции. 30 октября 2013 г. СПб., 2013. С. 89–93.

И.М. Игнатенко (Чернигов, Украина)

ЧЕРНИГОВСКИЕ ПУШКИ XVII–XVIII ВЕКОВ

В ОТ УЖЕ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ старинные чугунные пушки встречают гостей при въезде в город со стороны Киева. Они стали одним из символов Чернигова, оказавшись даже на его гербе в советское время (рис. 1).

В статье речь идет о нескольких категориях гладкоствольных артиллерийских орудий XVII–XVIII вв., так или иначе связанных с городом: это пушки, выставленные в парке на территории бывшей Черниговской крепости в качестве памятника, медные орудия из коллекции Черниговского исторического музея, а также пушки Черниговской крепости и Черниговского казачьего полка, информация о которых сохранилась в письменных источниках.

После победы Московского государства в Русско-литовской войне 1500–1503 гг., к нему были присоединены значительные территории Великого Княжества Литовского со многими городами, в числе которых был и Чернигов. Первое упоминание о пушках под стенами города связано с неудавшейся попыткой гетмана А. Дашкевича захватить Чернигов в 1515 г. при помощи артиллерии. В сентябре

Рис.1. Герб Чернигова 1969 г.

1534 г. Чернигов подвергся нападению отряда киевского воеводы А. Немировича, который «учал к городу приступати, ис пушек, ис пищалей учили на город стреляти», в результате вылазки черниговцы прогнали осаждавших, захватив при этом пушки и пищали¹. Вероятно, уже с начала XVI в. городские укрепления были оснащены огнестрельным оружием, хотя источники сообщают об этом лишь с начала следующего столетия.

Описание собственной артиллерии Черниговской крепости, весьма скудное, впервые встречается в донесении католического священника, участника похода Лжедмитрия I, своему духовному начальнику о захвате Черниговской крепости войсками самозванца. В 1604 г. город имел два деревянных замка, весьма крепких благодаря валам, рвам, палисадам, башням, дубовым стенам, внутри засыпанным землей и снабженным всевозможными укреплениями. В первом замке было найдено 7 больших армат, меньших же – более 20, гарнизона было также около 700 стрельцов, каждый с ружьем. Во втором замке было больше войска и начальников; армат больших – 27, поставленных в башнях и на стене так, чтобы можно было со всех сторон поражать и оттеснять неприятеля; было еще много меньших армат, так что бессмысленно было бы взять эти замки силой, если бы они сами не сдались².

После Смуты, в результате Деулинского соглашения, в 1618 г. Чернигов вошел в состав Речи Посполитой и стал центром Северского княжества (*Severia Ducatus*), которое находилось в управлении королевского фиска. В 1623 г. город получает королевскую привилегию на пользование самоуправлением на основе магдебургского права. Городская община должна была участвовать в ремонте укреплений³ и обороне города, формируя вооруженные подразделения по цехам⁴. Тогда же в Чернигове впервые появилось казачество, основанное, согласно привилегии короля Сигизмунда III, для защиты города. Представителем королевской власти в городе становится капитан, которому подчинялся гарнизон, состоящий при замке, а также шляхта из окрестных поселений, приписанная к замку, в распоряжении капитана, по-видимому, находилась и городская артиллерия.

По окончании освободительной войны под руководством Б. Хмельницкого, в Чернигове, Киеве, Нежине и еще нескольких украинских городах складывается необычная ситуация, в результате которой здесь одновременно сосуществуют три вооруженные силы, каждая из которых обладает своей собственной артиллерией. Эти

силы представлены полковыми казачьими сотнями, городскими самоуправляющимися общинами и гарнизонами русских войск.

По мнению современников, артиллерия того времени являлась не только своего рода «оружием массового поражения», но и инсигнией власти, подтверждающей суверенные права его обладателя. Богато декорированные бронзовые пушки считались клейнодом, наряду с другими символами власти – булавой, знаменем и бунчуком, приравнивающим их владельца к европейским коронованным особам.

Если гетманскую артиллерию с натяжкой можно назвать государственной, то пушки, отливаемые за счет средств полковников, украшенные гербами их собственников, выступали символом знатности и богатства тех или иных родов украинской казачьей старшины. Бронзовые пушки для потребностей казачьих полков и городов Левобережной Украины во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. отливались в городах Глухове, Прилуках, Стародубе⁵, Киеве⁶, о чем свидетельствуют надписи с именами мастеров литейщиков – людвисарей – и местом изготовления орудия.

Наличие артиллерии в распоряжении городской общины было характерно для европейских городов с правом магдебургского самоуправления, к которым относились и вышеупомянутые украинские города. Однако конкретная ситуация, вызвавшая «повышенную вооруженность» горожан, была вызвана слабостью русских гарнизонов, сидевших в этих городах при московских воеводах, которые искали поддержку в среде мещан, обещая им защиту от произвола казачьей старшины.

Так, известно, что в 1658 г. у киевских мещан было 7 пушек, данных им князем Куракиным⁷, в 1662 г. Малороссийский приказ передал нежинским мещанам, по их просьбе, пушечные ядра, порох, свинец и фитиль, в то же время гарнизон московских ратных людей, под командой воеводы И.И. Ржевского, также получил боеприпасы для ручного оружия и пушек. В 1670 г. Малороссийский приказ отправил в Чернигов четыре медные пищали⁸.

Иногда пушки приносились в дар городам (городским общинам) представителями казачьей старшины⁹, либо отливались за собственные средства мещан, о чем можно судить по надписям на сохранившихся орудиях. Так, на стволе 3-фунтовой медной пушки из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) отлита надпись: «ЗА СЧАСТЛИВОГО РЕ[ГИ]МЕ[Н]ТУ ЯСНОВЕЛЬМОЖНАГО ЕГО МИЛОСТИ ПАНА

ИОАННА МАЗЕПЫ ГЕТМАНА ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО ВЫЛИТА СΙΑ АРМАТА В ГЛУХОВЕ ДО ГОРОДА КОНОТОПА РОКУ 1697».¹⁰

По-видимому, с рубежа XVII–XVIII вв. следует говорить уже только о двух составляющих черниговской городской артиллерии – полковой казачьей и русской гарнизонной. Это связано с ростом влияния казачьих структур полкового и сотенного самоуправления, которые всячески утесняли городской магистрат. Однако еще, как минимум, до 1733 г. между гарнизоном русского войска и городскими казачьими сотнями Чернигова существовало разделение в зонах охраны и защиты города. При этом русский гарнизон занимал лишь небольшое укрепление под названием «малый верхний замок», где с трудом располагалась русская артиллерия, вследствие тесноты места¹¹. Остальные части «казацкого города» защищались казаками и мещанами, которые имели свою особую артиллерию.

Из описаний пожара, произошедшего в городе в 1750 г., выясняется, что в это время гарнизонный артиллерийский двор на территории реконструированной Черниговской земляной крепости одновременно был и пушечным двором полковой казачьей артиллерии¹². Возможно, это произошло вследствие замены выборной должности черниговского казачьего полковника «из природных малороссиян» назначенными Сенатом лицами из российских служилых людей. В этот период должность черниговского полковника занимает комендант русского гарнизона, серб по происхождению, Иван Божич.

Императорским указом 1781 г. Черниговский полк, как административная единица, был ликвидирован, на его месте создано Черниговское наместничество¹³. Вслед за этим в 1785 г. Черниговский казачий полк (военное подразделение) был преобразован в карабинерный, таким образом превратившись из отряда местной милиции в регулярный полк Российской кавалерии¹⁴.

После ликвидации казачьего войска на Левобережной Украине его артиллерия передавалась в гарнизонные цейхгаузы. В одном из документов из фондов ВИМАИВиВС речь идет о приемке в Черниговский цейхгауз пушек, ружейных вещей и конских приборов от разных сотен бывшего Черниговского казачьего полка и продаже с публичных торгов старых пушек Черниговского казачьего полка с раковинами, негодных к употреблению¹⁵. Среди упомянутых вещей, проданных в 1786 г., было два медных орудия, привезенных из г. Гадяча, 3-фунтовое и 4 ½-фунтовое. Сейчас в коллекции

Черниговского исторического музея хранятся две подписанные медные пушки, изготовленные по заказу гадячских казачьих полковников М. Милорадовича (1717) и И. Чарныша (1713)¹⁶. Они, вероятно, были куплены частными лицами с торгов при Черниговском гарнизонном цейхгаузе, а затем попали в коллекцию известного собирателя древностей В.В. Тарновского, которая вошла в состав фондов Черниговского исторического музея.

После окончания войн с Швецией и Персией Петр Великий обратил внимание на оборону империи. В 1724 г. был составлен штат (аншталт) крепостей Российской империи, которые были разделены на три разряда: Остзейский, Российский и Персидский, Чернигов вошел в разряд российских крепостей¹⁷. Однако оснащение крепости, согласно аншталту, при жизни императора не было реализовано. В 1729 г. графом Минихом подан в Сенат на рассмотрение и утверждение новый штат крепостей. Согласно этому аншталту Чернигов вошел в третий департамент крепостей, предназначенный для обороны со стороны Польши¹⁸. Укрепления города в это время находились в плачевном состоянии, вследствие чего в 1740 г. управляющим украинскими крепостями генерал-майором Дебриньи был подготовлен проект строительства новой крепости в Чернигове, взамен старой земляной, в форме шестиугольного полигона¹⁹, который так и не был реализован. Все последующие работы по усилению крепости представляли собой лишь незначительные реконструкции и ремонты валов, сохранившихся еще с эпохи Киевской Руси.

В 30-х гг. XVIII в. начинаются работы по оснащению Черниговской крепости артиллерией, которая бы количественно и качественно соответствовала принятому штату. В 1733 г. по штату полагалось 4 медных шланга калибром 24, 18, 6 и 3 фунта, один медный канон, пушек чугунных: 18-фунтовых – 11, 12-ф. – 13, 6-ф. – 15, 3-ф. – 9, мортир чугунных: 9-пудовых – 1, 5-п. – 3, 2-п. – 2, 1-п. – 1, а также две двухпудовые чугунные гаубицы. В наличии оказалось большое число устаревших орудий разнообразных калибров, некоторые из них было решено приравнять к требуемым по штату, так, например, поступили с одиннадцатью пушками калибром 17 ½ фунта, принятыми за 18-фунтовые, и с девятью 23-фунтовыми пушками, принятыми за 24-фунтовые²⁰. Вероятно, подобная проблема была вызвана разномодульностью в шкалах калибров. В то же время на вооружении крепости были малые орудия таких калибров, как 2 ½, 1 ½, ¾ фунта, которые постепенно снимались с вооружения. Поставка крепостных чугунных

орудий в это время осуществлялась главным образом из Брянска²¹, откуда они доставлялись по реке Десне до Чернигова и Киева²².

В высочайше утвержденном докладе генералиссимуса герцога Брауншвейг-Люнебургского о штатном положении в крепостях артиллерийских орудий, снарядов, припасов и количестве служителей, 1741 г., предлагалось уменьшить количество артиллерии в Чернигове – из расчета не шести полигонов, как прежде, а пяти²³.

После ликвидации крепости в 1799 г. артиллерия была перемещена в Киевский арсенал, недавно перед этим построенный на территории старой Печерской крепости в Киеве²⁴. Некоторые орудия остались в Чернигове, по причине своего значительного веса. В 90-е гг. XIX в. черниговский губернатор Е.К. Андреевский исходя из патристических побуждений дал команду разыскивать на территории губернии старые чугунные пушки. В результате чего в 1894 г. в местечке Городня, близ Чернигова, был водружен монумент, собранный из 3-х чугунных пушек²⁵, затем в 1896 г. еще четыре пушки были установлены на соборной площади губернского центра.

Согласно преданию, эти орудия были подарены жителям обоих городов императором Петром Великим после победы под Полтавой. На протяжении последнего десятилетия XIX в. «арсенал» черниговских орудий пополнялся за счет розыска старых пушек в окрестных селах и местечках. К началу XX столетия эти пушки, числом 12, были расставлены вдоль склона бывшего крепостного вала при въезде в город со стороны шоссе киевской дороги (рис. 2).

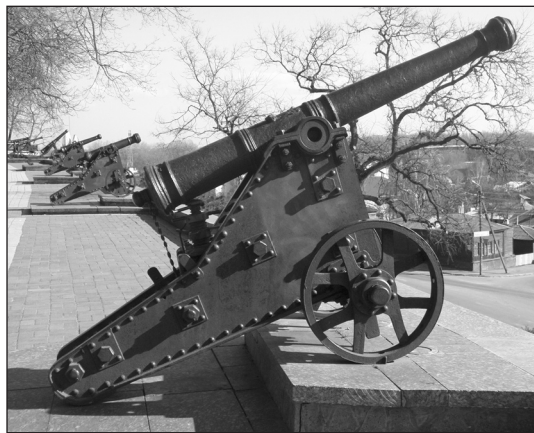

Рис.2. Пушки на Валу Чернигова

Орудия были установлены на стальные лафеты, которые монтировались на каменных платформах, чтобы их колеса и хоботы не увязали в земле. Лафеты были выкрашены в зеленый цвет, как это полагалось крепостным орудиям с XVIII в. до 1870-х гг.²⁶ Упомянутые лафеты

были отпущены с артиллерийского склада Киевского военного округа в несколько приемов. Выдача негодных для боевых целей лафетов производилась по решениям военного совета, который рассматривал ходатайства черниговского губернатора на имя командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта М.И. Драгомирова. После этого принятые военным советом положения утверждались императором²⁷. Всего из Киева было передано 12 лафетов: 6 – системы Венгловского, образца 1851 г., предназначенных для 18-фунтовых крепостных орудий, которые были изготовлены в 1856 г. на заводе Мальцова, о чем свидетельствуют надписи, выбитые на изделиях.

Известно, что в 1820 г. секунд-майором Мальцовым были приобретены у П. Демидова Людиновский и Сукремльский чугунолитейные заводы. Уже к 1840-м гг. принадлежавшие И.А. Мальцову владения, располагавшиеся в уездах трех губерний: Орловской, Смоленской и Калужской, составили так называемый Мальцовский промышленный район. После реконструкции Людиновского чугунолитейного завода в 1844–1852 гг. здесь занимались производством артиллерийских лафетов²⁸.

Остальные орудийные станки, переданные в Чернигов, представляли собой лафеты конструкции Несветевича образца 1865 г., изготовленные в 1870 г. и переделанные под 4-фунтовые крепостные орудия в 1892 г.

До сего дня нет единства среди исследователей по атрибуции стволов черниговских чугунных пушек. Впервые к этой теме обратились сотрудники Черниговского исторического музея в 70-х гг. прошлого столетия. Дирекцией этого учреждения были отправлены письма в ВИМАИВиВС с просьбой провести определение орудий по присланным фотографиям. В ответных письмах, полученных в 1974 и 1975 гг., за подписью начальников Музея артиллерии А. Сотникова и В. Бульбы, были представлены определения 10 из 12 черниговских орудий. Эти данные затем легли в основу статьи о пушках Черниговской крепости энциклопедического справочника «Черниговщина»²⁹. Недавно вышедшая статья черниговских историков М. Блакитного и С. Половниковой указывает другие данные об этих орудиях³⁰. (См. табл. 1.)

Таким образом, изучение музейных и архивных материалов, касающихся старинных орудий в различных регионах бывшей Российской империи, может поспособствовать не только развитию краеведения, а и более ясному представлению об эволюции артиллерийского вооружения в целом.

Таблица 1. Данные о пушках из парка на «Валу» в Чернигове

№	Характеристика орудия	Определение по справочнику «Черниговщина»	Определение М. Блакитного и С. Половниковой	Мнение автора
1	Калибр 61 мм, длина ствола – 2,14 м, отбиты дельфины и цапфы, лафет Несветевича № 593	2-фунтовая крепостная пушка второй половины XVIII в.	2-фунтовая крепостная пушка второй половины XVII – начала XVIII вв.	Калибр, скорее, в 1 ½ фунта, подобные орудия были в Черниговской крепости
2	Калибр 80 мм, длина ствола – 1,45 м, лафет Несветевича без №	3-фунтовая крепостная пушка XVIII в.	3-фунтовая крепостная пушка XVIII в.	Калибр в зависимости от шкалы измерений может быть отнесен от 4 до 3-х фунтов
3	Калибр 79 мм, длина ствола – 2,02 м, лафет Несветевича № 611	3 ½ -фунтовая морская пушка начала XIX в.	Морская пушка начала XIX в.	Надпись на стволе «ф», а ниже «Г» с титлом, видимо, означают калибр в «3 фунта», однако надпись могла быть нанесена позже
4	Калибр 74 мм, длина ствола – 2,47 м, отбиты дельфины, лафет Несветевича № 484	3-фунтовая пушка второй половины XVII в.	3-фунтовая крепостная пушка второй половины XVII–начала XVIII вв.	3-фунтовая пушка
5	Калибр 133 мм, длина ствола – 1,65 м, лафет Несветевича без №	18-фунтовая гаубица середины XVII в.	18-фунтовая гаубица середины XVII – начала XVIII вв.	18-фунтовая гаубица
6	Калибр 76 мм, длина ствола – 2,08 м, лафет Несветевича № 600	3 ½ -фунтовая крепостная пушка второй половины XVII в.	3 ½ -фунтовая крепостная пушка конца XVII – начала XVIII вв.	3-фунтовая пушка
7	Калибр 66 мм, длина ствола – 2,25 м, отбиты дельфины, виноград и цапфы, лафет Венгловского № 1733	2-фунтовая крепостная пушка второй половины XVIII в.	3-фунтовая крепостная пушка начала XVIII в.	2-фунтовая пушка
8	Калибр 77 мм, длина ствола – 2,22 м, лафет Венгловского № 1837	3-фунтовая крепостная пушка начала XVIII в.	3-фунтовая крепостная пушка конца XVII – начала XVIII в.	3-фунтовая пушка
9	Калибр 154 мм, длина ствола – 3,07 м, «№ 37» лафет Венгловского № 1829	12-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	24-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	24-фунтовая крепостная пушка (согласно шкале Брюса) середины XVIII в.?
10	Калибр 136 мм, длина ствола – 2,84 м, «№ 46» лафет Венгловского № 1755	12-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	24-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	18-фунтовая крепостная пушка (согласно шкале Брюса) середины XVIII в.?
11	Калибр 138 мм, длина ствола – 2,84 м, «№ 49» лафет Венгловского № 1808	12-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	24-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	18-фунтовая крепостная пушка (согласно шкале Брюса) середины XVIII в.?
12	Калибр 138 мм, длина ствола – 2,84 м, «№ 52» лафет Венгловского № 1792	12-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	24-фунтовая крепостная пушка первой четверти XVIII в.	18-и фунтовая крепостная пушка (согласно шкале Брюса) середины XVIII в.?

- ¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 58, 80.
- ² Киевская старина. 1899. № 1. С. 10–11.
- ³ Швидько Г.К. З історії міського самоврядування Чернігова у другій половині XVII ст. // Чернігівська старовина. 1992. С. 82–87.
- ⁴ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. С. 295.
- ⁵ Мальченко О. Художнє оформлення гармат часів Івана Мазепи // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. Зб. наук. праць / Відп. ред. В.А. Смолій, відп. секр. О.О. Ковалевська. Київ, 2008. С. 342, 348–352.
- ⁶ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии. (1701–1720 г.) СПб., 1876. С. 157.
- ⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Кн. 3. Т. XI–XV СПб., 1851–1879. Стб. 30.
- ⁸ Пирог П.В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. № 2. С. 165.
- ⁹ Мальченко О. Указ. соч. С. 348.
- ¹⁰ Там же. С. 352.
- ¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 101. Л. 1 об.
- ¹² Дубовский В. Пожежа 1750 року в старому Чернігові (Підготовка до друку та передмова О.Коваленка і Т.Ворониної) // Сіверянський літопис. 1997. № 6. С. 165.
- ¹³ Маркевич М. Историческое и статистическое описание Чернигова // Черниговские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1852. № 10. С. 95.
- ¹⁴ Шафонский А. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 2166. Л. 2, 6.
- ¹⁶ Блакитний М.М., Половнікова С.О. Чавунні гармати на території колишньої чернігівської фортеці // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип. 6. Київ-Глухів, 2013. С. 303.
- ¹⁷ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II: Опыт исследования инженерного дела в России в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 202.
- ¹⁸ Ласковский Ф. Указ. соч. Ч. III: Опыт исследования инженерного дела в России после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 9–13.
- ¹⁹ Там же. С. 230–231.
- ²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 101. Л. 17, 19, 19 об., 20, 22, 22 об., 25 об., 28, 35, 35 об., 37 об.
- ²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Креп. Д. 101. Л. 1.
- ²² Нилус А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://museum.ru/1812/Army/Nilus/Intro.html>
- ²³ Там же. С. 825–827.
- ²⁴ Ситкарева О.В. Киевская крепость XVIII–XIX вв. Киев, 1997. С. 67–71.

²⁵ Памятник в г. Городне Черниговской губернии // Черниговские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1894. 18 сент. № 222.

²⁶ Пушки на Черниговском валу // Там же. Часть неофициальная. 1896. 18 февр. № 713; Местные известия // Там же. Часть неофициальная. 1899. 6 июня. № 1845.

²⁷ Артиллерийские орудия на Черниговском городском валу / Там же. Часть неофициальная. 1896. 15 янв. № 681; Местные известия // Там же. Часть неофициальная. 1899. 6 марта. № 1759.

²⁸ История поселения Людиново. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://iludinovo.com/info/history>

²⁹ Чернігівщина. Енциклопедичний довідник / За ред. А.В. Кудрицького. Київ, 1990. С. 890.

³⁰ Блакитний М.М., Половнікова С.О. Указ. соч. С. 304–305.

К.Г. Игошин (Москва)

РАЗВИТИЕ БОЕПРИПАСОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

МАСШТАБНЫЕ преобразования в российской артиллерии, имевшие место в начале XIX в., затронули все сферы ее деятельности. Одним из главных направлений приложения усилий российского артиллерийского руководства во главе с графом А.А. Аракчеевым были унификация и усовершенствование вооружения, в том числе боеприпасов. Нельзя сказать, чтобы эта деятельность совсем не нашла своего освещения в отечественной исторической литературе, однако изученной в полной мере назвать ее было бы неверно.

Технические параметры российского артиллерийского вооружения периода наполеоновских войн известны нам, главным образом, по двум учебникам артиллерийского дела, написанным выдающимися отечественными учеными-артиллеристами, членами Артиллерийского комитета, которые и осуществляли разработку и внедрение новаций в указанный период. Первый из этих учебников, под названием «Основания артиллерийской и понтонной науки», был составлен И.Г. Гогелем, И.И. Фицтумом, К.К. Гебгардом и опубликован в 1816 г.¹, второй – «Руководство к артиллерийскому искусству», написанный А.И. Маркевичем, увидел свет в 1820–1824 гг.², хотя работа над ним началась значительно раньше³.

Эти книги являются чрезвычайно насыщенными и достоверными источниками по данному вопросу, так как содержат сведения из первых рук о конструкции артиллерийских орудий, механизмов и боеприпасов, состоявших на вооружении российской артиллерии с начала второго десятилетия XIX в. При этом особой ценностью обладает двухтомник А.И. Маркевича, в котором автор не только показал

положение дел в российской артиллерии на момент написания, но и пересказал на основании собственного опыта процесс разработки и внедрения многих изобретений.

Из посвященных этой теме исследовательских работ следует выделить две наиболее удачные. Первая – это опубликованное в 1852–1853 гг. «Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год»⁴. К сожалению, в этом исследовании, написанном на основании материалов делопроизводства высших органов управления артиллерией, отсутствует научно-справочный аппарат в современном понимании. Второй работой является подготовленное в 60-х гг. XX в. учебное пособие «История отечественной артиллерии», часть одного из томов которого отведена интересующему нас вопросу⁵.

Вышеперечисленные книги дают нам сведения о том, каким было вооружение российской полевой артиллерии в самом конце наполеоновских войн и в послевоенный период. Однако узнать из них, каким оно было перед началом военного противостояния с Наполеоном, как и почему менялось (за исключением ряда отрывочных данных об отдельных изменениях), нельзя. Между тем в нашем распоряжении имеются незаслуженно обойденные вниманием источники, которые позволяют реконструировать процесс развития боеприпасов российской полевой артиллерии в указанный период.

24 июня 1801 г. только что вступивший на престол император Александр I образовал Военскую комиссию для рассмотрения положения войск и устройства оных⁶. Эта комиссия изучала, в том числе, и вопросы возможного преобразования артиллерии. Итогом ее деятельности стали предварительно одобренные императором 19 марта 1803 г.⁷ и окончательно утвержденные 17 декабря новые штаты российской полевой артиллерии⁸. По новому положению предполагалось, в частности, увеличить количество используемых калибров артиллерийских орудий. К «Штатам» прилагались «Табели», т. е. списки вещам, полагавшимся для снабжения артиллерийских частей за казенный счет. Среди таких таблиц был и содержащий сведения о том, сколько в артиллерийских ротах полагается орудий и боеприпасов. На вооружении рот российской пешей и конной артиллерии теперь должны были находиться орудия следующих семи калибров:

Полевые орудия, состоящие на вооружении батарейных рот	Полковые орудия, состоящие на вооружении легких рот	Орудия конной артиллерии
½-пуд. единокор	¼-пуд. единокор для пешей артиллерии	¼-пуд. единокор для конной артиллерии
12-фн. пушка средней пропорции	6-фн. пушка	
12-фн. пушка малой пропорции		
3-фн. единокор		

При этом ¼-пудовые единокоры различались только длиной ствола, так что боеприпасы использовались одинаковые, а стволы 12-фунтовых пушек разных пропорций имели разную толщину стенок, так что при одинаковом диаметре снаряда должны были использовать разные размеры заряда.

Каждое орудие должно было иметь комплект из 120 боеприпасов следующих разновидностей:

	Ядра	Бомбы	Гранаты	Картечь	Брандкугели
½-пуд. единокор	—	80	—	30	10
¼-пуд. единокор	—	—	80	30	10
3-фн. единокор	10	—	80	30	—
12-фн. пушка	80	—	—	30	10
6-фн. пушка	90	—	—	30	—

Эти данные отличаются от положения, приведенного в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки»⁹:

	Ядра	Гранаты	Картечь		Брандкугели	Светящие ядра
			ближняя	дальняя		
½-пуд. единокор	—	80	10	20	10	1
¼-пуд. единокор	—	80	10	20	10	1
3-фн. единокор	10	80	30		—	—
12-фн. пушка	80	—	10	20	10	—
6-фн. пушка	90	—	10	20	—	—

Как видно из таблицы, за период 1804–1816 гг. произошли изменения в конструкции бомб / гранат и картечи, а также добавился еще один вид боеприпасов – светящие ядра.

В 1804 г. вышеупомянутые «Штаты» и «Табели» были дополнены «Ведомостями о комплектных зарядах» на каждую роту¹⁰. По неизвестным причинам эти «Ведомости» не были опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи» и, возможно, поэтому не попали в поле зрения последующих исследователей. Содержащееся в них подробное описание боеприпасов полевой артиллерии имеет заметные различия с данными, приведенными в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки». В 1807 г. по приказу Аракчеева «Ведомости о делании комплектных зарядов» были переизданы отдельной книгой тиражом в 100 экземпляров¹¹. Но и это издание исследователи обошли стороной.

Согласно «Ведомостям», все орудия полевой артиллерии использовали боеприпасы унитарного заряжания. Такой боеприпас включал в себя пороховой заряд и снаряд, помещенные в продолговатый мешок из шерстяного армяка – картуз.

Порох. Для стрельбы из пушек употреблялся заряд пушечного пороха, а для единорогов – мушкетного. Разделение пороха на сорта практиковалось в России еще в начале XVIII в. Сорта образовывались путем механической сепарации пороховых зерен посредством сит. Самый крупнозернистый порох назывался пушечным и употреблялся для стрельбы из пушек. Мушкетный имел зерна меньшего размера и употреблялся для всех каморных орудий, а также для начинения разрывных снарядов. Самые мелкие зерна имел винтовочный порох. Начиная с 1797 г. он употреблялся для ручного огнестрельного оружия¹². Величина порохового заряда устанавливалась для каждого калибра орудия и каждого боеприпаса особо:

	Ядра (фн.)	Бомбы (фн.)	Гранаты (фн.)	Картечь (фн.)	Брандкугели (фн.)
½-пуд. единорог	—	4	—	3	2
¼-пуд. единорог	—	—	2	1,5	2
3-фн. единорог	0,75	—	0,75	0,75	—
12-фн. пушка средней про- порции	4	—	—	3	2
12-фн. пушка малой пропор- ции	2,5	—	—	2	
6-фн. пушка	2	—	—	1,5	—

Для сравнения приведем данные из «Оснований артиллерийской и понтонной науки»¹³:

	Ядра (фн.)	Гранаты (фн.)	Картечь обоих видов (фн.)	Бранд- кугли (фн.)	Светящие ядра
½-пуд. единокор	—	4	4	2	раздельного заряжания
¼-пуд. единокор	—	2	2	2	раздельного заряжания
3-фн. единокор	0,75	0,75	1	—	—
12-фн. пушка средней пропорции	4	—	4	2	—
12-фн. пушка малой пропорции	2,5	—	2,5		—
6-фн. пушка	2	—	2	—	—

24 марта 1804 г. было принято новое положение о порохе, по которому несколько менялся его состав. Прежнее положение действовало с 1797 г. и было разработано инспектором всей артиллерии генералом П.И. Мелиссино. Он усовершенствовал процесс очистки селитры, что позволило сократить ее количество в составе пороха, увеличив количество угля. Однако опыт использования такого пороха выявил ряд недостатков, среди которых главным была повышенная гигроскопичность. По распоряжению графа Аракчеева, на основании опытов командира Охтенского порохового завода полковника Ф.Н. Де-Понтлеруа (Депонтлеруа, Понтлеруа, де Понт-ле-Руа) был разработан новый состав, который использовался без изменений всю первую половину XIX в.¹⁴

	Положение 1797 г. ¹⁵	Положение 1804 г. ¹⁶
Селитра	67 %	75 %
Уголь	19,5 %	15 %
Сера	13,5 %	10 %

Ядра. Основным снарядом для стрельбы из пушек являлось ядро — цельнолитой чугунный шар. Ядра предназначались для поражения

живой силы, разрушения укреплений, строений, военных машин и повозок при стрельбе по настильной траектории за счет удара. Изготавливались они методом литья в песчано-глиняные формы по деревянной модели. Позднее (не ранее 1810-х) на ряде производств был внедрен способ литья в чугунную форму, описанный в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки»¹⁷.

Непонятно, на основании чего автор раздела о боеприпасах «Истории отечественной артиллерии» гвардии-майор Б.В. Кондратьев утверждает, что в первой четверти XIX в. «при изготовлении снарядов... поверхность их стала лучше обрабатываться и шлифоваться»¹⁸. В действительности наружная обработка поверхности ядер после литья сводилась только к ручной зачистке литников и швов. Обковывание и шлифование ядер, известное в ряде европейских стран еще в середине XVIII в., в России не применялись по техническим и экономическим причинам: «...по Высочайше утвержденному в 1797 году образцу (ядра. – *К. И.*) обковывались; но в последствии эта мера оставлена, как излишне обременительная для заводчиков и, с улучшением литья, вовсе бесполезная»¹⁹. Когда точно отказались от оковки ядер, пока не удалось выяснить. Однако мы располагаем свидетельствами, что уже в январе 1805 г. это не практиковалось²⁰.

В период наполеоновских войн каких-либо изменений в конструкции ядер для орудий полевой артиллерии не было, хотя проекты различной степени серьезности периодически поступали на рассмотрение. Так, в феврале 1809 г. штабс-капитан 13-й артиллерийской бригады Эрихс 2-й предложил делать в ядрах крестообразные сквозные отверстия, которые, по его мнению, должны были повышать поражающую способность снаряда за счет создания воздушных потоков опасной силы²¹. В июне 1811 г., окрыленный успехом своих чугунных ружейных пуль овальной формы²², которые были приняты на вооружение²³, известный петербургский фабрикант англичанин К. Грейсон (Charles Grayson) предложил и ядра той же формы²⁴. Похожий проект цилиндро-сферических пуль и ядер в марте того же года представил студент Румский²⁵.

Бомбы и гранаты. Основным снарядом для стрельбы из единорогов являлись разрывные снаряды – бомбы и гранаты, которые были принципиально одним и тем же боеприпасом, различавшимся только размерами. Они представляли собой полые чугунные шары с отверстием (очком). Снаряды для каморных орудий (единорогов и мортир) калибром до 12-фунтов (¼-пуда) включительно назывались гранатами

и не имели ушек, а все более тяжелые имели ушки, служившие для удобства их переноски и укладывания в ствол при раздельном заряджании, и именовались бомбами. Эти снаряды предназначались для поражения живой силы, разрушения укреплений, строений, военных машин и повозок при стрельбе по навесной траектории за счет сочетания силы удара, взрыва и действия осколков.

Изготавливались они методом литья в сложную песчано-глиняную форму. Бомбы и гранаты по конструкции, установившейся, по крайней мере, с начала XVIII в., изготавливались эксцентрическими, т. е. центр внутренней шаровой пустоты был смещен вверх, относительно центра наружного диаметра снаряда. Это делалось для того, чтобы в полете снаряд разворачивался утяжеленным дном вперед и падал на землю не трубкой, которая, зарывшись в нее, могла бы погаснуть.

Внутри бомбы / гранаты помещался разрывной заряд мушкетного пороха, установленный для каждого калибра особо. Воспламенение разрывного заряда осуществлялось при помощи бомбовых или гранатных трубок, которые делались из березового дерева и заполнялись горючим составом на основе пороховой мякоти с огнепроводной нитью (стопином). Конструкция и состав трубок, описанные в «Ведомостях о делании комплектных зарядов» 1804 г. не менялись на протяжении всего периода наполеоновских войн и подробно описаны в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки»²⁶. Точная дата введения их в употребление в историографии отсутствует. Конструкция таких трубок, описанная в составленном в 1789 г. по поручению генерала П.И. Мелиссино А.А. Аракчеевым учебном пособии «Краткие артиллерийские записки», хоть и очень похожа, но имеет отличия²⁷.

30 мая 1803 г. командир Санкт-Петербургского арсенала полковник П.И. Тимлер обратился в Артиллерийскую экспедицию с предложением изменить конструкцию ушек у находящихся в употреблении бомб, так как они оказались слишком хрупкими и подверженными коррозии²⁸. 24 марта 1804 г. две отлитые по чертежам Тимлера экспериментальные бомбы были направлены для изучения и экспертной оценки в созданный всего за месяц до этого Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии. Повидимому вдохновленный увиденным, 30 мая того же года еще один проект бомбы в виде чертежа и деревянной модели представил член упомянутого комитета майор барон В.К. Плотно²⁹.

В результате исследования бомб Тимлера Комитет нашел устройство ушек удачным, но стенки слишком толстыми, и предложил «их

сделать по точной французской пропорции, яко считающейся за лучшую во всей Европе»³⁰. Свою новую бомбу Комитет так и именовал – «французской». Проект барона Плотто отличался от предложенного Комитетом формой ушек («ушки у ней устроены не выдающимися из поверхности, а образованы посредством пустот, проходящих дугами сквозь тело стен ея»³¹), и внутри имелись желобки для того, чтобы по ним происходило формирование осколков при разрыве бомбы. Бомбы обоих проектов (Комитета и барона Плотто) отличались от находившихся на вооружении тем, что внутренняя пустота имела тот же центр, что и наружная окружность, стенки были равны везде, кроме нижней части, где делалось утолщение в виде сегмента. Изобретатели посчитали, что такая конструкция даст более стабильный полет, нежели эксцентрическая: «Центр тяжести французской бомбы будет лежать на диаметре гораздо ближе ко дну нежели в наших бомбах от чего из законов механики и известно что таковая бомба в полете менее подвержена совращению с пути и будет упадать дном а не трубкою или боком как у нас»³².

В июле 1805 г. на Волковом поле в специально построенном погребе были произведены сравнительные испытания трех видов бомб («французской», проекта барона Плотто и находящейся на вооружении), подробно описанные Маркевичем в его учебнике³³. Обсуждение этих испытаний затянулось до лета 1806 г. и породило раскол среди членов Временного комитета. Большая его часть – генерал-майор И.Ф. Касперский, подполковник А.И. Маркевич, барон В.К. Плотто, титулярный советник Н.М. Астафьев – согласилась с мнением, что «французские» бомбы были бы «превосходнейшими». При этом у пудовых и полупудовых бомб предлагалось не делать ушков, «как по легкости сих бомб, так и по тому что к ним для привяски зарядов присмаливаются шпигели»³⁴ и они вяжутся в картузы, посылаясь в дуло как и картузы с ядрами; при том, поелику ими стреляют не из мортир но из орудий имеющих длинные каналы каковы единокорные, то пролетая оные бомба с ушками может иногда поворотясь портить ими канал орудия»³⁵. Однако военный советник А.А. Заворотков выступил с «Мнением», в котором не согласился с выводами коллег и обвинил их в том, что «стремление к новой бомбовой конструкции» происходит «от неограниченнаго человеческого любопытства, и других нравственных влияний»³⁶. Так как Комитет так и не выразил консолидированного заключения, решение этого вопроса затянулось еще на год. Как показало время, замечания Завороткова оказались отчасти верными,

по крайней мере расчет на лучшую стабильность полета не оправдался³⁷, но большинству Комитета удалось настоять на своем.

Одновременно с этим Временный комитет занимался изучением предложенного в 1803 г. директором Олонецкого и Луганского заводов действительным статским советником К.К. Гаскойном (С. Gascoigne) проекта изменения пропорций чугунных орудий гарнизонной артиллерии. Именно этот проект и стал причиной создания в феврале 1804 г. Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии как собрания ведущих российских специалистов артиллерийского дела. Среди высказанных Гаскойном предложений было утверждение, что сокращение зазора способствовало бы увеличению силы и точности выстрелов. Работы над проектом Гаскойна велись неспешно. Наконец, к концу 1807 г. Комитетом было составлено негативное заключение³⁸. При этом на предложение Гаскойна об уменьшении зазора специалисты Комитета высказали следующее суждение: «Комитет... находит полезным... уменьшение зазора..., но не чрез переливание орудий, для уменьшения диаметра канала оных по диаметру ядер, а гораздо удобнейшим способом, оставя ныне заготовленные ядра в настоящей их величине, увеличить против уменьшеннаго зазора диаметры тех, кои впредь выливаемы будут»³⁹.

Вопрос калибров и зазора рассматривался специалистами Временного комитета также в связи с предписанной еще в 1804 г. работой по созданию для литейных производств комплектов образцовых моделей снарядов, чертежей и артиллерийских шкал⁴⁰. В марте 1805 г. Комитет вышел с предложением сократить зазор у 12-фунтовых пушек, $\frac{1}{2}$ - и $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов до 1 линии, а у осадных орудий до 1,5 линий. «Сия пропорция, взятая нами с примера Французской Артиллерии, ... может отвратить все те невыгодные следствия какия описаны нами производящими от несообразно большаго Зазора»⁴¹. И в этом случае А.А. Заворотков не присоединился к общему мнению, а высказал ряд контраргументов, считая, что предложенный зазор слишком мал⁴². Принятие решения по этому вопросу затягивалось еще и тем, что флотское ведомство тормозило работу по уравнию калибров снарядов сухопутной и морской артиллерии.

В ноябре 1807 г. граф Аракчеев утвердил предложение Временного комитета о переименовании $\frac{1}{2}$ -пудовых бомб в гранаты, «потому что название сие для снаряда сего приличнее как собственно по величине и фигуре его без ушков, так и потому что чрез то одинако-

вой снаряд в полевой Артиллерии получит одинаковое название с $\frac{1}{4}$ пудовою и 3 фу. гранатою, кои сие приличное им название издавна уже имеют»⁴³. В начале 1808 г. об этом решении был разослан циркуляр на производства и в гарнизоны⁴⁴. К этому времени Аракчеев уже получил от Временного комитета окончательное заключение о конструкции бомб, но не торопился выходить с этим проектом на Высочайшее утверждение, дожидаясь завершения работ по определению величины зазора, т. е. калибра снарядов сухопутной и морской артиллерии.

Только в январе 1808 г. Артиллерийский комитет получил от Государственной Адмиралтейств-коллегии правильные чертежи всем флотским орудиям и их снарядам. По изучении этих чертежей, которое Временный комитет спешно провел в течение того же месяца, было подготовлено заключение, согласно которому, несмотря на имеющиеся расхождения в диаметре снарядов между сухопутной и морской артиллериями, «все ядра как флотския к пушкам сухопутной артиллерии, так и сухопутныя к пушкам и каронадам флотской артиллерии будут годны»⁴⁵.

Получив такое известие и соединив все проекты по усовершенствованию боеприпасов в два доклада, граф Аракчеев отправил их на Высочайшее утверждение. 25 июля 1808 г. Александр I согласился с предложениями инспектора всей артиллерии. Для бомб и гранат была принята «французская» конструкция⁴⁶. По вопросу калибра орудий полевой артиллерии было принято основанное на мнении Завороткова решение оставить диаметр 6- и 12-фунтовых ядер и 3-фунтовых гранат без изменений, а диаметр $\frac{1}{4}$ - и $\frac{1}{2}$ -пудовых гранат увеличить так, чтобы зазор с каналом ствола составил не более 1,75 линии⁴⁷. Кроме того решено было изменить конструкцию шпигелей для ядер и гранат, уменьшив глубину вытачиваемой для снаряда выемки. Гранаты новой конструкции и калибра должны были начать производиться с 1809 г., а для имевшихся в запасе гранат прежней конструкции рекомендовано было делать шпигели нового диаметра.

Более до конца наполеоновских войн изменений в конструкции гранат полевой артиллерии не было, хотя Артиллерийский комитет по распоряжению графа Аракчеева продолжал исследовательские работы над размерами вышибного и разрывного зарядов, исследовал эффективность боеприпасов. Продолжали присылать свои проекты сторонние изобретатели. Например, в начале 1812 г. от некоего господина Роббы поступило предложение закрывать очко гранаты

специальным колпаком, дабы скрыть при полете огонь трубки, но эта идея была отклонена⁴⁸.

Очень интересный проект был представлен в декабре 1811 г. действительным статским советником П.Г. Дивовым. Он предложил $\frac{1}{2}$ -пудовую составную гранату, в которую вставлялась небольшая картечная жестянка. Такого рода боеприпас впоследствии получил наименование шрапнели. К сожалению, многообещающий проект не был реализован⁴⁹.

Картечь. Еще одним боеприпасом для пушек и единорогов полевой артиллерии была картечь. Она использовалась для массового поражения живой силы противника на малых дистанциях и представляла собой жестяной стакан (жестянку) с деревянным поддоном (который играл одновременно роль шпигеля), наполненный пересыпанными деревянными опилками чугунными пулями весом от 3 до 6 лот.

Особое внимание следует обратить на то, что «Краткое обозрение состояния артиллерии» стало источником заблуждения, господствующего в настоящее время в историографии, что в российской полевой артиллерии в начале наполеоновских войн якобы применялась картечь со свинцовыми пулями⁵⁰. В действительности переход к картечи с чугунными пулями состоялся раньше. Сведения о дате и обстоятельствах этого события в настоящее время в историографии отсутствуют. Временные рамки можно сузить до периода между 1789 г., когда были изданы уже упоминавшиеся «Краткие артиллерийские записки», описывающие использование и чугунных и свинцовых картечных пуль, и 1804 г. – датой первого издания «Ведомостей о делании комплектных зарядов», где свинцовые пули уже не упоминаются.

Опыт кампании 1805 г. показал необходимость увеличения эффективности картечных выстрелов⁵¹, поэтому Временный артиллерийский комитет по распоряжению Аракчеева начал интенсивно изучать зарубежный опыт и испытывать разработки российских изобретателей. Среди присылаемых предложений, некоторые из которых были опубликованы в 1811 г. в «Артиллерийском журнале»⁵², были в частности проекты насыпных и вязаных картечей отставного генерал-лейтенанта А.О. Базина, с именем которого связаны усовершенствования боеприпасов в конце царствования Екатерины II и в царствование Павла I; и интересный проект насыпной картечи некоего «прусского предступника» бывшего профессора Ю. Ашенбреннера⁵³, который, находясь в ссылке в Омске, с 1805 г. слал различные предложения на имя Аракчеева⁵⁴.

В апреле 1806 г. на имя графа Аракчеева поступила записка от бывшего капитана французской королевской артиллерии, а ныне полковника российской артиллерии А.А. Бельгарда, в которой он предложил к рассмотрению проект картечей нового образца⁵⁵. Это было описание картечи, введенной в употребление во Франции в ходе реформ Ж.Б. де Грибоваля (J.B. de Gribeauval). Отличиями этого проекта от употреблявшейся в России картечи были железные поддоны, организованное расположение пуль в жестянке и введение пуль значительно большего размера. Эти изменения позволяли значительно лучше передавать картечным пулям импульс выталкивающего заряда и существенно увеличить эффективность этого снаряда. Новая картечь разделялась на два вида для каждого орудия – дальнюю и ближнюю, различавшиеся между собой величиной пуль.

Уже к сентябрю 1806 г., основываясь на удачных опытах, специалисты Комитета из всех проектов выбрали этот. Оставалось экспериментальным путем подобрать материал (железо или чугун) и толщину поддона, наилучшее расположение и размер картечных пуль, величину вышибного заряда. К середине следующего года Аракчеев в целом уверился в удачности новоизобретенных картечей и начал работу по их внедрению. В конце октября 1807 г. он приказал отпечатать результаты испытаний новых картечей и заключение о них Комитета в виде книги тиражом 200 экземпляров⁵⁶, для того чтобы разослать ее артиллерийским офицерам и генералам и узнать их мнение. В ноябре того же года он обратился с рапортом к военному министру С.К. Вязмитинову, в котором просил разрешения вооружить новой картечью несколько артиллерийских бригад, предназначенных для предстоящей войны со Швецией, для испытания в боевых условиях⁵⁷.

К концу 1807 г. специалисты Артиллерийского комитета пришли к выводу, что употребляющиеся чугунные пули лотового размера затруднительно использовать при снаряжении новой картечи⁵⁸. До весны 1808 г. продолжались эксперименты с деревянными пулями разных размеров по нахождению наилучшего сочетания. Наконец, 25 июля того же года Александр I утвердил предложение Артиллерийского комитета отливать картечные пули «не по лотовой мере, как доньше было в употреблении, а по обыкновенной дюймовой»⁵⁹. Видимо, именно это решение и следует рассматривать как Высочайшее утверждение картечи новой конструкции⁶⁰.

Вооружение артиллерийских рот новым боеприпасом откладывалось из-за того, что роты и парки уже были укомплектованы картечью

старого положения⁶¹. В конце 1810 г. на страницах «Артиллерийского журнала» появляется статья члена Ученого комитета по артиллерийской части полковника И.И. Фитцтума «Замечание о картечах», в которой, в частности, новая картечь сравнивается с иностранной⁶². А с начала 1811 г. в том же журнале публикуется цикл статей о новой картечи, представляющий собой краткий рассказ об истории ее создания, включая повторную публикацию данных испытаний, а также подробные инструкции по изготовлению двух ее видов – под пули лотовой и дюймовой меры⁶³. Значительная часть этого текста впоследствии вошла в «Основания артиллерийской и понтонной науки». Такая информационная активность, видимо, связана с тем, что с 1811 г. в преддверии войны с Наполеоном, наконец, начинается массовое снабжение рот картечью нового положения.

Брандкугели. Орудия крупных калибров (120 мм и более) имели на вооружении также зажигательные снаряды – брандкугели, или брандскугели, – представлявшие собой полые внутри равностенные чугунные шары с несколькими отверстиями, заполнявшиеся горючим составом. Эти снаряды предназначались для зажигания построек и военных машин: пламя от горючего состава должно было вырываться из отверстий. Изготавливались они таким же образом, как бомбы и гранаты.

В полевой артиллерии использовалось всего два калибра таких снарядов: ½-пудовый, предназначавшийся для одноименных единорогов, и 12-фунтовый, предназначавшийся для 12-фунтовых пушек и 12-фунтовых (¼-пудовых) единорогов всех типов. ½-пудовый и 12-фунтовый брандкугели кроме размеров различались еще и количеством отверстий: три у первого и два у второго. Помещавшийся в эти снаряды зажигательный состав представлял собой смесь горючих материалов на основе крупнозернистого пороха, пороховой мякоти и смолы. Указанный в «Ведомостях о делании комплектных зарядов» состав горючей смеси полностью совпадает с приведенным в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки»⁶⁴.

По решению от 25 июля 1808 г.⁶⁵ калибр ½-пудовых брандкугелей увеличился вслед за одноименной гранатой. Но 12-фунтового брандкугеля это нововведение не коснулось. Из-за того что он предназначался одновременно и для 12-фунтовых пушек, и ¼-пудовых единорогов, его решено было оставить равным диаметру 12-фунтового ядра⁶⁶.

Начиная с лета 1808 г. Артиллерийский комитет, при содействии

Санкт-Петербургской лаборатории, изучал возможность улучшения состава горючей смеси. Инициатором этого процесса стал уже хорошо нам знакомый член Комитета военный советник А.А. Заворотков, который во время инспекции Несвижских подвижных запасных парков обнаружил, что употребляемый зажигательный состав плохо горит в брандкугелях малого размера с малым количеством дыр⁶⁷. Результатом этой работы стало увеличение количества отверстий в 12-фунтовых брандкугелях до трех⁶⁸ и принятие еще нескольких допустимых вариантов зажигательных составов⁶⁹. К сожалению, точной даты принятия этого решения не установлено.

Летом 1809 г. в Комитет поступил проект снаряда (без автора, на французском языке), совмещающего свойства брандкугеля и гранаты. Внутренняя часть этого снаряда разделялась внутри горизонтальной перегородкой таким образом, чтобы сверху располагался особый зажигательный состав, а внизу заряд пороха. В начале 1810 г. по результатам изучения этого проекта председатель Комитета генерал-майор И.Г. Гогель дал о нем отрицательное заключение⁷⁰.

Светящие ядра. Наконец, накануне Отечественной войны 1812 г. боекомплект $\frac{1}{2}$ - и $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов был пополнен одним светлым (светящим) ядром. Такой снаряд предназначался для освещения местности в ночное время. Его конструкция и состав описаны в «Основаниях артиллерийской и понтонной науки»⁷¹ и совпадают с данными, приведенными в «Ведомостях о делании комплектных зарядов» 1804 г. и в «Кратких артиллерийских записках» 1789 г. Вопросами, требующими дополнительного изучения, являются: когда и почему эти снаряды поступили на вооружение орудий полевой артиллерии. Вероятнее всего это произошло в конце 1811 г., так как еще в октябре в отчете Ученого комитета о возможности увеличить возимый в зарядных ящиках боекомплект светлые ядра не упоминаются⁷². Кроме того, неизвестно, в каком объеме успели снабдить ими артиллерийские роты к Отечественной войне 1812 г.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что в эпоху наполеоновских войн российское артиллерийское руководство ценой напряженных усилий смогло в целом преодолеть некоторое отставание от основного противника в вопросах артиллерийского вооружения, которое имело место в начале XIX в., и успело сделать это как раз к главному испытанию – Отечественной войне 1812 г. Для этого российским специалистам пришлось опираться на западноевропейский научный и технологический опыт, в первую очередь французский.

Однако заимствование было творческим, учитывающим реалии российского вооружения и производства. Следует также заметить, что вновь выявленные сведения об усовершенствовании боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн заставляют обратить более пристальное внимание на предшествующий период, в который также было принято немало принципиальных решений, усиливших российскую артиллерию, но пока малоизученных.

¹ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Основания артиллерийской и понтонной науки, изданный председателем Военного ученого комитета генерал майором Гогелем 1 и членами онаго полковником Фицтумом и подполковником Гебгардом 1. В 2-х т. СПб., 1816.

² Маркевич А.И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей и великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Т. I–II. СПб., 1820–1824.

³ См. подробнее: Игошин К.Г. Как ссорились Иван Григорьевич и Андрей Иванович (К вопросу о личных отношениях в коллективе Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии) // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2013. Т. 18. № 1. С. 247.

⁴ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год. СПб., 1853. Первая публикация состоялась на страницах Артиллерийского журнала в 4–6 номерах за 1852 и в 1–2 номерах за 1853 г.

⁵ История отечественной артиллерии / под ред. Б.А. Светлосанова. Т. 1. Кн. 3. М., 1962.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. (далее ПСЗ-1). Т. 26. № 19926.

⁷ Там же. Т. 27. № 20672.

⁸ Там же. № 21081.

⁹ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 186.

¹⁰ Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее АВИМАИВиВС). Ф. 57. Оп. 2. Д. 2. Л. 92–108, 135–140, 163–168.

¹¹ Ведомости сочиненные всходность Высочайше конфирмованного 1803 года, Декабря 17 дня, Штата, о делании комплектных зарядов к орудиям батарейных легких и конных Артиллерийских рот. С приобщением ведомости о деле ко оным орудиям бранскулелей, светлых ядер и картечь. СПб., 1807.

¹² Маркевич А.И. Указ. соч. Т. I. С. 208; ПСЗ-1. Т. 24. № 17985.

¹³ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 186.

¹⁴ Краткое обозрение состояния артиллерии. С. 165.

¹⁵ Акты о деле пороха // Артиллерийский журнал. 1808. № 1. С. 98. Соотношение округлено до 0,5 %.

¹⁶ Акты о деле пороха // Там же. № 2. С. 104.

¹⁷ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 131.

¹⁸ История отечественной артиллерии. С. 47.

¹⁹ Краткое обозрение состояния артиллерии. С. 115.

²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 640. Л. 61; Маркевич А.И. Указ. соч. Т. I. С. 760.

- ²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 22. Л. 2–2 об.
- ²² Гогель И.Г. Подробное наставление о изготовлении, употреблении и сбережении, огнестрельного и белого солдатского оружия с 6-ю чертежами. С Высочайшего соизволения изданное бывшим Инспектором Сестрорецкого Оружейного Завода Артиллерии Генерал-Лейтенантом Гогелем I. СПб., 1825. С. 539–549.
- ²³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24664.
- ²⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 43. Л. 1–2.
- ²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. Штаб Генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5695. Л. 485.
- ²⁶ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 163.
- ²⁷ Аракчеев А.А. Краткия артиллерийския записки, для наставления Унтер-Офицеров, в новоучрежденных Артиллерийских Баталионах, сочиненныя при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском Корпусе. СПб., 1789. С. 44–46. Авторство приводится согласно: Томсинов В.А. Аракчеев. М., 2010. С. 55.
- ²⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 709. Л. 526.
- ²⁹ Там же. Л. 527.
- ³⁰ Там же. Оп. 15. Д. 90. Л. 2.
- ³¹ Там же. Л. 6 об.
- ³² Там же. Оп. Инспекторская. Д. 709. Л. 528 об.
- ³³ Маркевич А.И. Указ. соч. Т. I. С. 749–751.
- ³⁴ Деревянная пробка, разделявшая в боеприпасе унитарного заряжания снаряд и заряд. Шпигель имел с одной стороны выемку, в которую вкладывался шарообразный снаряд, а в другой, обращенной к заряду, оканчивался плоским срезом.
- ³⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 15. Д. 90. Л. 7 об.
- ³⁶ Там же. Л. 12 об.
- ³⁷ Резвой О.П. Артиллерийския записки, составленные Инспектором классов Артиллерийского училища полковником Резвым, для преподавания Его императорскому высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Ч. I. СПб., 1844. С. 59–60.
- ³⁸ Артиллерийский журнал. 1810. № 1. С. 76–101.
- ³⁹ Там же. С. 93.
- ⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 28. № 21359, пункт XV.
- ⁴¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 640. Л. 55.
- ⁴² Там же. Л. 60–64.
- ⁴³ Там же. Д. 733. Л. 172.
- ⁴⁴ Там же. Оп. Штаб Генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5498. Л. 118–120 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 167 об.–168.
- ⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 30. № 23178.
- ⁴⁷ Там же. № 23179.
- ⁴⁸ Там же. Оп. Штаб Генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5733. Л. 545–545 об.
- ⁴⁹ Подробнее об этом см.: Игошин К.Г. Дивные гранаты Дивова: из истории создания русской шрапнели [Электронный ресурс]: История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 123–135. URL: http://www.milhist.info/2013/06/16/igoshin_3 (дата обращения: 16.06.2013).
- ⁵⁰ Краткое обозрение состояния артиллерии. С. 114–115.
- ⁵¹ Ратч Г.М. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1860 г. // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. С. 15.
- ⁵² О карточках // Там же. 1811. № 1. С. 70–79.
- ⁵³ Любопытное свидетельство о личности Ашенбреннера оставил известный русский писатель и публицист С.Т. Аксаков, которому довелось столкнуться с ним как раз в это время: «Это был человек лет тридцати пяти, красивой наружности, умный, ловкий

и бойкий, говоривший на всех европейских языках, владевший всеми искусствами и, сверх того, сочинитель в стихах и в прозе... Мнимый граф был самозванец, отъявленный плут и негодяй, весьма известный своими похождениями в Германии, по фамилии Ашенбреннер, бежавший от полицейских преследований в Россию, принявший русское подданство, проживавший у нас в разных западных губерниях несколько лет, попавшийся во многих мошенничествах и сосланный на жительство в Сибирь». (Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966. С. 154.) Тем не менее, этому образованному и ловкому господину удалось закрепиться в России, а его внук М.Ю. Ашенбреннер стал известным революционером, народовольцем и поконитя ныне на Новодевичьем кладбище в Москве.

⁵⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 3; Там же. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 709. Л. 365–379, 395; Там же. Д. 710. Л. 326–334, 340–349, 362–364; Там же. Д. 733. Л. 6–6 об., 69 об.–70, 104–104 об., 124 об., 133 об.–134, 222.

⁵⁵ Там же. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 709. Л. 314.

⁵⁶ Выписка и рапорта господину инспектору всей артиллерии генералу и кавалеру графу Аракчееву от учрежденного для рассмотрения гарнизонной артиллерии временнаго артиллерийскаго комитета касательно новых картечей. СПб., 1807.

⁵⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 733. Л. 186 об.–188.

⁵⁸ Выписка из рапорта ... касательно новых картечей. С. 19.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 30. № 23179.

⁶⁰ В «Кратком обозрении состояния артиллерии» утверждается, что «только в 1811 году, по представлению инспектора артиллерии, последовало Высочайшее утверждение на принятие этой картечи новаго положения» (С. 116). Однако найти этот документ пока не удалось.

⁶¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 733. Л. 187.

⁶² Фитцтум И.И. Замечание о картечах // Артиллерийский журнал. 1810. № 6. С. 36–79.

⁶³ Артиллерийский журнал. 1811. № 1–4.

⁶⁴ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 169.

⁶⁵ ПСЗ-1. Т. 30. № 23179.

⁶⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 733. Л. 102 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 13. Л. 1–2 об.

⁶⁸ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 125; Маркевич А.И. Указ. соч. Т. I. С. 753.

⁶⁹ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 170.

⁷⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Штаб Генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5519. Л. 1–20.

⁷¹ Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгард К.К. Указ. соч. Т. I. С. 176–178.

⁷² АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Штаб Генерал-фельдцейхмейстера. Д. 5695. Л. 156–156 об., 819–822.

Т.Н. Ильина (Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ ТРОФЕЙНОЙ КОМИССИИ В СОБРАНИИ ВИМАИВиВС

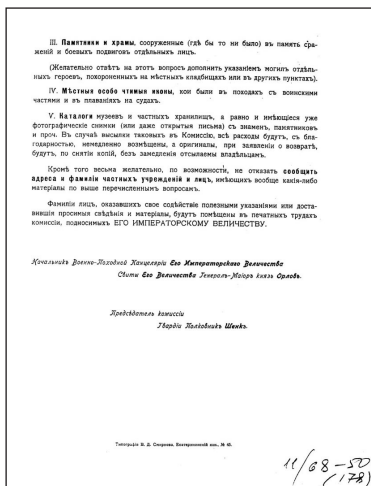
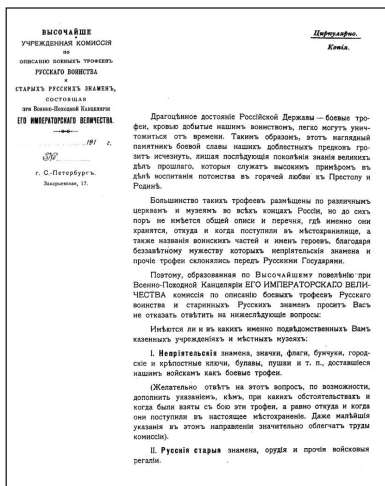
ВСЕ НАЧАЛОСЬ с поездки капитан-лейтенанта 1-го Балтийского флотского экипажа П.И. Белавенца в Стокгольм. Петр Иванович Белавенец (1873–1936) был выдающимся знатоком русской военной истории, величайшим специалистом в области геральдики и знаменоведения¹, с 17 мая 1910 г. он член Особого совещания при Министерстве юстиции для выяснения вопроса о национальных цветах российского государственного флага и императорского штандарта.

Изучая историю русского национального флага, П.И. Белавенец осмотрел не только российские знаменные коллекции. Вот что Петр Иванович писал о своей командировке в Стокгольм: «...мне было поручено осмотреть Русские знамена, находящиеся в Шведском плену и, главным образом, взятые под Нарвой. Эти Русские знамена со всеми трофеями находились в Рюдерхольмской кирке², где хоронились все Шведские короли, но теперь я нашел там редчайший экземпляр рисунков всех знамен, взятых шведами в разные войны у разных государств. Эта рукопись включает в себя множество изображений, уже не существующих, которых все сокрушающее время совершенно уничтожило. Работа является величайшим и единственным памятником доблести шведского воинства за минувшие года. Рукопись сделана в одном экземпляре, и потому не доступна никому...»³ Только благодаря личному разрешению самого короля Петр Иванович ознакомился с этой «величайшей святыней Шведского Государства, которую даже из шведов почти никто не знает, а тем более, к ней не допускают иностранцев». Уникальная рукопись была выполнена в начале XVIII в. шведским художником Олафом Гофманом. По итогам

поездки П.И. Белавенец высказал необходимость «создания у нас подобного рода работы. Но при этом сразу поставил вопрос шире, а именно: чтобы было сделано несколько комплектов рисунков, хранить их в разных пунктах и городах, дабы в случае пожара или народного бедствия, не могли пропасть все комплекты»⁴.

По докладной записке П.И. Белавенеца был составлен доклад начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества (1906–1915) генерал-майора (с 1909) князя Владимира Николаевича Орлова (1868–1927) о необходимости учреждения «Комиссии по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых русских знамен». 5 марта 1911 г. император доклад утвердил. Председателем комиссии был назначен гвардии полковник В.К. Шенк. В 1912 г. его сменил полковник С.И. Петин.

Согласно «Памятной записке о задачах и назначении Высочайше учрежденной Трофейной комиссии», ей надлежало «теперь же повсеместно объявить о присылке описаний боевых трофеев. Может быть, таким путем обнаружатся те воинские части и герои, благодаря беззаветному мужеству которых вражеские знамена склонялись перед Русскими Государями. Составление такого полного описания будет служить вечным памятником боевой славы наших предков, познание

Письмо Трофейной комиссии о выявлении боевых трофеев русской армии (с. 1–2). 1911 г. Санкт-Петербург. Типография В.Д. Смирнова (адрес типографии: Екатеринбургский канал, д. 45)

которых воспитывает последующие поколения в любви к Престолу и Родине»⁵. Памятная записка подчеркивала военно-исторический, патриотический характер предназначения комиссии – собрать сведения о трофеях, составить к ним описание с рисунками в красках, сохранить для потомства названия воинских частей и имена героев.

В короткий срок были разосланы по всей стране печатные обращения комиссии. Был получен 461 ответ с описаниями подвигов и трофеев от губернаторов, исправников, войсковых частей. Так, например, зарайский уездный предводитель дворянства в октябре 1912 г. сообщил, что в Зарайске имеется только один памятник боевой славы наших предков, это земляной курган в ограде Благовещенской церкви. На его вершине находится памятник-крест на каменном пьедестале. Монумент поставлен в 1880 г. усердием полковника А.А. Марина и членами попечительства. На памятнике выбиты стихи и эпитафии. Одна из надписей сообщает, что «тут покоятся 300 храбрецов Арзамасцев, защитников Зарайска, павших в битве с польским воеводой Лисовским в 1608 году во время междуцарствия»⁶.

Комиссия нашла в архивах около 10 000 почти неизвестных ранее документальных описаний подвигов героев в разных войнах.

Большой интерес вызывали знамена. Как священные реликвии они хранились в музеях, соборах и церквях. Духовное правление при

№ A 889 № _____ по порядку № _____ Листы № 7249, 7250, 7251, 7252 ФОРМУЛЯРЪ ЗНАЧЕВЪ Наиме геральдика Россия. В количестве 1211 экз. Наиме чина Пушкарский Артиллерійскій Место хранения Оружейная Палата. № 4203. 1) НАВЕРШЕ. Гладкое копье съ четырьмя позолоченными вырвами на руде. Восточная въ разрядъ дерева.		5) ПОЛОТНИЩЕ Описание из двух геральдических полей. Среднее поле. Узорчатое. Твердъ – наложено на ткань. Объе стороны из золотому краснаго зубчатого накладки на ткань.		Размеры: Ширина (высота) 110 см. Длина 100 см. Материалъ Полкъ. Рядъ. Цель.	
2) ДРЕВНО: Длинъ _____ при _____ Тонщина _____ весъ _____ Разрѣзъ Врунцлій Описание: Коричневая шелковая красъ. Материалъ: Сосна.		Изображение в надписи: На полотнищѣ съ обѣихъ сторонъ въ полемосномъ вѣнцѣ нарисованы два сложенныхъ крестообразно пунжа. Одна золотая; другая серебряная. Между пунжами четыре лапы, две для золотыхъ и две серебряныхъ. Внизу въ углахъ вышитыны надписи: Вдлинѣсь можно разоблачь: - и храброу мачо. Полемосно вышито.			
3) ОНУСА:		Способъ прикрепленія къ дереву: Прибита вверху 12-ю гвоздями.			
4) ПОДПИСЪ:		6) Знаки отличія и украшенія:			

Учетный документ Трофейной комиссии – формуляр Пушкарского значка (с. 1–2)

протопресвитере военного и морского духовенства выдало капитан-лейтенанту Белавенцу удостоверение на право «беспрепятственного осмотра церквей военного и морского ведомств и имеющихся при них хранилищ, а также снятия нужных фотографических копий»⁷.

О том, с какой активностью взялись за дело члены комиссии и как они скрупулезно работали, свидетельствует сохранившаяся инструкция художникам, привлеченным к работе по описанию знамен, значков и флагов.

«Инструкция художникам, работающим в Высочайше учрежденной Трофейной комиссии.

При работе акварелью – раскраске знамен, художники должны руководствоваться нижеследующими требованиями:

а). Раскраска знамен делается исключительно английскими красками Виндзор-Ньютон, которые художники могут приобретать в Трофейной комиссии по установленным минимальным ценам.

б). Акварели знамен должны предъявляться к оплате в чистом виде, причем никакие подчистки и заливие красок за контуры не допускаются.

в). Тона красок должны быть по возможности чистые и как можно ближе к натуре, причем пользоваться белилами не допускается...

...

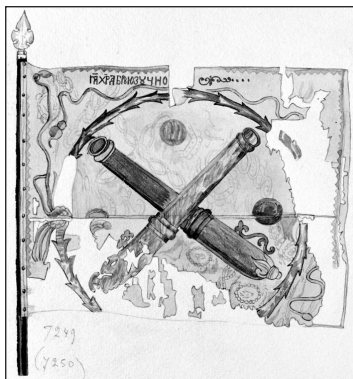
е). При изображении знамени без сложного рисунка, особое внимание должно быть обращено на передачу материи (сукна, пеньки и т. д.), причем следует помнить, что сукно дает в складке плавный переход от света к тени и рвется тупо, а шелк остро.

...

и). При изображении бахромы должны быть видны нитки ее, эскизное изображение не допускается.

к). При изображении навершия должен быть точно передан его рисунок и металл.

л). Каждое знамя должно быть написано акварелью на выданном комиссией ватмане, в 5 экземплярах, причем, по изготовлении оригинала представить таковой на просмотр лица, заведывающего

Пушкарский значок. Рисунок к формуляру. Художник Кирсанов

художественной работой в местохранилище знамен, и только после его утверждения и его подписи приступить к изготовлению 4-х копий с этого оригинала, которые (т. е. оригиналы и копии) как по рисунку, так и по тону, должны быть совершенно одинаковы.

При сдаче акварелей знамен на каждом экземпляре акварели:

а) должен быть нанесен установленный комиссией формат (обводка углов карандашом); б) под знаменем ровно закрашены прямоугольники главных цветов знамени; в) должен быть поставлен карандашом номер негатива, находящийся на выданном художнику фотографическом отпечатке и г) с обратной стороны акварели прописана легкой тушью в левом нижнем углу фамилия художника, работавшего его.

**Знамя Артиллерийского полка
1757–1762 гг. Рисунок. Художник
Поликарпов**

Расплата за работу художников производится в будни по понедельникам и четвергам от 10 до 12 часов утра по нижеследующей раскладке:

Категория 1-я. Знамена с мелким шитым рисунком, Турецкие со сплошными надписями, наиболее трудные. Комплект: оригинал -4 р. +4 копии х 2 рубля = 12 руб.

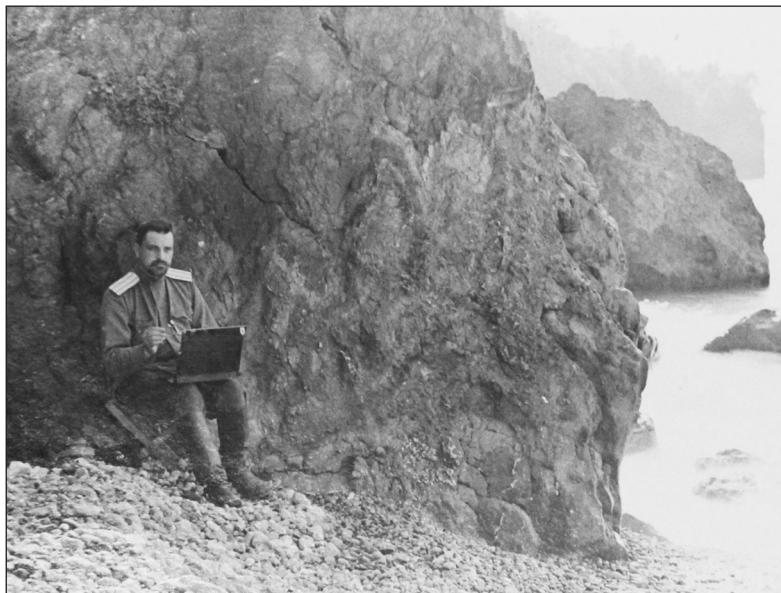
Категория 2-я. Знамена Прусские, шведские с накрашенным рисунком, т. е. более сложные. Комплект: оригинал -3 р. +4 копии х 1 р. 50 к. = 9 руб.

Категория 3-я. Турецкие звезды с полумесяцем и всякие простые знамена. Комплект: оригинал -2 р. +4 копии х 1 р. = 6 руб.». Под документом стоит подпись председателя комиссии гвардии полковника Шенка⁸.

Весьма активно заработала «фотографическая часть» Трофейной комиссии. Заведовал фотоработами все тот же П.И. Белавенец, хорошо с ними знакомый. Еще будучи кадетом, он получал за свои работы награды на фотографических выставках. В помощь ему был нанят профессионал для руководства фотолабораторией. Кроме того, в состав комиссии набирали инженерных кондукторов, знакомых с

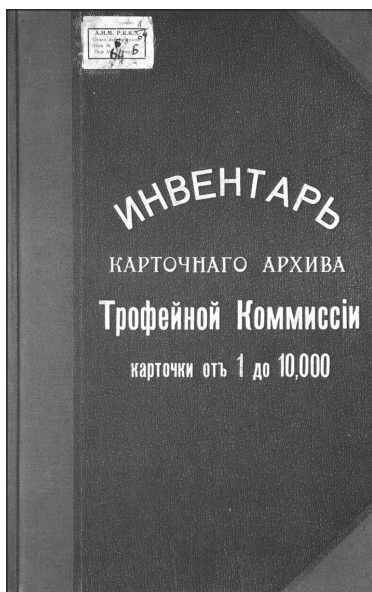
фотоделом. Знакомом фотографии был и председатель комиссии – полковник В.К. Шенк. Вдвоем с П.И. Белавенцом они предлагали свои изобретения для съемки знамен. В состав этой «части» входили несколько «бесплатных» сотрудников, как профессиональных фотографов, таких как фотограф Мазур, так и любителей, причем некоторые из них пользовались своими собственными фотоаппаратами. Среди них постоянный член хозяйственного комитета Петербургского патронного завода полковник Мшанецкий – член Санкт-Петербургского фотографического общества. Комиссия приобрела у фотографа Ивана Дремина⁹ и у Карла Цейса фотоаппараты, но все равно их при большом объеме работы не хватало¹⁰. Материалов тоже требовалось немалое количество. Так, только за месяц с 1 мая по 1 июня 1914 г. в магазине Карпова, учитывая скидку в 12 %, истратили 94 р. 74 к. на покупку 400 листов бумаги бромистой «Velvet Kodak», пластинок Гауфа, гипосульфита и других материалов¹¹.

Еще в апреле 1912 г. начальник Военно-походной канцелярии князь В.Н. Орлов в письме на имя председателя Трофейной комиссии С.И. Петина попытался немного погасить активность ее членов,

**Гвардии полковник В.К. Шенк. 1915 г. Россия. Кавказ. Пиронит
(фотография аннотирована хранителем фонда старшим научным
сотрудником ВИМАИВиВС Н.И. Белогубцевой)**

прежде всего П.И. Белавенца. Члены комиссии собирались с докладом о своей работе к императору в Ливадию, ждали вызова. Но Орлов их разочаровал: «У Государя Императора нет времени, поэтому вызов Трофейной комиссии в Ливадию не состоится. В докладе Комиссия расширяет свою задачу, противу указаний во всеподданнейшем докладе, состоявшемся 5 марта 1911 года: составление описания боевых трофеев Русского воинства и старых Русских знамен с рисунками в красках некоторых характерных знамен. В докладе же помещено самостоятельное крупное задание “собрать материалы о подвигах и героях Русской армии за время ее существования”. Такое задание не может не отразиться на составе служащих комиссии и расходах. Комиссия не имеет права выходить из рамок, определенных Высочайше утвержденным 5 марта 1911 года всеподданнейшим докладом»¹². Князь Орлов напоминал, что для сбора материалов о героях русской армии существует Императорское Русское историческое общество. Председатель Трофейной комиссии С.И. Петин попытался дать «разъяснения» Петру Ивановичу Белавенцу: «Вы себе не вполне ясно представляете цель комиссии. Наша главная задача состоит, во-первых, в описании боевых трофеев, и, во-вторых, в срисовке далеко не всех, а лишь некоторых характерных знамен. Придерживаясь указанных рамок, мы смело можем задание комиссии закончить, примерно, к концу будущего года»¹³. Так предполагал Степан Иванович Петин. Но Белавенец думал иначе: «Вы полагаете, что я не вполне ясно представляю себе цель вверенной Вашему Высочайшему Комиссии и возложенные на нее задания, что меня сильно поражает, так как самая идея Трофейной Комиссии зародилась на основании моей докладной записки». Он напомнил, что за два года работы комиссии сфотографировано 1265 знамен, зарисовано 791 знамя. Из числа снятых еще не зарисовано 474 знамени, остается сфотографировать свыше 9000 знамен, составить на все справки и формуляры, что выполнить весьма сложно, ибо в местах их хранения о реликвиях крайне мало или вовсе ничего не знают. Много было сделано, но предстояло сделать еще больше. «Мы натолкнулись, – продолжал ответное письмо П.И. Белавенец, – на громадное количество указаний на описания подвигов героев в различных войнах. Эти новые блестящие страницы русской военной истории не могут быть обойдены молчанием. Они были забыты, до сих пор находились почти в пренебрежении, а именно познание их главным образом и воспитывает последующие поколения в любви к престолу

«Инвентарь» архива Трофейной комиссии содержит карточки от № 1 до 10000. Обложка книги. 1912–1913 гг. Санкт-Петербург. Книгу изготовила «Фабрика конторских книг. Паровая переплетная и типография Генриха Кан»

и родине. Работы Трофейной комиссии удостоились обзорением Его Императорским Величеством 11 августа 1912 года»¹⁴. Император работой комиссии остался доволен, он благодарил членов комиссии и удостоил всех нижних чинов подарками. Увеличил отпуск денег на ее работу с 12 000 до 35 000 р. Члены комиссии просили увеличить смету для создания полного собрания рисунков знамен вражеских, знамен старых русских, сбора сведений о подвигах и «распространения сведений о боевых деяниях наших предков». Так что «погасить активность» Трофейной комиссии не удалось. Петр Иванович Белавенец свое ответное письмо заключил так: «...абсолютно невозможно обманывать себя надеждами, что мы можем создать поставленную нам грандиозную работу в два или три года. Мы должны создать великий памятник славе и доблести русского воинства и передать подрастающим поколениям обработанные

рассказы, которые могли бы быть великим поучением о подвигах наших дедов и отцов на славу дорогой родине и возлюбленного Монарха, который Сам милостиво пожаловал деньги из своих собственных средств на нашу работу». С такими аргументами спорить трудно, комиссия продолжала свою энергичную деятельность.

С августа 1914 г. главной задачей Трофейной комиссии стал сбор реликвий и трофеев Первой мировой войны. Программа работ комиссии состояла из четырех пунктов:

1. Трофеи, взятые частью. В этот раздел работы входило «описание знамен, орудий, пулеметов, минометов, летательных аппаратов, крепостей, городов и так далее. Если есть, то с фотографическими снимками с этих трофеев.

2. Подвиги части и ее чинов, связанные со взятием трофеев, и выдающиеся подвиги (наброски подвигов, фотографии полей сражений и позиций, копии с донесений и реляций).

3. Сведения о георгиевских кавалерах вообще: а) г. офицерах, имеющих ордена святого Георгия или Георгиевское оружие, б) о нижних чинах, имеющих все четыре степени Георгиевского креста, а равно представленных к первой степени или же совершивших особо выдающиеся подвиги (портреты героев, а если возможно, то и наброски картин их подвигов или схем).

4. Памятники на братских могилах и на могилах отдельных чинов (описания, фотографии или наброски)». Присылать все это полагалось по адресу Трофейной комиссии: Петроград, ул. Захарьевская, д. 19. Председателю комиссии генерал-майору Петину¹⁵.

С поступлением в комиссию штабс-капитана Колобова (позднее полковника, председателя соединенной комиссии по сбору и переписи трофеев), начались поездки на фронты с литераторами, художниками и фотографом, из которых привезли множество ценных материалов, в том числе записей о подвигах. Художники делали эскизы для будущих работ. Кроме поездок Колобова по фронтам и два раза в ставку, были две поездки П.И. Белавенца с художниками и литераторами в Гельсингфорс и Ревель, когда были сделаны рисунки подвигов моряков Балтийского флота. Эти поездки были короткими – лишь на три-четыре недели, тогда как поездки Колобова длились по несколько месяцев.

Блестящие результаты дала художественная экспедиция на Западный фронт, Черное море и Кавказ полковника Шенка, профессора Самокиша и его учеников. Предыстория создания Военно-художественного отряда в составе комиссии такова. 13 апреля 1915 г. император дал разрешение на организацию из учеников батального класса Академии художеств отряда во главе с профессором Н.С. Самокишем¹⁶ для поездки на два месяца на театр военных действий. Отряду придавалась военная организация. Его участниками полагалось носить военную форму, профессору Самокишу – с погонами полковника, студентам – с погонами прапорщиков. В отряд вошли ученики Самокиша – П.И. Котов, П.В. Митурич, П.Д. Покаржевский, К.Д. Трохименко, Р.Р. Френц. Отряд работал на германском фронте в Ломже, Осовце, Остроленке. Затем отправился на Кавказский фронт – в Карс, Саракамыш, Батум.

Деятельность Военно-художественного отряда стояла несколько обособленно от деятельности остальных художников Трофейной

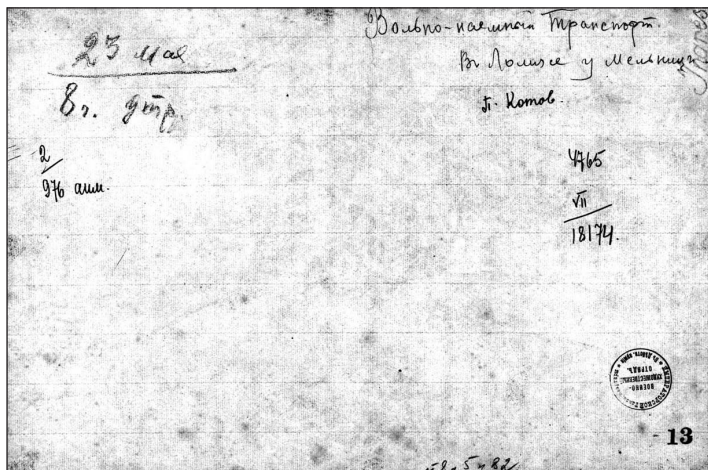
Гвардии полковник В.К. Шенк, профессор Н.С. Самокиш и нижние чины в саду при Императорской Главной Квартире. 1915 г. Россия. Ломжа (фотография аннотирована хранителем фонда старшим научным сотрудником ВИМАИВиВС Н.И. Белогубцевой)

комиссии. Члены этого небольшого отряда поехали в действующую армию с учебной целью, посчитав невозможным писать войну, не видя ее собственными глазами. Сборы на фронт начинались с получения обмундирования и обучения воинскому приветствию. По окончании разрешенного срока отряд отправился в обратный путь, увозя с собой около 400 работ, множество фотографий и огромную коллекцию турецкой одежды и вооружения. Выставка фронтовых работ молодых художников была открыта в залах Академии художеств в 1916 г. После выставки работы поступали в Министерство императорского двора. Авторам разрешено было сделать с них копии.

Объем работы Трофейной комиссии все увеличивался. В планы входил выпуск брошюр и листовок, посвященных подвигам героев войны. К работе Трофейной комиссии были привлечены и другие художники, кроме студентов Академии художеств. В «списке нижним чинам, командированным для работ в Трофейной Комиссии, коих следует зачислить на провиантское, приварочное, чайное и мыльное довольствие» значатся 27 молодых художников. Среди них «Лейб-гвардии Финляндского полка Юлиан Шаркевич, Феодор Золотиков, Василий Машечкин, Алексей Пишчевич, Феодор Рейнелът, Александр Сбруев, Карл Кочмарский, Павел Романов, Лука Злотников.

Вольнонаемный транспорт. В Ломже у мельницы. 23 мая 8 ч. утра. Рисунок с натуры. 1915 г. Художник П. Котов

Вольнонаемный транспорт. В Ломже у мельницы. 23 мая 8 ч. утра. Обратная сторона. Имеются надписи, сделанные художником, печать Военно-художественного отряда и номер рисунка

181-го пехотного Запасного полка Яков Чернихов, Сергей Клейн, Василий Шигалев, Евстафий Зихман, Александр Ларионов, Борис Анисфельд, Арон Лаховский, Игнатий Ломакин, Иван Кондратьев,

Иван Дряпаченко, 196-го пехотного Запасного полка Роман Пыжинский, 172-го пехотного Запасного полка Владимир Баллюзек, 1-го пехотного Запасного полка Иван Соколов и Коробов-Сергеев, Запасного батальона Лейб-гвардии Измайловского полка Матвей Зайцев, Запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка Владимир Гартман, Лейб-гвардии Литовского полка Григорий Синельников и Лев Гинерман»¹⁷. Но и этими именами число художников, привлеченных в годы войны к работе Трофейной комиссии, не исчерпывается. Всего в постоянном составе Трофейной комиссии числились 10 художников, и еще 78 было прикомандировано¹⁸. Все они в окопах и госпиталях, под пулями и снарядами делали зарисовки эпизодов войны, писали портреты ее героев. С гордостью можем констатировать, что один из художников, Николай Ругай, прикомандированный к Трофейной комиссии в качестве рядового запасного батальона Лейб-гвардии Литовского полка, приказом от 15 ноября 1916 г. № 574 был награжден Георгиевской медалью 4-й степени № 860159 за то, что произвел рекогносцировку германской позиции. Находясь в течение четырех дней под огнем противника, он отлично выполнил задачу, несмотря на явную опасность для жизни. Представленная им панорама послужила отличным пособием для ориентировки при управлении боем¹⁹.

Будучи на фронте, художники не успевали сделать законченную художественную работу. Поэтому они делали сюжетные зарисовки подвига героя, набросок его портрета и записывали для себя детали облика людей и окружающей обстановки, чтобы, вернувшись домой, завершить работу. На одном из рисунков художник указал: «№ 717 (номер анкеты. – *Т. И.*) поручик Сергей Ипполитович Папков полка 9-го Ингерманландского Петра Великого. В ночь на 16 декабря 1914 года. Взятые 4 орудия полевой австрийской артиллерии. Мешки сняты, котелки тоже, на фоне 2-х орудий в 10 шагах. Нижние чины в шинелях с патронташами и винтовками. Открытое поле, снегу почти не было. Момент: австрийский офицер, стрелявший в Папкова, был приколот штыком нижним чином. В фуражке, шинели с винтовкой в руке, бинокль на ремне слева сбоку. Убитые австрийские нижние чины». Рядом с записью художник сделал зарисовки портрета героя, его бинокля, крепления штыка, погона.

9 декабря 1915 г. штабс-капитан М.В. Колобов писал: «Высочайше учрежденная Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства, при своем учреждении имела целью отыскать и описать

боевые трофеи, кровью добытые нашим воинством, как наглядный памятник боевой славы наших доблестных предков, дабы дать воз-

Поручик С.И. Папков.
Фронтальная зарисовка.
Художник И.К. Дряпаченко

можность последующим поколениям узнать о великих делах прошлого, которые могли бы служить высоким примером в деле воспитания потомства, в горячей любви к Престолу и Родине. С большим трудом, шаг за шагом приходилось Комиссии отыскивать затерявшиеся трофеи и исторические сведения о них. Большею частью трофеи были либо уничтожены, либо приведены в неузнаваемый вид. Описания взятия этих трофеев сохранились лишь обрывками, сведений же о подвигах осталось чрезвычайно мало. Как жаль, что наши предшественники мало хранили и чтили свои трофеи и подвиги, эти сокровища – венцы Русских побед. Несмотря на это Комиссии удалось отыскать и описать многие трофеи».

В 1915 г. Императорское общество ревнителей истории, при участии Трофейной комиссии и Артиллерийского исторического музея, устроило в Петрограде выставку «Наши трофеи».

Выставка была открыта ежедневно в манеже Главного адмиралтейства, вход через главные ворота из Александровского сада. Входная плата заменялась добровольными пожертвованиями. Весь сбор поступал на благотворительную помощь пострадавшим воинам и их семьям.

Поручик С.И. Папков.
Фронтальная зарисовка.
Художник И.К. Дряпаченко

Г. Лейхтенбергский
М. Соколовский
В. Мазуровский
П. Белавенца
В. Мазуровский
О. Демина
Кларк
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский
В. Мазуровский

11/68-3

Выставка войны – наши трофеи.
Плакат. 1915 г. Петроград

Меню обеда комитета выставки
«Выставка войны – наши трофеи»
в день торжественного
открытия – 24 июня 1915 г.
Художник В. Мазуровский

Меню обеда комитета выставки
«Выставка войны – наши трофеи»
(слева). Обратная сторона.
Подписи председателя комитета
выставки герцога Г. Лейхтенберг-
ского, заместителя председателя
М.К. Соколовского, Е. Абрамова,
В. Мазуровского, П. Белавенца
и др. Всего 18 подписей

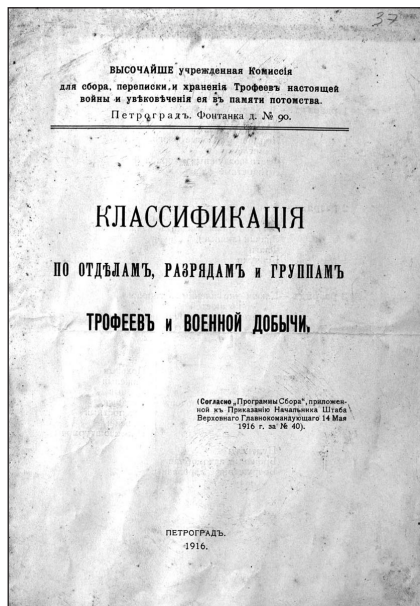
Вдохновленные успехом выставки, ее организаторы обратились к народу с воззванием: «Выставка превзошла всякие ожидания ее устроителей, собрав в течение 78 дней свыше 560 тысяч посетителей, чего до сих пор не достигала ни одна выставка в нашей столице. Такое внимание русских людей к нашей выставке окончательно убедило устроителей ее в необходимости безотлагательно приступить к устройству при Императорском обществе Ревнителей истории Музея Великой Борьбы Народов, в котором необходимо сосредоточить все то, в чем отразилась война. Вечная память нашим братьям и сестрам, с честью павшим на поле брани за Царя и Отечество. Слава героям, возвеличившим нашу дорогую родину, и честь всем помогавшим и помогающим в этой великой борьбе народов с немецкой ложной культурой. А потому мы обращаемся к Вам, русские люди, у которых имеются вещественные памятники происходящей борьбы, поделитесь кто чем может и помогите нам достойно увековечить беспримерную доблесть русского воинства и всего русского народа»²⁰.

В июле – октябре 1916 г. работала еще одна выставка «Боевых трофеев настоящей войны» – плавучая. Эту выставку готовил Особый комитет под председательством заведующего Артиллерийским историческим музеем генерал-майора Д.П. Струкова. А организовал ее Георгиевский комитет, состоящий под председательством Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича, при деятельном участии П.И. Белавенца. Выставка открылась 3 июля 1916 г. в Петрограде, а закончила свою работу 8 октября в Астрахани. На водном пути Нева – Волга выставка посетила 45 населенных пунктов, вызывая большой интерес. Материальный успех выставки выразился в собранных с благотворительными целями 250 000 р.

22 марта 1916 г.²¹ по повелению Николая II была создана вторая Трофейная комиссия под руководством генерал-адъютанта Д.А. Скалона. Она называлась «Комиссия для сбора, переписки и хранения Трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства» (далее – комиссия Скалона) и располагалась в Петрограде по адресу: Фонтанка, д. 90. 22 июня 1916 г. приказом по военному ведомству № 329 был утвержден штат этой комиссии. На основании «программы сбора», приложенной к приказанию начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 40 от 14 мая 1916 г., была разработана «Классификация по отделам, разрядам и группам трофеев и военной добычи», изданная отдельной брошюрой в Петрограде типографией В.Д. Смирнова в том же году.

Все собираемые материалы делились на три отдела. Первый отдел именовался «Трофеи». Отдел состоял из 4-х разрядов. 1-й разряд: знамена, штандарты, флаги. 2-й разряд: фельдмаршальские жезлы, оружие высших начальников, знаки отличия, бунчуки. 3-й разряд: ключи от городов и крепостей, почетные и серебряные трубы, литавры. 4-й разряд: орудия всех родов, пулеметы, броневые автомобили, вооруженные аэропланы.

Второй отдел назывался «Военная добыча». Этот отдел состоял из пяти разрядов. 1-й разряд – Артиллерийский (ружья, пистолеты, револьверы, пики, сабли, штыки, тесаки, гранаты). 2-й – Интендантский (мундиры, флаги, седла). 3-й разряд – Военно-технический (приборы осветительные, наблюдательные, измерительные, шанцевый инструмент, велосипеды, мотоциклетки, тракторы, блиндированные паровозы и вагоны, понтоны, аэропланы). 4-й разряд – Военно-санитарный. 5-й разряд – Разных достопамятных предметов.

Классификация по отделам, разрядам и группам трофеев и военной добычи. Обложка брошюры. 1916 г. Петроград

Третий отдел назывался «Документы». В него собирали книги, карты, плакаты, дневники, письма, рисунки, открытки, негативы и фотографии.

Каждый разряд делился на четыре группы: германскую, австрийскую, турецкую и болгарскую²². Даже простой перечень отделов и разрядов дает представление о разнообразии материалов, которые собирала комиссия Скалона. Позднее П.И. Белавенец констатировал, что ею, главным образом, было собрано интендантское и артиллерийское имущество²³. После учреждения комиссии Скалона основным содержанием работы Трофейной комиссии стал сбор материалов о гeroях войны.

5 января 1916 года император Николай II одобрил доклад, поданный командующим Императорской Главной Квартирой генерал-адъютантом графом Владимиром Борисовичем Фредериксом (1838–1927). Текст этого замечательного доклада, повторявший обоснования, представленные членами Трофейной комиссии для высочайшего рассмотрения, таков:

«Нынешняя война народов проявила многочисленные примеры доблести русских людей, указав героев из самых отдаленных углов нашей обширной родины на славу возлюбленного Государя и Его воинства. Многие герои этой беспримерной в истории и великой войны народов удостоились награждения орденом Св. Георгия, Георгиевским оружием и Георгиевскими крестами четырех степеней, а некоторые, хотя и получили лишь один крест, но совершили выдающиеся подвиги. К большому сожалению, подвиги многих уже безвозвратно пропали для потомства и даже для современников, ибо герои, вернувшись обратно на поле брани, сложили свои доблестные головы в борьбе за славу родины.

В настоящее время необходимо немедленно приступить к записыванию подвигов со слов самих же героев, теперь же зарисовать картину, ибо необходимые детали для правильного изображения могут быть собраны лишь только теперь, а то уйдут в бой, многие будут убиты, и после войны все разойдутся по домам, и тогда будет почти невозможно собрать полное описание. Необходимо живое слово, дабы живое слово передавалось живому поколению. А оживить краткие донесения былого, воскресить обстановку и влить в нее кипучую жизнь события положительно невозможно. Вот почему Высочайше учрежденная Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства полагала бы снять фотографии с таких героев, записать их подвиги и зарисовать картинку с их слов, но с полной проверкой, послать все это к ним на родину к родителям и семье, в село и в полки, где они служат теперь.

Такие портреты имели бы громадное воспитательное значение, и особенно теперь; для сего необходимо безотлагательно начать рассылку с извещением о подвигах отдельных лиц в самые отдаленные края нашей обширной родины, что будет иметь значительное влияние на воспитание молодежи и всего населения призывного возраста.

Такая работа создаст достойный памятник доблести русского воинства, и он, будучи разослан в самые отдаленные местности России, принесет туда весть об их родном односельчанине, что невольно

Подпрапорщик 1-й стрелковой Казанской дружины кавалер Георгиевских крестов четырех степеней Д.В. Скворцов.

Фотография

Подвиг подпрапорщика Д.В. Скворцова.

1916 г. Художник М. Мизернюк

должно поднять на новые подвиги сотни и тысячи признательных россиян, благодарных возлюбленному Государю за память о подвигах их родича. Дети в школе будут видеть лицо героя их села, и невольно поднимется у них и окрепнет любовь к своему Царю и Отечеству. Посылать такие карточки-таблицы надо сейчас же, не откладывая на долгий срок, и добрый результат скажется теперь же, во время войны.

Мы вообще немного занимались воспитанием героизма в населении, и только сравнительно недавно проснулось самосознание, что мы русские и должны любить, прежде всего, нашу родину. Началось воинское воспитание детей, и оно уже хорошо сказалось. Враги наши давно занимались этим вопросом, и целые поколения проникнуты любовью к родине и своему кайзеру. Их сплачивает единство, на которое всегда тратилось много денег.

Предлагаемая ныне работа имеет главной целью хотя бы несколько заполнить этот пробел, а от предоставленных средств зависит, насколько широко можно будет ее привести в жизнь, сразу вливая свежую, трезвую, сыновнюю любовь к родине в самые дальние края и местности России. В пользу сомнения быть не может.

Программа работы такова:

С героя снять фотографию, с его слов записать подвиг, проверив

его документально по данным в Орденских войсковых Думах. Со слов очевидца нарисовать, если возможно, картинку-иллюстрацию.

Напечатать в красках таблицы, украшенные Георгиевским крестом, и в русском стиле. В такуюю таблицу впечатывать портрет,

Георгиевская памятка-таблица, посвященная кавалеру ордена святого Георгия 4-й степени капитану 90-го пехотного Онежского полка Н.А. Ситинскому. Издание Трофейной комиссии. Петроград. Литография Багинского

воспроизведенный автотипным способом, и текст: краткую биографию и описание самого подвига, а если есть картинка подвига, то и картинку.

Таблицы предполагалось бы послать:

1. Родителям и семье – 3
2. В школы и на родину – 10
3. В полк, где служит (или служил) – 30
4. В Государеву Ратную Палату, Артиллерийский музей, Публичную библиотеку и Военный архив – 10
5. Оставить в запасе – 7. Всего 60 экземпляров.

Расход на это выразится в следующей сумме: если на 100 Георгиевских кавалеров будет отпечатано по 60 экземпляров на каждого (всего 6000), то получится 4140 рублей (по 69 копеек за таблицу), а в случае изготовления большего числа стоимость будет значительно понижаться, так как расход на фотографические портреты, клише их, картинки, клише их и набор печати останется тот же. Подвергая изложенное на благовоззрение Вашего Императорского Величества, всеподданнейше испрашиваю, благоугодно ли будет Вашему Величеству Высочайше соизволить на напечатание и рассылку таблиц Георгиевских кавалеров настоящей войны в предположенном количестве экземпляров (60) на каждого, с отнесением потребного на сие расхода на суммы Военно-Походной Канцелярии Вашего Императорского Величества по военному авансу, с тем, чтобы свободные остатки от сумм, отпускаемых ныне Комиссии, поступали на изготовление таблиц, что уменьшит цифру испрашиваемого расхода, и, в утвердительном случае, благоугодно ли будет Вашему Величеству одобрить предоставляемый образец таблиц, подробный расчет стоимости коих прилагается. Генерал-Адъютант Граф Фредерикс. 5 Января 1916 года. Царская Ставка»²⁴.

Император одобрил доклад, и уже 12 марта 1916 г. начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Алексеев издал приказание № 19, которое гласило, что государь император 5 января сего года приказал приступить к составлению и изданию Георгиевских памяток – таблиц героев нынешней Великой народной войны²⁵. Собранные к тому времени материалы позволяли членам Трофейной комиссии начать выполнение приказа императора. «Таблицы» решили делать «следующим образом: отпечатать литографским способом в русском стиле виньетку с георгиевскими крестами, впечатать в нее портрет, исполненный автотипным способом (ибо

97

Копия.

ПРИКАЗАНИЕ
Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего.

12 марта 1916 года.

№ 19.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ 5-й день января сего года, повелѣвъ съоставить Высочайшею комиссiею по описанiю боевыхъ трофеевъ русскаго воинства и старшихъ русскихъ знаменъ, состоящей при военно-походной канцелярiи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, тебѣ же приступить къ составленiю и изданiю Георгiевскихъ памятокъ-таблицъ героевъ вышедшей великой народной войны, дабы помянуть этихъ героевъ, славившихся доблестями всего русскаго народа, не исчеши безвозвратно для потомства и не были быслѣдны сорочникамъ и односельчанамъ нашихъ чужобогатерей.

Наша война, безпримѣрная по числу воиновъ, призванныхъ на защиту ЦАРЯ и РОДИНЫ, явила многочисленныя примѣры доблести русскихъ людей, указавъ героевъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ нашей обширной, молодой и сильной Родины.

Разосланные по всей Россiи (въ части войскъ, учебныя заведенiя, воинственныя правленiя, сѣма и т. д.) Георгiевскiя памятки-таблицы, будутъ двѣдцатилѣтнимъ памятникомъ героизма Русскаго воинства; вѣсть о родномъ героѣ проникнетъ къ нему и сѣбѣдый его образъ сохранится въ памяти на вѣчныя времена.

Георгiевскiя памятки-таблицы будутъ напечатаны въ краскахъ съ орнаментомъ въ русскомъ стилѣ, украшены Государственными гербами, вензелемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Георгiевскими крестами; въ каждой будетъ заключено свѣдѣнiе героя, краткая его биографiя съ описанiемъ подвига и, если представится возможнымъ, рисунокъ совершеннаго имъ подвига. Для сего необходимо имѣть exactъ фотографiю героя и краткое описанiе его подвига, удостоверенное официальнымъ документомъ (привѣтъ, письменное удостовѣренiе отъ части, свидѣтельство и проч.), такъ и биографiю его и подробное описанiе подвига со словъ самого героя, что даю бы возможность зарисовать картину совершеннаго подвига.

Приступая къ выполнению Высочайшей воли, вшеназванная (Трофейная) комиссiя обращается ко всѣмъ военнымъ частямъ, управленiямъ, заведенiямъ, также отдаленнымъ лицамъ и вообще ко всѣмъ, могущимъ оказать содѣянiе, съ просьбой прислать ей (Петроградъ, Захарьевская, 19) всѣ необходимыя данныя (фотографическiя снимки героя, описанiе подвига и, если возможно, набросокъ рисунка совершеннаго подвига о всѣхъ оружiяхъ, имѣвшихъ орлець Св. Георгiя или Георгiевское оружье *), и о всѣхъ знаемыхъ чинахъ, награжденныхъ всѣми 4 степенями Георгiевскаго креста, или хотя бы и менѣе, но въ такихъ случаяхъ исключительно о тѣхъ, кто своимъ подвигомъ проявилъ выдающуюся храбрость и мужество, оказавшия влияние на ходъ военныхъ дѣйствiй. Желательно, чтобы Георгiевскiе кавалеры упомянутой категорiи, прибывающiе на время въ Петроградъ, посылали комиссiю для снятiя съ нихъ фотографiи и зарисовки подвига.

Независимо памятокъ-таблицъ комиссiя приступаетъ къ изданiю брошюръ «Трофеи и герои великой народной войны», въ которыхъ войдутъ описанiя разномарочныхъ подвиговъ Русскаго воинства, независимо отъ степени полученнаго награды. Для болѣе полноты изданiя, желательно было бы прислать въ комиссiю описанiе (также официально удостоверенное) означенныхъ подвиговъ, которые не могутъ войти въ издаваемыя Георгiевскiя памятки-таблицы.

Подписалъ: Начальникъ Штаба,

Генераль отъ Инфантерiи Алексеев.

(По Управленiю Дежурнаго Генерала).

*) См. исправленiе въ приказанiи Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго 1-го Апрѣля 1916 г., № 26.

Всѣмъ участвующимъ Трофейная комиссiя (Захарьевская, 19) проситъ приводить для снятiя фотографiи ежедневно (кромя праздниковъ) съ 10 ч. утра до 1 дня, независимо отъ погоды.

№ 340 Тип. «Облетъ».

ГЕРОИ
И
ТРОФЕИ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
НАРОДОВЪ.

Съ разрѣшенiя Его Превосходительства Предсѣдателя ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Трофейной Комиссiи при Военно-Походной канцелярiи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА прошу Гг. Офицеровъ имѣющихъ ордена Св. Георгiя или Георгiевское оружье, а равно чиновъ пожалованныхъ всѣми четырьмя или тремя крестами Св. Георгiя пожаловать для снятiя фотографiй (портретовъ) въ помещенiе Трофейной Комиссiи—Захарьевская, 19 (во дворѣ).

Съемка портретовъ ежедневно (кромя праздниковъ) съ 10-ти до 1 дня независимо отъ погоды

Капитанъ 2 ранга

Л. Бѣлавецъ.

Приказание начальника Штаба
Верховного главнокомандующего
№ 19 от 12 марта 1916 г.

Приглашение Георгiевским
кавалерамъ «для снятiя
фотографiй».

Подписано П.И. Белавенцомъ

обыкновенная фотографiя не можетъ выдержать более 10–15 летъ, а исполненная предлагаемымъ способомъ будетъ вечная вещь). На свободномъ пространствѣ в виньетке впечатать типографскимъ способомъ: краткую биографiю и описанiе подвига, проверивъ его по официальнымъ даннымъ»²⁶. Первый выпускъ памятокъ-таблицъ назвали специальнымъ малымъ изданiемъ, всего в количествѣ 60 экземпляровъ²⁷. В продажѣ они не поступали. При поддержке высочайшаго приказа члены Трофейной комиссiи широко развернули работу: они рассылали обращения с просьбой присылать и приносить новые материалы к ним

по адресу: Петроград, ул. Захарьевская, д. 19. Находившихся в Петрограде Георгиевских кавалеров приглашали по этому адресу для съемки. Будучи в командировках на фронтах, записывали рассказы участников событий, делали зарисовки. Георгиевские памятки бесплатно рассылали на родину героя, в полк, где он служил, в музей.

Работу Трофейной комиссии всецело поддерживал великий князь Георгий Михайлович (11.08.1863–29.01.1919). Трофейная комиссия в лице П.И. Белавенца обращалась к великому князю за помощью: «Для выполнения предначертаний Вашего Императорского Высочества, милостиво высказанных мне, необходимо следующее расширение организации Трофейной комиссии.

1. Для описания подвигов и съемки портретов (фотографий) отличившихся георгиевских кавалеров нынешней великой войны, согласно воле Его Императорского Величества, повелено собирать описания подвигов наиболее выдающихся героев, портреты их и зарисовывать со слов очевидцев картинки, иллюстрирующие эпизод самого подвига. Эта запись с приложениями появляется в виде таблиц-памяток. Эти таблицы-памятки рассылаются родителям, в деревню, в школы, в полки, где он служил, воинским начальникам и пр. Таких таблиц печатается на каждого героя для рассылки 50 экземпляров. Для выполнения означенной работы Трофейная комиссия организовала в Петрограде съемку портретов героев, но туда являются только те герои, которые случайно были в Петрограде. Таковых перебивало всего лишь около 500 человек. Средствами Трофейной комиссии снаряжена партия, которая уже третий раз отправляется в экскурсию, но, конечно, эта одна партия далеко не могла объехать и десятой доли войсковых частей.

Герои и трофеи Великой народной войны. Бланк титульного листа брошюр, выпускаемых Трофейной комиссией. 1916 г.

Художник А. Майзит. Петроград. Литография Багинского

В первую поездку штабс-капитан Колобов побывал на Кавказском фронте, в Эрзеруме и Трапезонде. В результате за 107 дней, кроме художественных коллекций, привезено описание 100 героев. Вторая поездка штабс-капитана Колобова была на Юго-Западный фронт, причем было привезено 250 описаний. Ныне он отправился в третью поездку, которая продолжится до Рождества и предполагается в расположение войск гвардии. Отсюда видно, что поездки подобного рода должны дать громадные результаты, но, конечно, если таких партий будет не одна, а, по крайней мере, три или четыре, то только тогда может быть выполнен во всей широте и полноте проект трудов, преподанный Вашим Императорским Высочеством. Численный состав я приведу ниже.

2. Полковые списки Георгиевских кавалеров Великой войны – эта работа, только несколько в другом виде, была уже начата Трофейной комиссией, а теперь по указанной Вашим Императорским Высочеством системе будет продолжаться, но для выполнения ее, конечно, понадобится несколько человек и довольно продолжительная усидчивая работа, но, безусловно, может быть выполнена Комиссией.

3. Для собирания общего альбома Георгиевских кавалеров всех степеней необходимо сделать надлежащие публикации, дабы все кавалеры могли присылать свои портреты, но будут подлежать внесению лишь те портреты, которые будут снабжены документом, подтверждающим пожалование соответствующим Георгиевским орденом, оружием, крестом или медалью. Альбом полагал бы разделить по степеням и полкам, придерживаясь карточной системы; тогда он мог бы пополняться постепенно, не нарушая целостности и законченности, постоянно. Сбор и сосредоточение этих карточек также могло бы быть возложено на ту же Комиссию, но для всего этого необходимо увеличение ее состава и помещения.

Утвержденных штатов Комиссия не имеет. Существует она с Высочайшего соизволения с 5 марта 1911 года. Ныне официальный состав ее: председатель – генерал-майор Петин и три члена, из коих только два находятся налицо: капитан 2-го ранга Белавенец и штабс-капитан Колобов, а третий – полковник Габаев с начала войны отсутствует, будучи в составе действующей армии. Зато временно прикомандирован прапорщик граф Де-Рошефор и 10 человек нижних чинов. Теперешняя деятельность Комиссии, требующая многих художественных и литературных сотрудников, вызвала прикомандирования нескольких художников и литераторов, которых временно

дали войсковые части ввиду посылки их в свои же полки для записи подвигов. Практика официальных командировок штабс-капитана Колобова, частных поездок капитана 2-го ранга Белавенца и отдельных посылок нижних чинов показала, что поездки без офицера – руководителя – менее продуктивны, а потому такие экспедиции обязательно должны состоять из офицера-руководителя и при нем не менее четырех художников, трех писателей и фотографа. Расчет численного состава Комиссии:

Великий князь Георгий Михайлович.
5 ноября 1916 г.
Ставка Верховного главнокомандующего.
Художник Н. Сергеев.
С автографами художника и великого князя

Необходимо: для работ в Петрограде – 2 офицера, 10 художн., 10 записыват., 2 фотографа и для канцелярских работ 6 человек.

Для поездок: 4 офицера, 16 художн., 12 записыват., 4 фотограф.

Итого: 6 офицер., 26 художн., 22 записыват., 6 фотограф., всего 60 человек и для канцелярских работ 6 человек. То есть надо добавить 3 офицеров и 50 чинов. Для успеха дела необходимо теперь же:

1. Хотя бы временные штаты или приказание о сохранении назначенных в Комиссию лиц с содержанием по чину, добавочными порционными и прочими по военному времени.

2. Разрешить добавить 3-х офицеров.

3. Закрепить тех нижних чинов, которые временно даны, ибо они собраны после испытаний; чтобы нижних чинов было разрешено 60 человек. Эти нижние чины, обученные в Комиссии, посылаются на фронт для зарисовывания

и записывания подвигов, но их отдельные поездки на фронт без офицера-руководителя, как я уже докладывал выше, менее продуктивны.

4. Ко дню Георгиевского праздника, 26 Ноября, в Ставку опять придет много героев, а потому было бы очень важно перед праздником командировать в Ставку партию от Трофейной комиссии, дабы зарисовать, сфотографировать и записать собравшихся героев – Георгиевских кавалеров»²⁸.

Очевидно, великий князь помогал Трофейной комиссии, но решить проблему утверждения ее штата не смог.

Кроме составления и издания Георгиевских памяток-таблиц важным направлением популяризации подвигов героев было издание недорогих брошюр и их широкое распространение, как тогда говорили, «бойкая продажа публике в киосках, у разносчиков, у мальчиков и пр.». Справедливо отметить, что первые Георгиевские памятки и брошюры издал на свои средства П.И. Белавенец.

Первый выпуск брошюры «Герои и трофеи Великой народной войны» открывал портрет императора с орденом святого Георгия 4-й степени работы художника М. Максимова и текст его обращения от 20 декабря 1915 г. к Георгиевским кавалерам. Второй выпуск – фотография наследника цесаревича. Третий и четвертый выпуски украшали портреты наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича и князя Олега Константиновича – первым из членов императорского дома получившего орден святого Георгия 4-й степени (посмертно). Эти портреты также выполнил талантливый художник Максим Мартынов. В каждый из выпусков члены Трофейной комиссии включали от 3 до пяти рассказов о подвигах Георгиевских кавалеров, иллюстрированных фотографиями и рисунками.

Организованно и активно Трофейная комиссия продолжала сбор материалов о героях войны, прежде всего о Георгиевских кавалерах: анкеты, описания подвигов, рисунки, иллюстрирующие эти подвиги, живописные портреты, листовки. Планировалось создание Народного музея Великой войны. Весной 1916 г. герцог Лейхтенбергский писал Петру Ивановичу, что уже снят особняк для музея Великой войны при Императорском обществе ревнителей истории, вследствие настоятельной необходимости открыть этот музей в июле, и просил привести в полную ясность и записать в инвентарную книгу все предметы «заведуемого» им отдела (знаменного).

О том, что успела сделать за время своего существования Трофейная комиссия, лучше всего расскажут архивные документы. Приведем текст сохранившегося письма Трофейной комиссии, написанного после февраля 1917 г., с отчетом об ее деятельности и аргументацией необходимости увеличения ассигнований и штата²⁹:

«По Высочайшему повелению 5-го марта 1911 года при Военно-Походной Канцелярии была учреждена “Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых Русских знамен”.

**Герои и трофеи Великой народной войны. Выпуски 1–4.
Комиссия успела издать 4 выпуска брошюр, которые разошлись
тиражом 37 542 экземпляра**

С этого времени началось составление полного описания с рисунками в красках многих знамен и других исторических трофеев, большинство коих были размещены по различным церквям и музеям во всех концах России и коим до указанного времени не было сделано не только перечня и описи, но даже неизвестны были места их хранилищ, а равным образом, забыты были названия воинских частей и имена героев, благодаря беззаветному мужеству которых неприятельские знамена и другие трофеи склонялись перед Великой Россией.

11-го августа 1912 года Трофейная комиссия представила начальству свои первые работы и удостоилась похвал с пожеланием дальнейшего успеха в ее работе.

Результатом сего явилось увеличение ассигнования на дальнейшие работы в размере 23.000 рублей в год к тем 12.000, которые были ассигнованы в самом начале.

Затем, на протяжении последующих четырех лет Комиссия сделала немало для достижения цели своего назначения. Много было спасено от разрушения и уничтожения различных трофеев, разбросанных по самым отдаленным местам России. Архив Комиссии наполнился описаниями и изображениями редчайших и ценнейших памятников боевой славы наших доблестных воинов; здесь же было собрано множество подробных описаний и художественных изображений выдающихся подвигов.

Таким образом, за пятилетний период своего существования, Комиссия в составе лишь председателя, сперва двух, а затем трех членов и десяти солдат, зарисовала свыше двух тысяч знамен (с деталями до 4000 акварелей) и составила 59 тысяч карточек своего архива.

В нынешнюю Великую Народную Войну Комиссия явилась уже совершенно подготовленной для достижения своих дальнейших целей.

Благодаря одобрению, воследовавшему 5 января 1916 года на издание Георгиевских таблиц-памяток, а 6 февраля того же года на издание брошюр под названием “Герои и Трофеи Великой Народной Войны” – Комиссией уже собрано значительное количество описаний новых трофеев. Много подвигов, запечатленных смертью самих героев, представилось особенно необходимым увековечить в сознании Русского народа, сделать достоянием не только родных и близких этих героев, но и вообще всей великой матери России.

Издавая непрерывные таблицы-памятки и брошюры с описанием и художественным изображением подвигов героев, Комиссия творит

большое национальное дело, укрепляя и возвеличивая народный дух в трудные годы испытания нашей Родины.

Сознавая большое Государственное значение в работе своей, особенно необходимое для будущих поколений в патриотически-воспитательном смысле, Трофейная Комиссия в составе председателя, одного члена (два других отбыли на театр военных действий в начале войны), при наличии 10 постоянных солдат, затем вновь поступившего одного члена и одного прикомандированного оберофицера и с помощью на время командированных из разных полков солдат – художников и литераторов, совершает небольшими партиями периодические поездки на фронт и имеет возможность на месте исторических и славных боев зарисовать и фотографировать трофеи и исследовать подвиги, непрерывно пополняя этой живой работой архив свой, накопляя громадный и богатый материал для истории Великой Войны.

Таким образом, поездка, например, небольшой партии на Кавказский фронт дала многочисленные художественно-воспроизведенные фотографические снимки, акварельные рисунки и масляные этюды, изображающие виды фортов Эрзерума и батарей Трапезунда, портрет командующего армией Генерала Юденича, Генералов Калитина, Ласточкина, Ляхова и много других героев-солдат славной Кавказской армии. Равным образом пять остальных поездок членов Комиссии на разные фронты и в тыл, а также десятки публичных лекций, прочитанных в разных городах России, принесли немало пользы, как в смысле сбора трофеев, так и в нравственном отношении, причем армия и народ, постепенно знакомясь с трудами Комиссии, с большим удовлетворением познает ту широкую задачу, которую Комиссия достигает своими работами.

Многие герои, которые были сфотографированы, зарисованы и опрошены как на фронте, так и в постоянном помещении Комиссии, со слезами на глазах выказывали радость, что их доблестная, боевая работа в эту Великую Войну не забудется потомством.

Бурным восторгом встречались лекции члена Комиссии капитана 2-го ранга Белавенца юнкерами военных училищ, учениками школ и гимназий, в полках и простым народом в аудиториях, когда на экране появлялось изображение героя и подвига его и сообщалась удивительная история о выдающемся мужестве и славном исполнении заветов присяги. Причем герои, о которых шла речь, были вдвойне близки слушателям, ибо окончили то же училище, вышли из того же

полка, или, наконец, были уроженцами той местности, где происходила данная лекция.

С начала войны Трофейная Комиссия стала собирать материал и работать для увековечения трофеев и героев текущей Великой Войны, и результаты этих работ сказались в следующем:

Записано, зарисовано и зарегистрировано героев, имеющих офицерские Георгиевские кресты или Георгиевское оружие, все четыре степени солдатского Георгиевского креста или один крест, полученный за выдающиеся подвиги – 1554 человека.

Сделано фотографических снимков – 1000.

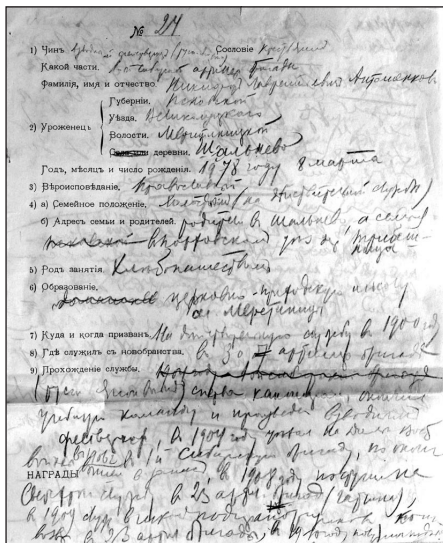
Зарисовано знамен – 96 (с деталями 260).

Нарисовано портретов – 150.

Нарисовано картин: масляными красками и акварелью – 120.

Нарисовано пером – 1000.

Если принять во внимание, что напечатанные до сего момента четыре выпуска брошюр “Герои и Трофеи Великой народной Войны” с начала августа 1916 года разошлись в 37 542 экземплярах, несмотря на то, что Комиссия пока не публикует о выходе их в свет, что Георгиевские таблицы-памятки, выпущенные пока на 58 героев и бесплатно разосланные семьям этих героев, учебным заведениям, где они получили образование, и в полки, где они служили и служат, влекут за собою все новые и новые требования от разных частных лиц и официальных учреждений, кои имеют иногда самое далекое соприкосновение с этими героями, то с большим удовлетворением

**Анкета Георгиевского кавалера
взводного фейерверкера 1-й Сибирской
артиллерийской бригады Никифора
Лаврентьевича Антошенкова.
Титульный лист. К анкете прилагались
листы с описанием подвигов,
записанным со слов героя или его
однополчан членами Трофейной
комиссии**

можно утверждать, что Трофейная Комиссия, хотя и стесненная неимением постоянных штатов, все же с успехом выполняет возложенную на нее задачу.

Само собой разумеется, что приведенный краткий отчет обширных работ говорит, о том, что Комиссия не могла функционировать с тем составом работников, кои находились в ней со дня ее учреждения.

Для привлечения к художественным работам специалистов – художников, фотографов и литераторов надо было изыскать какой-либо способ, ибо за отсутствием штатов и принимая во внимание ограниченность денежных средств, Комиссия не была в состоянии увеличить, с одной стороны, состав свой подходящими для сего солдатами, с другой же не могла тратить денежные средства на приглашение соответствующих частных лиц.

Тем не менее, способ был найден. Заинтересовав работами, имеющими глубоко-воспитательное и патриотическое значение, некоторых командиров гвардейских запасных и армейских батальонов, квартирующих в Петрограде и его окрестностях, Комиссия получила согласие на временную командировку некоторых нужных для сего солдат, кои были любезно представлены в ее распоряжение.

Но подобные временные командировки, благодаря различным сложным формальностям, оказались крайне неудобными. Были случаи, что в разгар спешной работы солдаты требовались полкам обратно, и они бросали работу и возвращались в свою часть, оставляя у себя те конспекты, кои они не успели обработать и сдать. Равным образом Комиссия не могла распоряжаться представленными ей солдатами так, как бы она хотела, не будучи, с одной стороны, прямым для них начальством, с другой же она должна была отвечать за поведение и дисциплину представленных в ее распоряжение людей.

Из всего вышесказанного, естественно, вытекает, что Комиссия должна иметь свой определенный штат служащих, которые могли бы спокойно продолжать начатую громадную работу без помехи и состав которых отвечал бы тому требованию, которое вполне определилось на практике минувшего года.

Если сопоставить, что недавно учрежденная Комиссия генерала Скалона “по сбору, переписи и хранению трофеев настоящей войны”³⁰, работает всего несколько месяцев и занялась описанием трофеев, т. е. тем, чем Трофейная Комиссия при Военно-Походной Канцелярии занимается уже 6-й год, уже имеет свои штаты, Трофей-

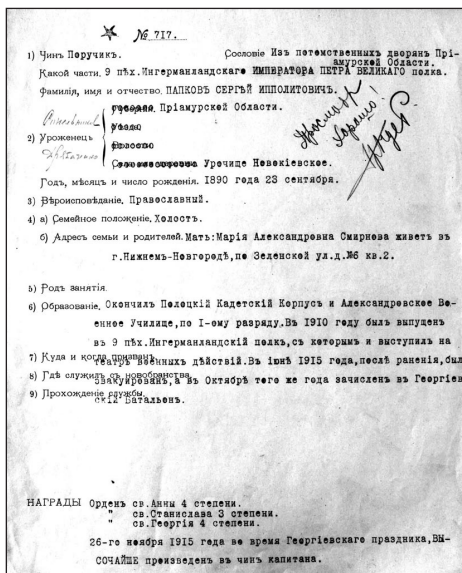
ная Комиссия, имеющая шестилетний опыт, естественно нуждается в утверждении приложенных при сем штатов – тем более, что собранный за все время существования и собираемый в данное время материал так обширен, что требует в будущем систематической и кропотливой работы как по описанию трофеев и героев Великой Войны, так и по своей основной задаче – в настоящее время почти приостановленной.

Текущая Великая Война покрыла неуывдаемой славой Русское оружие. Она выделила из рядов славной действующей армии громадное количество героев, приобрела кровью массу трофеев и с каждым дальнейшим боевым днем в истории России прибавляются страница за страницей изумительнейших подвигов, – незамедлительная регистрация и точное описание коих требует от Комиссии напряженной, последовательной и спешной работы.

Но подобная громадная работа может быть выполнена в полном объеме лишь тогда, когда Трофейная Комиссия будет располагать необходимыми штатами и с этими определенными силами исчерпывающим образом выполнит возложенную на нее грандиозную задачу.

Располагая случайными работами, Комиссия прочно заложила краеугольный камень.

Фундамент из зарегистрированных по сие время 1554 героев и сотни трофеев постепенно воздвигается, и дальнейшая работа в этом направлении, при утверждении штатов постоянных работников, даст в будущем законченное здание, в котором

Анкета Георгиевского кавалера поручика
Сергея Ипполитовича Папкова.

Титульный лист. Слева карандашом
записаны две фамилии: Синельников,
Дряпаченко. Это означает, что первый
записывал рассказ о подвиге героя, а
второй рисовал

будет нерушимо храниться на вечные времена национальная слава Великой России.

1. Акварельные рисунки трофейных знамен.
2. Запись о подвигах, фотография, иллюстрация, издание бесплатных таблиц-памяток и издание популярных брошюр.
3. Регистрация Георгиевских кавалеров по полкам, месту происхождения и учебным заведениям.
4. Лекции.

О средствах Комиссии Трофейной и по описанию
боевых подвигов русского воинства.

Комиссия учреждена 5-го марта 1911 года. Из сумм Военно-Походной Канцелярии и Кабинета было ассигновано (поровну) – 12 000 рублей.

11 августа 1912 года из тех же источников ассигнование увеличено на 23 000 рублей – итого 35.000 рублей.

А. В настоящее время средства Комиссии составляют: получено из Кабинета 17 500 рублей и от Военно-Походной Канцелярии должны быть получены – 17 500 рублей – итого 35.000 рублей.

Кроме основных работ на этот же бюджет отнесено изготовление и рассылка Георгиевских памяток-таблиц, коих изготовлено 40 000 и которые нужно изменить согласно новому Государственному строю, а потому желательно увеличить денежный отпуск на расходы по изменению рисунка и для широкого бесплатного распространения путем рассылки этих бесплатных таблиц в деревни, на родину, в учебные заведения, полки и прочее.

Б. На издание популярных брошюр для народа и войск было дано на оборот 10 000 рублей. Отпечатано было 4 выпуска по 20 000 экземпляров, разошлось около половины всего количества, из опыта этого издания выяснилось, что весьма желательно увеличить оборотный капитал, по крайней мере, вдвое.

В. Художники Трофейной Комиссии высказали пожелание о более широкой постановке художественного дела на фронте, нежели та, какая была в Трофейной Комиссии. Общее собрание всех чинов Комиссии вполне согласилось с этими пожеланиями, но, в то же время, выяснилось, что для существования этого необходимы дополнительные ассигнования»³¹.

В смутное время революционного брожения призывов Трофейной комиссии о помощи уже никто не слышал.

В июне 1917 г. обе комиссии (С.И. Петина и Д.А. Скалона) были объединены в единую «Комиссию для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти народа», находившуюся в подчинении Кабинета военного министра. Временно исполняющим обязанности председателя был назначен полковник М.В. Колобов. Располагалась она по адресу: «Петроград, Крепость, Иоанновские ворота. Тел. 52-55, 621-1»³².

Приказом Революционного Военного Совета республики № 443 от 24 декабря 1918 г. комиссию М.В. Колобова упразднили. На ее основе была создана «Комиссия по организации и устройству Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 годов». 28 декабря 1918 г. был издан приказ № 76 по комиссии: «Вернувшись из поездки в Москву, объявляю о вступлении своем в должность председателя. Подписал Николай Николаевич де-Рошефор»³³. Н.Н. де-Рошефор был до этого заместителем председателя «Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев минувшей войны и увековечения ее в памяти народа» М.В. Колобова и начальником литературно-документального отдела этой комиссии.

Новый начальник приказом № 77 продублировал расформирование «Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев минувшей войны и увековечения ее в памяти народа» – она механически влилась в комиссию по организации нового музея. 5 декабря 1918 года П.И. Белавенцу было выдано удостоверение: «Податель сего товарищ Петр Иванович Белавенец состоит на действительной военной службе в Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев минувшей войны. Означенная комиссия согласно приказу Народного Комиссариата по Военным делам от 18 июня 1918 года № 463, состоит в ведении Всероссийского Главного Штаба с непосредственным подчинением ОПЕРАТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ названного Штаба. Справка: Известия Комиссариата по Военным делам № 42 20/VI 1918 года. Что подписями с приложением казенной печати прилагается».

30 мая 1919 г. Малый Совет Народных Комиссаров постановил упразднить и эту комиссию, а все материалы передать в Народный Комиссариат просвещения, закрепив за Военной секцией Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. 20 июля 1919 г. последовал приказ Всероссийского Главного штаба № 199, объявлявший об упразднении Трофейной комиссии³⁴.

Среди ее бумаг сохранился печальный документ без подписи:

«Судьба ТРОФЕЙНОЙ КОМИССИИ

Мы говорили не раз о деятельности Трофейной комиссии. Деятельность полезная, патриотическая. Целая плеяда молодых художников Дряпаченко, Мизернюк, Лаховский, Харитонов и еще работали в Петрограде и на фронте, запечатлевая как войну, так и выдающихся героев ее. Капитан второго ранга Белавенец заведовал этой группой художников, редактировал листы с фотографическими снимками, биографиями и рисунками, иллюстрирующими подвиг того или иного героя – Георгиевского кавалера, будь то офицер или солдат. Кроме того, Белавенец читал лекции как в Петрограде, так и в провинции, в полках и батальонах. Темой лекций был героизм русского солдата в связи с его деятельностью на фронте. Попутно лектором давались батальные картины, выпукло рисовавшие быт кровавых полей. Сплошь да рядом лекции свои, имевшие полезное воспитательное значение, капитан Белавенец сопровождал волшебным фонарем. Это было при старом режиме. Это и было в самом начале революции в марте, когда ряд лекций капитана Белавенца в Рижском гарнизоне имел шумный успех.

Теперь же вот почему-то замерла деятельность Трофейной комиссии, а чтение лекций запрещено капитану Белавенцу. Интересно, почему? Казалось бы, именно теперь во дни разрухи, когда солдат по уши вовлечен в политику, показать красивый, героический образ русского солдата, вообще, как такового, весьма и весьма желательно.

Ведь в лекциях капитана Белавенца не было и тени политики, того, что отзывало бы чем-нибудь реакционным. А если он звал и зовет к святости долга, к патриотизму, это можно только приветствовать.

И почему же капитану Белавенцу читать свои лекции нельзя, а господину Ленину его “лекции” в манежах и казармах никем невозбранимы? Если уж свобода слова, так для всех без исключения. Может быть наше военное министерство вспомнит о “бастующей” Трофейной комиссии и поневоле “бастующем” капитане Белавенце? Вот уже несколько месяцев не рассылаются по деревням, селам и волостям те листы, что в громадном количестве рассылала Трофейная комиссия. Листы, рисующие подвиги русского солдата. А между тем, это куда назидательней той погромной литературы, которой теперь наводняют многострадальную отечественную деревню германские агенты и провокаторы из бывших полицейских»³⁵.

Но и этот крик души не был услышан. У П.И. Белавенца и В.И. Ленина были разные задачи.

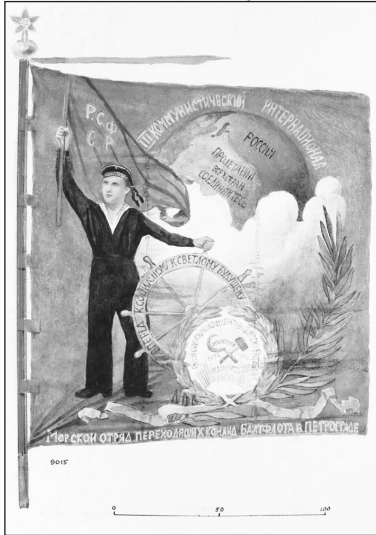
Итак, к лету 1919 г. все комиссии по увековечению памяти о Первой мировой войне были ликвидированы³⁶. В августе – ноябре состоялась передача собранного имущества в Наркомпрос. В августе 1919 г. детище Петра Ивановича Белавенца. – уникальное «знаменное отделение» будущего Единого Военно-исторического музея – также передали из военного ведомства в ведение Наркомпроса. П.И. Белавенца назначили его заведующим. Правда, вскоре из штата в тринадцать человек он остался один. В смутное время революционной вакханалии, Гражданской войны, голода Петр Иванович сохранял собранные материалы, продолжал зарисовывать для истории знамена этого переломного этапа в жизни Родины.

Революционные вихри разметали коллекции Трофейной комиссии. В разных музеях и архивах оказались уникальные знамена, рисунки как сохранившихся, так и утраченных со временем знамен, флагов и штандартов; произведения художников и фотографов, сохранивших для потомков облик мировой войны и ее героев, документы делопроизводства самой Трофейной комиссии.

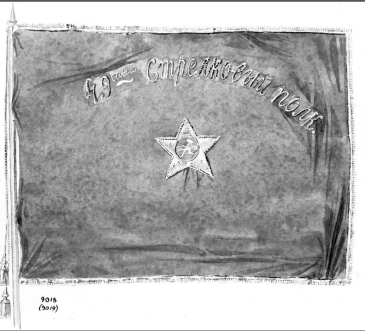
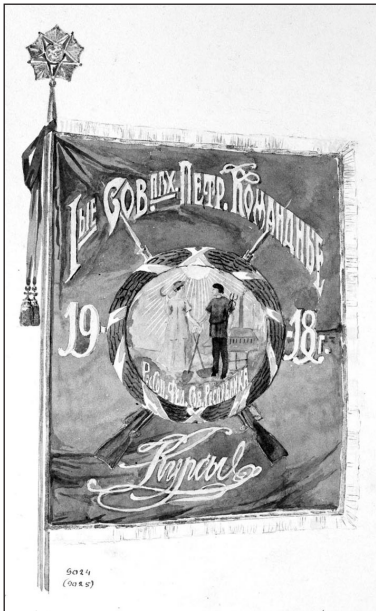
В Артиллерийском историческом музее, в то время одном из крупнейших военно-исторических музеев Европы, собиравшем памятники русской и мировой военной истории при высочайшей помощи и покровительстве, совершенно оправданно и справедливо оказалась, и потому сохранилась, часть материалов Трофейной комиссии. Эти материалы 1911–1918 гг. являются важнейшими историческими памятниками, источниками изучения российской и мировой истории для будущих поколений.

В Артиллерийском музее – ныне Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи – хранятся документальные исторические источники: законодательные акты (приказы, в том числе высочайшие, регламентирующие деятельность Трофейных комиссий); делопроизводственная документация Трофейной комиссии, ее письма, запросы, отчеты, счета. Письма, справки, отчеты в адрес комиссии из полков и бригад. Члены комиссии составили десятки тысяч учетных карточек и анкет Георгиевских кавалеров. Пусть сохранились они не все, но их значение чрезвычайно важно для исследований. Благодаря этим карточкам и анкетам мы узнаем основные биографические сведения о героях войны. Особое значение имеют прикрепленные к анкетам записи с воспоминаниями

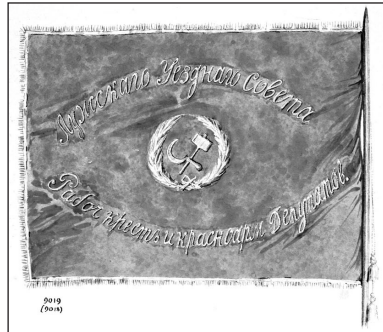
Рисунки знамен 1917–1918 гг.

Знамя морского отряда переходящих команд Балтфлота в Петрограде. Лицевая сторона

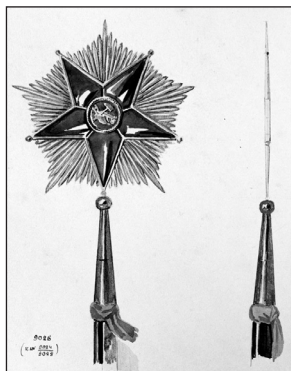

Знамя 49-го стрелкового полка. Лицевая сторона

Знамя 49-го стрелкового полка. Обратная сторона с надписью Лужского Уездного Совета Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Знамя 1-х Советских пехотных Петроградских командных курсов. Лицевая сторона

**Навершие знамени 1-х
Советских пехотных
Петроградских
командных курсов**

**Знамя 4-го стрелкового полка особого
назначения**

героев или описания их подвигов, составленные со слов однополчан. Прикрепляли эти записки к анкетам только после проверки сведений в Георгиевских думках.

Важнейшую часть сохранных музеем материалов Трофейной комиссии составляют фотодокументы. К ним относятся фотопортреты Георгиевских кавалеров, которые так старательно и настойчиво собирала комиссия, а также те многочисленные уникальные сюжетные фотографии, которые члены комиссии или сопровождавшие их профессиональные фотографы снимали в действующей армии, на выставках трофеев. Восторг и уважение всех исследователей вызывает уникальная коллекция таких исторических источников, как изобразительные материалы. Создание портретов Георгиевских кавалеров и рисунков, иллюстрирующих их боевые подвиги, было важнейшей задачей. Великолепные портреты (тушь, перо, карандаш, сангина, акварель) художники писали с натуры, сохранив для потомков облик тех, чьи деяния потомки изучают десятилетия спустя. Сюжетные рисунки в большинстве своем иллюстрируют конкретные подвиги конкретных людей. Но не только. Художники рисовали войну и человека на войне, передавая события, облик людей в бою, окопах, землянках и госпиталях.

Все эти источники несут достоверную информацию о некогда забытой войне и ее героях.

¹ Глинка М.С. Хранитель. К 100-летию со дня рождения В.М. Глинки. СПб., 2003. С. 90–91.

² Риддархольмская церковь в Стокгольме – Riddarholmskyrkan (The Riddarholm Church). В этой церкви по традиции вывешиваются щиты с изображением гербов всех награжденных высшим орденом королевства – орденом Серафимов. Со времени учреждения ордена – 1748 г. – им было награждено 823 человека. Среди них 42 русских подданных. Первой королевским орденом Серафимов была награждена Екатерина II в 1763 г., последним – в 1897-м – великий князь Константин Константинович. – См.: Per Nordtnvall. Kungliga Serafimerorden 1748–1998. Kungl Maj:ts orden. 1998. S. 525.

³ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/68-53.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Инв. № 11/68-9.

⁶ Там же. Инв. № 11/67-74.

⁷ Там же. Инв. № 11/67-72.

⁸ Там же. Инв. № 11/68-4.

⁹ И.Г. Дремин. Санкт-Петербург, Столярный пер., 6. Адрес указан по справочнику «Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1911 г.». СПб., 1910 // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2007. Апрель. С. 112.

¹⁰ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/67-61, 63.

¹¹ Там же. Инв. № 11/68-18,19.

¹² Там же. Инв. № 11/68-42.

¹³ Там же. Инв. № 11/68-53.

¹⁴ Там же. Инв. № 11/68-53.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 12. Л. 20.

¹⁶ Самокиш Николай Семенович (1860–1944), профессор живописи Императорской Академии художеств. В 1937 был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР. Выдающийся художник, действительный член Академии художеств, профессор батальной живописи, замечательный рисовальщик и анималист, талантливый педагог, воспитатель молодых художественных кадров. – См.: Полканов А.И. Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество. К 100-летию со дня рождения. Симферополь: Крымиздат, 1960. 120 с.

¹⁷ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/68-5.

¹⁸ Там же. Инв. № 11/67.

¹⁹ Там же. Инв. № 11/68-7.

²⁰ Там же. Инв. № 11/68-8.

²¹ По воспоминаниям П.И. Белавенца, осенью 1915 г. – см.: ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/67. Л. 160.

²² ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/68-15.

²³ Там же. Инв. № 11/67. Л. 161.

²⁴ Там же. Инв. № 11/67-88.

²⁵ Там же. Инв. № 11/68-197.

²⁶ Там же. Инв. № 11/67-94.

²⁷ Там же. Инв. № 11/67-69.

²⁸ Там же. Инв. № 11/67-88.

²⁹ Сохранена орфография документа.

³⁰ Речь идет о комиссии по сбору, регистрации и хранению трофеев под руководством генерал-адъютанта Д.А. Скалона, созданной по повелению Николая II 22 марта 1916 г. Скалон Дмитрий Антонович (р. 1840), генерал от кавалерии (1907). С 1895 – состоял в распоряжении военного министра, в 1916–1917 – в Свите Его Величества. – См.: Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. М.: Центрполиграф, 2009. С. 493; электронный ресурс: <http://tsarskoje.vejournal.com/391770.html/> (дата обращения 13.11.2012).

³¹ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/67-23.

³² Там же. Инв. № 11/67-93.

³³ Там же. Инв. № 11/68-25.

³⁴ Трошин Д.Ю. К истории деятельности Трофейной комиссии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. (По материалам ВИМАИВиВС) // Материалы Первой Международной военно-исторической конференции «Первая мировая». СПб., 2009. С. 151–156.

³⁵ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/68-6.

³⁶ Барановский А. Галерея Георгиевских кавалеров Великой Отечественной войны 1914 г. // Мера. 1995. № 2. С. 100–104.

Е.Ю. Кириленко (Санкт-Петербург)

УЧЕНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ФОНДОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Памяти Елизаветы Николаевны Шевелевой

Рис. 1. Е.Н. Шевелева

ИМЯ ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ШЕВЕЛЕВОЙ (1927–2000) – ученого хранителя исторических фондов Артиллерийского исторического музея (с 1965 г. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), историка, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, известно многим фалеристам и сотрудникам музеев. Елизавета Николаевна пришла работать в Артиллерийский исторический музей (АИМ) в начале 1950-х гг. Это было время больших перемен в жизни музея. Проводилась реконструкция экспозиционных залов, разрабатывались новые

экспозиции и выставки, связанные с историей артиллерии, отечественного стрелкового, холодного и защитного вооружения, охотничьего и спортивного оружия, боеприпасов, минометного вооружения, обмундирования Советской армии. Кроме этого, проводился капитальный ремонт здания, помещений, пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Это было время, когда необходимо было разобратить и систематизировать новые поступления, а также музейные

предметы, которые еще находились в ящиках после реэвакуации из Новосибирска. Перед сотрудниками ставилась задача восстановить инвентарный карточный каталог, создать научно-справочный аппарат. Карточки, составленные в 1937–1941 гг., стали основой для вновь создаваемых инвентарных каталогов.

В 1950-х гг. возглавлял музей полковник Иосиф Петрович Ермошин¹, считавший чрезвычайно важным издательскую деятельность музея. При нем возобновились публикации научных сборников, началась работа по подготовке к изданию каталогов на фонды. На ученых советах и научно-методических совещаниях научные сотрудники музея активно обсуждали не только вопросы, связанные с экспозиционной деятельностью музея, но и вопросы по учету и хранению музейных предметов, разработке и созданию каталогов. Так, под научно-историческим каталогом они понимали такое издание, которое должно было отвечать «в основных своих чертах следующим требованиям: точности описания, единообразию и наибольшей полноте сведений» по каждому музейному предмету.

В 1953 г. была утверждена инструкция по научному описанию военно-исторических предметов, хранящихся в фондовых отделах АИМ, из которой следовало, что «только обоснованно-документированный военно-исторический предмет может быть использован в научных целях». Устанавливалась структура описания музейных предметов с регламентацией объема: подробное описание музейного предмета; описание событий, связанных с этим предметом (с кратким указанием на «общественную обстановку, предшествовавшую событию», не более пяти-шести строк, и освещением основного события на одной-двух страницах рукописного текста); история предмета «от момента зарождения» до поступления в музей (не более 3 страниц рукописного текста); указание использовавшихся источников; приложения (карты, схемы, чертежи, копии); фотографии. Была определена хронометрированием даже норма заполнения карточек – 120–140 штук в день! Но, как показал опыт, большинство карточек для научного описания ничем не отличались от инвентарных.

Для издания каталогов было принято решение принять за основу имеющиеся научно-инвентарные карточки, дополнив их необходимыми пропущенными данными (дата поступления в музей, год и место изготовления, сохранность, принадлежность, история предмета и др.). Только после этого инвентарная карточка считалась полностью обработанной, и ее данные могли быть использованы и для

Рис. 2. Е.Н. Шевелева. 1952 г.

разработки каталога, предназначенного к публикации.

Перед разработкой и составлением каталогов научные сотрудники музея обсуждали: цель каталога, его структуру и принцип разработки, объем и последовательность описания каждого предмета. Высказывались различные мнения: описывать предмет с подробной историей (даже не относящейся прямо к экспонату) или давать только название предмета с перечислением инвентарных номеров. Это привело бы к тому, что в первом случае каталог представлял бы собой «исто-

рию с иллюстрациями», во втором – список предметов, только по определенной тематике. Обсуждались также вопросы, связанные с указанием в каталогах ссылок на источники. В результате жарких дебатов приняли решение «аннотировать предмет лаконично, сжато, без лишних нагромождений, не относящихся непосредственно к предмету». Предполагалось, что каждый каталог будет включать два тома (первый – предметы отечественного производства, второй – иностранного происхождения). Авторский коллектив стремился к тому, чтобы каталоги, включающие самые разнообразные предметы, имели единую структуру. К каждому разделу составлялась краткая историческая справка. Описание предмета проводилось в следующей последовательности: название, образец, год изготовления, мастер или завод, описание, инвентарный номер. Учитывалось, что каждый каталог будет иметь и свои особенности. Однако не все планы по публикации каталогов, в силу разных причин, оказались реализованы. Среди опубликованных каталогов музея (по материальной части артиллерии, артиллерийским боеприпасам, орденам, медалям и знакам, живописи, рисункам) многим хорошо известны труды Е.Н. Шевелевой.

Родилась она 6.08.1927 г. в д. Залужье Демянского района Новгородской обл. Отец работал учителем в Демянской средней школе². Мать – домохозяйка. В 1937 г. Елизавета поступила в Вильевскую неполную среднюю, а в 1943 г. – в Демянскую среднюю школу.

В 1947 г. поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Из характеристики, данной на историческом факультете: «По социально-экономическим дисциплинам имела только отличную успеваемость. Активно выступала на семинарах. Доклады и выступления отличались строгой принципиальностью, партийностью и глубоким знанием материала. Принимала активное участие в общественной работе. Была агитатором и комсоргом группы. Исключительно дисциплинирована, требовательна к себе, чутко и отзывчиво относилась к товарищам. Политически грамотна и морально устойчива». С отличием защитила на кафедре истории Нового времени дипломную работу – «Лейпцигский процесс». Решением государственной экзаменационной комиссии от 27.06.1952 г. Елизавете Николаевне была присвоена квалификация историка. Несмотря на то что она окончила университет «с правом самостоятельного поступления на работу, с последующим оформлением в отделе распределения молодых специалистов Министерства Высшего образования СССР», Елизавета Николаевна получила направление на работу в Артиллерийский исторический музей и после отпуска,

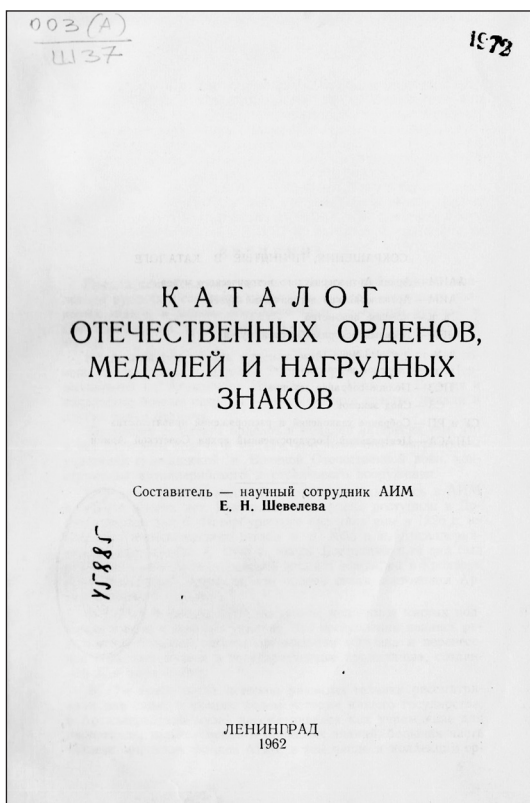

Рис. 3. Каталог «Отечественные ордена, медали и нагрудные знаки»

проведенного у родителей в Новгородской обл., 1.09.1952 г. пришла устраиваться на работу. В этот же день приказом по музею за № 174 Е.Н. Шевелеву приняли на должность ученого хранителя фондов 4 отдела (научного архива) с окладом 850 р. в месяц и с испытательным сроком в 1 месяц³. Учитывая специфику музея, при приеме на работу дала Торжественно-клятвенное обещание⁴.

1952 год – время генеральной реконструкции всех экспозиционных залов. Через несколько дней после приема на работу Елизавета Николаевна была прикомандирована к экспозиционному отделу для помощи в разработке и составлении тематико-экспозиционных планов новых экспозиций. Ей было поручено выполнение научно-исследовательской работы (НИР) по направлению: «Научно-экспозиционные планы и проекты генеральной реконструкции построения и художественно-архитектурного оформления экспозиции по истории артиллерии Советского периода». По воспоминаниям Елизаветы Николаевны, старшие коллеги (часть из них поступила на работу в АИМ после расформирования Музея обороны Ленинграда в Соляном пер.) делились опытом, учили чертить планы новых экспозиционных комплексов.

В эти годы в музей пришло много молодых сотрудников, ставших впоследствии известными специалистами (Лилла Константиновна Маковская, Юрий Александрович Нацваладзе, Татьяна Ивановна Абольская и др.). Для сотрудников всех подразделений АИМ организовывались занятия «по повышению научно-производственной и служебной квалификации; овладению музейно-техническим и методическим минимумом АИМ». Занятия проводились в форме лекций и семинаров по средам⁵.

По плану НИР музея на 1953 г. ученому хранителю фондов Шевелевой поручалось разработать две темы – «Подготовка артиллерийско-стрелковых и технических кадров Советской армии в 1917–1941 гг.» и «Развитие советской артиллерии и стрелкового оружия в период постепенного перехода СССР от социализма к коммунизму в предвоенные годы. Борьба СССР за мир и подготовка к активной обороне 1938–1941 гг.»⁶

Елизавета Николаевна подготовила экспозиционный комплекс, посвященный советской артиллерии в период Советско-финской войны. Однако, стремительный поток событий начала 1950-х гг. внес свои коррективы, и с 16.04.1953 г. «для пользы службы» Елизавету Николаевну перевели в отдел фондов, где ей было поручено в течение

Рис. 4. Исторический фонд

месяца (!) принять на хранение литографии, гравюры, чертежи, фотографии, альбомы, документы и открытки⁷. Указанные предметы необходимо было не только принять на учет, но и разместить в боксах, примыкающих к хранилищу архива. Сложность заключалась и в размещении предметов (многие из них были еще в ящиках), и в том, что не хватало свободного места, так как большинство помещений ремонтировались, и в хранилищах, еще со времен войны, стояли ящики с песком.

По плану НИР на 1955 г. Елизавете Николаевне поручалось научное описание всех эстампов, находящихся на экспозиции. Однако и здесь жизнь внесла свои коррективы. В конце января 1955 г., в связи с увольнением ученого хранителя Особо-ценного исторического фонда и фонда нумизматики (фалеристики) Ф.Д. Гриднева, Елизавете Николаевне была поставлена задача принять и эти предметы⁸.

В этом же году «в целях более широкого привлечения сотрудников музея к обсуждению качества художественного оформления экспозиции» в музее создается Художественная секция⁹, в состав которой была включена и Елизавета Николаевна. Также принимается решение о создании к празднованию Дня артиллерии временной выставки «Ордена и медали»¹⁰.

В 1956 г. сотрудники музея приступают к подготовке инструкции по учету и хранению музейных предметов, каталогов на все музейные коллекции, а также разработке и организации генерального

карточного каталога и указателей к нему. Для всех музейных фондов (хранилищ) необходимо было «разработать структуру и план размещения коллекций по государствам в хронологическом порядке». В план по НИР впервые включается раздел по созданию уже стационарной выставки орденов и медалей, при этом Шевелева должна тематически усовершенствовать временную экспозицию¹¹.

Так как у Елизаветы Николаевны было «смешанное» хранение, приходилось изучать не только предметы фалеристики, но и предметы изобразительного, прикладного искусства. Из заметки в газете «Вечерний Ленинград» от 15 сентября 1956 г.: «АИМ в числе других экспонатов получил “старинную” картину. Она была в очень плохом состоянии, во многих местах порвана, сильно загрязнена, имелись трещины, красочный слой осыпался. Не было известно ни название картины, ни ее автор. Научный сотрудник музея Шевелева Е.Н. установила, что эта одна из картин по теме Отечественной войны 1812 г., написанная художником-баталистом П. Гессом, “Сражение при речке Лосмине 6 ноября 1812 г.”»¹².

В перспективном плане на 1956–1960 гг. планировалось разработать систематические каталоги исторических фондов: на предметы обмундирования, снаряжения, военного быта, а также на ордена, медали и знаки.

Рис. 5. Экскурсия по фонду. 1970 г.

Интересно отметить, что 26.11.1956 г. в АИМ создали комиссию по рационализации и изобретательству. На рацпредложения по экспонированию знамен и плакатов Е.Н. Шевелевой выдали 2 патента.

В декабре 1956 г. Е.Н. Шевелева принимает на ответственное хранение также фонд обмундирования¹³.

Несмотря на увеличение объемов хранения исторического фонда, а в этой связи и количества музейных предметов, которые необходимо было подготовить и выдавать на экспозиции и выставки, Елизавета Николаевна проводила и научно-исследовательскую работу. В 1958 г. в сборнике исследований и материалов музея публикуется первая статья Елизаветы Николаевны, посвященная новым поступлениям предметов в музей¹⁴. А в апреле этого же года состоялось обсуждение структуры каталога отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков из собрания АИМ. Научную и редакторскую правку, вычитку корректур и составление указателей каталога выполнили к 1960 г., но только через два года подготовленную руко-

Рис. 6. Каталог «Нагрудные знаки Русской армии». 1993 г. (обложка)

Рис. 7. Каталог «Ордена Александра I»

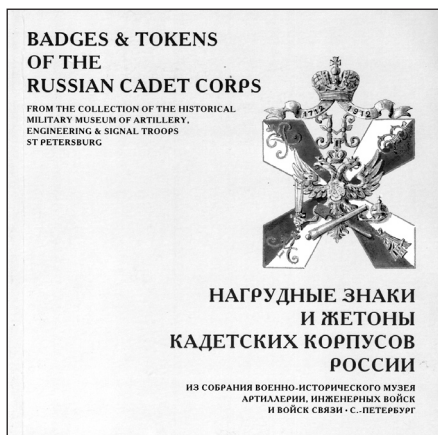

Рис. 8. Каталог «Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов России»

Рис. 9. Экскурсии для американской делегации. 1990-е гг.

пись сдали в типографию газеты «На страже Родины». Типография приступила к печати каталога 20 сентября 1962 г. сохранился документ, в котором начальник музея просит Главное ракетно-артиллерийское управление ускорить отправку в АИМ типографской бумаги, весом 1500 кг¹⁵. Текст каталога объемом 22 печатных листа и тиражом 2000 экземпляров полностью отпечатали в феврале 1963 г. На фабрике им. Ивана Федорова к нему были изготовлены цветные иллюстрации.

Каталог состоял из трех разделов: российские ордена и медали; советские ордена и медали; нагрудные знаки русских полков и учебных заведений Русской и Советской армий. Иллюстрации первой и второй частей располагались в хронологическом порядке учреждения наград, а третьей части – по принципу построения русской армии и военных учебных заведений.

Как рассказывала Елизавета Николаевна, разработка каталога наград в музее проводилась впервые: «Я плохо себе представляла, в каком порядке расположить в каталоге описание нагрудных знаков: если знаки гвардии

**Рис. 10. Консультации исследователей.
С одной из дочерей Г.К. Жукова (справа)**

расположить на первом месте, полки по порядку номеров, а как показать знаки высших учебных заведений? Помог А.М. Макаров, который обратился в музей для подбора сведений о полковых знаках для каталога С. Андоленко. Начальник музея просил исследователя о том, чтобы все полученные им сведения были бы им переданы С. Андоленко только после издания музеем своего каталога. Слово А.М. Макаров сдержал. Каталог свободно продавался в киоске музея, а затем стал библиографической редкостью. В одной из публикаций он назван «одной из первых публикаций в советской исторической науке, рассмотревшей орденскую организацию дореволюционной России»».

С 1960 г. в музей передавалась вся продукция Ленинградского и Московского Монетных дворов. По инициативе Елизаветы Николаевны, с 1963 г., в фалеристическое собрание музея стали поступать предметы, связанные исключительно с военной тематикой, освоением космоса, общеполитическими событиями, спортом и культурой.

Елизавета Николаевна занималась не только хранительской, но и выставочной работой. Так, совместно с Т.И. Абольской были подготовлены выставки: «Героическая оборона Ленинграда. К 20-летию снятия блокады Ленинграда» в 1964 г., а в 1967 г. – «Советский военный плакат».

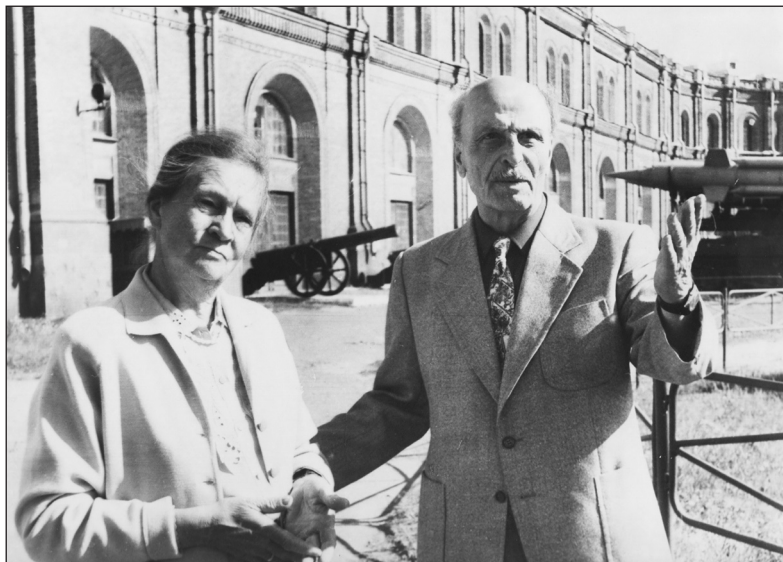

Рис. 11. Е.Н. Шевелева и Ю.А. Нацваладзе. 1997 г.

С 1 марта 1965 г. изменяется название ее должности. Она именуется просто «хранитель фондов». К 1970 г. объем хранения в историческом фонде, который возглавляла Елизавета Николаевна, составил 107 319 музейных предметов! Поэтому «в целях улучшения хранения исторических фондов» принято решение о разделении фонда на 1-й и 2-й исторические¹⁶. Е.Н. Шевелева возглавила 1-й исторический фонд. Во 2-й исторический фонд она передала фотографии, обмундирование, снаряжение, знамена, макеты, предметы быта¹⁷.

В 1971 г. «за долголетнюю безупречную работу в музее, примерность в труде и производственной дисциплине»¹⁸ Е.Н. Шевелева занесена в Книгу Почета музея. В 1978 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры Елизавете Николаевне Шевелевой присвоено почетное звание Заслуженного работника культуры Российской Советской Федеративной Социалистической Республики¹⁹.

В мае 1980 г. на заседании Ученого совета музея обсуждался второй вариант Каталога отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков. Рассматривался вопрос об изменении порядка размещения предметов, применении не предметно-хронологического принципа, как это было в первом издании, а принципа размещения по старшинс-

тву ношения наград. Елизавета Николаевна настаивала на уже принятом принципе, так как считала что, «во-первых – отдельный предмет необходимо рассматривать в исторической последовательности. Во-вторых, выстроив ордена и медали не в хронологической последовательности, мы бы создали трудности в пользовании каталогом. Для музейных работников, историков и исследователей порядок ношения, размещения наград – второстепенный», тем более, что правила ношения меняются. Так как коллекция орденов, медалей, знаков к 1980-м гг. значительно увеличилась, она предлагала к изданию два отдельных каталога: «Ордена и медали» и «Нагрудные знаки». К сожалению, первая часть так и осталась в рукописи, а вторая была опубликована спустя 13 лет.

В 1982 г. Елизавета Николаевна подготовила статью «Знаки отличия артиллеристов» для журнала «Знаменосец». Статья была опубликована в журнале без указания автора, так как на этой же странице была помещена статья маршала артиллерии Г.Е. Перedelьского, командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск. Позже редакция журнала прислала Елизавете Николаевне письмо с извинениями.

В 1983 г., в составе авторского коллектива, принимала участие в составлении путеводителя по музею – «Боевые реликвии»²⁰.

В 1990-х гг. опубликовала ряд статей²¹ по нагрудным знакам артиллеристов, крепостей, юбилейным, должностным и знакам отличия Русской армии, а также об интересных предметах – «летописях истории», которые бережно хранила.

Рис. 12. Подготовка экскурсии. Вторая половина 1990-х гг.

Рис. 13. Вручение Е.Н. Шевелевой памятной медали Н.Е. Бранденбурга

В 1993 г. был издан каталог Елизаветы Николаевны «Нагрудные знаки Русской армии». Материал в нем располагался не в хронологической последовательности, а по принципу построения Русской армии. Сначала описывались знаки гвардейских полков, императорской свиты и конвоя, затем – гренадерских, стрелковых, пехотных, кавалерийских полков, казачьих войск, артиллерийских частей, крепостей, юбилейные, должностные знаки, знаки отличия, знаки военно-учебных заведений. В ходе работы над каталогом некоторые знаки были переатрибутированы.

В этом же году была опубликована еще одна работа, посвященная наградам императора Александра I²². Елизавета Николаевна занималась изучением нагрудных знаков и жетонов кадетских корпусов России, а также иностранных государств (Болгарии, Германии, США, Чехословакии и др.)²³. К сожалению, часть работ так и осталась только в рукописном виде²⁴.

В 1999 г. «за высокие достижения в научно-исследовательской и хранительской деятельности» Елизавета Николаевна была удостоена медали музея – Н.Е. Бранденбурга²⁵.

Елизавета Николаевна много консультировала, проводила экскурсии, занималась методической работой²⁶, готовила материалы для каталогов выставок, в которых музей принимал участие. Последняя

статья была посвящена наградным документам, выданным одному из участников заграничных походов 1813–1814 гг.²⁷ Идея написать такую статью возникла после публикации в журнале «Бомбардир» статьи В.В. Бартошевича и Г.М. Судника «Не ищите их ордена» – о судьбе орденских знаков полководцев Отечественной войны 1812 г. Елизавета Николаевна посчитала интересным показать на подлинных документах, хранящихся в музее, как получали орденские знаки и как их сдавали в Капитул российских орденов после кончины награжденных.

К сожалению, начавшаяся болезнь забрала все силы, и 27.08.2000 г. Е.Н. Шевелева умерла. Елизавета Николаевна с гордостью говорила: «...все мое рабочее время занимает хранительская работа!» Судьба ученого хранителя стала частью истории одного из старейших военных музеев России.

¹ Полковник Ермошин И.П. – начальник АИМ с 12.11.1953 г. по 29.10.1960 г.

² Отец, Смелов Н., умер в 1951 г. Муж, Шевелев Алексей Георгиевич, 1923 г. р. Преподавал в Политехническом институте им. М.И. Калинина. Дочь, Шевелева Ирина, 1952 г. р., окончила химический факультет Ленинградского университета.

³ Приказ подписал начальник АИМ полковник А.С. Каргин. Приказом по АИМ № 199 от 3.10.1952 г. Е.Н. Шевелева утверждена в занимаемой должности.

⁴ Состоялось 15.10.1952 г.

⁵ Приказ АИМ № 211 от 13.10.1952 г.

⁶ Приказ АИМ № 2 от 5.01.1953 г.

⁷ В это время исторические фонды были разделены. Фондовое имущество: картины, скульптура, макеты, предметы быта, нумизматика, ордена, медали, знаки – были переданы на ответственное хранение Блинову Н.Д. В приказе по музею отмечалось, что вышеуказанные предметы необходимо разместить в хранилище № 51. Работу начать 21.05 – окончить 20.06.1953 г.

⁸ Срок до 20.02.1955 г.

⁹ Приказ по АИМ № 207 от 26.08.1955 г.

¹⁰ Руководителем назначен начальник отдела фондов музея – инженер-полковник Заборский Виктор Иванович.

¹¹ Приказ по АИМ № 172 от 18.07.1956 г. Усовершенствование выставки по орденам и медалям планировали закончить к 19.10.1956 г., а затем срок продлили до 17.11.1956 г.

¹² Картина (инв. № 3/1724) была передана в АИМ в 1954 г. из Центрального исторического военно-инженерного музея. Отреставрирована в мастерской АИМ в 1954 г. Реставратор М.Н. Марков.

¹³ Прием-передачу музейных предметов от хранителя Глотова С.С. необходимо было завершить до 15.01.1957 г.

¹⁴ Шевелева Е.Н. Ценные пополнения фондов музея // Сборник исследований и материалов АИМ. Вып. 3. Л., 1958. С. 397–400.

¹⁵ Из рапорта начальника музея от 6.09.1962 г. – См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 1. Д. 207. Л. 88.

¹⁶ Приказ начальника музея № 138 от 6.11.1969 г.

- ¹⁷ Хранителем 2-го исторического фонда был назначен Гордон А.Ю. Акт приема-передачи от 10.03.1970 г.
- ¹⁸ Приказ начальника музея № 7 от 15.01.1971 г.
- ¹⁹ Небольшое сообщение о присвоении ей звания было опубликовано в мае 1978 г. в газете «Красная Звезда». Последовавшие кадровые изменения: 1.11.1978 г. – Елизавета Николаевна переведена на должность научного сотрудника; 1.01.1979 г. – на должность младшего научного сотрудника; 1.10.1982 г. – на должность старшего научного сотрудника.
- ²⁰ Хранить вечно // Боевые реликвии. Путеводитель по ВИМАИВиВС. М.: Воениздат, 1983.
- ²¹ Нагрудные знаки крепостей, юбилейные, должностные и знаки отличия Русской армии // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. 5. Л., 1990. С. 130–158; Нагрудные знаки артиллеристов // Артиллерия и время. Сборник статей и материалов ВИМАИВиВС. Вып. 6. СПб., 1993. С. 206–210; Запечатленная история // Музей военной истории и боевой славы. Сборник статей, посвященных 240-летию ВИМАИВиВС. СПб., 1996. С. 190–199;
- О почестях, о доблести, о славе // Русский ювелир. 1998. № 2–3. С. 60–63 (в соавторстве с Касьяненко О.); Музейная коллекция // Миниатюра. 1999. № 2(42). С. 6–7 (в соавторстве).
- ²² Шевелева Е.Н. Ордена Александра I из собрания ВИМАИВиВС. Каталог. СПб., 1993.
- ²³ Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов // Бомбардир. 1995. № 1. С. 60–66; Крылов В.М., Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов России. Каталог. СПб., 1997; Иностранные награды в собрании ВИМАИВиВС // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений М., 1999. С. 236–238 (в соавторстве); Награды Соединенных Штатов Америки (из собрания ВИМАИВиВС) // Бомбардир. № 8. 1999. С. 99–110 (в соавторстве).
- ²⁴ Каталог настольных медалей из собрания ВИМАИВиВС (рукопись, 1980 г.); Каталог стран Варшавского Договора и Кубы в собрании ВИМАИВиВС (рукопись, в соавторстве, 1980–1999 гг.).
- ²⁵ Приказ начальника музея № 310 от 30.12.1999 г., удостоверение № 7. Медаль Н.Е. Бранденбурга учреждена приказом начальника музея № 274 от 1 декабря 1999 г. Положение и описание медали утверждены 23 ноября 1999 г. Медаль включена в Государственный геральдический регистр за № 517. Медаль имеет два вида: нагрудная и настольная. Автор – Лазарев С.А., дизайнер – Гецкина Е.А., лепка – Долгопаловой А.А. Место изготовления – Санкт-Петербургский Монетный двор.
- ²⁶ Методички (рукописи): экскурсия (лекция) по темам «Отечественные и иностранные ордена», «Боевые награды Родины».
- ²⁷ Шевелева Е.Н. Наградные документы Андрея Микуды // Бомбардир. № 10. 2000. С. 95–97 (в соавторстве).

М.Н. Кирилов (Санкт-Петербург)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ЧАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ТЕКИНСКИЙ И ТАТАРСКИЙ ПОЛКИ)

КНАЧАЛУ Первой мировой войны царская Россия располагала одной из крупнейших по численности армий. Однако тотальный характер войны, масштабность боевых операций и тяжелые боевые потери на фронтах вынуждали правительство искать новые источники пополнения вооруженных сил. Одним из таких резервов оказались горцы Северного Кавказа и коренные жители Средней Азии, которые в мирное время были освобождены от воинской повинности. 16 августа 1914 г. было утверждено новое «Положение о частях, формируемых из туземцев Кавказа на время военных действий». По этому Положению Кавказские «туземные» части становились в строй и пользовались старшинством со дня формирования. Командиры полков, офицеры и военные чиновники назначались на общих основаниях. Комплектование частей нижними чинами производилось добровольцами из коренных жителей Кавказа и Средней Азии, которые должны были иметь собственного коня и конское снаряжение, обмундирование и холодное оружие. Национальные части через своих командиров подчинялись начальникам тех войсковых соединений, в состав которых они входили. В отношении военной подготовки они руководствовались строевыми казачьими уставами.

В 1885 г. была создана туркменская конная милиция, преобразованная в 1897 г. в Туркменский конно-иррегулярный дивизион, с 1911 г. – Туркменский конный дивизион. В 1914 г. дивизион был перестроен в полк, переименованный в 1916 г. в Текинский конный полк.

С началом Первой мировой войны была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, из 3-х бригад, в составе шести конных

полков: Татарского, Ингушского, Черкесского, Чеченского, Кабардинского и 2-го Дагестанского. В августе 1917 г. дивизия была переформирована в Кавказский туземный корпус, состоящий из 1-й и 2-й Кавказских туземных конных дивизий. Корпус действовал в составе 8-й и 9-й армий Северного фронта. В 1918 г. все иррегулярные национальные части были расформированы ¹.

Текинский конный полк

История Текинского конного полка начинается с 80-х гг. XIX в. Старшинство: с 24 февраля 1885 г. Полковой праздник: 6 мая, рождение императора Николая II. Приказом № 51 по военному ведомству от 24 февраля 1885 г. была создана конная милиция, которая на основании приказа № 302 по военному ведомству от 7 ноября 1892 г. преобразована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион (приказ по военному ведомству № 92 за 1911 г.)². В 1914 г. во время Первой мировой войны Туркменский конный дивизион был переформирован в Туркменский конный добровольческий полк, сформирован на средства местного населения ³. Полк состоял из четырех эскадронов. На 26 октября 1914 г. в нем числилось 17 офицеров и 626 всадников. 31 марта 1916 г., поскольку полк состоял, в основном, из текинцев Ахала и Мерва, приказом начальника Штаба Верховного главнокомандующего Туркменский конный полк был переименован в Текинский конный полк ⁴. 23 ноября 1914 г. полк разгромил германскую пехоту под деревней Дуплице-Дуже ⁵. 28 мая 1916 г. отличился в бою у Доброноуца. В результате стремительной атаки полк уничтожил около 2000 и взял в плен около 3000 австрийцев, захватил большое количество артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, боеприпасов, лошадей.

В 1914 г. с началом Первой мировой войны Туркменский конный полк вошел в состав 1-го Туркменского армейского корпуса 1-й армии и принимал участие в боях в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. – январе 1915 г. Командиром был назначен полковник Дроздовский, который одновременно координировал действия Туркменского конного и 5-ого Сибирского казачьего полков, действовавших также в составе 1-го Туркестанского армейского корпуса ⁶. В 1915 г. полк вошел в состав 32-го армейского корпуса 9-й армии ⁷ и принимал участие в Карпатской операции на Юго-Западном фронте в марте 1915 г. В конце марта 1915 г. в составе корпуса был сформирован Санкауцкий отряд, командующим которым был назначен полковник

Дроздовский. В состав отряда входили 169, 174, 649-я ополченческие дружины, 36-я ополченческая батарея и Туркменский конный полк ⁸. Действиями Санкауцкого отряда руководил штаб Новоселицкого отряда ⁹. Туркменский конный полк взаимодействовал с ближайшими частями 3-го кавалерийского корпуса. 2 апреля 1915 г. Дроздовский сдал начальство над частями отряда ¹⁰. В марте полк вел успешные боевые действия как в разведке, так и в наступательных и оборонительных боях, о чем свидетельствуют документы полка. Из донесения командиру полка от командира 18 Донской конной батареи: «...Разрешите также поздравить Вас с успехом и принести свою искреннюю благодарность за взаимодействие при обороне данной высоты...» ¹¹ При проведении разведки, попадая в засады, личный состав полка не только не отступал, но и всячески атаковал превосходящие силы противника. Из донесения начальника разъезда младшего унтер-офицера Ходжанепа Джумаева командиру 2-го эскадрона: «...Мы шли по дороге на дороге есть конюжный (конюшня) ветом (в этой) конюжный есть разъезд неприятеля нас подпустили 5 шагов и дали залпу на нас один всадник упал лошади нам некуда деваться ровный место. Мы расипался и на атаку на них они убежали без борятка (без порядка) бросая торбы и кнуты мы заняли Конюшный и стреляли на них они очень без порядка убежали бросая лошади всадники побежали за лошадем оставного (остального) неприятеля там оказалась пехота и на нас дали залпу мы Чичас (сейчас) деожимся в конюшенный переди большой стрельба оружейный и орудеинный та деревной который мы должны ехать жители говорить занята австриями (австрийцами)»¹². Во время проведения наступления полк настолько стремительно двигался вперед на своем направлении, что часто вынужден был останавливаться и дожидаться соседей ¹³. Он всегда отличался в бою отвагой, высоким профессионализмом и слаженностью действий. Джигиты полка в самых непростых ситуациях не поддавались панике и не теряли самообладания. Боевые товарищи, плечом к плечу сражавшиеся с частями полка, так описывали его действия.

*О бое на переправе у деревни Грушки 29.10.1914 г. отряда
полковника Вейля, в состав которого входил
Туркменский конный полк*

«...В 12 часов было получено донесение, что к деревне Длутово движется колонна противника. Сейчас же было отправлено два

офицерских разъезда. За разъездами были отправлены два эскадрона туркмен под начальством подполковника Чернова, которому было приказано поддержать разъезды и задержать движения противника, двигавшегося в тыл колонн полковника, Вейля, боровшегося у Грушки с превосходными силами немцев. Подойдя к деревне Длутово, подполковник Чернов получил сведения, что рота и эскадрон немцев, вытеснившие наш разъезд полчаса назад, ушли обратно на деревню Ницк и что за ними последовал наш разъезд Сибирских казаков. Тогда Чернов приказал 4-му эскадрону туркмен преследовать отступавшего противника. (...) Рассыпав эскадрон в лаву, командир эскадрона штабс-ротмистр Трушковский повел его в атаку. Увидев эскадрон, немецкая рота открыла частый огонь, который не остановил стремительной атаки туркмен. Противник стал за прочным частотолком и развил сильный огонь – эскадрону пришлось повернуть и отойти за ближайшие строения. Атака эскадрона была настолько стремительна, что немцы, бывшие за укреплениями, стрелявшие с самых близких позиций, стреляли так беспорядочно, что не нанесли никаких потерь, ранена только одна лошадь под командиром эскадрона. Еще перед атакой к эскадрону присоединился взвод 1 эскадрона под начальством поручика Овез-Баева. Взвод этот, также участвовавший в атаке, проявил неудержимый порыв и отвагу. Когда части 7-го Туркестанского стрелкового полка отошли за южную окраину деревни Грушки, я двинулся за ними с офицерами Туркменского полка, с вестовыми и всадниками. Отходили лавой шагом спокойно, как на учении, под обстрелом неприятельских гаубиц. Снаряды гаубичной батареи ложились прямо среди отступающих. Но не производили беспорядка...»¹⁴

Бой у деревни Дуплице Дуже в ночь с 15 на 16 ноября 1914 г.

«...15 ноября Туркестанская бригада продолжала вести бои на фронте Знаков – Костельны – Ретки. Туркменский конный полк находился рядом в деревне Коршницы, производил разведку на флангах позиции и нес службу связи с соседними частями. Высланный в этом направлении в 4 часа 30 минут поручик Овез-Баев доложил, что в районе деревни Соколов противник опрокинул части 13-й Сибирской стрелковой дивизии и что там идет штыковая схватка, слышны стоны и крики, и что в тылу атакованных частей паника. Во время доклада поручика Овез-Баева послышались выстрелы на северной окраине деревни Коршницы, где стоял эскадрон Туркменского конного

полка с кухнями и эскадронными двуколками. Ввиду прорыва, полку было отдано приказание положить на седла вьюки и запрячь обоз. Последний приказано было направить в деревню Мастки. Штандарт и обоз полка ушли под прикрытием 3-х взводов и 1-го эскадрона. Остальные эскадроны собирались к южной окраине деревни Коршницы. ... Со стороны шоссе раздавались выстрелы, было ясно, что противник обнаружил наше пребывание в деревне. В это время прискакало несколько разведчиков, доложив, что по шоссе двигаются немцы. Ротмистр, Эргардт, эскадрон которого стоял у северной окраины деревни, спросил разрешения атаковать противника, в конном строю. Не имея возможности вследствие темноты точно определить место нахождения противника, я решил атаковать его двумя другими эскадронами у другой окраины деревни. Со стороны шоссе противник открыл по деревне частый ружейный огонь. Около шоссе слышался топот скачущих всадников. В это время с южной окраины деревни подъехало ко мне несколько всадников, у которых сзади седла сидело еще по джигиту, это оказались раненые и потерявшие лошадей во время атаки, произведенной 2-м эскадронам. Из расспросов выяснилось, что 2-й эскадрон атаковал роту немцев и артиллерию, что всадники много рубили и взяли пушку и пулемет, но потеряли двух офицеров. От штабс-капитана Эргардта я узнал некоторые подробности славной атаки...»¹⁵

В мае – июне 1915 г. полк принимал участие в отражении германо-австрийского наступления на реках Буг и Висла. В 1916 г. полк действовал в составе 8-й армии¹⁶, а в 1917 г. – в составе 1-го армейского корпуса 9-й армии¹⁷ на Юго-Западном фронте. Всего лишь за два с половиной месяца участия в боевых действиях на германском фронте в полку, насчитывающем 627 всадников, 67 человек было награждено Георгиевскими крестами, свыше 70 человек – медалями «За отвагу», орденами Святого Станислава и Святой Анны различных степеней. Туркменский конный полк снискал славу непобедимого¹⁸. Его боевые успехи сразу привлекли внимание. Журналист «Петроградского курьера» писал: «В бою под Сольдау, на германской земле, впервые видел новые конные части нашей армии из туркмен... Их появление всюду производит фурор и обращает всеобщее внимание». Полк не раз спасал положение на русско-германском фронте. В «Русском слове» известным военным корреспондентом В.И. Немировичем-Данченко были описаны бои под Лодзью: «Налет их на большие силы оторопевших немцев невозможно описать...

Один из офицеров германского генерального штаба говорил: «Кто же мог думать, что у русских есть “дьяволы”, совершающие то, что должно быть вне пределов человеческих сил? Разве можно предвидеть подвиги, граничащие с безумием. Они не поддаются здравому расчету»».

В 1917 г. распоряжением командующего 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова из числа текинцев был выделен отряд для охраны штаба армии под командованием корнета Хана Хаджиева. 20 ноября 1917 г. – полк (24 офицера, около 400 всадников и 2 офицера Георгиевского батальона) во главе с Л.Г. Корниловым походным порядком выступил на Дон. В 1918 г. полк был расформирован. Сведения о дате расформирования полка в документах полка и вышестоящих штабов не содержатся.

Татарский полк

26 июля 1914 г. генерал-адъютант, Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф Илларион Воронцов-Дашков обратился через военного министра к императору с предложением использовать «воинственные кавказские народы», чтобы сформировать из них войсковые части ¹⁹. 27 июля последовало высочайшее соизволение сформировать из туземцев Кавказа и Закавказья, на время военных действий, несколько полков, в числе которых был и Татарский конный полк. Из отношения № 1271 от 5 августа 1914 г. начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н. Юденича Елизаветпольскому губернатору Г. Ковалеву: «Препровождая копию телеграммы Главнокомандующего, сообщаю, что последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на формирование перечисленных в телеграмме туземных частей и указано теперь же принять меры по подготовке безотлагательного формирования этих частей». «...Для формирования Татарского конного полка Его Сиятельство желает избрать лицо высокоавторитетное среди татар, которое могло бы занять соответствующую должность в этом полку, поэтому прошу Вас указать, не имеется ли у Вас в виду среди татар такого офицера, который мог бы выполнить это трудное дело, а также других офицеров, которыми можно было бы пополнить офицерский состав полка. Командира полка Его Сиятельство желает выбрать лично сам» ²⁰.

Формирование Татарского конного полка началось 9 августа 1914 г. на Кавказе в г. Елизаветграде подполковником Половцевым. Полк состоял из 4-х сотен. 1-я сотня полка формировалась из

жителей Казахского уезда, 2-я сотня полка – Шушинского и Джеванширского уездов, 3-я сотня – Арешского, Зангезурского, Карягинского и Ухинского уездов. 4-я сотня – Борчалинского уезда. Кроме того, формирование полка шло за счет запасных кавалерийских частей²¹. Татарский конный полк находился в составе 2-й бригады Кавказской туземной конной дивизии. В период 1-й мировой войны эта дивизия, входившая в состав 2-го кавалерийского корпуса, принимала участие в операциях 8-й и 9-й армий на Юго-Западном и Румынском фронтах. Согласно утвержденным штатам каждый конный полк состоял из 22 офицеров, 3 военных чиновников, 1 полкового муллы, 575 строевых нижних чинов (всадников) и 68 нестроевых нижних чинов. Командиром Татарского конного полка был назначен подполковник Петр Половцев. Помощниками командира полка были назначены уроженец Баку подполковник Всеволод Старосельский и ротмистр Шахверди Хан Зиятханов. К Татарскому конному полку был прикомандирован также подполковник 16-го драгунского Тверского полка персидский принц Фейзулла Мирза Каджар. В начале августа 1914 г. было объявлено о начале записи добровольцев в формируемые полки. Согласно данным Елизаветпольского губернатора уже к 27 августа «добровольцев мусульман записалось в Татарский полк свыше двух тысяч». В связи с тем, что требовалось только 400 человек, дальнейшая запись была прекращена. Губернатор также передал помощнику главнокомандующего Кавказской армией генералу от инфантерии А.З. Мышлаевскому просьбу добровольцев: «Выдать формируемому в Елизаветполе Татарскому полку знамя, высочайше пожалованное императором Николаем I бывшему Татарскому полку (1-й Конно-мусульманский полк, сформированный в годы Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.), хранящееся в Шушинском уездном управлении»²².

К началу сентября формирование Татарского конного полка было завершено²³. Николай II во время пребывания в Тифлисе в ноябре 1914 г. обратился к депутации мусульман со следующими словами: «Выражаю мою сердечную благодарность всем представителям мусульманского населения Тифлисской и Елизаветпольской губерний, отнесшегося так искренно в переживаемое трудное время, доказательством чему служит снаряжение мусульманским населением Кавказа шести конных полков в состав дивизии, которая под командою моего брата отправилась для борьбы с общим нашим врагом. Передайте мою сердечную благодарность всему мусульманскому

населению за любовь и преданность России»²⁴. Вскоре полк выступил в Армавир, определенный как сборный пункт частей Кавказской туземной конной дивизии. В конце сентября полки дивизии были переброшены на Украину, где продолжали проходить боевое слаживание. В начале ноября Кавказская туземная конная дивизия была включена в состав 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Гуссейн-Хана Нахичеванского²⁵. С 15 ноября была начата переброска частей дивизии к Львову. 26 ноября, во Львове, командир корпуса Хан Нахичеванский произвел смотр дивизии. Прямо со смотра полки дивизии выдвигались в район юго-западнее города Самбора, где на берегу реки Саны заняли указанный им боевой участок. Началась тяжелая боевая зимняя работа в Карпатах.

Галицкую кампанию 1914–1915 гг. этот полк ознаменовал заметным участием в невероятном по смелости переходе Карпат. Он держал в страхе всю Венгрию, а при отступлении русской армии прикрывал отход и принимал на себя удары врага. Полк принимал участие в боевых действиях с первых же дней войны, совершив рейд из района своей дислокации, г. Плоцка, на территорию противника, участвовал в Варшавско-Ивангородской операции в сентябре – октябре 1914 г., Лодзинской операции в октябре – декабре 1914 г., в оборонительных боях на территории Польши, Литвы, Латвии в кампанию 1915 г., к концу которой занял оборонительные рубежи по реке Западной Двине в районе Двинска. Особо тяжелые кровопролитные бои были в декабре 1914 г. на Сане и в январе 1915 г. в районе Ломна-Луговиска, где дивизия отражала наступление противника на Перемышль. В феврале 1915 г. дивизия провела ряд успешных наступательных операций. 15 февраля Татарский полк вел ожесточенный бой в районе д. Бринь. В результате упорного сражения, рядом рукопашных схваток противник был выбит из этого населенного пункта. Командир полка подполковник Половцев был награжден орденом святого Георгия Победоносца 4-й степени. В этом бою отличился и полковник принц Фейзулла Мирза Каджар, который также был удостоен ордена святого Георгия Победоносца 4-й степени²⁶. 21 февраля 1915 г. командир дивизии великий князь Михаил Александрович получил приказ командира 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского выбить противника из местечка Тлумач. Для решения поставленной задачи командир дивизии двинул вперед Татарский полк. В результате упорного сражения Тлумач был занят. К концу февраля части 2-го кавалерийского корпуса выполнили

поставленную перед ними боевую задачу в Карпатской операции войск Юго-Западного фронта. В июле – августе 1915 г. полк в составе Кавказской туземной конной дивизии вел тяжелые, но успешные бои на левобережье Днестра. За смелые и решительные действия командир полка был награжден Георгиевским крестом²⁷. Здесь вновь отличился полковник принц Фейзулла Мирза Каджар, к этому времени командир Чеченского конного полка, сменивший погибшего в бою командира полка полковника Святополк-Мирского. Из приказа командира Кавказской туземной конной дивизии: «Особенно выказал он высокую доблесть в период тяжелых боев в районе Винятынцы (12-15 августа 1915 г.), когда, командуя 2-й бригадой, потерявшей около 250 всадников, отбил 5 яростных атак австрийцев ...»²⁸

В начале 1916 г. произошли большие изменения в командном составе. Полковник князь Федор Николаевич (Гембот Жанхотович) Бекович-Черкасский был назначен командиром Татарского конного полка. 31 мая 1916 г. полковник Бекович-Черкасский, получив приказ выбить противника из деревни Тышковцы, лично повел в атаку под ураганным огнем австрийцев три сотни Татарского полка. В результате конной атаки деревня была занята. До середины дня австрийцы несколько раз пытались отбить Тышковцы, но безрезультатно. В течение дня было отбито пять атак противника. Помимо 177 пленных австрийцы потеряли только убитыми 256 человек. За этот бой командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский был представлен к ордену Святого Георгия Победоносца 3-й степени. За весь период войны полковник князь Бекович-Черкасский оказался единственным офицером из туземцев дивизии, представленным к ордену св. Георгия 3-й степени.

В первой декаде июня Татарский конный полк вел бои на западе от Черновиц. Преодолевая упорное сопротивление противника, бригада к середине июня вышла к реке Черемош, на противоположном берегу которой закрепились австрийцы. 15 июня Чеченский и Татарский полки под ожесточенным огнем противника форсировали реку и, с ходу захватив деревню Росток, с боями стали продвигаться вперед на северо-запад к Буковинским Карпатам в направлении города Ворохты в верховьях реки Прут. 14 мая командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский был назначен командиром 1-го гвардейского Кирасирского полка. Командиром Татарского конного полка был назначен полковник князь Леван Луарсабович Магалов. 22 мая начальник штаба дивизии генерал-майор

Половцев был назначен Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Из телеграммы Половцева одному из инициаторов формирования Татарского конного полка Мамед Хану Зиятханову: «Получив разрешение военного министра сохранить мундир Татарского конного полка, прошу вас передать мусульманскому населению Елизаветпольской губернии и Борчалинского уезда, что я с гордостью буду хранить память о доблестном полке, собранном в их же среде, во главе коего я имел честь состоять полтора года. Бесконечным рядом подвигов на полях Галиции и Румынии мусульмане показали себя достойными потомками великих предков и верными сынами нашей великой Родины. Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев»²⁹.

В период летнего наступления войск Юго-Западного фронта Татарский конный полк в составе второй бригады действовал западнее города Станиславов. В тяжелейших условиях лета 1917 г., когда фронт был прорван, а русская армия деморализована и части ее беспорядочно покидали позиции, воины полка стояли насмерть. Многочисленных боевых наград были удостоены воины Татарского конного полка.

Из статьи «Верные сыны России» опубликованной в газете «Утро России»: «...Кавказская туземная дивизия, все те же многострадальные „дикие“, жизнями своими оплачивающие „братания“, ее свободу и ее культуру. „Дикие“ спасли русскую армию в Румынии; „дикие“ безудержным ударом опрокинули австрийцев и во главе русской армии прошли всю Буковину и взяли Черновицы. „Дикие“ ворвались в Галич и гнали австрийцев неделю тому назад. И вчера вновь „дикие“, спасая отступавшую митинговую колонну, рванулись вперед и, отбив позиции, спасли положение... „Дикие“ инородцы... они заплатят России кровью за всю ту землю, за всю ту волю, которых требуют сегодня же организованные солдаты, бегущие с фронта на тыловые митинги»³⁰.

В конце августа было принято решение переформировать Кавказскую туземную конную дивизию в Кавказский туземный конный корпус. В конце сентября – начале октября 1917 г. части и подразделения корпуса, включая Татарский полк, были переброшены на Кавказ. После Октябрьского переворота в Петрограде корпус еще какое-то время сохранял в общих чертах свою организацию как воинское соединение. Еще в октябре – ноябре 1917 г. командир корпуса генерал Половцев проводил смотры полков. 24 октября он прибыл

в Елизаветполь, где принял участие в заседании Мусульманского Национального Комитета³¹. В конце 1917 г. решением Особого Закавказского Комитета начато было формирование Мусульманского (Азербайджанского) корпуса под командованием генерал-лейтенанта Али-Ага Шихлинского³². Корпус в общих чертах был сформирован к концу апреля – началу мая 1918 г. В состав корпуса вошел и конный Татарский полк³³.

Необходимость формирования национальных воинских подразделений мотивировалась несколькими факторами. Главным была воинственность, характерная для кавказских народов. Во всех источниках отмечаются универсальные качества бойцов: «...удар кинжалом верен и редко не смертелен, стрельба ночью навскидку, на звук, на огонек показывает также явное превосходство горцев в этом деле над обученными казаками, особенно над солдатами»³⁴. Части не требовали особой подготовки что позволяло быстро и эффективно вводить их в бой. Командование считало горцев незаменимыми при разведке. К этому виду службы их привлекали начиная с 1853 г. Кроме того, они считались лучшими частями при преследовании неприятеля и действиях малыми группами. Свою роль сыграло желание верхушки страны вовлечь горцев Кавказа в общероссийские общественные процессы, продемонстрировав неразрывную связь Кавказа с Россией, а также сэкономить на содержании регулярных частей из России – ведь в основном национальные части периода Первой мировой войны были добровольческими и снаряжались за счет пожертвований диаспор.

За годы войны через ряды национальных полков прошло около 7000 всадников. В ходе исследования установлено, что к марту 1916 г. национальные полки потеряли убитыми и умершими от ран 23 офицеров, 260 всадников и нижних чинов. Ранеными числились 144 офицера и 1438 всадников. Несмотря на потери, всадники продолжали сражаться на всех фронтах: австрийском, германском, румынском, всегда отличались огромным мужеством и непоколебимой твердостью. За один только 1915 год национальные полки провели 16 конных атак – пример небывалый в военной истории. Количество пленных, взятых Кавказской туземной конной дивизией за годы войны, в состав которой входили национальные полки, в четыре раза превысило ее собственный численный состав. Около 3500 всадников были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость», многие стали полными георгиевскими кавалерами. Все офицеры дивизии были удостоены боевых орденов.

- ¹ РГВИА. Путеводитель. Т. 2.
- ² Кавалерия. Справочная книжка. Изд. 3-е. СПб., 1914.
- ³ Звегинцов В.В. Хронология русской армии 1700–1917 гг. Хронологический указатель. Ч. 3. Париж, 1962.
- ⁴ Приказ начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 415 от 31.03.1916 г.
- ⁵ РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 9.
- ⁶ Путеводитель по ЦГВИА. М., 2001.
- ⁷ РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 6.
- ⁸ Путеводитель по ЦГВИА.
- ⁹ РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 23.
- ¹⁰ Там же. Д. 6.
- ¹¹ Там же. Д. 22.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Д. 3.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Д. 23.
- ¹⁷ Ведомость штабам высших войсковых соединений, войсковым частям и управлениям с указанием, к каким полевым или местным (оседлым) почтово-телеграфным учреждениям они приписаны на сентябрь 1916 г. Изд. 8-е.
- ¹⁸ Гундогдыев О. Ратные традиции туркмен // Туркменистан. 2005. Апрель. № 3.
- ¹⁹ Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 62. Оп. 1. Д. 81.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7, 8.
- ²² Иванов Р.Н. Генерал-адъютант Его Величества. Сказание о Гуссейн-Хане Нахичеванском. М.: Герои Отечества, 2006.
- ²³ РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 6.
- ²⁴ Летопись войны. № 17. 1914. 13 дек.
- ²⁵ Иванов Р.Н. Указ. соч.
- ²⁶ Каспий. 1916. № 45. 26 февр.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
- ²⁸ Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 62. Оп. 1. Д. 82.
- ²⁹ Каспий. 1917. № 154. 26 июля.
- ³⁰ Там же. 1917. № 161. 3 авг.
- ³¹ Сулейманов М. Кавказская исламская армия и Азербайджан. Баку, 1999.
- ³² Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1944.
- ³³ Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.
- ³⁴ Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996.

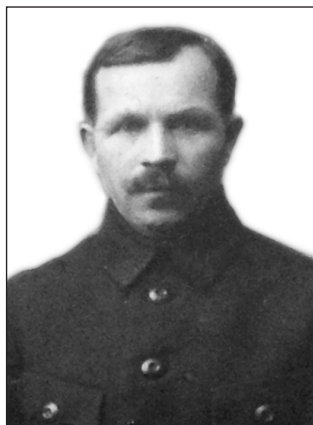
Э.Г. Клейн (Кострома)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРОВ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ музыка звучала в Костромской губернии начиная с XVIII в. В разные годы здесь квартировали Казанский, Суздальский, Зарайский, Перновский и другие полки русской армии. В каждом из этих полков был военный духовой оркестр. Большой вклад в развитие культуры губернии внесли военные капельмейстеры.

Накануне Первой мировой войны и в первые дни после ее объявления активную творческую деятельность здесь вел военный капельмейстер 183-го пехотного Пултусского полка Сергей Ильич Виноградов. Оркестр под его руководством играл на строевых смотрах и парадах, на балах и концертах, сопровождал кинофильмы.

Первым днем мобилизации была назначена дата 18 июля 1914 г.¹ Вечером в Костроме прошла манифестация с участием оркестра Пултусского полка. Газета «Поволжский вестник» тех дней свидетельствует: «Вчера, часов около 9 вечера, публика, собравшаяся на городском бульваре, потребовала исполнения народного гимна. Гимн был исполнен и покрыт громкими кликами “Ура”. Около павильона выросла толпа и потребовала вновь исполнения гимна. И как только музыка кончала, неслись клики:

**Военный капельмейстер
С.И. Виноградов.
Фото 1920-х гг.**

“Ура!”, “Да здравствует Сербия!”, “Да здравствует Франция!” Клики сменялись требованиями сербского, французского и русского гимнов.

– К Сусанину! – понеслось по толпе, и все двинулись с бульвара. Часть публики остановилась близ павильона с просьбой, чтобы манифестантов сопровождала музыка. Музыка оставалась в павильоне. Не дождавшись музыки, толпа с пением гимна проследовала к памятнику Сусанину с национальными флагами. (...)

В это время на площади показался автомобиль губернатора. Около автомобиля собрались манифестанты с флагами, и вновь раздался народный гимн и клики “Ура”. Когда тронулся автомобиль губернатора, толпа направилась снова к бульвару и вторично потребовала, чтобы музыка проследовала к памятнику. На этот раз просьба была исполнена, и вновь все двинулись на площадь. Перед памятником музыкой был исполнен народный гимн. И опять неслись возгласы: “Да здравствует Государь Император!”, “Да здравствует Россия!”, “Да здравствует русское воинство!”

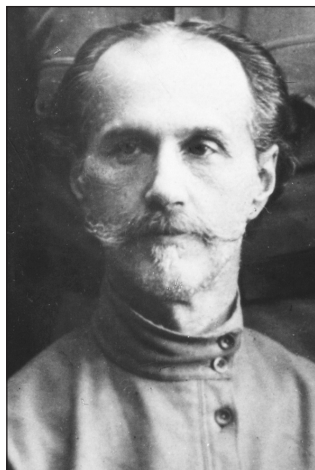
Долгое время около памятника, на который забрались манифестанты с национальными флагами и портретом Государя, стояла тысячная толпа народа, бесчисленное число раз исполнявшая народный гимн. Затем толпа разделилась и одна часть ее, обойдя памятник, проследовала мимо присутственных мест с пением “Спаси, Господи”. Другие манифестанты с музыкой двинулись вновь между рядов и сквером.

– К губернатору, – раздалась возгласы, и обе толпы с музыкой, исполнявшей национальный и сербский гимны и “Славься, ты славься”, соединившись, по Русиной улице пошли к губернаторскому дому»².

В течение двух суток после начала военных действий Пултусский полк, пополнившись запасными и развернувшись по штату военного времени, убыл на фронт вместе с оркестром. 8 августа эшелон прибыл в г. Холм, а 18 августа под местечком Творичевым полк участвовал в первом бою с противником и понес большие потери.

С объявлением мобилизации от Пултусского полка был отделен кадр в составе 19 офицеров и 280 нижних чинов на формирование 323-го пехотного Юрьевецкого полка 2-й очереди, а также штаб будущего 88-го пехотного запасного батальона (впоследствии полка) для формирования маршевых рот. Командиром батальона был назначен полковник Б.Н. Владычек. На базе 88-го пехотного запасного батальона был создан военный

духовой оркестр, на который легла нагрузка по обеспечению традиционных парадов, проходивших в Костроме на плацу перед Успенским кафедральным собором, а также полковых мероприятий. В ноябре 1914 г. оркестр принял участие в похоронах раненого в боях рядового Зимина, «умершего в госпитале Красного креста от заражения крови»³. Во время похоронного ритуала исполнялся траурный марш и церковный гимн Д. С. Боршнянского «Коль славен наш Господь в Сионе», а траурную процессию сопровождал губернатор П.П. Стремоухов. С каждым месяцем война уносила все больше и больше человеческих жизней, и обслуживание похорон прочно вошло в служебную деятельность военного оркестра.

**Командир 88-го пехотного
запасного полка полковник
Б.Н. Владычек**

В 1916 г. оркестр 88-го пехотного запасного полка возглавил капельмейстер Константин Николаевич Васильев (1880–1958). Несмотря на отсутствие

**Духовой оркестр 88-го пехотного запасного полка.
Военный капельмейстер – К. Н. Васильев. Фото 1916 г.**

профессионального образования, он имел опыт оркестрового исполнительства и руководства духовыми оркестрами.

К.Н. Васильев родился в Ярославле. В 14 лет он поступил учеником в оркестр Романовского батальона, где научился играть на тромбоне. После пяти лет обучения в оркестре, Константин Васильев переехал в Кострому и устроился на работу по вольному найму в оркестр Солигаличского батальона. Здесь он берет уроки у капельмейстера С.И. Дмитриева по теории музыки, инструментовке, осваивает методику работы с духовым оркестром.

С приходом этого музыканта к руководству оркестром 88-го пехотного полка популярность коллектива в Костроме возрастает – военных музыкантов приглашают играть в городской театр, на балы в Дворянское собрание. Основу репертуара составляли марши, танцевальная музыка, фрагменты из популярных оперетт.

Следует отметить, что в рассматриваемый исторический отрезок времени оркестры запасных полков содержались нештатным порядком, за счет «полковых средств». Состав оркестра под управлением Васильева постоянно увеличивался. Во второй половине 1917 г. коллектив состоял из 36 исполнителей. Согласно приказу командира полка № 158 от 27 мая 1917 г., предпочтение при зачислении в оркестр отдавалось музыкантам из числа эвакуированных граждан⁴. Наряду с оркестром 88-го пехотного запасного полка, с 1915 г. в Костроме можно было услышать и прекрасно укомплектованный по оркестровым голосам военный оркестр 202-го пехотного запасного полка.

Говоря о траурных церемониях, в которых участвовал военный оркестр под управлением К.Н. Васильева, следует вспомнить похороны командира 202-го пехотного запасного полка П. Н. Чуйкова, скончавшегося в июне 1916 года во время строевого смотра. Один из костромских журналистов сообщал, что «тело П.Н. Чуйкова сопровождал батальон полка и 2 оркестра музыки. Гроб с останками полковника несли офицеры 202-го полка»⁵.

Оркестр под управлением К.Н. Васильева нередко принимал участие в благотворительных мероприятиях. Так, 19 февраля 1916 г. было организовано музыкальное сопровождение «лотереи-аллегри» в пользу сирот воинов при Костромском Мариинском детском приюте⁶, а 1 мая 1916 г. – гулянья на бульваре Костромы, сбор от которого поступил на «усиление средств лазарета и мастерской» при местном комитете «Зеленого креста»⁷.

Особая дружба связывала оркестр с городским театром. Здесь музыканты нередко играли в антрактах и перед началом спектаклей. Такие выступления проходили за плату, которая в среднем составляла 10 рублей за вечер на оркестр.

После событий Февральской революции 1917 г. оркестр 88-го пехотного полка принимает участие в собраниях, митингах и демонстрациях. В репертуаре оркестра появляется «Марсельеза». Описывая одно из собраний Совета рабочих депутатов, проходившее в июне 1917 г., очевидец отмечал: «К 5 часам вечера, ко времени окончания собрания, перед читальней Островского собираются солдаты с двумя оркестрами музыки и рабочие.

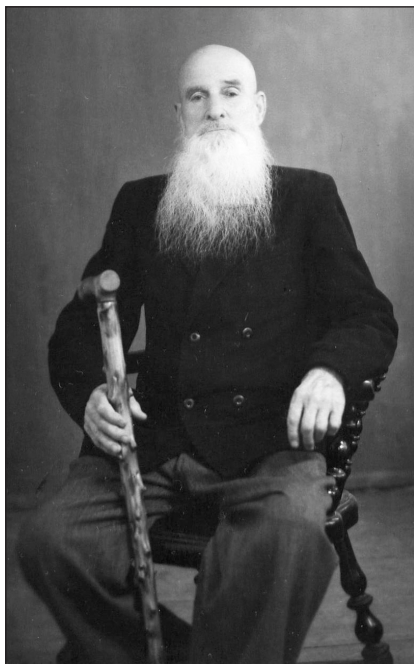
По окончании собрания процессия под звуки “Марсельезы” и “Похоронного марша” направилась к месту расстрела (Солдатская улица), где все собравшиеся, обнажив головы, пропели похоронный марш. Затем были произнесены речи, посвященные событиям 1915 года, и по исполнению 2 оркестрами музыки похоронного марша все разошлись по домам»⁸.

Важное место в служебной деятельности капельмейстера К.Н. Васильева занимало участие в проходах на фронт маршевых рот. Этим мероприятиям военная музыка придавала особую торжественность. Вот как рассказывает о проходах в мае 1917 г. газета «Поволжский вестник»: «Отправлявшиеся на фронт войска собрались с красными знаменами около городской думы, где было им роздано от Совета рабочих депутатов по 50 копеек, от городского управления по булке... Речи всех ораторов покрывались громким “Ура” и звуками “Марсельезы”, исполняемой оркестрами музыки»⁹.

Необходимо отметить, что в 1917 г. одновременно с военным оркестром К.Н. Васильев руководил духовым оркестром одного из костромских кинотеатров. В последующие годы ему пришлось дирижировать оркестрами 10-х пехотных курсов, школы милиции, самодельными коллективами учебных заведений Костромы.

В августе 2005 г. по инициативе военных музыкантов Костромского гарнизона на доме, в котором проживал К.Н. Васильев, была установлена мемориальная доска.

Незаурядной творческой личностью предстает перед нами военный капельмейстер 181-го пехотного запасного полка Кузьма Севастьянович Даренко (1886–1968?). В конце 1916 г. полк был переведен в город Галич Костромской губернии из Петрограда за участие военнослужащих в беспорядках. На новом месте был создан достаточно

**Военный капельмейстер
К.С. Дариенко. Фото 1950-х гг.**

полный по составу военный духовой оркестр. К.С. Дариенко состоял на выборной должности капельмейстера полка с 15 января 1917 г.

Он родился в с. Дмитриевском на Украине. В 1915 г. окончил Курское первое высшее начальное училище, а опыт работы с духовыми оркестрами получил в курской мужской гимназии, где с 1 октября 1914 г. по 1 февраля 1916 г. состоял учителем духовой музыки, заведующим ученическим духовым оркестром и обучая воспитанников игре на духовых инструментах.

В 1916 г. К. Дариенко призывается в войска как ратник второго разряда. Служить он попадает в учебную команду 88-го пехотного запасного полка, расквартированного в Костроме.

Здесь он был назначен заведующим музыкальным образованием команды воспитанников полка.

Несмотря на отсутствие у К. Дариенко профессионального музыкального образования, после службы в Костроме начальник Особой костромской запасной бригады рекомендует направить его в Галич в качестве капельмейстера 181-го запасного пехотного полка. Следует подчеркнуть, что в русской армии было очень мало капельмейстеров с консерваторским или средним музыкальным образованием. Большинство руководителей армейских коллективов были музыканты-практики, имеющие опыт исполнительской деятельности.

Творческая деятельность оркестра в Галиче совпала с революционными событиями 1917 г. После Февральской революции в городе проходят манифестации и митинги с участием войск и военного духового оркестра. Все чаще звучат «Марсельеза», похоронный марш «Вы жертвою пали». Вместе с тем галичские сады и скверы наполняет и

традиционная популярная духовая музыка. Оркестр исполняет старинные русские марши, вальсы, польки, переложения легких симфонических партитур, а капельмейстер К.С. Дариенко выступает как солист на кларнете и ксилофоне. Неоднократно оркестр играл на перроне галичского вокзала, провожая на фронт эшелоны с маршевыми ротами.

Ни одно важное мероприятие полка не обходилось без участия оркестра под управлением К.С. Дариенко. Примером может стать митинг, посвященный дню «займа свободы». Описывая это событие, газета «Поволжский вестник» отмечала: «...на площади красуется устроенная из ельника трибуна. Стекается публика. Выступает полк с оркестром военной музыки... Войска располагаются четырехугольником вокруг ораторской трибуны. Митинг начинает военный комиссар, рисует тяжелое положение страны... По окончании митинга манифестация прошла во главе с полком по улице Свободы»¹⁰.

Как и К.Н. Васильев, военный капельмейстер К.С. Дариенко в последующие годы, после распада Русской Императорской армии, продолжал работать с духовыми оркестрами Костромского края. Занимаясь педагогической деятельностью, он воспитал десятки ребят, привив им любовь к духовой музыке.

В заключение отметим, что в годы Первой мировой войны военные капельмейстеры Костромской губернии вносили большой вклад в развитие военной музыки, воспитывая у русского воинства патриотический дух. Несмотря на трудности военного времени, оркестры были полные по составу, вели активную концертную и служебную деятельность, обеспечивали проведение парадов войск и проводы на фронт маршевых рот.

¹ Все даты даются по старому стилю.

² Поволжский вестник. 1914. 19 июля.

³ Там же. 9 нояб.

⁴ ГАКО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 15. Л. 40.

⁵ Поволжский вестник. 1916. 23 июня.

⁶ Там же. 11 марта.

⁷ Там же. 5 мая.

⁸ Известия Костромского Совета Рабочих депутатов. 1917. 13 июня.

⁹ Поволжский вестник. 1917. 6 мая.

¹⁰ Там же. 23 июня.

А.Н. Клишин (Москва)

АБОРДАЖНЫЕ ПИСТОЛЕТЫ-РЕВОЛЬВЕРЫ ОБРАЗЦА 1870 г. ПРОИЗВОДСТВА Н.И. ГОЛЬТЯКОВА

ПРИКАЗОМ № 33 от 12 марта 1871 г. управляющего морским ведомством револьвер системы Галана с изменениями, сделанными по указанию Великого князя Константина Николаевича, был принят на вооружение русского флота под наименованием «абордажный пистолет-револьвер образца 1870 г.». Многим известно, что это достаточно новаторское на тот исторический период оружие закупалось морским ведомством Российской империи у бельгийских производителей.

История же абордажных пистолетов-револьверов образца 1870 г. производства оружейной фабрики Николая Ивановича Гольтякова сегодня незаслуженно забыта.

Эта продолжительная история началась в 1872 г., когда револьвер системы Галана бельгийской поставки по личному указанию Великого князя Константина Николаевича был направлен в Тулу для известного оружейника и фабриканта Николая Ивановича Гольтякова. Придворный оружейный мастер, поставщик двора Его Императорского Величества Гольтяков должен был изготовить 10 револьверов для проведения испытаний.

Рис. 1. Абордажный пистолет-револьвер образца 1870 г. производства Н.И. Гольтякова, первого типа (без передаточного боя), 1877 г.

Рис. 2. Отличительным признаком револьверов «гольтяковского» производства является не тип курка, а размеры центрального стержня и рычагов

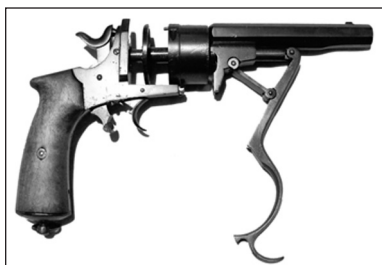

Рис. 3. Сложное устройство револьвера вызвало у Н.И. Гольтякова трудности в организации массового производства

Через шесть недель Гольтяков действительно представил на пробные испытания 5 револьверов. Для облегчения револьвера и «более изящного его вида» Н.И. Гольтяков уменьшил размеры некоторых деталей.

Испытания выявили ряд недостатков. Во всех пяти револьверах сломалась одна и та же деталь – центральный стержень.

15 марта 1873 г. председатель Морского технического комитета контр-адмирал Шварц доложил в канцелярию Морского министерства: «Гольтяков пока не готов производить доброкачественные револьверы “Галан”, поэтому ему следует отказать в заказе на массовое изготовление». Николай Иванович забрал свои револьверы для переделки и запросил разрешения заменить златоустовскую литую сталь, для револьверных деталей, зарубежной маркой стали. Однако Артиллерийское отделение Морского технического комитета свое согласие на такую замену не дало.

В марте 1873 г. Морское министерство, убедившись, что Н.И. Гольтяков «не в состоянии приготовить пистолеты, удовлетворяющие боевым требованиям и не уступающие пистолетам, доставленным из Бельгии», принимает решение не предоставлять ему заказ на револьверы, а заказать 1033 револьвера и 154 950 патронов к ним опять в Бельгии через капитан-лейтенанта Н.М. Баранова.

К концу 1873 г. Гольтяков представил в Артиллерийское отделение изготовленные им «Галаны», которые в процессе проведения пробных испытаний оказались вполне качественными, и их впоследствии демонстрировали на Московской Политехнической выставке.

Но при этом заказы на револьверы давали по-прежнему не Туле, а Бельгии.

Гольтяков изготавливает еще несколько револьверов. В начале ноября 1874 г. прошли их испытания, показавшие удовлетворительные результаты. Теперь Морское министерство заказывает Николаю Ивановичу пробную партию в 500 штук. В случае положительного результата планировалось заключить договор на поставку 5500 револьверов «Галан». Для изготовления стволов должна была быть использована литая сталь Обуховского завода. Рама делалась из ковкого чугуна. Для патронов же Николай Иванович предложил гильзу собственной системы.

Быстрого размещения заказа у Гольтякова не последовало. Заказы на револьверы опять ушли в Бельгию. Известный отечественный специалист по военно-морскому оружию И.М. Суханов пишет: «Учитывая техническую оснащенность и достигнутую практическую способность изготавливать абордажные револьверы “Галан” на Тульском оружейном заводе (по 500 ед. в каждые 1,5 года), Морское министерство приняло решение с 28 августа 1876 г. начать их производство». Делая анализ всех имеющихся источников, можно предположить, что имеется в виду не Тульский оружейный завод, а именно оружейная фабрика Н.И. Гольтякова в Туле. Это подтверждает и ведущий специалист по русскому оружию из Тульского государственного музея оружия И.Б. Пинк: «На тех же условиях (имеется в виду контракт с фирмой братьев Наган. – *Авт.*) в 1876 г. заключен договор с Н.И. Гольтяковым на поставку 5000 револьверов для российского флота».

Что же из себя представляют тульские «Галаны»? Для начала коснемся типовых различий тульского и бельгийского образцов револьверов. Центральный стержень гольтяковского револьвера имеет меньший вырез под задний шарнир рычага, чем у бельгийских. Следовательно, рычаги тульских револьверов имеют меньшую толщину по сравнению с револьверами из Бельгии. Как предполагает И.Б. Пинк, данное отличие было вызвано стремлением Гольтякова увеличить прочность центрального стержня револьверов собственного производства, оказавшейся, как показали испытания, неудовлетворительной. Однако надежность стержня формы, указанной в оригинальных чертежах 1871 г., не вызывала нареканий у бельгийцев. Поломка центральных стержней тульских револьверов была вызвана, скорее всего, качеством металла или другой технологией их производства на фабрике Гольтякова.

Главное же отличие заключается в конструкции бойка – так называемый «передаточный бой» (как покажем дальше, это относится не ко всем револьверам выпуска Гольякова): у бельгийских пистолетов он представляет собой одно целое с курком, тогда как в тульском револьвере боек является отдельной деталью, соответственно различны конструкции задней части рамы. Фактически идея Гольякова была новаторской и впоследствии широко использовалась в револьверах.

И вот мы подходим к самому интересному месту. Каким должен быть револьвер, произведенный в Туле на оружейной фабрике Николая Ивановича Гольякова? Как такие револьверы производились? Сколько их было выпущено?

Частично ответ на эти вопросы был найден в «Оружейном сборнике» № 4 за 1880 г., в котором приводятся материалы Артиллерийского отделения Морского технического комитета, в которых рассматривается «докладная записка приемщика пистолетов в Туле поручика Кулакова, по поводу представленных мастером Гольяковым пистолет-револьверов, для сдачи в морское ведомство».

Кулаков пишет, что пистолет с «передаточным боем», предложенным Гольяковым «взамен обыкновенного курка с бойком, принятого в системе Галан, требует более сильной пружины» и представляет большое неудобство по сложности устройства и большому числу мелких частей и пружин, «служащих для передачи удара курка по пистолетному патрону». Поручик Кулаков предлагает упростить механизм Гольякова, в котором вместо шести частей будет только три. В небольшой сноске говорится, что вариант, предложенный Гольяковым, утвержден по представлению генерал-лейтенанта Пестича в 1878 г. и пистолет № 557 принят за образец.

Гольяков начал производство по официальному заказу, а не для проведения испытаний в 1876 г. (скорее всего, осенью), мощности фабрики соответствовали 500 револьверам в год. В 1876 г. он смог изготовить не более 180 револьверов, а скорее, и того меньше, о чем свидетельствует его прошение о сложении с него штрафа за несвоевременную поставку револьверов первой партии. То есть конец третьей сотни номеров попадает на 1877 г.

Кулаков к своей записке приложил два револьвера с «передаточным боем» своей конструкции. Один револьвер должен был служить образцом для переделки револьверов со «старым передаточным боем» по системе Гольякова, представленных к приемке или

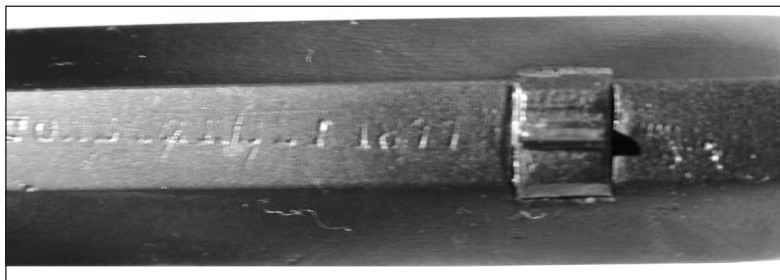

Рис. 4. Обозначение года выпуска (1877 г.) на абордажном пистолете-револьвере образца 1870 г. производства Н.И. Гольякова, первого типа

подготовленных к сборке, а другой для тех револьверов, у которых еще не обрезаны рамы, согласно образцовому пистолету. То есть получается, что и в 1878 г. на фабрике Гольякова использовали нормальные классические рамы, аналогичные бельгийским.

Очень интересным является в «Оружейном сборнике» абсолютно явное указание на наличие гольяковских пистолетов без «передаточного боя». Гольяков передал на приемку 117 револьверов. Из них 111 не были приняты, в связи с конструктивными дефектами «передаточного боя», большим количеством осечек, непрочностью механизма бойка. Принято же было 6 револьверов с курками прежнего устройства, т. е. без «передаточного боя».

Сегодня в государственных и частных коллекциях в России и за рубежом «Галанов» российского производства очень мало. Такие револьверы являются редчайшими образцами уставного оружия отечественного производства. Обнаружение каждого сохранившегося экземпляра этого оружия вносит весомый вклад в их изучение. В начале 2012 г. был обнаружен уникальный гольяковский револьвер системы Галана первого типа без передаточного боя выпуска 1877 г., что подтверждает данные «Оружейного сборника».

Дальнейшее развитие тульских «Галанов» связано с именем Кулакова. Револьверы Кулакова Комиссия Морских артиллерийских опытов начинает испытывать параллельно с двумя бракуемыми Приемной комиссией револьверами. В опытах принимают участие генерал-лейтенант Пестич и поручик Кулаков.

Опыты подтвердили целесообразность модификации Кулакова, его вариант на испытаниях дал наименьшее количество осечек. Плюсы модификации Кулакова: «передаточный бой»

обеспечивал центральность боя, тупой носок бойка не «просекал» капсюль, усилие боевой пружины облегчалось на $\frac{1}{2}$ фунта (0,2 кг), что в «большей степени обеспечивало непрерывность боя». Но были и минусы в этой схеме: усложнение механизма тремя частями, одна из которых – нежная стальная пружина, которую надо держать в чистоте и предохранять от сырости. Было отмечено, что это затруднительно в использовании, особенно в кругосветном плавании.

Артиллерийское отделение определило необходимость переделки револьверов. Но делать это своими силами в мастерских было сложно. Не принимать от Гольякова револьверов, соответствующих образцовому, также было невозможно. Наилучшим выходом было заключить с Гольяковым соглашение о переделке.

Вопрос стал о том, а какой быть этой переделке. Тут было не все так просто. Наилучшим вариантом револьвера был определен первоначальный, аналогичный бельгийскому, с курком, совмещенным с бойком. Но ... чтобы переделать револьверы, надо было изготовить 160 новых рам и 233 новых курка. Для уменьшения расходов было решено переделывать револьверы по методу Кулакова. Но с условием, чтобы они ни в чем не уступали испытанному образцу и не отпускались на суда, уходящие за границу, до тех пор, пока не будет подтверждения прочности мелких пружин и возможности предохранения их от ржавчины или легкой и удобной замены запасными.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что было три основных типа револьверов, выпускаемых Гольяковым: с курком, аналогичным бельгийским моделям, с «передаточным боем» системы Гольякова и «передаточным боем» системы Кулакова.

Отношения с морским ведомством у Гольякова сложились неоднозначные. Проще говоря, ему не доверяли. Было определено специальное клеймо, которым клеймились дефектные части на тульском оружии (такие детали клеймились клеймом «В.Б.»). Причиной этого, если судить по материалам Артиллерийского отделения, было то, что при возвращении дефектных частей Гольяков их переставляет на вновь изготавливаемые револьверы.

Постоянно от Гольякова поступали жалобы, то он просил принять 266 забракованных револьверов, то выплатить деньги за 4 револьвера, части которых были изломаны во время проверки качества материала, то снять с него штраф за просрочку поставки

1-й партии револьверов. Дело тут скорее всего в том, что ставить массовое производство револьверов, достаточно сложных в изготовлении, для частного фабриканта было затруднительным. Выполнение контракта шло не быстро, но продвигалось. Револьверы были дорогими, стоили по 23 р. за штуку. Брака было много: тонкие стенки барабанов, слишком большие гнезда выбрасывателей, значительные зазоры между курком и «коробкой механизма в раме» и т. д. Но Николай Иванович справился, в 1880 г. он поставил флоту уже около 1000 револьверов.

Нельзя не отметить и интересные предложения по усовершенствованию «Галана», таким было предложение инженер-механика подпоручика Алексеева, он ссылаясь на то, что «ложевая рама» револьвера изготовлена из ковкого чугуна и это облегчает закрепление боевой пружины по более простому способу, аналогичному «русским» револьверам системы Смита и Вессона, при котором можно регулировать «натяжения» боевой пружины.

В 1881 г. Морское министерство планировало наладить производство револьверов Галана образца 1870 г. на Императорском Тульском оружейном заводе. Так, командир завода генерал-майор Василий Николаевич Бестужев-Рюмин в апреле 1881 г. доложил в Главное артиллерийское управление, что признает возможность изготовить на заводе револьверы образца 1870 г. для морского ведомства согласно условиям Артиллерийского отделения Морского технического комитета с изменениями, внесенными приемщиком – уже штабс-капитаном – Кулаковым.

С 1874 г. на флот стали поступать револьверы системы Смита и Вессона, которые в начале 1880-х гг. начали постепенно вытеснять «Галаны». Был сделан вывод, что, с точки зрения конструкции, обе модели не имеют существенных преимуществ друг перед другом, предпочтение следует отдать револьверу Смита и Вессона из-за «технических и хозяйственных» удобств, связанных с использованием

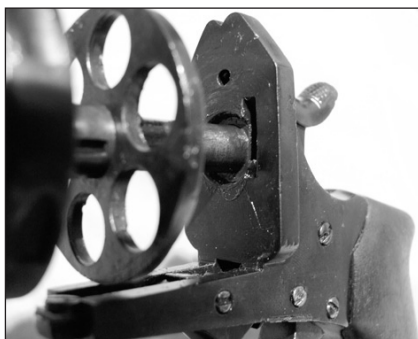

Рис. 5. Рамка револьвера первого типа могла быть достаточно просто переделана под передаточный бой

модели, одинаковой с образцом, принятым в армии. В 1881 г. Великий князь Константин выразил согласие с приобретением револьверов системы Смита и Вессона посредством Военного министерства и приостановкой заказов револьверов «Галан». Окончательно «Галаны» были выведены из употребления в самом начале XX в.

*С.Н. Ковалев, А.А. Михайлов, А.Н. Щерба
(Санкт-Петербург)*

ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ С УЧАСТИЕМ РОССИИ (СССР) В XX ВЕКЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В ТЕЧЕНИЕ XX в. произошли два самых масштабных военных столкновения в истории человечества – две мировых войны. Обе они носили коалиционный характер, в них принимали участие десятки государств мира, а боевые действия велись одновременно на сухопутных театрах военных действий нескольких континентов, на поверхности и даже в глубинах Мирового океана.

В этих войнах Россия (СССР) была активной участницей и стояла у истоков создания коалиций. Вооруженные силы России внесли огромный вклад в победу Антанты в Первой мировой войне и решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. После ее окончания Вооруженные силы СССР составляли костяк Организации Варшавского Договора (ОВД), которой во второй половине XX в. принадлежала значительная роль в обеспечении мира и стабильности на европейском континенте.

В настоящее время мы наблюдаем новое и весьма значимое явление, когда вокруг известных исторических событий, связанных с Первой и Второй мировыми войнами, Организацией Варшавского Договора, разворачиваются настоящие информационные войны. Не секрет, что искусственно порождается много мифов и вымыслов, а правда о хорошо известных событиях преподносится в таком извращенном виде, что ее весьма трудно отличить от лжи.

Особую остроту обрело стремление некоторых исследователей из стран Запада, бывших стран-участниц ОВД и бывших союзных республик СССР усилить негативное отношение к ОВД и роли в

ней Советского Союза, сформированное у большинства европейцев в период «холодной войны», перенести его тенденциозной подачей материалов на Российскую Федерацию.

Все это обуславливает необходимость понимания истоков процессов, имеющих место в настоящее время в сфере международных отношений и связанных с глобальной и региональной безопасностью.

Первая мировая война по праву может быть названа событием, надолго определившим развитие мира в XX в. Неудивительно, что она продолжает привлекать внимание историков, социологов, политологов и др.¹ При этом, на позицию зарубежных (английских, французских, американских и др.) историков относительно роли России существенное влияние оказал ее выход из войны до окончания борьбы, после того как в октябре 1917 г. власть перешла в руки большевиков. Отечественные историки, в свою очередь, часто высказывали тезис о том, что союзники не помогали России в должной мере и стремились, в первую очередь, использовать ее людские ресурсы.

Накануне Первой мировой войны международную ситуацию в Европе определяло существование двух военно-политических блоков: Антанты и Блока Центральных держав. Оба союза были порождены сложным комплексом противоречий между ведущими державами мира и возникли в итоге напряженной политической борьбы.

Отсчет истории возникновения Антанты правомерно начать с 1892 г., когда была подписана франко-российская военная конвенция², мыслившаяся союзниками как противовес Тройственному союзу, который возник еще в 1882 г. и объединил Германию, Австро-Венгрию и Италию.

Несмотря на энергичное сближение с Францией, на рубеже XIX–XX вв. у России сохранялись весьма натянутые отношения с другой потенциальной противницей Германии – Великобританией. Свою роль здесь играли традиционное стремление Британии не допустить установления Россией контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, крайне ожесточенное российско-британское соперничество в Центральной Азии и др.

Посредником в деле российско-английского сближения выступила Франция. А переломным этапом во взаимоотношениях России и Англии стало подписание в 1907 г. двумя державами договора о разграничении зон влияния в Афганистане, Иране и Тибете. Как и англо-французское соглашение 1904 г., договор 1907 г. открыл «путь к дальнейшему сближению и даже союзу»³.

События 1904–1907 гг. положили начало кардинальным переменам на международной арене. Начал складываться новый военно-политический блок, включавший Францию, Англию и Россию, которых прежде разделяли весьма острые противоречия. Тройственный союз, напротив, переживал не лучшие времена, в связи с постепенным выходом из него Италии.

Существенным испытанием для Антанты стали события первой и второй Балканских войн (1912–1913). По словам С.А. Котляревского, развернувшаяся борьба показала, что «русские интересы не могут здесь считаться совершенно параллельными интересам Англии и Франции»⁴. Тем не менее, союз выдержал испытание, более того, предпринимались меры для его укрепления. В 1912 г. Россия и Франция заключили, в дополнение к военной конвенции, военно-морскую конвенцию. В том же году в Париже состоялось совещание начальников морских генеральных штабов адмиралов А. Ливена и К. Обера⁵.

Военно-морская конвенция была заключена также между Францией и Англией. Шла также подготовка российско-английской военно-морской конвенции, но стороны не успели ратифицировать ее до начала Первой мировой войны⁶.

В ходе совещаний российского и французского генеральных штабов, регулярно проводившихся с 1900 г., представителям Франции удалось добиться от русской стороны сокращения сроков подготовки к наступлению против Германии. Так, если в 1911 г. начальник российского Генерального штаба Я.Г. Жилинский обещал, что русские армии начнут наступление на 18-й день с начала мобилизации, то на последнем перед войной совещании 1913 г. он заверял генерала Ж. Жоффра в готовности начать наступление на 15-й день⁷.

Корректировалось также направление главного удара, который в случае войны должна была нанести каждая из союзных сторон. До 1912 г. на русско-французских совещаниях речь шла о том, что русские войска с началом войны нанесут удар по немцам в Восточной Пруссии. Однако затем, по настоянию Ж. Жоффра, был поставлен вопрос о желательности русского наступления вглубь неприятельской территории, в сторону Берлина⁸. Военные планы всех ведущих держав в противоборствующих блоках строились на идее скоротечной войны.

В течение Первой мировой войны союз России, Франции и Великобритании переживал периоды стремления держав к единству

действий, а также взаимных упреков, разочарований. Союзники еще до начала войны осознали, насколько их военные интересы увязаны друг с другом. Усиление давления на противника на одном фронте неизбежно означало ослабление его натиска на другом. При возникновении опасной ситуации союзники надеялись на поддержку друг друга, но эти надежды далеко не всегда в полной мере оправдывались.

Обманутые чаяния, естественно, вызывали раздражение и давали импульс взаимным претензиям. Во многих случаях разногласия были следствием завышенных ожиданий от своих союзников, которые часто проистекали из-за недостаточной информированности о действительном состоянии дел у партнеров и их реальных возможностях. Кроме того, зачастую та или иная сторона ставила на первое место свои собственные интересы.

В первый год войны в действиях русской армии тесно соседствовали весьма впечатляющие успехи и неудачи. 21 июля (3 августа) германские войска вторглись в Бельгию и, преодолевая отчаянное сопротивление малочисленной бельгийской армии, начали движение к границам Франции. 8–12 (21–25) августа 1914 г. в Бельгии и Северной Франции разыгралось Пограничное сражение. В этой ситуации французское правительство и командование настойчиво призывали Россию начать наступление против Германии. Положение французских войск, действительно, было чрезвычайно сложным. Русский военный агент в Париже полковник А.А. Игнатьев сообщал в Петроград: «Вся эта картина дает мне основание предполагать, что <...> весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на наш фронт германских корпусов»⁹.

Россия просьбу союзника выполнила: 4 (17) августа ее армии начали Восточно-Прусскую операцию. Несмотря на то что эта операция завершилась поражением русской армии, она заставила немцев перебрасывать на восток силы с Западного фронта, ослабляя там свой натиск. Начальник германского полевого генерального штаба генерал Э. фон Фалькенгайн признавал, что отсутствие во Франции корпусов, направленных против России, «было особенно чувствительно при решительном сражении на Марне, да и после него»¹⁰.

5 (18) августа русские войска начали наступление в Галиции и нанесли несколько поражений австрийским войскам, что способствовало ослаблению сил не только Австро-Венгрии, но и Германии, вынужденной помогать своей союзнице.

Развернувшаяся в сентябре – октябре 1914 г. Варшавско-Ивангородская операция войск двух русских фронтов против предпринявших попытку наступления австро-германских войск стала одной из крупнейших в истории Первой мировой войны и вновь заставила германцев перебрасывать силы на восток.

Для России ситуация заметно осложнилась в результате выступления на стороне Германии и Австро-Венгрии Турции, предоставившей свои порты на Черном море германским военным кораблям. Ответом стало объявление Турции войны сначала Россией (1 ноября 1914), а затем ее союзниками¹¹.

В течение 1914 г. Россия неоднократно оттягивала на себя значительные силы немцев, что позволило французским войскам, поддержанным Британским экспедиционным корпусом, не допустить прорыва германских сил вглубь территории Франции. Многие российские военные специалисты полагали, что Россия жертвовала своими интересами, тогда как союзники заняли эгоистическую позицию¹². Однако иные (среди них А.А. Брусилов) не без оснований отмечали опасность полного разгрома Франции, губительного и для самой России¹³.

В 1915 г. германское командование приняло решение перейти на западе к стратегической обороне и сосредоточить все свои усилия против России с целью ее разгрома и вывода из войны. Россия оказалась в тяжелейшем положении. Военные поражения ее армий летом – осенью 1915 г. были вызваны сложным комплексом причин, в первую очередь проблемами с обеспечением армии вооружением и материально-техническими средствами, что стало причиной явного превосходства германской армии в вооружении, особенно в артиллерии¹⁴.

Союзники не отказывали России в помощи, но очень жестко ограничивали ее размеры. Ограниченность помощи вызывала у многих русских военачальников серьезное раздражение. В начале 1916 г. генерал М.В. Алексеев писал Я.Г. Жилинскому: «Они не дают нам теперь необходимого, говоря, что еще не заготовили всего для будущих формирований. <...> Итак, мы деремся без тяжелой артиллерии; у англичан лежит без дела тяжелая артиллерия. Ибо еще нет тех войск, которые нужно вооружать тяжелой артиллерией»¹⁵.

Итоги кампании 1914 г. и ход военных действий в 1915 г. показали необходимость усиления взаимодействия российского, французского и британского командования при выработке стратегических пла-

нов войны. Важным шагом в этом стали межсоюзнические конференции, которые регулярно проводились с лета 1915 г. Конкретными стратегическими вопросами, которые интересовали стороны в первую очередь, были сроки наступлений союзников на фронтах.

Первая межсоюзническая конференция открылась 7 июля 1915 г., в штабе французской армии в Шантильи. Представлявший Францию генерал Ж. Жоффр вполне четко определил принципы взаимодействия союзных армий: «Следует принципиально установить, что та из союзных армий, которая в данную минуту выдерживает главный натиск неприятельских сил, имеет право ожидать, что остальные армии придут ей на помощь путем энергичного наступления на своем театре»¹⁶. Однако, на первой конференции выработать единый план действий союзникам не удалось.

В сентябре – октябре 1915 г. французские и британские войска предприняли наступление в Шампани и Артуа. Прорвать оборону противника они не смогли, но, в сочетании с упорной обороной русских войск, их натиск заставил германское командование приостановить наступательные действия на Восточном фронте.

В начале декабря 1915 г., на второй межсоюзнической конференции, ее участники единодушно признали: для победы над Германией необходимо одновременное наступление союзных армий на Восточном и Западном фронтах¹⁷. Выработать планы такого наступления, однако, вновь не удалось. М.В. Алексеев, подводя итог событиям 1914–1915 гг., с горечью писал: «Действия противника носят характер глубоко продуманных общего характера предприятий, наши – каких-то частных ударов, не связанных ни общностью замыслов, ни временем: когда одни атакуют, другие по различным причинам бездействуют»¹⁸.

Летнее наступление войск русского Юго-Западного фронта в 1916 г. не только нанесло тяжкий удар Австро-Венгрии, но наглядно продемонстрировало, насколько тесно ситуация на всем протяжении русского фронта связана с положением на западе. Германии вновь пришлось оказывать помощь своей союзнице, перебрасывая значительные силы из Франции, где в то время шла самая напряженная борьба между германскими и англо-французскими войсками. Кроме того, успешные действия российских войск побудили Румынию примкнуть к Антанте. После «Брусиловского прорыва» французские стратеги уже не пытались заставить российских союзников отказаться от ударов в юго-западном направлении.

Российское командование приложило немало усилий, чтобы наладить с Румынией эффективное сотрудничество, но особого успеха не добилось. Впрочем, Англии и Франции также оказалось не по силам претворить в жизнь декларируемые принципы взаимодействия ни в 1916, ни в 1917 гг.

Причиной того были, прежде всего, умелые действия германского командования, которое опережало действия командования стран Антанты и заставляло его, вместо реализации стратегических замыслов, реагировать на быстро меняющуюся ситуацию.

Используя хорошо развитую сеть дорог и передовое техническое оснащение армии, германское командование успешно осуществляло перегруппировки войск с одного фронта на другой. Кроме того, Австро-Венгрия, в целом, достаточно последовательно действовала в соответствии с планами и рекомендациями Германии. Державы Согласия так и не смогли противопоставить германской стратегии свою объединенную стратегию, что ярко проявилось, например, в период летнего наступления русской армии в 1916 г., в период румынской кампании, в действиях сил Салоникского фронта и других операциях.

Однако Германия потерпела провал в реализации самого главного своего плана: разгрома Антанты по частям. Длительная война с несколькими противниками, необходимость постоянно сосредоточивать силы на разных направлениях, даже при поддержке союзников, неизбежно вела к истощению ее ресурсов и поражению. Выход России из войны после захвата власти большевиками создавал для Центральных держав новую возможность продолжить борьбу. Тем не менее, кардинально изменить ситуацию это уже не могло, тем более, что на стороне Антанты выступили США, обладавшие колоссальным экономическим потенциалом.

Стоит также отметить, что в начале 1918 г. правительствами и военным руководством стран Антанты было образовано единое командование.

Уроки Первой мировой войны как войны коалиционной сыграли большую роль и во многом определили развитие стратегических концепций великих держав в межвоенный период. Вместе с тем, многие наметившиеся в тот период разногласия стали существенным препятствием при формировании новых союзов и блоков, в том числе накануне Второй мировой войны.

По мере отдаления Второй мировой войны в памяти поколений стираются воспоминания о ней, что является благодатной почвой для различного рода фальсификаций. Однако даже самые изощренные вымыслы не способны изменить реальные исторические факты, а они убедительно свидетельствуют о том, что решающий вклад в разгром державы, развязавшей Вторую мировую войну и составлявшей основную военную мощь военного блока, противостоящего странам антигитлеровской коалиции – нацистской Германии и ее союзников, внес Советский Союз. Красной армии удалось также молниеносно разгромить одно из самых мощных и боеспособных объединений японских вооруженных сил – Квантунскую армию¹⁹.

Однако следует подчеркнуть, что в последние годы и, особенно после распада СССР, в исторической литературе США, стран Западной и, особенно, Восточной Европы наблюдается носящая ангажированный характер тенденция к извращению исторических фактов с целью пересмотра решающей роли нашей страны в победе над нацизмом. В этой связи, проблема глубокого анализа деятельности стран антигитлеровской коалиции и вклада СССР в разгром нацизма является весьма актуальной.

Антигитлеровская коалиция – военно-политический союз государств и народов, боровшихся во Второй мировой войне против агрессивного фашистско-милитаристского блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов²⁰. Это была очень широкая коалиция. В конце войны прямые вооруженные действия вели 25 государств, в состоянии войны с Германией и Японией находилось 50 государств²¹. Однако, основными ее участниками были три великих державы – СССР, США и Великобритания²². При этом главную роль в достижении победы над странами агрессивного блока сыграл Советский Союз, что официально и неоднократно признавали лидеры союзных стран²³.

Анализ деятельности государств-участников антигитлеровской коалиции свидетельствует о том, что в условиях длительного, тяжелейшего и самого кровопролитного в истории человечества вооруженного противоборства Советский Союз как держава, внесшая основной вклад в разгром нацизма, всей логикой событий превратился в наиболее влиятельного лидера антифашистской коалиции.

В настоящее время одной из ведущих концепций западной историографии, активно насаждаемой средствами массовой информации, являются положения о доминирующей роли США и

Великобритании во Второй мировой войне и что победа Советского Союза над Германией и ее сателлитами достигнута благодаря помощи со стороны США и Великобритании.

Все эти измышления создают благодатную почву для всяческих извращений, призванных принизить значение вооруженной борьбы на советско-германском фронте. При этом, особенно в последнее время, грубо искажаются достижения советского военного искусства, и на этом фоне развивается исключительно негативный процесс «дегероизации» Красной армии и всего советского народа.

По своему характеру антигитлеровская коалиция являлась уникальным симбиозом государств и интересов и была создана вследствие колоссальной опасности, нависшей как над участниками союза, так и над человечеством в целом. Своеобразной точкой отсчета для установления союзнических отношений стало нападение нацистской Германии и ее союзников на Советский Союз²⁴.

В отличие от Первой мировой войны, когда два противостоящих блока – Антанта и Тройственный союз – образовались задолго до начала боевых действий, в начале Второй мировой войны существовал только блок стран-агрессоров, куда входили Германия, ее союзники и сателлиты. Между тем, антифашистские силы оказались разобщенными, поэтому образование антигитлеровской коалиции происходило уже в ходе войны и в несколько этапов. В марте 1941 г. между США и Великобританией был подписан секретный план, определивший стратегию войны против держав фашистского блока. Англия стала первой страной, получившей американскую помощь по ленд-лизу²⁵. Нападение нацистской Германии на Советский Союз фактически предопределило сближение и формирование союза трех великих держав.

Накануне войны взаимоотношения между будущими союзниками, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Однако правящие круги Великобритании и США вынуждены были признать очевидным, что без Советского Союза любая военная коалиция против Германии и ее союзников будет не жизнеспособна²⁶.

Предполагало ли военно-политическое руководство Германии возможность создания антигитлеровской коалиции, после нападения на СССР? Этот вопрос остается дискуссионным до сих пор²⁷. Вероятно, об этой перспективе в германской правящей элите всерьез никто не задумывался, ибо она, по их мнению, не может реализоваться вследствие несомненного немецкого «блицкрига» в войне с

Советским Союзом. Легкие победы в Западной Европе не вызывали сомнения в быстром разгроме СССР. Но на этот раз руководство Германии жестоко просчиталось, результатом чего стал полный разгром блока под ее руководством.

В то же время политические противоречия между участниками коалиции были столь сильны, что это не раз ставило союз на грань срыва. Самым острым был вопрос об открытии второго фронта. США и Великобритания старались максимально отложить его открытие, но блестящие победы Красной армии и давление мирового общественного мнения заставили лидеров этих стран открыть второй фронт в Западной Европе летом 1944 г.

Следует признать, что военные цели антигитлеровской коалиции намечались исходя из политических целей великих держав. При этом, как правило, США и Великобритания выступали единым фронтом в отношениях с Советским Союзом. Тем не менее, союзникам по антигитлеровской коалиции удалось создать дееспособные межсоюзнические механизмы взаимодействия на различных уровнях, в том числе и на уровне генеральных штабов великих держав. Стратегические вопросы деятельности решались на встречах лидеров трех великих держав, в ходе которых преодолевались и существующие противоречия. Однако на создание единого военного командования и назначения единого главнокомандующего союзные державы не пошли.

Канадский историк Г. Колко пишет: «В действительности были две коалиции, боровшиеся против держав оси. Первая коалиция – между Англией и Соединенными Штатами – была истинным союзом в том смысле, что обе страны придерживались единого взгляда на фундаментальные проблемы, что, однако, не исключало между ними конфликтов серьезного характера. Вторая коалиция была между англо-американским блоком, в котором обе страны действовали в согласии, и Советским Союзом»²⁸. Их объединило осознание смертельной угрозы – и они победили.

Деятельность антигитлеровской коалиции свидетельствует о том, что залогом прочности коалиции служит, прежде всего, политическое единство, которое предопределяет успех военного сотрудничества и позволяет успешно решать всю совокупность военно-политических проблем, в том числе и военно-экономических. Больше того, опыт деятельности коалиции свидетельствует, что необычайно возросла роль военно-технического сотрудничества. Правовой основой для его организации стал американский закон о ленд-лизе.

Практика деятельности антигитлеровской коалиции показывает, что военно-экономические, военно-технические аспекты в деятельности военно-политических органов управления стали иметь гораздо большее значение, чем в коалиционных войнах прошлого. Можно без преувеличения утверждать, что они во многом стали определять стратегию союзного взаимодействия. Это подтверждает вывод Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова: «...коалиционная война наших дней требует особой ее экономической подготовки, заранее обдуманной союзниками, договоренной и осуществленной ими еще до начала войны»²⁹.

Сотрудничество СССР и США в годы Второй мировой войны определило новую расстановку сил на международной арене, сломав сложившийся в Европе баланс сил и структуру международных отношений, существовавшую в течение почти 300 лет. Оба государства готовились к роли великих держав и по-своему представляли себе новый послевоенный порядок: США – как международный капиталистический, СССР – как международный социалистический. К началу 1950-х гг. СССР и США сложились как два мощных в военном отношении государства, будущие сверхдержавы, разделившие поверженную Германию, расположенную в центре Европы, да и саму Европу, на две части.

Все более остро развивалось «двухполюсное противоборство», имевшее глобальный характер, так как фактически речь шла о разделе сфер влияния в мире. У новой системы сверхдержав вскоре появились и другие отличия от прежней международной структуры. Идеологическое и военное соперничество между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком еще более усилило раскол старого международного порядка на два мощных блока, относящихся друг к другу с неизменной враждебностью и подозрительностью³⁰.

В своем докладе, сделанном 28 ноября 1954 г. в Калифорнийском университете, английский фельдмаршал Б. Монтгомери подчеркивал: «...Мир раскололся на две части, и цели этих двух частей – Востока и Запада – прямо противоположные». Он также заметил, что «горячая война будет взаимным самоубийством соперничающих сторон»³¹.

Разгоравшаяся «холодная война» сопровождалась формированием военно-блоковых структур и появлением отдельных военных конфликтов различного масштаба. После Второй мировой войны под эгидой США была создана система многосторонних соглашений и договоров военного характера: НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС.

Странам Восточной Европы, освобожденным в конце войны от нацизма, со стороны Советского Союза оказывалась различная помощь, в том числе и военная с целью создания национальных армий. Становлению армий народно-демократических стран способствовали тесные связи с советскими войсками, временно находившимися на территориях ГДР, Польши, Венгрии и Румынии.

Вместе с тем, в первые послевоенные годы СССР и дружественные ему европейские страны выступали против замкнутых военно-политических блоков. Но вступление в силу в начале мая 1955 г. Парижских соглашений о включении ФРГ в НАТО стало отправным пунктом, обусловившим необходимость принятия мер по обеспечению военной безопасности со стороны стран, вставших на путь социалистического развития³². С их стороны ответным шагом стало подписание на добровольных началах Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. 14 мая 1955 г. была образована Организация Варшавского Договора³³.

Деятельность ОВД во многом определяла систему международных отношений в течение 1955–1991 гг. не только в Европе, но и в мире в целом. Государства-участники ОВД совместно решали задачи по обеспечению военной безопасности. Государствами Варшавского Договора неоднократно поднимался вопрос об одновременном роспуске блока НАТО и ОВД. Вместо блоковой системы в Европе предлагалось создать общеевропейскую систему коллективной безопасности.

Об этом было, например, заявлено в декларации Бухарестского совещания Политического консультативного комитета (ПКК) ОВД в июле 1966 г. В ней была выдвинута широкая программа укрепления мира и безопасности в Европе, развития добрососедских отношений между европейскими государствами на основе принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, об одновременном роспуске существующих военных союзов или, по меньшей мере, ликвидации военных организаций НАТО и ОВД³⁴. В декларации отмечалось, что пока существует агрессивный блок НАТО, страны ОВД будут укреплять свою мощь и обороноспособность³⁵. Все последующие совещания ПКК, вплоть до роспуска ОВД, проходили в этом контексте.

Но эти предложения не получали поддержки со стороны стран НАТО. Этому свидетельствуют и реалии XXI в., отражающие сущность блока НАТО, его устремления использовать военную силу для

отстаивания интересов группы государств во главе с США в различных точках мира, в том числе и вблизи границ Российской Федерации (продвижение НАТО на восток, создание ЕвроПРО и др.).

Взаимодействие СССР с государствами-участниками ОВД осуществлялось по направлениям деятельности ППК, Комитета министров обороны (КМО), органов военного управления (объединенного командования объединенных вооруженных сил, штаба, военного совета), подготовки военных кадров, военно-технического сотрудничества и единой системы ПВО ОВД.

Деятельность ППК ОВД основывалась на демократических принципах. Ведущее положение в нем Советского Союза определялась его ролью в противостоянии США в политической сфере на международной арене и масштабной гонке вооружений. Деятельность ППК ОВД, в целом, была направлена на укрепление мира, доверия и недопущение войны, что отвечало интересам всех участников ОВД. Решения ППК определяли направления укрепления обороноспособности, обороны западной границы, строительства и подготовки ОВС ОВД, поддержания их в готовности к отражению возможной агрессии³⁶.

С образованием Объединенного главного командования Объединенных вооруженных сил решение общих вопросов, относящихся к ОВС стран ОВД, приоритет по принятию решений оставался за политическим руководством государств-участников ОВД – Политическим консультативным комитетом.

В период с момента образования ОВД до 1969 г. функции штаба ОВС выполняло 10-е Главное управление Генерального штаба ВС СССР (ГШ ВС СССР). Это также подтверждает приоритет МО СССР при осуществлении оперативно-стратегического планирования ОВС и их подготовке. Решения и рекомендации, подготавливаемые штабом ОВС для КМО, должны были быть предварительно одобрены Политбюро ЦК КПСС, соответственно действовали и военные ведомства других государств, что в конечном итоге сказывалось на времени подготовки заседаний ППК. Но, с другой стороны, это позволяло тщательно готовить документы³⁷.

В то же время члены КМО имели право на особое мнение. И если они записывали в протокол свое особое мнение (были не согласны) по какому-то вопросу, то это делало исполнение принятого решения для этого члена комитета (государства-участника) необязательным³⁸. Т. е. государства-участники ОВД пользовались правом оставаться

при своем мнении. Характерно, что до ухода из жизни Л.И. Брежнева в 1982 г., в основном таких ситуаций не возникало.

Планирование применения войск и сил, выделенных от каждой страны в состав ОВС на военное время, было тесно увязано с стратегическими задачами, решаемыми ВС СССР. Этой логике следовал порядок разработки рекомендаций по планированию применения войск и сил государств-участников ОВД, которое ГШ ВС СССР осуществлял совместно с Объединенным командованием ОВС на основе анализа взглядов и концепций стран НАТО на ведение военных действий на Западном и Юго-Западном театрах военных действий, последних доктринальных установок этого блока³⁹.

В интересах своевременного доведения полученной информации и ее анализа между разведывательными органами стран ОВД осуществлялась постоянная координация, с 1979 г. объединенная в единую систему учета данных о противнике. Ведущая роль МО СССР в этой сфере определялась использованием средств космической разведки, в обеспечении данными государств-участников ОВД, а также не входивших в Варшавский договор – Вьетнама, Монголии и Кубы.

Опыт подготовки командных и инженерно-технических кадров для ОВС ОВД показывает, что совместное обучение способствовало укреплению отношений между военнослужащими государств-участников, выработке единого понимания по широкому спектру вопросов военного дела. Важной основой подготовки офицеров стали единые полевые уставы, разработанные с учетом национальных особенностей каждой союзной армии на основе советских уставов⁴⁰.

Участие СССР с его развитой научно-производственной базой в военно-техническом сотрудничестве (ВТС) стран ОВС позволяло обеспечить высокую техническую оснащенность союзных армий, модернизацию вооружения и военной техники, разработку новых, более совершенных образцов.

Важным направлением в ВТС являлось сотрудничество в рамках лицензионной деятельности и обмена технической документацией на производство ВВТ и другой продукции военного назначения. От СССР странам Варшавского Договора было передано (безвозмездно или продано) более 2 тысяч различных лицензий⁴¹.

За годы деятельности ОВД был накоплен положительный опыт проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научно-технических консультаций между

сторонами, обмена специалистами. В то же время, одним из недостатков в научных разработках по военной тематике было их дублирование, несмотря на наличие ВТС. Вместе с тем, среди союзников по ОВД имела место и конкуренция – каждый стремился принести экономическую выгоду и другие дивиденды своему государству. Одной из проблем являлось ценообразование на военную продукцию. В целом ВТС стран ОВД способствовало поддержанию ОВС на уровне высоких технологий в ВВТ, обеспечивало по многим показателям конкурентоспособность с западными технологиями.

Главнейшей компонентой коллективной обороны стран ОВД являлась единая система противовоздушной обороны (ЕС ПВО). Ее основу составляли войска ПВО СССР, поэтому командующим ЕС ПВО назначался представитель Советской армии. Самое плодотворное сотрудничество в рамках ОВД развивалось в сфере создания и функционирования единой системы ПВО – системы, повседневно реально защищавшей мирное небо над государствами-участниками Организации Варшавского Договора.

Каким бы ни было устойчивым, согласованным и отлаженным сотрудничеством внутри ОВД, тем не менее, ряд событий, произошедших в самих государствах-участниках и, особенно, под воздействием внешних факторов, способствовали распаду Варшавского Договора.

А.И. Грибков в своей книге «Судьба Варшавского Договора: Воспоминания, документы, факты» об этом писал так: «Каждое силовое вмешательство со стороны Советского Союза и группы стран Варшавского Договора, как это было в 1968 году во время чехословацких событий, не укрепляло союз социалистических стран – хотя на короткое время и наступало затишье <...> В конечном итоге в какой-то степени ослаблялось сотрудничество между странами Варшавского Договора, медленно расшатывались идеологические устои, подрывались вера народа в идеалы социалистического строительства, доверие к партийно-государственному руководству и в целом к политике, проводимой коммунистическими и рабочими партиями»⁴². А.И. Грибков подчеркивал: «Одной из главных причин социальных потрясений в большинстве стран Варшавского Договора было то, что ни руководство Советского Союза, ни руководство других социалистических стран не анализировало причины социальных взрывов, не делало самокритичных выводов из тех потрясений, которые переживали народы»⁴³.

В итоге волна антигосударственных выступлений в 1989 г. была логическим следствием распада Организации Варшавского Договора, Ялтинско-Потсдамской и социалистической системы в Восточной Европе. Этому предшествовала трансформация прежней системы международных отношений и ее структуры, произошедшая на рубеже 80-х и 90-х гг.⁴⁴ С завершением эры биполярной конфронтации оформились две противоборствующие тенденции в международных отношениях: первая – направленная на становление многополярности в межгосударственных отношениях, вторая – направленная на лидерство США при поддержке развитых западных стран.

В события, вызванные этими изменениями, оказались втянуты государства, образованные из бывших республик СССР, которые стали объектом мощного воздействия извне⁴⁵. Для России же решался принципиальный вопрос – останется ли она относительно равноправным субъектом мирового сообщества? Опасения были обоснованными – в директиве министерства обороны США № 13 от февраля 1992 г. и рассчитанной на период по 1999 г. говорилось, что в ближайшем будущем США станут непререкаемым военно-политическим лидером в мире, и в связи с этим отмечалось, что в случае необходимости США вправе отказаться от коллективных действий в рамках ООН и могут совершать односторонние военные акции, а также наносить превентивные удары, по своему усмотрению. В этом документе, в частности, говорится, что цель НАТО в будущем – вводить миротворческие силы в регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий на территории от Атлантики до Урала. Этим же документом отдельными потенциальными объектами обозначаются Сибирь и русская Прибалтика⁴⁶.

События 1990-х и начала 2000-х гг. показали, что постсоветское пространство превратилось в арену борьбы за передел сфер влияния, где столкнулись интересы противоборствующих мировых и региональных держав. Наглядно проявилась реальность военной опасности для России с территории некоторых государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) и Балтии (в первую очередь – с принятием Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО). Значительно возросла террористическая опасность⁴⁷.

Все это в современных геополитических условиях требует, наряду с развитием и совершенствованием военного потенциала Российской Федерации, формирования и развития союзнических отношений с государствами-членами Организации Договора о коллективной

безопасности (ОДКБ) и государствами-участниками СНГ, дружественных и партнерских отношений с другими государствами. Российская Федерация должна оставаться самостоятельным субъектом международного права с мощным военно-экономическим потенциалом, способным сплотить вокруг себя союзников.

В целом имеющийся у России уникальный опыт подсказывает, что для разрешения противоречий и устранения угроз необходимо объединение усилий народов и их лидеров, основанное на доброй политической воле и принципах равноправия.

¹ Васюков В.С. К историографии внешней политики России в годы первой мировой войны (1914–1917) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 18–21.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 281.

³ Котляревский С.А. Иностранная политика // Русская мысль. Кн. 1. 1908. С. 224.

⁴ Котляревский С.А. Итоги годы // Русская мысль. Кн. 1. 1914. С. 4–5.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 436.

⁶ Лулева Ю.В. Англо-российские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. М., 1997. Вып. 4. С. 195, 197.

⁷ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 715.

⁸ Там же. С. 712, 716.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1126. Л. 63.

¹⁰ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 20.

¹¹ Емец В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 127.

¹² Зайончковский А.М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 гг. М.-Л., 1929. С. 234.

¹³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 76.

¹⁴ Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 259.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 99.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3017. Л. 1–2.

¹⁷ Павлов Ю.А. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008. С. 89.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 73.

¹⁹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1970. С. 535–554.

²⁰ Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 45.

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945. В 2-х ч. Ч. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 136.

²² Военный энциклопедический словарь. С. 45.

²³ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хелла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е.Я. Троянская. М.: Политиздат, 1990.

²⁴ Виноградов В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. Т. 2. М.: «Светлица», 2010. С. 179.

- ²⁵ Россия в мировой истории. Учебное пособие / Под ред. В.С. Порохни. М.: Изд. МАИ, 1996. С. 296.
- ²⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Ч. 1. С. 137.
- ²⁷ Проблемы формирования и развития блокового противостояния на Севере Европы и в Балтийском регионе после Второй мировой войны 1939–1945 гг. Материалы работы круглого стола 29.10.2010 г. СПб.: Политехника-сервис, 2012.
- ²⁸ Трухановский В.Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е годы. М.: Межд. отношения, 1976. С. 247.
- ²⁹ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1982. С. 552.
- ³⁰ Белашенко Т.К. США: 200 лет – 200 войн. М., 1976; Его же. Форпосты Пентагона. М., 1980; Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции. М., 1979; Иванов И.И. Стратегия агрессии. М., 1966.
- ³¹ Доклад под заголовком: «Какой будет война». См.: United States News and World Report. 1954. 17 December.
- ³² Парижские и боннские соглашения по Германии. Объединенный текст. М., 1955. С. 234.
- ³³ Договор подписали СССР, Польша, Чехословакия, Болгария, ГДР, Венгрия, Румыния и Албания. С 1962 г. Албания перестала участвовать в деятельности Организации Варшавского Договора, а в 1968 г. заявила о выходе из нее.
- ³⁴ Документы Совещания Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского Договора. М.: Политиздат, 1966. С. 16.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Для проведения консультаций и рассмотрения вопросов, возникающих в связи с осуществлением Варшавского Договора, создан Политический консультативный комитет (ПКК). На практике сложилось, что в ПКК представлены все государства-участники Варшавского Договора на самом высоком уровне.
- ³⁷ Грибков А.И. Судьба Варшавского Договора: Воспоминания, документы, факты. М.: Русская книга, 1998. С. 34.
- ³⁸ Там же. С. 46.
- ³⁹ Там же. С. 64–66.
- ⁴⁰ Там же. С. 62–63.
- ⁴¹ Там же. С. 60.
- ⁴² Там же. С. 165.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Алешин В.А. Обеспечение военной безопасности России на геополитическом пространстве бывшего СССР: исторический аспект (1991–2004 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М.: ИВИ МО РФ, 2010.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ URL: <http://moskprf.ru/stati/voyna-protiv-rossii.html> (дата обращения 15.10.13).
- ⁴⁷ Политика США по отношению к СССР, а теперь и России, состоит в расчленении единства славянских государств и народов. В законе PL 86–90 – «Законе о порабощенных народах» – единогласно принятом конгрессом США и одобренном 17 июля 1959 г. президентом Д.Д. Эйзенхауэром, сказано: «США должны стремиться к расчленению советского монстра на 22 государства». В их числе, кроме Украины, Белоруссии и других республик Советского Союза, названы Сибирь, Дальний Восток, Урал и Кавказия.

В.Г. Колотушкин (Великий Новгород)

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1941–1944: РЕЙДОВАЯ ТАКТИКА
ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ**

ОДНОЙ ИЗ ФОРМ партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны являлись рейды по тылам противника¹. Согласно определению В.Н. Андрианова, рейд – это «совокупность боевых, диверсионно-разведывательной и массово-политической деятельности, проводимых партизанами по пути следования, когда их отряды уходили на длительное время из районов своего базирования или покидали их вовсе»². В первый период войны рейдовые отряды существовали наряду с базовыми, сформированными в оккупированных районах. С потерей баз местными отрядами эти различия стирались³.

Рейдовая тактика партизанской борьбы была наиболее характерна для Северо-Запада РСФСР: Ленинградской обл. и Карело-Финской ССР. Как писал в своих воспоминаниях бывший начальник политотдела 5-й Ленинградской партизанской бригады (далее – ЛПБ) И.И. Исаков, зарождение рейдовой тактики в советском партизанском движении произошло в тылу группы армий «Север»⁴. Среди бригад первой такую тактику применила 2-й особая партизанская бригада (далее – ОПБ), которая вела боевые действия на территории Калининской обл. до конца марта 1942 г.⁵ Рейды также были и наиболее сложной формой действий советских партизан, так как требовали одновременного решения различных задач (ведение разведки по маршруту движения и в радиусе действий партизан, снабжение продовольствием и боеприпасами, обеспечение связи, выполнение боевых заданий, изучение местных условий, укрепление связи с населением и т. д.)⁶.

Большое значение в развитии рейдовой тактики на северо-западе имел географический фактор⁷. Маршрут и объекты рейда обычно планировались в советском тылу. В рейде в зависимости от его цели могли участвовать как крупные соединения (бригады, полки, батальоны), так и разведывательно-диверсионные отряды и группы, которые активно использовались Ленинградским штабом партизанского движения (далее – ЛШПД) в 1941–1942 гг. В 1942 г. штаб отказался от использования рейдовых формирований, базирующихся в советском тылу или на освобожденной от оккупантов территории (в Партизанском крае), и сосредоточился на организации бригад, которые постоянно действовали в тылу противника вплоть до освобождения западных районов Ленинградской обл. в начале 1944 г.

Летом 1942 г. ЛШПД разработал план боевой деятельности партизанских отрядов на оккупированной территории, согласно которому бригады, базирующиеся в Партизанском крае, должны были перейти в другие районы области с задачей максимально возможного охвата населения⁸. Далеко не во всех оккупированных районах местному руководству удалось организовать партизанское движение. По воспоминаниям бывшего председателя Заупорского сельсовета Батецкого района Г.Г. Семенова, в его родных местах о партизанах почти ничего не слышали на протяжении 2 лет, т. е. до ноября 1943 г., когда из Уторгошского района был направлен уполномоченный 5-й ЛПБ⁹.

Согласно плану, в июне 1942 г. опергруппа при Военном Совете Северо-Западного фронта потребовала от командования 4-й ЛПБ не позднее 21–23 июня 1942 г. вывести бригаду из края в другой район действий и совместно с 1-й ОПБ организовать новый советский район с охватом населения Порховского, Карамышевского, Псковского и Новосельского районов. После перехода железной дороги и шоссе Дно – Бежаницы бригада должна была идти широким фронтом¹⁰. Две бригады также должны были сопроводить к латвийской границе полк «За Советскую Латвию»¹¹. Маршрут перехода был в течение 10 суток исследован двумя разведгруппами: старшего лейтенанта Д.М. Голованова из 1-й ОПБ (4 чел.) и В.И. Кухарева из 4-й ЛПБ (5 чел.). Не дожидаясь возвращения групп, 20 июня 1942 г. 4-я ЛПБ и латышский полк выдвинулись из Партизанского края. После перехода Витебской железной дороги в районе разъезда Судома и р. Судома полк должен был идти в направлении г. Острова, а 4-я ЛПБ – в Порховский район. При форсировании реки в ночь на 22 июня 1942 г. партизаны столкнулись с карательными частями и подразделениями

и были вынуждены двигаться на юг. От деревень Пригоны и Шубино бригада шла не колонной, а клинообразно, охраняя латышский полк: на правом фланге двигались отряды № 67 В.П. Зуева и № 69 Н.В. Морозова, а на левом – № 68 С.Н. Чебыкина и № 66 И.И. Грозного¹². К 24 июня 1942 г. партизаны вышли к д. Вышегород, где встретились с разведгруппой В.И. Кухарева. В д. Киевка бригада рассталась с латышским полком, который продолжил путь в юго-западном направлении. Столкнувшись с преследованием карателей в массиве Громулинских лесов, бригада 3 июля 1942 г. вновь выступила в Партизанский край, куда вернулась 7 июля 1942 г. Впоследствии бывший командир бригады А.П. Лучин, который не участвовал в этом рейде (в мае 1942 г. он был эвакуирован в советский тыл в связи с ранением), вспоминал, что население деревень в целом радушно и гостеприимно встречало партизан и даже просило отряды размещаться на постой не в лесу, а в деревнях¹³. За время рейда к личному составу бригады присоединилось до 20 военнопленных, в том числе бывший командир стрелкового полка майор Т.А. Новиков. Тем не менее, рейд был признан неудачным, комбрига майора И.М. Киянского сменил первый секретарь Старорусского райкома ВКП(б) С.М. Глебов.

Во второй раз бригада вышла из Партизанского края 29 июля 1942 г., но вернулась в край из-за невозможности перехода Витебской железной дороги на участке Шиловского ручья. 7–12 августа 1942 г. отряды (4 отряда в составе 327 чел.) поочередно покинули край и прибыли в Стругоокрасненский район 14–23 августа 1942 г.¹⁴ На новом месте 4-й ЛПБ не удалось сохранить целостность, отряды перешли к самостоятельным действиям на коммуникациях противника. К ноябрю 1942 г. отряды находились на расстоянии 50–70 км от штаба бригады и в середине ноября 1942 г. утратили радиосвязь со своим командованием¹⁵.

Неудачно сложился и рейд 1-й ОПБ в новый район боевых действий. В октябре 1942 г. бригада достигла Лядского района в составе около 150 чел. (из Партизанского края в рядах бригады вышли 305 чел., но почти половина личного состава бригады осталась в юго-западных районах, южнее железной дороги Псков – Дно)¹⁶. К весне 1943 г. личный состав бригады (60 чел.) ощущал острую нехватку продовольствия, обуви, питания к рации и т. д.¹⁷ Недостаток транспортной авиации в распоряжении ЛШПД и нелетная погода поставили бригаду в критическое положение¹⁸.

Вытеснение партизан из Партизанского края в сентябре 1942 г. и фактическая потеря нескольких партизанских соединений зимой 1942–1943 гг. стали причинами временного отказа руководства партизанским движением от практики создания и удержания постоянных баз крупных сил в немецком тылу (партизанских краев и зон). В первой половине – середине 1943 г. 3-я ЛПБ А.В. Германа, 5-я ЛПБ К.Д. Карицкого (сформирована в Славковичском районе в феврале 1943 г.) и другие формирования сосредоточили свои усилия на рейдовой тактике¹⁹. Действия бригады А.В. Германа являлись наиболее ярким примером активных рейдов. В течение года, с сентября 1942 по осень 1943 гг., рейдовая тактика преобладала в действиях партизанских бригад.

Исследователи отмечают значение фактора времени года и его влияние на деятельность партизан²⁰. Для действий в условиях зимнего времени отряды обеспечивались лыжами. В докладной записке представителей 7-й отдельной армии по партизанскому движению капитана госбезопасности Н.А. Алмазова и ст. политрука Н. Романцева от 29 ноября 1941 г. сообщалось, что лыжи партизанами добывались у местного населения и не всегда отвечали условиям быстрого перехода²¹. Член Лужского межрайонного партийного центра М.Г. Абрамов вспоминал: «В этот день (5 марта 1943 г. – В. К.) кое-кто из нас проклинал и партизанских интендантов. Кто-то из них на хвойнинской базе додумался послать нам тонкие, изящные беговые лыжи. Наступил неаккуратно такой лыжей на пень или корень – и она пополам. На первом или втором переходе все беговые лыжи вышли из строя»²². Впоследствии изготовление лыж было налажено в тылу противника, например, к началу 1944 г. в мастерских Солецкого района для партизан 5-й ЛПБ было изготовлено кроме 165 полушубков, 144 ватных пальто, 200 пар рукавиц, 75 пар валенок – 135 пар лыж²³.

Важную роль в выработке тактики ленинградских партизан сыграл военный фактор. В условиях нестабильного фронта для действий рейдовых формирований сохранялся оперативный простор, но не на всех участках фронта. Если в южных районах Ленинградской обл., в полосе Северо-Западного фронта крупные силы партизан могли почти без потерь перейти линию фронта и выйти в район боевых действий²⁴, то в полосе Волховского и Ленинградского фронтов к концу 1942 г. действия партизан в прифронтовой полосе стали практически невозможными. В.П. Самухин отмечал, что для партизанской борьбы в полосе Волховского фронта были характерны рейдовый характер,

сокращенное пребывание отрядов в тылу противника и уменьшение численности отрядов до 15–20 чел.²⁵ В 1941–1942 гг. ШПД предпринималась переброска в тыл противника на этом направлении значительных партизанских сил, которые должны были активизировать партизанское движение в полосе фронта²⁶ и содействовать проведению Любанской операции. Например, в феврале 1942 г. успешно перешел линию фронта батальон Е.Ф. Туваловича численностью около 200 чел., который до 26 июня 1942 г. действовал на дорогах Мгинского, Тосненского и Оредежского районов²⁷.

Самым большим соединением, которое было задействовано в партизанских операциях 1942 г. в этом районе, была 1-я Волховская ПБ первого формирования. В марте 1942 г. бригада перешла линию фронта на территории Оредежского и Лужского районов, но, несмотря на большую численность – 538 чел., а во многом и из-за низкой подвижности многочисленного соединения²⁸, лишь частично выполнила поставленные перед ней задачи и с потерями отошла в советский тыл. С февраля 1942 г. в полосе Волховского фронта успешно действовал отряд Д.Ф. Косицына (при объединении 12 отрядов в сводный лыжный батальон в январе 1942 г. подразделение не смогло перейти линию фронта между разъездами Погостье и Жарок)²⁹. Ранее отряд Д.Ф. Косицына – одно из первых рейдовых формирований в Ленинградской области (создан 29 июня 1941) – провел два успешных рейда и нанес существенные потери противнику на территории Порховского и Лужского районов.

В январе 1942 г. Большевишерский отряд И.С. Башукова – В.И. Медведева был направлен к линии фронта в полосе 59-й армии, но перейти в тыл противника не смог. В ночь на 28 января 1942 г. отряд был вынужден ночевать в лесу при температуре – 40 °С, 5 чел. заболели из-за ветхой одежды (в штабе дивизии бойцам не выдали обмундирование), и отряд был возвращен в Малую Вишеру для пополнения³⁰. Новгородский районный отряд Б.Д. Талантова, находившийся на освобожденной территории в полосе 52-й армии, в феврале 1942 г. также не смог перейти линию фронта, а в марте 1942 г. даже использовался в обороне как воинское подразделение³¹. Приказ № 6 по оперативному отделу ЛШПД от 11 июля 1942 г., который предписывал лейтенанту К.П. Чуфырину провести разведку переднего края обороны противника на участках 4-й, 54-й и 8-й армий, придавал организации перехода линии фронта отрядами и группами «исключительную важность и значение»³².

Спустя год, в марте 1943 г., заброска 1-й Волховской ПБ второго формирования (впоследствии – 11-я бригада) производилась самолетами в глубокий тыл противника, что также не помогло ей избежать столкновений с карателями. В постоянно меняющихся условиях войны на территории врага продолжительные рейды часто преследовали цель вывода сил бригады из-под удара частей противника³³.

На первом этапе войны (1941–1942) рейдовая тактика была наиболее характерна для отрядов и бригад, действовавших в прифронтовой полосе, в непосредственной связи с частями Красной армии. Во второй половине сентября 1941 г. в тылу группы армий «Север» действовало 57 рейдовых отрядов, направленных из Ленинграда (в том числе 27 отрядов с радиостанциями, всего 2 тыс. чел.)³⁴. Первоначально деятельность отрядов координировалась из Ленинграда (с июля 1941 г. – оргтройкой, с сентября 1941 г. – Штабом партизанского движения при обкоме ВКП(б)), впоследствии – опергруппами при Военных Советах фронтов и армий, подчиненных ЛШПД (создан в мае 1942 г.). Перед отрядами, которые действовали самостоятельно или объединялись в группы, военным командованием ставились задачи вести разведку и наносить удары по коммуникациям и штабам противника³⁵. Также бойцы партизанских отрядов, которые хорошо знали местность, занимались выводом «окруженцев» в советский тыл, освобождением военнопленных, действовали в качестве проводников. Например, Полавский районный отряд к 5 февраля 1942 г. 32 раза направлял разведку в глубокий тыл противника, вывел из тыла 2 группы бойцов и командиров РККА (133 чел.), под руководством проводников из отряда через линию фронта было переправлено 11 групп разведки, 19 раз проводники выделялись для истребительных отрядов и отрядов других районов³⁶. Бойцы отряда как проводники содействовали январскому наступлению частей Красной армии, в ходе которого были освобождены населенные пункты Полавского и Старорусского районов (партизаны В.П. Зуев, В.И. Кухарев, В.К. Зеленцов и др.)³⁷.

В ноябре – декабре 1941 г. несколько рейдов в тыл противника было организовано в Демянском, Полавском и Старорусском районах силами местных отрядов и 1-й ОПБ, которые базировались в прифронтовой полосе Северо-Западного фронта³⁸. Согласно приказу 1-й ОПБ, был разработан тщательный план налета на штабные учреждения 290-й пехотной дивизии в д. Антипово, Мануйлово, Воронцово, Лукино и Щечково Старорусского района 12 декабря 1941 г.

(бригада выступала в составе 5 отрядов (И.Ф. Тригубова, М.М. Полкмана, Г.В. Тимофеева, А.И. Широкова (Т.П. Петрова) и С.М. Глебова) тремя колоннами)³⁹.

Рейды предпринимались с территории Партизанского края силами 2-й ЛПБ и других бригад. В декабре 1941 г. во время рейда 4 отрядов во главе с комбригом Н.Г. Васильевым в Локнянский район гитлеровцы организовали первую карательную экспедицию против края. В январе – феврале 1942 г. 2-я ЛПБ совершила дерзкие налеты на гарнизоны в г. Холме и пос. Дедовичи, а отряды вновь прибывшей в Партизанский край 5-й ЛПБ (первого формирования) разгромили гарнизон в д. Тюриково Дедовичского района.

При организации партизанского рейда учитывались: исходный и конечный пункты маршрута, маршрут или направление движения, походный порядок, величина переходов, порядок перехода линии фронта, дорог, преодоления водных преград, места дневок и привалов, действия при столкновении с крупными силами противника и небольшими подразделениями, мероприятия по политическому, боевому и материальному обеспечению, порядок управления и поддержания связи⁴⁰.

При разработке маршрута и боевых задач важнейшее значение приобретали разведанные и организация разведки в партизанском формировании. По воспоминаниям И.И. Исакова, неточные разведанные о мощности немецких гарнизонов в Оредежском районе (в д. Жельцы и пос. Толмачёво) заставили командира 1-й Волховской ПБ подполковника Ф.Н. Тарасова изменить задачу бригады уже в ходе выполнения операции⁴¹. В 1942 г. в партизанских бригадах, полках и крупных отрядах была создана должность заместителя командира по разведке. В задачи последнего входили:

- организация непрерывной, своевременной и достоверной разведки боем, наблюдением, захватом пленных, документов и опросом местных жителей;

- ежедневное обобщение и немедленная передача в ШПД и командованию частей, связанных с отрядом, разведанных о противнике⁴².

В 3-й ЛПБ радиус отрядной разведки составлял 20–25 км, по заданным маршрутам в район вероятного движения отрядов высылались конные разъезды в составе 2-3 чел.⁴³ Рейдирующая бригада также осуществляла глубокую разведку на расстоянии не менее 60 км⁴⁴. Об организации разведки в 3-й ЛПБ свидетельствуют воспоминания

бывшей разведчицы З.К. Андреевой: «Иногда на марше нас высылали впереди колонны на 3 км. Командир дает нам маршрут, и мы идем, 2-3 чел. Одеваемся, как одеваются колхозницы, с котомочками и корзинками и идем. Заходим по пути в деревни, выпрашиваем всё. Одна остается, а другие идут дальше. Как только конная разведка подходит, оставшаяся в деревне разведчица докладывает обстановку, а сама идет дальше догонять других двух»⁴⁵.

Время пребывания отряда в рейде по тылам противника могло быть различным в зависимости от боевых задач, численности отряда, сопротивления противника и др. (2-я ОПБ совершила рейд в течение 5 месяцев). Например, Демянский отряд Р.А. Андреева – И.В. Ефищенко действовал в тылу противника с 26 октября по 19 ноября 1941 г. с задачей разрушения дорог к Демянску. Практика боевых действий показала, что в прифронтовой полосе наибольшего успеха может добиться отряд малой численности. Если в отряд Р.А. Андреева входило 47 чел. и он действовал более длительный срок, то в отряде В.И. Овчинникова, который находился на боевом задании 14–20 января 1942 г., было 17 чел. Отряд получил задание минировать дороги Демянск – Молвотицы и Демянск – Старая Русса, а также создавать группы самозащиты из населения⁴⁶. Помимо отрядов, в тыл противника в Демянском районе осенью 1941 г. также направлялись отдельные группы, в том числе обеспеченные рациями⁴⁷.

В 1942 г. ШПД продолжил практику заброски в тыл противника небольших групп со специальными задачами на определенный срок, о чем свидетельствуют приказы по штабу и пункту сбора партизанских отрядов⁴⁸. Малочисленные группы (обычно в составе 6 чел., включая радиста) должны были вести разведку, работу с населением по вовлечению его в борьбу с захватчиками, вербовку агентов по разведке, поиск других отрядов и групп, с которыми была потеряна связь. Более крупные группы забрасывались в тыл противника с заданием нарушать движение немецких войск и техники (в августе 1942 г. – в Лужский, Сланцевский, Плюсский, Волосовский, Кингисеппский и другие районы)⁴⁹. Иногда группы объединялись в формирования численностью более 50 чел. для перехода линии фронта⁵⁰. Все разведывательно-диверсионные отряды и группы были обеспечены рациями.

Нахождение отрядов в тылу противника было ограничено отсутствием у многих отрядов радиосвязи, карт, недостатком боеприпасов

и продовольствия⁵¹. При кратковременных переходах линии фронта партизаны обычно рассчитывали только на то, что брали с собой, могли воспользоваться ранее заложенными базами, если те удавалось сохранить, помощью местного населения и поддержкой авиации. 1-я Волховская ПБ первого формирования, выступая из Малой Вишеры, была обеспечена продовольствием на 10 суток пути до линии фронта, но только через 15 суток, преодолев около 160 км, своим ходом вышла в заданный район, где местные партизаны (Оредежский отряд И.И. Исакова) не смогли организовать ее снабжение, и бригада получила продовольствие на несколько дней только по воздуху⁵².

Существенные недостатки организации и снабжения партизанских отрядов были также отмечены в докладной записке члена Военного Совета 8-й армии бригадного комиссара Н.Е. Субботина работникам ШПД Ленинградского обкома ВКП(б) М.Ф. Алексееву и Е.Н. Атрощенко (не позднее 28 сентября 1941 г.): плохая связь из-за отсутствия радио, потеря оперативности, плохое материальное обеспечение («они буквально нищенствуют»), крайне скудное боевое оснащение, неудачные дислокация и цели операций и т. д.⁵³

Несмотря на трудности организации партизанского движения, ко второй половине 1943 г. ЛШПД удалось добиться значительных успехов в тылу противника. Штаб и опергруппы оперативно координировали действия бригад и отрядов при проведении диверсионных операций на коммуникациях и при налетах на гарнизоны. Партизанские формирования опирались на поддержку местного населения и приступили к созданию зон, способных вести оборону против оккупантов и служить базой для развития партизанского движения и содействия партизан частям и соединениям Красной армии в освобождении родной земли.

¹ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 284.

² Андрианов В.Н. Рейды партизан // Военно-исторический журнал. 1973. № 3. С. 30.

³ Самухин В.П. Волховские партизаны. Рассказ о борьбе ленинградских партизан в полосе Волховского фронта. Л., 1969. С. 67.

⁴ Исаков И.И. Гроза над Оредежем. Л., 1975. С. 155.

⁵ См.: Масолов Н.В. Необычный рейд. М., 1972.

⁶ Князьков А.С. Партизанские рейды // Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 62.

⁷ Козлов Н.Д., Кулик С.В. Партизанское движение на территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005. С. 137–138.

- ⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 58. Л. 4–9.
- ⁹ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 136. Л. 2.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 524. Л. 5–6.
- ¹¹ Андрианов В.Н. Указ. соч. С. 33.
- ¹² ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 412. Л. 45.
- ¹³ Там же. Л.52. О радостной реакции населения сообщалось и в дневнике штаба 4-й ЛПБ (ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 1719. Л. 23об.).
- ¹⁴ Там же. Д. 524. Л. 17. Во время этого рейда 13 августа 1942 г. на дороге Псков – Луга совершил подвиг разведчик Л.А. Голиков (с марта 1944 г. – Герой Советского Союза посмертно), который в составе группы В.И. Гладкова подорвал автомобиль генерала Р. Виртца и захватил важные документы.
- ¹⁵ Там же. Л. 20об.
- ¹⁶ Непокоренная земля Псковская. Документы и материалы из истории партизанского движения и партийно-комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. Л., 1969. С. 183.
- ¹⁷ Караваяев С.П. Гражданская авиация в партизанском движении под Ленинградом // Труды Высшего авиационного училища гражданской авиации. Вып. 36. Подвиги летчиков гражданской авиации в годы Великой Отечественной войны. Л., 1969. С. 36.
- ¹⁸ В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1943. Л., 1983. С. 5.
- ¹⁹ Афанасьев Н.И. Фронт без тыла. Записки партизанского командира. Л., 1983. С. 262–263
- ²⁰ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 286.
- ²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.
- ²² Абрамов М.Г. На земле опаленной. Страницы из дневников партизана. Л., 1968. С. 150–151.
- ²³ Швердалкин П.Р. Партизанская война на Новгородской земле. Новгород, 1957. С. 43.
- ²⁴ Согласно приказу ЛШПД по оперативному отделу № 36 от 4 декабря 1942 г., командиру Сланцевского отряда Сергееву предстояло 5 декабря 1942 г. выбыть из Ленинграда в пос. Хвойная, сформировать отряд в составе 28 чел. и 12 декабря прибыть в с. Марёво через Валдай и Осташков. В Марёво командир должен был с опергруппой при Военном Совете 1-й ударной армии разработать маршрут движения отряда в район Сланцы – оз. Самро – Ляды – Гдов (ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 57. Л. 51).
- ²⁵ Самухин В.П. Указ. соч. С. 64.
- ²⁶ К началу 1942 г. в полосе Волховского фронта действовало не более 10 рейдовых и 10 местных отрядов численностью не более 20–30 чел. в каждом отряде (Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973. С. 211; Самухин В.П. Волховские партизаны. С. 74).
- ²⁷ Петров Ю.П. Указ. соч. С. 141.
- ²⁸ Новгородские партизаны. Партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг.: Сборник документов и воспоминаний. Великий Новгород, 2001. С. 258.
- ²⁹ Горят костры партизанские. Воспоминания партизан – участников битвы за Ленинград / Сост. Н.В. Масолов. Л., 1966. С. 104.
- ³⁰ ГАНИНО. Ф. 112. Оп. 3. Д. 1. Л. 79–80об.
- ³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 0116. Оп. 1. Д. 350. Л. 3–4, 19 (в бездействии отряда также были обвинены партийные и советские руководители Новгорода и Новгородского района,

которые находились в отряде и не считались с авторитетом командира).

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 57. Л. 14.

³³ Князьков А.С. Указ. соч. С. 55.

³⁴ Петров Ю.П. Указ. соч. С. 109.

³⁵ В сентябре 1941 г. в районе д. Посадников Остров Киришского района и болота Соколий Мох было собрано несколько районных отрядов, направленных из Ленинграда: группа А.А. Павлова (отряды № 173 Журавлева, № 174 А.А. Павлова (пестовский), № 175 Маркова и № 176 Виноградова (вознесенский)), группа М.М. Вовка (отряды № 170 М.М. Вовка (волховский), № 171 Я.М. Недельского (дрегельский), № 172 Воронина (тихвинский)) и другие отряды (ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 10. Л. 4).

³⁶ ГАНИНО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 12. Л. 1об.

³⁷ Симаков А.П. Демянский плацдарм: противостояние 1941–1943 гг. Великий Новгород, 2012. С. 181.

³⁸ Новгородские партизаны. С. 165–166.

³⁹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 196. Л. 14–15.

⁴⁰ Андрианов В.Н. Указ. соч. С. 31.

⁴¹ Исаков И.И. Указ. соч. С. 168.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.

⁴³ Партизаны. Новые подробности о боевых действиях народных мстителей на ленинградской земле в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Сост. С.Г. Сидоров, П.А. Васильев. СПб., 1995. С. 208–209.

⁴⁴ Горят костры партизанские. С. 327.

⁴⁵ ГАНИНО. Ф. 184. Оп. 3. Д. 9. Л. 11.

⁴⁶ Новгородские партизаны. С. 136–137.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 312. Л. 11–13.

⁴⁸ Там же. Д. 57; Оп. 4. Д. 39.

⁴⁹ Там же. Л. 25–35.

⁵⁰ Там же. Л. 17–18.

⁵¹ Отсутствие карты Демянского района и взрывчатки отмечалось при организации партизанского отряда № 2 в Демянском районе (ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 312. Л. 4об.).

⁵² Исаков И.И. Указ. соч. С. 166–167.

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

Н.А. Комолов (Воронеж)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШИХ
ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В СРЕДНЕМ ПРИДОНЬЕ
В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА И ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ (КОНЕЦ XVII – КОНЕЦ XVIII
ВЕКОВ)**

В ИСТОРИИ Воронежской области бесспорной поворотной вехой является начало реализации геополитических планов молодого царя-реформатора Петра I. С 1696 г. эта, во многом еще незаселенная территория, на карте которой были представлены городокрепости Белгородской оборонительной черты (Воронеж, Коротояк, Костенск, Ольшанск, Орлов, Острогжск, Урыв), стала зоной активной деятельности государства по решению назревших внешнеполитических задач. Без собственного военно-морского флота Россия не могла соперничать с Османской империей и ее вассалом – Крымским ханством – за право господства в южных морях. Осознав это после первой неудачи под Азовом, Петр окончательно повернул стрелки политического компаса и задал строящемуся имперскому кораблю новый курс. Развернувшееся на верфях воронежского края строительство различных типов военно-морских судов (от 80-пушечных кораблей до небольших лодок) в общей сложности продолжалось более 100 лет. Оно осуществлялось в периоды 1696–1711, 1723–1724, 1734–1740, 1769–1789, 1801–1803 гг.

Масштабность, техническая сложность процесса судостроения, преимущественно осуществлявшегося на фоне текущего или прогнозируемого военного конфликта с Турцией, требовали персонального участия высокопоставленных военачальников¹. Задача данной статьи – с максимальной полнотой сформировать их список, уточнить даты и географию визитов в Придонье (в границах современной

Воронежской обл.), обозначить основные направления и факты их деятельности, связанные со строительством военно-морского флота либо руководством военными кампаниями в регионе. Объектами исследования являются обладатели воинских чинов I–III классов «Табели о рангах» 1722 г. (генерал-фельдмаршалы, генерал-адмиралы, адмиралы, вице-адмиралы, генерал-кригскомиссар), а также носитель чина генералиссимус, официально отмеченного в «Уставе воинском» 1716 г., А.С. Шеин.

Наиболее мощный «десант» высших военачальников армии и флота в Придонье «высадился» в конце XVII – первом десятилетии XVIII вв., что закономерно объяснялось необходимостью их общения с царем по служебным делам во время его частых, длившихся месяцами, визитов в Воронеж, а также участием в представительских мероприятиях (например, пышных спусках кораблей). Впрочем, значение приездов некоторых из этих лиц, в частности ближнего боярина А.С. Шена (1652–1700), выходит за рамки вышеупомянутых целей. Алексей Семенович возглавлял русские войска в первом Азовском походе и указом от 9 января 1696 г. был опять призван к этой миссии в качестве воеводы Большого полка³. Успеху военной кампании должны были содействовать отпущенные из разных приказов А.С. Шеину бесценные реликвии: чудотворный образ Спаса Нерукотворного, Животворящий Крест с волосами Спасителя, знамя, с которым Иван IV покорил Казань.

2 февраля, после заупокойных служб по скончавшемуся Ивану V, служилым людям было публично объявлено об их службе в полку А.С. Шена и общем сборе к 20 марта в Валуйках⁴. Отсюда войска под началом воеводы князя П.Г. Львова должны были через степь идти до Черкаска, а еще 12 с лишним тысяч человек двигались в южном направлении из Тамбова, чтобы в преддверии решающей схватки соединиться с основными силами Большого полка.

Между тем А.С. Шеину потребовалось больше двух недель, чтобы неторопливо, с учетом весенней распутицы, добраться из Москвы до Воронежа. Его путь продолжался с 15 по 31 марта 1696 г.⁵ В городе, где под бдительным оком и при личном участии царя кипела работа по сборке галер, строительству двух многопушечных кораблей, будущий генералиссимус задержался почти на месяц. Армию накануне важнейшего марша под Азов необходимо было тщательно обеспечить запасами, в связи с чем А.С. Шеин отдавал соответствующие распоряжения. Он приказал с 1 апреля высшим офицерам и рядовым ратникам

быть на пристани, «строиться и убираться со всеми полковыми воинскими припасами на будары», грузить казну, порох, ядра, бомбы, зерно. 20 апреля А.С. Шеин также посетил воронежскую пристань, чтобы, видимо, самолично убедиться в четкости хода погрузки и заодно проверить походное обустройство своего судна («устраюсь совсем к плавному ходу по воинской обыкности»)⁶. В Воронеж из разных мест, даже Троице-Сергиева монастыря, свозилось оружие⁷. Всего в «низовой поход» направился огромный караван в 3700 будар (транспортных судов) с людьми, лошадьми и грузами, не считая стругов с каютами. Вперед А.С. Шеина уплыли полки генералов П.И. Гордона и А.М. Головина.

26 апреля А.С. Шеин отплыл из Воронежа. Флотилия миновала Костенск, куда Петр I незадолго до того направил одного солдата Преображенского полка для поиска «больших костей», затем крупный торговый пункт на Дону Коротояк. Здесь, в женском Казанском монастыре, А.С. Шеин отстоял обедню и молебен. Ночевка была в Дивногорском монастыре, одна из церквей которого и кельи монахов были выдолблены в меловых холмах. Дальше пять дней плыли по совершенно безлюдной местности и только 6 мая достигли первой казачьей станицы, откуда боярин направил отписку в Москву. В дневнике «певчих дяков», сопровождавших главнокомандующего, сохранились свидетельства о ежедневных церковных службах, происходивших на его струге⁸. 19 мая 1696 г. флотилия прибыла в Черкасск, в место сбора всех конных и пеших войск. Отсюда армия двинулась по суше к Азову. Под началом у А.С. Шеина были генералы П.И. Гордон, А.М. Головин, генерал-майор К.А. Ригимон, всего же собралось более 46 тыс. чел.⁹

Петр I отплыл из Воронежа 3 мая в составе «морского каравана» адмирала Ф.Я. Лефорта, который сопровождали Преображенский и Семеновский полки. Здесь плыли вице-адмирал Ю.С. Лима, роты капитанов А.А. Вейде, Р.В. Брюса, а также трех будущих генерал-фельдмаршалов – Я.В. Брюса, князей И.Ю. Трубецкого и А.И. Репнина.

Во время осады монарх находился на галере «Принципиум», а официальный главнокомандующий докладывал в Разрядный приказ о ходе военных действий. За успешные действия под Азовом Петр пожаловал А.С. Шеину экстраординарный почетный чин – генерал-лиссимуса. По его распоряжению после капитуляции гарнизона разрушенного Азова была произведена опись имеющихся пушек и боеприпасов, до официального указа назначен воевода и его «товарищ»,

отец и сын П.Г. и И.П. Львовы¹⁰. Выступив 16 августа обратно из Азова, А.С. Шеин, как и в 1695 г., возвращался степью через Валуйки.

Петр, который хотя и не был простым статистом во время осады, мудро остался на втором плане и увенчал лаврами своего генералиссимуса. Тот получил золотую медаль, кубок, дорогой соболиный кафтан и был одним из ключевых участников церемонии вступления войск в Москву. «Покорителем Азова» А.С. Шеин предстал и в официальных грамотах, разосланных европейским монархам¹¹.

Поскольку с начала января 1697 г. он являлся главой Пушкарского приказа, то завоеванный Азов и его вскоре построенные пригороды были отнесены к юрисдикции этого ведомства¹². В том же году А.С. Шеин направился с Большим полком в еще один, третий по счету, Азовский поход. Он явился ответом на поползновения турок взять реванш за прошлогоднюю неудачу¹³.

На этот раз местом концентрации войск был избран Острогожск¹⁴. Сюда по распоряжению А.С. Шеина 7 апреля для записи приездов «ратных людей» приехали его «товарищ» по Большому полку князь И.М. Кольцов-Мосальский, дьяк Иноземского приказа М.У. Уланов и подьячие. Но дабы равномерно обеспечить воинские части продовольствием, некоторые полки были размещены по соседству. Так, полк К.А. Ригимана (Ригимона) расположился в Ольшанске, полк П.И. Гордона – в Усерде. 19 апреля 1697 г. А.С. Шеин прибыл в Острогожск, отдав команду полкам двигаться на Валуйки. Поход оказался результативным как в военном, так и в фортификационном отношении. Под главенством генералиссимуса возле Азова построили городки Алексеевский и Петровский. По возвращении полки остались стоять для обеспечения безопасности в Новом и Старом Осколе, а также в Валуйках¹⁵. Весной 1699 г. А.С. Шеин снова последовал в Приазовье через Воронеж.

Не менее двух раз в Воронеже в петровскую эпоху побывал боярин, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев (1652–1719). С южнорусским регионом он был знаком не понаслышке. Ведь с 1687 г. Борис Петрович был воеводой Белгородского полка – крупного военного соединения, созданного еще в 1658 г. для защиты пограничных земель от набегов степняков¹⁶. В период Азовского похода 1696 г. Б.П. Шереметев должен был, соединившись с И.С. Мазепой, двигаться под Очаков. Однако осторожный полководец дошел лишь до реки Берестовой, где и остановился. В 1700 г. Б.П. Шереметев с женой

приезжал в Воронеж на спуск царского корабля-первенца «Гото Престинация», в 1701 г. – видимо, для получения инструкций¹⁷.

Чинами, должностями или формой обращения Петр I подчеркивал особую роль соратников и, значит, свое отношение к ним (тот же генералиссимус А.С. Шеин, адмирал Ф.Я. Лефорт, губернатор Архангельска Ф.М. Апраксин в 1694 г.). Франц Лефорт (1655–1699) одновременно являлся генералом армейского полка и подписывался «генерал и адмирал»¹⁸. В 1696 г. из-за своей болезни и распутицы он добирался до Воронежа 16 дней. Царь планировал взять своего любимца и в поход, запланированный на весну 1699 г., но этому помешала смерть швейцарца. Петр тяжело переживал это событие, заставившее его бросить в Воронеже дела и ринуться в Москву.

Флот в Керченском походе возглавил новый адмирал Федор Алексеевич Головин (1650–1706). Он неоднократно бывал в Придонье по делам службы в конце XVII – начале XVIII вв. В Воронеже за алтарем Успенской Адмиралтейской церкви, в которой происходило освящение кораблей, у него имелся собственный дом. Подобной «привилегией» обладали только те царские соратники, которые приезжали не с краткими визитами, а в длительные «командировки», сопровождая своего высочайшего патрона (А.Д. Меншиков, Н.М. Зотов), либо трудились здесь на служебном поприще годами (Ф.М. Апраксин, С.А. Колычев, ряд корабельных мастеров).

Сменив Ф.Я. Лефорта на адмиральском посту, Ф.А. Головин одновременно занимал должность генерал-кригскомиссара, а в 1700 г. получил чин генерал-фельдмаршала. Объединением высших постов по военной и морской иерархии в его лице было достигнуто формальное единство верховного командования. Боярин стал и первым кавалером ордена св. А. Первозванного. Справедливость такого возвышения Ф.А. Головина не вызывает сомнений.

Как начальник Посольского приказа он вел в Воронеже сложные переговоры с датским посланником П. Гейнсом, адмиралу Петр доверил решение организационных моментов, связанных с пышной церемонией спуска на воду «Гото Престинации». Царь давал ему из Воронежа самые различные поручения: прислать 600 плотников, медный котел для смоления веревок, кипарисную яхту, напечатать книгу «Толк о воротах» и др. По словам Ч. Уитворта, Ф.А. Головин был отмечен «репутацией самого рассудительного и самого опытного из государственных людей»¹⁹.

После смерти Ф.А. Головина адмиралом стал другой ближайший соратник Петра I Ф.М. Апраксин (1661–1728). Начав служебную деятельность в Поморье, он на рубеже веков был переведен царем в Придонье. В 1700 г. Федор Матвеевич возглавил образованный Адмиралтейский приказ, призванный сосредоточить в рамках одного ведомства строительство на юге страны военно-морского флота. Ф.М. Апраксин получил чин адмиралтейца и жил в Воронеже до 1706 г. Постоянные приезды сюда царя, его регулярный контроль над кораблестроением накладывали на деятельность Ф.М. Апраксина особый отпечаток. За свои значительные успехи он был назначен генерал-адмиралом, о чем прямо сказано в патенте, данном на его имя²⁰.

В период своего длительного пребывания в Воронеже в 1709 г. Ф.М. Апраксин сосредоточился на осуществлении комплекса мероприятий по ремонту судов, дислоцированных в месте впадения Воронежа в Дон, закладке пяти многопушечных кораблей к зиме и др. Осуществление этой программы должно было, по мысли Петра I, обеспечить паритет военно-морских сил России и Турции.

Начальнику приказа были подчинены воеводы городов (в 1701 г. – 10-ти, в 1709 г. – 25-ти), приписанных к Воронежу для кораблестроения и составивших Адмиралтейский округ. В начале реализации губернской реформы из «корабельных» городов планировалось образовать Воронежскую губернию во главе с Ф.М. Апраксиным. Но вместо этого была создана обер-комендантская провинция с особым статусом, а генерал-адмирал в начале 1710 г. был определен генерал-губернатором Азовской губернии. В 1711 г. он занимался исполнением части условий Прутского мирного договора, заключенного с Турцией. Изучая отчеты из Тамбова и Воронежа, Ф.М. Апраксин лично вникал в решение наиболее важных на тот момент управленческих вопросов, особенно касавшихся обороноспособности Азовской губернии, строительства от нее домов на острове Котлин, чрезвычайных военных ситуаций. Азовскую губернию, которая, после переноса ее центра в Воронеж в 1715 г., все чаще именовалась Воронежской, он курировал из Петербурга вплоть до своего назначения эстляндским генерал-губернатором²¹.

Многokrатно посещал Придонье и ближайший фаворит царя Александр Меншиков (1673–1729), что и предопределило постройку возле воронежской верфи для князя двухэтажных «хором». Правда, большинство этих визитов было связано с сопровождением

А.Д. Меншиковым монарха. Так, весной 1699 г. он сопровождал Петра I в плавании к Азову, в 1701 г. – в поездке к устью р. Воронеж. В том же году на верфи в с. Ступино Воронежского уезда А.Д. Меншиков вместе с царем (подписавшимся как Петр Михайлов) и двумя корабельными мастерами выступил в роли эксперта состояния 10 судов, построенных итальянцами. В конце 1703 г. самодержец, будучи в Воронеже, изготовил модель крепости, которую следовало заложить в море у острова Котлин. Непосредственные же работы по созданию будущего форта Кроншлот производил губернатор Петербурга князь А.Д. Меншиков.

Приезд светлейшего в 1709 г. в Воронеж «для разговору» определялся необходимостью консультаций с царем по тактике действий с армией Карла XII. Князь получил инструкции и отбыл к войскам. Петр не разрешал до своего прибытия давать «главной баталии, а диспутовать (бороться. – *Н.К.*) на всех переправах». В июле 1709 г. А.Д. Меншиков получил чин генерал-фельдмаршала, а в 1727 г. – адмирала и генералиссимуса. Правда, вскоре светлейшего, смещенного с политического Олимпа и лишеного всех чинов и наград, направили в полугодовую ссылку в его же крепость Раненбург (сейчас г. Чаплыгин Липецкой области)²², куда в 1744 г. привезли еще одного генералиссимуса – Антона Ульриха Брауншвейгского с женой и свергнутым сыном-императором.

По воле фортуны, действующей посредством царских распоряжений, запечатлелись своей деятельностью в Придонье и два Михаила Михайловича Голицына: старший – генерал-фельдмаршал и младший – генерал-кригскомиссар (с 1756 г. – генерал-адмирал). Участник второго Азовского и Керченского походов, князь М.М. Голицын (1675–1730) в 1723 г. был определен командующим Украинским корпусом, который обеспечивал безопасность южнорусских земель. По военным вопросам М.М. Голицыну были подчинены губернаторы сначала Азовской, а после ее переименования – Воронежской губерний. Весной – летом 1726 г. начальник корпуса имел местопребывание в Острогожске. Его дочь Анна-старшая (1699–1727) была первой женой генерал-фельдмаршала А.Б. Бутурлина (1694–1767), крупного землевладельца Воронежской губернии, основателя слободы Бутурлиновка (ныне – районный центр Воронежской обл.)²³.

Генерал-кригскомиссар М.М. Голицын-младший (1683–1764), будучи сосланным в Тавров для надзора за строительством судов в связи с делом князя Д.М. Голицына, в 1737 – начале 1740 гг. весьма успешно

справлялся со своим делом. К началу апреля 1737 г. на Икорецкой и Тавровской верфях было построено 400 казачьих лодок, которые отправили в Азов. Кроме того, на М.М. Голицына было возложено задание найти в низовьях Дона место для нового адмиралтейства, хотя в итоге это обследование и не привело к конкретным результатам²⁴.

Близость среднего Придонья к театру Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. обусловила посещение этой территории президентом Военной коллегии, генерал-фельдмаршалом Б.Х. Минихом (Мюннихом, 1683–1767). Обладатель солидной коллекции высших званий и должностей, он в 1735 г. получил в Варшаве приказ императрицы немедленно отправиться в Павловск для подготовки к осаде Азова ввиду будущей войны. Через Киев, Украинскую линию и Изюм Б.Х. Миних прибыл в Павловск, где распорядился погрузить на суда всю артиллерию и припасы, необходимые для осады²⁵. В бытность Б.Х. Миниха главой военного ведомства и генерал-фельдцейхмейстером продолжались преобразования в сфере обеспечения безопасности южных границ, в частности, ландмилицкая реформа, начатая в предыдущие годы²⁶.

Глубокий административный след в истории Придонья оставила деятельность адмиралов М.Х. Змаевича и П.П. Бредалья. Матвей Христофорович Змаевич (Измайлович, 1680–1735) в 1723–1724 гг. возглавлял судостроение на Тавровской верфи, где было построено 89 судов различных типов (прамы, галеры, кайки, шлюпки, итальянские боты). Однако в 1724 г. корабли так и не спустили на воду из-за подписания между Россией и Турцией мирного договора.

Впоследствии М.Х. Змаевич был назначен командующим галерным флотом и главным командиром Петербургского порта. В 1728 г. по доносу он был предан суду, приговорен к смертной казни, помилован, разжалован в вице-адмиралы и послан в Астрахань. Однако при содействии Ф.М. Апраксина его перераспределили в Тавров, где М.Х. Змаевич и руководил местным адмиралтейством до конца жизни, занимаясь заготовкой лесов для строительства галер, ремонтом судов, развитием и поддержанием в Придонье необходимой флотской инфраструктуры²⁷.

Далматинца М.Х. Змаевича в Таврове сменил норвежец Питер (на русский лад – Петр Петрович) Бредаль (1683–1756). На службу в русский гребной флот его нанял соотечественник, вице-адмирал Корнелий Крюйс, внесший значительный вклад в создание Воронежского Адмиралтейства²⁸. В 1709 г. П.П. Бредаль был послан из

Москвы в Воронеж, а летом 1711 г. командовал шнявой «Лебедь», которая с разведывательной целью курсировала в северо-восточной части Азовского моря до Бердянской косы. Следующие четверть века служба отважного потомка варягов протекала на Балтийском море, в Петербурге и за границей.

В 1735 г., незадолго до начала русско-турецкой войны, его деятельность на пять лет переместилась на юг. За эти годы П.П. Бредалю довелось неоднократно бывать в Таврове, Павловске, Острогожске, Азове, крепости Святой Анны (на Дону). Для взятия Азова и боевых действий в Приазовье была организована Донская экспедиция, в которой норвежец отвечал за флот. Именно в связи с постоянной занятостью на театре войны часть его полномочий как начальника Адмиралтейства была передана другим людям: контр-адмиралу В.А. Дмитриеву-Мамонову, а затем М.М. Голицыну-младшему, а также статскому советнику М. Козину.

Эскадра П.П. Бредалья оказала большую помощь сухопутным войскам, которые возглавлял генерал-фельдмаршал П.П. Ласси, во время осады Азова 1736 г. Прамы из флотилии постоянно забрасывали город бомбами, произведя более 8600 выстрелов. По окончании этой кампании П.П. Бредаль вернулся в Тавров для исполнения порученных дел и в 1737 г. был назначен вице-адмиралом. Надо еще добавить, что во время русско-турецкой войны адъютантом при нем был мичман, будущий знаменитый флотоводец Григорий Спиридов. В 1740 г. П.П. Бредаль уехал в Петербург, вскоре снова получил назначение главным командиром Архангельского порта²⁹.

В 1708 г. в Воронеж вторично (впервые как участник Керченского похода 1699 г.) приехал Наум Акимович Сенявин (Синявин, ум. в 1738 г.), узнав здесь от Ф.М. Апраксина о том, что царь пожаловал его чином поручика. Родоначальник знаменитой флотской династии, в 1722 г. он с инспекцией ездил в Придонье, а в конце 1728 г.³⁰ в последний визит уже как вице-адмирал осматривал в этом районе корабли.

Его сын, адмирал Алексей Наумович Сенявин (1722–1797) в 1768 г. был назначен начальником Донской (Азовской) военной флотилии. В конце января 1769 г. он прибыл в Воронеж для выбора мест строительства кораблей. По распоряжению А.Н. Сенявина были измерены глубины рек Воронеж и Дон, началась постройка судов на Икорецкой (упразднена в том же году по его приказу), Новохоперской и Павловской верфях. Под руководством А.Н. Сенявина была

организована структура флотилии, сформирован личный состав, создана судостроительная база, построена боеспособная эскадра для действий на море. В 1771 г. корабли под командованием Алексея Наумовича спустились по Дону в Азовское море и приняли участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.³¹ В Воронежской губернии он владел имением в селе Конь-Колодезь (ныне Хлебенского р-на Липецкой обл.)

Во флотилии в 1768–1775 гг. служил молодой офицер, будущий выдающийся флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков (1745–1817). В 1770 г., командуя прамом, он плывал от с. Мамон вверх до Павловска, в следующем году на четырех транспортных судах доставлял лес по Дону в Таганрог для постройки фрегата «Первый», на котором участвовал в проводке другого фрегата от Новохоперской крепости до Азовского моря. В 1772 г. Ф.Ф. Ушаков получил благодарность за спасение припасов и материалов с затонувших на Дону судов и их подъем.

Судостроение на последних верфях среднего Придонья – Павловской и Новохоперской – закончилось соответственно в 1779 и 1789 гг. Это показал инспекторский визит контр-адмирала Петра Карцова, предпринятый в 1797 г.³² В 1800 г. адмирал В.П. Фондезин по пути в Таганрог для освидетельствования местного порта осмотрел «славившиеся прежде Шиповые леса»³³. Наконец, в 1801 г. на несколько лет вновь заработала Новохоперская верфь, после чего судостроение на воронежской земле было возобновлено уже в советское время.

При Павле I, отдавшем ряд распоряжений по обследованию южнорусских судостроительных объектов, обсуждался также вопрос качества продукции местных артиллерийских заводов. И хотя этот сюжет несколько уведит нас в сторону от основной темы, но в связи с тем, что ранее он не акцентировался в литературе, в завершении статьи стоит кратко о нем упомянуть.

Вскоре после смерти Екатерины Великой, во исполнение требования ее сына и преемника, Адмиралтейств-коллегия пригласила флагманов, участников сражений последней Русско-шведской войны 1788–1790 гг. для обсуждения проблемы качества пушек: сколько разорвало или повредило во время баталий, на каких заводах и когда они вылиты. 10 декабря 1796 г. был представлен итоговый доклад. В нем отмечалось, что воронежские чугунные «старого литья» пушки заслуживают «особливое внимание», так как «...почитаются благонадежными, ибо и оных не рвало, а давали в дульных частях ссадины и трещины». Артиллерия, отлитая на Липских железных заводах,

была признана неблагонадежной, а потому подлежащей оставлению в запасе. С этим выводом согласился и император. На следующий день он приказал «первые воронежского литья пушки», которые в сражениях не разрывало на части, оставить во флоте, кроме экземпляров, получивших незначительные повреждения. А вот липецкие пушки «совсем к употреблению не надежны», а потому отдать их для переливки в снаряды и на флоте или в крепостях ни под каким видом не использовать³⁴.

С конца XVII в. Придонье (в пределах современной Воронежской обл.) превратилось в грандиозную кораблестроительную площадку, ставшую колыбелью сотен судов различных типов, использованных и как фактор стратегического сдерживания, и как боевая сила против основного противника России на юге – Османской империи. Необходимость успешного противостояния этому историческому недругу на море и на суше, близость военного театра к Придонью в годы Северной и русско-турецких войн, длительное пребывание в регионе Петра I обусловили приезды сюда целой плеяды высокопоставленных военачальников армии и флота, деятельность которых в той или иной степени способствовала реализации общегосударственных задач.

¹ Деятельность самого Петра I по строительству военно-морского флота в Придонье мы не рассматриваем (подробнее см.: Акиншин А.Н., Комолов Н.А. Династия Романовых и Воронежский край (1696–1916). Воронеж, 2014. С. 51–58).

² Эта дата указана в надписи на его надгробном памятнике (Могильников В.А., Шеин А.Г. Первый русский генералиссимус А.С. Шеин. М., 2003. С. 3). Общераспространенная же дата рождения А.С. Шеина – 1662 г.

³ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии. Т. 4. СПб., 1855. С. 916–918.

⁴ Там же. С. 934. Запись своевременности их приездов была поручена дьяку А.Б. Возницину.

⁵ Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. № 2. 1959. С. 158–159.

⁶ Рубан В. Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отгуды с победоносным воинством возвращение в Москву. СПб., 1773. С. 65–66.

⁷ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края / Сост. В.П. Загорский. Воронеж, 1976. С. 163–164.

⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / Собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Кн. 1. Воронеж, 1851. С. 46–50.

⁹ Рубан В. Указ. соч. С. 1, 55.

¹⁰ Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация и управление. Дисс...канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 111.

- ¹¹ Русский биографический словарь. Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 37.
- ¹² А.С. Шеин умер 12 февраля 1700 г., а уже 14 февраля Азов и другие крепости в его окрестностях «всякими делами» были переданы в ведение Разрядного приказа (Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 10).
- ¹³ Новейшие сводные данные о третьем Азовском походе см.: Аваков П.А. Указ. соч. С. 33, 129–135.
- ¹⁴ Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, в 1697 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. Одесса, 1868. В самом документе неоднократно упоминается город «Острожский» (С. 135, 139) и только один раз – «Острогоский». Однако из контекста изложения ясно видно, что эта неточность предположительно из-за пропуска переписчиком выносного слова «го».
- ¹⁵ Там же. С. 162–163.
- ¹⁶ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 52; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 153–157. Кстати, в 1683–1685 гг. А.С. Шеин также занимал должность воеводы Белгородского полка (Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 218–221).
- ¹⁷ Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 3. СПб., 1787. С. 246.
- ¹⁸ [Поссельт М.К.]. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота. СПб., 1863. С. 54.
- ¹⁹ Акиншин А.Н., Комолов Н.А. Указ. соч. С. 25.
- ²⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 25. Ед. хр. 17.
- ²¹ Об административной деятельности Ф.М. Апраксина на юге см. подробнее: Комолов Н.А. Указ. соч. С. 72–111.
- ²² Комолов Н.А. Воронежская губерния в биографии князя А.Д. Меншикова // Из истории воронежского края / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Вып. 14. Воронеж, 2006. С. 43–54; Его же. Место ссылки – «Оранжевый город» // Родина. 2009. № 2. С. 29–33.
- ²³ Комолов Н.А. Князя Голицына в Воронеже в петровскую эпоху // Путь Петра Великого: воронежский этап: материалы городской научной конференции. Воронеж, 2010. С. 21–22.
- ²⁴ Комолов Н.А. Воронежское судостроение 1730-х гг. и деятельность князя М.М. Голицына // Из истории воронежского края / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Вып. 20. Воронеж, 2013. С. 42–56.
- ²⁵ Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. С. 41.
- ²⁶ Петрухинцев Н.Н. Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710–1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достоянного зала 13–17 сентября 2006 года. Ч. 3. СПб., 2006. С. 32–36.
- ²⁷ Комолов Н.А. Азовская губерния... С. 193–206; Воронежская энциклопедия. Т. 1. Воронеж, 2008. С. 313–314.
- ²⁸ О нем см. новейшее исследование: Титлестад Т. Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. СПб., 2003.
- ²⁹ Берх В. Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. Ч. 3. СПб., 1834. С. 267–270.

³⁰ Материалы для истории русского флота. Т. 4. СПб., 1867. С. 527–528; Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 84. СПб., 1893. С. 670.

³¹ Загоровский В.П. Воронеж: историческая хроника. Воронеж, 1989. С. 68–69; Подробнее об административной и военной деятельности А.Н. Сенявина в Придонье и Приазовье см.: Лебедев А.А. Создание и действия Азовской флотилии в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Дисс ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

³² Комолов Н.А. У истоков Воронежа и Новохоперска: крепости, церкви, верфи. Воронеж, 2011. С. 40–41.

³³ Там же. С. 516–517.

³⁴ Материалы для истории русского флота. Т. 16. СПб., 1902. С. 21–22, 24.

А. Ф. Коновалов (Санкт-Петербург)

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ РОССИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС Российской императорской армии в значительной части состоял из выпускников кадетских корпусов и военных училищ. Теме обучения и воспитания будущих офицеров начиная с зарождения в нашей стране военного и военно-морского образования посвящено немало работ¹. В частности, это труды известных ученых В.Н. Бенды², В.А. Гурковского³, В.М. Крылова⁴, И.Н. Лощилова⁵, В.М. Меньшова⁶, В.М. Крылова в соавторстве с В.В. Семичевым⁷, В.В. Чернакова⁸ и др.

Попытаемся проанализировать историю кадетских корпусов, их место и роль накануне и в ходе Первой мировой войны, ответив на вопрос об историческом значении подготовки офицерских кадров в указанный исторический период.

1905–1912 гг. ознаменовались проведением значительных военных реформ, необходимых для укрепления боеспособности армии и флота. Расширилась сеть кадетских корпусов. В 1908 г. открыт Вольский, в 1913 – Иркутский, в 1914 – 3-й Московский кадетские корпуса.

Большое внимание стало уделяться патриотическому воспитанию кадет. С их участием отмечались юбилейные даты в истории страны. Так, в 1912 г. кадеты участвовали в праздновании 100-летия Бородинской битвы. Какие мероприятия состоялись, к примеру, в Сумском корпусе? По воспоминаниям, кадетам особенно запомнился парад 26 августа, который проходил не на корпусном плацу, а в городе на большом поле, специально подготовленном для такого случая. В параде принимали участие воинские части гарнизона, что

для кадет всех возрастов было необычным. Объезд парадных расчетов на коне директором кадетского корпуса А.М. Саранчевым, салют из старинных, петровских орудий в 101 залп, прохождение торжественным маршем на виду всего города – все это воспринималось кадетами с большим энтузиазмом, и они всю старались показать свою строевую выучку⁹. Подобные мероприятия, несомненно, имели большое воспитательное значение. После парада был прочитан доклад об Отечественной войне 1812 г. и показана вокально-литературная композиция, во время которой кадеты исполнили басню И.А. Крылова «Волк на псарне», балладу «Два великана» и поэму «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Кадетский оркестр исполнил увертюру «1812-й год» П.И. Чайковского. Апофеозом торжеств стало представление «Наполеон в Кремле – пожар в Москве» – художественная реконструкция картины художника В. Верещагина. Для этого представления кадеты изготовили красочные декорации, световые эффекты пожара, отражавшегося на Кремлевской стене и лицах кадет, изображавших Наполеона и его свиту.

По возвращении кадет из каникулярного отпуска в 1912 г. был проведен опрос, кто из их дедов участвовал в Бородинском сражении, им было предложено запросить родителей о послужных списках или документах, подтверждавших участие дедов в сражении. Выпускник корпуса Алексей Суриков вспоминал: «Все, подавшие такие документы, в день корпусного праздника были поставлены в первую шеренгу. После приветствия директора корпуса раздалась команда: “Внуки участников бородинского сражения, пять шагов вперед!”. Из каждой роты вышло из строя 5-6 человек. К директору корпуса подошел капитанармус 1-й роты, который нес на подносе коробочки бордового цвета. Директор начал обходить вышедших из строя кадет, брал коробочку, открывал ее, вынимал золотую медаль, которую прикреплял к мундиру, и вручал специальный диплом. Всем внукам и правнукам участников Бородинского сражения были вручены золотые медали на Владимирской ленте. Я помню, какой гордостью наполнялись сердца кадет, получивших медали, мы чувствовали себя героями Бородинской битвы»¹⁰.

В феврале 1913 г. в Сумском корпусе отмечалось 300-летие Дома Романовых. В день праздника состоялись парад и праздничный обед. Вечером силами кадет была поставлена опера М.И. Глинки «Жизнь за царя». Декорации были изготовлены кадетами. Каждому воспитаннику была вручена книга «Трехсотлетие царствования Дома Романо-

вых» с обозначением даты торжества и наименованием корпуса. Офицерам корпуса была вручена памятная медаль. Все это откладывалось в сердцах молодежи и становилось путеводной звездой по жизни ¹¹.

Выпускники кадетских корпусов отличались преданностью своему делу, хорошими знаниями в различных областях наук. Этому во многом способствовало совершенствование учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах, верность воинским традициям ¹², проводимая воспитательная работа. Несмотря на, казалось бы, строгую систему казарменного воспитания, довольно жесткую воинскую дисциплину, в императорских кадетских корпусах была заложена система воспитания военных кадров, отвечающая духу времени, не уступающая зарубежным аналогам, а порой и превосходящая их. Показательно в этом отношении признание известного генерала П.Н. Краснова: «...оплотом армии был офицерский состав, воспитанный в кадетских корпусах» ¹³.

В организации учебно-воспитательного процесса велика была роль руководства Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ). В начале XX в. эту деятельность осуществляли Великий князь Константин Константинович (в 1900–1910 – начальник ГУВУЗ, следующие 5 лет – Главный инспектор ГУВУЗ) и генерал-лейтенант А.Ф. Забелин (в 1910–1918 – начальник ГУВУЗ).

Рис. 1. Великий князь Константин Константинович за столом в рабочем кабинете

Как считают исследователи, Великий князь Константин Константинович многое сделал для развития системы кадетских корпусов. При его поддержке открываются Педагогические курсы для офицеров-воспитателей кадетских корпусов (март 1900); был проведен Первый съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений (декабрь 1903); по инициативе Великого князя в торжественной обстановке были возвращены в строй знамена старых кадетских корпусов, а вновь открытым учебным заведениям были вручены новые знамена; при нем вторую жизнь получают кадетские музеи – и создаются новые, где широко представлены портреты российских царей и императоров, документы об открытии учебных заведений, учебные программы и материалы о выдающихся выпускниках; он заботится об открытии библиотек и читальных залов, отмечаются юбилеи ведущих кадетских корпусов (см. табл.) и корпусные праздники, важные исторические даты в истории России. Константин Константинович был организатором проведения Первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов (декабрь 1908), при нем были изданы Памятки Николаевского (1911) и Первого (1913) кадетских корпусов; Великим князем сформулированы «Заповеди товарищества», которые были распространены во всех кадетских корпусах и военных училищах (1913) и др.

Великий князь Константин Константинович, являясь одним из наиболее культурных и образованных людей России того времени, обладал даром привлекать к себе сердца молодежи, которую он любил и понимал. Кадеты оценили его идеи и заботы и ответили ему такой же беспредельной любовью, таким доверием, что Великий князь заслужил название «отца всех кадет»¹⁴. Память о Константине Константиновиче передавалась из поколения в поколение вплоть до ликвидации корпусов в 1918 г., а также в русских кадетских корпусах в изгнании в странах Европы в 20–60 гг. XX столетия. В результате многолетних трудов и неустанных забот Великого князя была создана непревзойденная система воспитания военной молодежи, основанная на преемственности заветов и традиций предшествующих поколений.

Члены императорской семьи на протяжении почти 200 лет ревностно заботились о судьбе Пажеского корпуса и кадетских корпусов Российской империи. Их имена даже были включены в почетные наименования этих учебных заведений. За рассматриваемый период это:¹⁵

1905 г., 4 января – Михайловский Воронежский кадетский корпус переименован в Воронежский Великого князя Михаила Павловича кадетский корпус.

1907 г., 17 февраля – император Николай II, по примеру своего прадеда Николая Павловича, принимает на себя шефство над 1-м кадетским корпусом и повелевает впредь именовать его Первым Его Императорского Величества кадетским корпусом (именно так: в качестве особой привилегии корпусу, его номер, и только его, приказано писать буквами, а не цифрами, как у других). Государь также берет под свое покровительство Общество взаимопомощи кадет Первого кадетского корпуса.

1907 г., 18 сентября – Сибирский кадетский корпус снова получает имя Омского, но в 1913 г. слово «Сибирский» возвращается в новое, почетное название – 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус.

1908 г., 6 мая – 3-й Московский кадетский корпус стал именоваться 3-м Московским Императора Александра II кадетским корпусом.

1909 г., 30 декабря – Тифлисский кадетский корпус стал именоваться Тифлиским Великого князя Михаила Николаевича кадетским корпусом.

1910 г. – Высочайше установлено старшинство 2-го Императора Петра Великого кадетского корпуса.

1915 г. – Одесский кадетский корпус переименован в Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус.

Юбилей кадетских корпусов России

Наименование кадетских корпусов	Год основания	Год юбилея	Юбилей
Пажеский Его Императорского Величества	1802	1902	100
Нижегородский графа Аракчеева	1834	1904	70
Полоцкий	1835	1905	70
1-й Московский Императрицы Екатерины II	1778	1908	130
Оренбургский Неплюевский	1825	1910	85
Петровский – Полтавский	1840	1910	70
Первый кадетский корпус	1732	1912	180
Морской Наследника Цесаревича	1752	1912	160

2-й кадетский Императора Петра Великого	1762	1912	150
1-й Сибирский Императора Александра I	1813	1913	100
Орловский Бахтина	1843	1913	70

Руководители корпусов и педагоги неустанно заботились о кадетском обучении и воспитании, понимая под ним организованное и целеустремленное формирование у молодежи моральных и боевых качеств. Успешность этой деятельности подтверждают примеры героизма и отваги, проявленные на фронтах Первой мировой войны. Имена героев Первой мировой войны – одно из «белых пятен» нашей истории. Тем не менее, ряд имен хорошо известны. Одно из них – имя штабс-капитана П. Нестерова (15/27 февраля 1887–26 августа/8 сентября 1914)¹⁶, выпускника Нижегородского кадетского корпуса (1904), Константиновского училища (1906) и Гатчинской авиашколы (1912) – автора знаменитой «мертвой петли». Он прожил всего 27 лет, однако имя великого аса осталось в пантеоне русской славы на века. Он погиб в неравном бою, применив одним из первых в мире воздушный таран (1914).

Рис. 2. Петр Нестеров
Рис. 3. Памятник
П. Нестерову

П. Нестеров как герой посмертно был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В августе 1914 г. с началом войны жизнь в корпусах, регламентированная привычными правилами, внешне не особенно изменилась. Но «уже в первые месяцы военного лихолетья, – отмечал А.В. Беляев, – педагогический процесс в военно-учебных заведениях для подростков и юношей школьного возраста стал претерпевать серьезные изменения. Прежде всего, это выражалось в переосмыслении педагогическими коллективами, руководством Главного управления ВУЗ (ГУВУЗ) места и роли патриотического воспитания кадет в новых условиях. Упор делался на усиление морально-психологической подготовки воспитанников к перенесению трудностей военного времени, что в свою очередь потребовало активного вовлечения учащихся в деятельную причастность к происходящим рядом с ними событиям»¹⁷.

Горькие утраты, которые принесла с собой мировая война, пришли и в семью Великого князя. Известно, что у него было шесть сыновей и три дочери. Константин Константинович определил сыновей в разные кадетские корпуса, причем не только в столичные¹⁸.

Рис. 4. Семья Великого князя Константина Константиновича

Четвертый сын, Олег, родившийся в 1882 г., прошедший курс Полоцкого кадетского корпуса (1903–1905), служивший в Лейб-гвардии Гусарском полку, в одном из боев был смертельно ранен. Родители посетили умирающего сына. Император Николай II незадолго до смерти Олега успел наградить его орденом Святого Георгия IV степени. Это была первая пролитая кровь члена семьи Романовых в начале XX в.¹⁹ Боль от невосполнимой утраты сказалась на здоровье Константина Константиновича, 2/15 июня 1915 г. он скончался.

Рис. 5. Олег Константинович

«Порыв патриотических чувств увлек некоторых кадет на фронт, – отмечает А.Л. Самович, – и они стали участниками боевых действий. Некоторые из них получили боевые награды – солдатские Георгиевские кресты. Кадет 6 класса Николаевского корпуса Сергей Марков с разрешения родителей и военного министра “вступил добровольцем в Крымский конный полк, в строю которого заслужил два Георгиевских креста, после чего был отправлен в военное училище”, – можно прочесть в одном из современных изданий. В другом документе извещается, что “из трех выпусков (1916–1918) Одесского кадетского корпуса, насчитывавших 203 воспитанника, солдатскими Георгиевскими крестами были отмечены 9 человек”²⁰. Во время каникул кадеты с разрешения начальства и родителей принимали участие в строительстве оборонительных сооружений, удостоившись за это похвальных отзывов из действующей армии. Однако имели случаи и несколько иного рода. «Так, некоторые начальствующие отцы, – отмечает исследователь А.В. Беляев, – брали сыновей в дело, выводя их на позиции ради получения награды. Но, в общем, повсеместно проявлялось гуманное отношение военной власти к воспитанникам. Оно выражалось в беспокойстве за здоровье подростков и юношей, в стремлении уберечь их от ненужной опасности, что нашло отражение в приказе военного министра по армии. Документ был издан в сентябре 1916 года в целях пресечения уже имевшейся порочной

практики, когда иные кадеты посещали действующие войска, где служили их отцы, с корыстной целью. Именно после такого “геройства” появлялись ходатайства о представлении “побывавших на фронте” воспитанников кадетских корпусов к награждению Георгиевскими медалями».

«Главной целью воспитания будущих офицеров с объявлением (Первой мировой. – *Авт.*) войны, – далее отмечает А.В. Беляев, – стало утверждение национального самосознания и национальной гордости, любви Родине, уважения к ее героическому прошлому»²¹. Характерной особенностью организации патриотического воспитания в кадетских корпусах в военное время было стремление педагогических коллективов вызвать у воспитанников прилив глубоких нравственных чувств (сострадания, милосердия, уважения к солдату), создавать условия для совершения нравственного поступка, без которого немислим настоящий патриотизм.

В целом мы можем сделать вывод, что накануне Первой мировой войны и в ходе нее патриотическое воспитание в кадетских корпусах представляло собой довольно развитую, хотя, может быть, и не во всем совершенную систему. Выпускники кадетских корпусов составляли ядро офицерского корпуса русской армии и флота. Если говорить языком цифр, кадетские корпуса обеспечивали кадровые потребности армии России на 30 процентов. Это считалось достаточным, в целом поднимая офицерскую массу на должный нравственный и профессиональный уровень.

В заключение отметим, что многие поколения distinguished выпускников кадетских корпусов прославили Россию на различных поприщах. Своим служением Отечеству, а также многими научными открытиями, достижениями в области культуры и искусства они укрепляли российскую государственность, в начале XX столетия вывели Россию в число ведущих стран мира, подняли ее статус до уровня мировой сухопутной и морской державы.

¹ Милешина Н.А. Кадетское образование в России: исторические традиции и современные перспективы. Вестник МГОУ. 2010. № 3. С. 54–57. URL: <http://vestnik-mgou.ru>

² Бенда В.Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб., 2008. 206 с.

³ Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской империи. Т.1. М.: Белый берег, 2005. В 2 т. С. 10–230.

⁴ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб, 1998. 672 с.

⁵ Лошников И. Памятка российского кадета. СПб., 2001. С. 4.

⁶ Меньшов В.М. Российские кадеты. Т.1. Кн.1, 2. СПб.: Береста, 2003. С. 24–83.

- ⁷ Крылов В.М., Семичев В.В. Звание скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России. СПб.: ВИМАИВиВС, Российская таможенная академия, Петербург – XXI век, 2004. 160 с.
- ⁸ Чернаков В.В. Историко-педагогические аспекты создания и развития системы кадетских корпусов России как неперемennого условия совершенствования довузовского военного образования молодежи. СПб., 2002. 144 с.
- ⁹ Гурковский В.А. Указ. соч. С. 243–244.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Коновалов А.Ф. Патриотическое воспитание выпускников кадетских корпусов – участников и героев Отечественной войны 1812 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16-18 мая 2012 года. СПб., 2012. С. 24.
- ¹³ Левченко В.К. Кадетские корпуса России // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 1994. № 43. С. 90.
- ¹⁴ Иордан А.Б. Честь родного погона. Книга о традициях в Российских кадетских корпусах. М.: Интерграф – сервис, 1999. С. 44–45.
- ¹⁵ Там же. С. 41–44.
- ¹⁶ Крутова М. Слово русского офицера. К 125-летию со дня рождения военного летчика Петра Нестерова. URL: [http: previous entr/ next entry](http://previous entry/ next entry) (дата обращения: 29. 02. 2012).
- ¹⁷ Беляев А.В. Кадетские корпуса в годы Первой мировой войны // Молодежный военно-исторический журнал. 2008. № 6. С. 78.
- ¹⁸ Меньшов В.М. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁹ Эту историю в 1997 г. поведал ныне покойный кадет зарубежья Николай Николаевич Протопопов собравшимся на его доклад в ВИМАИВиВС в Санкт-Петербурге кадетам. – См.: Там же.
- ²⁰ Самович А.Л. Военная школа России в 1914–1920 гг.: кадетские корпуса. М.: Спутник, 2002. С. 27.
- ²¹ Беляев А.В. Указ. соч. С. 79.

В.В. Коровин (Курск)

ОТ КУРСКА ДО ПРИБАЛТИКИ: ИЗ ИСТОРИИ БОЕВОГО ПУТИ 173-ГО КАМЕНЕЦКОГО И 174-ГО РОМЕНСКОГО ПЕХОТНЫХ ПОЛКОВ В 1914–1916 ГОДАХ

В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ к 100-летию юбилею начала Первой мировой войны исследователи все чаще обращаются к ранее неизвестным или забытым страницам ее истории. Одной из актуальных научных задач, стоящих перед историками, в полной мере можно считать восстановление деталей участия в боевых действиях отдельных войсковых частей, а также отражение роли конкретных персоналий в военно-политических событиях. Выявление и использование документальных материалов, находящихся на хранении в федеральных и региональных архивах, позволяет успешно решить поставленные задачи.

Фронтальная биография 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков, принимавших участие в Первой мировой войне с 1914 по 1918 гг., нашла отражение в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Их документация представлена не только журналами военных действий, но и полевыми книжками командного состава, приказами и распоряжениями по служебной деятельности, наградными материалами на отличившихся в боях военнослужащих. Накануне войны эти войсковые части дислоцировались в Курске. В Государственном архиве Курской области сохранились дела об отпуске средств городским управам на расквартирование войск, об отводе, ремонте и строительстве помещений, о выделении земли под стрельбища и военные лагеря.

Как следует из документов губернского распорядительного комитета, в апреле 1909 г. стало известно о подписании императором Николаем II новой дислокации сухопутных войск¹. По получении ее в

штабе Киевского военного округа, в состав которого входила и Курская губерния, командующий войсками округа генерал Н.И. Иванов должен был организовать на подведомственных территориях работы по подготовке к расквартированию и обустройству быта войск.

11 ноября 1909 г. секретным отношением, направленным курскому губернатору М.Э. Гильхену из штаба Киевского военного округа, сообщалось об изменениях в дислокации войск на территории губернии². К документу прилагалась ведомость вновь прибывающих в губернский гарнизон частей: штаб 44-й пехотной дивизии, управление 1-й бригады 44-й пехотной дивизии, два пехотных полка 1-й бригады – 173-й Каменецкий и 174-й Роменский со своими штабами и вспомогательными службами, а также 21-й мортирный артиллерийский дивизион и 21-й мортирный артиллерийский парк.

Осенью 1910 г. названные войсковые части на постоянных началах расположились в Курске. К 30 июня 1914 г. их подразделения размещались в казармах и городских зданиях губернского центра. Согласно отчетным листам по квартирному довольствию 173-го и 174-го пехотных полков, к указанному времени в них состояло на службе нижних чинов – 2171 и 1986 человек соответственно³.

Журнал военных действий 174-го пехотного Роменского полка сообщает о том, что 17 июля 1914 г. в 7 час. утра из штаба 44-й пехотной дивизии было получено распоряжение об объявлении мобилизации, считая ее первым днем 12 час. ночи текущих суток. Работа первого дня проводилась по плану мобилизационных мероприятий. Из личного состава были выделены на формирование 314-го пехотного Новооскольского полка 25 офицеров и 262 нижних чина, 21-го запасного батальона – 9 офицеров и 39 нижних чинов, в этапную полуроту – 1 офицер и 3 нижних чина⁴.

19 июля началось комплектование 173-го пехотного Каменецкого полка пополнением из числа мобилизованных жителей Курской губернии. Партии новобранцев прибывали из Курского сборного пункта без именных списков и сведений об их численном составе, что вызывало определенные организационные трудности. За прошедший день в полк прибыли 732 человека и 161 лошадь, которые были распределены по ротам, командам и в первый взвод дивизионного обоза⁵.

20 июля две партии запасных из Щигровского уездаполнили 174-й полк, в результате чего его численность увеличилась на 638

человек и 336 лошадей. Мобилизационная работа проходила без замечаний. В последующие дни полк доукомплектовывался запасными из Щигровского, Тимского, Новооскольского и Старооскольского уездов. Но по прибытии последней партии некомплект составил 150 человек⁶.

Проблемы с комплектованием испытывал 173-й полк. Прибывавшие одновременно партии имели недокомплект в несколько сот человек. Многие новобранцы были не готовы к прохождению строевой службы. Недостающих по нарядам от Фатежского уезда 623 человек пришлось набирать в 20-м запасном батальоне Обоянского уезда. К 22 июля 1914 г. комплектование полка завершилось, но хозяйственные работы продолжались⁷.

В течение нескольких дней велась подготовка обоза к отправке на фронт, а с прибывшим пополнением проводились занятия по стрельбе. 25 июля в помещении общественного клуба куряне устроили торжественный прощальный ужин для частей гарнизона. На следующий день в полковые лагеря прибыл крестный ход с архиепископом курским Феофаном и чудотворной иконой «Знамение Божией Матери Курской Коренной». Был отслужен напутственный молебен, солдаты и офицеры получили благословение.

27 июля 1914 г. в 6 час. утра на фронт выдвинулся первый эшелон с военнослужащими 173-го полка. Всего для их переброски потребовалось 5 железнодорожных составов, отправлявшихся со станции Курск через каждые два часа. В тот же день в 8 часов утра командир 44-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Ф. Добротин произвел смотр 174-му пехотному полку. А вечером на лагерном плацу полковой священник отслужил молебен, после чего всем чинам были розданы нательные крестики и образки. Полк выдвигался на фронт 6-ю эшелонами, первый из которых отправился со станции Курск в 3 час. 40 мин. ночи 28 июля⁸.

29–30 июля 1914 г. части 44-й пехотной дивизии из Курска прибыли в Луцк. Об атмосфере этих дней сохранились воспоминания бывшего командира 176-го Переволоченского полка⁹ М.Д. Бонч-Бруевича: «В противоположность бурливому киевскому вокзалу на станции Луцк стояла мертвящая тишина, даже железнодорожный буфет и тот был закрыт. Чувствовалась близость если и не фронта, то прифронтной полосы, в городе было полно офицеров в походной форме, перетянутых портупеей с непонятным обилием столь полюбившихся в первые месяцы войны, никому не нужных ремней и ремешков, с

кожаными футлярами для биноклей, папирос и еще чего-то, словом, обвешанных до такой степени, что затруднялось даже движение.

По мостовой маршировали отправлявшиеся на фронт роты; солдаты изнемогали под тяжестью “полной выкладки”, стояла жара, и, конечно, куда разумнее было бы, сдав в обоз ненужные шинели и ранцы, налегке выступить в трудный поход по скверным и пыльным дорогам Галиции; но никто до этого не додумывался, и чрезмерно нагруженные солдаты с тяжелыми винтовками на натруженных плечах “печатали шаг” и делали это с такой же покорностью, с какой в половине прошлого века отправлялся в поход “вечный” николаевский солдат в немислимо узких брюках, начиненном мелом нелепом снаряжении и тяжелом и ненужном кивере»¹⁰.

Здесь им предстояло приступить к выполнению боевых задач, поставленных штабом 3-й армии перед 21-м армейским корпусом (в состав которого входила дивизия). Согласно полученным распоряжениям, основная задача его войск заключалась в удержании речных переправ у Луцка, Торговице и Рожище. Самой армии было приказано «замедлить, насколько возможно, движение Австро-Венгерских армий при вторжении в наши пределы, а затем наступать в Галицию с общим направлением на Львов»¹¹.

В то же время, армейское командование признавало: «Недостаток инженерной подготовки и тяжелые местные условия делают трудно разрешимым вопрос об их активной обороне... Поэтому переправы эти следует отстаивать по возможности. От захвата кавалерии они должны быть предохранены, безусловно. В случае же направления на них противником значительных сил, оборона их должна быть по преимуществу сосредоточена на правом берегу р. Иквы и Стыри, а сами переправы подготовлены к разрушению»¹².

Согласно боевому расписанию, оборона переправ у названных населенных пунктов поручалась: Рожищенскому отряду (в составе четверти батальона 173-го пехотного полка и 2 пулеметов), Луцкому отряду (3 и $\frac{3}{4}$ батальона, 6 пулеметов 173-го пехотного полка; 2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 16 легких орудий 44-й артиллерийской бригады), Торговицкому отряду (2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 8 легких орудий 44-й артиллерийской бригады)¹³.

К 1 августа 1914 г. личный состав 173-го пехотного полка вошел в состав Луцкого отряда, сменив на занимаемых позициях 44-й пехотный Камчатский полк, занял 4 форта к западу от Луцка и принял охрану

моста через реку Стырь. 1-я рота полка передана Рожищенскому отряду для обороны переправ. Одновременно был сформирован Торговицкий отряд, который возглавил командир 174-го пехотного полка полковник В.Г. Владимиров. Отряд был распределен по участкам и приступил к укреплению позиций для активной и пассивной обороны¹⁴.

В течение нескольких дней продолжались работы по дальнейшему усовершенствованию позиций. У местечка Торговицы возводились окопы. На правом берегу рек Стыри и Иквы сооружались укрытия для упорной обороны. На левых берегах, перед деревнями Подлосцы, Перекладовичи, Лихачевка, Волничы – устраивались искусственные препятствия на случай наступления неприятельской кавалерии и мелких частей пехоты.

В отданном 4 августа 1914 г. приказе по войскам 3-й армии отмечалось: «По прежним сведениям противник разворачивается на линии Красное-Золочев-Зборов. До реки Серет крупных частей противника не обнаружено. Тернополь занят противником. Наша конница не могла проникнуть за линию Стоянов-Родзихов и к Топорову. 3-я армия развернулась в районах Дубно-Ровенском и Горынском»¹⁵.

В связи с переходом 6 августа 3-й армии в наступление, частям 21-го корпуса предстояло выдвинуться по обоим берегам реки Стыри к Берестечко и Острову, 7 августа – выйти на линию реки Пляшевки, к вечеру 10 августа – утвердиться на линии Стоянов, Станиславчик, Пониковице, Пеняки, Заложцы. 11 августа – продолжить наступление в пределы Галиции и утвердиться на линии Топоров-Переволично. В приказе по 3-й армии за этот день отмечалось, что противник, не принимая боя, отступает ко Львову. 21-му корпусу предписывалось закрепиться на линии Остапковцы-Буск. К 14 августа – занять район Каменка-Струмилово и Мосты Вельки¹⁶.

Наступление 3-й армии, начавшееся 6 августа, развивалось почти беспрепятственно. Слабые части войск прикрытия противника поспешно отходили, боевые столкновения были редкими. За шесть дней армия продвинулась на 90–100 км. Отдельные детали наступательного марша сохранились в полковых журналах военных действий: «10 августа. Полк (174-й пехотный. – *Авт.*) в составе главных сил правой колонны 44-й пехотной дивизии выступил из д. Джиковичи в 6.30 утра для следования через Мервь в пределы Австро-Венгрии. В с. Мервь к полку присоединились 2 батальона Каменецкого полка. Вместе с ними в 9.45 утра у селения Мервь полк перешел границу и вступил в пределы Австро-Венгрии...»¹⁷

13 августа 1914 года. 173-й пехотный полк в составе авангарда левой колонны выступил из Топорова, имея бой с противником у д. Деревляны на реке Западный Буг. Переправ не было, поэтому головные части, перейдя реку вброд, вступили в бой. К вечеру противник отступил, а темнота не позволила продолжить его преследование. В этот день полк понес первые потери: погибли штабс-капитан Н.Ф. Войнов, подпоручик С.П. Кузнецов и 20 нижних чинов; ранены штабс-капитаны А.Е. Лайков и В.Я. Тищенко, прапорщик Битешко и 63 нижних чина; контужен подпрапорщик Л.Г. Леонтьев¹⁸.

С сентября 1914 г. подразделения 173-го и 174-го пехотных полков занимали оборону на реке Сан. Фронт 3-й армии в составе восьми пехотных дивизий был растянут на 150 км. Против них на левом берегу Сана находились девять австрийских дивизий. Оборонительные бои здесь приняли затяжной характер. Наступление с целью форсировать Сан было назначено на 5 октября. Но к этому времени только части 21-го армейского корпуса оказались готовы к выполнению поставленной задачи.

В ночь с 4 на 5 октября авангарды 44-й и 33-й пехотных дивизий перешли р. Сан в районе Ниско и Рудника. 44-я дивизия заняла и укрепила позицию по линии Рацлавице-Волино-Новавесь, а 33-я дивизия – у Халупки. У Заржыче и Белина удалось устроить мосты. Артиллерия осталась на правом берегу и содействовала обороне позиции. Журнал военных действий 173-го полка конкретизирует ситуацию: «3-й батальон с частями 175-го и 176-го полков переправился на тот берег Сана. В 12 час. дают знать, что на левом фланге собираются силы противника. Около 1 часа дня передают по телефону, что на правом фланге наших переброшенных частей собирается пехота противника... Начальник дивизии приказал перевести еще 2 роты 4-го батальона и 1 роту 2-го батальона, что было исполнено. К 6 часам дня за рекой было уже 7 наших рот»¹⁹.

Желая сбросить русских обратно, к Ниско были направлены резерв X корпуса из 1-й австрийской армии и дивизия VI корпуса из района Пржеворска. Атаки австрийцев были отбиты при содействии артиллерии с правого берега. Содействуя обороне, эта артиллерия не могла поддержать наступления своих войск. Поэтому все попытки продвинуться вперед, чтобы расширить плацдарм, заканчивались неудачей.

Ввиду принятия нового плана действий, по соглашению с германским командованием, главное австрийское командование дает

указание 4-й австрийской армии подготовиться к отходу, одновременно выделить из состава армии дивизию на усиление 1-й армии. Эта дивизия должна быть перевезена по железной дороге от Пржеворска в Краков. Этим распоряжением положение армии ухудшилось: на участке в 150 км остались 7-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии. Равновесие сил на р. Сан нарушилось. 21-й армейский корпус предпринял попытку ночной атакой 16 октября расширить плацдарм в районе Рацлавице и создать базу для дальнейшего наступления²⁰.

В ночь с 18 на 19 октября части 21-го корпуса провели одновременную атаку на Ниско и Рудник. Удалось занять Ниско, захватив до 200 пленных, и овладеть замком у Рудника. Со стороны противника днем последовало несколько контратак, но все они были отбиты. И вновь журнальные записи 173-го пехотного полка дополняют картину происходившего драматическими деталями: «В 5 час. утра колонны двинулись для атаки д. Рацлавице. Одновременно с этим полк 33-й пехотной дивизии, атакуя Ниско, поджег его, осветив местность. Атакующие наши колонны были обнаружены противником, который открыл по ним сильный ружейный и пулеметный огонь. Деревня Ниско была взята сводным полком...»²¹

Ровно через два года в боевой биографии частей 44-й пехотной дивизии произошли, пожалуй, самые трагические за весь период Первой мировой войны события. В это время 173-й и 174-й пехотные полки занимали оборонительные позиции в Икскольском предместном укрепленном районе на берегу реки Западная Двина.

Химическая атака германцев в районе Иксколя 25 сентября 1916 г. началась в 4 час. 25 мин. Передовые наблюдатели 173-го пехотного полка дали сигналы лишь тогда, когда услышали шипение газа и шум в германских окопах. Поэтому противогазы были надеты с некоторым опозданием, когда волна газа захватила передовые окопы, а затем острова Голый и Лесистый. Одновременно с выпуском газа германские войска открыли заградительный огонь химическими снарядами в тылу Икскольского укрепления по правому берегу Западной Двины и в районе озера Лебедино.

Вслед за первой волной противник повел наступление на всю предместную позицию силой до двух батальонов. Оно было прекращено сильным огнем заранее пристрелянных пулеметов и артиллерии. В 5 час. 15 мин. с германских позиций была выпущена вторая волна газа из тех же пунктов.

Движение газа было замечено, поэтому часть тяжелых батарей обрушилась как на пункты выпуска, так и на облака газа с целью их разрежения. Эта волна прошла через русские укрепления, заполняя окопы и ходы сообщения. Около 6 часов утра противник выпустил третью волну, удлинив фронт атаки (перед позициями 176-го Переволоченского пехотного полка). За второй и третьей волнами газа были предприняты попытки произвести новые атаки, но и они были отбиты пулеметами и артиллерией. В течение дня наиболее пострадавшие подразделения были заменены. Так, на смену 4-му батальону 173-го полка заступил 2-й батальон. На правом участке укрепрайона все роты полка сменили бойцы 2-го Рижского батальона.

К вечеру 26 сентября потери частей 44-й пехотной дивизии исчислялись: 811 тяжело отравленных и 272 умерших. Значительное число жертв было вызвано элементом неожиданности атаки и слабым эффектом марлевой повязки (рассчитанной на хлор и синильную кислоту), которой снабжались бойцы. Противоголом Зелинского-Кумманта, оказавшим гораздо больший эффект защиты, обеспечивались лишь офицеры, унтер-офицеры и разведчики²².

Таковы лишь отдельные эпизоды боевого пути 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков. Их фронтовые дороги начинались летом 1914 г. из пункта постоянной дислокации Курска, сюда же они прибыли на расформирование в начале 1918 г. По-разному сложились судьбы офицеров и нижних чинов этих полков. Сотни погибших на фронте, десятки награжденных. Многие из горнила Первой мировой войны попали на братоубийственную Гражданскую. История полков и дивизий, участвовавших в Великой и Забытой, требует еще немалых усилий исследователей.

¹ ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1293. Л. 6–6 об.

² Там же. Л. 1–2.

³ ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1474. Л. 33 об.; Д. 1472. Л. 22.

⁴ РГВИА. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 63. Л. 109.

⁵ Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 206.

⁶ Там же. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 63. Л. 109 об.

⁷ Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 206 об.–207.

⁸ Там же. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 26. Л. 207; Д. 63. Л. 110.

⁹ Полк входил в состав 44-й пехотной дивизии, дислоцировался в Чернигове. В Луцк прибыл 30 июля 1914 г.

¹⁰ URL: http://modernlib.ru/books/bonchbruevich_mihail/vsya_vlast_sovetam/read_1/

¹¹ РГВИА. Ф. 2220. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 42.

¹⁴ Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 46. Л. 230; Д. 63. Л. 110 об.

¹⁵ Там же. Ф. 2220. Оп. 1. Д. 3. Л. 79.

¹⁶ Там же. Л. 80, 112, 118–119, 122.

¹⁷ Там же. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 26. Л. 207; Д. 63. Л. 110.

¹⁸ Там же. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 210 об.

¹⁹ Там же. Л. 235–236.

²⁰ Русская армия в Великой войне: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. URL: http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_2/SE_02_05.html

²¹ РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 245 об.

²² Там же. Д. 38. Л. 9–9 об.; Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. URL: http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_prilogenie10.htm

Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов (Санкт-Петербург)

«ТОЛЬКО ДЛЯ БУДУЩИХ ИСТОРИКОВ»¹

*«В поисках формы и необходимой точности
мы ориентируемся на запросы фронта»*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ результатов гидрологических и метеорологических исследований при планировании военных операций стала очевидной во время Первой мировой войны. 22 декабря 1915 г. было образовано Главное метеорологическое управление (Главмет), в составе которого были следующие отделы: служба предсказания погоды и заведывания местными военно-метеорологическими органами, научной разработки методов предсказания погоды и инструментального. В 1915–1917 гг. Главмет поочередно находился в подчинении Управления заведующего организацией авиационного дела в действующей армии, Управления полевого генерал-инспектора Военно-воздушного флота, Полевого управления авиации и воздухоплавания при Штабе верховного главнокомандующего. В марте 1918 г. Главмет был передан в ведение Наркомата по военным делам. Однако сразу после окончания Гражданской войны Главное метеорологическое управление ожидала череда реорганизаций и ведомственных переподчинений. 21 июня 1921 г. СНК РСФСР принял декрет об организации Метеорологической службы, в развитие которого 13 октября он же издал постановление «О передаче военно-метеорологического отдела (Главмет) из ведения Наркомата по военным делам в ведение Наркомата просвещения». Главмет, входивший в структуру Центрального управления снабжений Наркомата по военным делам, передавался вместе с подведомственными ему метеорологическими, аэрологическими и аэронавигационными станциями в состав Главной физической обсерватории (ГФО). В качестве Отдела военной метеорологии ГФО на него возлагались следующие задачи: 1) научная разработка полученных в период мировой

и гражданской войн в ходе наблюдений результатов; 2) «содействие Военному ведомству в разработке вопросов, связанных с применением метеорологии к военному делу»; 3) руководство станциями наблюдения; 4) учет специалистов-метеорологов и разработка мобилизационных предположений и другие задачи. Особо указывалось, что в военное время ГФО выделяет из своего состава для военного ведомства особый орган в соответствии с потребностями военного времени.

Следует заметить, что гидрометеорологические исследования в РСФСР и СССР проводились не только ГФО. Так, в составе Центрального управления водного транспорта в 1923–1930 гг. функционировало Центральное гидрометеорологическое бюро. Однако для нужд командования и летного состава ВВС РККА исследования данного бюро стали использоваться только с 1928 г.

В августе 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о создании Единой гидрометеорологической службы СССР, но только в феврале 1933 г. ими же было принято постановление об организации Центрального управления Единой гидрометеорологической службы СССР. Два с половиной года спустя новым постановлением было образовано Главное управление гидрометеослужбы при СНК СССР. После постановления 1929 г. были созданы несколько региональных структур, в частности Северо-западное управление Гидрометеорологической службы Главного управления Гидрометеослужбы, Ленинградское областное управление. Последнее было подчинено Наркомату земледелия СССР, в 1932 г. реорганизовано в Ленинградский областной комитет Гидрометеорологического комитета СССР РСФСР при Наркомземе СССР, а в 1933 г. снова реорганизовано в Областное управление Гидрометеослужбы СССР при СНК. В Ленинграде находился завод гидрологических и геофизических приборов «Гидрогеоприбор» (позже завод № 301) ГУГМС при СНК СССР.

Поскольку 15 июля 1941 г. приказом Ставки Верховного командования Гидрометеорологическая служба была подчинена командованию Красной армии, Ленинградское управление было реорганизовано в Управление гидрометеослужбы Ленинградского фронта, подчинялось Главному управлению гидрометеослужбы РККА². Одной из главных его задач являлось развертывание гидрометеослужбы на театрах военных действий.

Подготовка военных гидрометеорологов с 1931 г. осуществлялась в Военно-морской академии на гидрографическом факультете (срок

обучения – 2 года)³. К началу Великой Отечественной войны был подготовлен 31 гидрометеоролог. Понятно, что это было ничтожно малое количество специалистов. Без привлечения гражданского персонала во время войны было не обойтись. При планировании операций командованием Ленинградского фронта учитывалась исключительная значимость данных гидрологических и метеорологических наблюдений. Создание отлаженной организации метеонаблюдений диктовалась не только необходимостью выбора наиболее подходящего времени для проведения операций, но и осознанием возможности применения противником отравляющих веществ⁴ и средств для постановки дымовых завес⁵.

Публикуемые ниже документы отражают как сложные отношения, сложившиеся между Главным управлением гидрометеослужбы РККА, Управлением гидрометеослужбы Ленфронта и гидрометеорологическим отделением оперативного отдела штаба Ленинградского фронта, так и лишенный формализма подход к выполнению конкретных задач начальником этого отделения Я.Х. Иоселевым⁶. Критическое отношение его лично и сотрудников отделения к получаемым из ГУГМС, УГМС ЛФ прогнозам не являлось беспочвенным: получаемые прогнозы, как правило, не оправдывались.

№ 1

Письмо начальника ГУГМС Красной армии начальнику ГМО штаба ЛенФ, 16 сентября 1943 г.⁷

Секретно

Начальнику ГМО оперативного отдела штаба
Ленинградского фронта
инженер-майору тов. [Я.Х.] ИОСЕЛЕВУ⁸

На запрос 3-го управления ГУГМС КА Вами были высланы материалы, характеризующие оправдываемость гидропрогнозов⁹ весной 1943 года.

По указанным материалам можно сделать заключение, что гидропрогнозы на весну 1943 года разрабатывало ГМО и что прогнозы имели хорошую оправдываемость и заблаговременность. Гидропрогнозы, разрабатываемые УГМС Ленфронта и Московской группой ГГИ¹⁰, классифицировались, как неудовлетворительные и не принимались Вами во внимание.

Однако, при инспекции начальником 2[-го] отдела 3[-го] управления ГУГМС КА инженер-подполковником т. Антоновым установлено, что УГМС Ленфронта регулярно обеспечивало гидроинформациями, консультациями и гидропрогнозами не только ГМО фронта, но и ГМО армий, дислоцирующихся вблизи Ленинграда. Гидропрогнозы составлялись управлением по разработанной методике с учетом долгосрочного прогноза погоды. Оправдываемость гидропрогнозов на весну 1943 года была вполне удовлетворительной (исключая прогноз высоты весеннего половодья).

Наряду с этим, инспекцией установлено¹¹, что ГМО Ленинградского фронта не имеет разработанной методики, обеспечивающей выпуск гидропрогнозов, и что работа ГМО Ленфронта сводилась, в этой части, лишь к попыткам некоторого уточнения гидропрогнозов, выпускаемых УГМС Ленфронта, основанного на текущих наблюдениях за состоянием водных объектов.

В свете изложенного, утверждение о «полном отсутствии конкретной методической помощи со стороны УГМС Ленфронта» совершенно отпадает, т. к. гидропрогнозы выпускало только Управление. Таким образом, Ваше письмо №-060/с от 22.05.1943 г. является тенденциозным и характеризует недооценку помощи в работе, которую оказывает Вам УГМС Ленфронта.

Неоднократные проверки деятельности УГМС Ленфронта показали, что наличие кадров и материалов в этом Управлении вполне обеспечивают хорошее гидрометеорологическое обслуживание всех родов войск.

Обращаю Ваше внимание на необходимость укрепления деловых взаимоотношений с УГМС Ленфронта и на недопустимость повторения в дальнейшем высылки в ГУГМС КА материалов, неправильно освещающих действительность.

Начальник Главного управления Гидрометслужбы Красной Армии
генерал-майор инженерно-технической службы *Федоров*¹²
Начальник III управления ГУГМС КА
инженер-майор *Джоган*

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3028. Л. 24. Подлинник. Автограф.

Не время сейчас заниматься склоками и отвечать, углубляя противоречия.

Только для будущих историков¹⁴:

1. Никакой инспекции г[идро]м[етеорологического] о[тделения] со стороны т. Антонова не было. В Ленинград приезжал инженер-подполковник Антонов, который не выполнил основное уставное требование и к нач[альнику] оперотдела не явился. Ни в штабе фронта, ни в г[идро]м[етеорологическом] о[тделении] оперотдела штаба ЛФ он также не был. Несмотря на категорическое требование генерал-майора т. Гвоздкова¹⁵, он к нему также не явился, а удрал из Ленинграда, посидев в УГМС и в основном занимаясь своими личными (квартирными) делами.

2. Отношение ГУГМС КА явно тенденциозное: г[идро]-м[етеорологическое] о[тделение] оперотдела штаба ЛФ указывало на низкое качество прогнозов УГМС ЛФ, тем самым, естественно, перед ГУГМС должен был встать вопрос о необходимости улучшения работы подчиненного ему подразделения. Вместо этого ГУГМС стал на позиции выгораживания подчиненного ему в строевом отношении подразделения.

3. Прогнозы г[идро]м[етеорологического] о[тделения] – это прогнозы офицеров 42, 23, 67[-й] и т. д. армий. Работники г[идро]м[етеорологического] о[тделения] все время находятся на тех водных объектах, по которым они прогнозировали. Между тем, в УГМС люди кабинетным путем устанавливали свои сомнительные и плохо оправдавшиеся положения о состоянии водных объектов, которых и не знали и не видели.

4. Весьма характерно, что о качестве ужасных прогнозов Гидрологического института (тоже подчиненного ГУГМС КА) в отношении т. Федорова ничего не говорится. Сплошная дипломатия, а не желание улучшить работу!

5. Когда Г[осударственным] Г[идрологическим] Ин[ститу]том был прислан фоновый (т. е. безответственный) прогноз вскрытия рек в 1943 году, он сразу вызвал сомнение. Мы запросили у ГУГМС КА обоснование. ГУГМС за подписью Антонова прислал ответ (подлинник телеграммы Антонова прилагаю¹⁶). В ответе т. Антонова было сказано, что на составление обоснования к фоновому прогнозу

требуется время, что в нашей оперативной работе оно, якобы, не нужно и предлагалось пользоваться готовыми данными Гидрологического института. Из этой телеграммы было ясно, что обоснование прогноза ГГИ к моменту дачи этим институтом прогноза, еще не было составлено.

6. До сих пор в течение 2-х лет в отношении научного руководства, происходила обратная картина: работники УГМС (т. Головин¹⁷, Медрес¹⁸, синоптики) обращались к работникам г[идро]м[етеорологического] о[тделения] за научными советами. О методической помощи со стороны УГМС за это время не было и речи. Об этом работники УГМС стыдились даже говорить. Этот вопрос по собственной инициативе ставит ГУГМС, руководствуясь при этом чисто формальными соображениями. Но для научного руководства ведь нужно чтобы учитель был грамотнее ученика, иначе получится сплошной конфуз.

7. Что касается технической помощи, то, как правило, хотя и с опозданием и без выдержки сроков, УГМС все же предоставляет нам запрашиваемые нами материалы, и здесь претензий нет.

8. О степени объективности ГУГМС можно судить по следующему: во время пребывания т. Федорова в декабре 1942 г в Ленинграде нач[альник] оперотдела штаба ЛФ и военный комиссар оперотдела штаба ЛФ указывали т. Федорову на совершенно недопустимый факт: УГМС ЛФ в зиму 1941–42 гг. совершенно не работало на льду Ладожского озера¹⁹, и что поэтому г[идро]м[етеорологическому] о[тделению] пришлось всю работу вести самим, используя путевые роты 64 ОДЭП²⁰. Приехав же в Москву, т. Федоров, чтобы затенить позорный для УГМС факт пренебрежения УГМС ЛФ важнейшим для фронта участком, издал приказ № 062 от 16.2.1943 г. В этом приказе т. Федоров приписывает своему подразделению (УГМС ЛФ) работу, которую провел оперотдел штаба ЛФ и за чужую работу объявляет УГМС ЛФ благодарность. Такой оборот дела работникам УГМС даже не снился. Чисто сделано, потому – своя рука владыка. Где уж после этого говорить об объективности и справедливости со стороны т. Федорова.

19.9.1943 г.

Иоселев

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3028. Л. 24об. Подлинник. Автограф.

№ 3

**Рапорт старшего техника – лейтенанта Элеазера Г.А.
о беседе с сотрудником ГУГМС КА, не ранее 19 сентября 1943 г.**

Начальнику ГМО оперотдела штаба Ленфронта
инженер-майору т. [Я.Х.] ИОСЕЛЕВУ

[от] старшего тех[ника] лейтенанта
ЭЛЕАЗЕР Г.А.

РАПОРТ

Докладываю:

[...] ²¹ августа 1943 г. я в УГМС ЛФ имел встречу с сотрудником ГУГМС КА инженер-подполковником т. Антоновым. Последний был недоволен нашей оценкой прогнозов.

Беседа с инженер-подполковником т. Антоновым носила совершенно бессистемный характер. Тов. Антонов видимо имел установку доказать полное благополучие в ГУГМС и УГМС. Все время происходило перескакивание т. Антонова с предмета на предмет. В случаях, когда мои ответы не устраивали т. Антонова, вопрос заминался и переводился на другую тему; затем через некоторое время возвращался к старому, опять заминался и т. д.: несколько раз. Никаких материалов, связанных с прогнозами УГМС и ГУГМС, письменных документов и т. п. при разговоре рассмотрено не было. Мои попытки использовать этот разговор и получить какие-нибудь методические указания успехом не увенчались, т. к. разговор или заминался, или сводился к тому, что я – гидролог и сам все должен знать, или, наконец, ответ состоял из общих фраз и положений, ничего не дающих.

В процессе разговора т. Антонов дважды (один раз в присутствии работников УГМС ЛФ) подчеркнул мне, что он является начальником 3-го управления. Я не знаю, есть ли у него к тому основания.

Отрицательная оценка нами (т. е. потребителем) прогнозов УГМС ЛФ и центральных организаций ГУГМС КА, казалось, должна была бы поставить представителя ГУГМС перед вопросом, что надо сделать, чтобы качество прогнозов стало бы лучше. Вместо этого т. Антонов стал на путь терроризирования критикующего.

Разговор со мной носил характер не методической помощи, а прокурорского допроса. Вместо того, чтобы говорить о том, как в дальнейшем улучшить работу, мне ставились вопросы о том, делается ли это, делается ли то. Я отвечал, что и то и это делается. Тов. Антонов

не давал мне договорить. После получения от меня положительного ответа, он сразу же, не дослушивая меня, на полуслове переводил разговор на другой вопрос, затем делал безапелляционное заключение по предыдущему вопросу: «Так вот по такому-то вопросу у Вас не делается ничего». Я отвечал: «Позвольте, да ведь я только что говорил Вам, что это делается». После этого т. Антонов, ничего не отвечая, резко переводил разговор на другую тему.

Таким образом, отмечаю, что т. Антонов принял позицию не помощи нам, а тенденциозную линию огульного охаивания нашей работы, без всякой попытки действительно помочь в улучшении прогнозов.

Весь этот разговор оставил недоуменное и тяжелое впечатление прокурорского грубого допроса с предвзятым мнением и в грубо приказной форме. Причем, т. Антонов резко подчеркивал следующие положения:

1. ГУГМС КА и УГМС ЛФ являются руководящими организациями, которым мы подчинены во всех отношениях, вплоть до необходимости утверждения начальником УГМС ЛФ инженер-подполковником т. Семеновым²² нашей оперативной работы.

2. ГУГМС КА и УГМС ЛФ являются также и научно-методическими организациями. Их заключения, а в том числе и прогнозы непогрешимы и никакому обсуждению не подлежат.

3. ГМО оперотдела штаба Ленфронта малокомпетентно и работает только благодаря хорошему методическому руководству со стороны УГМС ЛФ (в частности и по гидропрогнозам). Я с этими положениями не согласился и продолжал указывать, что плохими прогнозами срывается наша работа и вообще авторитет службы.

По вопросу прогноза весенних гидрологических явлений (1943 г.) докладываю:

1. В составлении прогноза принимали кроме меня непосредственное и деятельное участие: техник-лейтенант Попов²³ (ГМО 42-й армии), старший техник-лейтенант Медведев²⁴ (ГМО 55-й армии) и инженер-капитан Кочетков²⁵ (ГМО 67-й армии), занимавшийся ранее вопросами гидропрогнозирования в трестах «Гидэп» и «Спецгидэп»²⁶. Все эти командиры в научном отношении грамотнее прогнозиста УГМС ЛФ т. [П.Л.] Медреса.

2. Какая-либо специальная методика по гидропрогнозированию по мелким рекам, как Славянка, Кузьминка, Лиговский канал, Койровка, Красенькая и т. п. и таким же озерам отсутствует. Тем более что

по ним имеются только случайные отрывочные наблюдения и, стало быть, нет каких бы то ни было графиков зависимости, кривых связи и т. п. Вообще, как указано в «Практическом руководстве по основным приемам гидрологических прогнозов» (Гидрометиздат, издание ГУГМС КА 1942 г., стр. 116): «Методика прогнозов вскрытия и замерзания рек еще недостаточно совершенна и мало обоснована».

Разработка методики гидропрогнозирования по мелким рекам, наблюдения на которых ранее не производились или были кратковременными и отрывочными (причем в условиях войны в большинстве случаев режим этих рек искажен различными гидротехническими сооружениями)²⁷, должна явиться предметом, по меньшей мере, кандидатской или даже докторской диссертации.

До сих пор такой полной разработки никем в СССР не сделано. Нет ее и ни в УГМС ЛФ, ни в ГМО. Поэтому в вопросах весеннего гидропрогнозирования, в особенности по рекам указанного типа, приходится идти пока путем эмпирии.

3. На вопрос о методике и о том, как поступать при необходимости составления прогноза по водным объектам указанного типа, инженер-подполковник т. Антонов также не смог дать вразумительного ответа, постарался замять этот разговор и перевести его на другую тему. Между тем ведь от кого как не от т. Антонова можно было ждать четкое указание по этому вопросу.

4. Из ЦИПа и ГГИ мы получали и получаем прогнозы по крупным рекам, расположенным или далеко в тылу (Паша²⁸, Мста²⁹ и др.), или далеко на территории, занятой противником (Луга, Великая и др.). Весной 1943 г. эти реки ни непосредственно, ни косвенно, как аналоги, нас не интересовали. На нашу просьбу выслать обоснования к прогнозу, с тем, чтобы применить эти обоснования и соображения ГГИ, как методической организации для интересующих нас объектов, нам было в телеграмме за подписью т. Антонова отказано (подлинная телеграмма прилагается)³⁰.

Прогноз вскрытия Ладожского озера, что нас интересовало, составленный ГГИ, ничего общего с действительностью не имел.

5. От УГМС ЛФ мы получили для интересующих нас объектов неуверенный, отрывочный прогноз не по всем объектам и не по всем элементам. Это, конечно, вполне понятно, т. к. УГМС для этих объектов также не имеет никакой методики и, кроме того, не было знакомо подробно с фактическим состоянием этих объектов в той мере, в какой их знают гидрологи армий. Последние систематически

проводят рекогносцировки и учитывают наличие и состояние всех мелких гидротехнических сооружений оборонного значения.

Прогнозы УГМС ЛФ мы, конечно, учитывали в качестве общих соображений, как учитывали (в порядке учета, а не руководства) прогнозы ЦИП, ГГИ и т. д. Но полностью удовлетворить нас они не могли. Кроме того, они и не оправдались.

6. Учитывая возможности УГМС ЛФ, гидрологи фронта и армий начали заблаговременно продумывать вопрос составления весеннего гидропрогноза. При составлении прогноза или, выражаясь юридически точнее, соображений о сроках и характере весенних гидрологических явлений, в ГМС наземных войск были учтены и использованы:

- а) гидрографические особенности (естественные и искусственные) каждого объекта;
- б) прогнозы погоды на разные сроки, до месячного включительно;
- в) данные отдельных снегосъемок³¹ и обследований состояния снегового покрова;
- г) опыт весны 1942 г. и личный опыт гидрологов;
- д) местные признаки.

Мы основывались на указании в «Практическом руководстве по основным приемам гидрологических прогнозов» (стр. 124), что: «знание местных признаков, особенно для гидрологической разведки, крайне важно, так как позволяет без каких-либо специальных разработок, по непосредственным наблюдениям разведчика, судить о предстоящих изменениях гидрологического режима рек и озер».

7. Предварительные соображения были даны Гидрометслужбой наземных войск задолго до получения прогноза из УГМС ЛФ и потому никак не могут быть названы интерпретацией. Нельзя интерпретировать то, чего не знаешь.

8. Окончательный прогноз (или, вернее, соображения о сроках и характере весенних гидрологических явлений) были даны в день получения прогноза из УГМС ЛФ. Причем, как указывалось, прогноз УГМС ЛФ был дан далеко не по всем нужным нам объектам и элементам (дата вскрытия, продолжительность ледохода, величина и дата максимального уровня [подъема воды при паводке]). Прогноз этот послужил, правда, известной ориентировкой, но был, во-первых, в большинстве случаев изменен, во-вторых, дополнен, как по объектам, так и по элементам. По существу, прогноз (соображения) был составлен заново, что никак нельзя назвать интерпретацией. Со-

ставление прогноза заново в течение одного–двух часов оказалось возможным только потому, что Гидрометслужба наземных войск готовилась к этому заранее и имела свое мнение еще до получения прогноза из УГМС ЛФ. Так как все это делалось путем постоянного докладывания Вам, то Вы это, конечно, помните.

9. В тех случаях, когда нами принимались прогностические данные УГМС ЛФ, это и указывалось совершенно четко.

10. По реке Неве, по которой УГМС ЛФ имеет методику и различные графики зависимости и кривые связи, Гидрометслужба наземных войск, действительно, значительно изменила сроки вскрытия, хотя и не имела «специальной» методики. Сроки, принятые ГМС наземных войск и сравнение их со сроками, данными УГМС ЛФ, были обсуждены пом[ощником] нач[альника] ГМО фронта ст[аршим] тех[ником] лейтенантом Элеазер и нач[альником] ГМО 67-й армии инженер-капитаном Кочетковым и проконсультированы с начальником Шлис-сельбургской гидрометстанции УГМС ЛФ кандидатом наук т. [В.М.] Сокольниковым – большим специалистом по вопросам льда.

И весьма характерно, что сроки, принятые ГМС наземных войск, оправдались полностью. Следует отметить, что, несмотря на якобы имеющуюся в УГМС ЛФ методику, механическое пользование в УГМС ЛФ графиками зависимости и кривыми связи, без анализа существа явления, привело УГМС ЛФ к абсурду и нелепости – два дня разницы в сроках вскрытия у с. Ивановское и у д. Б[ольшие] Пороги, расположенных в одном и том же пункте р. Невы, только на разных берегах. Представитель ГУГМС инженер-подполковник т. Антонов всячески старался затушевать это конфузное обстоятельство.

Выводы:

1. Тов. Антонов приехал к нам не помочь нам методически, а провести чью-то установку на уничтожение нашей критики, путем огульного охаивания нашей работы и подрыва нашего авторитета.

2. Тов. Антонов так же огульно во всем без исключения одобрял работу УГМС ЛФ, хотя имеет и серьезные недостатки.

3. Это не государственная точка зрения, а семейственность.

Пом[ощник] нач[альника] ГМО оперотдела штаба Ленфронта
старший тех[ник] лейтенант *Элеазер*

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3028. Л. 25–25об., 26–26об. Подлинник. Автограф.

№ 4

**Замечания УГМС ЛФ по справке «Зима»
ГМО оперативного отдела ЛФ, 14.12.1943 г.**

ЗАМЕЧАНИЯ

по «Климатической и гидрологической справке на зиму (декабрь–март)»,
изд[ания] Гидрометотделения оперативного отдела штаба Ленфронта

Издание климатических справок по территории Ленфронта и смежным с ним районам сравнительно большим тиражом факт, несомненно, положительный. Необходимость иметь подобные справки в хорошо оформленном виде не только в штабе фронта, а и в штабах армий, дивизий и полков давно назрела, поэтому издание их надлежит приветствовать.

Представленная справка обнимает значительную часть Ленинградской области, а именно – весь юго-западный треугольник области. По времени в ней рассматриваются 4 месяца: три зимних (декабрь, январь и февраль) и один переходный от зимы к весне (март). Значительная протяженность района с севера на юг с одной стороны и наличие таких водоемов, как Финский залив, Ладожское и Чудско-Псковское озера с другой, несомненно, отражаются на ходе метеорологических явлений, создавая микроособенности в климатических условиях отдельных небольших районов.

В представленной справке, к сожалению, этих существенных особенностей климата отдельных районов не отмечено. Принятое подразделение территории на 3 подрайона (северный, центральный и южный) дает обобщенную характеристику, скрадывая местные особенности климата, что расходится с имевшимися до сих пор установками самого ГМО оперативного отдела штаба – освещения тех или иных более мелких климатических подрайонов Ленобласти.

Одновременно существенно отметить еще, что для установления отклонения той или другой величины метэлемента (для данного конкретного случая) от среднего значения этой величины, командир не только может обратиться к долгосрочному прогнозу (стр. 2 Справки), но и обязан это сделать, а также должен ознакомиться и с краткосрочным прогнозом погоды и гидропрогнозом.

Во введении к «Справке» (стр. 2) указывается, что материалами

для нее послужили многолетние метеорологические наблюдения на метстанциях рассматриваемой территории, однако, при внимательном просмотре цифрового материала Справки выявлено, что приведенные данные не всегда соответствуют нормам. В связи с этим, для правильного представления о качестве исходных данных, совершенно необходимо конкретно указать, какими источниками, помимо опубликованных Гидрометслужбой метеорологических изданий, авторы пользовались при составлении справки.

Переходя к рассмотрению метеорологических данных, приведенных в «Справке», отмечаем следующее:

Общая часть («Климатические условия зимы»)

1. Приведенная в «Справке» характеристика зимы, как холодного периода с небольшим числом морозных дней, не ясна, так как, если судить по показаниям минимального термометра³², среднее число дней с морозом составляет в каждом из месяцев 27–30 дней.

2. По данным «Справки» число дней со среднесуточной температурой воздуха ниже -15°C составляет около 13 дней, по многолетним же данным это число в сумме за все 4 месяца не превышает 7–9 дней.

3. Средняя глубина промерзания почвы, по данным Справки, составляет к февралю 30 см и наибольшая 90 см. По результатам же бурения (Псков³³-Стремутка³⁴, Гдов³⁵) средняя глубина в январе равна 40–50 см, а в феврале 50–60 см, при максимуме в январе 80–90 и в феврале 100–110 см.

4. Среднее число дней с туманами в Стрельне за 4 месяца достигает 45, Справка же дает максимально 25 дней.

5. Среднее число дней с метелями по многолетним данным колеблется в пределах от 16 до 25, в Справке же это колебание ограничено 15–20 днями.

6. Относительная влажность, по Справке, в ясные солнечные дни не опускается ниже 85%, по многолетним же наблюдениям в 13 часов в марте она может снижаться до 70–80%.

Декабрь

1. Характеристика декабря месяца со значительным числом дней с метелями и туманами не подтверждается цифровым материалом, ибо 3–6 дней с туманами или метелью не являются частыми.

2. Предельные минимальные температуры воздуха колеблются по территории района в пределах -31°C (северная часть) до -40°C (южная часть), что в Справке не отражено.

Январь–февраль

1. Число дней со среднесуточной температурой ниже -15°C по Справке составляет 3–6, а по многолетним данным 2–4.

2. Непонятно, какими источниками авторы пользовались при составлении таблицы повторяемости ветров различной скорости. При сравнении цифрового материала Справки для северной части территории с нормами по Ленинграду установлено расхождение. Кроме того, в Справке указано преобладание в южной части слабых ветров, что не соответствует данным нижеприведенной таблицы³⁶.

3. Число дней с туманами в среднем в Стрельне достигает 10 в январе и 12 в феврале, в Справке же для прибрежных районов дается не более 4–6.

Март

1. Число дней с морозами по справке составляет около 20, по многолетним же данным оно достигает 28–29.

2. Так же как и для предыдущих месяцев (январь–февраль) непонятно, какими источниками пользовались авторы при составлении таблицы повторяемости ветров различной скорости для северной части (имеются большие расхождения со ст. Ленинград ГГО³⁷).

3. Число дней с туманами в Стрельне составляет 12, а по Справке среднее их число не превышает 8.

В заключение еще раз отмечаем нежелательность объединения в климатическом отношении такой большой территории, как это сделано для данного района, в силу ее микроклиматических особенностей, обусловленных наличием больших водоемов в северной и северно-западных частях и большей континентальностью в южной и восточных частях. Если же таковое объединение необходимо, то следует более детально оттенить особенности климата в отдельных подрайонах, что может частично выправить и отмеченные расхождения в цифровом материале.

Начальник III отделения 4 отдела УГМС ЛФ
инженер *Богомазова*
Специалист *[Н.Д.] Филатова*

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3028. Л. 145–147. Подлинник.
Автограф.

№ 5

**Мнение Я.Х. Иоселева по поводу замечаний на справку «Зима»,
25.12.1943 г.**

Секретно

НАЧАЛЬНИКУ УГМС ЛФ

инженер-подполковнику тов. [Г.А.] СЕМЕНОВУ

Прошу сообщить тов. БОГОМАЗОВОЙ мое мнение по поводу ее замечаний на изданную ГМО оперотдела штаба Ленфронта справку «ЗИМА» (ответственный исполнитель «замечаний» тов. Богомазова)³⁸.

Дача в изданной климатологической справке обобщенной характеристики района, временно оккупированного германо-фашистскими войсками, не расходится с прошлогодними установками Гидрометслужбы наземных войск Ленинградского фронта. Машинописные справки, которые Вы имеете в виду и которые ежемесячно составлялись раньше, были ориентированы на метеохимическое обслуживание. В изданных же нами 2-х справках «ОСЕНЬ» и «ЗИМА» была взята ориентировка на другой род войск (пехотные подразделения), и материал был обобщен по всему району.

Необходимые для действий таких войск моменты были даны возможно выпукло. Наоборот, несущественная, излишняя для данного рода войск точность была сознательно устранена. В таком виде справка, судя по отзыву войсковых частей, достигла своей цели.

В справке нами не было специально оговорено, на какие именно войска она рассчитана. Это тоже было сделано специально. При подсчете необходимого тиража был составлен точный перечень соединений и частей фронта, кому затем отпечатанная справка была направлена. Имея такой список и зная, какие именно сведения и с какой точностью командирам понадобятся, мы в соответствии с этим и составляли справку.

Нами в справке рекомендуется командиру ознакомление с долгосрочными прогнозами ЦИПа. Рекомендация изложена выражением – «командир может еще ознакомиться с соображениями ЦИПа». Тов. Богомазова настаивает на необходимости выражения – «должен ознакомиться». Спорить здесь с т. Богомазовой не приходится. Можно и так писать. ГМС наземных войск Ленфронта распространяет по всему фронту суточные, трехдневные и месячные прогнозы громадному числу адресатов. Цифру адресов здесь по ряду соображений

назвать нельзя. Во всяком случае, можно только указать, что и краткосрочные, и долгосрочные прогнозы погоды доходят до самого низового подразделения фронта. Отсюда очевидно, что, практически, замечание тов. Богомазовой на редакционную неточность не существенно. Но т. Богомазова, по-видимому, слабо осведомлена о том, как в текущем 1943 г. оправдалось всего не то 3, не то 4 месячных прогноза ЦИПа. Таким образом, большее число месячных прогнозов Центрального Института Погоды не оправдалось. Составитель замечаний должен был бы знать, что, к сожалению, до сих пор еще задача долгосрочного прогнозирования погоды не всегда разрешается однозначно. Неоправдавшийся прогноз это – тяжелый удар по нам – оперативным работникам войсковых соединений. Несмотря на это, мы все же широко распространяем долгосрочные прогнозы (в секретном, конечно, порядке).

Перечень использовавшихся при составлении справки материалов представляет лишь академический интерес и для боевой работы командира не важен. Поэтому справка этим и не загружена. На Ваш вопрос сообщаем этот перечень:

1. Климатологический справочник Ленинградской области. Изд[ание] ЛУ ГМС Красной Армии, 1941 г.
2. Гидрологический справочник к листам карты масштаба 1:100000, лист О–36 (Лен[ингра]д). Изд[ание] ГГИ и ГГО, 1942 г.
3. То же, лист О–35 (Рига – Таллин), 1942 г.
4. То же, лист Р–36 (Петрозаводск), изд[ание] 1942 г.
5. Военно-географическое описание Кингисеппско-Гдовского участка, изд[ание] Генштаба РККА, 1939 г.
6. Лоция Балтийского моря. Гидрографическое управление КБФ, изд[ание] 1937 г.
7. Гидрологический справочник морей, т. 1, Финский залив. ГГИ, изд[ание] 1935–37 гг.
8. Данные последней обработки материалов по Финскому заливу, полученные в 1943 г. в Гидрометслужбе КБФ.
9. Материалы по режиму рек СССР, т. 3, бассейн Балтийского моря. Выпуск 1 и 2, изд[ание] 1940 г.
10. Отдельные табличные материалы и записки ГГИ и УГМС ЛФ.

Надо сказать, что, в принципе, обобщения, сделанные нами в справке, не нарушают сколько-нибудь существенно и наши прежние установки на большую детализированность климатических описаний,

предназначенных для метеохимического обслуживания. Действительно, принятое в справке «Зима» деление временно оккупированной части Ленобласти на 3 подрайона – северный, центральный и южный, – как раз и соответствует тому пожеланию, которое высказывает тов. Богомазова. Указанное деление наилучшим образом отражает климатические особенности рассматриваемой территории, вызываемые наличием больших водоемов, различием местоположения отдельных районов по отношению к разным водоемам и широтным положением этих районов. В самом деле «северный» район граничит с самыми крупными водоемами рассматриваемой территории – Ладожским озером и Финским заливом. Следовательно, влияние этих водоемов, прежде всего, отразится именно на северном районе. В ослабленном виде оно, конечно, отразится и на остальных двух районах. На центральном районе в большей мере скажется его «континентальность». Следовательно, он имеет основание претендовать на выделение в отдельный район. Наконец, южная (юго-западная) часть рассматриваемой территории находится под влиянием Чудско-Псковского озера. Поэтому выделение этого района также закономерно. Таким образом, принятое деление не расходится с прежними установками Гидрометслужбы наземных войск Ленинградского фронта. Возможно, конечно, провести и дальнейшее дробление. Это не соответствовало бы поставленной задаче, а, загрузив издание излишними деталями, не дало бы возможности боевому командиру быстро получить четкое общее представление о климате интересующего его района. Больше 2,5 страниц на это отвести было нельзя.

В своей справке мы отмечаем, что, по сравнению с континентальными районами ЕТС³⁹, зима в наших краях мягкая, с частыми оттепелями и небольшим числом морозных дней, и дальше даем объяснение этому (влияние Атлантического океана, Балтийского моря и т. д.). Тов. Богомазова недовольна этим и указывает, что по данным минимального термометра среднее число дней с морозом составляет в каждом зимнем месяце 27–30 дней. Формально, замечание тов. Богомазовой верно, если считать днем с морозом все дни, когда среднесуточная температура была хоть чуть-чуть ниже нуля. Вряд ли только тогда тов. Богомазова найдет общий с боевым командиром язык для понимания слова «мороз». Речь ведь идет о морозах, как вполне четко в русском языке понятии (не с метеорологической, а просто с общечеловеческой точки зрения). Надо выражаться так, чтобы и рядовой смертный мог бы нас, метеорологов, понимать без толмача.

Но выразив далее несогласие с нами в том, что климат зимы на западе Ленобласти теплее, чем в континентальной части страны, т. Богомазова сразу же начинает противоречить самой себе и несколькими строчками ниже уже приводит против справки «Зимы» противоположное ранее ею сказанному. Она утверждает, что зима якобы теплее приводимых нами данных: указанное в справке число дней со среднесуточной температурой ниже -15°C якобы неверно указано равным 13 и что в действительности оно равно 7–9 дням.

Проверим, так ли это. Согласно данным, помещенным в Климатологическом справочнике Ленинградской области, изд[ание] Лен[инградского] Упр[авления] Гидрометслужбы, 1941 г., в издании климатологов того самого учреждения, сотрудником которого является тов. Богомазова, число дней со среднесуточной температурой ниже -15°C для самого южного пункта – Пскова составляет 11 дней, для Ленинграда – немного более 12 дней, для Слуцка⁴⁰ – не превышает 15 дней, для Николаевского⁴¹ – превышает 12 дней. Следовательно, при знании 4-х действий арифметики, можно совершенно правильно указать: «около 13 дней».

Вопросы промерзания почвы имеют для нас значение с точки зрения строительства блиндажей, окопов, инженерных оборонительных сооружений и т. д. При освещении этого вопроса в справке нами был использован климатологический справочник ЛУГМС, изд[ание] 1941 г. Промерзание почвы, кроме местоположения района (широта, близость водоемов), зависит от очень многих причин: наличия растительного покрова, плотности почвы, теплопроводности⁴², температуропроводности (быстроты выравнивания температуры в теле), теплоемкости⁴³, влажности, химического состава почвы, концентрации почвенных растворов, топографических особенностей местности, толщины снегового покрова и т. д. и т. д. Вследствие этого, глубина промерзания почвы даже небольшого по площади района может заметно различаться. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при бурении в Псков-Стремутке получены значительные глубины. Можно было бы привести и более разительные цифры. Так, например, в распоряжении пишущего эти строки имеются материалы фактических наблюдений Ленгорсовета (Ленводопроводтреста) по промерзаемости почвы, использованные им в выходящей весной 1944 г. большой монографии «Ледовые трассы Ладожского озера». Там приведены еще более значительные величины. Однако, для практических целей боевого командира, эти крайние случаи приводить не стоит, а

надо ориентировать его на наиболее вероятные величины промерзаемости. Поэтому в нашей справке «Зимы» и были в основном учтены данные Климатологического справочника УГМС (изд[ание] 1941 г.). Сделано это вполне сознательно и практически верно.

Нам ставится в вину дача, якобы, неверных данных о числе дней с туманами. В Ваших замечаниях написано «среднее число дней с туманами в Стрельне за 4 месяца достигает 45, справка же дает максимум 25».

Приведу выписку опять-таки из печатного Климатологического справочника того учреждения, в котором работает т. Богомазова: Гдов – 23 дня, Усть-Луга – 16, Остров⁴⁴ – 15, Псков – 20, Псков с. х. станция⁴⁵ – 17, Кингисепп⁴⁶ – 13, Кронштадт⁴⁷ – 54, Стрельна – 45, Ораниенбаум – 18, Николаевское – 21, Луга – 24, Сестрорецк⁴⁸ – 20, Лисий Нос – 24, Ленинград – 24, Слуцк – 15. Эти цифры говорят сами за себя. Приходится только удивляться, почему т. Богомазова не воспользовалась заодно уже и данными Кронштадта (54 дня!!). Цифры ясно говорят, что Стрельна, как отдельный пункт, никак не является характерным пунктом для всего прибрежного района. Ведь даже в соседнем Ораниенбауме число дней с туманами за все 4 месяца только 18, а не 45, как в Стрельне. Привести цифру 45 в справке значило бы ввести в заблуждение не только тех командиров, которым придется действовать в боевой обстановке на значительном удалении от Стрельны, но даже и тех, кому приходится воевать на расстоянии всего в 20–25 км.

То же самое приходится сказать и о метелях. Мы приводим цифру в 20 дней с метелями. Между тем станция Лисий Нос дает цифру в 32 дня. Но ведь это не характерно для всего запада Ленобласти.

Дальше идет обвинение в том, что мы, якобы, неверно даем характеристику влажности воздуха. Это замечание совершенно неуместно и доказывает недостаточно внимательное ознакомление с нашей справкой. Нами совершенно правильно сказано, что относительная влажность зимой в ясные солнечные дни не опускается ниже 85 %. О том, что в дневное время в марте (не зимнем, а переходном месяце) относительная влажность снижается до 68 %, в справке также указано.

У нас в справке, кроме приведения на 1-й странице общей характеристики зимы в наших районах, еще последовательно изложены очень короткие климатические справки по отдельным месяцам – декабрю, январю, февралю и марту. При рассмотрении и этого раздела

составитель замечаний по-прежнему остается на позиции огульного охаивания. Коротко ответим на них. Недобросовестное отношение к разбору справки просто вопиющее. Мы пишем, разбирая условия декабря, «дней с метелями от 3 до 6. Метели наиболее часты в прибрежных районах северной части территории. Дней с туманами от 3 до 6 во внутренних районах территории и до 7 у побережий».

Тов. Богомазова передергивает эту редакцию и по этому поводу пишет: «Характеристика декабря месяца со значительным числом дней с метелями и туманами не подтверждается цифровым материалом, ибо 3–6 дней с туманами и метелью не являются частыми».

Позвольте! Мы нигде в своей справке и не характеризуем декабрь, как месяц с часто повторяющимися метелями, а указываем лишь, что из небольшого числа метелей и туманов в декабре, вероятность их редкого появления несколько больше в прибрежных районах, чем во внутренних районах территории. Тов. Богомазова навязывает нам другие, ею самой придуманные слова.

Мы в справке обращаем внимание совсем на другое. Мы акцентируем пасмурность декабря, низкую облачность, плохую видимость. Мы, наоборот, указываем на редкость усиления ветра, а отсюда очевидно, что без ветра и метель не бывает. Зачем же понадобилось приписывать нам чепуху? Разве не очевидно, что лишь для того, чтобы опорочить справку?

Невнимательно читая справку, тов. Богомазова приписывает нам новое «упущение»: якобы не указаны минимальные температуры декабря. Опять неверно! О том, что в декабре наблюдается предельная минимальная температура воздуха -40°C в справке отражено. Рекомендую обратиться к стр. 4, 13-я строка сверху.

Переходя к рассмотрению нашего изложения январь–февраль, т. Богомазова приписывает нам новый грех, которого в действительности нет. Она пишет: «Число дней со средне-суточной температурой ниже -15°C по справке составляет 3–6, по многолетним данным 2–4».

Опять неверно! Число дней со среднесуточной температурой в январе–феврале ниже -15°C по многолетним данным, помещенным в Климатологическом справочнике Лен[инградской] области (Изд[ание] 1941 г.), для самого южного пункта – Псков составляет 4–3, для Ленинграда (ГГО) – 5–4, для Слуцка – 5. Эти числа вполне соответствуют указанным в справке, а замечание т. Богомазовой является, безусловно, ошибочным.

Вероятность ветра различной скорости, в %.					
Скорости, в м/с	0–1	2–5	6–10	11–15	Выше 15
СЛУЦК. Высота флюгера 45 м.					
Январь	6,6	47,1	43,0	3,2	0,1
Февраль	6,5	51,4	38,4	3,6	0,1
Принятые нами данные	7	48	40	4	Меньше 1
НИКОЛАЕВСКОЕ. Высота флюгера 24 м.					
Январь	16,7	52,3	25,2	4,1	1,7
Февраль	14,7	57,8	24,3	2,6	0,6
Принятые нами данные	16	55	25	3	1
ОСТРОВ. Высота флюгера 13 м.					
Январь	15,2	54,4	28,8	1,5	0,1
Февраль	19,3	49,0	29,2	2,4	0,1
Принятые нами данные	17	52	29	2	Меньше 1

Далее тов. Богомазова не доверяет таблице повторяемости ветра и просит сообщить, откуда она взялась, указывая, что материал справки по северной части расходитя с нормами по Ленинграду. Совершенно верно. Справка рассматривает пункты Ленинградской области, временно оккупированные германо-фашистскими войсками. Для характеристики ветра в северной части взят Слуцк – одна из старейших метеорологических обсерваторий мира. Высота флюгера на взятой станции 45 метров. Необходимые для расчета данные, после внимательного просмотра, взяты из таблицы вероятности ветра различной скорости по климатологическому справочнику Ленобласти.

Нами, таким образом, для вероятности ветра различной скорости числа были взяты с округлением. Точность округления вполне достаточна для той задачи, для которой справка писалась. Боевого командира эта точность вполне удовлетворяет. Мы заранее знали, что можно сказать по поводу такой упрощенной обработки, и все же делали это совершенно сознательно. В данном случае большая точность обработки (учитывая задачу) соответствовала бы несколько грубоватому, но вполне четкому выражению народной мудрости, поговорке: доить комара. Этим, может быть, и очень интересным, но вполне бесполезным делом, нам заниматься было некогда.

На 5-ой странице (3-я строчка сверху) действительно имеется опечатка. Написано «умеренные и слабые (0–1) ветры». Должно быть напечатано (0–5). Опечатка – вещь, конечно, недопустимая, но вреда большого она принести не может. Уж очень очевидна эта опечатка. Выделение же слабых и умеренных ветров по ряду причин было важно. Кстати, в нашей справке есть еще одна очень неприятная опечатка, которую т. Богомазова не заметила. К счастью, и та опечатка нивелируется моментом, указанным в другом месте.

В своем дальнейшем рассмотрении нашей справки по разделам январь, февраль и март т. Богомазова повторяет в своих замечаниях те же ошибки, безосновательно настаивая на использовании завышенных данных о туманах на станции Стрельна, нехарактерной для рассматриваемой территории будущих боев. Опять употребляется слово «мороз» в таких случаях, когда в справке оно будет путать командира, и т. п. Подробно эти вопросы уже были нами раньше освещены. Итак, подведем итог: мы ответили на все без исключения «замечания» тов. Богомазовой. Все ее замечания – ошибочны и несерьезны.

Выводы:

1. Такая «методическая помощь», как замечания тов. Богомазовой, нам не нужна. Она только отнимает у нас время.

2. В справке даны 2,5 страницы климатологического текста и 5,5 страниц гидрологического текста. Несмотря на это в замечаниях Лен[инградского] УГМС гидрологическая часть осталась нерассмотренной. Однако явная тенденциозность рассмотрения первой части справки заставляет воздержаться от просьбы в присылке методических соображений по гидрологической части.

3. Мы идем ощупью, не имея ни от кого никаких указаний, как надо подавать материал нашему офицеру. В поисках формы и необходимой точности мы ориентируемся на запросы фронта, на задачи, стоящие перед ним, на пожелания офицерского состава, с которым мы встречаемся во время наших частых поездок по самым различным участкам фронта. Было бы своевременным, если бы центральное методическое г[идро]м[етео-рологическое] учреждение страны занялось бы обсуждением такого вопроса.

Начальник ГМО оперативного отдела штаба Ленфронта инженер-майор, кандидат физико-математических наук [Я.Х.] Иоселев

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3028. Л. 193–198. Подлинник. Автограф.

¹ Эта фраза, написанная от руки 19 сентября 1943 г. на обороте документа № 1 семьдесят лет ждала своего читателя.

² Померанец К.С. Гидрометеорология Северо-Запада в разные времена // История Петербурга. 2008. № 4. С. 80.

³ Адамович О.Р. Подготовка военных гидрографов для военно-морского флота (1862–2012) // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 25–29.

⁴ Химико-метеорологическое описание основных направлений Ленинградского фронта. Л.: Гидрометеорологическое отделение оперативного отдела штаба Ленинградского фронта, 1943. 51 с.

⁵ Применялись для маскировки войск и объектов. К основным свойствам указанных дымов относились: устойчивость, большая кроющая способность и отсутствие ядовитого и, по возможности, раздражающего действия. В Первую мировую войну с целью скрытия начала химического нападения достаточно часто волновая атака сопровождалась постановкой дымовой завесы.

⁶ Иоселев Яков Хаимович – кандидат физико-математических наук, окончил физико-математический факультет Ленинградского университета (1930) и Высшие синоптические курсы (1932). В метеорологии с 1926 г., работал во Владивостокской метеорологической обсерватории. В Главной геофизической обсерватории работал с 1927 по 1932 гг., в 1933–1934 гг. был директором Забайкальского бюро погоды. С 1934 по 1941 гг. – старший синоптик Ленинградского бюро погоды, начальник бюро. В годы Великой Отечественной войны – начальник гидрометеорологического отделения оперативного отдела штаба Ленинградского фронта. После демобилизации из армии в 1954 г. и до 1964 г. был начальником Невской устьевой станции.

⁷ Слева на полях документа имеются пометы: «т. Элеазеру. Иоселев. 19.9.43», «В дело. Иоселев», «См. на обороте». На обороте документа имеется рукописная записка Иоселева, которая начинается фразой: «Не время сейчас заниматься склоками и отвечать, углубляя противоречия. Только для будущих историков:». См. следующий документ.

⁸ В адрес было направлено два экземпляра письма, однако на подлиннике второй адрес вымаран. Адреса установить не удалось.

⁹ Гидропрогноз – прогноз гидрологической обстановки – совокупности элементов физического состояния воды, знание которых необходимо для действий войск (здесь – наземных войск Ленинградского фронта).

¹⁰ ГГИ – Государственный гидрологический институт, созданный в 1919 г. Во время войны институт обеспечивал действующую армию информацией по гидрографии, прогнозами водного и ледового режима, проходимости местности в местах проведения операций.

¹¹ Выделенное подчеркнуто Я.Х. Иоселевым, имеется помета – вопросительный знак.

¹² Евгений Константинович Федоров (1910–1982) – герой Советского Союза (1938 г., за участие в экспедиции на дрейфующей станции «Северный полюс-1»), с 1939 г. – начальник Гидрометеослужбы СССР, генерал-майор инженерно-технической службы, в 1947 г. разжалован, в 1956 г. – реабилитирован, главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1959–1962).

¹³ Данный документ – это рукописная заметка, выполненная Я.Х. Иоселевым на обороте документа № 1.

¹⁴ Здесь и далее в документе выделенное подчеркнуто автором записки.

¹⁵ Александр Владимирович Гвоздков (1898–1953) – генерал-майор (1940), генерал-лейтенант (1944).

¹⁶ Не публикуется.

- ¹⁷ Головин Н.П. – начальник отдела, гидролог.
- ¹⁸ Медрес П.Л. – гидропрогност.
- ¹⁹ Имеется в виду гидрометеорологическое обеспечение работы «Дороги жизни».
- ²⁰ 64 ОДЭП – 64-й отдельный дорожно-эксплуатационный полк.
- ²¹ Конкретная дата общения с тов. Антоновым в документе отсутствует.
- ²² Семенов Григорий Арефьевич.
- ²³ Справа от фамилии помета * – в сноске рукописная помета Иоселева: «работавший ранее старшим научным сотрудником в группе гидропрогнозов ГГИ».
- ²⁴ Справа от фамилии черными чернилами помета ** – в сноске рукописная помета Иоселева: «работавший ранее в группе гидропрогнозов ЛУГМС».
- ²⁵ Кочетков Святослав Данилович (1902–1982) – с 1941 г. – помощник начальника гидрометеорологического отделения оперативного отдела 23-й армии, начальник гидрометеорологического отделения оперативного отдела 67-й армии, с января 1944 г. – в аппарате ГУГМС КА, с 1950 по 1963 гг. – начальник Северо-западного УГМС.
- ²⁶ В 1932 г. приказом Наркома тяжелой промышленности был создан Государственный трест по проектированию гидроэлектростанций, в декабре 1935 г. объединенный с Государственным институтом по строительству и рабочему технологическому проектированию гидроэнергоузлов «Гидростройпроект» и переименованный в Государственный союзный трест по проектированию гидроэлектростанций и гидроэнергоузлов «Гидроэнергопроект».
- ²⁷ См., например, документ: «О разработке проектных систем гидротехнических сооружений на рр. Авлога, Охте и Черной для создания на отдельных участках этих рек системы водных заградений» (ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 803. Л. 1–2).
- ²⁸ Паша – река в Ленинградской области (Тихвинский район), левый приток р. Свири (бассейн Ладожского озера). Вытекает из Пашозера (западный склон Вепсовской возвышенности). Длина 242 км. Ширина у истока 10 метров, у села Паша (бывший Пашский Перевоз) – 255 метров. Крупнейший приток – река Капша (правый).
- ²⁹ Мста – река в Тверской и Новгородской областях. Длина – 445 км, площадь бассейна – 23 300 км². Средний расход воды в 40 километрах от устья – 202 м³/сек. Есть гипотеза, что название происходит от финно-угорского *Musta* – «черная». Древнерусское название – «Мьста».
- ³⁰ Текст телеграммы не публикуется.
- ³¹ Снегосъемка – наблюдения за временем выпадения и таяния снега, а также измерения высоты и плотности снегового покрова.
- ³² Минимальный термометр служит для получения представления о крайнем значении температуры (минимальном) за определенный промежуток времени. Термометр работает в горизонтальном положении, отсчет показаний ведется по специальному стеклянному штифту, находящемуся внутри капилляра и остающемуся на крайнем минимальном значении даже после повышения температуры.
- ³³ Здесь и далее даются названия, которые совпадают с месторасположением метеорологических станций, находившихся в ведении ГУГМС. Псков – метеорологическая станция № 34, начальник ГМС накануне войны А.М. Станиславов.
- ³⁴ Стремутка – деревня в Ядровской волости Псковского района, в 15 км от Пскова.
- ³⁵ Гдов – метеорологическая станция № 32, начальник ГМС накануне войны В.Н. Киявина.
- ³⁶ Таблица не публикуется.
- ³⁷ Метеорологическая станция № 15. Ленинградский институт экспериментальной метеорологии – Главная геофизическая обсерватория имени А.И. Воейкова (бывшая Главная геофизическая обсерватория, учрежденная в 1849 г. при Корпусе горных

инженеров. В 1924 г. переименована в Главную геофизическую обсерваторию. В 1941 г. эвакуирована в Свердловск, в Ленинграде оставалась небольшая группа сотрудников, которая осуществляла оперативное метеорологическое обслуживание фронта).

³⁸ См. документ № 20.

³⁹ ЕТС – европейская территория страны.

⁴⁰ Ныне – Павловск. Метеорологическая станция № 19.

⁴¹ Метеорологическая станция № 10 в деревне Николаевское Лужского района Ленинградской области.

⁴² Теплопроводность – количество тепла, проходящее каждую секунду через кубический сантиметр слоя толщиной 1 см, при разности температур стенок слоя в 1°С.

⁴³ Теплоемкость (объемная) – количество тепла, необходимое для нагревания одного кубического сантиметра почвы на 1°С.

⁴⁴ Метеорологическая станция № 33.

⁴⁵ Метеорологическая станция № 35.

⁴⁶ Метеорологическая станция № 2.

⁴⁷ Метеорологическая станция № 9.

⁴⁸ Метеорологическая станция № 12.

И.В. Косточкин (Астрахань)

МОЛОДИНСКАЯ КАМПАНИЯ 1572 ГОДА. ТАКТИКА, СТРАТЕГИЯ, ВОЙСКО

РАЗОРЕНИЕ окрестностей Москвы в 1571 г. выдвигало на первый план оборону южных рубежей Московской Руси. Летом 1572 г. был новый набег Крымского ханства. До нас дошло несколько документов, повествующих об этих событиях. События эти в историографии получили название Битва при Молодях. Эта местность и по сию пору сохранила свое название. Основные источники, описывающие события июля – августа 1572 г., опубликованы в альманахе «Исторический архив» (№ 4) за 1959 г.

С точки зрения позднейшей военной науки эти события точнее было бы назвать «кампанией» – поскольку столкновение непосредственно на Молодях произошло только на шестой день после появления крымцев у Тулы и на третий от первого боевого соприкосновения на Оке (Сенькин брод). Современниками это событие воспринималось как рядовое. «Хроника Литовская и Жемойтская», описывая события 1571–1572 гг., в статье по 71 году, после известия о большом голоде в Польше и Литве, повествует: «... Того ж року турков 25 000 комонника, а янчаров 8000, татаров 15 000 цесарь турецкий послал добывати Астракони под царем московским, землю и водою, але им Москва наперед галеры стрелбою отняла на рецѣ Дону в переволоки, и всѣх янчаров побили, потым Ездныи отстрашены, а гды тягнули назад, голодом и нуждою зморены померли, другие потонули, а инших москва погромила. И утративши всю армату, ледво их 2000 до Константинополя вернулося»¹.

Об этой битве другие источники ничего не говорят. После следует описание нападения на Москву, которое автор «Хроники» датирует 72 годом: «**Року 1572.** Татаре перекопские Московское панство

окрутне звоевали, Москву, замок Нижний, з грунту спалили, где людей велми много згорѣло и подушилося, тылко Китай город оборонено, а потым татаре з великою добычу от[ъ]ишли землею нашею Полскою».

О событиях конца июля «Хроника» молчит.

Из летописей Литвы под 1567 годом о противостоянии крымцев с москвичами говорит только Румянцевская летопись: «Лета 7075 в том же году на берегу против крымского стоял князь Владимир Андреевич, с ним царя и великого князя бояре и воеводы...»² – на этом летопись обрывается.

«Устюжский летописец» знает о походе Ивана III на татар (датирован 1496/7004 г.), но даже не упоминает дат, близких к рассматриваемой. А «Вологодский летописец», зная о походе крымцев 1571 г. («В лето 7079 Мор болший был. Того ж лета Крымской Москву выжег»), ничего не пишет о событиях следующего года.

Таким образом, кроме указанных источников известны еще два фрагмента летописей XVII в., вкратце описывающих сражение, содержащихся в двух летописных сводах – «Пискаревском летописце» и «Московском летописце».

Наиболее близкие к событиям источники – первые три из названных. К тому же, это документация – руководящие указания, войсковая перепись и отчет – и поэтому в них должны содержаться наиболее точные данные. В этом документе скрупулезно перечисляются основные мероприятия, которые воеводам должно выполнить в ближайшее время; здесь и место сбора полков, и развод их по позициям, и рекомендации, на какие рода сил делать упор, и даже пиво для немецких наемников (!): «А збиратися всем полком на Коломне и меж Коломны и до Коширы. А, собрався, ити и стать по берегу по своим местом: большому полку в Серпухове, правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, левой руке на Лопасне. А наряд с Коломны и из Серпухова походной полковой взять с собою. А быти наряду в большом полку з бояры и воеводами со князем Михаилом Ивановичем Воротынским и с Ёваном Васильевичем»³.

Сделаем обобщение: сбор – в Коломне и городках, выше по Оке, вплоть до Коширы. Затем следует развод – Большой полк, вместе со всей походной артиллерией, располагается у Серпухова. Полк Правой руки становится далеко к западу – район городка Торуса, полклевой руки – на речке Лопасня. Передовой полк становится у

Калуги, а Сторожевому полку предписывается держать оборону на Кошире. Судя по картам нашего времени, основные направления передвижения, вдоль Оки, изменились мало. Основные пункты, перечисленные в «Наставлении», и по сей день остаются транзитными. Бросается в глаза довольно значительная сложность ландшафта; меж Коломной и Каширой прямых дорог нет. При этом следует иметь в виду – прежняя Кошира располагалась не на правом (как ныне), а на левом берегу Оки (там и сейчас существует поселок Старая Кошира). Для движения больших масс людей, с подводами и лошадьми, с грузом, требовались хорошие дороги. Видимо, поэтому Иван Грозный и убирает войска с Коломны – здесь они (особенно конница) будут скованы условиями местности. Совсем другое дело Серпухов. Серпухов связан большими дорогами с Торусой и Калугой, Малоярославцем, Москвой, Лопасней. Коломна может быть уязвима по рязанской дороге, но здесь, видимо, надеялись на коломенский и рязанский гарнизоны.

Позиция у Серпухова выгодная; четыре полка связаны между собой дорогами и смогут, в силу этого, поддержать друг друга. Опасения вызывает позиция Сторожевого полка. Полком предводительствовали воеводы князь Иван Петрович Шуйский и окольничий Василий Иванович Умного-Кольчев. Позиция явно невыгодная – у них за спиной городок, как видно, сильных укреплений не имеющий: «А осады все на Коломне, в Серпухове, в Колуге, на Резани, на Туле, в Козельску и во всех городех украинских людей по вестем заранья в осады собрать однолично. **А Коширской уезд собрати в осаду на Коломну да в Серпухов, кому где ближе** (выделено мной. – *И. К.*). А во все города осадчиков послати ранее с того же сроку з благовещеньева дни, чтоб везде осады были устроены и собраны и розписаны заранее; не тогда б осадчиков посылать и в осады збирать, как царь придет, собрати б их заранее»⁴.

Как видим, на Коширу не полагались. Но полк Шуйского и Кольчева, в случае атаки на их позицию, оставался один на один с атакующими. К тому же, как видно, это место имело стратегическое значение. По нашим расчетам, именно у Коширы находился до сих пор неустановленный Сенькин брод.

Доказательство: для него необходимо обратиться к документу № 4 «Исторического архива». Вот фрагмент этого документа, описывающий расстановку сил москвичей.

«Тово же лета роспись бояром и воеводам на берегу по полком: В большом полку на Коломне: бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Иван Меньшой Васильевич Шереметев. Да в большом же полку воеводы у наряду: князь Семен князь Иванов сын Коркодинов да князь Захарей Сугорской. А у города у гуляя были они же. В правой руке в Торусе: боярин и воеводы князь Микита Романович Адуевской да Федор Васильевич Шереметев. И князь Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князя Михаила Воротынского. В передовом полку в Колуге: воеводы князь Ондрей Петрович Хованской да окольнічей князь Дмитрей Иванович Хворостинин. **В сторожевом полку на Кошире: воеводы князь Иван Петрович Шуйской да окольнічей Василий Иванович Умново-Колычов** (выделено мной. – *И. К.*). И князь Иван Шуйской бил челом государю о местех на князь Микиту Адуевсково. И государь велел челобитье ево записать. И челобитье ево записано»⁵.

Для уточнения – Сторожевой полк с Шуйским и Умново-Колычевым должен был находится на Кошире (!). Почему «должен» – увидим дальше. В апреле был произведен смотр: «И тово же лета смотр был у государя ево государевым людям на Коломне апреля в день бояром и дворяном и детем боярским дворовым и городовым конской и их даточным людям хто что дал государю в полк людей. И после смотру, собрався с людьми, бояром и воеводам велел государь итти и стоять на берегу по местом...»

После смотра полки должны были разойтись по позициям. После сообщения о приходе крымского войска говорится: «И первое дело было с крымским царем в субботу **сторожевому полку князь Ивану Петровичю Шуйскому на Сенкине броду**» (выделено мной. – *И. К.*). Четко говорится: Сенкин брод находился в районе, который занимал Сторожевой полк (!). Правда, есть один нюанс – Сторожевой полк, в момент нападения отряда Тюреберды, на месте не стоял: «А как крымской царь приходил, и на Сенкине перевозе стояли по сю сторону Оки двести человек детей боярских. И Теребердей мурза с нагайскими тотары пришил на Сенкин перевоз в ночи и тех детей боярских розогнали и розгромили и плетени ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки реки. А бояре и воеводы в ту пору стояли от Серпухова три версты...»⁶

Как видим, стратегическое направление прикрывал отряд в 200 чел. Но, как представляется, это обстоятельство дела не меняет; эти 200 «детей боярских» наверняка были из состава Сторожевого полка,

а может быть, непосредственно из вассалов Шуйского. Иначе невозможно объяснить фрагмент «И первое дело было с крымским царем в субботу...» и т. д., ведь в нем четко указан Шуйский.

Чем же располагало русское войско? На этот вопрос частично дает ответ документ № 2 «Полковая роспись “Берегового” войска М.И. Воротынского». Этот вопрос уже затрагивался нами в статье «Войско Московской Руси в битве при Молодях»⁷.

Большой полк имел в своем составе 4955 чел. феодального ополчения, 1000 казаков, 100 рейтаров. Пехота состояла из 1000 стрельцов, 1000 казаков «с пищальми», 200 ландскнехтов. Всего насчитывалось 8255 чел. Число запорожцев, прибывших с неким Мишкой Черкашенином, неизвестно, но вряд ли было свыше 200–300 чел. К полку, как уже говорилось, прилагалась артиллерия и «гуляй-город». Занимал позиции полк непосредственно у Серпухова, ближе к Оке.

Полк Правой руки стоял под городком Таруса. Командовали «боярин и воевода князь Никита Романович Одуевской да воевода Федор Васильевич Шереметев». Полк располагал 2590 чел. конницы, 500 конными мушкетерами («казаки с пищальми»), 500 стрельцами и 200 ландскнехтами.

Дальше всех, по правому флангу, у Калуги, стоял Передовой полк (воевода князь Андрей Петрович Хованский и окольник и воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин). Состоял из 2390 чел. конницы, 1185 мушкетеров (535 стрельцов, 650 казаков, причем какая-то часть из них была немецкими наемными солдатами или ландскнехтами: «И всего в передовом полку немец с пищальми и стрельцов и казаков», но какая и сколько именно – не оговорено) и 900 пехотинцев, посаженных на суда («в струзах»).

На реке Лопасня (ныне Лопасная) стоял полклевой руки (Ондрей Васильевич Репнин, князь Петр Иванович Хворостинин). В нем было 1351 чел. феодального ополчения и 300 вооруженных мушкетерами смоленских казаков.

На Кошире, как уже говорилось, должен был стоять Сторожевой полк (с князем-воеводой Иваном Петровичем Шуйским и окольником, воеводой Василием Ивановичем Умного-Колычевым во главе). В нем было 1713 кавалеристов и 350 казаков – мушкетеров. Но и эти силы были отведены к Серпухову. На месте (у Сенькина брода) осталось 200 человек «детей боярских». Всего насчитывалось немногим более 20 000 человек, без учета запорожцев. Войско Воротынского могло состоять не более чем из 21 000 чел. «Московский летописец»,

однако, дает несколько иные цифры: «А государевых людей было во всех полках земских и опришлиных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50 000, литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимъеких 5000, стрельцов 12 000, поморских городов ратных людей, пермичь, вятчен, коряковцов и иных 5000»⁸.

Возможно, летописец имел в виду общее число людей, не только в ополчении Воротынского, но и в гарнизонах, и в отрядах, оставшихся на месте феодалов. Число крымцев неизвестно. Его приводит тот же «Московский летописец», называя цифру «150 000 и болыни», к тому же «вогненново бою было 20 000 янычаней». Это число мы попробуем скорректировать по ходу рассказа.

При разработке диспозиции, для ясного представления географии места, будут использованы различные географические источники⁹. Основная посылка: при сохранении расположения древних населенных пунктов на прежних местах – сохраняются векторы их путей сообщения, а в случае значительной пересеченности местности (холмистость, болотистость, лесистость и т. п.) – и протяженность старых путей.

Следует иметь в виду и железнодорожные пути, для которых важны такие факторы, как устойчивость грунта. Они пролагались, в большом числе случаев, по старым наезженным дорогам. Документ, помещенный в «Историческом архиве» под № 4, достаточно подробно рассматривает ход военных действий, довольно точно датируя их по дням, а иногда – по времени суток. Благодаря тексту документа можно ясно представить картину сражения...

«Тово же году июля в 23 день прииде крымской царь Девлет-Гирей на государевы украины... И с украины крымской царь приишол к Оке реке к берегу июля в 27 день». «Пискаревский летописец» дополняет эти сведения: «И прииде преже на Тулу и посады пожег, и от Тулы к берегу»¹⁰. На Оке появление крымцев наблюдали 27 июля, а «на украинах» – 23-го числа. Здесь противоречий между «Разрядной книгой» и «Пискаревским летописцем» нет. Для того чтобы убедиться в аутентичности событий с источником, прибегнем к астрономическим данным – «Календарю и хронологии» И.А. Климишина¹¹. На с. 310–311 приводится «вечный календарь», с помощью которого можно рассчитать даты и дни недели от 4000 г. до н. э. до 2300 г. включительно. Производим вычисления: 23 июля 1572 г., по юлианскому календарю, была среда. Сопоставляем с «Разрядной книгой»;

23 июля не названо как день недели. Зато мы точно знаем из текста: «А крымской царь в неделю в 27 день из-за Оки реки к наряду пришел...» – «в неделю» – т. е. в воскресенье. Отсюда составляем календарь от 23 июля до 2 августа (день ухода войска Девлет Гирея): **23 июля – среда, 24 июля – четверг, 25 июля – пятница, 26 июля – суббота, 27 июля – воскресенье, 28 июля – понедельник, 29 июля – вторник, 30 июля – среда, 31 июля – четверг, 1 августа – пятница, 2 августа – суббота.**

Войско крымцев, как сказано, появилось на Оке, напротив Серпухова, 27 июля, в воскресенье. Но несколькими строками ниже содержится следующая информация: «И первое дело было с крымским царем в субботу сторожевому полку князь Ивану Петровичю Шуйскому на Сенкине броду. **А на завтрее в неделю (-) царь крымской Оку реку перелез.** И было дело с ним правой руке князь Миките Романовичю Адуевскому да Федору Васильевичю Шереметеву на Оке реке верх Нары».

Эту информацию дублирует и «Пискаревский летописец»: «А на берегу в Серпухове стоят воеводы изо всех полков князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи. И тут царя через Оку не перепустили. И пошел Дивей вверх по Оке и против Дракина перелез реку, и пришел на воевод с Тулы от города».

В текстах имеется некоторый разнобой. Попробуем разобраться.

«Разрядная книга» пишет о появлении крымцев на Оке 27-го. В это время (26-го) уже произошла схватка на Сенькином броду, для москвичей окончившаяся печально: «И Теребердей мурза с нагайскими тотары пришел на Сенкин перевоз в ночи и тех детей боярских розогнали и розгромили и плетени ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки реки».

Это произошло 26 июля, поздним вечером или ночью. Тут же говорится о форсировании Оки крымцами и о бое с ними сил полка Правой руки, «на Оке реке верх Нары» (Одуевский и Шереметьев, см. выше). Это косвенно подтверждает и «Пискаревский летописец»: «...пошел Дивей вверх по Оке и против Дракина перелез реку...». При этом известно, что Дивей «...пришел на воевод с Тулы от города».

Поселок Дракино расположен в 16 км по шоссе к северу от Тарусы и приблизительно десятью километрами выше устья Нары по течению Оки (по левому берегу). Поэтому можно утверждать: сведения обоих рассматриваемых источников в данном аспекте совпадают.

У нас есть известие о приходе крымцев в тот же день и в район Оки напротив Серпухова. И здесь есть интересная деталь. «Пискаревский летописец» утверждает: «И тут царя через Оку не перепустили». Но ему несколько противоречит «Разрядная книга»: «А крымской царь в неделю в 27 день из-за Оки реки к наряду пришел и стрелял по полком государевых бояр и воевод. А государевы бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи по татарским полком ис пушок из гуляя города стрелять не велели».

По последнему фрагменту создается впечатление, что крымцы особо и не пытались перейти Оку у Серпухова.

Гипотеза 1. Силы крымцев, действовавшие напротив Серпухова и в р-оне устья р. Нара – это два разных отряда. Их задачей было не достижение решающего успеха, а демонстрация с целью отвлечения внимания воевод от главных сил.

Тут же говорится: «И тое ночи крымской царь на том же Сенкине перевозе перелез Оку со всеми своими полки и на том месте оставил тотар тысячи з две, а велел им противитца покаместа он Оку реку перелезет».

Расстояние от Серпухова до устья Нары, по берегу, как говорилось – около 10 км. При этом известно, что отряд мурзы Дивея вступил в бой с силами полка Правой руки, дислоцировавшимися у городка Торуса. То есть этот отряд, перейдя Оку, начал военные действия. Отряд же, замеченный у Серпухова, ограничился обстрелом, причем явно не артиллерийским – для москвичей он был терпимым, и ответной стрельбы открыто не было.

Сразу после рассказа о демонстративных действиях крымцев напротив Серпухова следует: «И тое ночи (27/28 июля. – *И. К.*) крымской царь на том же Сенкине перевозе перелез Оку со всеми своими полки и на том месте оставил тотар тысячи з две, а велел им противитца покаместа он Оку реку перелезет. А бояром и воеводам пришла весть в понедельник рано (28 июля, после 6.00. – *И. К.*), что крымской царь перелез через Оку на сю сторону на московскую со всеми людьми. И тово же дни бояре и воеводы со всеми людьми пошли за царем. И передовова полку воеводы князь Ондрей Хованской да князь Дмитрий Хворостинин пришли на крымской сторожевой полк. А в сторожевом польку были два царевича. И учили дело делать у Воскресенья на Молодех и домчали крымских людей до царева полку».

Немного выше дано сообщение: «Июля в 28 день в понедельник тот Теребердей мурза пришол под Москву и круг Москвы отнял все дороги, а не воевал ничево».

Гипотеза 2. Действия по гипотезе 1 служили прикрытием, отвлекающим маневром. Тюреберды «снял» сторожу на Кошире и (располагая значительными силами) двинулся к Москве. Отряд Тюреберды имел задачу: подготовка плацдарма для главных сил. Серьезным аргументом в пользу гипотезы 2 служит то, что Тюреберды не начинают активных действий, ограничиваясь блокадой дорог. Поскольку Москва имела тогда не менее 9 направлений, отряд Тюреберды должен был быть большим (не менее 7–8 тыс. чел.). Воротынский получил известие только в понедельник утром (более чем через сутки!), видно, действия Тюреберды были стремительными и внезапными. Из 200 чел. не ушел, видимо, никто. От Коширы до Лопасни не более 30 км, а по реке – и того меньше. Такое расстояние конь покроет (в карьер) за 1,5 часа, а по умеренно пересеченной местности (на рыси) – за 3–4 часа¹².

Итак, на утро 28 июля расстановка сил следующая. **Крымцы.** Отряды Тюреберды блокируют дороги. Главные силы стоят севернее Молодей, на берегу р. Пахра. У самих Молодей стоит отряд во главе с двумя царевичами. **Москвичи.** На Калугу, к Хованскому и Репнину (Передовой полк) отправлен гонец. Большой полк и стоявшие под Серпуховым силы Сторожевого полка начинают движение по дороге, на север, к Молодям. Полклевой руки и полк Правой руки (Лопасня и Торуса), видимо, оставались на месте. Это еще подтверждение о том, что на правом берегу Оки находились значительные силы крымцев – заслон был необходим. В противном случае эти силы могли быть брошены к Кошире, чтобы отбить Сенькин брод.

Необходимо посмотреть, по времени: когда Передовой полк вступил в бой? Чтобы двинуться с места, Хованский и Хворостинин должны были иметь веские причины; ведь им уже наверняка было известно о столкновении Дивея с силами полка Правой руки. Гонца Воротынский мог отправить только утром 28 числа (!). Отсюда можно вычислить – когда получил приказ о выходе Хованский. По дороге, от Серпухова до Калуги, через Тарусу – 92 км. Этот путь кратчайший. Лошадь, галопом, может пройти этот путь за 3,5–4 часа. Допустим, что гонец выехал в 6 часов ровно. $6 + 3,5 = 9,5 = 9 \text{ ч } 30 \text{ мин.}$

Положим, 20 мин. на сборы – получается 9 часов 50 мин. Каким же путем мог идти Передовой полк? Есть два варианта:

1) От Калуги по дороге на Малоярославец, до современного г. Чехов и на север. По направлению к Молодям. Это больше 145 км.

2) К Серпухову – на Чехов и до Молодей – это больше 125 км. Думается, выбран был второй путь – в обгон главных сил.

Пехота может нормально двигаться в течение 8–10 часов, с привалами. Примерно столько же может идти и конь. Но человек будет двигаться 5–3 км/ч, а лошадь 25–4 км/ч. Рысью лошадь может проходить 10–12 км/ч, 6–8 час. Одвуконь возможности увеличивает, до 15–20 км/ч. Считаем: $130 : 20 = 6,5$. Передовому полку, конным маршем, требовалось 6,5–7 часов. Видимо, пехота, под началом Лыкова, осталась в Калуге. Большой полк движется с нарядом, с «гуляй-городом», поэтому его скорость не более 5 км/ч. От Серпухова до Молодей около 40 км. Воротынский с главными силами мог прибыть туда не ранее чем через 8 ч. $9^{50} + 6^{30} = 17^{20}$ – это время подхода Передового полка. До подхода главных сил еще больше часа. Хованский и Хворостинин знают куда отступать в случае неудачи. Обогнали главные силы они, видимо, на полдороги, между современными Васильевским и Чеховым. Наконец конница Передового полка подходит к Молодям – начинается схватка. Передовой отряд крымцев, во главе с двумя царевичами, разбит и отходит к своим главным силам. Складывается впечатление, что хан не знает о выходе от Серпухова главных сил... Он не идет к Москве, а ждет на дороге – видимо, вполне полагаясь на силы Тюреберды. «И царевичи прибежали и учили царю говорить, что к Москве итти не по што: московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же. И царь крымской послал нагайских и крымских тотар двенатцать тысяч. И царевичи с тотары передовой государев полк мѣчали до большово полку до гуляя города, а как пробежали гуляй город вправо, и в те поры боярин князь Михаиле Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полком изо всего наряду». То есть при столкновении с ногайцами и крымцами Хованский и Хворостинин отступают к полку Воротынского. Видимо, это было не вынужденное, а запланированное отступление, поскольку перед самыми укреплениями (а они уже стоят, т. е. Воротынский ждет!) следует великолепный маневр – «все вдруг» влево (по отношению к отступающим), и силы крымцев оказываются под огнем «наряда». После разгрома передовых сил хан отводит свои войска за реку Пахра (на 7 верст, в болото).

Гипотеза 3. Прорыв Девлет Гирей на Сенькином броду был запланирован командованием москвичей. Затея, как видно, состояла в том, чтобы заманить крымское войско на выгодную для Воротынского позицию; можно опираться на укрепления, действовать конницей, мушкетерами и нейтрализовать численное преимущество крымцев. По правому берегу, ввиду его большей равнинности, это сделать сложнее, поскольку у крымцев несравнимо большие возможности для маневра. «И крымской царь оттого убоился, к Москве не пошел, что государевы бояря и воеводы идут за ним; да, перешот Пахру, крымской царь семь верст стал в болото со всеми людьми». Видимо, Девлет Гирей не ожидал таких действий, он имел другие планы.

Гипотеза 4. Хан планировал: 1) форсировать Оку и закрепиться у Москвы, блокировав ее (а может быть – взять город), 2) проделать это, не вступая в боевое соприкосновение с главными силами русских, 3) постараться постоянными наскоками разбить ополчение Воротынского по частям, предварительно его измотав.

29 июля, вторник, весь прошел в перестрелках («...во вторник с крымскими людьми травилися, а сьменно бою не было»). Наконец, 30 июля «...крымской царь сошолся з государевыми бояры и воеводы в среду на Молодех. И учили передовые люди травитися. А слуга и боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи в ту пору гуляй город поставили. И большой полк стоял в гуляе городе, а иные полки стояли за гуляем городом, недалече от города. И почали с крымским царем битися. И в среду было дело великое. И божиею милостию и государевым счастьем крымского царя побили и нагайсково большово мурзу Тербердея убили; да на том же бою взял суздалец сын боярской Темир Алалыкин крымсково большово мурзу Дивея; И многих мурз поймали да ширинских князей трех братьов убили да царевича астрахансково взяли жива». То есть москвичам удалось навязать бой крымцам в выгодных условиях; опираясь на полевые укрепления, действовала тяжелая конница. Девлет Гирей ввел все силы (т. е. блокада с Москвы была снята) – в бою погиб и Тюрберды. Иначе говоря – появления Большого полка вблизи Молодей хан не ожидал. Этим можно объяснить дальнейшие действия крымцев – нервозные и инертные (чего стоит одна бессмысленная атака на «гуляй-город»), и как это не похоже на четкие и слаженные маневры крымского войска 26–28 июля. Ошибка Воротынского

состояла в другом – он не ожидал авангарда Тюреберды и рассчитывал на приход ханских войск сразу к Сенькину броду. Здесь Девлет Гирей несомненно переиграл русское командование. Крымцы отступили. 31 июля – 1 августа опять шли перестрелки, в открытый бой не вступали. В субботу, 2 августа, хан двинул войска на русские укрепления, намереваясь выручить пленного Дивея. Но этот бой для ханских воинов был крайне неудачным – лобовая атака провалилась, с тыла ударил Воротынский (видимо, с латной конницей), а из-за укреплений вышел князь Дмитрий Хворостинин и рейтары. В сражении погибли сын и внук Девлет Гирея, в плен были взяты мурзы («много»). В субботу хан, оставив в прикрытии отряд, отступает к Оке: «И тово же дни августа в 2 день в вечеру оставил крымской царь для отводу в болоте крымских тотар три тысеци резвых людей, а велел им травитца; а сам царь тое ночи побежал и Оку реку перелез тое же ночи. И воеводы на утрее узнали, что царь крымской побежал и на тех остальных тотар пришли всеми людьми и тех тотар пробили до Оки реки. Да на Оке же реке крымской царь оставил для обереганья тотар две тысеци человек. И тех тотар побии человек с тысецю, а иные многие тотарова перетонули, а инья ушли за Оку».

Молодинские события были необычны для того времени. Решающим в них был маневр, а не столкновение главных сил. Необычной была и длительность – 8 дней, причем открытый бой произошел только к вечеру третьего дня (28 июля), что тоже нетипично для сражений средневековья. Следует отметить решающую роль артиллерии. В этом отношении в качестве аналога напрашивается битва при Мохаче – 29 августа 1526 г.

¹ Хроника Литовская и Жемойтская // Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 32 М., 1973 С. 169–170.

² Румянцевская летопись // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 213.

³ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 375–387.

⁸ Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 224.

⁹ Атлас автомобильных дорог СССР. М., 1987. С. 38–39, 42–43; Атлас СССР. 2-е изд. М., 1969. С. 20; Топографическая карта СССР, РСФСР, Московская и Тульская области. М.: ГУК, 1984.

¹⁰ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192.

¹¹ Климишин И.А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1985. С. 310–311.

¹² Федотов П.А. Коневодство. М., Агропромиздат, 1989.

С.А. Кочуков (Саратов)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. нашла отражение не только в «гражданской» прессе, но и на страницах специальных военных периодических изданий. К началу вооруженного столкновения с Османской империей в России уже сформировался ряд периодических изданий, адресованных военным. Часть военных журналов и газет выходили под эгидой Военного или Морского министерств, как, например, «Военный сборник» и «Морской сборник». Периодические издания, которые были основаны частным порядком, «Русский инвалид», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Листок конторы и склада Березовского», в конечном итоге получали достаточно весомую финансовую поддержку от того же военного ведомства.

Применительно к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., на страницах военных периодических изданий помещались новости с театров боевых действий, характеристики противника и др. Что же касается публикаций источников личного происхождения, то они стали появляться на страницах военной периодики спустя некоторое время. Все материалы, помещенные в военной прессе, так или иначе, являлись отражением позиции Военного и Морского министерств. Уже в силу этого обстоятельства, на страницах русской военной периодики фактически не было разброса мнений по балканскому вопросу. Особенностью военной периодики являлся тот факт, что к проблеме Балканского полуострова она обратилась сравнительно поздно, только с открытием военных действий на Дунае и Кавказе. В этом отношении единственным исключением из общего числа военных периодических изданий являлась газета «Русский инвалид».

Газета «Русский инвалид» была основана в 1813 г. выходцем из Лифляндии П.П. Помиан-Пезеровиусом. Цель ее издания заключалась в том, чтобы употребить все доходы от реализации «на пособия раненым воинам, их вдовам и сиротам»¹. Издание подобной газеты не вызвало у русского общества интереса – подписчиков первоначально было 12 человек². К балканской проблеме газета «Русский инвалид» впервые обратилась в 1871 г., когда только разгорался очередной этап «балканской драмы», причем о самой поддержке славян или участии русских войск в борьбе против вооруженных сил Турции речи не было. Тем не менее, Османская Порта рассматривалась «Русским инвалидом» как вероятный противник. И исходя из этого русским офицерам, безусловно, было полезно знать, что собой представляли вооруженные силы Турции в 70-х гг. XIX в. Ни для кого не было секретом, что после Крымской войны Порта старалась реформировать свою армию, опираясь на опыт и на техническую поддержку Англии и Франции.

Кроме того, «Русский инвалид» в определенной степени пытался представить военную ситуацию на Балканском полуострове такой, какой она была на самом деле. Положение усугублялось еще и тем, что большая часть русского офицерского корпуса «жаждала реванша» за проигранную Крымскую войну. В русской военной среде возникло два твердых убеждения относительно вооруженных сил Порты: низкий военный и культурный уровень турецкого офицерства и отсталость турецкой армии в целом.

По мнению газеты «Русский инвалид», Турция готовилась к войне против России, что было заметно по тому, как администрация Порты не только перевооружала армию, но и начинала строительство железных дорог, которые имели, безусловно, стратегическое значение. Османская империя вынесла определенные уроки из Крымской войны, где одной из причин поражения России являлась плохая инфраструктура железнодорожных магистралей. В 1873 г. на страницах газеты напрямую указывалось: «Несмотря на финансовые затруднения, Порта не оставляет своего намерения присвоить государству управление существующими железными дорогами и постройку новых. Недавно турецкое правительство заключило с английской компанией условие, по которому последнее, по истечении 16 лет поступит в распоряжение правительства»³.

Газета «Русский инвалид» была подвержена тем же иллюзиям, что вся русская пресса. Незадолго до войны и с началом боевых

действий военная пресса чрезвычайно красочно со всеми возможными подробностями описывала угнетения несчастных славян и вообще всех подданных турецкого султаната, что, безусловно, способствовало эскалации напряженности общественного мнения России. Заметки о положении на Балканском полуострове, которые выходили на страницах «Русского инвалида», нельзя рассматривать как нечто особенное. Все достаточно типично для ситуации 70-х гг. XIX в. – в эмоциональной форме выраженные указания на постоянные угнетения славянского населения со стороны Османской империи: «Хищники сжигают и уничтожают все, что попадется им на пути; убивают мужчин, бесчестят женщин, словом, производят такие же злодеяния, как и в прошлом году. Неудивительно, что при таких обстоятельствах население смотрит на русских, как на своих избавителей»⁴. Таких заявлений на страницах газеты были сотни.

Газета опубликовала статью о лишениях не только христианского, но и мусульманского населения в лице черкесов. В публикации отмечалось: «Из разных частей Азиатской Турции слышатся сетования на судьбу переселившихся туда черкесов. Еще недавно они обращались к нашему послу в Константинополе, с просьбой позволить им, в числе 8500 семейств, переселиться в Россию. Излагая подробности своего действительно ужасного положения, они приводят знаменательные примеры жестокости их собственных беев и равнодушия к их жестокости турецких властей. Поборы с черкесского населения достигают половины его заработков, и это еще в льготные годы, так как турецкое правительство даровало эмигрантам десятилетнюю свободу от податей, по крайней мере, не уравнило их в этом отношении с прочими своими подданными»⁵. Подобная информация, сообщенная «Русским инвалидом», оказалась чрезвычайно популярной в русской гражданской прессе. Публикации о положении мусульманского населения уже в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начали появляться регулярно в русских журналах и газетах.

«Русский инвалид», точно так же, как и большинство русских периодических изданий, в значительной степени формировал отношение русского общества к славянской проблеме на Балканском полуострове, рассказывая на своих страницах о реакции турецких властей на восстание сербов и болгар: «...в Болгарии продолжается господство ужаса. Учрежденные в некоторых местах комиссии для производства следствия и суда над виновниками смут, по-видимому, соперничают в усердии с башибузуками, которые далее продолжают

безнаказанно совершать злодеяния. Можно подумать, что главная работа правительства заключается в том, чтобы вырезать по крайней мере десятую часть населения и истребить всех болгар, выдающихся из среды своих сограждан по уму и состоянию»⁶.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в «Русском инвалиде» традиционно для всей русской прессы печатались материалы с фронтов, сухие сводки, интересные только для военных. Газета отстаивала идею, что борьба с турками должна быть делом общим для всех православных. Исходя из этого «Русский инвалид» постоянно помещал сообщения о комплектовании болгарских дружин, которые должны были оказывать русской армии посильную помощь. Хотя боевые качества подобных подразделений оставляли желать лучшего, на страницах военной прессы были представлены настоящие агитки, в которых расхваливались боевые качества и возможности болгарских дружин.

В отличие от «Русского инвалида», который был создан в начале XIX в., уже в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был образован целый ряд периодических изданий, которые должны были функционировать только в период военной кампании – «Иллюстрированная хроника войны»⁷, «Обзор известий о русско-турецкой войне»⁸. Но настоящим событием стало открытие газеты «Летучий военный листок»⁹. Особенность этого периодического издания заключалась в полноте изложения. Если «Иллюстрированная хроника войны» являлась, по сути, приложением к газете «Всемирная иллюстрация», а «Обзор известий о русско-турецкой войне» выходил всего два раза в месяц, то «Летучий военный листок» появлялся три раза в неделю. Одним из редакторов газеты являлся известный писатель и корреспондент В.М. Крестовский, участие которого в работе издания чрезвычайно оживило его. С начала Русско-турецкой войны Крестовский попал в штаб действующей Дунайской армии уже как редактор армейской газеты, следовательно, он был уже аккредитованным корреспондентом и черпал информацию «из первых рук». К тому же, Всеволод Михайлович был лично знаком со многими высшими офицерами русской армии, в том числе и с генералом М.Д. Скобелевым, а также с рядом иностранных корреспондентов. Помимо традиционных армейских сводок, в «Летучем военном листке» постоянно публиковались материалы по истории Турции и стран Балканского полуострова, а также красочно описывались батальные сцены,

состояние вооруженных сил Османской империи, история возникновения балканского конфликта¹⁰.

Уже в самом первом своем номере издатели газеты определили задачи нового издания: «Начиная издание “Летучего листка”... мы (редакторы. – С. К.) вполне сознаем всю трудность исполнить удовлетворительно возложенное на нас дело, без самого широкого содействия лиц, принимавших участие в военных действиях. Считая его общим делом, – с искренней признательностью будем принимать каждое слово, малейшее заявление из армии. Подробности сражений, подвиги отдельных лиц, характеристика павшего боевого товарища, заметки о стране, занятой армией – словом все, что так или иначе касается последней, – составить драгоценный материал, не только для будущего историка настоящей войны, но и для воспоминания всех ее участников...»¹¹

Рассматривая деятельность газеты «Летучий военный листок», необходимо отметить, что этот печатный орган являлся официальным, исходил от Действующей армии, и поэтому на страницах этого периодического издания выходило только то, что было согласовано с Главной квартирой. Это также относится и к позиции газеты по балканскому вопросу: Русско-турецкая война рассматривалась в качестве освободительной миссии России на Балканском полуострове. Уже в первом номере «Летучего военного листка» была опубликована «Прокламация» за подписью Александра II, в которой обозначались цели и задачи России в войне с Турцией. Она была адресована христианскому населению и мусульманам Балкан. В этом документе указывалось: «Жители болгарского края! Задача России – созидать, а не разрушать. Она всевышним промыслом призвана согласить и умиротворить все народности и все исповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры. Отселе русское оружие оградит от всякого насилия каждого христианина: ни один волос ни спадет безнаказанно с его головы: ни одна крупица имущества не будет, без немедленного возмездия похищена у него мусульманином или кем другим... Одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он ни принадлежал»¹². По сути, эта «Прокламация» являлась программой действий. Причем ориентированы они были не только на христианские народы Балканского полуострова. С одной стороны, это попытка обезопасить русские войска от партизанской войны со стороны мусульман, а с другой, показать, что русскому

самодержцу не безразличны свои собственные мусульманские подданные. Кроме того, Россия, помимо Дунайского фронта, вела войну и на Кавказе, где количество нехристианских народов было весьма значительно.

Материалы «Летучего военного листка» были ориентированы на военную массу, поэтому простому обывателю было не особенно интересно читать эту газету. Но уже в начале 1878 г. газета была несколько изменена. Для расположения читателя основной упор был сделан на описание батальных сцен. Более того, авторами заметок были непосредственные участники боев, в результате чего корреспонденции шли в Россию как бы из первых рук. Ярким примером этого являются заметки генерала-майора Малахова, которые представлены в виде официальных донесений: «Считаю своей священной обязанностью донести вашему превосходительству, что войска вверенного мне отряда, утомленные двумя бессонными ночами и усиленным семидесятиверстовым переходом, с начала наступления, как бы переродились, быстро и неустрашимо рвались вперед, едва сдерживаемые своими ближайшими начальниками, не обращая внимания на град неприятельских пуль; офицеры, подавая собою пример храбрости и неустрашимости, находились непосредственно впереди своих частей и с полным хладнокровием руководили огнем и движением своих подчиненных»¹³.

Редакция «Летучего военного листка» также всячески отстаивала идею, что Россия в войне против Турции фактически ведет борьбу против очередной коалиции государств, точно так же, как и в Крымскую войну, только, по мнению В.М. Крестовского, в этот союз входили не только Англия и Франция, но и США. В газете была создана специальная рубрика «Телеграммы Летучего листка», в которой помещались любопытные материалы об отношении иностранных государств к войне между Россией и Турцией. Уже в первых номерах отмечалось, что Англия и США, несмотря на официальное невмешательство в балканский конфликт, поддерживали Порту. Причем эта поддержка была не только дипломатического характера. В «Летучем военном листке» от 6 августа 1877 г. отмечалось: «Нью-Йорк 2/14 августа. Британский пароход отплыл 31-го июля (11 августа) из Нью-Гевена в Константинополь с грузом оружия и боевых припасов для Порты, ценностью на миллион двести тысяч долларов»¹⁴.

Если газеты «Русский инвалид» и «Летучий военный листок» являлись узкопрофильными, то ряд изданий («Военный сборник»,

«Морской сборник» и др.), несмотря на свои названия, пользовались в русском обществе большой популярностью.

Самый известный в России армейский журнал «Военный сборник» был создан по инициативе руководства Отдельного гвардейского корпуса. В отличие от «Русского инвалида», «Вестового» и «Чтения для солдат», программа журнала была гораздо масштабнее газетной. Журнал выходил с января 1858 г. Первыми его редакторами были подполковник В.М. Аничков, капитан Н.Н. Обручев, а литературный отдел возглавлял Н.Г. Чернышевский. В конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. «Военный сборник» в основном специализировался на публикации академических статей по тактике¹⁵.

На страницах «Военного сборника» невозможно обнаружить аксаковских рассуждений о русской исторической миссии на Балканском полуострове, а также характеристики позиции российского общества относительно войны. Главное, на чем акцентировал внимание журнал, это описание боевых действий. Причем ход самой войны был расписан по дням и часам. По сути это было первое в российской прессе подробное описание войны. Это объясняется тем, что статьи писали сами военные, которые были далеки от славянофильских идей. Складывается впечатление, что авторам публикаций о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. было интересно, как русская армия после реформ 1860–1870-х гг. будет решать поставленные вопросы на Дунайском и Кавказском театре военных действий.

Роднит материалы «Военного сборника» и основную массу русской периодики относительно Русско-турецкой войны стремление поскорее решить балканскую проблему. Затягивание объявления войны, так называемое «Кишиневское сидение», расслабляло армию. По этому поводу ведущее военное периодическое издание России отмечало: «Когда именно должно было последовать объявление войны и даже то, будет ли еще объявлена война, корпусному командиру известно не было...»¹⁶ Российское общество желало знать, как развивались боевые действия на Дунае и Кавказе. Дело в том, что гражданские издания, хотя и доставляли информацию более оперативно, но делали это не совсем компетентно, а значительное число русских корреспондентов пользовалось непроверенными слухами при подготовке своих материалов к публикации. Совершенно другое дело – «Военный сборник» – его информация, хотя и доходила, в силу специфики, до русского общества с опозданием, зато это были корреспонденции из официальных источников,

и это обстоятельство в известной степени подкупало русское общественное мнение.

Главный недостаток, который ставили в вину «Военному сборнику» – это фактическое отсутствие анализа боевых действий, простая констатация факта. И из этого можно было сделать два вывода: либо журнал старался, чтобы читатели сами делали выводы из публикаций, либо сознательно замалчивались неудачи русской армии, что более вероятно. Недомолвки фактически сводили на нет все усилия «Военного сборника». Ярким примером этого является специальная рубрика, созданная с началом войны – «Перечень военных действий». Например, упоминание на страницах журнала о событии 17 июня 1877 г.: «Стычка летучего отряда полковника Измаилова с черкесами близ дд. Кацанкой и Каранасуф»¹⁷. Что это было за столкновение? Кто одержал победу? Какие потери с обеих сторон? Понять из этих реляций абсолютно не возможно, в результате читатель оставался в полном неведении.

В «Военном сборнике» намечалась тенденция подробно изображать жизнь русских офицеров и солдат в походных условиях. Особенно это показательно при описании обороны Шипки или взятия Плевны. К сожалению, «Военный сборник» фактически не рассматривал внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию, в которой оказалась Россия в 70-х гг. XIX в. У читателя складывалось впечатление, что Турция в очередной раз напала на Россию, как она это делала на протяжении всего XVIII в., т. е. являлась страной-агрессором. Действия же России в апреле 1877 г. представлялись явлением вынужденным. Удивительно, но даже с событиями 1875–1876 гг. редакцией журнала не было проведено никаких исторических параллелей. Как будто не было восстаний в Болгарии, Сербии и Герцеговине, и лишь констатировалось: «Известно, что константинопольская конференция не привела ни к какому результату; на требования же, изложенные в протоколе, Порты ответила отказом, причем заявила, что не потерпит вмешательства в свои внутренние дела. Искреннее желание с нашей стороны привести к мирной развязке восточные осложнения, оказалось тщетным; Порты вызвала нас, наконец, на крайние меры. 12-го апреля 1877 г. был обнародован манифест, в силу которого Россия принимала на себя вооруженное вмешательство в пользу угнетенных Турцией христиан»¹⁸.

Чрезвычайно редко в «Военном сборнике» встречается характеристика тех регионов, через которые должна была пройти русская

армия. Даже традиционное для русской прессы описание ужасов угнетения христианского населения со стороны турок появляется в журнале лишь эпизодически. В частности, в большой статье «Придунайская Болгария» заявлено: «Деспотизм Порты и привычка ее правителей выжимать последние соки из подвластных ей провинций задушили здесь все промыслы и торговлю»¹⁹.

С совершенно противоположных позиций рассматривал Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. старейший военный журнал России – «Морской сборник». Первый номер журнала вышел в марте 1848 г., и уже с самого начала «Морской сборник» не являлся узковедомственным изданием, каким был «Военный сборник».

Журнал занимал видное место в жизни флота и отражал на своих страницах многие актуальные для того времени вопросы. Широко освещал он и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и это несмотря на то, что Черноморский флот только выходил из кризиса после Крымской войны. В отличие от «Военного сборника», ведущий печатный орган Морского министерства решал не только сугубо специальные вопросы, но и публиковал официальные сообщения о ходе войны на море. Основанный в середине XIX в. по инициативе передовых представителей прогрессивной мысли, журнал оказал серьезное воздействие на формирование отношения русского общества к флоту²⁰. Своей разнообразной тематикой «Морской сборник» привлек внимание не только флотских читателей, но и широких кругов общественности.

Отличительными особенностями «Морского сборника» также являлись простота и ясность изложения материала, понятного всем, даже далеким от флота людям. По мнению отечественного исследователя Е.И. Лагутиной, «это единственное в России периодическое издание такой направленности сосредоточило систематические сведения по всем аспектам своей ведущей тематики за длительный период»²¹.

На страницах «Морского сборника» помещались описания боев и материалы о сборе средств для нуждающихся воинов. Авторы заметок старались разобраться в ситуации, в которой оказался русский флот непосредственно перед столкновением с турецкими военноморскими силами. В исследовании, посвященном Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Беляев высказывал мнение, что ценой государственного банкротства Турция создала на Черном море флот, способный вести наступательные действия²². Серьезного противодействия

русский Черноморский флот противопоставить туркам просто не мог, так как по Парижскому трактату Россия лишалась права иметь военно-морские силы в черноморском регионе. В результате, «Морской сборник» мог лишь констатировать: «Водами владеет турецкий флот и его канонерки, вооруженные тяжелыми орудиями, господствуют на Дунае»²³.

Действительно, Турция понимала, что Россия не в состоянии отправить свой флот на Черное море и, безусловно, считала, что на данном направлении она будет в более выигрышном положении, нежели ее противник. О том, какую роль отводила Османская империя своим военно-морским силам, свидетельствует следующая корреспонденция, помещенная в «Морском сборнике»: «...турецкий флот разделился на две части, одна отправилась в Черное море, а другая в Средиземное. На днях султан осмотрел, в сопровождении многих министров, береговые укрепления Босфора и остался ими чрезвычайно доволен, затем он сел в парадный каик и поплыл к своим броненосцам. Офицеры и экипажи броненосных судов восторженно приветствовали Абдул-Гамида»²⁴.

После подобных заявлений у русского общества складывалось впечатление, что русские войска со стороны Черного моря будут фактически не прикрыты. Более того, журнал морского ведомства не просто «сгушал краски», а старался объективно представить порядок вещей. В частности, в разделе «Военно-морское дело за границей» был напечатан отчет о боевых возможностях турецкого флота: «...из этого отчета, напечатанного в издающейся в Константинополе газете “La Turquie”, видно, что в настоящее время военный флот в Турции состоит: из шести броненосных фрегатов, на которых стоит всего 87 орудий и находятся команды 2329 чел... Здесь можно упомянуть, что, по слухам, в настоящее время на Дунае сосредоточено 14 броненосных судов под командою английских морских офицеров»²⁵.

По сути, «Морской сборник» был единственным периодическим изданием в России, которое серьезно относилось к турецкой армии и флоту. Печатный орган Морского министерства подчеркивал, что турецкие командиры прошли подготовку у «владычицы морей» – Англии – и просто сбрасывать со счетов армию Порты рано. В статье «Деятельность турецкого флота», например, отмечалось: «Не следует заключать из этого (о минах) о чрезвычайной трусости турок, напротив, но перед глазами у них был пример французского флота, осторожно плававшего в 1870 г. у балтийских берегов Германии и,

как известно, ничего там не сделавшего из опасения мин, при том, для турок было весьма важно не рисковать своими судами, по их малочисленности... Так как береговые батареи были сбиты, то города, при которых они стояли, находились совершенно во власти турецких кораблей, и если их пощадили, то за это благодарить следует сдержанность турок в ведении военных операций. Турки превосходно управлялись, командир Османье, Гассан бей учился морскому делу на нашей собственной эскадре Канала и в данном случае имел возможность и действительно прилагал к делу все свои познания в морской практике»²⁶.

Складывается впечатление, что редакцию «Морского сборника» больше волновало отношение англичан к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., нежели описание самих боевых действий. Это неудивительно, так как в Крымскую войну Англия являлась главным организатором антирусской коалиции и победа русских над Дунайской флотилией турок была, по сути, победой над Туманным Альбионом, а не над Константинополем. Например, сообщая о гибели турецкого броненосца, журнал морского ведомства ставил в известность своих читателей: «29 апреля генерал-майор Салов донес из Браилова, что сегодня, 29 апреля, в 3 часа пополудни, большой турецкий трехмачтовый броненосец взорван нашими выстрелами и пошел ко дну... Английские газеты, передавая известие о гибели Лутфи-Джелиль, стараются уменьшить военное значение события, распространяя даже, что взрыв произошел не от нашей бомбы, но просто от неосторожности самих турок»²⁷.

«Морской сборник» в ряде случаев продолжал линию основной массы отечественных периодических изданий, не забывая писать о всевозможной поддержке армии со стороны российского общества: «Представители администрации Евпаторийского уезда выказали 2-го и 3-го ноября примерное усердие и распорядительность и с полным рвением исполняли все требования военного начальства... Со стороны частных лиц были высказаны чувства живого участия и доброго расположения к войскам...»²⁸

Однако российскому обществу были интересны не только описания батальных сцен и подвигов. Еще Крымская война поставила очень много вопросов перед обществом, в частности определение причин поражения. Наряду с понятными экономическими закономерностями наблюдались и чисто военные причины.

К середине 70-х гг. XIX в. русское общество посредством прессы пыталось оказывать на правительственные силы давление, что в конечном итоге явилось одной из причин Русско-турецкой войны. Более того, если общественные силы страны не проявляли определенного интереса к вооруженным конфликтам России и Турции в первой половине XIX в., память общества о войнах с Османской империей носила откровенно выборочный характер (разговоры о вооруженных столкновениях шли в основном в дворянских собраниях Москвы и Петербурга), то начиная с середины 70-х гг. XIX в. фактически в каждом русском губернском центре начинается активная поддержка правительственных усилий на Балканском полуострове.

Получив определенную гласность и свободу, периодические издания страны сразу же включились в активнейший процесс обсуждения назревшей балканской проблемы, чему способствовали и реформы, проводимые главой военного ведомства Д.А. Милютиним. Армия, так же как и пресса, становится более открытой, свободной для обсуждения и критики. Фактически все журналы и газеты России были едины в поддержке угнетаемых турками братьев-славян и настаивали на скорейшем открытии боевых действий. Серьезным фактором, оказавшим влияние на формирование общей позиции прессы по вопросу войны с Турцией, стали реваншистские настроения в России. После унижительного Парижского договора русское общество ждало отмщения. Общественные силы Российской империи благодаря многочисленным заявлениям в прессе явились своеобразным локомотивом в решении вопроса о начале войны против Турции.

Сами периодические издания России оказались подготовлены к войне гораздо лучше армии, флота, министерского корпуса и правящего дома. Даже те газеты и журналы, которые к внешнеполитическим акциям российского правительства относились всегда нейтрально, с живостью начали обсуждать и комментировать события войны. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. своеобразно объединила прессу. Проправительственные либеральные и революционные издания были фактически едины в том, что Россия осуществляет благое дело на Балканском полуострове и Кавказе.

¹ К истории газеты Русский инвалид // Военный сборник. 1871. № 3. С. 198.

² См.: Шубинский С. Забытый филантроп // Исторический вестник. 1896. № 3. С. 369.

³ Русский инвалид. 1873. № 9. С. 4.

⁴ Там же. 1877. № 99. С. 5.

- ⁵ Там же. 1873. № 10. С. 3.
- ⁶ Там же. 1875. № 137. С. 2.
- ⁷ См.: Иллюстрированная хроника войны. 1877. Т. 1. № 1–50; 1878. Т. 2. № 51–105.
- ⁸ См.: Обзор известий о русско-турецкой войне. 1877. № 1–3.
- ⁹ См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72; 1878. № 73–77.
- ¹⁰ См.: Левашева З.П., Синицына К.В. Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. С. 44.
- ¹¹ От редакции // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 1.
- ¹² Прокламация жителям болгарского края // Там же. С. 2–3.
- ¹³ Донесения генерал-майора Малахова командующему 11-м армейским корпусом о взятии деревни Златарицы // Там же. 1878. № 4. С. 2. Подобные материалы встречаются в «Летучем военном листке» достаточно часто. (См., напр.: Донесение Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского генерал-майору Дантевилло о действиях отряда Его Высочества при взятии гор. Этрополя // Там же. № 73. С. 1–4).
- ¹⁴ Телеграммы Летучего листка // Там же. 1877. № 11. С. 4.
- ¹⁵ См.: Драгомиров М.И. О вероятных переменах в тактике, в следствие распространения дальнего и скорострельного оружия // Военный сборник. 1867. № 11–12; Его же. Об отношении строевых уставов к тактике // Там же. 1875. № 1–3; Его же. Боевые порядки роты и батальона // Там же. 1879. № 5–6; Его же. Подготовка трех родов оружия к взаимной вырубке // Там же. 1886. № 1. Леер Г.А. О боевых порядках // Там же. 1865. № 9; Его же. О позициях // Там же. 1866. № 6–7; Его же. Тактика и уставы, формы и дух линейной и перпендикулярной тактики, противопоставленные друг другу // Там же. 1862. № 1.
- ¹⁶ Первый шаг за границу в апреле 1877 года // Там же. 1879. № 7. С. 40.
- ¹⁷ Перечень военных действий // Там же. 1878. № 11. С. 161.
- ¹⁸ Первый шаг за границу в апреле 1877 года. С. 38.
- ¹⁹ См.: Придунайская Болгария и Балканы // Военный сборник. 1879. № 2. С. 4.
- ²⁰ Старейший журнал военных моряков // Коммунист вооруженных сил. 1968. № 5. С. 48. Перечень сотрудников «Морского сборника» свидетельствует о том, что материалы, которые публиковались в журнале, были интересны буквально всем: И.А. Гончаров, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.И. Михайлов, А.Н. Майков, К.М. Станюкович, В.И. Даль, Д.В. Григорович, Н.И. Пирогов, Э.Х. Ленц, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, Д.В. Григорович.
- ²¹ Лагутина Е.И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.) // Советские архивы. 1981. № 2. С. 31.
- ²² Беляев В.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 65.
- ²³ Военные известия с юга и из черноморских портов // Морской сборник. 1877. № 5. С. 21.
- ²⁴ Там же. С. 16–17.
- ²⁵ Военно-морское дело за границей. Турция. Официальный отчет о современном состоянии военного флота // Морской сборник. 1877. № 4. С. 24.
- ²⁶ Деятельность турецкого флота (Морская хроника) // Там же. 1878. № 3. С. 17–18.
- ²⁷ Военные действия с Дуная // Там же. 1877. № 6. С. 9, 13.
- ²⁸ Действия Нижне-Дунайского отряда против турецкого флота у Силина // Там же. 1878. № 1. С. 30.

А.П. Кривошей (Запорожье – Киев, Украина)

СТРУКТУРЫ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНЩИН КАЗАЦКОГО ЗАПОРОЖЬЯ В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ИНТЕРЕС к изучению структур военной повседневности женщин¹ казацкого Запорожья² в украинском научном дискурсе впервые проявился в начале XIX в. в работах фольклористов, этнографов и региональных историков-краеведов Николая Цертелева (1819)³, Михаила Максимовича (1827)⁴, Ивана Срезневского (1833)⁵, Аполлона Скальковского (1838)⁶. Эти исследователи обнародовали тексты украинских исторических песен, казацких дум и воспоминаний, в которые женская составляющая была «вмонтирована» как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского пограничного (казацкого) социума XVI–XVII вв. в условиях военного положения, войн и вооруженных локальных конфликтов. Спецификой работ названных авторов стало осознание того, что жизненное пространство подавляющего большинства женщин Украины раннего Нового времени было тесно связано с войском и повседневной жизнью запорожского и украинского казачества. В психологическом настрое и поведенческих стереотипах этих женщин легко прочитывался мощный внутренний потенциал сильных, способных оказывать сопротивление неблагоприятным жизненным обстоятельствам и бороться за себя личностей. Однако, в условиях господства в имперском общественном сознании домостроевских взглядов на женщину и ее положение в обществе⁷ эта особенность украинского казацкого фольклора принята во внимание не была⁸. Опершись на выявленные в региональных архивах Новороссийской губернии материалы актовой документации и официальной переписки⁹ Запорожского Коша и произведения российских историков Г. Юнкера, Г. Миллера, А. Ригельмана

и Н.Г. Леклерка, чиновник по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе Воронцове Аполлон Скальковский заявил, что казаки-запорожцы по своей природе были женоненавистниками, имели «безбрачный» статус казаков-сичевиков¹⁰.

Казакам-запорожцам, со слов исследователя, запрещалось не только жениться, потому как казак «...за потерю девственности (особенно в Сечи) мог поплатиться головой...»¹¹, но и приводить женщин в пределы Вольностей Войска Запорожского Низового. Исключив женскую составляющую из быта, традиций и повседневной жизни запорожцев, Аполлон Скальковский рисовал запорожское казачество как монашеский рыцарский орден, главной социальной функцией которого было защищать рубежи христианского православного мира. Близкими к «официальному» взгляду в оценке положения женщины в запорожском казацком социуме были и работы Пантелеймона Кулиша¹² и Даниила Мордовцева¹³. Интерес к нему исследователи сводили к казацкому братству («запорожцы создали себе семью без женщин»)¹⁴ и провозглашенному П. Кулишем тезису «Не ступай бабо ногою у січовий Кіш, лучче в домовину»¹⁵. Таким образом А. Скальковский, П. Кулиш и поддержавший их Д. Мордовцев к середине XIX в. разработали концепцию, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась казачеством как нежелательная, а то и неполноценная.

Возникновение национальных традиций историописания и учреждение украинских научных школ в исторической науке, во второй половине XIX в., способствовали активизации процессов научного поиска и расширению источниковой базы историко-феминологических исследований в Украине. Изучение отличительных черт ментальности украинского народа благодаря обращению к архивным, мемуарным и фольклорным источникам стало определяющим в научных трудах историков Николая Костомарова, Владимира Антоновича, Иосифа Ролле и Ореста Левицкого¹⁶.

Первый шаг в историко-феминологических студиях Н. Костомаров сделал в своей диссертации «Об историческом значении русской народной поэзии», которую защитил в 1844 г. Далее, в известном труде «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях» (1860)¹⁷ историк отметил, что «жены козаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы»¹⁸ и вообще пользовались сравнительно большей свободой, чем великорусские женщины¹⁹.

Весомый вклад в исследование проблематики, связанной с историей женщин казачьего Запорожья внес и Владимир Антонович. Несмотря на то что историко-феминологическое наследие В. Антоновича выглядит достаточно скромно (в активе ученого только два сюжета, косвенно посвященные проблемам истории военной повседневности женщин Украины раннего Нового времени), – однако его вклад не преувеличен. Благодаря его усилиям на страницах журнала «Киевская старина» был основан первый в украинской историографии историко-феминологический дискурс «женского запорожского», который выстраивал парадигму «видения» истории женщин казачьего Запорожья, опираясь на национальные культурные ценности²⁰.

Дорогу ему на страницы «Киевской старины» проложила опубликованная в апреле 1883-го рецензия историка²¹ на книгу Д-ра Антония Ж. «Niewiasty kresowe» – «Женщины на окраинах», которая незадолго перед тем увидела свет в Варшаве²². Ее автор – почти неизвестный широкой общественности, но талантливый польский историк и беллетрист Иосиф Ролле, основательно познакомившись с комплексами письменных источников из частных и государственных архивов, создал 6 биографических очерков, которые воспроизводили быт и повседневную жизнь женщин Волыни и Подолья XVI–XVII вв.²³ Рассказывая о сценариях участия шляхетных женщин Украины в поисках, обменах и выкупах пленных (включая приезд на Запорожье и переговоры со старшинами в Запорожской Сечи), историк из общего массива казачьих обычаев впервые выделил элементы опыта участия женщин шляхетного сословия в пределах Запорожских Вольностей и Запорожской Сечи²⁴. Другая работа И. Ролле из его феминологического цикла, напечатанная в «Киевской старине», была посвящена женщинам при Чигиринском дворе во второй половине XVII в.²⁵ На страницах этого труда представлены и отдельные сценарии тыловой повседневности женщин казачьего Запорожья. Историк обратил внимание на то обстоятельство, что во время военных действий женщинам приходилось иногда искать убежище в обозах (казачьих) и разделять с мужчинами все трудности и тревоги кочевой жизни...²⁶

Названные исследователем женщины, в большинстве случаев, были женами, сестрами, любовницами и пленницами казаков. Со слов И. Ролле, среди казачьих жен были «не только *местные по происхождению* (курсив мой. – А. К.), но и шляхетные польки, еврейки, молдаванки, армянки и даже, иногда, татарки...»²⁷ Случаи женитьбы запорожцев на захваченных в плен женщинах, по наблюдению

исследователя, были, скорее, нормой, чем аномалией повседневной жизни казаков.

В 1887 г. рассмотрение проблем, связанных с военной повседневностью женщин казацкого Запорожья, переносится в этнографически-этнологическую плоскость. В августовском, за этот год, номере журнала «Киевская старина» была напечатана небольшая заметка Ивана Пономарева «Запорожская песня»²⁸. Речь в ней шла об украинской исторической песне «Ой не знав козак», в которой рассказывается о военной активности сестры запорожского казака Супруна, которая, узнав о том, что брат «в воскресенье до восхода солнца в неволю попался», «начала своим добрым конем, как огнем, лететь» ему на помощь. Добравшись до места пленения брата, она начала воевать, брата из неволи освобождать, а «бусурманев в полон гнать»²⁹. В следующем (сентябрьском) номере «Киевской старины» был опубликован отзыв Владимира Каллаша на публикацию И. Пономарева. Означенная публикация имела красноречивое название «Малорусская поленица»³⁰. Автору статьи в сюжете песни о казаке Супруне и его сестре, «малорусской поленице», слышался отзвук преданий времен Киевской Руси о женщинах-воительницах – «типе очень обыкновенном в древнерусском былевом эпосе...»³¹

На рубеже XIX и XX вв. к разработке обозначенной в заголовке статьи проблематики присоединился профессиональный историк, выпускник Харьковского университета Дмитрий Яворницкий³². Его наблюдения относительно присутствия женской составляющей в культурном пространстве казацкого Запорожья были сделаны в соответствии с распространенным имперскими государственными структурами «официальным» взглядом на запорожское казачество и отношения запорожцев с женским полом. Оттолкнувшись, главным образом, от свидетельств инженера Семена Мишецкого, немецкого ученого-путешественника Христофора Манштейна, академика Иоганна Георги³³ и работ А. Скальковского, историк повторил сформулированную в начале XIX в. мифологему о запрете появления женщины в пределах казацкого лагеря – Сечи – *«будь она даже матерью, сестрой или посторонней для козака женщиной»*³⁴ (курсив мой. – А. К.) и о пренебрежительном, в интерпретации Д. Яворницкого «насмешливо-мальчишеском», трактовании казаками прекрасного пола: *«...рыцарю и рыцарская честь: ему надо воевать, а не возле женщины пропадать...»*³⁵ и т. д.

Становится очевидным, что закодированную в былинах, преданиях, а также в исторических песнях информацию о присутствии в культурном пространстве Запорожья женской составляющей Д. Яворницкий воспринял поверхностно, не обратив на эту проблему должного внимания³⁶.

Становится очевидным, что отечественные историко-феминистические студии XIX в., направленные на освещение истории женщин казачьего Запорожья, заявили о себе как о перекрестке разных научных течений. В соответствии с этим, в украинском нарративе выделилось, как минимум, два историко-феминистических дискурса, касающихся проблематики, связанной с присутствием «женского» в культурном пространстве казачьего Запорожья. Первый отечественный историко-феминистический дискурс выстраивал парадигму «видения» женской истории, пользуясь навязанной тогдашнему украинскому социуму типом мировосприятия (конструкт «не-национальной памяти»). Он был представлен творческим наследием историков А. Скальковского, П. Кулиша, Д. Мордовцева и Д. Яворницкого, которые сформулировали мифологему, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась казачеством как нежелательная, а то и неполноценная³⁷.

Второй историко-феминистический дискурс был создан на основе национальных культурных ценностей. Он был представлен научно-творческим наследием Н. Костомарова, В. Антоновича, И. Ролле, В. Каллаша. Эта группа ученых была убеждена, что женщины на украинско-татарском пограничье были и их жизненное пространство было тесно связано с повседневными практиками казаков-запорожцев и запорожским казацким войском. Трудом названных историков военная повседневность женщин казачьего Запорожья была выделена из общего массива казацко-шляхетских обычаев и короткими сюжетами вписана в историю казачьего Запорожья и Украины в целом.

Таким образом, рассмотрение феминистически ориентированных публикаций украинских историков второй половины XIX в. с позиции присутствия в культурном пространстве Запорожья «женского запорожского» открывает целую неисследованную «планету» под названием «история женщин казачьего Запорожья»³⁸ в ее теоретическом разнообразии и социокультурных практиках. Понятно, что предложенное название в определенной степени условно и является

удобной маркировкой, которая позволяет разграничивать сущности. Однако, введение этого понятия позволяет «видеть» в культурном пространстве казацкого Запорожья женское присутствие и сценарии женских повседневных практик.

Реконструкция научного наследия украинских историков, связанного с изучением истории быта, традиций и повседневной жизни женщин в запорожском казацком социуме, открывает возможность создания новых моделей исторической науки в сочетании с факторами пространства и времени.

¹ Под военной повседневностью (где повседневность рассматривается, как обычный и привычный ход жизни, наипервейшей реальностью, на почве которого возникают все остальные составляющие человеческой жизнедеятельности) автор понимает весь комплекс повседневно-бытовых реалий людей, в которых ведущую (нормирующую и формирующую) роль играет «военный фактор». См.: Кривошей О.П. Дискурс тылової повсякденності ординарних жінок України першої половини XVII ст. у науковій спадщині Ореста Левицького // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. Вип. 24. С. 64.

К военной повседневности (макроструктура высшего уровня) автор относит две взаимозависимые макроистории (макроструктуры) низшего уровня – фронтовую повседневность – сами войны (где война рассматривается автором как социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия), революции и разного рода вооруженные локальные конфликты, а также тыловую повседневность – реалии, которые эти войны, революции и вооруженные локальные конфликты сопровождают: расквартирование войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарная деятельность, военное положение, обеспечение повседневных потребностей жизнедеятельности как отдельных воинов, так и военных подразделений в целом и т. д. Указанные выше макроструктуры – истории фронтовой и тыловой повседневности, в свою очередь, состоят из «микроисторий» более низкого уровня: природа, ландшафт, вооружение, питание, военное снаряжение, жилье, фортификационные и оборонительные сооружения, условия ратного и мирного (тылового) труда, отдых, быт, транспортные средства, медицинская помощь, социальная адаптация, восприятие событий сквозь призму сознания отдельной социальной группы или индивидуума, народная песня, танец и т. д. См.: Кривошей О.П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 рр.) // Українознавчий альманах. Київ, 2013. Вип. 11. С. 140–141.

² Нельзя не согласиться с тем, что меняющийся ритм существования в Запорожье, где человек ежеминутно должен был быть готов перейти от мирных занятий к военным действиям, полагаясь только на собственную смекалку, мужество и Божью милость, требовал иного внутреннего закона и порядка, чем тот, что был выработан институтами стабильного мира. В таких условиях повседневная жизнь населения подчинялась прежде всего военным принципам организации жизнеустройства. Подобные обстоятельства жизни должны были отразиться не только на мужчинах, но и на проживающих

на пограничье женщинах, и поэтому запорожская женщина должна была проявлять и общую грубость, и склонность к насилию. Таким образом, в пределах Запорожья условия существования (выживания) превращали обычного (гражданского) человека в «homo militans» – «человека военного», с соответствующим «набором» норм морали, обычаев и традиций. Поведенческие стереотипы «человека с саблей и ружьем» формировались вокруг привычных ему предметов и вещей, в число которых обязательно входило оружие (набор холодного и огнестрельного), а также боевое снаряжение. Бытовые вещи «человека военного» создавали привычки людей, формировали их мировоззрение и статусное поведение. «Жизненные миры» рядовых граждан, «маленьких людей», в условиях войн и вооруженных локальных конфликтов, как правило, приобретают особые черты и формы, формируя, таким образом, особый (кризисный) мир – военную повседневность, в которой человек живет и взаимодействует с другими людьми. См.: Кривоший О.П. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946–1991 pp.). С. 140.

³Цергелев (Церетели) Н. Опыт собирания старинных малорусских песен. СПб., 1819. В ряд текстов этого сборника введена женская составляющая, как неотъемлемая часть повседневной жизни украинского (казачьего) социума XVI–XVII в. Исторические песни прославляли не красоту и покладистость женщин, а их мужество, силу воли и воинственность.

⁴Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. 286 с.

⁵Срезневский И.И. Запорожская старина. Ч. 1. Харьков, 1833. 132 с.; Ч. 2. Харьков, 1838. 140 с.

⁶Скальковский А.А. Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, села Михайловского, Никиты Леонтьевича Коржа // Журнал Министерства народного образования. 1838. Кн.V; 1839. Кн. II. № 21. С. 171–202.

⁷Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874. С. 29–31.

⁸В XIX в. украинская и российская истории рассматривались как течения единокорпусного потока и украинские ученые считали российскую историю и культуру своей (см.: Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної історії України. Киев: Критика, 2004. С. 188). Согласно этой схеме рассматривалось и положение женщины в украинском казачьем социуме.

⁹Американская исследовательница Х. Смит (H. Smitt) считает, что если историк будет искать материалы о женщинах таким же способом, как и о мужчинах, он, вероятно, мало что найдет. Если женское существование было отделено, то и поиск материалов увенчается успехом лишь тогда, когда кто-то заинтересован в сохранении соответствующих документов или информации об активности женщин. – См.: Smitt H. Feminism and the Methodology of Women's History: Theoretical and Critical Essays / Ed. V.A. Carroll. Chicago, 1976. P. 372.

¹⁰Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Извлечена из собственного запорожского архива. Одесса, 1841. 437 с.

¹¹Скальковский А. Історія Нової Січі, або останнього Коша запорозького. Дніпропетровськ: Січ, 1994. С. 211.

¹²Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. Т. 1. СПб., 1856. 324 с.; Т. 2. СПб., 1857. 355 с.

¹³Мордовцев Д.Л. Гайдамачина: историческая монография в двух частях. СПб., 1870. 484 с.

¹⁴Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 65.

- ¹⁵ Куліш П. Твори. В 2-х т. Т. 2. Киев: Дніпро, 1989. С. 417.
- ¹⁶ Кривошей А.П. От исторической феминологии к истории женской повседневности военной эпохи (На примере украинской историографии XIX – начала XX века) // «Российская гендерная история с Юга на Запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, М.А. Текуева. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. Т. 2. С. 272.
- ¹⁷ Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст. СПб., 1860. 303 с.
- ¹⁸ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2002. С. 136.
- ¹⁹ Костомаров Н. Черниговка. Быль второй половины XVIII века // Твори в двох томах. Т. 2. Киев, 1990. С. 582–739.
- ²⁰ Кривошей О.П. Амазонки і «амазонство» в українській фольклорній традиції та історіографії другої половини XIX – першої третини XX ст. // Київська старовина. 2012. № 4 (406). С. 67–68.
- ²¹ Антонович В. (В. А.). Рец. на кн.: D-г Antonij J. Niewiasty kresowe. Warszawa, 1883. С. 873–876.
- ²² D-г Antonij J. Niewiasty kresowe. Warszawa, 1883. 224 с.
- ²³ Антонович В. (В. А.). Рец. на кн. С. 873.
- ²⁴ Д-р. Антоній І (Ролле І.І.). Украинские женщины: Исторические рассказы // Киевская старина. 1883. № 6. С. 273.
- ²⁵ D-г Antonij I. Женщины при Чигиринском дворе // КС. 1894. Т. 44. № 1. С. 107–126; № 2. С. 282–304; № 3. С. 512–529.
- ²⁶ Д-р. Антоній І. Жінки при Чигиринському дворі / Публ. за ж. «Киевская старина». 1994. № 1–3 // Хроніка-2000. 1994. № 3–4. С. 148.
- ²⁷ Там же. С. 149.
- ²⁸ Пономарев И. Запорожская песня // Киевская старина. 1887. Т. 18. № 8. С. 587–588.
- ²⁹ Історичні пісні / АН України, Інститут мистецтвознавства фольклору та етнографії / Упор. Березовський І.П., Родіна М.С., Хоменко В.Г.; Нотн. мат. Гуменюк А.І.; За ред. Рильського М.Т. і Гуслистого К.Г. Киев: Видавництво академії наук Української РСР, 1961. С. 358.
- ³⁰ К-ш В. [Каллаш В.] «Малорусская поленица» (женщина-богатырь) // Киевская старина. 1887. Т. 19. № 9. С. 196–197.
- ³¹ Там же. С. 196.
- ³² Кривошей А.П. Дискурс тыловой повседневности женщин козацкого Запорожья в научном наследии украинского историка Дмитрия Яворницкого // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Тверь, 4–7 октября 2012 г. М.: ИЭАРАН, 2012. Т. 1. С. 264–267.
- ³³ Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків: У 3 т. Львів: Світ, 1990 Т. I. С. 115, 181.
- ³⁴ Там же. С. 181.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Кривошей О.П. Тилова повсякденність жінок козацького Запорожжя у науковому доробку академіка Д.І. Яворницького. Межі присутності // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Киев: Інститут української археології та джерелознавства

ім. М.С. Грушевського НАН України, 2012. Вип. 25. С. 136–148.

³⁷ Кривоший О.П. Амазонки і «амазонство» в українській фольклорній традиції та історіографії другої половини XIX – першої третини XX ст. С. 64.

³⁸ Термин «история женщин казачьего Запорожья» используется нами для характеристики направления исторического знания, объектом исследования которого выступают женщины в истории Запорожья – историко-географической области на юге Украины, их правовое положение, функциональные роли, место в общественной жизни и создании национально-культурного пространства. См.: Кривоший О.П. Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 2013. Вип. 31. С. 37.

А.С. Кручинин (Москва)

Н.Н. ЮДЕНИЧ, С.Н. БУЛАК-БАЛАХОВИЧ И СТРАТЕГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

1. Авгиевы конюшни. «В галерее офицеров и генералов Северо-Западной армии биография генерала Булак-Балаховича является исключением. Выражаясь словами генерала Антона Ивановича Деникина, она относится к “черным страницам” Добровольческих армий» – такой характеристикой снабжается сегодня биографический очерк о С.Н. Булак-Балаховиче¹. Однако, если уж обращаться к словам Деникина, не следует забывать, что прежде всего он требовал от будущих историков объективности: «Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим – они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть может, за это суд Божий и приговор истории будет менее суров:

– Виновны, но заслуживают снисхождения!»²

И, разумеется, «бабка», как любил именовать себя генерал Балахович, не менее чем кто-либо иной имеет право на объективные оценки — или хотя бы на попытку взвешенно рассмотреть его деяния, не ограничиваясь ярлыками. В то же время в изложении Главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Н.Н. Юденича, отдавшего 24 августа 1919 г. специальный приказ о Балаховиче, эти деяния предстают такими, что даже на общем фоне «черных страниц» выглядят чрезмерными:

«...Арестованы в гор[оде] Пскове те чины штаба и личной сотни Генерала Булак-Балаховича, против которых имелись доказательства тяжких преступлений: разбой, грабеж, вымогательство и производство фальшивых бумажных денежных знаков. <...>

...Генерал Булак-Балахович не сдержал данного слова <...>, не дождался моего приезда, не принял моего приказа, заявил о нежелании исполнять чьи-либо приказания, угрожал открыть огонь против лиц, мною посланных, во время боя покинул нашу Армию и сделал это в виду противника.

Поэтому Генерала Булак-Балаховича исключить из списков Армии и считать **бежавшим**»³.

На заседании Северо-Западного правительства Главнокомандующий сообщил подробности: «...Балаховича он не арестовывал, а послал к нему офицера с приказом оставаться дома <...>. Балахович обещал офицеру, графу Шувалову, что будет ждать, но не вытерпел и бежал. <...> На квартире у Балаховича нашли фальшивые деньги. <...> Против офицеров (балаховцев. – А. К.) возбуждены уголовные обвинения в грабеже, вымогательстве, арестах с целью вымогательства, печатании фальшивых денег и убийстве писаря, донесшего о всех подвигах этих офицеров», — отметив все-таки, что по его мнению Балахович «не скверен, но окружали его уголовные преступники»⁴.

Показательно в то же время, что строевой офицер, прошедший на этом фронте боевой путь от Ямбурга до Гатчины, передавая рассказы о Балаховиче, находил если не оправдания, то объяснения в виде общей нищеты армии и царивших в ней нравов: «Он весьма склонен к грабежу, но здесь на это смотрят снисходительно. Конечно, в этой борьбе, когда даже самое необходимое надо добывать самому, трудно провести резкую грань между реквизицией и военной добычей, с одной стороны, и грабежом – с другой. <...> Недаром здесь грабеж в шутку называют “партизанством”» (бедственное состояние войск тот же мемуарист подтверждает описанием их ежедневного пайка: «...кроме 2 фунтов хлеба (1 1/2 муки) и четверти фунта сала, другие продукты выдавались лишь изредка. Приварка вовсе не было, а потому суп имел вид горячей соляной воды»)⁵. С другой стороны, Юденич направлял свои обвинения не против рядовых солдат, а против «батькиных» приближенных, подозревавшихся, скажем, в растрате денег, собранных (как утверждалось, не без вымогательств) во Пскове «на нужды Армии»⁶.

Но насколько исключительными были подобные преступления? Один из ближайших сотрудников Юденича, адмирал В.К. Пилкин, скажем, писал в дневнике о «начальнике железнодорожной охраны, некоем полковнике Оглоблине» (отнюдь не балаховце): «Он, оказывается,

был страшный грабитель, но всех, кто мог его уличить, и солдат, и офицеров, расстреливал немилосердно», — а о приближенных генерала Родзянко полковнике В.К. Видякине (или Ведякине) и одном из братьев Пермикиных: «...Эти господа грабят, как настоящие разбойники. Говорят, они вывезли большое имущество из Гатчины». А запись, сделанная в декабре 1919 г., после печального финала летне-осенней кампании, передает разговоры среди старшего командования армии: «Разговор о крупных бобрах (виновных в злоупотреблениях. — А. К.), на которых охотятся. <...> Фамилий не называли, но я думаю, что это Пермикин, Нольде, Щуровский, Оглоблин. Я бы сказал... Родзянко, Ведякин.

Эх, Николай Николаевич (Юденич. — А. К.)! Отчего не ты занялся этим делом? Как бы это подняло твою популярность»⁷.

Значит ли все это, что провинностями и преступлениями других оправдываются провинности и преступления балаховских офицеров? — Разумеется, нет, как и не является документированным доказательством чьей бы то ни было вины «оказывается», «говорят» и «я думаю». Но ведь и расследование против балаховцев так и не было закончено; бытовавшие в армии «партизанские» нравы вполне могли приводить к бессудной расправе, однако она настигла лишь одного из арестованных, возможно, и вправду попытавшегося бежать и при этом убитого; таким образом, ни для судебной, ни для «внесудебной» кары не было найдено достаточных оснований. Кроме того, шельмование исключительно балаховцев должно быть признано несправедливым, коль скоро на грехи остальных закрывают глаза.

Чем-то из ряда вон выходящим представляется лишь история с печатанием фальшивых денег («керенок» — денежных знаков образца 1917 г.), однако внимательное ее рассмотрение приводит к заключениям, существенно корректирующим картину: 1) первоначально идея производства фальшивок и их выпуска в обращение принадлежала отнюдь не Балаховичу, а Родзянке, причем предполагалось, что эмиссия совершалась бы в интересах армии и обращались бы деньги на территории, контролируемой армией; 2) печатание фальшивых керенок Балаховичем преследовало, напротив, цели диверсионные: «Мне нужно было что-нибудь дать тем моим партизанам, которых я посылал в тыл большевикам», — объяснял «батька»; 3) писаря Михайлова повесили (или даже пристрелили без суда) не за намерение разгласить аферу, а за то, что он украл в штабе часть фальшивых керенок и сбывал их на псковском базаре (можно спорить об

адекватности кары – наказанию, но не об отсутствии преступления и не о неоправданности кары как таковой); 4) наконец, помимо секретной фабрикации фальшивок, во Пскове готовилась вполне официальная денежная эмиссия, которая впоследствии смешивалась с выпуском керенок⁸.

Итак, большинство обвинений против «батькиных» приближенных на поверку оказывается основанным на слухах, искаженным или в целом не столь уж исключительным на общем фоне «партизанских» нравов. Остается, однако, поведение генерала Балаховича 23 августа 1919 г., столь подробно описанное Главнокомандующим.

2. Офицерское слово. Генерал Родзянко, с мая по октябрь 1919 г. командовавший Северо-Западной армией, в своих воспоминаниях утверждал, будто во 2-м корпусе (частях Балаховича) отношение к «батьке» «стало определенно отрицательным», «выделяя» из состава корпуса только неких «партизан»⁹. Генерал Б.С. Пермикин, в августе 1919 г. в чине полковника командовавший Талабским полком и получивший приказание с четырьмя полками, артиллерией и броневиками привести балаховцев к повиновению, напротив, впоследствии признавал: «... Я не хотел брать на себя [задачу] подчинить весь корпус Балаховича Юденичу, зная также, насколько это нелегко, так как авторитет Балаховича у солдат был очень велик»¹⁰.

Этому настроению вполне соответствует письмо, направленное Пермикиным Балаховичу по прибытии во Псков 23 августа и сочетающее скрытые угрозы (подробное перечисление своих войск) с неприкрытым беспокойством: «Я прошу Тебя об одном, как батьку, любящего солдата, что Ты примешь все от Тебя зависящие меры, чтобы наши младшие братья (нижние чины. – А. К.) меньше пролили нужной для нашей Родины крови»¹¹.

Казалось бы, одной из главных задач при этом должна была стать изоляция генерала от его подчиненных; но вот связал ли себя Балахович честным словом оставаться во Пскове под надзором? «Единственное обещание, — писал вскоре генерал, — дано было мной в ответ на опасения моего влияния на войска, — я обещал никого не поднимать в мою защиту. Однако я не уехал бы из дома, если бы мне не сообщили явившиеся 22 всадника и не было бы доставлено письменное донесение, что в моих частях в связи с действиями против меня началась тревога. Я тотчас отправился на позиции и, успокаивая офицеров и солдат, приказывал им оставаться на местах, по-прежнему защищать Псков, подчиниться новому командованию, и только здесь получил

письменный приказ ген[ерала] Юденича об отстранении меня (этот приказ был датирован 22 августа. – А. К.)»¹². Генерал Пермикин сорок лет спустя рисовал диаметрально противоположную картину событий: «Приказ Балаховича своим полкам выступить против меня не был выполнен из-за моих приказов, посланных с конными егерями, что каждый командир полка, оставивший свой боевой участок, будет мною расстрелян»¹³, – однако Юденич, несомненно разбиравшийся в этом деле по горячим следам, в сущности склоняется скорее к версии Балаховича: «Оказалось, что ген[ерал]-м[айор] Балахович заявил прапорщику гр[афу] Шувалову, оставленному при нем, что полк[овник] Пермикин разрешил ему проститься с войсками. <...> Встречаясь с воинскими частями, ген[ерал]-м[айор] Балахович говорил с ними, увещая их служить и сражаться храбро»¹⁴.

Таким образом, если Балахович сначала дал слово оставаться дома, а потом начал получать известия о волнениях среди подчиненных, – ему приходилось решать, *что* допустимее: умыть руки и косвенно способствовать вполне вероятной междоусобице или, нарушив слово, силою своего авторитета прекратить уже начавшиеся волнения. Даже по утверждению Юденича он избрал второе; решение же вообще покинуть Северо-Западную армию у «батьки», отличавшегося беспокойным нравом, могло возникнуть и спонтанно.

3. Бегство... в бой? В письме Юденичу¹⁵ «бежавший» генерал утверждал, будто имел «веские доказательства о готовящемся покушении на мою жизнь», и повторял, что официальный приказ об отрешении получил уже во время объезда частей: «По получении Вашего приказа, таковой был мною прочитан в частях моей дивизии <...> с моим приказанием повиноваться Вашему Высокопревосходительству и не следовать за мной. <...> ... Не быв лишенным звания Атамана Партизанскими Отрядами (так в первоисточнике. – А. К.), действовавшими в то время на фронте, переправился через реку Великую, где продолжал руководить действиями таковых против большевиков»¹⁶.

Но мог ли приказ Юденича, ничем не угрожавший лично Балаховичу, подтолкнуть его к бегству? — Как ни странно, мог: балаховцы, которые, должно быть, заступились бы за него в случае враждебных действий Пермикина, вовсе не обязательно пошли бы на конфликт с самим Главнокомандующим. А на заступничество Юденича «батька», вероятно, уже не рассчитывал и подозревал, что тот попросту

выдаст его головою тем недоброжелателям, от которых Балахович ожидал «покушения на свою жизнь». Поэтому приезд во Псков Юденича, который начал разыскивать «батьку», мог стать для последнего решающим аргументом в пользу ухода в расположение эстонцев. Увидев же посланных Юденичем, он «развернул цепь и громко сказал, что ничьих приказаний исполнять не будет, никого не признает и, если кто-нибудь будет приближаться, отдаст приказание стрелять»¹⁷. Балахович занервничал и закусил удила; но, получается, у буйного генерала было кого рассыпать в цепь?

Балахович писал Юденичу 6 октября: «Если бы я этого хотел, я еще во Пскове перевел [бы] на свою сторону полки, сражающиеся на фронте против большевиков. Я оставил бы у себя три полка, 2 батареи, 2 броне-машины и 3 броне-поезда, приветствовавшие меня вместо ареста <...>. Я бы не ездил 23-го августа на фронт успокаивать волнующиеся полки. Не вступал бы тогда же в бой с большевиками, имея с собой только 22 всадника. Не отправлял бы обратно в свои части делегаций, прибывших ко мне с предложениями: “Прикажи, Батька, и мы сейчас переведем к тебе полки”»¹⁸. Что касается возможности фактически совершить переворот, – перед нами, похоже, пример балаховского бахвальства, однако отказ Балаховича от попытки затеять раскол в рядах армии безусловно говорит в его пользу.

Сомнительным кажется нам поздний рассказ Пермикина: «Так как мост через речку охранялся моими солдатами, через нее, держась за гриву своей лошади, переплыл Балахович»¹⁹: «батька» отличался бесспорной личной храбростью и вряд ли поколебался бы выехать в лоб на предмостную заставу, солдаты которой, в свою очередь, могли и расступиться перед прославленным партизаном. С другой стороны, начальник отдельной сотни штаба дивизии ротмистр С.Э. Павловский действительно был задержан вместе со своими подчиненными²⁰. Поэтому возможно, что приток партизан к «батьке», о чем Юденич вскоре рассказывал: «Около ген[ерал]-м[айора] Балаховича к настоящему времени собралось не более 150-ти человек»²¹, – происходил в течение нескольких следующих дней, а 23 августа «бежавший генерал», вероятно, и вправду имел в своем распоряжении лишь тех «22 всадников», которые должны были сообщить ему о волнениях в войсках.

«Батька» утверждал, что в самый день его отрешения с этими всадниками был в бою; далее, что с остальными собравшимися под

его началом ушел «лишь 25 августа в направлении ст[анции] Моглино, где принял посильное участие в происходившем бою»²². Неясно, имеется ли в виду станция Моглин или же деревня Могильно, взятая красными 31 августа, что более соответствует упомянутой генералом дате (до станции Моглин противник дойдет лишь неделю спустя)²³; но и в том, и в другом случае речь идет о пунктах, лежащих в полосе советского наступления, которое было направлено против эстонцев и расценивалось их командованием как чрезвычайно опасное; весьма правдоподобно, что партизаны «батьки» Балаховича оказались здесь кстати.

Для «батьки» же связаться в любое столкновение было, пожалуй, просто психологически необходимо: оскорбленному и униженному распоряжениями Юденича и попыткой ареста, ему требовалось доказать, что и несмотря на любые отрешения и разрыв связи с преданными ему полками, он остается все тем же доблестным партизанским командиром и не прекращает борьбы.

4. Кто кого арестует. Под Изборском, вместе с эстонскими войсками и на эстонском доволствии, генерал Балахович во главе небольшого отряда провоевал в течение месяца, так описав впоследствии свои действия: «Все это время я находился в разведках и набегах в тылу у большевиков, сделал удачный набег, снесся с тыловыми организациями (имеются в виду антисоветские повстанцы. – А. К.), получив перешедшими из Зеленых около 1500 чел[овек], 42 лошади, 2 пулемета, 172 винтовки, несколько повозок, две кухни, обмундирование и снаряжение»²⁴. И даже если считать численность «перешедших» безбожно завышенной, вряд ли следует сомневаться в реальности «малой» войны на этом участке. Однако уже вскоре этот период боевой работы «батьки» получил неожиданное и скандальное завершение.

Бывший министр Северо-Западного правительства, присяжный поверенный Н.Н. Иванов, считавшийся вдохновителем Балаховича и безусловно отрицательно относившийся к генералу Родзянко, вспоминал о затеянной с несколькими единомышленниками авантуре: «Ген[ералу] Балаховичу <...> было предложено секретно выехать с эшелоном из Изборска (около Пскова) в Нарву, устранить из армии сторонников Юденича и связаться с эстонской армией»; «числа 25–26 сентября Балахович, уже вошедший в связь с фронтом и ожидаемый многими нарвскими частями, с эшелоном подходил к Нарве, но он запоздал погрузкой людей на поезд, в силу чего его приезд

не оказался неожиданным для Нарвского Штаба. <...> Штаб бросился за защитой к местным эстонским властям и к союзникам, которые, несмотря на все несочувствие Юденичу, вынуждены были во избежание междоусобия в стенах города воспретить эшелону Балаховича въезд в Нарву»²⁵. Генерал Родзянко более лаконичен: «Около половины сентября Главнокомандующий выехал в Ригу для переговоров с латвийским правительством. В его отсутствие я получил от [эстонского] генерала Теннисона предупреждение, что Булак-Балахович с тремястами партизан прибыл на ст[анцию] Вайвара и имеет намерение арестовать меня и весь штаб Северо-Западной армии. <...> Навстречу ему был двинут эстонский бронированный поезд, заставивший его удалиться»²⁶.

Удивительно, однако, что обе стороны в подтверждение своих слов ссылаются на одну и ту же телеграмму армейской контрразведки: «Иванов и Балахович седьмого выехали в Псков. Иванов хочет делать переворот против генерала Юденича и генерала Родзянко и подчинить войска Балаховича Эстонскому Командованию. 9.IX.[19]19»²⁷. А ведь очевидно, что ехать из Изборска во Псков – совсем не то же, что из Изборска в Нарву; что 7 сентября – далеко не «25–26»; наконец, что свергнуть Юденича во Пскове, занятом к тому времени большевиками, было бы весьма затруднительно. За дополнительными подробностями всего дела обратимся к письму Балаховича Юденичу, написанному 6 октября.

«Батька» так излагает ход событий: «23-го сентября мне передали, что Генерал Родзянко делегирует ко мне Полковника Куражева (далее в копии письма — ошибочно «Куражин». – А. К.) для переговоров о вступлении моем в число чинов Сев[еро]-Зап[адной] Армии. 26-го сентября я должен был выехать для переговоров, зная, что Генерал Родзянко приглашает добровольцев в Армию, и надеясь, что предлагаемые им переговоры приведут к желанным результатам, я намеревался по окончании их немедленно выступить с находившимися при мне Партизанами на фронт <...>».

Навстречу мне выехал Иванов с Полковником Куражевым. <...>

Доехали мы до станции Вайвара. Имея возможность проехать дальше, я все же остановил эшелон и начал по телефону переговоры с Генералом Родзянко, предлагая ему принять меня вдвоем с Полковником Куражевым. Генерал Родзянко отказал в этом. Вызвать меня в Нарву, допустить до ст[анции] Вайвара и отказаться принять – поступок, недостойный Командующего Армией. Так можно поступить с целью издевательства или провокации. <...>

Естественно после этого, у меня возникло намерение арестовать Генерала Родзянко и всех соработников, помогающих ему в его про-вокационной деятельности. Я имел возможность это сделать, но для пользы дела, не желая вносить раздора в войска, воздержался...»²⁸

Интересно, что по эстонским данным инцидент на станции Вайвара относится к 28 сентября, а 27-м датированы подготовленные приказы генерала Балаховича о вступлении в командование Северо-Западной армией²⁹. Но возможно, что 28-го произошло не прибытие балаховцев на станцию, а вытеснение их оттуда эстонским бронепоездом. Тогда датировка Балаховича вполне укладывается в общую картину: 26-е — телефонные переговоры, 27-е — уязвленный и взбешенный «батька» готов объявить о захвате власти, 28-е — активное вмешательство эстонцев и отступление «переворотчиков».

Что же касается подоплеки событий — можно поверить в искреннее желание «батьки» воссоединиться со старыми соратниками; в искренний испуг Родзянки, получившего сообщение от эстонцев, что через их тылы едет не Балахович на переговоры, а целый воинский эшелон; в бессмысленность (тем более со стороны такого опытного партизана, как «батька») предупреждения будущих жертв о своем прибытии и, значит, в готовность его к примирению; в попытку Иванова манипулировать генералом — а может быть, и обоими генералами, которых он считал людьми недалекими... Чрезвычайно трудно поверить лишь в благие намерения Родзянки, который сделал слишком многое для изгнания Балаховича из армии, чтобы так легко пригласить его обратно.

5. Попытки примирения. После исключения из армии, а затем — после неудачной поездки в Нарву опальный генерал появлялся в Ревеле и, как записывал в дневнике 8 сентября один из министров, адвокат М.С. Маргулиес, просил передать главе кабинета министров С.Г. Лианозову, «что он хотел бы поговорить с ним, что он готов идти на военный третейский суд, которому заранее обязуется подчиниться. Генерал Юденич, которому передал это Лианозов, — категорически отказался: «я его не боюсь, если хочет объясниться, пусть подает мне рапорт»³⁰. Однако известные нам документальные свидетельства относят интенсивные попытки примирения лишь к первым числам октября.

«Сейчас был у меня Балахович, — писал 4 октября Юденичу его начальник штаба генерал Кондырев (П.К. Кондзеровский), — просидел 2 часа, утром был он у Владимирова, просидел 3 часа. <...> Пол-

ное желание принести пользу России и работать с нами, но это человек впечатлительный, и здесь идет большая работа Эстонцев против его с Вами примирения. Поэтому необходимо все делать быстро... <...>

Примирение с ним совершенно необходимо, он идет на это всецело, надо это делать немедленно. Вы увидите, какой это будет плюс для Вас во всем и везде. Популярность его все же везде большая»³¹.

Как видим, письмо проникнуто горячим желанием примирить генералов; при этом заподозрить Кондзеровского, полтора десятка лет прослужившего в Главном Штабе, а 1914–1917 гг. – в Ставке Верховного Главнокомандующего, в сочувствии беззакониям и авантюрам — совершенно невозможно. Правда, адмирал Пилкин считал, что Кондзеровский, «кажется, не может, по доброте своей, быть неумолимым», а Юденич – что он «очень уж снисходителен, не может отказать и поддастся влиянию»³², и это могло проявиться в его ходатайствах за Балаховича. Но вряд ли подобными служебными недостатками обладал А.В. Владимиров, генерал для поручений при Главнокомандующем, возглавлявший разведывательную работу.

«Генерал Балахович, – сообщал Владимиров 4 октября, – предлагает: 1) прекратить имеющимися у него средствами погрузку красных войск в районе Торошина (отправляемых на Деникинский фронт), 2) взять Порхов и Остров и одновременно начать в тылу у красных такую работу, которая немедленно развалит 70-тысячную 7-ую большевистскую армию, 3) передавать пленных с оружием и снаряжением в Северо-Западную Армию, 4) если Ваше Высокопревосходительство одобрит и как в общих чертах (так в первоисточнике. – А. К.) весь план, так и разрешит немедленное его приведение в действие, то ген[ерал] Балахович кроме того обязуется дать подписку в том: [1]) что партизанские отряды и партизаны обязуются все свои действия направлять против большевиков и немцев, ни в какие междоусобные или враждебные действия против войск Северо-Западной Армии не втягиваясь, 2) что все взятые трофеи будет сдавать Начальнику снабжения Сев[еро]-Зап[адного] фронта, с правом ему назначать партизанам вознаграждение не свыше 1/3 захваченного, 3) что все деньги большевиков, попавшие в руки партизанов, будет сдавать казначейству Северо-Западной Армии, оставляя 1/3 для награды людей, 4) офицеров без предписаний Северо-Западного фронта к себе не принимать и 5) иметь при себе для связи и наблюдения представителя Северо-Западного фронта (обратим внимание, что

когда речь идет об *армии* – имеется в виду Родзянко, а о *фронте* – Юденич! – А. К.)». Владимиров продолжал настаивать и в следующем рапорте, датированном 6 октября: «Я могу засвидетельствовать о том, что генерал Балахович искренне хотел прощения и составлял проекты о действиях своих на фланге Армии. <...> В интересах предстоящего несомненного боевого успеха я осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о разрешении ген[ералу] Балаховичу начать его работу на фланге и об удовлетворении его хотя бы только деньгами»³³.

Даже если предположить, что генерал-контрразведчик проявлял свойственный его ремеслу цинизм и предлагал использовать «батьку», невзирая на любые провинности и преступления, – очевидно: Владимиров не сомневался в искренности Балаховича и не подозревал каких бы то ни было подвохов и предательства с его стороны, даже если планы, предложенные партизаном, и выглядели преувеличенными. За «примирение» стояла и часть министров, а Маргулиес даже делал далеко идущие заявления: «Если Балахович отделится от Иванова, мы все (совет министров) будем ходатайствовать за него перед Юденичем и уверены в реабилитации Балаховича, сделавшего большую ошибку тем, что бежал из Пскова»³⁴ (министры боялись Иванова и мнимого авторитета, который якобы имел Балахович в глазах английских союзников). Юденич же потребовал от «батьки»: «1) выдать Иванова и разбойников, которые укрылись у него. 2) покаянное письмо. 3) прекратить политическую игру»³⁵.

Как ни странно, камнем преткновения стало письмо. Балахович резонно указывал, что штатский Иванов ему не подчинен и у него не скрывается, соглашался на назначение следствия над своими офицерами, но вот «покаяния» в выражениях, нужных Главнокомандующему, выжать из себя не смог. Два письма – от 4 и 6 октября – не удовлетворили Юденича, и 10 октября Балахович пишет третье, полное горьких, но не лишенных справедливости упреков:

«Я чувствовал, что для спасения родины нужен единый фронт в окопах и сердцах. И я приехал в Ревель с целью сказать Вам: “Дайте мне место на фронте телом и душой! Верните мне возможность бороться с общим врагом рука об руку с Вами”. Я говорил Вам, что подчиняюсь Вашему суду как Главнокомандующего и жду Вашего справедливого решения. <...> Не была ли моя готовность отдаться на суд Ваш достаточной? <...>

...И разве вся служба моя на фронте, от вольноопределяющегося до генерала, в ту минуту, когда я стоял с протянутой рукой перед судом Вашим, не могла заставить Вас отказаться от требования официального унижительного “Покаянного письма”? <...>

Ваше Высокопревосходительство, я обращался к Вам потому, что не имел права перед Родиной и своей совестью уклоняться от общей работы.

Я обязан, и я иду. И, протягивая Вам руку, я не собирался другой рукой разрушать то, чья сила является нашей общей единственной надеждой, — нашу армию»³⁶.

Однако протянутая рука не была принята. Примирение не состоялось.

6. Наблюдения психологические и стратегические. Прежде чем предложить один из возможных ответов о причинах этого, сделаем несколько наблюдений над тем, каково было отношение Главнокомандующего к партизанскому «батьке», причем будем опираться на показания свидетеля, максимально недоброжелательного к Балаховичу, — генерала Родзянко. Самое раннее его сообщение на эту тему относится к концу июля 1919 г., когда Юденич «выделил из состава армии и подчинил непосредственно себе» 2-й корпус, состоявший из балаховских формирований, хотя Родзянко «долго просил Главнокомандующего не делать этого», поскольку собирался проводить среди балаховцев «реформы и переформирования», т. е. попросту чистку. В августе Родзянко жаловался Юденичу на «безобразия» балаховцев и требовал «энергичных мер», «но он никакого ответа мне не дал». Немедленно вслед за этим Родзянко, упирая на историю с керенками, «в категорической форме потребовал отрешения ген[ерала] Балаховича от должности и назначения следствия. На назначение следствия ген[ерал] Юденич согласился, но в отрешении от должности отказал». Далее Родзянко усиленно стремится скомпрометировать «батьку» в глазах эстонских и английских союзников, рассказывая о тех же керенках, и встречает согласие и поддержку, но... неожиданно получает телеграмму Главнокомандующего о назначении Балаховича командующим корпусом. В ответ Родзянко созывает «совещание начальников частей», которое, «ознакомившись со всеми последними проделками Балаховича и прежде всего с печатанием им фальшивых денег <...> единогласно решило, что немедленно же нужно покончить с Балаховичем и со всеми лицами, его окружающими, предав их суду, <...> а также ни в коем случае не соглашаться на назначение его командиром корпуса»³⁷.

Только теперь Главнокомандующий был вынужден санкционировать уже известные нам меры, однако и тут отказался отдавать определенный приказ, – и Пермикин отправился во Псков, «снабженный лишь приказанием, написанным на листке полевой книжки, за подписью генерала Родзянко»³⁸. Сам Пермикин позже утверждал, будто Юденич не дал ему документа со своей подписью из боязни англичан³⁹, но, на фоне обработки союзников, произведенной Родзянкою, это объяснение не кажется убедительным. И, наконец, в сентябре-октябре Юденич выражал принципиальное согласие «примириться» с Балаховичем. Почему же старый генерал так благоволил «генералу-авантюристу», в котором, казалось, все было предосудительным, если не прямо неприемлемым для регулярной армии?

В попытке ответить на этот вопрос обратим внимание на стратегические взгляды генерала Родзянко и их «развитие» с марта по август 1919 г. Первоначально он делал ставку на взятие Пскова, но после того, как наступление здесь выдохлось, – перевел все наличные силы под Нарву, откуда бросился по кратчайшему направлению на Ямбург – Петроград; увидев, что Псков вот-вот возьмут эстонцы, – развернул часть сил под прямым углом к главному операционному направлению и послал их на Псков наперегонки с эстонцами; после заминки наступления на Петроград начал вынашивать планы переброски армии на псковский участок и развития там действий на Дно – Бологое, причем вопреки прямому приказу Главнокомандующего отказался от упорной обороны Ямбура, что сильно затруднило осенний «поход Юденича на Петроград». По-видимому, командующий армией не мог ни выбрать главное направление, ни тем более комбинировать действия по разным направлениям.

Генерал Юденич доказал свои таланты на мировой войне, заслуженно стяжав на ней славу лучшего русского полководца того времени. Поэтому несерьезно было бы сводить его стратегический план 1919 г. к фразе, с иронией повторяемой Родзянкой: «А все-таки от Ямбура до Петрограда ближе, чем от Пскова»⁴⁰. Неоправданным преувеличением кажется нам и версия, будто «генерал Юденич пришел к выводу, что успех операции по занятию Петрограда может быть обеспечен лишь в случае взаимодействия внезапного короткого удара на Гатчинском направлении с восстанием в самом Петрограде»⁴¹: вряд ли победу можно было ставить в зависимость от такого зыбкого фактора, как деятельность подполья. Катастрофический же результат похода, по нашему мнению, был следствием *не* того, что генерал Д.Р. Ветренко не взял станцию Тосно; *не* того, что восстания

в Петрограде не произошло; и даже *не столько* того, что наступление начало выдыхаться на ближних подступах к городу. Операционная линия Ямбург – Петроград, в сущности, висела в воздухе, будучи крайне слабо обеспеченной с юга. Малочисленная армия, не насчитывавшая в своих рядах и 18 000 штыков, физически не могла прикрывать такую брешь, тем более что ряд частей с этого направления (в том числе балаховцы) был переброшен на подмогу силам, наносившим главный удар.

Средством, не гарантировавшим успех, но все же позволявшим на него надеяться, представляется разворачивание на правом фланге армии «малой» партизанской войны, мастером которой как раз и был Балахович. Поддерживая восставших крестьян, производя поиски и набеги в тылу красных, постоянно тревожа противника, он вполне мог сковать советские силы, также бывшие на этом участке довольно немногочисленными. Если наши соображения справедливы и стратегическая идея Юденича заключалась в *лобовом ударе на Петроград, обеспеченном «малой» войною на правом фланге*, – становятся объяснимыми и упорная «защита» Главнокомандующим Балаховича от нападков Родзянки, и готовность «примириться» с партизанским «батькой».

Но почему же тогда примирение не состоялось? – У Юденича однажды уже буквально вынудили санкцию на решительные действия против балаховцев, и он должен был хорошо понимать силу «общественного мнения» в лице старшего командного состава армии. Возможно, Главнокомандующий просто не мог позволить себе «простить» опального генерала без предъявления тому же «общественному мнению» покаянного письма буйного «батьки». «Батька» же, порываясь не каяться, а обвинять своих противников-интриганов во главе с Родзянкой, требуемого письма написать был, конечно, не в состоянии. А через месяц с небольшим, 14 ноября, он уже подал прошение главе «Военно-дипломатической миссии Белорусской Народной Республики в Латвии и Эстонии» полковнику К.Б. Езовитову о принятии его вместе с находящимися при нем партизанами на белорусскую службу.

Отныне для Северо-Западной армии генерал Булак-Балахович был потерян; но для борьбы против большевизма – нет.

¹ Рутыч Н. [Рутченко Н.Н.]. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 432.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 3 кн. Кн. 3: тт. 4–5. М., 2003. С. 136.

- ³ Приказы Главнокомандующего Сев[еро]-Зап[адным] фронтом // Вестник Северо-Западной Армии. Нарва. 1919. № 63. 6 сентября. С. 1.
- ⁴ Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн. 2. Берлин, 1923. С. 257.
- ⁵ Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруженная борьба с III-им Интернационалом, 1919 год. [Ч.] 1. М., 1997. С. 28; [Ч.] 2. 1998. С. 13.
- ⁶ См.: Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 17.
- ⁷ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник, 1918–1920. М., 2005. С. 218, 249, 251.
- ⁸ Более подробное изложение событий, связанных с псковскими денежными эмиссиями 1919 г., см. в нашей работе: Кручинин А.С. Деньги Батьки Булака // Монета: Международный нумизматический альманах. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 76–103.
- ⁹ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 102, 113.
- ¹⁰ Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной: Из записок, 1912–1959 гг. М., 2011. С. 116.
- ¹¹ Цит. по: Горн В.Л. Указ. соч. С. 140.
- ¹² Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив гражданской войны. Вып. 1. Берлин, [б. г.]. С. 154 (приложение).
- ¹³ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 63–64.
- ¹⁴ Цит. по: Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда (1919–1920 гг.). Берлин, 1921. С. 265.
- ¹⁵ Переписка цитируется по копиям, хранящимся в Бахметевском архиве (Columbia University; Rare Book and Manuscript Library; Bakhmeteff Archive. N.N. Yudenich collection: Files of the Northwestern Army. Box 21. Folder 111) в составе дела «Личная канцелярия генерала Юденича. Булак-Балахович и Иванов» (*фотокопии документов любезно предоставлены А.В. Ганиным, которому автор выражает искреннюю признательность*). В дальнейшем цитировании — «Булак-Балахович и Иванов» с указанием номера архивного листа.
- ¹⁶ Булак-Балахович и Иванов. Л. 16.
- ¹⁷ Приказы Главнокомандующего... С. 1.
- ¹⁸ Булак-Балахович и Иванов. Л. 21.
- ¹⁹ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 64.
- ²⁰ Там же. С. 102 (примечание).
- ²¹ Цит. по: Кирдецов Г.Л. Указ. соч. С. 266.
- ²² Иванов Н.Н. Указ. соч. С. 154 (приложение).
- ²³ См.: Надежный Д.Н. На подступах к Петрограду летом 1919 года. [М.], [б. г.]. С. 132, 135.
- ²⁴ Булак-Балахович и Иванов. Л. 17.
- ²⁵ Иванов Н.Н. Указ. соч. С. 123.
- ²⁶ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 119.
- ²⁷ Иванов Н.Н. Указ. соч. С. 157 (приложение); Родзянко А.П. Указ. соч. С. 195–196 (приложение № 15).
- ²⁸ Булак-Балахович и Иванов. Л. 18–20.
- ²⁹ Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений / Пер. с эст. [Таллин], [2012]. С. 407.
- ³⁰ Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 290–291.
- ³¹ Булак-Балахович и Иванов. Л. 12–13.
- ³² Цит. по: Рутыч Н. Указ. соч. С. 181.
- ³³ Булак-Балахович и Иванов. Л. 8[а]–9, 11–12.

- ³⁴ Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 315.
³⁵ Булак-Балахович и Иванов. Л. 14.
³⁶ Там же. Л. 26–28.
³⁷ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 101, 113–114, 116–117.
³⁸ Гершельман А.С. Указ. соч. [Ч.] 2. С. 19.
³⁹ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 63.
⁴⁰ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 112.
⁴¹ Рутыч Н. Указ. соч. С. 77.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

ДЕЙСТВИЯ ОТРЯДА ГРАФА И.К. ОРУРКА В СЕРБИИ В 1810 ГОДУ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 гг. и Первое сербское восстание 1804–1813 гг. стали частью общей истории России и Сербии после того, как российские войска вместе с сербами сражались на территории княжества за его независимость. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы стал поход вглубь Сербии русского отряда под командованием графа И.К. Орурка в августе – сентябре 1810 г. За время похода отряд, вместе с сербскими дружинами, в течение 20 дней выиграл четыре серьезных сражения с турецкой армией: взял штурмом крепость Бани и трижды отразил нападения в несколько раз превосходящих сил противника на р. Мораве у д. Варварин. Победа русских и сербских войск на Варваринском поле 6 сентября занимает важное место в истории балканской страны – появившееся в конце XIX в. Королевство Сербия в 1890 г. отметило его 80-летие. А во время столетних торжеств король Сербии Петр открыл у слияния Западной и Южной Моравы памятник «Генералу графу Орурку, предводителю русских войск в бою на Варваринском поле, братьям Русским борцам и героям».

Несмотря на столь заметное историческое значение действий небольшого российского военного отряда, в России это событие мало известно и плохо изучено. При сопоставлении различных описаний действий отряда обнаруживаются несоответствия и противоречия в деталях и различные версии произошедшего по различным эпизодам. Отсутствует и сколько-нибудь полная картина деятельности в Сербии в августе – ноябре 1810 г. И.К. Орурка и подчиненных ему российских воинских подразделений.

Шеф Волынского уланского полка полковник Иосиф Корнилович Орурк был направлен в Сербию с 5 эскадронами полка в помощь действовавшему на правом берегу Дуная небольшому корпусу русских войск под командованием генерал-майора графа Е.Г. Цукато в конце июля. 22 июля граф Орурк был представлен к званию генерал-майора и выступил в путь из-под Рушука уже в новом качестве, прибыв в расположение русских войск, осаждавших укрепленный турецкий лагерь Прагово, 3 августа. Здесь под его команду поступили два батальона Ладожского мушкетерского полка, отправленные из-под Журжи 10-го и прибывшие в расположение Цукато 31 июля.

Вскоре Орурку было поручено произвести рекогносцировку праговского лагеря и постараться втянуть гарнизон в открытый бой. Этот бой, произошедший 11 августа, интересен, прежде всего, тем, что в нем Иосиф Корнилович опробовал и отработал тактику, позволившую ему позже отразить атаки турок в сражениях на Мораве. Так что хронологию действий отряда стоит начинать с него.

Генерал-майор Цукато передал под командование Орурка, кроме двух батальонов Ладожского мушкетерского полка и одного – волынских улан, 500 казаков и 300 сербов с хорватами и приказал атаковать на рассвете левый фланг неприятельских укреплений, примыкавших к Дунаю. Прибыв на место, граф Орурк расположил отряд в три линии: ладожские батальоны, перед ними волынские уланы с двумя орудиями Донской конной артиллерии и в первой линии сербы и хорваты. Казаки были отправлены в засаду, впереди сербов, чтобы ударить неприятелю во фланг или в тыл, если он выйдет в поле для преследования, но расположились слишком близко от укреплений и были замечены. Турки выслали против них пехоту и кавалерию, и Орурк приказал казакам отступить к первой линии и вместе с ней продолжать отступление на волынцев.

«В то время как отступавшие встали на левый фланг волынцев, последние открыли картечный огонь по неприятелю и остановили его. Получив из крепости подкрепления, неприятель возобновил атаку. Гр. Орурк приказал продолжать отступление на скрыто расположенный Ладожский полк и находящуюся сзади его скрытую батарею. Когда отступающие 1-я и 2-я линии прошли за 3-ю, которую составлял Ладожский полк, лежавший в кустах, турки, увлеченные мнимой победой, настойчиво наступали и были уже в самом близком расстоянии от ладожцев, присутствия которых не замечали. Тогда, чтобы открыть огонь с замаскированной батареи, гр. Орурк

приказал Ладожскому полку быстро отбежать к батарее и открыть беглый огонь, а батарее стрелять картечью. Турки, не ожидавшие ничего подобного, сильно смешались. Тогда гр. Орурк атаковал их с фронта уланами, а казакам и сербам приказал ударить во фланги. Неприятель пришел в полное замешательство и рассеялся в разные стороны, спасаясь в своих укреплениях»¹.

Спустя несколько дней Е.Г. Цукато наконец решился оказать сербам помощь, о которой они неоднократно просили. Главное сербское укрепление на южных границах княжества – Делиград – пока успешно отражало нападения. Однако сосредоточенные у Ниша турецкие войска под командованием Хуршид-паши (от 15 до 30 тыс.) могли быстро переломить ситуацию, а падение Делиграда открывало прямую дорогу к Белграду. Исходя, видимо, из следующего предположения Георгия Черного (письмо от 4 августа): «...я надеюсь, что турки, коль обойдете Вы Прахово и приблизитесь к Тимоку, очень устроятся и от стороны Ниша не могут нам великой досады делать»², граф Цукато решил устроить против турок диверсию. Он приказал Орурку «показать в разных местах Сербии малые отряды кавалерии и пехоты..., но строго при том запретил... отдаляться от берегов Дуная более чем на один усиленный переход»³, и «произвести всю операцию не более как в 2 недели, если только он не будет предвидеть безусловного успеха ранее»⁴. Отряд полковника Орурка, кроме двух батальонов Ладожского пехотного и одного Волынского уланского полков, включал Донской казачий А.И. Исаева 4-го полк, 6 орудий легкой и 4 Донской артиллерии и дружины сербов и хорватов (300 чел.).

Первые дни похода наиболее точно отражены в журнале одного из офицеров отряда, выписки из которого приводит в своих записках Ланжерон⁵:

«Граф Орурк двинулся 17-го августа и в тот же день перешел Тимок около Бреговы. Несмотря на дурные дороги и трудность движения, он все-таки подвигался и на другой день; Мулла-Паша, уведомленный об его движении, послал преследовать его 3.000 турок из Виддинской кавалерии и Драговского гарнизона. Хотя дороги были ужасны, так что солдаты должны были тащить орудия на руках, однако, несмотря на все эти препятствия, граф Орурк через 3 дня подошел к Тургузовицкой крепости, находящейся в 40 верстах от Ниссы, и произвел по ней только несколько выстрелов, чтобы угрожая ей, принудить Измаил-Бей отменить намеченное движение и тем освободить сербов.

Здесь он получил известие от Георгия Черного, что турки взяли приступом Ясинскую Поланку и теперь направляются к Варваринце, чтобы перейти Мораву и двинуться на Белград. Георгий Черный просил графа Орурка придти к нему на помощь, говоря, что, в случае неполучения от него поддержки, ему ничего не остается делать, как вывести свои войска из Делиграда и направиться в Белград, оставив туркам всю внутреннюю Сербию.

Георгий Черный знал, что он имел дело с человеком настолько же храбрым, насколько и решительным. И действительно, граф Орурк, не побоявшись ни трудностей, которые представляло ему это движение, ни слабости своих сил, вышел 21-го из Тургузовчи и 22-го, утром, уже был в Бании, лежащей в 25-ти верстах». Под Тургузовчами здесь подразумевается крепость, или укрепление, Тургузовцы на р. Тимок к северо-востоку от Ниша (сейчас – город Княжевац). Орурк, возможно, уже тогда имел намерение ее захватить, поскольку за неполных два дня по ней было выпущено 130 пушечных зарядов с ядрами и 6 с картечью⁶.

Появление сербских посланников весьма красочно описано у Михайловского-Данилевского, весьма вероятно, со слов самого Орурка: «На другой день явились к графу Орурку депутаты от Георгия Черного с самой убедительной просьбой спешить, как можно скорее, к Делиграду на соединение с сербами, без чего, говорил Георгий, должен он будет бросить Делиград и искать спасения в Белграде, оставляя весь край на произвол турок, предающихся внутри Сербии всем возможным неистовствам. “Отчаянье наше, – писал Георгий Черный графу Орурку, – достигло высшей степени; побег в войсках усиливаются ежедневно. Турки грабят и режут беззащитных. Только от вас ждем спасения”. Граф Орурк немедленно выступил к Делиграду, донося графу Цукато о побудительных к сему движению причинах. Граф Цукато одобрил его решимость. Присланные от Георгия Черного депутаты повели отряд графа Орурка вверх по Тимоку, дремучими лесами и ущельями⁷. Весьма схожую картину произошедшего рисует и Красовский: «Когда известие о сем отряде дошло до Черного Георгия, то он со всею поспешностью прислал к графу Орурку депутатов с убедительною просьбой как можно скорее идти к Делиграду, ибо он без его содействия не может там удержаться и спасти Сербию, и что не получив от него содействия он справедливым сочтет что мы пожертвовали сербам. Столь важный предмет заставил графа Орурка решиться на поспешное следование к Делиграду, и он выступил туда, не потеряв ни одного часу»⁸.

Суммируя приведенные данные о начале похода отряда Орурка, следует отметить, что его цели и задачи не предполагали похода в Делиград и серьезных сражений с турецкими войсками и что решение об этом было принято полковником И.К. Орурком самостоятельно и достаточно быстро, как того требовала ситуация. Зная, каковы были его последствия, можно сказать, что это было одно из тех решений, которые определяют ход истории.

Первый день нового похода отряда графа Орурка стал для него и днем первого серьезного сражения – взятия крепости (укрепления) Бани (Баньи). Это укрепление, построенное сербами в 1808 г. в районе современного г. Сокобана, имело стратегический характер, прикрывая коммуникации Делиграда с Белградом, и, с другой стороны, угрожало Нишу. В июле 1809 г. Банья была взята турками, и, ввиду особой важности, в июле следующего года Георгий Черный пытался ее отбить с отрядом в 7000 чел., но безуспешно. Крепость представляла собой каменную цитадель, окруженную земляными валами, возле которых проходила дорога, а с другой стороны от нее, на возвышении, на расстоянии пистолетного выстрела, был устроен редут. Турецкий гарнизон крепости, состоявший из пехоты и конницы, доходил до 1000 чел. Неизбежность ее штурма не кажется столь очевидной, как утверждает Красовский – Михайловский-Данилевский, напротив, пишет, что «крепостцу» спокойно можно было обойти. Вызывает сомнение и то, что это было сделано только ради воодушевления сербов – для этого можно было найти более простой способ. Нам представляется, что немаловажную роль в принятии И.К. Орурком решения о штурме сыграло и понимание стратегического значения этого укрепления, в том числе для российской армии. Не случайно именно штурм Бани, по словам Красовского, был причислен главнокомандующим к важнейшим событиям кампании, а Иосиф Корнилович именно за него получил орден Св. Георгия 3-го кл.⁹

Сам штурм интересен как единственное наступательное сражение отряда и важен для характеристики И.К. Орурка как командира, поэтому приведем его описание из рапорта полковника А.И. Цвиленева А.П. Зассу:¹⁰

«22-го числа в 7 часов утра полковник граф Орурк с вверенным ему отрядом двинулся к укреплениям и, обозря местоположение, выслал охотников из улан и казаков, подкрепляя батальоном (? – так в тексте. – Л. К.) улан, чтобы занять турецкую кавалерию, выехавшую

в 300 [человек] из укреплений, а Ладожскому мушкетерскому полку с 300 казаков и сербов обойти укрепление сзади и овладеть возвышенностями, что тот час было исполнено.

Турецкая кавалерия, подкрепляемая своею пехотою, засеавшею в шанцах перед своими укреплениями, бросилась отчаянно на наших фланкеров. Полковник граф Орурк велел ту же минуту батальону улан ударить на неприятеля, что с стремлением было исполнено. Кавалерия турецкая сбита и опрокинута, равно и пехота, подкреплявшая оную, оставя двое передовых шанцов, бежала и была преследуема и поражена до главных своих укреплений, при сем случае взято в плен 9 турок.

Полковник граф Орурк, желая воспользоваться наведенным на неприятеля ужасом, приказал подполковнику Савойни с двумя батальонами Ладожского полка штурмовать ближайшее укрепление, защищаемое одним орудием и 400 турок.

Полковник граф Орурк с восхищением видел, с какою бодростию и духом подполковник Савойни с штаб- и обер-офицерами Ладожского полка кинулись вперед и с какою храбростию, усердием и доверенностью к своим начальникам следовали за ними российские воины, пренебрегая сильные картечные и ружейные выстрелы неприятеля, и, несмотря на глубину рва и высоту вала, менее получаса укрепление взято».

Красовский, однако, рисует не столь радужную картину этого критического, по сути, момента штурма:¹¹ «1-й батальон храбро бросился на редут, но граф Орурк, заметя, что бывшие впереди солдаты встреченные сильным огнем из редута начали останавливаться и ложиться за камни, подскакал к самому рву, приказав идти на штурм другому батальону с барабанным боем и криком ура, что ободрило 1-й батальон, и редут в несколько минут взят штурмом, а полчаса спустя, сдалась и крепость. Близь самого рва под графом Орурком убита лошадь и тяжело ранен бывший при нем адъютант Ушаков». Потери отряда при штурме говорят сами за себя: в Ладожском полку было 32 убитых и 88 тяжелораненых при 43 легкокораненых и 14 контуженных, тогда как в двух сражениях при Варварине было всего 39 и 27 раненых при одном убитом казаке. Также было 8 тяжело- и 16 легкокораненых в Волынском полку и 1 убитый и 7 раненых артиллеристов. Потери в сражении при Ясике были значительно меньше: улан убито – 1, тяжело ранено – 11, легко – 6; казаков убито – 15, тяжело ранено – 12¹².

Переночевав в захваченной крепости и оставив в ней гарнизон из сербов присоединившегося по дороге отряда воеводы гайдука Бельки Петровича, граф Орурк выступил 23 августа к Делиграду. Георгий Черный встретил его за 5 верст от укрепления и принял как спасителя – известия о победе сильно воодушевили сербов. «Восторг сербов при виде русских был чрезвычайный. Войско сербское, народ и духовенство, с распущенными знаменами и хоругвями, спешили на встречу нашим. После радостных приветствий служили молебен, вознося к богу молитвы о благоденствии Императора Александра»¹³. Предводитель сербов сообщил графу, «что на другой день они верно будут атакованы, что Измаил-бей остановился на ночлег со всеми силами своими только в 25 верстах и что в продолжение настоящего дня передовой отряд сербов дрался целый день с турками и принужден был отступить почти к самому Делиграду»¹⁴. «Они порешили двигаться вместе, по направлению к укреплению, которое турки наскоро строили в 15 верстах от Делиграда, в деревне Алексинцы, но предводитель сербов, командовавший в Ваварицах, сообщил им, что турки собираются напасть на него на следующий день, и просил у них помощи»¹⁵. Немного позже выяснилось, что Измаил-бей шел не на Делиград, а следовал на соединение с Ахмед-Хуршидом, поэтому в рапорте Иосиф Корнилович эти детали опустил: «...узнал я изустно от верховного предводителя народа сербского, что неприятель числом в 3 тысячах стоит против него, но что укрепление сие (*Делиград*) довольно сильно, дабы удержать всякое покушение неприятеля, между тем, как на р. Мораве против укрепления Варваринцы (*Варварин*) находится в лагере сам Ахмет Рушид визирь, имея под команду свою 3 пашей, известного Измаил-бея и до 15 000 войск, делает ежедневные покушения для взятия укрепления Варваринцы и что более 40 деревень в окрестностях разорены им до основания и преданы огню»¹⁶.

В последующие две недели произошли три сражения русско-сербского отряда с турецкой армией Хуршид-паши, ход которых довольно подробно изложен в рапортах и пересказан в книге Петрова¹⁷. Однако описания событий, происходивших до и после этих сражений, имеют ряд различий, что в итоге привело к некоторой путанице в определении мест самих сражений. Поэтому важно уточнить географию описываемых мест и событий. Делиград – в настоящее время деревня в общине Алексинац в Нишавском округе – расположенный на правом берегу Южной Моравы на трассе

Ниш – Белград, – блокировал единственный удобный путь вглубь освобожденных сербами территорий по эту сторону реки. Атака со стороны Алексинаца, расположенного на юго-востоке от укрепления, велась именно по этой дороге, но по опыту осады предыдущего года турки знали, что взять его очень сложно, и активного наступления не вели. Основная их армия прошла по левой стороне от Южной Моравы, пересекла Западную Мораву и расположилась в собственно сербских землях, разоряя окрестности. Ланжерон указывает, что лагерь Измаил-Бея, имевшего от 15 000 до 18 000 войск, был расположен на возвышенностях в 10 верстах от Варварина. Село Варварин (сейчас – поселение городского типа) расположено в 20 верстах на северо-запад от Делиграда на левом берегу Великой Моравы, в нескольких километрах ниже слияния Южной Моравы с Западной, возле переправы через реку – там и сейчас находится мост¹⁸. Именно положение села на левом берегу Моравы ввело в заблуждение и Петрова, и составителей Военной энциклопедии, не разделявших названия Варварин и «укрепление Варваринцы». Хотя во всех описаниях сражений у Ясика и Варварина говорится, что перед тем как напасть на укрепления, турки переходили реку, и, напротив, отсутствуют упоминания о переправе через нее русских. По нашему мнению, оба укрепления – и Ясики, и Варваринское, – были сооружены сербами на правом берегу Моравы с целью препятствовать туркам перейти реку и выйти на Белградскую дорогу в тылу Делиграда. С этой точки зрения вполне логично выглядят последующие действия как русско-сербских, так и османских войск.

Отдохнув в Делиграде, отряд графа Орурка вместе с сербами во главе с Георгием Черным 24 августа выступил к Варварину. Прибыв на место, полковник Орурк «поехал вместе с верховным начальником народа сербского рекогносцировать как местоположение, так равно и позицию лагеря неприятеля. Увидев, что не было настоящей мне выгоды атаковать лагерь со стороны Варвари[н]цы, просил я начальника верховного, дабы приказать очистить находившуюся в обход к прежде бывшему укреплению Ясики дорогу, шедшую между лесами по хребту гор, и которую несчастные жители, боясь, дабы и в самых отдаленностях ущелинах не нашла их лютость врага, завалили. С 25-го по 26-е число прибыл я в ночь по помянутой дороге к разоренному укреплению Ясики...»¹⁹ Как ни удивительно это звучит, Иосиф Корнилович, имея в объединенном отряде около 4000 чел., действительно намеревался атаковать укрепленный турецкий лагерь,

число войск в котором было больше, минимум, в 4 раза. Эту версию развития событий передает и Ланжерон: «Он (*граф Орурк*) убедил Георгия Черного в необходимости атаковать их (*турок*), хотя при этом марше и пришлось бы перенести не мало трудностей, вследствие отчаянных дорог, требовавших страшных усилий при движении артиллерии. Проходя мимо Ясика, граф Орурк остановился около этого укрепления, покинутого турками, бежавшими за Мораву, велел поправить его и оставил там 4 сербских пушки. Турки, заметив наши работы, перешли в брод Мораву и напали на графа Орурка»²⁰.

После победы при Ясике эффект неожиданности присутствия русских войск в глубине Сербии, на который, видимо, рассчитывал граф Орурк, желая атаковать турецкий лагерь, был утрачен. Уже с вечера 26-го турки начали еще сильнее укреплять свой лагерь, и теперь требовался новый план действий. При этом две недели, отведенные графом Цукато на проведение рейда, подходили к концу, и Иосифу Корниловичу требовалось разрешение начальства на дальнейшее пребывание отряда в Сербии. Вечером 27 августа он планировал вернуться к «укреплению Варваринцы», не видя больше смысла остаться у Ясика, а чрез 3 дня выступить в обратный путь²¹. Сложность с получением указаний состояла в том, что тяжело болевший Цукато скончался 25 августа, а несколько дней спустя умер и генерал-майор Исаев 1-й. Фактическое командование русскими войсками в Сербии перешло к полковнику Ингерманландского пехотного полка А.И. Цвеленеву, которому приходилось согласовывать свои решения с новым командующим генерал-лейтенантом Зассом, находившимся у Рущука. Георгий Черный, тем не менее, смог уговорить его оставить отряд Орурка при сербах еще на 15 дней, «так как появление русских ободрило унывший народ сербский и войско, и устрашило неприятеля»²².

Простояв, в итоге, несколько дней у Ясика, русско-сербский отряд вернулся к Варваринскому укреплению. Здесь Георгий Черный «вверил графу Орурку все свое войско в полное, неограниченное распоряжение, с правом казнить смертью, а сам отправился в Белград для приведения в устройство гражданских дел, сбора войск и продовольствия... Желая иметь в недрах Сербии твердый пункт для дальнейших действий, граф Орурк начал строить большой редут. Все окрестные жители радушно помогали работам. Через пять дней соорудили укрепление на 1000 человек и 8 пушек. По сторонам сделали засеки в лесах. В то же время граф Орурк обучал сербов

правильным движениям и составил из них два батальона и три эскадрона. Они легко понимали наши построения, но только не могли вести порядочно конных атак. При команде: марш-марш! – ряды исчезали, и следуя прежней привычке, каждый серб носился по произволу; трудно было потом собрать их»²³. Красовский пишет, что граф Орурк «устроил из Ладожского полка восемь каре, в которых переднюю шеренгу составляли наши солдаты, а две задние – сербы. Каждый эскадрон улан и сотня казаков усилены были особыми резервами из сербской кавалерии и пехоты»²⁴. Разъезды, высланные графом в разные стороны, вскоре донесли, что Ахмед-Хуршид выступил из своего укрепленного лагеря и движется к Варварину.

5 сентября турецкая армия переправилась чрез Мораву и остановилась близ укрепления Ясики, а «6-го числа поутру посланными партиями неприятель открыт идущим по дороге к Варваринце, где расположены были сербские войска и отряд графа Орурка»²⁵. Во время последовавшего 9-10-часового боя турецкая армия безуспешно атаковала русских и сербов, но так и не смогла потеснить их с занимаемых позиций, отступив вечером с потерей до 1000 чел. убитыми.

Вскоре после сражения граф Орурк, произведенный наконец в генерал-майоры, «получил известие, что неприятель в скором времени ожидает сильное к себе подкрепление, почему как для облегчения людей, а равно чтоб быть совершенно обеспечену от покушений неприятеля, приказал он весь свой лагерь укрепить ретраншаментом и несколькими редутами»²⁶. Армия Ахмед-Хуршида, стоявшая в трех верстах от Варварина, насчитывала около 12 000 чел., тогда как в отряде графа Орурка, вместе с сербскими войсками, насчитывалось не более 3000²⁷. К тому же «у него уже оставалось мало патронов, и он боялся, что негде будет скоро их достать», но вовремя получил от Георгия Черного большой транспорт боевых патронов и подкрепление из 500 сербов²⁸. 9 сентября ожидаемое турками подкрепление в 3000 чел. кавалерии и пехоты прибыло, и на следующий день они снова атаковали Варваринское укрепление.

На этот раз Ахмед Хуршид-паша изменил тактику: выстроив армию перед укреплениями, он открыл по ним огонь из 9 орудий. Но «генерал-майор граф Орурк, не хотя жертвовать потерей людей, решился отразить неприятеля, не выходя из укреплений, для чего поставил всю свою кавалерию за укреплением у подошвы горы и велел открыть батареям своим огонь»²⁹. Перестрелка продолжалась более

3 часов, после чего турки стали пытаться обойти укрепления с флангов, но были отбиты атаками сербской и русской кавалерии.

После этой новой неудачи Ахмед-Хуршид отвел войска обратно в лагерь за Варвариным, а 13-го числа отошел через Крушевац к Нишу, где большая часть его войск разошлась по домам.³⁰ Таким образом угроза с юга была устранена, и Георгий Черный написал графу Орурку письмо (или поднес грамоту), в котором выражал ему свою благодарность и всенародно назвал его спасителем Сербии³¹.

В этих обстоятельствах генерал-лейтенант Засс, прибывший в Сербию с новыми войсками 7 сентября, приказал графу Орурку возвратиться на Дунай. 17 сентября он сделал новое расписание находившимся в Сербии войскам, в соответствии с которым отряд генерал-майора Орурка несколько увеличился. Теперь под командой Иосифа Корниловича находились два батальона Ладожского пехотного полка и резервные батальоны Новоингерманландского пехотного и 6-го Егерского полков, батальон Волынского уланского полка, казачий Исаева 4-го полк, 6 орудий конной Донской артиллерии и 300 хорватов.³²

Поскольку генерал-лейтенант Засс собирался захватить крепость Брегово (на р. Тимоке на границе с Болгарией), то он приказал Орурку следовать туда через Неготин и, обойдя ее, прервать все сообщения крепости. Чтобы обезопасить его отступление, командующий послал ему навстречу подполковника Глебова с резервным батальоном 6-го егерского полка, эскадрой Волынских улан и 1000 сербов³³. Граф прибыл к Неготину 20 сентября, 21 началась осада Брегово, а в ночь на 25-е турецкий гарнизон решил тайно покинуть крепость. В завязавшемся в результате этого ночном сражении отряд Орурка принял непосредственное участие³⁴.

Турки тем временем предприняли новую попытку разгромить сербов: один корпус (до 40 000) перешел р. Дрину и через Боснию снова проник в Сербию, угрожая Белграду, а в Нише собрался другой, вновь угрожая Делиграду. Чтобы обезопасить сербов с востока и дать им возможность сосредоточить силы для отражения первого корпуса, генерал-лейтенант Засс отправил 28 сентября к Делиграду новый отряд под командованием генерал-майора Орурка из трех батальонов Олонцкого пехотного полка и двух полков казаков Исаева 1-го и Исаева 4-го. Вследствие этого движения, Измаил-Бей, руководивший всеми операциями против сербов на востоке, возвратился в Ниш³⁵. 15 и 16 октября Георгий Черный один разбил

турок и заставил их отступить в Боснию. В Делиграде отряд Орурка пробыл до ноября, но из-за отсутствия в его окрестностях травы и сена граф не мог содержать там лошадей казачьих полков и должен был отправить казаков за 30 верст³⁶.

С конца октября началось движение армии на зимние квартиры, и 2 ноября граф Орурк оставил Делиград, имея приказ на обратном пути к Дунаю взять крепость Гургузовцы, если можно будет обойтись без больших потерь. В помощь Иосифу Корниловичу был послан от Крайова отряд флигель-адъютанта Засса (3 батальона и казачий полк). 4 ноября оба отряда соединились под Гургузовцами и, прогнав турецкую конницу, обложили крепость, начав бомбардировку из 18 орудий. Ночью турки, желая пробиться, сделали вылазку, но были отбиты, а 5 ноября Орурк сосредоточил огонь 12 шестифунтовых пушек для пробития бреши в стене. Вскоре были разрушены башня и часть стены, отряд Засса двинулся на штурм, но турки (800 чел.) начали переговоры и сдались с условием свободного выхода. Передав крепость сербам и срыв часть укреплений, 7 ноября отряд двинулся на соединение с основными силами и в середине месяца перешел на зимние квартиры в Малую Валахию³⁷.

¹ Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1887. С. 179–180.

² Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. II. 1808–1813. М., 1983. С. 177.

³ Из записок генерал-адъютанта Красовского // Русский вестник. 1880. № 8. С. 513.

⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 7–8. С. 200.

⁵ Записки Ланжерона. С. 200–201.

⁶ Первое сербское восстание... С. 185.

⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Описание турецкой войны, с 1806 до 1812 г. СПб., 1849. С. 246–247.

⁸ Из записок Красовского. С. 513.

⁹ Первое сербское восстание... С. 184; Записки Ланжерона. С. 201; Из записок Красовского. С. 513. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 247.

¹⁰ Первое сербское восстание. С. 183–184.

¹¹ Из записок Красовского. С. 513–514.

¹² Посчитано по рапортам о сражениях: Первое сербское восстание. С. 182–183, 185, 189, 191.

¹³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 247.

¹⁴ Из записок Красовского. С. 514.

¹⁵ Записки Ланжерона. С. 201.

¹⁶ Первое сербское восстание. С. 181.

¹⁷ Там же. С. 181–183, 188–191. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_2/161-180/167.phtml?id=8784; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_2/161-180/173.

phtml?id=8790; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Perv_serb_vosst_2/161-180/174.phtml?id=8791; Петров А.Н. Указ. соч. С. 184–187, 190–191, 194–195.

¹⁸ В 1999 г. он был взорван авиацией НАТО.

¹⁹ Первое сербское восстание. С. 181.

²⁰ Записки Ланжерона. С. 200–201; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 248.

²¹ Первое сербское восстание. С. 184.

²² Петров А.Н. Указ. соч. С. 187.

²³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 249; Записки Ланжерона. С. 202.

²⁴ Из записок Красовского. С. 515.

²⁵ Первое сербское восстание. С. 188.

²⁶ То же. С. 190.

²⁷ Петров А.Н. Указ. соч. С. 193.

²⁸ Записки Ланжерона. С. 203.

²⁹ Первое сербское восстание. С. 190.

³⁰ Петров А.Н. Указ. соч. С. 195.

³¹ Записки Ланжерона. С. 203; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 251.

³² Петров А.Н. Указ. Соч. С. 196.

³³ Записки Ланжерона. С. 380.

³⁴ Петров А.Н. Указ. соч. С. 197, 201.

³⁵ Там же. С. 202; Записки Ланжерона. С. 382.

³⁶ Там же. С. 203–204.

³⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 250–251.

А.Н. Кулинский (Санкт-Петербург)

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ОРУЖИЯ В ВАРШАВЕ И ВАРШАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В СТАТЬЕ представлены очередные результаты исследований по истории частного коллекционирования оружия в дореволюционной России, публикация которых была начата в 2004 г. и продолжена в последующие годы¹. Как уже неоднократно нами отмечалось, основной задачей этих исследований является составление как можно более подробного биобиблиографического словаря-справочника коллекционеров и владельцев частных собраний оружия в Российской империи. К моменту первой публикации по этой теме такой словарь насчитывал около 240 фамилий, в настоящее время собраны сведения более чем о 1200 (!) частных коллекциях оружия (при этом постоянно пополняется и общая база данных коллекционеров дореволюционной России, в которой сейчас имеется около 15 000 имен).

Опубликованная в 2010 г. в сборнике материалов и исследований проходившей в музее Первой Международной научно-практической конференции «Война и оружие» статья о частных коллекциях оружия в западных губерниях дореволюционной России содержала выборочный биобиблиографический словарь-справочник выявленных к тому времени коллекционеров и владельцев частных собраний оружия в Украине, Белоруссии, Прибалтике, а также в Царстве Польском. В преамбуле статьи было убедительно, на наш взгляд, обосновано включение в словарь поляков, являвшихся подданными Российской империи.

В связи с обозначенной темой настоящей статьи напомним, что на протяжении существования Царства Польского, входившего в состав Российской империи с 1815 до 1917 гг., Варшавская губерния неоднократно меняла названия: 1815–1816 гг. – Варшавский департамент;

1816–1837 гг. – Мазовецкое воеводство; 1837–1844 гг. – Мазовецкая губерния; с 1844 г. – Варшавская губерния, с присоединением территории упраздненной Калишской губернии. В 1867 г. некоторые части территории губернии были переданы в восстановленную Калишскую и вновь образованные Петроковскую и Седлецкую губернии.

Среди варшавян, а также владельцев имений в Варшавской губернии было довольно много коллекционеров и владельцев частных собраний военно-исторических памятников. Их судьбы могли быть тесно связаны с русской государственной или военной службой, а в круг общения нередко входили известные деятели русской науки и культуры, что не могло не сказаться, в свою очередь, на их деятельности в области культуры, в том числе и коллекционирования.

В изданных за последние 10–15 лет в России общих работах по истории коллекционирования жители западных губерний практически не упоминаются². Поэтому соответствующую информацию по Варшавской губернии удавалось выявлять только в немногочисленных российских исследованиях, посвященных истории польской культуры, а также в различных справочных изданиях и монографиях, выходящих в Польше³.

Неоднократно цитировавшийся в нашей публикации 2010 г. фундаментальный 11-томный труд польского историка культуры Романа Афтаназы «Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej» посвящен именам и усадьбам поляков, располагавшимся на территориях, не входивших в Царство Польское⁴. Т. е. имения и усадьбы Варшавской губернии в опубликованных материалах Афтаназы не рассматривались.

Массу интересной информации по интересующей нас Варшавской губернии содержит изданный в 1926 г. двухтомный весьма объемный справочник Э. Хвалевика, посвященный польским частным и государственным коллекциям, библиотекам и архивам⁵. В справочнике в алфавитном порядке перечислены польские города, местечки и имения (с указанием уезда и губернии), в которых находились коллекции. В справке по каждому городу, также в алфавитном порядке, приведены сначала государственные, а затем частные собрания с их краткой характеристикой. Разумеется, работа Э. Хвалевика, охватывающая в основном период XIX – первой четверти XX вв., не претендует на исчерпывающую полноту, как, впрочем, и любой другой биографический справочник.

Значительно раньше, еще в 1869–1871 гг. в ежегодном альманахе «Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich» («Ежегодник для польских археологов, нумизматов и археологов») были опубликованы довольно обширные списки польских коллекционеров и владельцев различных собраний⁶, в том числе и уже умерших к тому времени. Э. Хвалевик не мог не знать об этих списках, когда работал над своим справочником, но почему-то не использовал полностью содержащуюся в них информацию. Между тем, в этих списках удалось найти сведения примерно о 10 польских частных коллекциях оружия, которые не упомянуты у Э. Хвалевика.

Вообще в этих списках 1869–1871 гг. краткое описание многих частных коллекций сопровождается, в том числе, и такими характеристиками, как «собрание памятников старины» или «собрание польской старины». Есть довольно веские основания предполагать, что во многих случаях такие собрания старины включали и коллекции оружия. Такие предположения неоднократно подтверждались при поиске более подробных биографических данных о владельцах коллекций. По нескольким десяткам фамилий коллекционеров, в том числе и целого ряда жителей Варшавы, поисковая работа ведется в настоящее время.

Было бы интересно, например, проследить историю коллекций фламандской семьи Гауке, с 1782 г. проживавшей в Польше и тесно связанной с Варшавой. В вышеупомянутом «Ежегоднике...» указано наличие большой коллекции памятников старины у графини Софьи Гауке в Варшаве. Речь идет о Софье Саломее Терезе, урожденной Гауке (1816–1861), дочери известного польского генерала Мауриция Гауке (1775–1830), кстати, прапрадеда Филиппа, герцога Эдинбургского, супруга королевы Елизаветы II.

Более двадцати лет М. Гауке участвовал в войнах с Россией, после образования Царства Польского был инспектором артиллерии и инженерного корпуса, а с 1826 г. – военным министром. В 1829 г. был возведен в графское достоинство. Цесаревич Константин Павлович называл его своей правой рукой по управлению краем. 17 ноября 1830 г. Гауке был убит восставшими в Краковском предместье Варшавы.

Можно с большой долей вероятности предположить, что у генерала Гауке, учитывая его бурное военное прошлое, была личная коллекция оружия, которая впоследствии вместе с другими памятниками старины и произведениями искусства перешла к его дочери

Софии. Она была замужем за своим кузеном Александром Людвиковичем Гауке (1814–1868), генерал-майором, президентом Варшавских правительственных театров, который также собирал памятники старины и произведения искусства.

Впоследствии коллекции, скорее всего, перешли к их старшему сыну Маурициу Леопольду (1846–1926). Их дальнейшую судьбу еще предстоит выяснить.

Не останутся без внимания и еще две польские дореволюционные справочные публикации по польским же коллекционерам, автором которых были Х. Вильдер и В. Багеньский⁷. Работа с этими источниками еще впереди.

Ряд интересных исследований по истории частного коллекционирования в дореволюционной Польше был опубликован в последние 30 лет⁸. Среди них выделяется большая статья Конрада Аевского в польском альманахе «Музейное дело» (2006–2007), посвященная дореволюционным частным коллекциям памятников военной истории в Варшаве и сопровождаемая очень интересным иллюстративным рядом⁹.

Поскольку тема нашей статьи явно перекликается с более ранней работой польского исследователя, поясним следующее.

Во-первых, из сорока девяти коллекций или групп коллекций, приведенных в нашем словаре, только по тридцати есть какая-то информация у К. Аевского, в ряде случаев сводящаяся только к упоминанию. Данные по остальным коллекциям были найдены в других источниках. Собственно, это отражено и в ссылках.

Во-вторых, в исследовании К. Аевского основное внимание уделено коллекциям и выставкам, в которых участвовали их владельцы. А вот биографические данные коллекционеров весьма скупы, их приходится дополнять и разыскивать в самых различных справочниках и других публикациях. По некоторым персонам пока вообще не удалось найти какие-либо дополнительные сведения.

Одна из самых интересных, но порой и самых трудных задач – найти сведения о родственниках владельца коллекции: родителях, братьях и сестрах, жене, детях. При этом открываются интереснейшие родственные и дружеские связи между владельцами коллекций, их наследниками. Даже в приведенном ниже небольшом биобиблиографическом словаре-справочнике такие связи присутствуют, они выделены перекрестными ссылками жирным шрифтом. Подчас возникает имеющее под собой вполне реальную почву ощущение, что

«по-родственному» или «дружески» связаны между собой были и многие коллекции, плавно перетекавшие из одной семьи в другую или пополнявшиеся обментами между друзьями по увлечению.

Традиционно можно было бы завершить вводную часть нашей статьи фразой о том, что поисковая работа по выявлению сведений о частных оружейных собраниях продолжается и впереди новые открытия и новые имена хранителей военной старины. Разумеется, так оно и есть.

Возникает вопрос, когда эта работа может быть завершена? Все исследователи – авторы биографических или биобиблиографических словарей – едины во мнении, что работу по их составлению никогда нельзя считать полностью завершенной и можно лишь прервать ее на время, остановившись на определенном рубеже накопленных знаний, достаточно насыщенном информацией для подготовки издания.

Пока же вниманию читателей предлагается очередной биобиблиографический словарь-справочник, в который включены фамилии коллекционеров и владельцев частных собраний оружия в Варшаве и Варшавской губернии Российской империи, выявленные в основном при изучении работ польских исследователей, а также некоторых других публикаций.

Бейер Кароль (1818–1877)

Известный варшавский антиквар, фотограф, нумизмат, коллекционер памятников старины. Пионер польской фотографии, один из первых в Царстве Польском начал изготовление дагерротипов. В 1844–1872 г. держал профессиональную фотомастерскую в Варшаве. В 1857 г. организовал первую польскую выставку фотографии. Основатель жанров фоторепортажа, фотопортрета и научно-исторической фотографии (фотофиксация памятников архитектуры, археологии, этнографии, нумизматики, документов). В 1856 г. в Варшаве и в 1858 г. в Кракове издал альбомы состоявшихся в Кракове выставок прикладного искусства и оружия.

Собрал очень ценную коллекцию польских монет. В 1856 г. основал Нумизматическое общество. Написал несколько работ по нумизматике. Коллекционировал также памятники военной старины и оружие. Предметы из его коллекции были представлены на выставке памятников старины в Варшаве в 1856 г.¹⁰

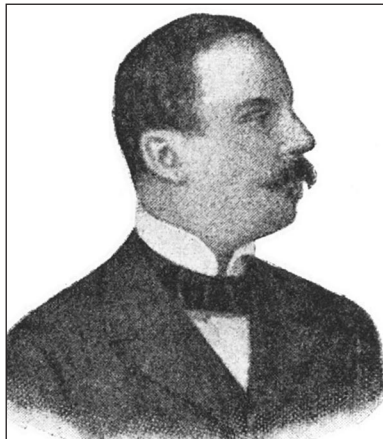

Рис. 1. Ю. Вейссенхофф

Вейссенхофф Юзеф (1860–1932)

Барон, сын барона Михала Ежи Вейссенхоффа (1828–1866) и Ванды, урожденной графини Лубеньской (1839–1915). Писатель, поэт, литературный критик, издатель. В детстве жил в Вильне, учился в гимназии в Варшаве, в 1884 г. окончил юридический факультет Дерптского университета. Некоторое время жил в своем имении Самокленски в Люблинской губернии. В молодости вел весьма разгульный образ жизни, свидетельством чему может слу-

жить проигрыш в карты в петербургском яхт-клубе имения Самокленски двоюродному брату царя. Имение была спасено благодаря женитьбе на Александре Эмилии, урожденной Блох, дочери финансового магната И.С. Блоха (1836–1901), создателя Международного музея войны и мира в Люцерне.

С 1891 г. жил в Варшаве, в 1896–1901 гг. был издателем и редактором литературно-научного журнала «Варшавская библиотека». Много путешествовал по Европе. В годы Первой мировой войны жил в России, с 1918 г. в основном в Варшаве.

В истории коллекционирования не оставил сколько-нибудь заметного следа, однако известно, что собирал оружие. Предметы из его коллекции демонстрировались на выставке памятников старины в Варшаве в 1889 г.¹¹

Воловский Станислав (1834–1892)

Сын Адама Эрнеста Воловского (?–1868) и Барбары, урожденной Марьевской (?–1863). Варшавский банкир и купец. Коллекционер памятников старины и произведений искусства. Оружие из его обширного собрания демонстрировалось на выставке в Варшаве в 1881 г.

Был женат на Марии, урожденной Равич (1840–1922). Имел в браке дочь Ядвигу Марию (1873–1967), замужем за графом Антонием Потулицким (1856–1919)¹².

Вуйцицкий Казимир Владислав (1807–1879)

Сын Яна Вуйцицкого (1764–1840) и Софии, урожденной Зенкевич. Первоначальное образование получил в одной из польских школ пиаристов – католического монашеского ордена. В 1826–1827 гг. обучался на химическом отделении приготовительной школы Политехнического института в Варшаве, посещал также курсы права и литературы в Варшавском университете. В свободное от занятий время путешествовал по краю, собирал и изучал фольклор. Не окончив формально курс обучения, в 1827 г. начал журналистскую деятельность в «Варшавской газете». В 1830 г. опубликовал 3-томный труд «Народные пословицы».

После поражения восстания 1830 г. выехал в Восточную Пруссию, затем жил в Галиции. В 1834 г. вернулся в Царство Польское, некоторое время был под арестом, затем занимался арендой земельных участков. С 1845 г. жил в Варшаве. Служил главным библиотекарем и архивистом Сената, затем директором типографии и редактором «Юридической газеты». Активно участвовал в общественной жизни Варшавы. Небременные должностные обязанности представляли ему много времени для занятий литературой и издательской деятельностью, изучением истории Варшавы. В салоне Вуйцицкого бывали многие представители литературной, художественной и научной элиты Варшавы.

По некоторым сведениям, имел коллекцию памятников военной старины и оружия. Предметы из его собрания демонстрировались на Варшавской выставке памятников старины в 1856 г.¹³

Гембаржевский Бронислав (1872–1941)

Сын Казимира Гембаржевского и Евлалии, урожденной Завадской. Учился в VI гимназии в Варшаве, в 1891–1892 гг. выдержал испытание из полного гимназического курса Николаевской Царско-сельской гимназии. В 1892–1894 гг. обучался живописи в Академии художеств в Петербурге, в 1895–1896 гг. в Консерватории искусств и ремесел в Париже. Одним из его учителей был **Войцех Герсон (см.)**. В начале 1910-х гг. вместе с **Эдвардом Красиньским (см.)** и **Станиславом Патэком (см.)** занимался приведением в порядок коллекций Национального Польского музея в Рапперсвиле (Швейцария), основанного в 1870 г. Владиславом Плятером. После начала первой мировой войны служил в саперных частях в чине капитана. В 1913 г. руководил музейно-библиотечной комиссией в Варшаве, с этого же

времени был членом Общества охраны памятников истории в Варшаве, принимал участие в работе Императорского Русского военно-исторического общества. С 1916 г. директор Национального музея в Варшаве, с 1920 г. первый директор Военного музея и по сути один из его создателей. В 1921 г. был произведен в полковники. Числился в составе 1-го полка саперов.

Будучи директором Военного музея, организовал в нем иконографический архив, в 1929 г. издал каталог коллекции XVIII–XIX вв., подготовил множество выставок, посвященных истории польской армии, опубликовал десятки работ по этой тематике, в том числе по оружиюведению. Имел библиотеку по военной истории численностью 6000 томов.

Коллекционировал памятники военной истории и оружие, неоднократно передавал предметы из своей коллекции в фонды Военного музея¹⁴.

Герсон Войцех (1831–1901)

Польский художник-реалист и писатель. Обучался живописи в варшавской Школе изящных искусств и в петербургской Академии художеств, а затем в Париже у Леона Конье. С 1858 г. жил в Варшаве, занимался преподавательской деятельностью. Профессор искусств (1872–1896). Основной темой его произведений были горные пейзажи, городские зарисовки, историческая живопись. Наибольший

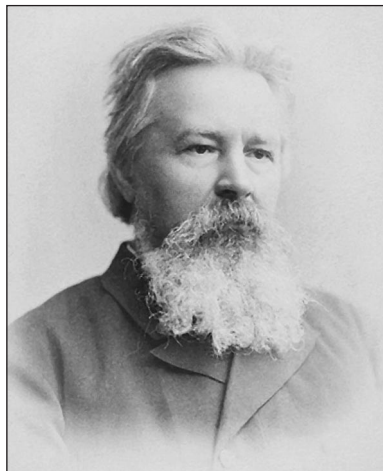

Рис. 2. В. Герсон

вклад в польское художественное искусство внес как график и создатель исторических полотен.

Был также автором ряда литературных работ, учебника по анатомии для художников, перевел на польский язык «Трактат о живописи» Леонардо да Винчи. Поместил много статей по вопросам искусства в варшавских периодических изданиях. С 1898 по 1901 гг. являлся президентом Коллегии костелов.

Был известен как коллекционер памятников военной старины и оружия. Предметы из его

коллекции демонстрировались на выставке памятников старины в Варшаве в 1887 г.

Имел дочерей Ядвигу (1862–1940) и Марию (1869–1942).

Коллекции, возможно, были унаследованы его старшей дочерью Ядвигой, которая была замужем за Михалом Бобиньским (1860–1914)¹⁵.

Добровольский Мечислав (?–?)

Житель Варшавы, коллекционер памятников военной старины и оружия в конце XIX – начале XX вв. Неоднократно продавал коллекционное оружие **Артуру Оппману (см.)**.

Во время Первой мировой войны продал все свое собрание известному коллекционеру **Станиславу Патэку (см.)**¹⁶.

Рис. 3. Я. Х. Домбровский

Домбровский Ян Хенрик (1755–1818)

Сын Яна Михала Домбровского (1718–1779) и Софии Марианны, урожденной Леттавы (?–1757). Знаменитый польский генерал, один из руководителей восстания 1794 г., создатель польских легионов, участвовавших в наполеоновских кампаниях 1797–1803 гг. В 1806 г. возглавлял восстание в западных областях Польши. В 1812 г. участвовал в походе Наполеона на Россию, командуя дивизией в корпусе маршала И. Понятовского. В октябре 1813 г., после гибели Понятовского, возглавил остатки польской армии. После

создания в 1815 г. Царства Польского в составе России участвовал в организации польской армии и получил от Александра I чин генерала от кавалерии и звание сенатора. В 1816 г. вышел в отставку и занимался написанием мемуаров.

Имел великолепную коллекцию старинного оружия, которая вошла в состав фондов музея Варшавского общества друзей наук, открытого в 1823 г. Впоследствии коллекция оружия Домбровского в 1834 г. была

вывезена в Петербург и находилась в оружейном собрании Николая I, в 1928 г. была возвращена в Польшу¹⁷.

Дызманьский Стефан (?-?)

Житель Варшавы, коллекционер памятников военной старины и оружия, участник выставки памятников старины в Варшаве в 1881 г.¹⁸

Замойские, графы

Польский род, на протяжении многих десятилетий собравший в Варшаве большие коллекции произведений искусства и памятников истории. В собрании Замойских имелась также и коллекция оружия.

В XIX в. наиболее известным представителем этого рода был граф Станислав Андреевич (Станислав-Костка) Замойский (1775–1856), сын графа Анджея Замойского (1716–1792) и Констанции, урожденной княжны Чарторыйской (1742–1797). С 1822 г. Президент Сената Царства Польского, с 1831 г. член Государственного совета. Был женат на Софье Адамовне, урожденной княжне Чарторыйской (1778–1837), представительнице аристократического рода, оставившего глубокий след в истории коллекционирования произведений

Рис. 4. Коллекция оружия Замойских

искусства и памятников старины в польских землях. После выхода в отставку в 1850 г. жил в Вене. Роду Замоиских принадлежало имение Замостье Замостинского уезда Люблинской губернии.

Старинное оружие хранилось, очевидно, и в варшавском дворце Замоиских, и в имении Замостье, хотя обычно историки, упоминая о коллекциях Замоиских, говорят в основном о Варшаве. Не исключено, что после смерти С.А. Замоиского семейное оружейное собрание было частично раздроблено и некоторые его предметы стали составной частью личных домашних коллекций детей графа. У Станислава Андреевича и Софьи Адамовны Замоиских было семь сыновей и три дочери:

- Констанций (1799–1865), женатый на Анеле, урожденной княжне Сапега (1801–1855);

- Анджей Артур (1800–1875), известный польский общественный деятель, женатый на Розе, урожденной графине Потоцкой (1802–1862);

- Ян Баптист (1802–1879), женатый на Анне, урожденной графине Мицельской (1818–1859);

- Владислав (1803–1868), во второй половине 1820-х гг. адъютант великого князя Константина Павловича, женатый на Ядвиге, урожденной графине Дзялыньской (1831–1922), дочери графа Титуса Адама Дзялыньского;

- Селестина (1805–1883), замужем за графом Титусом Адамом Дзялыньским (1797–1861);

- Ядвига (1806–1890), замужем за князем Леоном Сапегой (1802–1878);

- Здзислав (1810–1855), женатый на Юозефе, урожденной Валицкой (1808–1880);

- Эльжбета (1818–1857), замужем за Зеноном Бжозовским (1806–1887);

- Станислав (1820–1889), женатый на Розе Марии, урожденной графине Потоцкой (1831–1890);

- Август (1824–1889), женатый на Эльфриде, урожденной Тизенгауз (1825–1873).

Оружейные памятники из собрания Замоиских были представлены большими коллекциями на выставках памятников старины, проходивших в Варшаве в 1881 и 1889 гг., на 1-й Международной выставке костюма, состоявшейся в Петербурге в 1902 г., а также на выставке, посвященной Богородице, в Варшаве в 1905 г.¹⁹

Карницкий Юстиниан (1806–1876)

Сын Миколая Карницкого (1772–1826) и Дороты, урожденной Немирович (ок. 1770–1813). Первый директор Музея изящных искусств в Варшаве.

Коллекционер произведений искусства, памятников старины, оружия. В своем особняке на Мазовецкой улице создал настоящий музей, в котором хранились среди прочих предметов доспехи, шлемы, булавы и пр.²⁰

Квятковский Франтишек (Франц Михайлович) (?–?)

Житель Варшавы. На 1869 г. помощник прокурора криминального суда, на 1874 г. ассессор Варшавского уголовного суда.

Коллекционер памятников старины, оружия²¹.

Колясинский Войцех (1852–1916)

Житель Варшавы, художник-реставратор, коллекционер памятников военной старины и оружия. В 1881 г. демонстрировал предметы из своего собрания на выставке памятников старины в Варшаве. Представил самую большую коллекцию памятников военной старины и оружия из всех участников в 1887 г. на выставке аналогичного содержания, также проходившей в Варшаве. Был активным участником 1-й Международной выставки костюма, проходившей в 1902 г. в Петербурге, и выставки, посвященной Богородице, в Варшаве в 1905 г. В 1912 г. экспонент временного музея памяти 1812 г. в Варшаве.

Рис. 5. В. Колясинский

В июне 1917 г. коллекции Колясинского были распроданы в Берлине. Согласно аукционному каталогу, на продажу были выставлены 236 единиц старинного оружия и вооружения: много шлемов, мечи, сабли, шпаги, стилеты, восточные и польские клинки, несколько доспехов XVI в., ручное огнестрельное оружие XVII–XVIII вв.²²

Коссецкие:
Франтишек Ксаверий (1778–1857)
Станислав (?–1873)

Рис. 6. Ф. К. Коссецкий

Франтишек Ксаверий – сын Станислава Коссецкого (1739–1820) и Юзефы, урожденной Вислоцкой. Службу начал в Интендантском комиссариате польских коронных войск. После поражения восстания Т. Костюшко в 1797 г. переехал в Италию и вступил в польский легион подпоручиком. С 1798 г. адъютант генерала Кароля Княжевича. Участвовал в сражениях 1800–1801 гг. в чине капитана. В 1801–1807 гг. в отставке, в 1807 г. был зачислен в состав т. н. северных польских легионов на должность

командира пехотного батальона и одновременно начальника штаба при генерале Зайончке. Участвовал в боевых действиях, в 1808 г. был произведен в майоры и в том же году в полковники. В 1812 г. участвовал в походе в Россию, был произведен в генерал-майоры. В 1813 г. участвовал в обороне крепости Модлин, был взят в плен русскими войсками. В 1815 г. был освобожден, до 1916 г. командовал 2-й бригадой 1-й пехотной дивизии Царства Польского, затем перешел на гражданскую службу, хотя оставался в списках польских войск и в 1826 г. был произведен в дивизионные генералы. После начала восстания 1830 г. уехал во Вроцлав, а оттуда в Петербург с верноподданническим адресом, обращенным к царю. После подавления восстания вернулся в Варшаву уже генералом русской службы. В 1831–1832 гг. входил в состав Временного правления Царства Польского.

Увлекался коллекционированием монет, собирал специализированную библиотеку по нумизматике, численность которой достигала 2000 томов. Имел также собрание памятников военной старины и оружия, вероятно, в основном трофеев.

Был женат на Софии, урожденной Вислоцкой (?–1835), имел в браке дочь и двух сыновей. Все коллекции перешли к старшему сыну Станиславу.

Станислав – камергер российского двора, имел чин действительного статского советника, входил в состав наблюдательного совета Варшавско-Венской железной дороги. Ему принадлежали имения Грабув и Грондув в Варшавской губернии.

В 1856 г. предметы из семейной коллекции Коссецких демонстрировались на выставке памятников старины в Варшаве.

Станислав Коссецкий был женат на Ольге, урожденной Бжозовской (?–1903), имел в браке трех дочерей²³.

Красиньские, графы:

Викентий Иванович (Винцент Корвин) (1782–1858)

Владислав Винцент (1844–1873)

Адам (1870–1909)

Юзеф (1848–1918)

Эдвард (1870–1940)

Викентий Иванович – сын графа Яна Красиньского (1756–1790) и Антонины Анны, урожденной Чацкой (ок. 1756–1834). Получил домашнее воспитание. В 1791 г. зачислен в польскую кавалерию. В 1795 г. вышел в отставку, 9 лет был не у дел. В 1806 г. снова принят на военную службу полковником польского уланского полка в Варшаве. Воевал на стороне Наполеона, в 1811 г. возведен в графское достоинство Французской империи. Отличался исключительной личной храбростью. Из 10 полученных им ран 9 были нанесены холодным оружием в кавалерийских схватках. В 1814 г. стал командующим всеми польскими войсками во Франции, после

Рис. 7. Оружие Красиньских

отречения Наполеона привел остатки польского корпуса на родину. Эти войска составили основу будущей польской армии русской части Польши. После образования Царства Польского назначен командиром польской гвардии, в 1818 г. пожалован императором Александром I в генерал-адъютанты и назначен маршалом Сейма. В 1826 г. произведен в генералы от кавалерии, в 1832 г. назначен членом Государственного совета. Умер в Варшаве.

Поляки ненавидели Красиньского за его принадлежность к правительственной партии. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. Красиньский остался в числе немногих верноподданных русского царя, но от участия в подавлении восстания уклонился.

Был женат на Марие Урсуле, урожденной княжне Радзивилл (1777–1822), дочери князя Доминика Радзивилла (1754–1798) и Констанции, урожденной Гуттен-Чапской (1750–1791). Супруги были основателями коллекции оружия, пополнявшейся на протяжении многих лет предметами из собраний боковых линий семьи. Фактически эта коллекция была частью большого домашнего музея, формировавшегося в Опиногуре Гурной – родовом имении Красиньских. На первых порах музей создавался в основном усилиями Марии Урсулы, которая подражала в этой деятельности И. Чарторыйской. Красиньский поддерживал супругу во всех начинаниях, а после ее смерти продолжал пополнять коллекции.

В 1843 г. в Опиногуре Гурной был построен новый дворец в неоготическом стиле, в котором был размещен разросшийся к тому времени музей. В оружейном собрании Красиньского было много настоящих реликвий польской истории, в том числе оружие Кшиштофа Радзивилла, Сигизмунда II Августа, Владислава IV, булава Б. Хмельницкого, палаши Стефана Батория, Сигизмунда Старого и Яна Тарновского.

В 1851 г. основные коллекции были перевезены из Опиногуры Гурной в Варшаву, где для них были пристроены к дворцу два специальных флигеля.

Викентий и Мария Красиньские имели единственного наследника – сына Зигмунта (1812–1859), известного польского поэта, умершего через год после смерти отца и фактически не успевшего вступить во владение имением. Зигмунт и его супруга Элиза, урожденная графиня Браницкая (1820–1876) имели трех детей:

- Владислава Винцента (1844–1873);
- Зигмунта Винцента (1846–1867);

- Марию Беатрикс (1850–1884), замужем за графом Эдвардом Рачиньским (1847–1926), коллекционером произведений искусства.

Ординацию и основные коллекции унаследовал старший сын Владислав Винцент. Он учился во Франции; вернувшись на родину, в 1869–1872 гг. выпустил 4 тома издания «Biblijoteka Ordynacyi Krasin'skich» по рукописям своего книжного собрания. Издал нескольких брошюр по праву и политической экономии, а также работу по истории дипломатии в Польше.

В 1861 г. в состав варшавских коллекций Красиньских вошел музей Константина Свидзиньского. Согласно завещанию Свидзиньского, годом ранее при ординации Красиньских был образован так называемый Библиотечный совет, который должен был заниматься не только судьбой огромной библиотеки Красиньских, но и другими коллекциями. В совет, кроме Владислава и Людвика, вошли известные польские деятели культуры и коллекционеры: Юлиан Бартошевич, **Казимир Вуйцицкий (см.)**, Юзеф Корзенёвский, Юзеф Игнаций Крашевский, Леон Любеньский, Владислав Малаховский, Эразм Малаховский, **Александр Пшездецкий (см.)**, Эдвард Руликовский, Эдмунд Руликовский, Адам Якубовский.

В 1863 г. большая часть коллекции оружия Красиньских была вывезена в Петербург, где до 1869 г. находилась у графов Воронцовых, затем была снова возвращена в Варшаву.

Примерно в это же время в Варшаву были перевезена коллекция оружия Кароля Красиньского, хранившаяся ранее в принадлежавшем этой ветви рода имении Радзеёвице.

Владислав Винцент Красиньский был женат на Розе, урожденной Потоцкой (1849–1937), имел в браке двух детей, доживших до взрослых лет:

- Адама (1870–1909);

- Эльжбету (1871–1905), замужем за графом Яном Тышкевичем (1867–1903).

Ординацию и коллекции унаследовал Адам. При нем оружие из собрания Красиньских неоднократно демонстрировалось на различных выставках: в 1881 и 1889 гг. в Варшаве, в 1902 г. в Петербурге на 1-й Международной выставке костюма, в 1905 г. на выставке в Варшаве. В 1904 г. Адам Красиньский участвовал в выставке предметов искусства в Санкт-Петербурге. Среди множества выставленных предметов из коллекций Красиньских были представлены и предметы вооружения в количестве 13 единиц:

4 сабли, кончар, 4 восточных ножа и кинжала, щит, ружье, булатный клинок, шпага.

Поэт, доктор философии Адам Красиньский был женат на Ванде Марии Эмилии, урожденной графине Бадени (1874–1950), детей в браке не имел. Варшавский дворец он завещал своей матери, а библиотеку и музей своему дальнему родственнику Юзефу Красиньскому.

Юзеф Красиньский – сын графа Адама Хенрика Красиньского (1821–1903) и Каролины, урожденной графини Мицельской (1825–1912). Член Варшавского благотворительного общества и Варшавского гребного клуба, известный организатор сельскохозяйственных выставок.

Был женат на Хелене, урожденной графине Стадницкой (1844–1927), имел в браке семь детей, из которых дожили до взрослых лет старший сын Эдвард и три дочери.

Эдвард Красиньский и был последним владельцем ординации Красиньских, в том числе всех основных коллекций. Он получил образование в гимназии Св. Анны в Кракове и сельскохозяйственной школе в Модлинге близ Вены (Австро-Венгрия). В дальнейшем занимался сельским хозяйством в родовом имении Радзеёвицы. Активно участвовал в культурной жизни, был почетным членом Общества польских библиофилов, с 1910 г. был председателем варшавского Общества охраны памятников истории. Поддерживал дружеские связи с Г. Сенкевичем, имевшим, кстати, большое оружейное собрание. Перед Первой мировой войной тесно сотрудничал с **Б. Гембаржевским (см.)** в вопросах упорядочения коллекции Национального музея в Варшаве. С юности увлекался военной историей, за многие годы собрал богатейшую в Европе коллекцию оружия наполеоновской эпохи. Автор нескольких книг мемуаров. Погиб в концлагере Дахау.

В настоящее время большая часть коллекции оружия Красиньских находится в Военном музее в Варшаве²⁴.

Лессер Александр (1814–1884)

Исторический живописец. Сын известного варшавского купца Леви Лессера (1791–1870) и Ружы, урожденной Лёвенштайн (1790–1840). Окончил гимназию в Варшаве. В 1830–1831 гг. учился на факультете изящных искусств Варшавского университета, затем в 1832–1835 гг. в Дрездене, в 1836–1840 гг. в Мюнхене. Путешествовал

Рис. 8. А. Лессер

по Европе. В 1846 г. возвратился в Варшаву, где открыл собственную студию, в которой обучал любителей рисованию. В 1858 г. стал кандидатом на должность профессора рисования в Школе изящных искусств в Кракове. Уже в эти годы играл весьма существенную роль в художественной жизни Варшавы. С 1860 г. был членом Краковского научного общества, с 1878 г. входил в Комиссию по истории искусств Академии наук.

Был ярким представителем так называемого археологического направления в польской живописи, существовавшего еще до наступления эпохи расцвета творчества выдающегося польского исторического живописца Яна Матейки. Очевидно, с этим и было связано увлечение Лессера коллекционированием памятников польской старины, в том числе и старинного польского оружия, произведений декоративно-прикладного искусства.

Писал не только исторические картины, но и портреты польских деятелей, иллюстрировал книги, разрабатывал костюмы для постановок варшавских театров, с 1870-х гг. занимался также художественной критикой.

Внушительные коллекции Лессера хранились в Варшаве, что было зафиксировано в списке польских коллекционеров и владельцев собраний памятников старины, опубликованном в 1870 г. К сожалению, данные о судьбе коллекций выявить не удалось.

С 1864 г. был женат на Юлии, урожденной Бергсон (1839–1918). Умер в Кракове, похоронен в Варшаве²⁵.

Лессер Даниэль (1821–1884)

Сын варшавского купца Леви Лессера (1791–1870) и Ружы, урожденной Лёвенштайн (1790–1840), родной брат **А. Лессера (см.)**. Варшавский банкир. Коллекционер оружия. Предметы из его коллекции демонстрировались на варшавских выставках памятников старины в 1881 и 1887 гг.²⁶

Лоский Юзеф (1827–1885)

Историк и археолог-любитель, рисовальщик, гравер, фотограф. Владелец имения Костомлоты в Бельском уезде Седлецкой губернии. Занимался раскопками в окрестностях своего имения, коллекционировал археологические памятники, медали. Публиковался в периодических изданиях, в 1883 г. выпустил книгу о короле Яне Собесском.

В собрании Лоского имелась также коллекция оружия.

В 1856 г. предметы из собрания Лоского демонстрировались на варшавской выставке памятников старины. С 1875 г. после продажи имения жил в Варшаве²⁷.

Лубеньский Феликс Михал (1810–1890)

Граф, сын графа Петра Лубеньского (1786–1867) и Барбары, урожденной Шимановской (1789–1856). Коллекционер памятников военной старины и оружия. Предметы из его собрания демонстрировались на выставке памятников старины в Варшаве в 1881 г.

Был женат на Гортензии, урожденной Дзежбицкой (1816–1891), имел в браке двух сыновей и двух дочерей. Коллекции перешли к его младшему сыну Ксаверию Францишеку (1840–1914), женатому на Хелене, урожденной Груциньской (1842–1918).

Собственное собрание памятников старины имел брат Феликса Михала, граф Павел Лубеньский (1817–1892), крупный землевладелец, известный публицист. Это собрание хранилось в Варшаве, в собственном доме П. Лубеньского²⁸.

Лутостаньский Болеслав (?–?)

В 1910-х – 1920-х гг. житель Варшавы, коллекционер польского фарфора и стекла, живописи, польского оружия²⁹.

Лябенцкий Иероним Хиларий (1809–1862)

Сын известного варшавского адвоката Антония Лябенцкого и Евы, урожденной Воловской. Окончил лицей в Варшаве, затем изучал право в Варшавском университете. В 1829 г. получил диплом магистра права и поступил на службу в Горное министерство Царства Польского. Участвовал в восстании 1830 г. в чине поручика артиллерии, после поражения восстания два года жил в эмиграции, изучал горное дело в Англии, Германии, Чехии. После возвращения в Польшу в 1833 г. служил в администрации государственных горных

и металлургических предприятий, к концу жизни достиг высокого поста руководителя этой отрасли в Царстве Польском.

Был большим знатоком истории горного дела и горного права, минералогии и геологии. Опубликовал около 50 работ по этой тематике. Являлся членом-корреспондентом Краковского научного общества и Немецкого геологического общества.

Имел коллекцию памятников военной старины и оружия, возможно, заложенную его отцом. Предметы из его собрания демонстрировались на Варшавской выставке памятников старины в 1856 г.

Был женат на Фелиции, урожденной Тжетжевинской (?–1850), имел в браке двух дочерей³⁰.

Магнус Виктор Владислав (1833–1912)

Сын Кароля Магнуса и Юзефы, урожденной Мрозовской. В 1851 г. окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте близ Варшавы. До 1863 г. работал в казенных лесничествах в Люблинской и Плоцкой губерниях. В 1863 г. был уволен со службы в связи с участием его близкого родственника в восстании. Доходы с варшавской недвижимости жены позволили Магнусу заняться в дальнейшем предпринимательской и благотворительной деятельностью. В 1872–1905 гг. он был членом правления кооператива «Меркурий». Состоял в Варшавском благотворительном обществе. Руководил созданной по инициативе Болеслава Пруса ссудной кассой для рабочих и ремесленников, работал в Варшавской промышленной ссудной кассе. Часто выступал меценатом деятелей искусства, поддерживал Общество взаимопомощи музыкантов и Варшавскую филармонию. В 1911 г. подарил 20 икон Музею изобразительных искусств.

Имел коллекцию оружия, которая была представлена отдельными предметами на выставке памятников старины в Варшаве в 1881 г.³¹

Малаховские, графы:

Онуфрий (1788–1848)

Мария Фелиция (1807–1870)

Сенатор Царства Польского граф Онуфрий Малаховский – сын великого коронного писаря Антония Малаховского (1740–1796) и Катаржины, урожденной Дзяльньской (1753–1814). Был женат на Марии Фелиции, урожденной графине Тарновской.

В собрании Онуфрия и Марии Фелиции Малаховских хранилась коллекция оружия. Предметы из этой коллекции демонстрировались в 1856 г. на выставке памятников старины в Варшаве.

Брак Онуфрия и Марии Фелиции был бездетным, поэтому их коллекции перешли к племяннице Онуфрия, графине Гортензии Малаховской (1810–1889)³².

Мейет Леопольд (1850–1912)

Юрист, литератор, коллекционер. Учился в школе Я. Лещинского и 1-й реальной гимназии в Варшаве, в 1870 г. защитил диплом в Варшавском университете. Сотрудничал с варшавскими периодическими изданиями, писал статьи по вопросам юриспруденции. С 1876 г. служил присяжным поверенным, занимался в основном имущественными делами. В 1884 г. открыл собственное издательство в Варшаве. Поддерживал дружеские отношения с многими польскими писателями, в особенности с Элизой Ожешко.

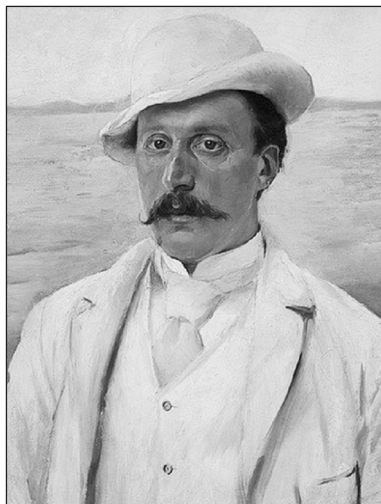

Рис. 9. Л. Мейет

Получил известность как один из крупных коллекционеров памятников польской истории и культуры эпохи романтизма. В его собрании существовали целые разделы, посвященные Ф. Шопену, С. Монюшко, А. Мицкевичу, Ю. Словацкому, З. Красиньскому. Наряду с рукописями, редкими книгами, гравюрами, рисунками, портретами приобретал в свое собрание и другие предметы, в том числе связанные с военной историей Польши (оружие).

В 1889 г. предоставил памятники военной истории и оружие из своего собрания для выставки памятников старины, проходившей в Варшаве.

Коллекции Мейета были доступны для исследовательской работы. Все они были завещаны библиотекам и музеям. В частности, вещественные памятники попали в Варшавский городской музей, в настоящее время Национальный музей³³.

Мостовский Тадеуш (?-?)

Владелец имения Мостово в Варшавской губернии, коллекционер европейского оружия³⁴.

Непрос Эдвард (1870–1928)

Сын известного варшавского коллекционера произведений искусства Августа Непроса (1837–1893) и Клементины, урожденной Адольф (1848–1922). Выпускник варшавского торгового училища им. Л. Кроненберга. Житель Варшавы, предприниматель, председатель Союза парфюмерной промышленности Польши.

Коллекционер живописи, керамики, мебели, серебра, старинного оружия, почтовых марок. В 1930 г. в Варшаве были организованы выставка и аукцион предметов из его коллекции (1203 лота)³⁵.

Оппман Артур (1867–1931)

Известный польский поэт немецкого происхождения (псевдоним *Og-Ot*). Родился в Варшаве. Учился в гимназии, затем в торговой школе имени Л. Кроненберга. В 1890–1892 гг. изучал филологию в Ягеллонском университете в Кракове. После женитьбы на Владиславе, урожденной Трынкевич, прервал обучение и вернулся в Варшаву. Публиковался в различных изданиях, выпускал сборники стихов. В наиболее характерных его произведениях идеализировалась местная старина, прослеживалось тяготение к средневековой эпохе и ее цельным натурам. Оппмана называли «певцом стародавней мещанской культуры, мало-помалу исчезающих древних памятников».

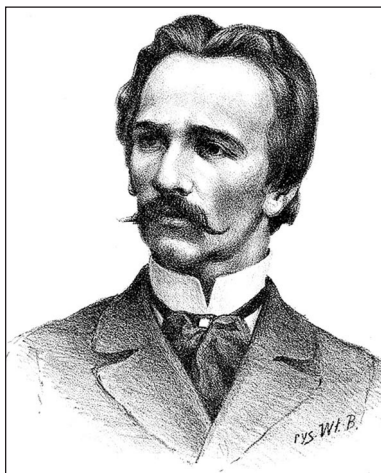

Рис. 10. А. Оппман

Был широко известен и как коллекционер произведений искусства, памятников военной старины и оружия. В 1910 г. приобрел в Варшаве старый дом, когда-то принадлежавший видному общественному деятелю Станиславу Сташицу (1755–1826), отреставрировал его и разместил там свою коллекцию, сделав ее доступной для посещений.

Многие предметы для своего собрания приобретал у другого варшавского коллекционера оружия **Мечислава Добровольского (см.)**³⁶.

Павлишак Вацлав (1866–1905)

Польский художник, рисовальщик, иллюстратор. Сын директора Кредитного общества в Варшаве. Учился рисунку сначала в варшавских Рисовальных классах у **В. Герсона (см.)**. С 1880 г. учился у выдающегося исторического живописца Я. Матейки в краковской Школе изящных искусств. Стажировался в Париже и Мюнхене. Увлекался Востоком, работал для турецкого султана в Константинополе. Привез оттуда коллекцию восточного оружия и тканей, которую пополнял предметами, привезенными из творческих экспедиций в Далмацию, Албанию, Иран, Ирак, Италию. Был спортсменом, много занимался верховой ездой, стрельбой и фехтованием.

Оружие из коллекции художника было представлено на 1-й Международной выставке костюма в Петербурге в 1902 г.

18 января 1905 г. смертельно ранен выстрелом из пистолета скульптором Ксаверием Дуниковским в одном из варшавских ресторанов³⁷.

Патэк Станислав (1866–1944)

Сын Александра Патэка и Эмили, урожденной Мисевич. В 1885 г. окончил гимназию в Радоме. Учился на юридическом факультете Варшавского университета. С 1894 г. вел адвокатскую практику в Варшаве. С 1900-х гг. занимался активной политической деятельностью. В 1919–1920 гг. министр иностранных дел Польши, в 1921–1926 гг. польский посол в Токио, в 1926–1932 гг. посол в Москве.

Крупный коллекционер. В сфере его интересов была живопись, керамика, монеты, медали, памятники польской военной истории, в том числе награды, униформа и оружие, японское оружие и его элементы³⁸.

Пех Антоний (?–?)

В 1910-х гг. житель Варшавы, коллекционер живописи, польского, саксонского, китайского и корейского фарфора, польского оружия³⁹.

Подчашиньский Болеслав Павел (1822–1876)

Сын профессора архитектуры Виленского университета Кароля Подчашиньского (1790–1860) и Евы, урожденной Пальчевской.

Изучал природоведческие науки в медицинской школе и литературе в духовной семинарии. Продолжил образование в Париже, где изучал архитектуру. В 1845 г. вернулся в Польшу и сдал экзамен на звание вольнопрактикующего архитектора II класса. Автор зданий в Варшаве и других городах Царства Польского.

Коллекционировал произведения искусства, памятники старины, в том числе оружие. Демонстрировал предметы из своего собрания на варшавской выставке памятников старины в 1856 г.⁴⁰

Потоцкие, графы:

Станислав Костка (1755–1821)

Александр Станислав (1778–1845)

Август Александр (1805–1867)

Александра (1818–1892)

Рис. 11. А. А. Потоцкий

Владельцы Вилановского дворца на южной окраине Варшавы, в котором больше ста лет хранилась одна из родовых оружейных коллекций графов Потоцких.

В 1680-х – начале 1690-х гг. дворец в Виланове был роскошной резиденцией польского короля Яна III Собеского. После его смерти в 1696 г. дворец наследовали его сыновья. В 1720 г. дворец был продан Елизавете Сенявской, вдове великого коронного гетмана. Затем дворец еще дважды менял хозяев, постепенно приходя в упадок. В 1778 г. Виланов перешел в руки Изабеллы Любомирской, урожденной княжны Чарторьской (1736–1816). Былое великолепие дворца восстановил граф Станислав Костка Потоцкий,

в 1776 г. женившийся на княжне Александре Любомирской (1760–1831), дочери Станислава (1722–1783) и Изабеллы Любомирских.

Интерьеры дворца снова заполнились произведениями искусства и богатыми коллекциями, в том числе великолепным оружейным

собранием; для этого оружие частично было перевезено из других владений, принадлежавших этой ветви рода Потоцких. Некоторые комнаты, специально посвященные памяти Яна III Собеского, также были украшены старинным оружием. В 1805 г. во дворце был открыт один из первых польских музеев.

Станислав Костка после образования Царства Польского был назначен императором Александром I на должность министра исповеданий и народного просвещения, состоял в этой должности до декабря 1820 г. В 1818 г. был назначен также президентом Сената Царства Польского.

После его смерти Виланов и хранившиеся там коллекции перешли к его единственному сыну Александру Станиславу.

Александр Станислав в 1802 г. был посвящен в рыцари Мальтийского ордена. В 1812 г. член Временного правительства Великого княжества Литовского. В 1824–1831 гг. сенатор-каштелян Королевства Польского. В 1832–1833 и с 1838 г. обер-шталмейстер. Был женат дважды. В первом браке состоял в 1805–1821 гг. с Анной, урожденной графиней Тышкевич (1779–1867), имел от нее дочь и двух сыновей:

- Августа Александра (1805–1867);
- Мауриция (1812–1879), отца графа **Августа Потоцкого (см.)**.

Во втором браке с Изабеллой, урожденной графиней Мостовской (1807–1897), имел сына Станислава (1825–1887).

Следующим владельцем Виланова был Август Александр Потоцкий. После поражения восстания 1830–1831 гг. он перебрался в Галицию. После женитьбы на графине Александре Потоцкой (1818–1892) был прощен, получил возможность бывать при дворе. В середине 1840-х гг. переехал с женой в Варшаву. Супруги заботились об улучшении вилановской резиденции, обновлении парка и дворца, обогатили его собрание новыми произведениями искусства, финансировали строительство костела в Виланове, а в 1847 г. выделили средства на содержание госпиталя им. Александра Потоцкого.

В Виланове хранилась также коллекция оружия графа Франтишека (Франца Викентьевича) Потоцкого (1788–1853). Основа ее была заложена в XVIII в. отцом Ф. Потоцкого, Винцентием Потоцким (1740–1826). Коллекция складывалась в принадлежавшем этой ветви рода имении Збараж в Волынской губернии. После продажи имения в 1830-х гг. это оружейное собрание было перевезено в Вилановский дворец.

После смерти мужа Александра Потоцкая унаследовала Виланов. В 1850-х гг. сюда из Петербурга была перевезена личная коллекция оружия и библиотека ее отца, графа Станислава Потоцкого (1787–1831). Многие предметы из коллекции оружия С. Потоцкого демонстрировались на выставке памятников старины в Варшаве в 1856 г.

Будучи очень набожной, графиня отошла от мирской жизни, посвятив себя благотворительности. В 1883 г. она подарила нумизматическую коллекцию и часть собрания оружия из Виланова жившему в Австрии родственнику Анджею Казимиру Потоцкому (1861–1908), с 1903 г. наместнику Галиции.

В 1892 г. Виланов по завещанию Александры Потоцкой перешел к ее кузену графу Ксаверию Браницкому (1864–1926)⁴¹.

Потоцкие, графы:

Август (184–1905)

Мауриций (1894–1949)

В середине XIX – начале XX в. – владельцы имения Яблонна в окрестностях Варшавы, в котором хранилась коллекция оружия, принадлежавшая в начале XIX в. легендарному польскому генералу Юзефу Понятовскому (1763–1813), ставшему символом борьбы за независимость Польши.

Август Потоцкий – сын графа Мауриция Людвика Евстафия Потоцкого (1812–1879) и Людвики Жозефины, урожденной Бобр-Петровицкой (1825–1890). Был женат на Евгении, урожденной Войнич-Сяножецкой.

В 1856 г. оружие из коллекций Понятовского и Потоцких демонстрировалось на выставке памятников старины в Варшаве.

Последним владельцем Яблонны перед революцией был их сын Мауриций, известный польский меценат и организатор охот в 1920-х гг.

В июле 1944 г. представители семьи Потоцких перевезли самые ценные предметы из коллекций в Яблонне в Варшаву, благодаря чему часть их сохранилась. Возможно, среди них были и оружейные памятники из собрания Понятовского.

Пшездецкие, графы:

Михал (1747–1799)

Александр (1814–1871)

Константин Александрович (1846–1897)

Ян Александр (1877–1944)

Рейнольд (1884–1955)

Рис. 12. А. Пшездецкий

Польские аристократы, владельцы собрания живописи, памятников старины, огромной библиотеки, архива. Среди коллекций имелись и собрания оружия. В середине XIX в. многие коллекции были перевезены из провинции, в основном из белорусских усадеб, в Варшаву, где для них было построено специальное здание. Почти все эти коллекции погибли при штурме Варшавы в 1939 г.

В имении Ракишки в Ковенской губернии хранилась великолепная коллекция западноевропейской живописи, а также коллекция оружия. В 1881–1890 гг.

имением (ранее принадлежавшим роду Тизенгауз) владела Мария, затем Ян Александр, который в 1912 г. был участником временной выставки памяти 1812 г. в Варшаве.

Михал – сын Антония (1718–1772) и Катаржины, урожденной княжны Огиньской. В браке с Марианной Марией, урожденной Мостовской, имел двух сыновей – Кароля и Константина (1782–1856). Кароль, дважды состоявший в браке, потомства не оставил. У Константина и его жены Аделаиды, урожденной Олизар-Волчеквич (1794–1848) было три сына: Александр (1814–1871), Мечислав (1816–1873) и Кароль (1818–1882).

Граф Александр – известный археолог, историк, искусствовед, коллекционер памятников старины. Много занимался историей частных художественных коллекций Виленского края. Собрал большую библиотеку по истории Польши. После женитьбы на Марии Константиции, урожденной Тизенгауз (1827–1890) к Александру перешло

имение Тизенгауз, в котором хранились богатые родовые собрания Тизенгаузов и Гюнтеров.

В 1881 и 1889 гг. вдова Александра, Мария, предоставляла некоторые оружейные памятники из родового собрания на выставки памятников старины, проходившие в Варшаве.

Сын Александра и Марии Константиновны Константин Александрович (1846–1897) был известным библиофилом. Унаследовал библиотеку отца. В Варшаве для нее было построено специальное здание. Библиотека насчитывала более 24 000 томов, а также 1050 инкунабул, рукописи, иконы, гравюры, автографы. Константин был женат на Эльжбете, урожденной графине Плятер (1844–1907). Их сын дипломат Рейнольд (1884–1955), брат вышеупомянутого Яна Александра, был одним из организаторов Общества охраны памятников старины, созданного в Варшаве в 1906 г. Имел коллекции керамики, различных памятников старины, живописи и оружия.

Имеются сведения о том, что другой сын Константина, Юзеф Александр (1872–1956) в 1909 г. передал в дар музею Виленского общества друзей науки коллекцию оружия.

Собрание древностей хранилось также в имении Пшездецких Черный Остров в Волынской губернии⁴².

Радзивиллы, князя

Михал Петр (1853–1903)

Януш Франтишек Ксаверий (1880–1967)

Рис. 13.
Я. Ф. К. Радзивилл

Михал Петр – сын Кароля Анджея Радзивилла (1821–1886) и Ядвиги, урожденной Собаньской (1830–1900). Во второй половине XIX – начале XX вв. владелиц замка Неборов под Варшавой. В замке хранилась большая библиотека, коллекции медалей и печатей, западноевропейской живописи, гравюр, большое собрание старинного польского оружия. Михал Петр был известным коллекционером памятников старины, демонстрировал свои коллекции на выставках 1881 и 1889 гг. в Варшаве. Был женат на Марии Еве, урожденной Завиша (1860–1930), детей в браке не имел. После его смерти Неборов и хранившиеся в нем

коллекции перешли к его дальнему родственнику Яну Франтишеку Ксаверию Радзивиллу.

Ян Франтишек Ксаверий – князь из рода Радзивиллов Олыкской ординации, сын Фердинанда Фридерика Радзивилла (1834–1926) и Пелагеи, урожденной княжны Сапега (1844–1929).

В 1939 г. Ян Франтишек был арестован советскими войсками, помещен на Лубянку. Завербован НКВД. По свидетельству советского разведчика П. Судоплатова, Я. Радзивилл вместе с актрисой Ольгой Чеховой должны были помочь в организации покушения на Гитлера. После Варшавского восстания Радзивилл был арестован немцами и заключен вместе с женой в тюрьму Моабит. В 1944 г. был освобожден.

Был женат на Анне Ядвиге, урожденной княжне Любомирской (1882–1947)⁴³.

Сапега Антоний (?–?)

В начале XX в. житель Варшавы, коллекционер миниатюры, памятников военной старины и оружия, экспонент временного музея памяти 1812 г. в Варшаве⁴⁴.

Сокольниковский Михал (1760–1816)

Сын Франтишека Сокольниковского (1729–1780) и Урсулы, урожденной Поклятецкой. Дивизионный генерал польской армии. Образование получил в кадетском корпусе в Варшаве. Службу начал в 1780 г. подпоручиком в инженерной школе, затем служил в топографическом бюро в Вильне. В 1789 г. подполковник, главный директор Виленской инженерной школы. В 1790 г. совершил поездку по Германии, во время которой собрал ценную разведывательную информацию и изучил топографию ее территории. Во время восстания 1794 г. в чине полковника командовал кавалерийским полком. Был произведен в генерал-майоры польской армии. В 1795 г. был взят в плен и отправлен в Петербург. После освобождения эмигрировал во Францию. С июля 1797 г. командовал бригадой в легионе генерала Княжевича. Воевал в составе Итальянской армии. В 1799 г. командовал пехотой польских легионов, а затем возглавлял их штаб. Участвовал в сражении при Гогенлиндене. В 1802 г. был произведен И. Мюратом в бригадные генералы и назначен инспектором 3-й польской полубригады. В 1802–1803 гг. участвовал в экспедиции в Сан-Доминго. В ходе реформы французской армии в 1803 г. был переименован

в полковники. В 1807 г. в чине бригадного генерала польской армии получил пост в кавалерийской дивизии 10-го корпуса маршала Лефевра. Участвовал в сражении при Данциге. С августа 1807 г. командовал кавалерией 3-го польского легиона, с января 1809 г. – кавалерийской бригадой 3-й польской дивизии. В 1809–1810 гг. служил в польской армии, затем снова перешел на французскую службу. Как имевший большой опыт ведения разведывательной работы, перед началом войны с Россией возглавлял специальное бюро при Главном штабе Франции; в ведении этого бюро находилась вся военная разведка в России. Руководил вербовкой и засылкой агентов в Прибалтийские губернии, на Украину, на дороги Центральной России. В 1812 г. был представителем польской армии в ставке Наполеона. Участвовал в Бородинском сражении и был ранен. В 1813 г. воевал в Саксонии. После отречения Наполеона в мае 1814 г. по приглашению Александра I переехал в Царство Польское, получил чин генерал-лейтенанта. Принимал активное участие в создании новой польской армии.

На протяжении многих лет собирал оружие, памятники военной истории, связанные с прошлым польской армии. Неоднократно передавал предметы из своей коллекции в музей Изабеллы Чарторыйской в Пулавах⁴⁵.

Стефанович Юзеф (?–?)

Житель Варшавы в 1860-х – 1870-х гг., инспектор соляной торговли, владелец коллекции оружия⁴⁶.

Стецкий Хенрик Юзеф Михал (1823 – после 1895)

Сын Людвика Стецкого (1795–1859) и Юлии, урожденной Чацкой (ок. 1790–1827).

Известный польский археолог, нумизмат, коллекционер памятников старины, оружия. Предметы из его коллекции были представлены на выставке памятников старины в Варшаве в 1856 г.

Был женат на Ядвиге, урожденной графине Илинской (1824–1889), имел в браке сына Хенрика (1847–?) и двух дочерей – Ядвигу (1848–1933) и Людвигу⁴⁷.

Стшалецкий Антоний Ян (1844–1934)

Польский художник, коллекционер. Учился в Варшаве в гимназии, участвовал в январском восстании 1863 г. С 1875 г. изучал декоративную живопись в Италии, Франции и Австрии. После возвращения в

Варшаву возглавил перешедшую к нему от отца реставрационную и художественно-декоративную мастерскую, которая выполняла реставрационные работы в дворцах-музеях и костелах Варшавы и других городов Польши.

Рис. 14. А. Я. Стшалецкий в доспехе

В его знаменитом «Доме под гигантами» в Варшаве, построенном в 1905–1907 гг., хранились коллекции произведений искусства, фарфора, мебели, военно-исторических памятников, в том числе одно из крупнейших в Польше собраний оружия.

Предметы из собрания Стшалецкого были широко представлены на выставках памятников старины, проходивших в Варшаве в 1881 и 1889 гг., на 1-й Международной выставке костюма в Петербурге, состоявшейся в 1902 г.,

Рис. 15. Столовая в доме Стшалецкого

а также на выставке, посвященной Богородице, в Варшаве в 1905 г.

Неоднократно передавал Музею Войска Польского оружейные памятники в 1920-х гг.⁴⁸

Субис-Бизье Густав Вильгельм (1849–1937)

Житель Варшавы, известный коллекционер монет, бон, предметов масонских ритуалов (крупнейшее собрание в Польше), памятников военной старины и оружия, председатель Варшавского нумизматического общества, экспонент временного музея памяти 1812 г. в Варшаве.

Предметы из собрания Субис-Бизье были представлены на выставках памятников старины в Варшаве в 1881, 1887 и 1889 гг., на 1-й Международной выставке костюма в Петербурге, состоявшейся в 1902 г., на выставке, посвященной Богородице, в Варшаве в 1905 г.

Рис. 16. Г. Субис-Бизье

После создания Музея Войска Польского неоднократно передавал туда оружейные памятники⁴⁹.

Суффчиньский Титус (?–?)

В 1850-х – 1860-х гг. житель Варшавы, владелец коллекции оружия. В 1856 г. предметы из его коллекции экспонировались на выставке памятников старины в Варшаве⁵⁰.

Сыпневский Феликс (1830–1902)

Польский исторический живописец. В 1850–1852 гг. учился в варшавской Школе изящных искусств, затем несколько лет жил в Париже.

Коллекционировал памятники военной старины и оружие. Предметы из его коллекции экспонировались на выставке памятников старины в Варшаве в 1881 г.⁵¹

Томашевский Тадеуш (?–?)

В 1910-х – 1920-х гг. житель Варшавы, юрист. Коллекционер живописи, фарфора, французского и немецкого художественного стекла, оружия⁵².

Трояновский Винцент (Викентий Войцехович) (1859–1928)

В 1878–1880 гг. учился живописи и рисунку в Варшавской художественной школе у **Войцеха Герсона (см.)**, в 1880–1885 гг. – в Академии художеств в Петербурге, в 1885–1886 гг. – в Мюнхене. В 1887 г. был удостоен звания неклассного художника. В 1893–1903 гг. жил и работал в Париже, затем в Варшаве. В 1904 г. основал художественно-промышленную школу. Занимался также медальерным искусством, был автором одного из проектов ордена в честь 300-летия Дома Романовых. Публиковал искусствоведческие статьи.

Имел большую библиотеку по истории польского искусства, коллекционировал восточное оружие⁵³.

Фюльь Эугенюш, де (1859–1930)

Сын Хенрика де Фюлья (1826–1888) и Эмили, урожденной Потс (1832–1919). Житель Варшавы. Коммерсант, натуралист, садовод. Коллекционер памятников военной истории и оружия. Его собрание в 1930-х гг. поступило в музей истории Варшавы.

Был женат на Анне, урожденной Эвест (1862–1934), имел в браке сына Хенрика Рудольфа (1891–?) и двух дочерей⁵⁴.

Хородыньский Витольд (?–?)

В 1910-х – 1920-х гг. житель Варшавы, коллекционер произведений искусства, фарфора, гравюр, старинного оружия⁵⁵.

Целльт Юзеф (1820–1890)

Варшавский купец, коллекционер монет и медалей, памятников

военной старины и оружия, участник выставки памятников старины в Варшаве в 1856 г.⁵⁶

Ясиньский Феликс (1861–1929)

Сын Здзислава Ясиньского и Ядвиги, урожденной Воловской. Критик-искусствовед, коллекционер. Учился в Варшаве, Берлине, Париже. Неоднократно совершал путешествия на Восток, во время которых собрал внушительную коллекцию японского искусства. Коллекционировал также европейскую графику и керамику, европейские и восточные ткани. С 1888 г. жил в Варшаве, с 1901 г. в Кракове. Перед переездом в Краков в 1901 г. планировал передать на хранение в Национальный музей в Варшаве свое собрание численностью 12 000 единиц, в том числе 6500 предметов японской тематики: коллекции картин, инкрустаций, оружия и пр. Японская коллекция была выставлена в Национальной галерее искусств «Захента» в Варшаве. Однако после появления в прессе целого ряда критических статей об этой выставке, в конце концов, в 1920 г. это собрание по желанию Ясиньского было передано в Национальный музей в Кракове.

Рис. 17. Ф. Ясиньский

Критические статьи в печати часто подписывал псевдонимом «Manghha» (от названия коллекции гравюр японского художника К. Хокусаи).

Был женат первым браком на Янине, урожденной Бигель, вторым браком на Терезе, урожденной Лабенцкой (?–1900), имел во втором браке сына Хенрика (1888–1967)⁵⁷.

¹ Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Русские Палаты, 2004; Кулинский А.Н. Коллекционеры оружия в дореволюционной России: новые данные исследований // Бомбардир. № 20. 2008 С. 70–80; Его же. Частные коллекции оружия в западных губерниях Российской империи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 года. СПб., 2010 С. 417–455.

² Полунина Н.М. Кто есть кто в коллекционировании старой России. М., 2003; Неворов О. Частные коллекции Российской империи. М., 2004; Саверкина И.В. История частного коллекционирования в России. СПб., 2004; Банников А.П., Сапожников С.А. Собиратели и хранители прекрасного. М., 2007; Банников А.П. Русские коллекционеры и их коллекции. М., 2008.

³ Свирида И.И. Польская художественная жизнь. М., 1978; Его же. Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. XVIII–середина XIX вв. М., 1999; Ryszkiewicz A. Kolekcjonerzy i miłośnicy. Warszawa, 1981.

⁴ Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. I–XI. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1991–1996.

⁵ Chwalewik E. Zbiory polskie archiwa biblioteki i gabinetu muzea i inne zbiory pamiątek w Ojczyźnie i Obczyźnie. T. 1–2. Warszawa, MCMXXVII.

⁶ Spis prywatnych zbieraczy z wyszczególnieniem ich zbiorów i kierunku w jakim przede wszystkim swoim studiom się oddają // Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. № 1–3. 1869–1871 [Kraków 1872–1874].

⁷ Wilder H. Polskie archiwa, biblioteki, muzea, zbiory i zbieracz // Rocznik Naukowo-Literacko-Artystyczny (encyklopedyczny) na rok 1905 / pod red. wydawcy (Władysława Okręta). Warszawa, 1905; Bag [jeński] W. Wspomnienia o zmarłych pracownikach na polu numizmatyki, archeologii i sztuki polskiej // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne, 1899.

⁸ Blombergowa M.M. Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914. Wrocław etc., 1988; Czernski M., Maciaszek J. Historia warszawskiego ruchu numizmatycznego 1845–1995. Warszawa, 1995; Mikocki T. Najstarsze kolekcje starożytności w Polsce (lata 1750–1830) // Archiwum Filologiczne XLVI. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1990; и др.

⁹ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborów. Cz. I: Zbrojownie i zbiory // Muzealnictwo. 2006. Vol. I. № 47. S. 25–45; Cz. II: Funkcjonowanie w świadomości społecznej // Muzealnictwo. 2007. № 48. S. 61–67.

¹⁰ Żygulski Z. (jun.) Broń w dawnej Polsce. Warszawa, 1975. S. 20; Ajewski K. Op. cit. Cz. II. S. 61–67.

¹¹ Ajewski K. Op. cit. Cz. II. S. 61–67.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Biogramy uczonych polskich. Cz. I: Nauki społeczne, zeszyt 1: A–J. Wrocław, 1983; Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 386.

¹⁵ Ajewski K. Op. cit. Cz. II. S. 61–67.

¹⁶ Ibid. Cz. I. S. 25–45.

¹⁷ Свирида И.И. Польская художественная жизнь. С. 174; Pych J. Kolekcja broni i historycznych pamiątek gen. Jana Henryka Dąbrowskiego // Muzealnictwo wojskowe. T. 8. Warszawa, 2005. S. 110–134; Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie. Katalog zbiorów. Wiek XVIII. Warszawa, 1960.

¹⁸ Ajewski K. Op. cit. Cz. I. S. 25–45.

- ¹⁹ Ajewski K. Militaria w zbiorach Muzeum ordynacji Zamojskiej w Warszawie // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1994. Nr. 2. S. 183–218.
- ²⁰ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. I. S. 25–45.
- ²¹ *Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870*. Kraków, 1873. S. 221.
- ²² Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 48-му. СПб., 1913. С. 83–84; Sammlung der verstorbenen Herrn A. von Kolasiński Warschau. 2 Abt. Berlin, 1917; Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 393.
- ²³ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. Мінск, 1997. С. 136; Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ²⁴ Историческая выставка предметов искусства. С.-Петербургъ. 1904 г. СПб., 1904. С. 45; Старые годы. 1909. Июль-сентябрь. С. 496; Pych J. Zbrojownia Ordynacji Krasieńskich // *Muzealnictwo wojskowe*. Т. 6. Warszawa, 1995. S. 209–232; Wołosz A.K.F. Opinogóra Krasieńskich // *Spotkania z zabytkami*. 2009. № 3; Królik J. Muzeum romantyzmu polskiego w Opinogórze // *Muzealnictwo*. 2010. № 51.
- ²⁵ *Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870*. S. 222.
- ²⁶ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid; *Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870*. S. 222.
- ²⁹ Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 400.
- ³⁰ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. *Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870*. S. 223.
- ³³ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ³⁴ Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 556.
- ³⁵ Katalog zbiorów Edwarda Neprosa. Licytacja LXVI. Wystawa i licytacja odbędzie się w prywatnym mieszkaniu ś.p. Edwarda Neprosa (1870–1928). Warszawa: Dom Sztuki, 1930.
- ³⁶ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. I. S. 25–45.
- ³⁷ Macyszyn J. Tradycje orężne w batalistycy Wacława Pawliszaka. Pruszków, 1999; Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ³⁸ Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 411–413; Znani i nieznanzi ziemi Radomskiej. T. III. Radom, 1990. S. 230–231.
- ³⁹ Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 414.
- ⁴⁰ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. II. S. 61–67.
- ⁴¹ Simborowicz H., Gerson W. Willanów. Album widoków i pamiątek. Warszawa, 1877; Beldowski W. Militaria z dawnej kolekcji wilanowskiej. Warszawa, 1990; Majdowski A. Ze studiów nad fundacjami Potockich z Wilanowa. Warszawa, 1993; Aftanazy R. T. V. Województwo wołyńskie. Wrocław, 1994. S. 625–626; Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborow. Cz. I. S. 25–45.

- ⁴² Покровский Ф.В. Археологическая карта Ковенской губернии // Труды X археологического съезда в Риге. 1896. М., 1900. Т. III; Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 48-му. С. 85; Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie 1909. Wilnja, 1910. S. 138; Chwalewik E. T. 2. S. 141, 419; Aftanazy R. Op. cit. T. III: Województwo trockie, Księstwo Żmudzkie, Inflanty Polskie, Księstwo Kurlandzkie. Wrocław, 1993. S. 367–370; T. IV: Województwo wileńskie. Wrocław, 1993. S. 319–327.
- ⁴³ Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 5.
- ⁴⁴ Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 48-му. С. 83–84.
- ⁴⁵ Żygulski Z. (jun.) Op. cit. S. 20.
- ⁴⁶ Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870. S. 232.
- ⁴⁷ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborów. Cz. I. S. 25–45.
- ⁴⁸ Czerwiński A., Dudek L. Szabla żołnierza polskiego. XIX–XX wieku. Warszawa, 1988. S. 18; Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 430–431.
- ⁴⁹ Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 48-му. С. 83–84; Zbiory Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie. Warszawa, 1994. S. 34.
- ⁵⁰ Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870. S. 232; Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborów. Cz. II. S. 61–67.
- ⁵¹ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborów. Cz. II. S. 61–67.
- ⁵² Chwalewik E. Op. cit. T. 2. S. 434.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Chwalewik E. Z moich wspomnień o zbieractwie // Rocznik Biblioteki Narodowej. T. XXXVI. Warszawa, 2004. S. 360.
- ⁵⁵ Chwalewik E. Zbiory polskie archiwa biblioteki i gabinetu muzea i inne zbiory pamiątek w Ojczyźnie i Obczyźnie. T. 2. S. 389.
- ⁵⁶ Ajewski K. Warszawskie kolekcjonerstwo militariów historycznych okresu zaborów. Cz. I. S. 25–45.
- ⁵⁷ Русский инвалид. 1901. № 10. С. 3; Feliks Jasiński i jego Manggha. Kraków, 1992.

А.Ю. Курочкин (Москва)

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ВОИНСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ИНДИИ В 1500–1800 ГОДАХ

РЕГИОН ИНДИИ находился в период XVI–XIX вв. в сфере влияния индо-персидской культуры. Термин «индо-персидская культура», устоявшийся в зарубежной науке, не обоснован и мало используется в российской науке. Для целей настоящей статьи этот термин будет применяться в его связи с могольской культурой, культурой Деканских мусульманских султанатов и культурой маратхов, испытавших влияние как моголов, так и мусульманских султанатов Центральной Индии. Таким образом, географические рамки данного исследования ограничены территориями Северной, Западной, Восточной и Центральной Индии в той части, в которой они были вовлечены в сферу влияния индо-персидской культуры.

Хронологические рамки статьи обусловлены историческим периодом, в свою очередь определяемым наличием достоверных письменных и изобразительных источников. Появление письменных и изобразительных источников, иллюстрирующих культурные и социальные (в том числе военные) аспекты жизни в средневековой Индии, связано с возрастанием влияния персидской культуры и распространением письменного персидского языка. Окончание хронологического периода обусловлено временем угасания традиционных воинских практик, вследствие введения английской администрацией соответствующих ограничений и запретов после подавления Сипайского восстания и приобретения ими во второй половине XIX в. отчетливо развлекательного и физкультурного характера.

Ни в зарубежных, ни в российских работах тема использования холодного оружия в традиционной воинской подготовке в регионе не рассматривалась. Это особенно заметно на фоне достаточного

количества работ по традиционным дравидским направлениям воинской подготовки в Южной Индии¹. К сожалению, в этих работах в недостаточной степени затронуты вопросы соотношения традиционных практик и их востребованности в реальной воинской подготовке, а исследованию холодного оружия уделено незначительное место. В случае практик Северо-Восточной Индии ситуация иная – опубликованы исследования, отражающие основные моменты традиционных воинских практик региона Северо-Восточной Индии и связанного с ними холодного оружия².

Возвращаясь к региону, являющемуся предметом исследования в данной статье, среди работ, в которых частично затрагивались аспекты воинских практик и связанного с ними холодного оружия, в первую очередь, нужно отметить самые первые из них: Egerton, Lord of Tatton, *Indian and Oriental Arms and Armour*, London, 1896 и Irvine, W., *The Army of the Indian Moghuls*, London, 1903.

Все остальные работы, упоминающие воинские практики региона, основываются на сведениях из двух оригинальных работ, о которых будет сказано ниже. Пока отметим среди важнейших и фундаментальных исследований по воинским традициям рассматриваемого региона работу Kolff, Dirk H.A., *Naukar, Rajput, and Sepoy: The Ethnohistory of the Military Labour Market of Hindustan, 1450–1850*, Cambridge University Press, 2002, в которой постулирован и проиллюстрирован тезис о «крестьянах-солдатах», традиционная воинская подготовка которых позволяла им совмещать труд земледельца с заработками солдата-наемника. В сборнике статей Gommans, Jos J.L., Kolff, Dirk H.A., *Warfare and Weaponry in South Asia 1000–1800*, Oxford University Press India, 2003, помимо общих сведений о военной активности в регионе и связанных с ней культурных и социальных изменений, следует отметить статью Ort, W.G., *Armed Religious Ascetics in Northern India*, содержащую сведения о традиционной воинской подготовке аскетов и их наемнической службе. Также следует отметить упоминание о воинской подготовке в Индии без указания локализации региона (который можно легко определить, зная источник этих сведений) в книге признанного эксперта по азиатским боевым искусствам Д. Дрэгера (Draeger, Donn F., Smith, Robert W., *Comprehensive Asian Fighting Arts*, Kodansha International, 1980).

Две оригинальные работы, из которых черпают сведения остальные авторы, это: Sharar, Ablul Halim, *Lucknow: the last phase of an oriental culture*, Oxford University Press, 1994 и Mujumdar, D.C. ed.,

Encyclopedia of Indian physical culture, Varoda: Good Companions, 1950. Первая из указанных работ написана историком и писателем Абдул Халим Шараром (1860–1926), который собирал сведения в Лакхнау на стыке XIX и XX вв. К этому времени в Лакхнау уже не существовало никаких практик, и Шарар с трудом находил кого-либо, кто мог пролить свет на этот вопрос. Тем не менее, ему удалось получить уникальные свидетельства от потомков аристократических родов, по крайней мере в виде описания содержания этих практик. Второй труд представляет собой англоязычный синопсис энциклопедии на языке маратхи и, как нетрудно предположить, является описанием воинских практик, сохранявшихся в маратхской традиции.

Наиболее полные и информативные исследования по воинским практикам региона на сегодняшний день представлены в диссертации Andrew de la Garza, *Mughals at War: Babur, Akbar and the Indian Military Revolution, 1500–1605*, The Ohio State University, 2010 и в статье профессора Оксфордского университета O'Hanlon, Rosalind, *Military Sports and the History of the Martial Body in India*, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2007. Но вопросы холодного оружия и его места в традиционных практиках в этих работах не рассматривались. Напротив, Rosalind O'Hanlon вслед за Gommans и Kolff замечает, что, несмотря на глубокие и, безусловно, ценные исследования индийского вооружения и искусства войны, эти исследования еще не интегрированы в социальную историю. Даже в узком смысле не изучен вопрос, какими были те физические навыки и способности, которые требовались для использования традиционных видов индийского оружия. Как форма и вид оружия обуславливали различия в способах использования? В каких условиях и рамках практиковались и передавались эти умения?³

Целью данной статьи является установление нового подхода к изучению традиционных воинских практик региона и использовавшегося в них холодного оружия.

В первую очередь необходимо ввести определенную новацию и дифференцировать воинские практики региона. Распространенное деление по историческим периодам начиная с ведических времен, апелляции к классическим текстам и касте кшатриев могут представлять интерес только в целях популяризации знаний об индийской культуре в целом. Наличие временного разрыва и, главное, те социальные и культурные изменения, которым на протяжении многовекового исторического периода была подвержена территория

рассматриваемого региона, в отличие от Южной Индии и дравидской культуры, не позволяют убедительно говорить о какой-либо преемственности. Существующая односторонность в описании воинских практик региона, обусловленная характером основных письменных источников, приводит к их описанию как исключительно аристократических мусульманских (могольских и султанатских) или адаптированных к современной физической культуре маратхских⁴.

Мусульманская экспансия, начавшаяся в VII–VIII вв. арабскими вторжениями и продолженная в XI в. тюркскими завоевателями, ознаменовалась в начале XIII в. созданием первого мусульманского государства на территории Индии. С этим периодом совпадает возрождение иранской культуры и распространение персидского языка. Персидское культурное влияние распространяется во всем мусульманском мире. При этом мусульмане, в отличие от других завоевателей, не растворялись в покоренной ими стране, а приносили с собой свое государственное и военное устройство, образ жизни, культуру и социальные отношения. С учетом всех факторов к моменту могольского вторжения в Северной Индии были сформированы все предпосылки для восприятия персидской культуры во всех областях жизни. При этом взаимодействие культур не носило строго односторонний и императивный характер. Принятие многих явлений персидской культуры происходило за счет замещения аналогичных индийских или установления компромисса, как в случае возникновения языка урду, в котором органически сочетались элементы индийских диалектов с персидским языком. В случае замещения автохтонных индийских феноменов привнесенными персидскими, последние начинали восприниматься с течением времени как исконно индийские именно в силу схожести и даже аналогичности этих феноменов. Возможно, что в ряде случаев имело место замещение только одного названия или термина в силу господства литературного персидского языка и дошедших до нашего времени текстов.

Таким образом, в рассматриваемом регионе Индии традиции воинской подготовки должны иметь сложносоставной характер. Этот регион являлся своеобразным коридором, через который в Индию проникали все новые и новые захватчики, принося с собой свою культуру и традиции, с одной стороны, а с другой стороны этот регион стал плавильным котлом, в котором смешивались различные традиции, отсеивалось нежизнеспособное и сохранялось наиболее практичное и востребованное. В силу указанных обстоятельств

в настоящее время невозможно точно определить, какие практики имеют автохтонное индийское происхождение, какие были привнесены поздними завоевателями, а какие возникли как результат эклектического соединения различных традиций. Какая-либо дифференциация, необходимая для изучения и понимания традиций воинской подготовки в регионе, может быть прослежена по следующим составляющим.

Основная линия, наиболее хорошо задокументированная в письменных и изобразительных источниках и, вследствие этого, наиболее известная, представляет собой практики, восходящие к традициям мусульманской аристократии. Этим искусством занимались даже высшие лица государств или они непосредственно покровительствовали лучшим бойцам. Джахангир, четвертый правитель династии Великих Моголов, в своих мемуарах неоднократно указывает на свой интерес и покровительство ведущим борцам и фехтовальщикам, у которых он брал уроки⁵.

Благодаря персидскому историку Мухаммаду Казим Хинду Шах, служившему в конце XVI в. капитаном охраны при Ахмаднагарском дворе, а позднее жившему при Биджапурском дворе, известно, что воинские практики были широко распространены еще в Бахманидском султанате. После его распада в начале XVI в. они не только не угасли, но и получили более широкое распространение в образовавшихся на его развалинах Деканских султанатах. Бурхам Низам Шах I, будучи принцем Ахмаднагарского султаната, сам был увлечен воинскими практиками и большое количество времени уделял этим занятиям. Совершенно естественно, что это породило многочисленных последователей и подражателей и привело к тому, что в Ахмаднагаре в каждом квартале появились школы боевых искусств, количество которых равнялось, если не превышало, число медресе⁶.

Известные фехтовальщики и борцы путешествовали по стране, предлагая свои услуги в качестве наставников при дворах правителей, и предпочитали не брать учеников из простого народа. Их целевой аудиторией были аристократы и, в первую очередь, их сыновья, воспитание которых происходило в двух традиционных направлениях «пера и меча». Мастера также привлекались для подготовки и тренировки войск. В армии моголов не уделялось значительного внимания тактическому взаимодействию подразделений на поле боя, зато много времени уделялось физической подготовке тела и индивидуальному владению различными видами оружия. Именно таким

образом рассматриваемые техники проникли в солдатскую и далее в народную среду. Со временем, с изменением способов войны и соответственно подготовки к ней, аристократические боевые практики прекратили свое существование.

Таким образом, указанную линию воинских практик можно обозначить как элитную, аристократическую, городскую, или условно «мусульманскую» или «могольскую», апеллируя в первую очередь к индо-персидской культурной составляющей. Учитывая, что султанаты Декана возникли на обломках Делийского султаната, можно допустить, что это были практики, привнесенные завоевателями еще в XIII в. и имевшие персидское или центральноазиатское происхождение. Также имеет право на существование предположение, что эти практики имели чисто персидское происхождение и распространились по мусульманскому миру одновременно с ростом общего влияния персидской культуры⁷. Но даже с учетом этого обстоятельства рассматривать это явление как чисто персидское не корректно. Имея иранские корни, развитие этой традиции происходило в отрыве от материнской культуры и, безусловно, испытывало влияние индийского окружения⁸. Об этом свидетельствует и использование в практиках индийской терминологии наряду с персидской, как в устной культуре, так и в письменной⁹.

Принимая во внимание вышеуказанные факторы, в то же время необходимо учитывать, что непосредственная корреляция с достоверно определяемыми персидскими практиками не прослеживается, за исключением только методики силовой подготовки борцов¹⁰.

Вторая составляющая, которую можно проследить по достоверным источникам, вопреки естественному предположению, не имеет чисто индийского происхождения. В настоящее время существуют несколько направлений, которые сводятся в основном к четырем главным: маратхское, раджпутское, сикхское и бенгальское. По сути, это единая традиция, обязанная своим происхождением синтезу практик мусульманской аристократии с автохтонными дравидскими практиками. Рассмотрим, каким образом и в каких условиях мог произойти такой синтез.

Одним из существенных факторов являлась традиционная практика воинского набора рекрутов в армии моголов, Британской Ост-Индской компании, а затем и в британскую индийскую армию на определенных территориях, которые в целом соответствуют границам рассматриваемого в статье региона¹¹. И если в армии моголов

часто служили наемные отряды со своими командирами, оружием и методами ведения войны, то в армии Ост-Индской компании и британской индийской армии разделение было только по религиозному признаку. Несмотря на то что начиная с XVIII в. сипаи проходили военную подготовку уже по европейским стандартам, привычная для них индивидуальная физическая подготовка и спортивные развлечения оставались традиционными¹². В армиях моголов и Деканских султанатов воинская подготовка была направлена на развитие индивидуальных навыков и была производной от рассмотренных выше аристократических практик¹³. Влияние мусульманских аристократических практик также может быть связано с их широким распространением в султанате Декана, основным населением которых являлись маратхи, и военной службой маратхов в армиях султанатов¹⁴. Позднее экспансия маратхов на территории Раджастанхана, Гуджарата, Пенджаба и Бенгалии открыла двери не только для культурного обмена¹⁵, но и стала причиной еще одной экспансии, о которой будет сказано ниже.

Общим основанием для указанных выше этнических практик является автохтонная индийская традиция, вероятно, имеющая дравидские корни. Если широкое распространение новых, мусульманских практик может быть объяснено высокой мобильностью населения во времена мусульманских завоеваний и обменом между наиболее активной в военном плане частью населения – наемниками-сипаями, то каким образом могла распространиться старая индийская традиция? И при этом распространиться таким образом, чтобы во всех, в том числе значительно удаленных друг от друга регионах отличия в этих практиках были минимальными, что должно свидетельствовать о значительной скорости распространения по сравнению с обычным культурным влиянием, не допускавшей создания местных субкультурных очагов.

Носителями и распространителями этих традиций были аскеты-воины, спектр занятий которых простирался от использования воинских практик в целях духовного развития и защиты своих общин до наемной воинской службы, сбора контрибуций и обычного бандитизма. К моменту мусульманского вторжения в Индию уже существовала традиция аскетов-воинов¹⁶. В Акбар-наме описан эпизод, когда Акбар стал свидетелем вооруженного боя в Тханесаре между йогами за место у священного водоема, с использованием мечей и другого холодного оружия¹⁷.

К этому же периоду устная традиция аскетов относит официальное разрешение Акбара, узаконившее практику создания вооруженных отрядов аскетов, данное им в ответ на обращение лидеров аскетов о необходимости самообороны от произвола со стороны аскетов-мусульман¹⁸. Широта религиозных взглядов Акбара диктовала ему такое решение, которое впоследствии выпустило джина из бутылки, и аскеты стали рекрутировать в свои ряды индусов не только из брахманских каст, создавать сеть акхара (тренировочных школ) и формировать вооруженные отряды. Нужно отметить, что аскеты в Индии играли роль своеобразных «тамплиеров», в их руках находились значительные ценности и торговля, в том числе драгоценными камнями. Со временем к этому добавился и наемнический, кондотьерский бизнес. В результате из вооруженных банд йогов в XVI в. аскеты превратились к XVIII в. в организованные отряды обученных наемников, использующих мушкеты и конницу. Но даже позже они считались превосходными мастерами ближнего боя, в первую очередь, с мечом и использовались в качестве ударной шокковой пехоты¹⁹. Первыми широко стали использовать аскетов в качестве наемников маратхи. После вторжения маратхов на территорию Раджастан за ними следом хлынули отряды (или банды) вооруженных аскетов²⁰. Во второй половине XVIII в. они наводнили и Бенгалию²¹.

Таким образом, даже если аскеты-воины и не были непосредственными создателями воинских практик, то, определенно, они являлись их носителями и распространителями. А рассматриваемый в данной статье регион не случайно считался благодатной питательной средой для распространения воинских традиций. Население этого региона было в беспрецедентной степени военизировано²². По окончании аграрного сезона крестьяне зарабатывали наемной военной службой. Они были уже готовыми солдатами в плане индивидуальной воинской подготовки²³. Воинские практики существовали в рамках школ акхара, в которых традиционно обучались аскеты, а со временем и общинное ополчение²⁴. Обучение искусству владения мечом и, в целом, воинским навыкам начиналось с самого детства. При этом, например, у раджпутов не существовало ограничений для девушек и женщин²⁵. Эрл Эгергон, лорд Таттон, коллекционер, путешественник и исследователь Индии отмечал: «Все раджпуты обучены обращению с оружием. В каждой деревне есть своя школа, где утром и вечером обучают пользоваться оружием, а также занимаются спортивными упражнениями. Именно здесь воспитываются должное

отношение к военной службе и боевые качества»²⁶. По описаниям, еще в начале XIX в. мужчины не покидали свою деревню без меча, щита, лука и стрел, а при наличии коня – еще длинного копья и седельного топора²⁷. В середине XIX в. в период Сипайского восстания они работали на полях с щитом за спиной и с мечом на боку²⁸.

К сожалению, локализовать воинские практики региона по этническому признаку не представляется возможным. Общая для всего региона высокая степень военизированности, особенно раджпутов, джатов, гуджаратцев и маратхов, а также высокая мобильность населения позволяют говорить только о наличии воинских практик региона, отличных от аналогичных практик Юга и Северо-Востока Индии или аристократических практик могольских или султанатских дворов. Также невозможно обозначить эти практики как чисто «индийские», так как в силу рассмотренного выше влияния мусульманских аристократических практик в них прослеживаются определенные заимствования. Условно эту линию практик можно определить как «народные» воинские практики, существовавшие на территории региона в рамках традиционных индийских школ акхара. Последняя часть определения необходима для отграничения традиционной воинской подготовки от спортивных народных или солдатских развлечений.

Подводя итог, обратим внимание на следующие обстоятельства. До второй половины XVIII в. какой-либо кодификации воинских практик не прослеживается. В Делийском султанате и султанатах Декана отчетливо проявляется персидская традиция. В армии моголов раннего периода, военные традиции которых имели тюркское происхождение, основной формой военной подготовки были массовые охоты. В правление Акбара Абу-л Фазл Аллами в Аин-и-Акбари описывает дворцовую гвардию Акбара, отряды которых состоят из представителей разных племен Индии, которые используют собственное оружие и технику боя. При этом каких-либо общих традиций или единой воинской подготовки не обнаруживается²⁹. Только со второй половины XVIII в. из описаний европейских путешественников начинает складываться какая-то картина традиционной подготовки, но уже, к сожалению, в то время, когда реальная востребованность, а следовательно, реалистичность и адекватность этих практик, начали исчезать. По сути, это уже являлось началом превращения этих практик в спортивные упражнения развлекательного характера. Тем не менее, в конце XIX в. английский офицер Роберт Баден-Пауэлл

застал в Мееруте целых три школы фехтования и давал высокую оценку практиковавшимся там навыкам³⁰.

¹ Zarrilli Ph. B. *When the Body Becomes All Eyes: Paradigms, Discourses and Practices of Power in Kalaripayattu, a South Indian Martial Art*. Oxford University Press, 2000; Denaud P. *Kalaripayat: The Martial Arts Tradition of India, Inner Traditions/Bear, 2009; Lujijendijk D. Kalaripayat*. URL: <http://Lulu.com> (дата обращения – 2008).

² Сборник статей по материалам национальной конференции, организованной университетом Аруначала / Dutta S., Tripathy B. ed. // *Martial Traditions of North East India*. New Delhi, 2006.

³ O'Hanlon R. *Military Sports and the History of the Martial Body in India* // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2007. P. 499.

⁴ Известный маратхский культурный деятель профессор Маникрао (Rajratna Rajpriya Professor Manikrao (1878–1954)), изучавший в молодости традиционные воинские практики, впоследствии приспособил их для массового обучения в качестве физической культуры, добавил много современных упражнений и приложил большие усилия для распространения и популяризации этого продукта. Он объездил всю Индию с чтением лекций, открывал современные акхара и заслуженно получил титул «отца современной индийской физкультуры». – См.: Ganneri N.R. *The Debate on «Revival» and the Physical Culture Movement in Western India (1900–1950)*. *Sport Across Asia: Politics, Cultures, and Identities*. Routledge, 2013. P. 133–134.

⁵ *The Tuzuk-i-Jahangiri or Memoirs of Jahangir*, tr. Alexander Rogers. London Royal Asiatic Society, 1909. P. 253, 335.

⁶ *History rise of the Mahomedan power India till the year A.D. 1612*, tr. J. Briggs. London, 1910. Vol. III. P. 207.

⁷ В ранний период Делийского султаната в войсках практиковались «warzish», ежедневные упражнения, частью которых являлась борьба и фехтование. – См.: Saxena R.K. *The Mughal and Rajput Armies, History of Science, Philosophy and Culture in Indian Civilization*. Vol. X. Part 3. *Historical Perspectives of Warfare in India: Some Morale and Materiel Determinants* / ed. S. N. Prasad. New Delhi, 2002. P. 307. «Варзис» – это персидский термин «varzes», обозначающий спорт, упражнения (Khorasani, Manouchehr Moshtagh, *Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology*. Legat Publisher, 2010. P. 435).

⁸ В конце XIX в. в библиотеке в Лакхнау присутствовали тексты по стрельбе из лука, по фехтованию палкой и посохом, мечом и др. – См.: Sprenger A. *Report of the Researches into the Muhammadan Libraries of Lucknow*. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1896. Розалинд О'Ханлон достаточно убедительно показывает, что, по крайней мере, некоторые из них писались уже в Индии (O'Hanlon R. *Op. cit.* P. 503–504).

⁹ Например, трактат о мечах *Risalah-e-shamshir shanasi* авторства Nusrat al-lah Khan, составленный в 1706 г., содержал, в том числе, индийскую терминологию. Marshall D.N. *Mughals in India: A Bibliographical Survey of Manuscripts*. London: Mansell Publishing, 1985. P. 273.

¹⁰ Распространенное название индийской борьбы «кушти» имеет персидское происхождение (Khorasani, Manouchehr Moshtagh, *Lexicon of Arms and Armor from Iran*. P. 217). Но здесь имеет место именно случай замещения схожих феноменов культуры, как описано выше. Или можно говорить о синтезе двух культур (Alter J.S. *The Wrestler's Body: Identity and Ideology in North India*, Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. New Delhi. P. 2).

- ¹¹ Kolff D.H.A. *Naukar, Rajput, and Sepoy: The Ethnohistory of the Military Labour Market of Hindustan, 1450–1850*. Cambridge University Press, 2002; Gommans J. *Mughal Warfare: Indian Frontiers and Highroads to Empire 1500–1700*. Taylor & Francis. P. 69–77; Gordon S. *Zones of Military Entrepreneurship in India, 1500–1700*, in *Marathas, Marauders, and State Formation in Eighteenth-Century India*. Oxford University Press, 1994. P. 182–208; Alavi S. *The Sepoys and the Company: Tradition and Transition in Northern India, 1770–1830*. Oxford University Press, 1998. P. 11–55; MacMunn G.F. *The Armies of India*. London, 1911.
- ¹² См., напр., в *The Illustrated London News*. July 13. 1878. P. 27, статью «The Indian Troops at Malta», где описаны и проиллюстрированы развлечения индийских солдат британской армии, расквартированных на Мальте.
- ¹³ Alavi S. *Op. cit.* P. 14.
- ¹⁴ Gordon S. *Op. cit.* P. 182–208.
- ¹⁵ Упомянутый в примечании 4 профессор Маникрао происходил из маратхов, осевших в Гуджарате после экспансии.
- ¹⁶ Lorenzen D.N. *Warrior Ascetics in Indian History // Journal of the American Oriental Society*. Vol. 98. No. 1. Jan. – Mar. 1978. P. 64–65.
- ¹⁷ Абу-л Фазл Аллами. *Акбар-наме*. Книга четвертая. Самара: Издательский дом «Агни», 2009. С. 287–288; Миниатюра из Акбар-наме «Акбар наблюдает битву между двумя группами аскетов в Тханесаре». 1586–1589. Victoria and Albert Museum, IS.2:61-1896.
- ¹⁸ Farquhar J.N. *The Fighting Ascetics of India*. *Bulletin of the John Rylands Library* 9 (1925). P. 442.
- ¹⁹ Pinch W.R. *Warrior Ascetic and Indian Empires*. Cambridge University Press, 2006. P. 70–82.
- ²⁰ Orr W.G. *Armed Religious Ascetics in Northern India*; Gommans J.J.L., Kolff D.H.A. *Warfare and Weaponry in South Asia 1000–1800*. Oxford University Press India, 2003. P. 194. Впоследствии правители княжеств Раджастан стали самыми крупными нанимателями аскетов-воинов. В княжествах Кота и Бунди они нанимались еще в начале XX в. А в первой половине XX в. аскеты еще охраняли ворота дворца в Удайпуре (Там же. С. 195–198). См. также: Farquhar J.N. *Op. cit.* P. 437.
- ²¹ Там же. С. 192.
- ²² Kolff D.H.A. *Op. cit.* P. 27–30.
- ²³ Alavi S. *Op. cit.* P. 12–13.
- ²⁴ «Обычные горожане, не на военной службе, но сведущие в воинском мастерстве, зарабатывали на жизнь преподаванием в акхара. Эти заведения ранжировались от уровня спортивной площадки для ополчения до эксклюзивных фехтовальных салонов для аристократии» (Garza A. *de la. Mughals at War: Babur, Akbar and the Indian Military Revolution, 1500–1605*. The Ohio State University, 2010. P. 233).
- ²⁵ В целом это являлось типичным для Индии явлением.
- ²⁶ Egerton, Lord of Tatton. *Indian and Oriental Arms and Armour*. London, 1896. P. 105.
- ²⁷ Heber R. *Narrative of a Journey Through the Upper Provinces of India in 1824-5* London: John Murray, 1843. Vol. II. P. 110.
- ²⁸ *The Memoirs of James Fairweather, 4th Punjab Native Infantry 1857-58*.
- ²⁹ Ayeen Akbery: or, the institutes of the emperor Akber / tr. by Francis Gladwin. Vol. I. London, 1800. P. 207–208.
- ³⁰ «Это стало откровением для всех нас – наблюдать различные финты, удары и защиты, в которых эти люди были мастерами» (Baden-Powell R. *Indian memories recollections of soldiering, sport, etc*. London, 1915. P. 270).

Н.А. Курсанина (Киев, Украина)

СТАРИННЫЕ ЯПОНСКИЕ КЛИНКИ В АРМЕЙСКИХ МЕЧАХ ТИПА 94/98 (ОБРАЗЕЦ 1934/38 ГОДОВ)

УСТАВНЫЕ МЕЧИ японской регулярной армии разделяются на два вида: «гунто» – в переводе обозначающие «военный меч» (*гун* – военный, *то* – меч) и «син-гунто» – новый военный меч (*син* – новый).

Мечи гунто, принятые на вооружение японской армии в периоды Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926), напоминали западные. Так, их прототипами были немецкие сабли модели 1852 г. (M1852) и американские кавалерийские сабли. Некоторые ранние модели сабель, принятые на вооружение японцами, закупались в мастерских Золингена и имели клейма таких золингенских фирм, как E&F Horster, Clemen&Jung, J.A. Henckels. Постепенно Япония создает свои заводы по изготовлению оружия: Токийский артиллерийский арсенал, Армейский арсенал Нагоя, Арсеналы Коисикава (Токио) и Кокура, которые массово изготавливают клинки¹.

Император Хирохито, пришедший к власти в 1926 г., провозгласил эру Сёва – «Сияющий мир». Подражая григорианскому календарю, где за базовую точку отсчета взято рождение Христа, император Хирохито в 1927 г. принял новую японскую систему летоисчисления – Национальную систему эр (НСЭ). Первый в ней – 660 год до н. э. – это, по легенде, год основания Японии. С этого времени в Японии стали использовать две системы летоисчисления – старую, где за точку отсчета берется дата вступления на престол нового императора и провозглашения девиза правления (действует до сих пор), и новую – Национальную систему эр. НСЭ использовалась в том числе для датировки предметов военного назначения.

В 1930-е гг. в Японии под влиянием идеологии традиционализма и национализма, которая все больше набирала силу, пришли к мысли, что мечи армии и флота должны в полной мере олицетворять традиции японских самураев. Перевооружение японской регулярной армии новым холодным оружием связано с деятельностью военного министра генерала Угаки, который сделал вооруженные силы Японии соответствующими понятию «национальные»². Благодаря ему 14 февраля 1934 г. (9 г. Сёва, 2594 НСЭ) был издан императорский указ № 26, который внес изменения в военную форму одежды и вооружения, утвердив новый армейский меч по образцу традиционных японских мечей тати³. Неофициально этот син-гунто получил название – тип 94, по последним цифрам года принятия его на вооружение по НСЭ.

Син-гунто отличались от гунто (армейских мечей), стоявших на вооружении японской армии с 1876 г., тем, что эти мечи по форме и размеру клинка, оформлению рукояти и технологии крепления хвостовика в рукояти практически воспроизводили облик традиционного японского меча. А по форме подвеса – тати, так как крепились двумя кольцами на подвес со стороны обуха.

А 31 мая 1938 г. (2598 г. НСЭ) указом № 392 были внесены некоторые изменения – на ножнах была убрана вторая обоймица с кольцом для подвеса. Эту измененную модель называли тип 98. Но оба типа – 94 и 98 – носились офицерами японской армии вплоть до капитуляции 2 сентября 1945 г.

Для названий деталей японских армейских мечей периодов Мэй-дзи и Тайсё (гунто), прототипами которых послужили европейские сабли, использовалась европейская терминология, в терминологии же для новых армейских мечей (син-гунто) японцы вернулись к старым, традиционным названиям: цуба, менуки, мекуги-ана и т. д.

Нет никаких подтверждений тому, что мечи син-гунто когда-либо имели официальную марку, как мечи, что выпускались арсеналами официально, на заказ правительства. Это, возможно, связано с тем фактом, что офицерские мечи этих типов изготавливались частным образом или покупались в офицерских клубах, которые продавали мечи, сделанные частными кузнецами и военными арсеналами.

Военнослужащие, которые имели право носить син-гунто – это офицеры и должностные лица уровня офицеров, унтер-офицеры, тюремные начальники, курсанты и вольнонаемные силовых подразделений.

Изготовлением клинков для син-гунто занимались как частные мастера-оружейники, так и промышленные компании, и небольшие фабрики. Причем технология изготовления существенно отличалась, как и стали, из которой ковали клинки. В Японии продолжали работать несколько мастеров высшего класса, которые использовали дляковки клинков традиционную японскую сталь – тамахаганэ, которая выплавлялась из железосодержащих песков, с последующей закалкой в воде. Другие мастера использовали в своей работе заводскую сталь, которую выплавляли из импортируемого с Запада металлического лома. Остальную традиционную японскую технологию изготовления клинков мастера соблюдали – в результате получались клинки, на которых можно видеть все традиционные японские узоры стали (дзи-хада) и закаленного лезвия (хамон)⁴. Все эти кузнецы изготавливали клинки для традиционных японских мечей, однако клинки нередко вставляли и в армейские образцы типа 94 и 98.

Были также кузнецы, которые работали только для выполнения заказов армии. Они именовались «Рикунгун Тосё» (в переводе – мастер армейских мечей). Это были в большинстве мастера невысокой квалификации, призванные на военную службу, но выполнявшие воинскую повинность, работая в мастерских по изготовлению холодного оружия. Их продукция не отличалась высоким качеством, так как материалом, который они использовали, была сталь, получаемая по различным западным фабричным технологиям из западного металлорома или импортируемой железной руды.

Но основным способом производства клинков для уставного оружия регулярной армии были крупные частные мастерские, которые объединялись наподобие немецкого Золингена. На клинках можно встретить надписи, указывающие, из какой стали делались изделия: «мантэцу» (железо из Маньчжурии), «железо Каймэн» (из Маньчжурии тоже), «сталь против ржавчины от Тайка» и «нержавеющая сталь из Ниисин» (стали с добавлением легирующих элементов), «сталь из орудия боевого корабля “Микаса”»⁵. Кузнецы этих мастерских использовали машинные технологии проката металла с дальнейшей закалкой клинков в масле.

Постепенно производство оружия концентрируется в арсеналах: двух Токийских артиллерийских (Первом и Втором), Армейском арсенале Нагоя, Арсенале Коисикава (Токио) и в Арсенале Кокура. В арсеналах использовалось полностью механизированное производство, не предусматривавшее использование традиционных японских

технологий. Клинки этих заводов шли на «тиражные» мечи, такие как сержантские син-гунто и кавалерийские сабли. Основной целью этих заводов было обеспечение армии Японии дешевым штатным холодным оружием, которое ломалось во время сражений (рис. 1).

Многие офицеры японской армии покупали для своих мечей клинки у мастеров-оружейников, но были и те, которые, воспользовавшись почти полным соответствием по размерам и форме син-гунто традиционным мечам, покупали или брали наследственные старинные клинки и вставляли их в оправу новых армейских мечей.

После капитуляции Японии много мечей японской армии было сдано американцам. Фуллер пишет, что в ряде послевоенных изданий, как на английском, так и на японском языках, содержались утверждения, что во Второй мировой войне не использовались «древние» клинки (т. е. периодов Кото (до 1596) и Синто (1596–1876))⁶. Однако в американских и европейских коллекциях подписные клинки, датируемые до XX столетия, встречаются достаточно часто.

В Советский Союз японские мечи стали попадать как награды советским офицерам после разгрома Квантунской армии в августе 1945 г. Практически все образцы этих мечей типа 94/98, которые встречаются в музеях Украины и России, имеют прекрасно выраженную линию закалки лезвия и подписи на хвостовике.

Два образца старинных клинков, вставленных в оправы армейских мечей типа 94/98 (син-гунто), хранятся в Мемориальном

Рис. 1. Второй лейтенант Сэйти Нива из роты Нагасэ в Китае со сломанным мечом. Май 1938 г.

комплексе «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в Киеве. В 2013 г. были проведены их исследование и атрибуция.

Первый исследованный образец (инв. № ЗТ-1096) представляет собой японский армейский офицерский меч, тип 94/98 (образец 1934/1938 гг.), который относится к син-гунто – новым армейским мечам (рис. 2).

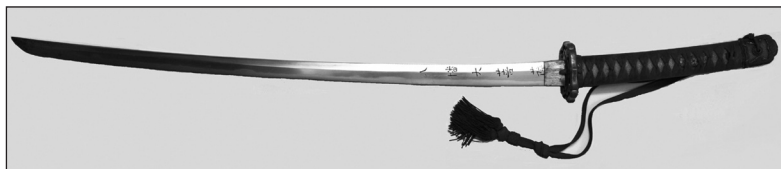

Рис. 2. Японский армейский меч тип 94/98 из коллекции Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (инв. № ЗТ-1096)

Клинок меча стальной однолезвийный, имеет незначительный изгиб. Общая длина – 932 мм, длина клинка с хвостовиком – 822 мм, длина самого клинка – 658 мм.

Вес клинка составляет 615 г.

Клинок имеет хорошо видимый хамон – линию между закаленной кромкой лезвия и основной частью клинка (рис. 3).

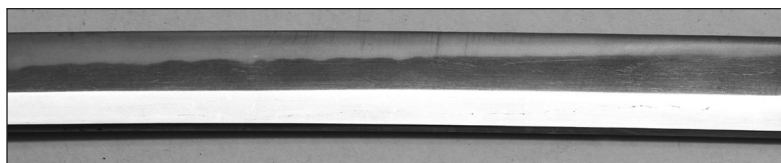

Рис. 3. Хамон клинка

Тип хамон можно определить как цутиоку сугу гономэ (прямая основа с волнами)⁷. Этот тип массово применялся в период Муромати (1392–1572). Линия хамон заходит под запорную муфту (яп. – *хабаки*) на хвостовик. На хабаки имеется гравировка в виде тонких параллельных линий, которые нанесены строго вертикально.

Определить тип окончания хамон на острие (яп. – *боси*) невозможно из-за сильной коррозии острия.

На клинке с обеих сторон имеется художественная гравировка, называемая хоримоно. С левой стороны клинка изображен сюжет «сосен» – прямой обоюдоострый меч, являющийся символом божества Фудо-мё. С правой стороны – надпись, 幡大菩薩 – Хатиман Дайбосацу (Великий бодхисатва Хатиман) (рис. 4). В японской синтоистской традиции

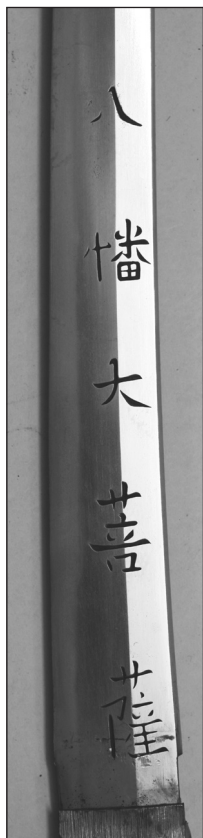

Рис. 4.
Харимото

Рис. 5.
Хвостовик
и хабаки

Хатиман – это божество, которое считалось покровителем воинов. Кроме того, Хатиман отвечал за кузнечное дело, и поэтому в некоторых его изображениях фигурирует кузнечный молот. В эпоху Камакура (1185–1332) Хатиман выступал как покровитель основанного Минамото Ёритомо военного правительства – сёгуната. А с усилением военного сословия культ Хатимана значительно расширяется – как «бога лука и стрел», т. е. как покровителя воинов или бога войны⁸.

Подобные гравировки типа «сосен», которые изображали обоюдоострый меч, делались, как правило, на внешней части клинка. В данном случае гравировка находится на внутренней части, что может указывать на то, что вначале этот меч был изготовлен как длинный меч тати, который носили лезвием вниз, а уже впоследствии укорочен и переделан в более короткую катана. Это же подтверждают два отверстия (яп. – *ана*) для бамбуковых колышков

(яп. – *мекуги*) для крепления рукояти на хвостовик (рис. 5).

В пользу того, что меч был укорочен, может говорить и обрезка хвостовика – практически выправленная линия контура каштана (кури). Что-то среднее между кури и кири (обрезанный).

**Рис. 6. Мэй
(подпись
мастера)**

Хвостовик покрыт темно-черной патиной, что дает основание говорить о действительно почтенном возрасте клинка.

На хвостовике с левой стороны вырезаны шесть иероглифов: 若狭国次廣作, переведенные как «сделал Цугухиро – житель провинции Вакаса» (рис. 6). Судя по каталогу японских мастеров⁹, мастер Цугухиро (Tsuguhiro) работал с 1469 по 1487 гг. в провинции Вакаса.

Также были проведены замеры твердости клинка по шкале измерений твердости металла Роквелла (HRC)¹⁰. Измерения проводились в 17 точках: два в зоне пяты (яп. – *коси*): клинок и лезвие; два на расстоянии 20 мм от пяты – клинок и лезвие; в середине клинка: 3 точки на клинке и 3 – на лезвии; возле острия (яп. – *моноути*): 2 на клинке и 2 на лезвии; 3 точки измерения в зоне киссаки в закаленной части (яп. – *якиба*).

Из этих значений были сделаны расчеты среднеарифметической твердости в каждой из зон клинка (табл. 1).

Таблица 1

Место измерения	Средняя твердость незакаленной основы клинка	Средняя твердость закаленного лезвия	Сравнительные аналоги ¹¹	
			Хиромицу, кон. XIV ст.	Нио Кийосада, конец XIV столетия
В зоне пяты	30	62	53	47
Середина клинка	17,6	45,9	46	46
Конец моноути*	23,3	45,5	47	44
Середина моноути	30,3	51,8	52	49
Начало моноути	39,1	56,7	49	52
Зона киссаки**		50,2	47	51

*Моноути – зона 1/4–2/3 длины клинка в верхней его части.

**Киссаки – вершина клинка (острия).

Для того чтобы удостовериться, что твердость металла клинка соответствует старинным японским клинкам, было проведено сравнение с результатами измерений твердости японских мечей наиболее близкого периода – конца XIV столетия – это мечи мастеров Хиромицу и Нио Кийосады. Сравнительный анализ твердости якиба показал, что твердость меча № ЗТ-1096 и мечей Хиромицу и Нио Кийосады

практически равны, что дает возможность говорить, что эти мечи относятся по времени изготовления к одному периоду – Кото (старинные мечи).

Оправа меча полностью соответствует офицерскому армейскому мечу, тип 94: рукоять деревянная, обтянутая белой кожей ската (яп. – *самэ*) и обмотанная коричневой плоской тесьмой в стиле «сёнай», который использовался для офицерских мечей¹². На обеих сторонах рукоять имеет под тесьмой штампованные украшения из позолоченной латуни (яп. – *менуки*) в виде трех цветов вишни (яп. – *сакуры*).

Гарнитура рукоятки латунная. Она состоит из навершия (яп. – *кабуто-ганэ*) и муфты (яп. – *фути*), выполненных в технике литья и декорированных рельефным изображением цветов вишни и листьями. Навершие имеет сквозное отверстие, через которое пропускается декорированная латунная петля (яп. – *сарутэ*) для крепления темляка. На головке навершия расположена пятилепестковая сакура с листьями.

Рукоять скреплена с клинком с помощью мекуги, проходящего через отверстие в хвостовике.

Закрепление меча в ножнах осуществляется с помощью зажимной скобы, помещенной у основания рукоятки и сцепленной с устьем ножен, обеспеченных соответствующим пазом.

Ножны состоят из деревянной основы с металлическим покрытием коричневого цвета. Прибор ножен состоит из устья (яп. – *кутиганэ*), обоймиц (яп. – *аси*), полосы металла, что охватывает нижнюю часть ножен (яп. – *сибабики*) и наконечника (яп. – *исидзукэ*). Обоймица представляет собой две металлические полосы, которые изогнуты в виде обручей с концами, стянутыми розеткой в виде раскрывшегося цветка сакуры (яп. – *кадосакуры*), куда вставлено стальное кольцо. Устье и наконечник выполнены в том же стиле, что и детали оправы рукоятки. Длина ножен равняется 720 мм.

Цуба (рис. 7) (аналог европейской гарды) изготовлена из латуни и имеет форму цветка мальвы. Цуба яйцевидная с четырьмя приплюснутыми сторонами, в центре каждой из которых есть заостренный выступ. Внешняя и внутренняя стороны цуба украшены рельефными изображениями четырех цветов сакуры, выполненными в технике ажурной резьбы. Толщина цуба – 7,5 мм.

С обеих сторон цуба размещены прокладки (яп. – *сеппа*) в виде плоских муфт. На цуба и сеппа с одной стороны нанесен номер «53». С другой стороны цуба написаны два иероглифа 神 戸, что обозначает

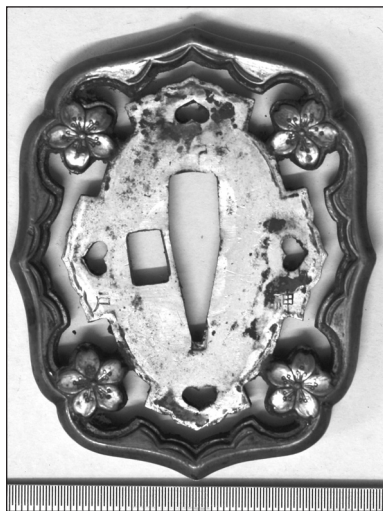

Рис. 7. Цуба

место изготовления цуба – город Кобэ префектуры Хего, расположенной на острове Хонсю.

На ножнах привязан темляк из коричневой и красной тесьмы со скользящим зажимом для кисти. По цвету темляка можно сказать, что владелец меча служил в полевой армии (действующей)¹³.

Меч был передан в Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» командиром батальона 36 стрелковой дивизии 17 армии Забайкальского фронта капитаном Бегишевым Абидом Сафиуловичем. При капитуляции отдельно

го батальона Квантунской армии в городе Чэнчэ (Жэхэ) командир этого батальона Тамио Кобаяси, отдавая меч, обратился к Бегишеву с неожиданной просьбой – сохранить самурайский меч, который являлся семейно-родовой реликвией и никогда не был использован как оружие, а был лишь талисманом, который три столетия передавался от поколения к поколению.

Абид Сафиулович Бегишев родился в 1910 г. в с. Азеево Рязанской обл. В 1932 г. вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. В 1939 г. в звании старшего лейтенанта принимал участие в боях на Халхин-голе как командир взвода. В боях за высоту «Зеленая» заменил раненого командира батальона и возглавил атаку. Назначен командиром батальона 57 стрелковой дивизии 1 армейской группы. В годы Великой Отечественной войны служил на Дальнем Востоке. За участие в боях на Халхин-голе и в разгроме Квантунской армии награжден двумя орденами Отечественной войны 1 степени, двумя орденами Красной Звезды и шестнадцатью медалями.

После демобилизации в 1959 г. Бегишев Абид Сафиулович остался жить в Киеве. Он работал сотрудником ВДНХ Украины. В 1988 г. Тамио Кобаяси посетил Киев, где встретился с тем, кто сохранил его семейную реликвию.

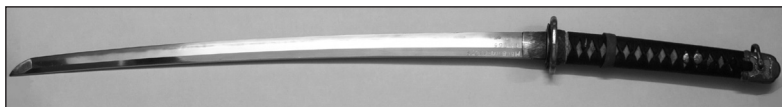

Рис. 8. Меч вольнонаемных служащих армии, тип 94/98, из коллекции Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (инв. № ЗТ 966)

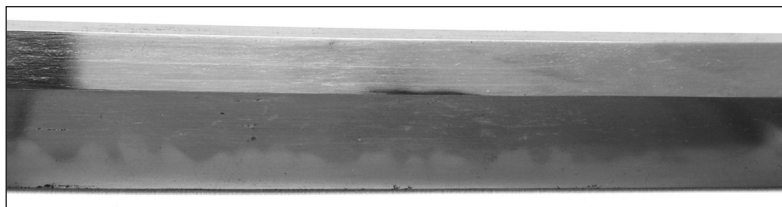

Рис. 9. Хамон клинка

Второй меч из той же коллекции (инв. № ЗТ-966) является мечом вольнонаемных служащих армии периода 1934–1945 гг. (рис. 8)

Клинок стальной однолезвийный и имеет незначительную кривизну. Общая длина меча равняется 788 мм, длина клинка с хвостовиком – 650 мм, длина клинка – 633 мм. Ширина клинка в зоне пяты равняется 25,5 мм, толщина клинка в зоне пяты – 7,7 мм.

Вес клинка составляет 686 г.

На клинке очень четко видна линия хамон (рис. 9). Тип хамон можно определить как «отёдзи-ха мидарэ» (большие бутоны гвоздик в беспорядке).

Хвостовик клинка имеет надпись (яп. – мэй) с двухсторон (рис. 10)–越前者相模字藤原國綱 (Этидзен дзю Сагами-но Ками Фудзивара Куницуна), которая переводится как «житель провинций Этидзен и Сагами – великий мастер мечей Фудзивара Куницуна». Куницуна (настоящее имя Тахей Джо, англ. Tahei Juo) работал с 1648 по 1661 гг.¹⁴ Сначала он жил в провинции Этидзен, потом переехал в город Эдо (современный Токио) провинции Сагами и

Рис. 10. Хвостовик с мэй

стал подписываться как житель двух провинций – Этидзен и Сагами. Мастер Куницуна имел два титула: один из них – «Ками», который можно перевести как «великий мастер мечей» или «начальник кузнецов провинции». Как правило, этот титул не давал реальной власти, а обозначал «лучший», «тот, на кого равняются». В период правления сёгуната Токугавы с XVII в. лучшим кузнецам начали давать почетный титул – Фудзивара, который и получил Куницуна, скорее всего, переехав в Эдо.

Его мечи относятся к группе синто (новые мечи) периода Кэйто (1596–1660).

Помимо надписи хвостовик имеет гравировку в виде тонких параллельных линий, нанесенных под косым углом слева направо в стиле «хидари-судзикай» (слева наискось). На хвостовике сделаны два отверстия. Второе указывает на то, что была заменена рукоять. Скорее всего его сделали для новой оправы син-гунто.

Для подтверждения аутентичности клинка был проведен анализ твердости металла по системе Роквелла (HRC)¹⁵. Было сделано 37 точек измерений, которые проводились в четырех зонах: в зоне коси, в середине клинка, в зоне моноути и на киссаки. В каждой зоне было проведено три группы замеров, по три точки в каждой группе (расстояние между точками замеров в одной группе не превышало 20 мм): возле обуха (яп. – *синоги-дзи*), в основе клинка (яп. – *хада*) и на якиба и один дополнительный в зоне моноути в якиба. После замеров было просчитано среднеарифметическое значение в каждой группе, в результате чего было получено девять основных значений, которые приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Зона измерения	Средняя твердость незакаленной основы клинка у зоне обуха	Средняя твердость незакаленной основы клинка	Средняя твердость закаленного лезвия	Аналоги (твердость закаленного лезвия) ¹⁶	
				Хиротака, II половина XVII столетия	Без подписи, середина XVII столетия
В зоне пятки	10,7	14,2	57,6	42	47
Середина клинка	33,6	23,9	60,1	50	57
Моноути	31,1	20,5	54	47	56
Зона киссаки	32,5	33	51,5	49	48

Большой перепад между твердостью хада и якиба дает основание говорить о том, что клинок был выкован из традиционной

японской стали – тамахаганэ – и закален в традиционной технике – в воде.

По сравнению с замерах твердости мечей XVII столетия мастера Хиротаки и безымянного меча того же периода можно сделать вывод, что твердость, хоть и имеет небольшие отличия, в целом находится в приемлемом диапазоне твердости для подобных мечей этого периода.

Рукоять деревянная, обернутая белой кожей ската и обмотанная коричневой плоской тесьмой в стиле «ката-хинери» (перевернутый один раз). На обеих сторонах рукояти под тесьмой расположены штампованные украшения (яп. – *менуки*) из желтого металла в виде сакуры.

Гарнитура рукояти латунная. Она состоит из муфты, на которой нанесена диагональная штриховка. Навершие имеет сквозное отверстие, через которое пропущена декорированная латунная петля для крепления темляка. Навершие и петля украшены цветами и листьями сакуры.

Ножны меча деревянные, черные, лакированные, обтянутые сверху походным чехлом из коричневой кожи. Чехол для ножен крепляется с помощью откидного клапана на трех кнопках. Для колец подвеса в ножнах сделана прорезь. На ножнах, возле устья есть прорезы для малых ножей: когаи и кодзуки.

Цуба изготовлена из латуни и имеет форму цветка мальвы – яйцеподобная с четырьмя сплюснутыми лопастями. В центре каждой лопасти расположен заостренный выступ. Обе стороны цуба украшены рельефными изображениями четырех цветков сакуры. Толщина цуба 7,5 мм. Цуба изготовлена методом литья без последующей ручной обработки.

Син-гунто (ЗТ-966) был передан в Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» генерал-майором авиации Сергеевым Иваном Сергеевичем, который был награжден японским мечом после разгрома Квантунской армии.

Сергеев Иван Сергеевич родился в 1911 г. в д. Мешково Свободинского района Курской обл. В 1929-м вступает в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Оканчивает Военно-морскую академию. В 1938 г. назначается заместителем командира 14 истребительного авиационного полка Военно-Воздушных сил Тихоокеанского флота. Принимая участие в 1938 г. в боевых действиях против японских

милитаристов в районе о. Хасан, совершил 21 боевой вылет. С декабря 1941 г. по июнь 1943 г. исполняет обязанности заместителя командира бригады, с июля 1943 г. по 1944 г. – помощника командира, а с ноября 1944 г. по декабрь 1945 г. – подполковник, командир 7 истребительной авиационной дивизии Тихоокеанского флота.

В августе – сентябре 1945 г. его дивизия выполняла задачи по прикрытию главной базы Тихоокеанского флота Владивостока и участвовала в прикрытии десанта в Сейсин и Расин. За этот период подполковник лично совершил 25 боевых вылетов.

После войны И.С. Сергеев был переведен в состав Военно-Воздушных сил Черноморского флота, окончил Академию Генерального штаба и занял должность начальника штаба Военно-Воздушных сил Черноморского флота. Сергеев Иван Сергеевич ушел в запас в звании генерал-майор авиации в 1970 году.

Среди наград Ивана Сергеевича – орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, медали «За победу над Германией», «За боевые заслуги».

Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» бережно хранит раритеты древних японских мастеров, представляя оба меча в экспозиции музея, где каждый желающий может посмотреть и оценить мастерство японских кузнецов.

Тема исследования мечей, которые были переданы музеям Украины, России и других республик офицерами Советской армии, получившими их в награду за разгром Квантунской армии, еще не изучена на постсоветском пространстве. Она имеет ряд особенностей – среди музейных работников еще не определен четко статус таких мечей: рассматривать уставные мечи японской армии как военные трофеи, как культурную ценность или как уставное оружие армии противника.

В данный момент большинство японских мечей, хранящихся в военно-исторических, исторических и краеведческих музеях, рассматриваются именно как оружие армии противника, не принимается во внимание, что в уставной военной оправе японских мечей образца 1934/38 гг. могут быть старинные клинки, которые представляют большую культурную и историческую ценность.

¹ Фуллер Р., Грегори Р. Японские мечи: энциклопедия холодного оружия. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 225.

² Дейноров Э. История Японии. М.: АСТ, 2008. С. 685.

³ Dawson J. Swords of Imperial Japan 1868–1945. Cyclopedia Edition. USA, 2007. P. 152.

⁴ Фуллер Р., Грегори Р. Указ. соч. С. 221.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 216.

⁷ Здесь и в дальнейшем описание клинка сделано по: Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. СПб.: «Атлант», 2003.

⁸ Нихон миндзоку дзитэн (Японский этнографический словарь). Токио, 1972; Синва дэнсэцу дзитэн (Японский мифологический словарь). Токио, 1976.

⁹ Интернет-ресурс «Nihonto club»: <http://nihontoclub.com/>

¹⁰ Для измерений использовался прибор ТКМ-459 РЭ. Регламентируется ГОСТ 9013-53.

¹¹ Баженов А.Г. Создание японского меча. СПб: «Бранко», 2009. С. 108.

¹² Фуллер Р., Грегори Р. Указ. соч. С. 58.

¹³ Dawson J. Op. cit. P. 19.

¹⁴ Интернет-ресурс «Nihonto club»: <http://nihontoclub.com/smiths/KUN1604>

¹⁵ Для измерений использовался прибор ТКМ-459 РЭ. Регламентируется ГОСТ 9013-53.

¹⁶ Баженов А.Г. Создание японского меча. С. 108.

О.Р. Кушнир (Санкт-Петербург)

**«ГУМАННЫЕ» УБИЙЦЫ
(О ВЗГЛЯДАХ НАЧАЛА XX ВЕКА
НА ПОРАЖАЮЩУЮ СПОСОБНОСТЬ
ВИНТОВОЧНЫХ ПУЛЬ)**

*Победное «ура» раздаётся громче, чем стоны умирающих.
Эрнст Бергманн, хирург*

КАЖДЫЙ, кто читал повесть Луи Буссенара «Капитан Сорви-Голова», безусловно, заметил, с какой восторженностью в ней говорится об оболочечных пулях к малокалиберным магазинным винтовкам: дескать, «деликатная маузеровская пулька» пронизывает человеческое тело, как игла, отчего рана получается маленькой, неопасной и быстро заживает; «совсем неплохо» чувствуют себя не только раненые, у которых поражена «брюшина» и печень, но и сквозное ранение черепа и головного мозга проходит «даже без мигрени». Столь фантастические утверждения Буссенар передает устами одного из героев повести, говорливого доктора; однако видно, что автор сам находится на стороне «болтуна»: Буссенар прямо ссылается на свидетельство «знаменитого английского хирурга Мак-Корнека»¹.

1

22 мая 1900 г. председатель британского Королевского медицинского и хирургического общества Уильям Мак-Кормак (Mac Cormac) выступил в Королевской хирургической школе с докладом о ранениях в англо-бурской войне. Мак-Кормак, приведя ряд примеров, утверждал, что из-за «незначительной величины» современной пули, быстроты ее полета и «асептичности» (имелось в виду, что пуля не вносит в рану куски одежды, как пули прежних образцов) не только ранения мягких тканей, но даже ранения груди, живота, суставов и повреждения костей часто имеют благоприятный исход; при этом

входное и выходное отверстия «малы и имеют огромную наклонность закрываться», то есть заживать быстро и без нагноения – как говорят медики, первичным натяжением. Поэтому хирургического вмешательства такие раны не требуют; для выздоровления достаточно наложить антисептическую повязку². Мнение Мак-Кормака поддержали многие врачи, в основном английские и немецкие³. Но сразу же нашлись и оппоненты. Пауль Зик (Sick), хирург из Килия, тоже участвовавший в бурской войне, сразу же выразил скептическое отношение к заявлениям Мак-Кормака и К°. По мнению Зика, англичане привели только благополучные исходы и только тех ранений, которые были получены пулями ослабленными, на излете; стремясь описать случаи, «интересные для хирурга», сторонники Мак-Кормака не обратили внимания на «простые» ранения, а также, «преднамеренно или нет», умолчали о том, как много английских солдат, пораженных пулями современных винтовок, погибало сразу же, до начала оказания помощи⁴.

Основательность сомнений в гуманности малокалиберных пуль подтверждается свидетельством немедика. Уинстон Черчилль, во время бурской войны – военный корреспондент, говорил о высокой поражающей способности «пуль Маузера». Он сам видел ранение пулей: «Вся рука была раздроблена – кости, мышцы, кровь, униформа – все перемешалось в ужасную кашу. Внизу висела кисть, неповрежденная, но раздувшаяся раза в три». Черчилль, правда, утверждал, что буры во множестве применяли разрывные пули⁵.

2

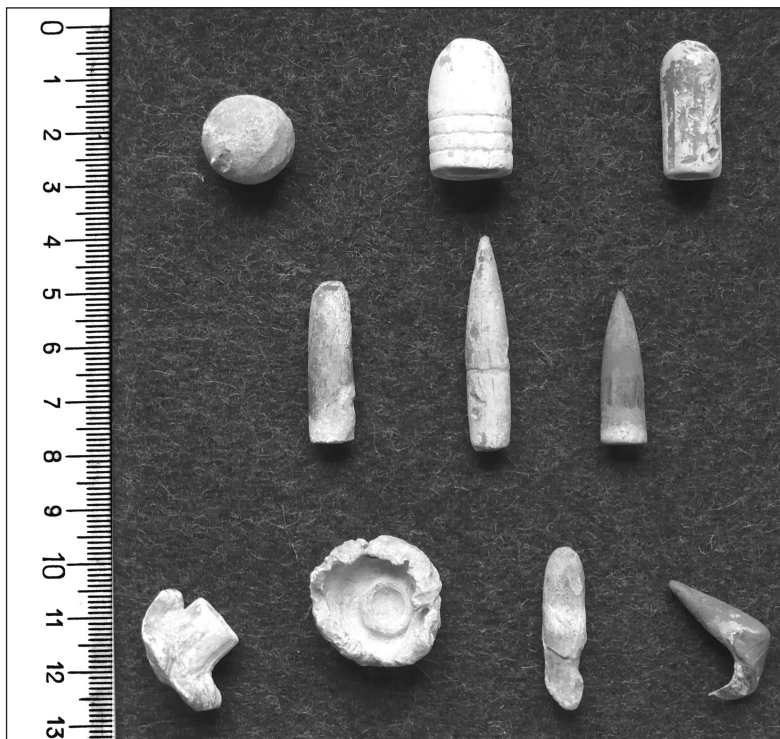
Ранние образцы магазинных винтовок с пулями «малого» – по сравнению с пулями предшествующих систем – калибра появились в европейских армиях во второй половине 80-х гг. XIX в. Первой малокалиберную, 8-мм, винтовку Лебеля на вооружение приняла Франция, в 1886 г.; последней – Россия, 7,62-мм винтовку в 1891 г. В Англо-бурской войне 1899–1902 гг. стороны были вооружены: войска Великобритании – 7,69-мм винтовкой Ли-Метфорда образца 1892 г. и ее модификацией, 7,71-мм винтовкой «Ли-Энфилд» образца 1895 г., буры – 7,92-мм германской винтовкой Маузера образца 1898 г. Оболочка пуль была, в основном, мельхиоровой (никелевой); в германских (а также австрийских) системах могла быть стальной. Пули обладали начальной скоростью полета 620–630 м/с и скоростью вращения в среднем 2,5 тыс. оборотов в секунду. Первые образцы малокалиберных пуль сохраняли форму пуль предшествующего периода: цилиндр

с закругленным (овальным) торцом. С момента принятия на вооружение нового оружия и до англо-бурской войны случилось несколько военных конфликтов, но в некоторых из них (в Гражданской войне в Чили 1891 г., Японо-китайской войне 1894–1895 гг., Греко-турецкой войне 1896–1897 гг.) еще применялись «старые» винтовки, а другие (Итало-эфиопская война 1895–1896 гг., экспедиция англичан в Судане 1896–1898 гг., война США с Испанией 1898 г.) не дали полных сведений о действии новых пуль. Поскольку такие сведения впервые предоставила англо-бурская война, то она и явилась кульминацией радостных отзывов о «гуманности» смертоносного боевого оружия.

Соответственно, споры о щадящем действии малокалиберных пуль начались задолго до англо-бурской войны. Толчком послужил опыт войн 70-х гг. XIX в., в которых параллельно использовались винтовки двух разных «поколений», условно 6-линейные и 4-линейные, и когда стала очевидной разница в характере ранений, наносимых пулями к тем и другим винтовкам. Расширительные 6-линейные пули обладали относительно невысокой начальной скоростью (у русских 6-линейных винтовок – около 340 м/с, зависело от качества пороха), поэтому оказывали «рвущее» действие на ткани и сильно раздробляли кости конечностей; кроме того, 6-линейные пули изготавливались из обычного свинца, отчего имели склонность к деформации и распадению, особенно при встрече с костями. Кроме того, такие пули часто наносили так называемые «опоясывающие» ранения: встретившись с твердой преградой – костями или даже плотными слоями мышц – пули не пробивали, но «обходили» препятствия, усложняя раневой канал. За эту особенность, затрудняющую поиск пуль, медики не любили, кстати, и круглые пули к гладкоствольным ружьям, которые тоже рвали ткани, но почти не деформировались.

Пули уменьшенного, 4-линейного, калибра, штамповавшиеся из свинца «твердого» сплава (95 % свинца и 5 % сурьмы), деформировались только при встрече с костями, не распадались и, обладая большей начальной скоростью (у 4,2-линейной винтовки Бердана – около 420 м/с), не рвали, но «пронизывали», отчего сквозные ранения даже внутренних органов, по мнению врачей, заживали лучше⁶.

Принятие на вооружение патронов с пироксилиновым порохом, повысившим начальную скорость полета, и пулями еще меньшего калибра, 3-линейного, с оболочкой, очевидно, должно было только увеличить легкость ранений. Так решили медики 80-х гг. XIX в. «Я приветствую новые пули с великой радостью и полагаю, что, в

Верхний ряд (слева направо): круглая пуля к 7-линейным гладкоствольным ружьям первой половины XIX в.; пуля к русским 6-линейным винтовкам, 1850–1870-е гг.; пуля к 4,2-линейной винтовке Бердана, конец 1860-х–1880-е гг.

Средний ряд – оболочечные пули к магазинным винтовкам: пуля обр. 1891 г. к русской 7,62-мм винтовке; пуля обр. 1904 г. к 8-мм французской винтовке Лебеля; остроконечная пуля обр. 1908 г. к русской 7,62-мм винтовке

Нижний ряд – деформированные пули: две пули к винтовке Бердана; пуля к русской 7,62-мм винтовке обр. 1891 г. (сорвана задняя часть оболочки); пуля к русской 7,62-мм винтовке обр. 1908 г. (задняя часть смята в результате рикошета)

случае принятия этого прекрасного снаряда на основании международного соглашения, все человечество может поздравить себя с этим». Сие заявил в 1885 г. немецкий хирург Регер. Немцы сочли, что «панцирные» пули даже в костях будут оставлять всего лишь «отверстия с гладкими краями», почему и дали таким пулям название «гуманные». Судя по всему, впервые это сделал в 1889 г. Брунс, хирург из Тюбингена⁷.

Но первые же опыты того времени развеяли атмосферу оптимизма. Оказалось, что новые пули обладают «страшным» разрывным действием на кости и внутренние органы, легко деформируются и «разрезают» кровеносные сосуды, приводя к смертельным кровотечениям. Подобная «гуманность» была настолько впечатляюща, что стали даже раздаваться голоса в «защиту» прежних пуль перед новыми. Так, на примере одного ранения в живот во время Греко-турецкой войны 1896–1897 гг., закончившегося выздоровлением раненого, доказывалось: там, где «старая» пуля лишь «опоясала» кишечные петли, «панцирная» пробила бы их, вызвав перитонит и смерть⁸. Но тогда, в 80-е–90-е гг., эти голоса услышаны не были. Опыты, проведенные над животными и над трупами, не убедили, сведения о воздействии новых пуль на живых людей были отрывочны; а главное, вооружение малокалиберными винтовками соответствовало «взглядам правительственных сфер», против чего, естественно, любые доводы были бессильны.

3

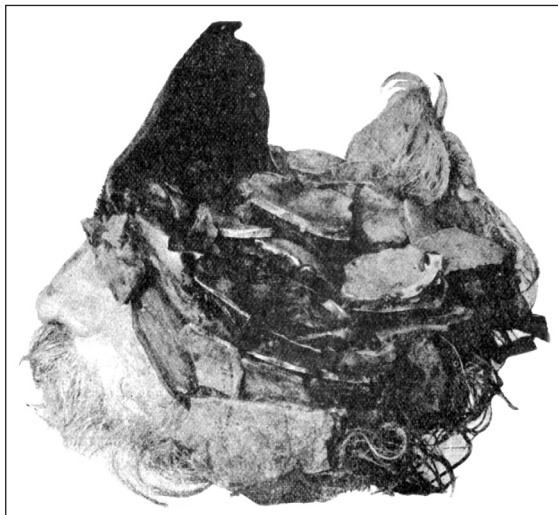
Русские врачи внимательно следили и за экспериментами с новыми пулями, и за войнами рубежа веков. Поскольку не было собственного опыта, русские не становились ни на одну из сторон, хотя более склонялись, судя по всему, к мнению о «жестокости» пуль. Как сказал врач Финляндского артиллерийского полка А.И. Федоров, «многие уже разочаровались в гуманности современного оружия и добра от него не ожидают»⁹. В 1902 г. врач 10-го гренадерского Малороссийского полка К.И. Замуравкин попытался объективно рассмотреть поражающие особенности оболочечных пуль. Собрав все имеющиеся сведения, он (пока теоретически) нашел следующее. «Хороши» новые пули были тем, что не задерживаются в тканях, меньше деформируются, чем прежние, ранения получаются менее обширными. Однако отрицательных сторон было больше. Во-первых, общее число раненых в бою увеличивалось из-за усовершенствования винтовок. Ранения жизненно важных органов стали «многочисленнее»

(видимо, имелось в виду – чаще) и «серьезнее». Предполагалось, что кровотечения из крупных сосудов будут сильнее, именно из-за «режущего» эффекта новых пуль. Деформирование новых пуль, хоть и встретится реже, однако будет опаснее, чем у старых пуль. Но и редкость деформирования новых пуль – относительна: по опытам, на дальности стрельбы до 1200 м деформировалось не менее 21,5 % пуль. Кроме того, доказывалось, что не следует принимать за правило случаи, когда пуля встречается с целью под прямым углом: пули в полете могут «кувыркаться» и попадать в тело плашмя, нанося при этом обширные и очень опасные раны. Наконец, разрушительное действие новых пуль на близких расстояниях было сильнее, чем старых, а на дальних дистанциях (до 1500 шагов) – оставалось значительным¹⁰.

Русско-японская война обострила контroversы на тему гуманности пуль уже в России. Тот же Замуравкин, получив практику в харбинском госпитале, резко качнулся в сторону Мак-Кормака и впоследствии настаивал на «гуманности»¹¹. Все же русские поддерживали Мак-Кормака больше в частных вопросах. Говоря об отказе от оперативного вмешательства, Мак-Кормака в первую очередь имел в виду лапаротомию (чревосечение). В XIX в. эта операция считалась обязательной, ибо только в ней видели спасение для получившего одно из самых опасных ранений – в живот. Увидев благоприятные исходы ранений в живот новой пулей, Мак-Кормака счел, что незачем изнурять раненый организм еще и операцией. Именно в этом он нашел поддержку своих английских и немецких коллег; врач 7-го полевого госпиталя в Маньчжурии А.П. Морковитин и Р.Р. Вреден, во время японской войны главный хирург русской армии в Маньчжурии, тоже соглашались с этой идеей¹².

Был в России и свой «Буссенар». Н.Г. Гарин-Михайловский тоже исповедовал «гуманность» пуль, приводя в своем военном дневнике 1904 года потрясающие случаи: солдату пуля попала «в висок», пробила «насквозь» и вылетела – «скользнула под глазом и вышла в другую щеку»; при этом вид у раненых «бодрый, веселый», а тот, с простреленной головой, «весело щурится» и обещает скорую победу над японцами¹³.

Но в целом оценка пулевых ранений в России чаще была со знаком «минус», поскольку русские врачи отнеслись к вопросу более ответственно, чем их западные коллеги. Мак-Кормака утверждал, что перестрелка из винтовок ведется на расстоянии 1000 ярдов, «самый

Поражение человеческого черепа 8-мм пулей с расстояния 50 м. Опыты над трупами (из книги И.С. Блюха «Будущая война», т. V, СПб., 1898 г.)

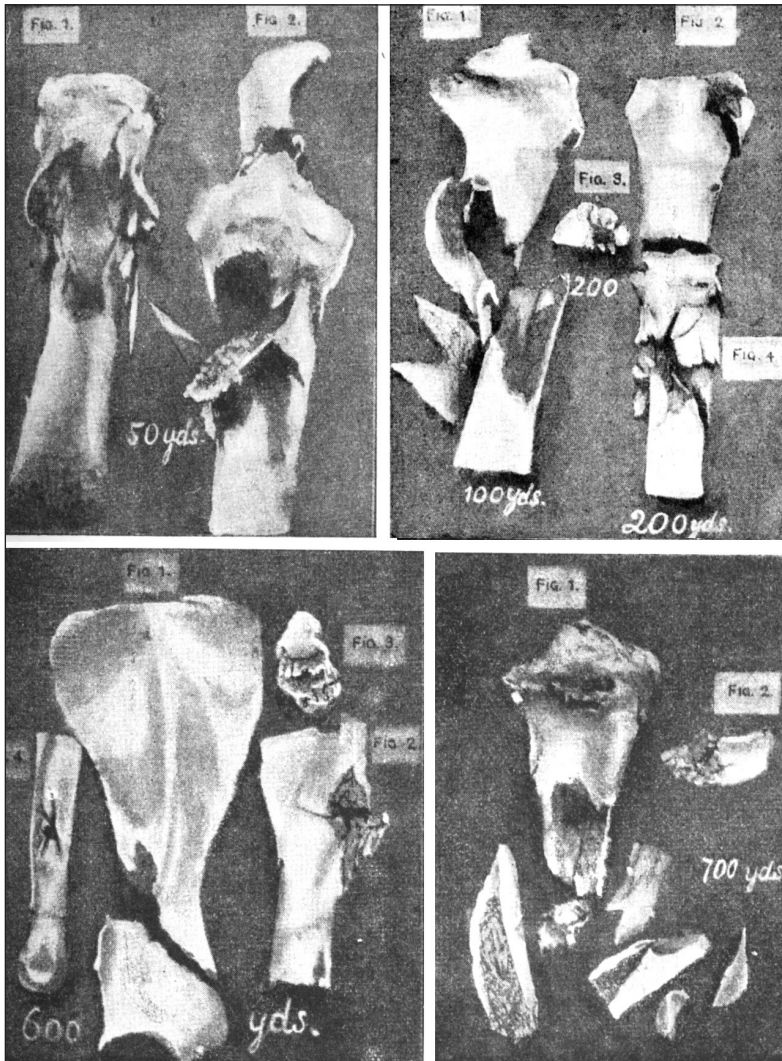

Поражение человеческого черепа 8-мм пулей с расстояния 1200 м. Опыты над трупами (из книги И.С. Блюха «Будущая война», т. V, СПб., 1898 г.)

обычный случай»¹⁴. Врач лазарета 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии Э.Ю. Остен-Сакен выяснил, что в сражениях 1904–1905 гг. основное количество ранений получено с 500 шагов (46 %), а на расстояние 500–1000 шагов пришлось только 28 % ранений¹⁵. Снайперская стрельба буров на километр не могла изменить общей тенденции стрелкового боя: несмотря на все усовершенствования винтовок, прицельный огонь в основном ведется в пределах 500 м, т. е. на дистанции, когда глаз различает человеческую фигуру. Недаром после войны, в 1906 г., в «Наставление для обучения стрельбе» внесли поправку: обучать глазомерному определению расстояний не стоя, а «главным образом» сидя и лежа¹⁶. При стрельбе лежа поле зрения предельно ограничено. Ровно десять лет спустя, уже по опыту мировой войны, высота постоянного прицела для 3-линейной винтовки была понижена с 560 до 200 шагов¹⁷. Интересно, что уменьшить дальность прямого выстрела с 400 до 350 м предлагали и после Великой Отечественной войны, в 1945 и 1946 гг.¹⁸

Главным аргументом «антигуманистов» был следующий: оболочечная малокалиберная пуля за счет мощности удара и скорости вращения наносит на близких дистанциях тяжелейшие ранения. Один из самых стойких противников «гуманности», Р.Р. Вреден, утверждал, что на дистанции до 200 шагов сила удара пули такая, что получается «разрывной» эффект. Поэтому ранения черепа на таком расстоянии смертельны, трубчатые кости разрушаются, внутренности «страшно разрываются»: желудок «разлетается в клочья», кишечные петли не только разрываются в поперечном направлении, но и отрываются от брыжейки, в печени, селезенке, почках возникают «обширнейшие разрушения». В результате ранения имеют «безотрадное» предсказание, и раненые «не портят статистики» врачам, умирая сразу. «Бой этот (под Тюренченом, или на р. Ялу. – О. К.) может служить наилучшей иллюстрацией фарисейства и ханжества людей, рассуждающих о прогрессе, успехе цивилизации и о каком-то *гуманном* (?) оружии». «Я вам писал уже об относительно гуманных японских ружейных пулях; но эта *гуманная пуля* дает *приблизительно на трех раненых одного убитого* (курсив и пунктуация подлинника. – О. К.)»¹⁹

Во время войны и русские, и японцы обвиняли друг друга в применении разрывных пуль. Отчасти это не было лишено основания. Кроме 6,5-мм винтовки Арисака с закругленной пулей, японцы использовали более ранний образец, 8-мм винтовку Мурата, пуля к которой имела тупоконечную, как бы срезанную, вершущу, что

Поражения лошадиных костей оболочечными малокалиберными пулями (из книги И.С. Блюха «Будущая война», т. V, СПб., 1898 г.)

увеличивало «рвущий» эффект. Вероятно, именно пули Мурата вызвали соответствующую реакцию русских солдат. Н.Г. Гарин-Михайловский в своем «Дневнике» 1904 г. отметил: «Доктора рассказывали

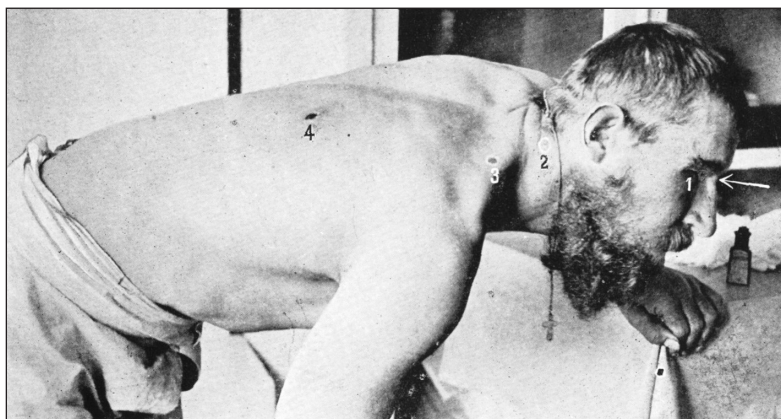
мне, что попадают солдатики, которые мечтают о напильниках, чтобы подпиливать пули и усиливать таким образом их силу»²⁰. Врач В.В. Сиземский, начальник хирургического отделения госпиталя Мариинской общины Красного Креста в Порт-Артуре, однако, утверждал, что взаимные обвинения беспочвенны, дело именно в стрельбе на близких дистанциях, а также в настильности огня и скорострельности. Кроме этого, русские врачи отметили факт распада современных пуль, точнее, срыв оболочек с сердцевины; это случалось настолько часто, распавшиеся пули наносили такие тяжелые ранения, что еще и поэтому сложилось мнение: пули японцев – разрывные²¹. Наконец, было рассмотрено значение деформации пуль при рикошетах, причем утверждалось (Вреден), что «вторичное» действие такой пули, как правило, смертельно, так как деформированная пуля близка по форме к шрапнельной пуле²².

Заметно довольно небрежное отношение врачей бурской войны и некоторых русских к проблеме внутренних кровотечений. Пауль Зик заявлял, что такие кровотечения – редкость²³; другие о них вообще не упомянули. Медик с громким титулом – «заслуженный профессор госпитальной хирургической клиники Московского университета, совещательный член военно-медицинского ученого совета» – Л.Л. Левшин, изо всех сил стремясь доказать, что при современных ранениях обильных кровотечений почти не встречается, и «смерть от истечения кровью должна быть редка на поле сражения», утверждал, что редки и внутренние кровотечения²⁴. При этом, кровотечения – второй по важности аргумент «антигуманистов». Врач Скерневицкого местного лазарета (Варшавская губерния) М.Г. Штейнберг вновь обратил внимание врачей на поражения кровеносных сосудов: если старая пуля могла «отодвигать» сосуд, панцирная его «режет» или выбивает часть стенки, образуя аневризму²⁵.

Врачи бурской войны, выступая против операций, упустили важный фактор пулевого ранения. Пуля крайне неустойчива в полете, поэтому при попадании в тело – при резкой смене плотности окружающей среды – пуля опрокидывается, «кувыркается», отчего раневой канал получается значительно больше калибра пули. Из русских врачей об огромном раневом канале сказали Штейнберг (он его назвал «разрывной полостью») и Сиземский²⁶. Кстати, поэтому последний (вслед за Морковитиным) выступал категорически против выжидательного лечения. Сиземский считал: поскольку неизвестно, какие именно повреждения пуля нанесла внутри, то это нельзя

**Множественные сквозные
ранения оболочечной пулей,
1915 г.**

**(из журнала «Вестник
офтальмологии», т. XXXIII,
1916 г.)**

назвать «лечением», это именно «выжидание» – справится организм или нет²⁷.

«Антигуманistas» прошились и по склонности врачей к казуистике благоприятных исходов. Еще Зик сдержанно высмеял сказочные истории о цветущих раненых и их молниеносных выздоровлениях и был убежден: те, кто восхищается счастливыми выздоровлениями, невольно «пытаются ввести в заблуждение относительно ужасов производимого войной несчастья». Некоторые случаи японской войны тоже выглядели странно: например, солдат, раненый пулей в грудь,

выписан через шесть дней потому, что «считает себя здоровым»²⁸. Впрочем, сами врачи (Замуравкин, например) признавали неполноту представленных сведений. Несколько месяцев, прошедших после окончания войны с Японией, дали возможность проследить судьбу «счастливых» раненых. Штейнберг подчеркивал: упускается из виду, что выздоровевшие остаются калеками на всю жизнь. Сиземский пошел еще дальше, заявив, что хорошее состояние больного – видимость, оно постоянно изменяется, и даже при внешней бодрости симптомы болезни остаются; а раненые в грудь после «выздоровления» страдают – и умирают – от грудных заболеваний²⁹.

В итоге врачи обеих лагерей не смогли переубедить своих контрагентов, и каждый остался при своем мнении насчет гуманности пуль. Однако этому паритету оставалось существовать очень недолго. В.В. Сиземский, говоря о крайней бесчеловечности современной войны, в которой противник стремится как можно больше уничтожить, а остальных – запугать, назвал малокалиберную пулю «последним словом жестокости» и предрек: она останется на вооружении «ровно до тех пор, пока не появится, не будет изобретено что-нибудь более жестокое»³⁰. Не прошло и полугода после окончания войны с Японией, как в России стало известно, что немцы вводят для винтовки Маузера новый патрон, с увеличенным зарядом и остроконечной пулей³¹. Теперь предстояло узнать, насколько «гуманными» будут пули новейшие.

4

Что касается кажущейся пристрастности Мак-Кормака, вдохновившего Буссенара, то следует признать: английский хирург действительно привел слишком радужные и эффектные примеры. Один раненый «пробежал 800 ярдов после сквозной раны груди», другой «с простреленным легким курил свою трубку на другой день» и просился домой к жене. Правда, Мак-Кормака в докладе не говорил об излечении простреленных черепов, здесь Буссенар дал волю писательскому воображению. Но и в приведенных случаях содержится намек на то, что выздоровление в данном случае – счастливая случайность. Так, один раненый в живот выжил, избежав перитонита – но только потому, что сам был врачом и знал, что нельзя пить; два солдата, раненные так же и лежавшие вместе с тем врачом, не сумели перетерпеть жажду и, попив, умерли. Доводы Мак-Кормака в некоторых случаях весьма зыбки, ибо приводятся в сослагательном наклонении: «Я не сомневаюсь, что этот больной поправился бы

и без хирургического вмешательства». В конце доклада Мак-Кормак делает заявление, не столько революционное, сколько легкомысленное: «Первичное повреждение и последующие страдания, теперь переносимые, кажутся ничтожными по сравнению с тем, что было прежде»³².

Возможно, англичанам действительно надо было как-нибудь развеять атмосферу подавленности от тяжелой войны. Нам же здесь видится аналог ситуации из истории отечественной военной медицины. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 г. С.П. Боткин очень неодобительно отзывался о беспорядках, царящих в военно-медицинской части, и сожалел, что Н.И. Пирогов восхищается медицинской «администрацией», «поет дифирамбы», получаясь, прикрывая своим именем все злоупотребления. Боткин объяснял это преклонным возрастом Пирогова³³. Очевидно, та же трансформация произошла и с личностью Мак-Кормака. Последний начинал военным хирургом еще во время Франко-прусской войны 1870–1871 г. Первое впечатление о действии пуль того времени стало для 35-летнего Мак-Кормака самым сильным: из виденного им тридцать одного раненого пулей в грудь француза умерли 17³⁴. Далее во взглядах Мак-Кормака наблюдается конформизм, некое послушное следование медицинской «моды». Во всяком случае, Мак-Кормак никогда не был первооткрывателем, он только следовал идеям, которые «пробили» другие. Так, после франко-прусской войны стал апологетом получившей «права гражданства» листеровской антисептики. А в 1900 г. горячо выступил против ампутаций, проведение которых в 1870-е гг. признавал «аксиомой»³⁵. То же и с чревосечениями: Мак-Кормак раньше считал их обязательными, но стоило после войны 1898 г. появиться статье американского профессора Нэнкрида (Nancrede), с той же энергией стал на лапаротомию нападать. В 1900 г., будучи председателем Медицинского и хирургического общества, сэр Уильям уже имел возможность подкреплять личное мнение научным и административным авторитетом. В общем же – получился последний отклик человека девятнадцатого века, которому предстояло вступить в эпоху войн века двадцатого.

¹ Буссенар Л. Капитан Сорви-голова. Л.: Лениздат, 1983. С. 52–54.

² Певницкий А. Об огнестрельных поражениях в англо-бурскую войну // Военно-медицинский журнал, 1900. Август.

³ Bruns. Новые данные с театра войны об огнестрельных ранах // Там же.

⁴ Sick P. Об огнестрельных ранениях в бурской войне // Там же. Сентябрь.

- ⁵ Черчилль У.С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900 гг. М.: Эксмо, 2004 С. 360, 450.
- ⁶ О быстром заживлении проникающих огнестрельных ран // Военно-медицинский журнал. 1868. Январь. С. 18; Слежановский Е. К вопросу о заживлении сквозных огнестрельных ран груди. Экспериментальное исследование // Там же. 1880. Февраль. С. 187, 188, 203; Таубер А.С. Военно-санитарные заметки за время турецкой кампании 1877–1878 годов // Там же. Март. С. 317; Борнгаупт, Вельяминов. Из полевой хирургии на Кавказе в кампанию 1877–78 года // Там же. 1878. Декабрь. С. 574–575.
- ⁷ Блиох И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. V. СПб., 1898. С. 460.
- ⁸ Тиле В.А., Гаген-Торн И.Э. Хирургическая деятельность отряда русского Красног Креста в Афинах в греко-турецкую войну 1897 г. // Военно-медицинский журнал. 1902. Сентябрь. С. 2601.
- ⁹ Федоров А.И. К вопросу о ранениях (револьверною) пулею офицерского револьвера образца 1895 года // Там же. 1904. Март. С. 710.
- ¹⁰ Замуравкин К.И. Ранения панцирными пулями по современным данным // Там же. 1902. Ноябрь. С. 4081, 4083–4084.
- ¹¹ Замуравкин К.И. К характеристике огнестрельных ранений японскими пулями // Там же. 1905. Март.
- ¹² Морковитин А.П. К вопросу о лечении огнестрельных проникающих ран брюшной полости в военно-полевой хирургии // Там же. 1901. Апрель; Вреден Р.Р. О проникающих ранениях брюшной полости и их лечении на войне // Там же. 1905. Март. С. 453.
- ¹³ Дневник во время войны / Гарин-Михайловский Н.Г. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1986 С. 308.
- ¹⁴ Певницкий А. Указ. соч. С. 2272.
- ¹⁵ Остен-Сакен Э.Ю. К общей характеристике ранений в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. 1908. Август. С. 634.
- ¹⁶ Приказ по военному ведомству № 271 от 29 апреля 1906 г.
- ¹⁷ Приказ по военному ведомству № 218 от 29 апреля 1916 г.
- ¹⁸ К вопросу о стрелковом оружии // Военный вестник. 1946 № 19–20, октябрь. С. 13.
- ¹⁹ Вреден Р.Р. Указ. соч. С. 451; Письма главного хирурга Маньчжурской армии Р.Р. Вредена // Военно-медицинский журнал. 1904. Ноябрь. С. 562, 566.
- ²⁰ Гарин-Михайловский Н.Г. Указ. соч. С. 305.
- ²¹ Барт В.К., Таубер А.С. К вопросу об употреблении японцами разрывных пуль // Военно-медицинский журнал. 1905. Февраль. С. 329; Гармашев В.П. К вопросу о ранениях японскими пулями // Там же. 1904. Апрель.
- ²² Вреден Р.Р. Указ. соч. // Военно-медицинский журнал. 1905. Апрель. С. 685; Виолин Я.А. К казуистике огнестрельных ранений на войне // Там же. 1906. Декабрь. С. 646.
- ²³ Sick P. Указ. соч. С. 2574.
- ²⁴ Левшин Л.Л. Неверное описание предложенной мною первой (временной) повязки для пулевых ран и ошибочная передача мнения проф. Стивенсона о первичных кровотечениях, допущенная автором библиографического очерка, подписанного «L' homme qui lit» // Военно-медицинский журнал. 1904. Декабрь. С. 776–778.
- ²⁵ Штейнберг М.Г. Предварительные итоги русско-японской войны с хирургической точки зрения // Там же. 1906. Апрель. С. 695–699.
- ²⁶ Сиземский В.В. Очерки врачебного и хирургического дела в Порт-Артуре во время русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Там же. 1908. Август. С. 602.
- ²⁷ Там же / Военно-медицинский журнал. 1908. Июль. С. 427.
- ²⁸ Остен-Сакен Э.Ю. Указ. соч. // Военно-медицинский журнал. 1908. Сентябрь. С. 41.

²⁹ Сиземский В.В. Указ. соч. / Военно-медицинский журнал. 1908. Август. С. 603.

³⁰ Там же // Военно-медицинский журнал. 1908. Июнь. С. 238, 907–908.

³¹ Военно-медицинский журнал. 1906. Январь. С. 208.

³² Певницкий А. Указ. соч. С. 2275, 2273, 2282.

³³ Боткин С.П. Письма из Болгарии 1877 г. СПб.,: 1893. С. 336. Видимо, недовольство Пироговым за его мнение, что в турецкую войну все обстояло значительно лучше, чем в Крымскую, было слишком явно и сильно, так как в книге «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг.» Пирогов весьма сдержан, избегает сравнивать эти две войны, а в некоторых местах отзывается о работе медицины в русско-турецкой войне отрицательно.

³⁴ Слежановский Е. Указ. соч. С. 199.

³⁵ Беневоленский. Огнестрельные раны колена и повязка профессора Бергманна // Военно-медицинский журнал. 1878. Октябрь. С. 296.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Данков Михаил Юрьевич – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, действительный член Русского Географического общества

Джиоева Анна Рослановна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Дроздова Елена Ефимовна – Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, доктор исторических наук

Дуров Иван Герасимович – с. Репенка Белгородской обл., доктор исторических наук, кандидат военных наук

Егоров Андрей Михайлович – Псковский филиал Академии ФСИН России, полковник внутренней службы, доцент, кандидат исторических наук

Ефимов Сергей Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук

Ефремов Дмитрий Сергеевич – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, студент

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (далее – ВММ) (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук

Запорина Марина Владимировна – «Осташёвский центр творчества и досуга «Солнышко» (с. Осташево Волоколамского р-на Московской обл.)

Игнатенко Игорь Михайлович – Научно-исследовательский центр Охранной археологической службы Украины «Древности Полесья» (Чернигов, Украина), научный сотрудник

Игошин Константин Георгиевич – Государственный исторический музей (Москва), старший научный сотрудник

Ильина Татьяна Николаевна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Кириленко Елена Юрьевна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), начальник отдела, ведущий научный сотрудник, кандидат культурологии

Кирилов Михаил Николаевич – Санкт-Петербургский Военно-морской институт, заместитель начальника факультета

Клейн Эдуард Григорьевич – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), кандидат культурологии, доцент

Клишин Алексей Николаевич – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, доцент, кандидат технических наук

Ковалев Сергей Николаевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (далее – НИИ военной истории) (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук

Колотушкин Валерий Геннадьевич – Государственный архив новейшей истории Новгородской области, заведующий отделом

Комолов Николай Анатольевич – городская администрация Воронежа, ведущий специалист отдела, кандидат исторических наук, доцент

Коновалов Александр Федорович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук

Коришунов Эдуард Львович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), начальник отдела

Косточкин Илья Валерьевич – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, научный сотрудник

Кочуков Сергей Анатольевич – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор исторических наук, доцент

Кривошей Александр Петрович – Информационно-аналитическое агенство «Кріалл» (Киев, Украина), директор, кандидат исторических наук

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник

Кулинский Александр Николаевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), главный хранитель оружейных фондов, профессор ЮУрГУ

Курочкин Алексей Юрьевич – Москва, историк

Курсанина Наталия Леонидовна – Национальный военно-исторический музей Украины (Киев), начальник отдела

Кушниц Олег Русланович – ВММ (Санкт-Петербург), научный сотрудник

Михайлов Андрей Александрович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, доцент

Рупасов Александр Иванович – Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук

Щерба Александр Николаевич – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Данков М.Ю.</i> Путь в Арктику и военнопленные Первой мировой войны: новые источники (О строительстве Мурманской железной дороги в 1914–1917 годах).....	3
<i>Джиоева А.Р.</i> Музыканты Артиллерийского полка начала XVIII века (По материалам ВИМАИВиВС 1704–1712 годов).....	21
<i>Дроздова Е.Е.</i> Социально-психологический аспект проектирования стрелкового оружия в России в начале XX века	35
<i>Дуров И.Г.</i> Пенсионное обеспечение военных врачей в Российской империи в XVIII веке	48
<i>Егоров А.М.</i> Пограничная война с контрабандизмом на территории Псковского края в 20-е – 30-е годы XX века.....	79
<i>Ефимов С.В.</i> Английский шпион и мазепинская измена. Эпизод из истории Великой Северной войны (1700–1721)	90
<i>Ефимов С.В.</i> Короли и святые. Западноевропейские мечи XV–XVII веков в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.....	119
<i>Ефремов Д.С.</i> Развитие британских тяжелых ромбовидных танков серии MARK, их особенности и опыт применения	146
<i>Журавлев Д.А.</i> Британские моряки в лечебных учреждениях Северного флота в годы Второй мировой войны	157
<i>Запорина М.В.</i> Георгиевские кавалеры Константиновичи на фронтах Великой войны	162
<i>Игнатенко И.М.</i> Черниговские пушки XVII–XVIII веков	184
<i>Игошин К.Г.</i> Развитие боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн	194
<i>Ильина Т.Н.</i> Материалы Трофейной комиссии в собрании ВИМАИВиВС.....	211

<i>Кириленко Е.Ю.</i> Ученый хранитель фондов Артиллерийского исторического музея	250
<i>Кирилов М.Н.</i> Национальные мусульманские части в годы Первой мировой войны (Текинский и Татарский полки)	265
<i>Клейн Э.Г.</i> Деятельность военных капельмейстеров в Костромской губернии в годы Первой мировой войны	277
<i>Клишин А.Н.</i> Абордажные пистолеты-револьверы образца 1870 г. производства Н.И. Гольякова	284
<i>Ковалев С.Н., Михайлов А.А., Щерба А.Н.</i> Опыт создания и функционирования военно-политических союзов с участием России (СССР) в XX веке и его значение для современности	292
<i>Колотушкин В.Г.</i> Партизанское движение в Ленинградской области в 1941–1944: рейдовая тактика партизанских формирований	310
<i>Комолов Н.А.</i> Государственная деятельность высших военачальников в среднем Придонье в контексте строительства военно-морского флота и военных конфликтов (конец XVII – конец XVIII веков).....	321
<i>Коновалов А.Ф.</i> Подготовка офицерских кадров в кадетских корпусах России накануне и в ходе Первой мировой войны.....	334
<i>Коровин В.В.</i> От Курска до Прибалтики: из истории боевого пути 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков в 1914–1916 годах	344
<i>Кориунов Э.Л., Рупасов А.И.</i> «Только для будущих историков»	353
<i>Косточкин И.В.</i> Молодинская кампания 1572 года. Тактика, стратегия, войско	378
<i>Кочуков С.А.</i> Русско-турецкая война 1877—1878 годов в отражении периодической печати	390
<i>Кривошей А.П.</i> Структуры военной повседневности женщин казацкого Запорожья в украинской историографии второй половины XIX века	403
<i>Кручинин А.С.</i> Н.Н. Юденич, С.Н. Булак-Балахович и стратегия Северо-Западной армии	412
<i>Кудзеевич Л.В.</i> Действия отряда графа И.К. Орурка в Сербии в 1810 году	428
<i>Кулинский А.Н.</i> Коллекционеры оружия в Варшаве и Варшавской губернии.....	441

<i>Курочкин А.Ю.</i> Холодное оружие в традиционной воинской подготовке в Индии в 1500–1800 годах	478
<i>Курсанина Н.А.</i> Старинные японские клинки в армейских мечах типа 94/98 (образец 1934/38 годов)	489
<i>Кушниц О.Р.</i> «Гуманные убийцы» (О взглядах начала XX века на поражающую способность винтовочных пуль)	503
Сведения об авторах	518

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронeko*
Верстка: *В.И. Хоронeko*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 5.05.2014.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16,5.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Для заметок

Для заметок

Для заметок